

Империя степей
История Центральной Азии

Ренэ Гроссе

Перевод с французского Вила Мирзаянова

Предисловие

Аттила, Чингиз-хан, Тамерлан: эти имена у каждого в памяти. Рассказы о них, написанные западными и китайскими или персидскими летописцами, стали причинами распространения их славы. Великие варвары вторглись в страны развитой цивилизации и внезапно, в течение нескольких лет, превратили римский, иранский или китайский миры в груды развалин. Их приход, мотивы и исчезновение кажутся необъяснимыми настолько, что историки сегодня близки к принятию вердикта старых исследователей, которые видели в них божью кару, нипосланную в наказание этим древним цивилизациям.

Тем не менее, никогда эти люди не были детьми земли больше, чем они, никто не был больше, чем они, естественным продуктом своего окружения; однако, их побудительные мотивы и причудливые изгибы их поведения приобретают ясность только тогда, когда мы стараемся понимать образ их жизни. Эти низкорослые, коренастые тела – непобедимые, поскольку они могли выживать в таких суровых условиях – были образованы степью. Жестокие ветры высоких плато, суровый мороз и гнетущий зной выстругали их лица с их складчатыми глазами, выпуклыми щеками и редкими волосами и закалили их мускулистые тела. Требования пастушьей жизни, диктуемые сезонными передвижениями в поисках пастбищ, определяли их специфическое кочевничество и крайности их кочевой экономики диктовали их отношения с оседлыми народами: отношения, состоящие из череды робких заимствований и кровавых вторжений.

Три или четыре азиатские кочевые народы, которые накинудись на нас для того, чтобы разорвать на плетенную сеть истории, представляются нам исключительными из-за нашей неграмотности. В то время как три из них совершили потрясающий подвиг, став в ряды завоевателей мира, сколько же другие аттилы и чингиз-ханы потерпели поражение? Потерпели поражение, то есть, достигли лишь создания ограниченных империй, охватывающих четверть Азии от Сибири до Желтой реки, от Алтая до Персии – достижение, которое, тем не менее, должен признаваться в таких масштабах. Я хотел бы довести до вашего

сознания этот великий варварский народ, которым правили три величайшие фигуры – Аттила, Чингиз-хан, Тамерлан – как они прошагали через десять столетий истории, от границ Китая до границ Запада.

Проблема варваров должна быть установлена точно. Классический мир встречался со многими видами варваров, то есть, народов, так названных их соседями. Кельты были варварами для римлян в течение долгого времени также, как и германы для Галлии, и славянский мир – для Германии. Аналогично, земли, впоследствии известные как южный Китай, долгое время оставались страной варваров для туземных китайцев Желтой реки. Однако из-за географических условий во всех этих регионах, которые наложили земледельческий образ жизни на их обитателей, они выросли из их отсталости, чтобы стать преимущественно идентифицируемыми с такой жизнью так, чтобы ко второй половине средневековья почти вся Европа, Западная Азия, Иран, Индия и Китай достигли одной и той же ступени материальной цивилизации.

Однако, одна важная область миновала из этого процесса – широкий пояс, простиравшийся через северную часть Центральной Азии от границ Маньчжурии до Будапешта. Это степная зона, вклинивающая вдоль ее северных краев в сибирские леса. Географические условия здесь позволяли лишь немного полосок для земледелия и поэтому ее обитатели были вынуждены вести пастуший, кочевой образ жизни, который остальное человечество знало тысячелетиями ранее в конце неолитического периода. Действительно, некоторые из этих племен – те, которые находились в лесной зоне – оставались на ступени культуры магдалинских охотников. Таким образом, степной и лесной регионы оставались запасником варварства – не в понимании, что здешние люди были низшими по сравнению с людьми остального человечества, а из-за географических условий вынужденных вести образ жизни, давно пройденный повсюду в мире.

Выживание этих пастушьих народов в эру, когда остальная Азия достигла земледельческой ступени, являлось весьма важным фактором в драме истории. Это внесло смещение времени между соседними народами. Народы второго века д.н.э. сосуществовали с народами двенадцатого века н.э. Для перехода из одной группы в другую, следует пройти из Верхней Монголии в Пекин или возвышаться с

киргизских степей на Исфаган. Разрыв был резким и череват опасностями. Для оседлых народов Китая, Ирана и Европы гунн, туркмен и монгол были действительно дикарями, объектами для запугивания их оружием, забавления стеклянными бусами и титулами и держания их на почтительном расстоянии от обрабатываемых земель. Поведение кочевников может быть легко вообразимо. Бедные тюрко-монгольские скотоводы, которые в годы засухи отправлялись через скудные степные пастбища от одного высохшего колодца к другому, доходя до окраин земледелия у ворот Печили (Хопей) или Трансоксонии, приглядываясь на ошеломительные чудеса оседлой цивилизации: роскошные растения, деревни, полные зерна и роскошные города. Это чудо или скорее его тайна – терпеливый тяжелый труд этих человеческих муравейников – находились за пределами понимания гунна. Если он был зачарован, то подобно волку – его тотему – когда в снежную погоду тот ползет вблизи ферм и разведывает свою жертву за плетеной загородкой. Он также имел годами выработанный импульс вторгаться, ограбить и убежать с захваченным.

Выживание скотоводнического и охотничьего общества без ведения хозяйства – или, говоря другими словами, создание прогрессивно успешных сельскохозяйственных обществ в пределах видимости и контакта с людьми, находившихся все еще на стадии пастушничества и страдания в ужасных голодах, присущих степной жизни во время засух – представляли не только яркий контраст, но и социальный контраст, который был еще более жестоким. Повторяясь, проблема человеческой географии становилась социальной проблемой. Поведения оседлого человека и кочевника по отношению друг к другу напоминали переживания капиталистического общества и пролетариата, заключенных в пределах современного города. Сельскохозяйственные общества, которые обрабатывали хорошую желтую почву в северном Китае, сады Ирана или богатые черноземы Киева были окружены поясом бедными пастбищными землями, где часто преобладали ужасные климатические условия и где в один из десяти годов высыхали все водные места, засыхала трава и погибала скотина и вместе с ними сами кочевники.

При этих обстоятельствах периодические вторжения кочевников в культивированные площади являлись законом природы. Следует добавить, что как тюрки, так и монголы, они принадлежали к умным, уравновешанным, практичным народам, которые были ведомы жесткими реалиями их окружения, всегда готовыми для слова команды. Когда оседлые и часто пришедшие в упадок общества сдавались под их атаками, кочевник вступал в город и после завершения первых часов резни, без всякой большой проблемы он занимал место побежденных правителей. Без робости он садился на наиболее почетные и величественные троны в качестве хана Китая, короля Персии, императора Индии или султана Рума и соответственно приспособливался к своему положению. В Пекине он становился полу-китайцем, в Исфагане или Раи – полу-персом.

Был этот конечный результат постоянным примирением между степью и городом? Никоим образом. Неумолимые законы человеческой географии продолжали действовать. Если китаизированный или иранизированный хан был не смещен путем некоторой местной реакции, вне зависимости оттого, насколько быстро или медленно из глубин степей прибывали новые орды и голодные народы на его границах, которые, видя в своем изначальном брате только лишь другого таджика или табгатча – перса или китайца, они вновь повторяли авантюру к его ущербу.

Каким же образом это получалось, что почти всегда такая авантюра была успешной и что указанный ритм повторялся в течение тринадцати веков, что равен времени между вступлением гуннов в Ло-ян и маньчжуров – в Пекин? Ответ заключается в том, что кочевник, хотя и отсталый по материальной культуре, однако, всегда обладал поразительной военной мощью. Он был лучником на коне. Техническим оружием, которое дало ему большое преимущество над оседлым человеком подобно артиллерии, обеспечившей преимущество современной Европе над остальным миром, была невероятно подвижная кавалерия опытных лучников. Правда, что ни китайцы, ни иранцы не пренебрегали этим оружием. С третьего века д.н.э. китайцы приспособили свою одежду для верховой езды. И Персия со времен парфян знала цену дождя стрел, доставляемого вихрем отступающих конников. Однако, китайцы, иранцы, русские, поляки или венгры никогда не

смогли сравняться с монголами в этой области. Обученный с детства ездить на олени галопом через обширное раздолье степи, привыкший к терпеливому выслеживанию добычи и ко всем уловкам охоты, от которой зависела его пища, то есть, его жизнь, он был непобедим. Не то, что он часто находился на конфронтации со своим врагом; напротив, будучи внезапно атакованным, он мог исчезнуть, появиться вновь, преследовать его горячо без шансов быть схваченным самому, гнать его, утомить и, наконец, свалить его обессиленного, подобно поставленной игре. Обманчивая подвижность и вездесущность этой кавалерии, когда она велась Жебе или Суботаем – двумя великими полководцами Чингиз-хана –приобретала коллективный интеллект. Пиано Карпини и Рубрук, которые наблюдали все это в действии, были поражены этим решительным техническим превосходством. Фаланга и легион ушли в небытие, поскольку они были рождены политическими устройствами Македонии и Рима; подобно всем государствам, они выросли, жили и исчезли. Верховой лучник степи правил над Евразией в течение тринадцати веков, поскольку он был самопроизвольным созиданием самой земли: отпрыск голода и желания, он был единственным средством выживания во время голода. Когда Чингиз-хан добился успеха в завоевании мира, он был в состоянии делать это потому, что как сирота, покинутый на равнине Керулена, он уже одержал победу со своим младшим братом Жучи Тигр, в подавлении ежедневной игры для того, чтобы избежать смерти от голода.

Стрела верхового лучника, который освобождал ее, вылетала и летела, была для старины и средневековья видом непрямого огня, почти также эффективна и деморализующа в то время также, как и артиллерия сегодня.

Что привело к концу такое превосходство? Как это получилось, что в шестнадцатом веке кочевник более не держал на своей милости оседлого человека? Причина была в том, что последний встретил его с артиллерией и таким образом за одну ночь приобрел искусственное возвышение над ним. Веками продолжавшееся положение переменилось. Канонады, с которыми Иван Грозный разбросал последних наследников Золотой Орды и с помощью которых император Китая Кань-хси напугал калмыков, обозначили конец периода мировой истории. Впервые и навсегда военная техника изменила лагерь и цивилизация стала сильнее чем

варварство. В течение нескольких часов традиционное превосходство кочевника ушло в нереальное прошлое и калмыцкие лучники, которых романтический царь Александр I направлял против Наполеона на поле боя в 1807, предстали как устаревшие охотники Магдалениана.

Прошло лишь три столетия с того времени, как лучники перестали быть завоевателями мира.

Содержание

Предисловие	2
Введение: Степь и История	16
 I. Верхнее плато Азии до тринадцатого века	 26
1. Ранняя история степей: скифы и гунны	26
<i>Античность степных цивилизаций</i>	26
<i>Скифы</i>	30
<i>Скифское искусство</i>	34
<i>Сарматы и западная Сибирь</i>	39
<i>Пред-тюркская культура Алтая</i>	41
<i>Начала гсиун-ну</i>	43
<i>Гуннское искусство</i>	47
<i>Первый удар гсиен-ну и миграция ю-чие</i>	50
<i>Отзвуки первых побед гуннов; падение греческого господства в Афганистане</i>	53
<i>Конфликты между гсиун-ну и ранней Хань; разрыв с западным гсиун-ну</i>	56
<i>Конфликты между Китаем и гсиун-ну во время периода поздней ханьской династии; разрыв с южной гсиун-ну</i>	61
<i>Завоевание Пан Чао таримского бассейна</i>	64
<i>Цивилизация таримского оазиса в конце древней эры и в начале средних веков</i>	71
<i>Вытеснение народом гсиен-пи северного гсиен-ну в империи Монголия</i>	
<i>Великие вторжения четвертого века;</i>	
<i>Завоевание гсиен-ну и гсиен-пи Северного Китая</i>	78

<i>Королевство табагачских тюрок или тоба и монгольское ханство Жуан-жуан</i>	83
<i>Последняя минусинская культура</i>	90
<i>Эфталитские гунны</i>	91
<i>Гунны в Европе: Аттила</i>	96
2. Раннее средневековье: Ту-чю, уйгуры и хитаны	103
<i>Империя Ту-чю</i>	103
<i>Разделение империи Ту-чю</i>	110
<i>Разрушение ханства восточного Ту-чю императором Тай-цун</i>	113
<i>Распад ханства западных тюрок</i>	114
<i>Индо-европейские оазисы Тарима в период возвышения династии Тан</i>	117
<i>Установление протектората Тан в таримском бассейне</i>	119
<i>Китай династии Тан, правитель Центральной Азии</i>	123
<i>Последняя вспышка власти Ту-чю; возвышение уйгурской империи</i>	125
<i>Вершина власти Тан; покорение западного Туркестана</i>	134
<i>Китайско-арабское соперничество к западу от Памира</i>	136
<i>Китайцы на Памире в 747-750</i>	138
<i>Падение господства Тан в Центральной Азии</i>	140
<i>Уйгуро-тюркская империя</i>	141
<i>Ша-то тюрки</i>	146
<i>Хитаны</i>	147
<i>Журчиды</i>	154
3. Тюрки и ислам к началу тринадцатого века	159
<i>Иранский барьер против тюркского мира в десятом веке: Саманиды</i>	159
<i>Тюркизация Капшгарии и Трансоксонии: Караханиды</i>	163
<i>Роль сельджуков в тюркской истории</i>	167
<i>Султан Саняр и вахта на Оксусе</i>	177

<i>Кара-китайская империя</i>	181
4. Русская степь с шестого по тринадцатый века	187
<i>Авары</i>	187
<i>Булгары и мадьяры</i>	193
<i>Хазары</i>	195
<i>Печенеги и кипчаки</i>	198
 II. Монгольское ханство Чингиза	 202
5. Чингиз-хан	202
<i>Монголия в двенадцатом веке</i>	202
<i>Первые попытки объединения среди монголов</i>	210
<i>Юность Чингиз-хана</i>	212
<i>Чингиз-хан – вассал керайтов</i>	214
<i>Разрыв с Ван-ханом: покорение керайтов</i>	222
<i>Покорение найманов; объединение Монголии</i>	226
<i>Чингиз-хан – император</i>	230
<i>Новая монгольская империя: государство и армия</i>	233
<i>Завоевание Северного Китая</i>	241
<i>Завоевание монголами старой кара-китайской империи</i>	248
<i>Вторжение Жебе и Суботая в Персию и Россию</i>	252
<i>Последние годы Чингиз-хана</i>	261
<i>Чингиз-хан: его характер и достижения</i>	264
6. Три прямых наследника Чингиз-хана	269
<i>Распределение уделов среди сыновей Чингиз-хана</i>	269
<i>Правление Огодея (1229-41)</i>	272
<i>Разрушение кинского владения монголами</i>	274
<i>Завоевание монголами западной Персии</i>	276
<i>Кампании Батыя и Суботая в Европе</i>	280
<i>Регентство Торганы (1242-46)</i>	285

<i>Правление Гуюка (1246-48)</i>	286
<i>Регентство Огул Каймиш</i>	289
<i>Правление Монгу (1251-59)</i>	292
<i>Путешествие Рубрука</i>	293
<i>Война Монгу против империи Сун</i>	297
7. Кублай и монгольская династия Китая	300
<i>Соперничество между Кублаем и Арик-бога</i>	300
<i>Завоевание сунской империи</i>	302
<i>Войны в Японии, Индокитае и Яве</i>	304
<i>Борьба с Кайду</i>	307
<i>Правительство Кублая: монгольская и китайская политика</i>	312
<i>Религиозная политика Кублая и его наследников: буддизм</i>	314
<i>Религиозная политика Кублая и его наследников: несторианство</i>	317
<i>Путешествие Марко Поло</i>	321
<i>Экономическое процветание в Китае под монгольской династией</i>	326
<i>Остатки наследства Кублая и изгнание монголов из Китая</i>	337
8. Туркестан под управлением дома Ягатай	343
<i>Ханство Ягатай: истоки и основные характеристики</i>	343
<i>Правление Алгу: попытка ягатайцев к независимости</i>	348
<i>Ханство Ягатай под протекторатом Кайду</i>	350
<i>Ханство Ягатай в своем зените: Дува, Эсен-бука и Кебек</i>	354
<i>Раскол в ханстве Ягатай: Трансоксония и Могулстан</i>	358
<i>Трансоксония под управлением эмира Казгана</i>	359
<i>Туглук Тимур: воссоединение ханства Ягатай</i>	361
9. Монгольская Персия и дом Гулюгу	364

<i>Монгольский режим в Персии до прихода Гулюгу:</i>	
<i>Чормоган, Байджу и Елджигидай</i>	364
<i>Монгольский режим в Персии до прихода Гулюгу:</i>	
<i>Коргуз и Аргун ага</i>	368
<i>Правление Гулюгу: Уничтожение террористов, завоевание</i>	
<i>Багдада и уничтожение халифата</i>	370
<i>Симпатии Гулюгу к христианству</i>	374
<i>Экспедиции Гулюгу в Сирию</i>	376
<i>Последние годы Гулюгу</i>	383
<i>Правление Абаки</i>	385
<i>Правление Аргуна</i>	389
<i>Миссия Раббана Саумы на Запад</i>	391
<i>Правления Гайхату и Байду</i>	395
<i>Правление Газана</i>	396
<i>Правление Олжайту</i>	402
<i>Правление Саида</i>	
<i>Распад монгольского ханства Персии</i>	407
10. Кипчакское ханство	410
<i>Жучи и его сыновья: Золотая орда, Белая орда и</i>	
<i>Улус Шайбана</i>	410
<i>Батый и Берке</i>	412
<i>Ногай и Тохтай</i>	419
<i>Узбек и Янибек</i>	421
<i>Мамай и Токтамыш</i>	423
11. Тамерлан	426
<i>Царство Трансоксонии, перешедшее от монголов</i>	
<i>к Тамерлану</i>	426
<i>Поединок Тамерлана и Мир Хусаина</i>	429
<i>Правитель Трансоксонии и империя тимуридов</i>	432
<i>Завоевание Хорезма</i>	437
<i>Походы в Могулистан и Уйгурию</i>	439

<i>Завоевание восточного Ирана</i>	443
<i>Завоевание западного Ирана</i>	447
<i>Тамерлан и кипчаки</i>	453
<i>Поход в Индию</i>	461
<i>Тамерлан и мамелюки</i>	464
<i>Тамерлан и Османская империя</i>	467
<i>Завоевание Китая</i>	471
<i>Наследие Тамерлана: правление шаха Руха</i>	472
<i>Абу Саид</i>	477
<i>Последние тимуриды</i>	479
 III. Последние Монголы	 483
 12. Монголы России	 483
<i>Конец Золотой Орды</i>	483
<i>Ханства Крыма, Астрахани и Казани</i>	485
13. Шайбаниды	489
<i>От Шайбана до Абулхаира</i>	489
<i>Мухаммад Шайбани и ханство шайбанидов</i>	
<i>Трансоксонии</i>	492
<i>Бухарское ханство под астраханидами и мангитами</i>	498
<i>Ханство Кивы</i>	498
<i>Ханство Коканда</i>	499
<i>Шайбаниды Сибири</i>	500
14. Последние ягатайцы	501
<i>Перерождение моголистана после Тамерлана:</i>	
<i>Ваис-хан и Эсен-буга</i>	501
<i>Юнус и месть ягатаев дому Тамерлана</i>	504
<i>Ягатаи отброшены на восток от Тянь-шаньской</i>	

<i>гряды; влияние возрождения тимуридов в</i>	
<i>Кашигарии; историк Хайдар-мирза</i>	506
<i>Последние ягатайцы</i>	509
<i>Ходжи Кашигарии</i>	511
15. Последние империи Монголии с пятнадцатого по	
восемнадцатый века	512
<i>Анархия в Монголии после 1370</i>	512
<i>Первая ойратская империя: Тогон и Эсен-таджи</i>	516
<i>Восстановление последнего ханства Чингиза:</i>	
<i>Даян-хан и Алтын-хан</i>	519
<i>Разделение империи даянидов: ханства Ордос и халков</i>	521
<i>Принятие восточными монголами ламаизма</i>	523
<i>Завоевание Китая маньчжурами</i>	525
<i>Западные монголы в семнадцатом веке</i>	530
<i>Движения народов среди западных монголов:</i>	
<i>миграция калмыков</i>	531
<i>Хошотское ханство Цайдама и Коко Нор,</i>	
<i>защитна тибетской церкви</i>	533
<i>Джунгарское царство под чоросской династией:</i>	
<i>Правление Батур-хонтая</i>	536
<i>Правление Галдана (1676-97): основание джунгарской</i>	
<i>империи</i>	537
<i>Даваши и Амурсана: аннексия Жунгарии</i>	
<i>маньчжурской империей</i>	546
<i>Неосуществленное предназначение западных монголов</i>	548
<i>Аннексия Кашигарии маньчжурской империей</i>	550
Примечания	551

Введение

Степь и история

В их физических проявлениях высокие плато Азии свидетельствуют о наибольшей геологической драме в истории этой планеты. Смещение и изолирование этой огромной континентальной массы обязано сближением двух цепей складчатых гор, образованных в двух различных периодах: герсиниянских изгибов Тянь-шанской и Алтайской гряд – первая из них граничит сериндианской массой и вторая – древним сибирским плато Ангарланда – и гималайским альпийским изгибом, который в миоценовый период заменил древнее «Среднеземное» море Евразии. Дуга Тянь-шаня и Алтая к северо-западу и противоположная кривая Гималаев на юге вместе изолируют Туркестан и Монголию, оставляя их, словно подвешенные, над окружающими равнинами. Из-за их высоты и большого расстояния от моря, эти регионы подвержены континентальному климату с большими отклонениями, с чрезмерной жарой летом и суровыми морозами зимой. В Урге (Улан-Батор), Монголия, температура колеблется от $+38^{\circ}\text{C}$ до -42°C . За исключением тибетского массива, большая высота которого приводит почти к полярной вегетации на его вершинах, и также полукруглых гряд Алтая и Тянь-шаня, которые по аналогичным причинам имеют альпийский климат, характерно меняющийся от лесов на подножьях до редкой зелени на вершинах, почти вся континентальная Азия покрыта продольным поясом травянистых степей, скрытых зимой и высыхающих летом. Прерисские степи – плодородные в их орошаемых зонах, однако, сжимающиеся и превращающиеся в пустыню в центральных массивах – тянутся от Маньчжурии до Крыма, от Урги во Внешней Монголии до регионов Мерва и Балха, где северо-евроазийские прерисские степи дают место сухой, субтропической степи Ирана и Афганистана, характерной больше для средиземноморья.

К северу продольный пояс евразийских степей сливается с северным лесным регионом центральной России и Сибири, и с северным краем Монголии и Маньчжурии. В трех зонах в середине пояса степь незаметно уступает пустыне: пустыни Кызыл-кума в Трансоксонии и Кара-кума к югу от Аму-Дарьи; пустыня Такламакана в закрытом таримском бассейне; и, наконец, пустыня Гоби, обширная площадь, простирающаяся с юго-востока до северо-востока, от Лоб Нора, где Гоби соединяется с Такламаканом, до Хинганских гор на границе Маньчжурии. Они подобны раковым пятнам, пожирающим травянистый пояс, в который они непрерывно вторгаются с протоисторических времен. Положение пустыни Гоби, лежащей между северной Монголией, лесами Байкала и степями Орхона и Керулена к северу и южной Монголией и степями Алашана, Ордоса, Чахара и Джехола к югу, является одним из прочным факторов, препятствующих выживанию тюрко-монгольских империй, как гсиен-ну древности, так и ту-чю средневековья.

Это поражение степи от пустыни давало частично решительные повороты в истории таримского бассейна, в котором находится нынешний китайский Туркестан. Избежав кочевую жизнь равнин (хотя всегда под угрозой или под господством северных орд), это место приобрело городской, торговый характер оазиса караванных путей и из цепей оазисов образовало линию сообщения между великими цивилизациями Запада, которые находились в Средиземноморье, Иране и Индии и цивилизациями на Дальнем Востоке, а именно, в Китае. Двойная тропа была проложена в двойном изгибе к северу и югу от умирающей реки Тарим: северный путь шел через Тунхван, Хами, Турфан, Кара Шахр, Куча, Кашгар, ферганский бассейн и Трансоксонию; южный путь пролегал через Тунван, Хотан, Ярканд, памирские долины и Бактрию. Этот тонкая двойная нитка резьбы, которая пересекает пустыни и вершины гор поворотами, хрупкая как изгиб, исчерченный движением муравей, была тем не менее достаточно сильна для того, чтобы гарантировать, что наша планета должна состоять из единственного мира, а не из разделенных для обеспечения минимальной степени контакта между китайским и индо-европейскими муравейниками. Это был шелковый путь и путь странствия, вдоль которого путешествовали торговля и религия, греческое искусство

наследников Александра и буддийских миссионеров из Афганистана. Этим путем греко-римские купцы, упомянутые Птолемеем, боролись для получения доступа к тюкам шелка из «Серика» и китайские генералы второй ханьской династии пытались установить связи с иранским миром и римским Востоком. Поддержка этого великого пути была от Хань до Кублай-хана долговременной составной частью китайской политики.

К северу от этой тропы цивилизации, однако, степи снабдили кочевых дорогой совершенно другого порядка: безграничный путь на бесконечных колесах, путь варварства. Ничто не удерживало молниеносных варварских эскадронов между берегами Орхона или Керулена и озером Байкал; потому что хотя на последней точке алтайских гор и северных уступов Тянь-шаньских гряд они встречаются, однако, проход все еще широк на реке Имил в Тарбагатае по направлению к Чугучаку, также и между Йолдызом, Или и Иссык-кульским бассейном к северо-востоку, где конник из Монголии созерцал дальше безграничные просторы киргизской и русской степей. Ущелья Тарбагатая, Али-Тау и Музарта постоянно проходились ордами из восточной степи на их пути к степям запада. В протоисторический период движение должно было быть более часто двусторонним; создается впечатление, что кочевники Ирана, т.е. индо-европейский род, называемые скифами и сарматами греческими историками и идентифицируемые как сака в иранских надписях, должны были затратить долгий путь к северо-востоку, к региону Падарюка и Минусинска, в то время как другие индо-европейцы населяли оазисы Тарима, возможно даже до Каньсу. Определенно, однако, что с начала христианской эры поток был с востока на запад. Тогда уже более не превалировали «восточно-иранские», кучские или тохарайские диалекты в оазисах будущего китайского Туркестана; скорее это был народ гсиен-ну, который под названием гуннов пришел установить прото-тюркскую империю в южной России и Венгрии. (Венгерская степь является продолжением русской, которая, в свою очередь, является продолжением азиатской). После гуннов пришли авары, монгольская орда, которая убежала из Центральной Азии под давлением ту-чю в шестом веке и которая доминировала в тех же регионах, затем в России и позднее – в Венгрии. В седьмом веке пришли хазарские тюрки, в одиннадцатом –

печенегские тюрки и в двенадцатом – куманские тюрки, все, следуя по одной и той же тропе. Наконец, в тринадцатом веке монголы Чингиз-хана объединили степь, так сказать, и стали воплощением степи от Пекина до Киева.^{1 *}

Внутренняя история степи состоит из того, что тюрко-монгольские орды сталкиваются друг с другом для лучших пастбищ и бесконечно перемещаются с одного пастбища на другое, ведомые, в основном, нуждами своих стад. В некоторых случаях эти меняющиеся перемещения занимали века для завершения из-за обширных расстояний, к которым все у этих людей, их физическая конструкция и их образ жизни, было адаптировано. Из этих непрекращающихся перемещений между Желтой рекой и Будапештом, история, написанная людьми оседлых народов, вынесла совсем немного и только ту часть, что непосредственно касалось их самих. Они отметили удары волн, которые родились на подножьях Великой Стены или их дунайских крепостей, Татун или Силистра. Однако, что они говорят о внутренних волнениях тюрко-монгольских народов? В области Карабалгасун и Каракорум в северной Монголии, где берет начало Орхон, которую можно назвать имперской, мы находим все кочевые кланы, которые имели цель господствовать над другими ордами: здесь гсиен-ну, тюркский род, до нашей эры; также монгольский гсиен-пи в третьем веке н.э.; жуан-жуан, также монгольский, в пятом веке; ту-чю тюрки в шестом веке; уйгурские тюрки в восьмом; киргизы в девятом; хитаны монгольского рода в десятом; керайты или найманы, предположительно, тюрки, в двенадцатом; и, наконец, в тринадцатом веке монголы Чингиз-хана. Хотя мы могли и идентифицировать этих чередующихся тюркских и монгольских кланов, которые господствовали над другими, однако, не знаем, каким образом крупные родительские группы, тюркские, монгольские и тунгусские, были первоначально распределены. В настоящее время нет сомнения, что тунгусы занимали не только северную Маньчжурию, но и средний Енисей в центральной Сибири; в то же время к монголы группировались в исторической Монголии и тюрки – в западной Сибири и двух Туркестанах. Следует заметить, однако, что в последнем районе тюрки являются новопришельцами и что их влияние на Алтае не чувствовалось вплоть до первого века нашей эры, определенно так было в Кашгарии до девятого века, а в Трансоксонии – до

одиннадцатого. Городское население и Самарканда, и Кашгара фундаментально представляет тюркизированную иранскую массу. Тем не менее, история говорит, что в самой Монголии чингизиды монголизировали многих явных тюркских племен: найманов Алтая, керайтов Гоби и онигутов Чагара. До объединения под Чингиз-ханом, который поставил все эти племена под знамя голубых монголов, часть сегодняшней Монголии была тюркской; действительно, даже теперь тюркский народ якуты занимает северо-восточную Сибирь, север Тунгуса в бассейнах Лены, Индигирки и Колымы. Присутствие этой тюркской группы так близко к Берингскому проливу, к северу от монголов и даже от тунгусов на Арктическом океане, делает необходимым быть осторожным в попытках определения относительных положений «первых» тюрков, монголов и тунгусов.² Это указывает на то, что тюрко-монгольская и тунгусская масса должна была быть первоначально располагаться далеко к северо-востоку; поэтому не только сегодняшняя Кашгария, но и также северные склоны Саянских гор (Минусинск) и Большого Алтая (Пазирюк) были в то время населены индо-европейцами «обычной индо-европейской» колыбели южной России. Такая гипотеза совместима с точками зрения таких лингвистов, как Пеллиот и Guillaume de Nevesy, которые, до прихода дальнейших свидетельств, отказались принимать любые первоначальные связи между алтайскими языками (тюркский, монгольский и тунгусский) и языками угро-финнской группы, сосредоточенной на Урале.³ Более того, достаточно широкое отличие, существующее сегодня, несмотря на их первоначальное родство, между тюрками, монголами и тунгусами заставляет нас полагать, что три группы, которые в исторический период были объединены под общим правлением (следовательно, взаимными заимствованиями в элементах цивилизации), могли некоторое время существовать на некотором расстоянии друг от друга на просторах азиатского Северо-Востока.⁴

Если бы история тюрко-монгольских орд ограничена их экспедициями и скрытыми стычками в поиске новых пастбищ, то такое составило бы весьма немногого, по меньшей мере, учитывающее лишь сегодняшний интерес. Важнейшим фактом в человеческой истории является давление, оказанное этими кочевниками на цивилизованные империи юга, давление, постоянно

повторяющееся вплоть до их завоевания. Прибывшие туда кочевники уповали только на законы природы, продиктованные условиями, господствующими в их родных степях.

Определенно, те тюрко-монголы, которые оставались в лесной зоне озера Байкал и Амура, продолжали оставаться дикими и жили охотой и рыболовством, как это делали журчиды до двенадцатого века и «лесные монголы» до времен Чингиз-хана; они были слишком сильно изолированы в их лесных уединениях для того, чтобы задуматься о других завидных территориях. По другому обстояло с тюрко-монголами степей, которые жили за счет своих стад и которые поэтому были кочевниками по необходимости: стадо искало травы и они следовали за ним.

В дополнение к этому, степь была страной коней.⁵ Человек степи есть прирожденный наездник. Независимо от того, был ли он иранцем ли запада или тюрко-монголом востока, это был именно он, который изобрел одежду для верховой езды, которую мы видим на скифах, изображенных на греческих вазах симмерийского Боспора и слышим от китайцев, которые в 300 д.н.э. для кавалерийских сражений, подражая гуннам, заменили халаты на штаны. Конник молниеносных рейдов был верховым лучником, который сбивал своего врага на расстоянии, стрелял, отступая – парфянское копье фактически является скифским и гуннским – и вел войну, будто занимался игрой или прятками: со стрелой и лассо.

На пределе этих набегов, где заканчивается степь и начинается обработка земли, он наблюдал образ жизни, весьма отличный от его собственного, но который возбуждал его алчность. Зима в его степях была арктической; степь в это время является продолжением сибирской тайги. Лето представляло собой пекло, тогда степь является продолжением пустыни Гоби и чтобы найти пастбищу для своих стад кочевник должен был взбираться на склоны хинганской, алтайской или тарабагатайской гряд. Одна лишь весна, которая превращает степь в сочную равнину, обсыпанную цветами различного цвета, была праздничным сезоном для его животных и для него самого. В течение остального года и, в особенности, зимой его глаза были повернуты на земли юга с умеренным климатом, на Иссык-куль, «жаркое озеро» на юго-западе, на хорошие желтые земли Желтой реки в юго-востоке. Он не имел никакого вкуса к обрабатываемой земле; когда он захватывал

ее, он инстинктивно превращал ее обратно в целину, в непродуктивное состояние и поля превращались в степь для травы для его овец и коней.

Таким было поведение Чингиз-хана в тринадцатом веке. Завоевав пекинский регион, его гениальным желанием было повысить просяные поля сочной равнины Хопей до достоинства пастбищной земли. Однако, хотя человек с севера ничего не понимал в сельском хозяйстве (до четырнадцатого века чингизиды Туркестана и России оставались чисто кочевниками, глупым образом грабя свои города и – по меньшей мере за отказ платить за фермеров – отводя ирригационные каналы с целью осушки земли), он был благодарен городским цивилизациям за их манифактуру и их многие удовольствия в качестве объектов грабежа. Он был привлечен мягкостью климата, весьма относительной мягкостью, определенно, поскольку для Чингиз-хана резкий климат Пекина показался слишком размягчающим и после каждой своей кампании он возвращался на север для проведения лета около озера Байкал. Аналогично, после своей победы на Жалал ад-Дином, он сознательно погнушался Индией, которая тогда была у его ног, поскольку для этого человека с Алтая Индия показалась самым котлом ада. Он был во всяком случае прав не доверять цивилизованной жизни, поэтому когда его правнуки устроились во дворцах Пекина и Табриза, то они начали сразу разлагаться. Однако, кочевник, если он, как можно долго, сохранял дух кочевника, то он относился к оседлому человеку как лишь к своему фермеру и к городу и распаханной земле как к своей ферме. Как ферма, так и фермер были открыты для вымогательства. Он странствовал на коне вдоль окраин древних империй, требуя регулярную дань от тех, которые исполняли требование с относительно хорошей благосклонностью и, если жертве был дан плохой совет для того, чтобы тот отказался платить, то грабил открытые города во внезапных рейдах. Эти люди были подобны стае волков (не волк ли является старым тюркским тотемом?), подкрадывающихся к стаде оленей, чтобы подлетать к их горлам или лишь подобрать отставшихся и раненных животных.⁶ Вихревой грабеж, меняющийся на требование регулярной дани – последняя была эфемеризована до сих пор Сынами Небесной как «подарки доброй воли» - являлся в основном постоянной

характеристикой отношений между тюрко-монголами и китайцами со второго века д.н.э. до семнадцатого века этой эры.

Время от времени, однако, среди кочевников вырастал сильный человек, хорошо информированный о ветхом состоянии оседлых империй (и эти лукавые варвары, подобно германам четвертого века, были удивительно *au courant* с византийскими интригами китайского имперского двора). Он заключал пакт с одной из китайских фракций или королевства против другой или с изгнанным претендентом на власть. Он объявлял себя и свою орду конфедератами империи и под предлогом ее защиты направлялся к границе. Через поколение или два его внуки приобретали обычно достаточную маститость для преодоления большой ступени и, нерастерявшись, взбирались на трон Сыновей Небесной. Подвиг Кублай-хана в тринадцатом веке является в этом отношении лишь повторением подвигов Лю цун и Тоба в четвертом и пятом веках, соответственно. Через последующие два или три поколения (если не происходило их изгнание за Великую Стену в результате народного восстания) эти китаизированные варвары, которые ничего не приобрели от цивилизации, а ее мягкость и пороки не способствовали сохранению крутости их варварского темперамента, становились, в свою очередь, объектами презрения и их территории становились призом зависти других варваров, которые оставались голодающими кочевниками во глубине своих родных степей. И так процесс повторялся. В пятом веке Тоба вырос на плечах гсиен-ну и гсиен-пи для того, чтобы их разрушить и занять их место. В двенадцатом веке к северу от Китая, над китаизированными монголами, которые были мирными правителями Пекина с десятого века, возвысился журчид; это были тунгусы, немного больше чем варвары, которые в течение нескольких месяцев захватили великий город лишь для того, чтобы попасть, в свою очередь, под китайское влияние и пребывать в дремоте до тех пор, пока веком позднее были разбиты Чингиз-ханом.

Тоже самое было верным на Западе. В русских степях Европы, которые являются продолжением степей Азии, случилось такое же наследование: гунны Аттилы, за которыми следовали булгары (болгары), авары, венгры (они были угрофиннами со сгущенной гуннской аристократией), хазары, печенеги, куманы и

чингизиды. Аналогично на землях ислама процесс исламизации и иранизации среди тюркских завоевателей Ирана и Анатолии образует точную копию окитаизирования, отмеченного среди тюркских, монгольских или тунгусских завоевателей Вечной империи. Здесь хан становился султаном или падишахом, точно также, как там он становился Сыном Небесной; и также, как в Китае, он скоро уступит другим, более жестким ханам из степей. В Иране можно наблюдать аналогичную последовательность завоевания, наследования и разрушения газнавидских тюрков, за которыми последовали сельджукские и хорезмские тюрки, чингизидские монголы, тимуридские тюрки и шабанидские монголы, не говоря уже об османских турках, которые как стрела поспешили к внешним окраинам мусульманских земель, заменили остатков сельджуков в Малой Азии и затем ринулись к своему беспримерному триумфу, завоеванию Византии.

В более превосходной степени, чем Скандинавия Джорданеса, поэтому континентальную Азию можно рассматривать как матрицу народов, *vagina gentium*, и как Германию Азии, предназначенную в ее *Völkerwanderungen* для представления древних цивилизованных империй с султанами и Сынами Небесной. Эти периодические десанты орд степей, чьи ханы всходили на троны Чангана, Лояна, Кайфена или Пекина, Самарканда, Исфагана или Табриза (Таурис), Конии или Константинополя, стали географическими законами истории. Однако, имелся также и другой, противоположный закон, который имел дело с медленным поглощением кочевых захватчиков цивилизованными землями. Это феномен был двойным по характеру. Во-первых, имел место демографический аспект. Установившись как широко разбросанная аристократия, варварские наездники становились погруженными в эти плотные популяции, в эти бессмертные муравейные холмы. Во-вторых, имел место здесь также и культурный аспект. Цивилизации Китая и Персии, хотя и покоренные, в свою очередь, покоряли своих диких победителей, спаивая, убаюкивая и уничтожая их. Часто лишь через пятьдесят лет после завоевания жизнь шла так, будто ничего не случилось. Китаизированный или иранизированный варвар был первым для защиты цивилизации против новых атак из варварских земель.

Через пятьдесят лет тобийский правитель Лоян объявил себя защитником китайской земли и культуры против всех монголов, гсиен-пи или жуан-жуан, которые были полны вдохновения для повторения подвига. В двенадцатом веке это был Санжар Сельджук, который держал свой «Пост на Рейне» на Оксусе и Жаксартах против огузов или кара-китайцев Арала или Или. Рассказ о Кловисе и Карле Великом повторяется страница в страницу в азиатской истории. Почти также, как и римская цивилизация в своих усилиях для сопротивления саксонскому и норманскому германизму нашла резервы сил во франкской энергии, которую она ассимилировала, так и цивилизация Китая нашла своих приверженцев в этих тоба пятого века, в то время как арабо-персидский ислам не знал более верного защитника чем храбрый Синжар, упомянутый выше. Даже более лучший пример дан теми китаизированными или иранизированными тюрко-монголами, которые завершили работу древних королей из королей или Сынов Небесной. То, что ни Хосроу, ни халиф не были в состоянии достичь – владение тронном *basiles* и церемониальное вступление в собор Св. Софии – было выполнено их непредвиденным наследником, османским падишахом пятнадцатого века под шумное одобрение мусульманского мира. Таким же образом, мечта пана-азиатского господства, лелеянная династиями Хань и Тань была реализована Юань императорами тринадцатого и четырнадцатого веков Кублай-ханом и Темур Олжайту в пользу старого Китая, делая Пекин столицей сюзерна России, Туркестана, Персии и Малой Азии, Кореи, Тибета и Индокитая. Таким образом, тюрко-монголы завоевали древние цивилизации лишь для владения своим мечом на их службе. Рожденный править, подобно римлянину, поэту древности, он правил эти народы древней цивилизации, храня их традиции и их вековые амбиции. От Кублай-хана до Кан-си и Чин-лунь, эти правители в их управлении Китаем исполняли программу китайского империализма в Азии и в ирано-персидском мире принесли наслаждение сасанидским и аббасидским нападениям на золотые купола Константинополя.

Правящих рас и имперских наций немного. Тюрко-монголы, подобно римлянам, из их числа.

I Верхнее плато Азии до тринадцатого века

1. Ранняя история степей: скифы и гунны

Античность степных цивилизаций

Первым известным евразийским путем является тот, который идет по северным степям. По этому пути в палеолитические времена через Сибирь распространилась Ауригнакианская культура – «Ауригнакианская Венера» была найдена на Мальте, недалеко от Иркутска, на реке Верхняя Ангара – и оттуда в Северный Китай, где Teilhard de Chardin отметил присутствие ауригнакианских типов домашних очагов, захороненных в лёссе в Куэй-туна около Нинся в Каньсу и в Сиара-оссо-гол, к юго-западу от Юлина в северном районе Шеньси.

Аналогично, магдаленская культура, кажется, представлена в Сибири (на верхнем Енисее), в Маньчжурии (в Долоннор [Толун]), Манхоули и Хайларе и в Хопее. Здесь в верхней пещере Чоукоутиена около Пекина были найдены скелет и личные орнаменты, также костяные игла, перфорированные клыковые зубы животных, кости, обработанные для подвесок, проколотые раковины, куски перламутра и запасы охры.¹

В неолитское время и, более точно, ближе к его концу, сибирский степной путь был также путем, по которому нашла дорогу в Азию чесалка: это была керамика, украшенная «чесанными линиями», выделанная в центральной России в первой половине третьего тысячелетия. Отсюда она распространилась в часть Сибири и так постепенно оказала влияние на прото-китайскую керамику Чи-чаипин в Каньсу. Аналогично, в последующее время в начале второго тысячелетия она была через Сибирь, в виде тонкой керамики, украшенной нарисованными спиральными полосками – стиль, рожденный в районе Триполья около Киева, в

Шипенитз в Буковине, Петрени в Бессарабии и Сукетени в Молдавии – распространилась из Украины в Китай, где она вновь расцвела в Ян-шао-суне в Хонане около 1700 д.н.э., затем в Паншане в Каньсу. Наконец, согласно Таллгрену, бронзовый век начался в западной Сибири около 1500 д.н.э и был связан с великой данубианской бронзовой цивилизацией в тот же самый период (цивилизация Ауньтэтита), в то время как в центральной Сибири, в Минусинске бронзовый период не начинался в последующие триста лет (около 1200 д.н.э.). Топоры и головки пиков западной Сибири, которым подражали в Китае, заставили Макса Лоера предположить, что бронзовая техника Китаем была заимствована у Сибири приблизительно в тоже самое время (1400 д.н.э.).²

Выдающаяся черта древней истории степей заключается в разработке прогрессирующего стилизованного искусства изображения животных, которое заметно оригинально и было предназначено для украшения бронзовых, серебрянных или золотых пластинок на сбруе и экипировке: одна из форм роскоши кочевых. Это искусство представлено на Кубани, в Майкопском захоронении вазой из электрума (сплава золота и серебра) и золотыми и серебрянными фигурами животных (быков, львов и др.), которые определенно были пронизаны духом ассирийско-вавилонского стиля. Будучи современными с искусством среднего Миноанского периода, эти предметы искусства датируются, согласно Таллгрену, около 1600-1500 д.н.э.³ Это оригинальное ассирийско-вавилонское влияние продолжается даже в исторические времена – в шестом веке д.н.э. – как это можно видеть на знаменитом топоре Келермеса.

Таллгрен склонен думать, что возможно с 1200 д.н.э. индо-европейский народ, киммерийцы, начали населять русские степи к северу от Черного моря. Если верить в трако-фиригийское происхождение киммерийцев,⁴ то они должны были «прийти» из Венгрии и Румынии, или, менее гипотетично, также «насеяли» эти страны.⁵ Выдающийся финский археолог относит киммерийцам, по-меньшей мере, частично, достаточно многие находки этого периода, сделанные недавно в регионах Днепра и Кубани. Из них наиболее важным являются сокровище Бородино (1300?-1100), сокровище Штетково с бронзовыми серпами (1400?-1100), литейная бронзы Николаева (1100?) и бронзовые серпы Абрамовки (1200), которые

все были открыты между нижним Дунаем и нижним Днепром. В Кубани, более того, находятся золотые пластинки и серебрянный бык Старомишастовской (1300?). Наконец, на реке Терек находятся курганы Пятигорска (прибл. 1200?) и начала Кобана (период чистой бронзы, прибл. 1200?-1000). Все это киммерийское искусство юга России связано с закавказской культурой Ганджа-Карабаха, где найдены несколько прекрасных бронзовых пряжек, украшенных геометрическими фигурами животных. (Эта культура началась между 1400 и 1250 и завершилась в конце восьмого столетия). Она также связана с культурой Талиша, где расцветало бронзовое искусство около 1200.⁶

Деревянная гробница Покровска, датируемая 1300-1200 д.н.э., указывает распространение пред-киммерийской или киммерийской бронзовой цивилизации от Волги до Урала и на Туркестан. В Сейме около Нижнего Новгорода «сокровище» нам дает представление о внутренней культуре меди и бронзы, включая первых втулочных военных топоров (1300-800). Аналогичная культура в Казахстане, известная как культура Андронов, достигла Минусинска и около 1000 д.н.э. была продолжена культурой Карасука. Это был первый в Сибири бронзовый период, со втулочными топорами, которые, возможно, положили начало в Аньяне в Китае Шань плоским кинжальным и дротиковым лезвиям типа Сейма и их чисто геометрическим украшениям. Кавказское искусство изображения животных не проникло так далеко, как последние. Дальше на север в Красноярске на Енисее на довольно последней стадии был найден аёнеолитский тип искусства, который производил некоторые замечательные резные фигуры лосей и коней.

С 1150 по 950 киммерийская цивилизация продолжала прогрессировать к северу от Черного моря. Это время представляется периодом новгригорьевского сокровища (бронзовые втулочные топоры) и николаевской бронзой литейной на реке Буг (прибл. 1100). В степях Терека чисто бронзовый период Кобан показывает интересные сходства с тем, что известно как лелварская цивилизация в Грузии, которая была впереди степной цивилизации – поскольку здесь было найдено железо – и которая (приблизительно с 1000 до 900) производит интересные бронзовые поясы, украшенные фигурами человека и животных, геометрические по стилю, в сценах охоты и сельского хозяйства. Более того, местная бронзовая

культура, которая промелькнула в Покровске (Энгельс), между Самарой и Саратовым, продолжается в этом регионе, как это продемонстрировали гробницы в Хвалынском, которых Таллгрэн датирует между 1200 и 700 д.н.э. В дальнейшем Таллгрэн эту культуру приписывает скифам, северным иранским людям, которые тогда появились в России впервые и наследовали киммерийцев в господстве в степях к северу от Черного моря.

Последняя фаза киммерийской культуры имела место между 900 и 750. Это время является периодом сокровища Михайловки в Галиции с ее знаменитой золотой короной, которая показывает сходство и с культурой Кавказа, так и с культурой Галлстата Австрии (?800-700). Это есть также период культуры сокровища Подгорца Киева с ее кавказским влиянием, бронзовых втулочных топоров Кобелево к северу от Одессы и, говоря в общем, периода пиков с двумя пазами на лезвиях, так широко распространенных в то время в южной России (прибл. 900-700). Киммерийская бронзовая культура перетекла также в Румынию, приняв форму культур Бордей-Герастрау и Муреса в Молдавии и культуры Вартопу в Валлахии. Киммерийская бронзовая культура затем продолжалась в Венгрии. Здесь имеется повод наблюдать, как это делает Таллгрэн, что киммерийцы и тракийцы все еще пребывали в бронзовом периоде, в то время как юго-западный Кавказ и Галлстат в Австрии уже вступили в железный период (Галлстат I, прибл. 900-700). В другом месте, группа культуры Хвалынска между Волгой и Уралом, приписываемая к головному отряду скифов, группа, которая около 900 д.н.э. производила бронзовые находки Сосновой Мазы, была аналогично отсталой. В это время в Минусинском в Сибири наступила вторая фаза бронзового века, что, согласно Таллгрэну, была между 1000 и 500 д.н.э, с втулочными топорами, имеющими ушки; украшения были все еще, в основном, геометрическими, хотя были изредка фигуры животных, которыми, несомненно, были украшены концы рукояток.⁷

Следует вспомнить, что киммерийской бронзовый век русской степи во время своей последней фазы находился в связи железными цивилизациями в Галлстате в Австрии и на Кавказе. Железные ножи из Галлстата были найдены в

верхних слоях киммерийской культуры, в качестве находок раннего скифского периода.⁸

Скифы

Между 750 и 700 д.н.э., согласно свидетельству греческих историков, поддерживаемых ассирийской хронологией, киммерийцы были вытеснены из степей южной России скифами, которые пришли из Туркестана и западной Сибири. Люди, известные грекам под именем скифы (Skythai), были теми, которых ассирийцы называли *ашкуз* и которым персияне и индийцы дали имя *сака*.⁹ Как можно вывести из номенклатуры, скифы принадлежат к иранской расе.¹⁰ Они были иранцами севера, которые оставались кочевниками в «в первоначальной иранской стране» в степях нынешнего российского Туркестана и которые таким образом в большой степени избежали влияния материальной цивилизации Ассирии и Вавилона: цивилизации, которая оказала такое сильное влияние на их оседлых братьев Медес и персиян, обитающих дальше к югу на плато Ирана. Скифы, подобно своим родственникам-сарматам, должны были оставаться также незнакомцами к историческому маздаизму и зороастрийским реформам, которые скоро впоследствии переобразовали медо-персидские веры.

Живые портреты этих скифов были оставлены на греко-скифских вазах Кул Оба и Воронежа. Они были бородатыми и одеты подобно своим сака братьям на рельефных настенных картинах Персеполиса, в остроконечные шапки, которые защищали уши от знойных ветров равнин и свободной одежды – блузки и широкие штаны – свойственные к сака и к их медийским и персидским двоюродным братьям. Конь – замечательный конь степи, изображенный на серебряной амфоре чертомлыкского кургана – был их неразделимым компаньоном и их любимым оружием был лук.¹¹ Эти верховые лучники «не имели городов», за исключением, «путешествующих городов»: так сказать, кибиточных поездов, которые сопровождали их на сезонных миграциях, как это было еще обычаем и через девятнадцать столетий, в тринадцатом веке – в дни Пиано Карпини и Уильяма Рубрука – когда подобные колонны следовали за чингизидскими монголами через

те же самые русские степи. В эти кибитки они грузили своих женщин и свое богатство: золотые украшения, пластинки для сбруи и оборудования и, несомненно, также ковры – все изделия, для которых возникла потребность в рождении скифского искусства и определение его форм и основной ориентации. Так, как они там были, они оставались правителями русской степи с седьмого по третий век д.н.э.

Современные лингвисты убеждены, что скифы должны относиться к иранским людям – индо-европейской семье индо-иранской или арианской группы. Как было отмечено, однако, их образ жизни был сходен с таковым у гуннских племен тюрко-монгольского рода, который приблизительно в тоже самое время стал активным на другом конце степи, на границах Китая. Действительно, кочевые условия жизни в степи, независимо от того, на севере ли Черного и Каспийского морей или в Монголии, были намного схожи, хотя в последнем регионе они были заметно суровыми. Тогда неудивительно, что касается физического типа и в, особенности, языка, скифы в описании греческих историков и в изображениях на греко-скифских вазах напоминают до сих пор культуру и основной образ жизни гсиен-ну, ту-чю и монголов, в описании или в изображении китайских летописцев и художников. Найдено, что определенное количество обычаев свойственно к обеим группам, или потому, что их сходные образы жизни заставляло их приходить к решениям (как, например, использование и скифами, и гуннами верховых лучников штанов и ботинок вместо халата средиземноморских народов или ранних китайцев и также использование стремени¹²), или потому, что действительный географический контакт между скифами и гуннским народом на одном и том же культурном уровне дал рост одних и тех же обычаев. (В качестве примера приводятся похоронные жертвоприношения, которые продолжались до поздних времён как среди скифов, так и среди тюрко-монголов, в то время как в западной Азии и Китае они исчезли уже давно, со времени похорон Ур и Аньян).¹³

Таким образом между 750 и 700 скифы (или скорее, народ скифо-сака, поскольку большинство саков осталось в районе Тянь-шань, около Ферганы и Кашгарии) переместились из региона Тургай и реки Урал в южную Россию, вытесняя оттуда киммерян.¹⁴ Кажется, часть симмерян вынуждены были найти

убежище в Венгрии, которая, вероятно, уже была населена другим народом тракийского рода; и эти беженцы, как полагают, должны были захоронить «сокровища» Михаени около Сзилагуи и Фокуру – около Хевеса, а также «сокровища» Михайловки в Галиции. Остальная часть киммерян бежал через Тракию, говорит Страбо – или, согласно Геродота, через Колхиду – в Малую Азию, где они двинули в Фригии (прибл. 720), затем в Капподакию и Силицию (прибл. 650) и, наконец, в Понтис (прибл. 630). Некоторые скифы пустились в их преследование (720-700), однако Геродот говорит, что они выбрали неправильную дорогу, пересекли Кавказ через Дербентские ворота и пришли в соприкосновение с Ассирийской империей, на которую напал их король Ишкари, хотя и безуспешно (прибл. 678). Бартатуа, другой мелкий скифский король, был более хитрым; он сделал дружелюбные жесты ассирийцам, с которыми он имел общего врага: киммерян, которые угрожали ассирийским границам в регионе Силиция и Капподокии. Скифская армия, действуя в соответствии с ассирийской политикой, вступила в Понтис, чтобы сокрушить последних киммерян (прибл. 638).

Приблизительно десять лет спустя сын Бартатуа, который Геродотус называет Мадейс, прибыл по просьбе Ассирии, которая была побеждена Медесом, и вторгся и покорил Медию (прибл. 628). Однако, скоро Медес восстал; их король Саяксарес уничтожил скифских вождей и остатки скифов повернули обратно через Кавказ на юг России. Это лишь несколько наиболее важные эпизоды скифских вторжений, которые держали под страхом Западную Азию приблизительно семьдесят лет. В течение этого времени великие индо-европейские варвары были ужасом Старого мира. Их кавалерия проскакала в поисках добычи от Капподокии до Медиа, от Кавказа до Сирии. Эта великая волна народов, эхо от которой можно обнаружить даже среди пророков Израиля, представляет первое в историческое время вторжение кочевников северных степей в старую цивилизацию юга: движение, которое еще раз повторно последует через двадцать веков.

Когда персияне вытеснили ассирийцев, вавилонцев и медов, то в качестве хозяев западной Азии, они были вынуждены работать по превращению оседлого Ирана в страну, способную противостоять новым вторжениям со стороны внешнего Ирана. Согласно Геродоту, Сирус свою последнюю кампанию вел против

массагутов, то есть, против скифов в регионе восточнее Хивы (прибл. 529). Дариус организовал свою первую крупную экспедицию против скифов в Европе (прибл. 514-512). По пути из Тракии и современной Бессарабии он проник в степь, где, следуя обычной кочевой тактике, скифы вместо принятия боя, отступали перед ним, завлекая его даже дальше в дикие края. Он был достаточно мудр, чтобы вовремя отступить. Геродот склонен оценивать эту «русскую кампанию» как глупость деспота; тем не менее фактически, ахеменидский монарх намеревался этим самым проводить довольно естественную политику: персианизацию внешнего Ирана или создание пана-иранского союза. Предприятие потерпело неудачу, скифы избежали персидского влияния и остались в мирном владении южной Россией в последующие три столетия. Экспедиция Дариуса по-меньшей мере дала возможность обеспечения защиты западной Азии против вторжений кочевников.¹⁵

Открытия скифского искусства дают возможность взглянуть вместе с Таллгреном на развитие скифского владения в России.¹⁶ Сначала приблизительно с 700 до 550 д.н.э. центр скифской культуры оставался на юго-западе, в кубанском регионе и на Таманском полуострове. Без сомнения, скифы к тому времени уже доминировали на юге Украины, между нижним Днепром и южным Бугом, как это доказывается находками в Мартонохе и Мелгунове, хотя, возможно, больше нерегулярным образом. Приблизительно между 550 и 450, согласно Таллгрелу, когда скифская культура энергично распространилась на регион, представляющий сегодняшнюю Украину, достигнув своего пика с 350 до 250, как это можно видеть из королевских курганов нижнего Днепра в Чертомлюке, Александрополе, Солохе, Деневе и других. Наиболее северный район на западе, которого достигла скифская культурная экспансия, пролегает вдоль северного края лесостепи, немного к югу от Киева и в воронежском регионе. К северо-востоку экспансия продвинулась до Волги к Саратову, где были сделаны важные открытия и где Таллгрел располагает скифский или квази-скифский народ – иранский в обоих случаях – сарматов.

Возможно, что скифы в южной России никогда не были более чем аристократией, находящейся над киммерянами – то есть, трако-фригийским субстратом. Бенвенисте отмечает, что в информации Геродота (IV, 5-10) предполагаемые скифы оказываются чисто иранской номенклатурой, в то время

как другая информация о тех же самых скифах, утверждающая об их греческом начале, раскрывает номенклатуру как трако-фиргийской.¹⁷ Лингвистские остатки согласуются с археологическими. «Культура Халлстатта киммерийского бронзового периода», говорит Таллгрэн, «жила на Украине как крестьянская даже тогда, когда устанавливались скифская и эллиническая культуры».¹⁸

Наконец, к северу от скифской зоны с ее более или менее киммерийским субстратом, жили нескифские варвары, которых Геродот называет андрофагами, меланхленами и исседонами, которые могли иметь угро-финнское происхождение. Таллгрэн полагает, что андрофагов следует расположить к северу от Чернигова и меланхленов – к северу от Воронежа. Известно, что эти два народа объединились со скифами для отражения вторжения Дариуса. Что касается исседонов, то Бенвенисте ищет их в Уральском регионе около Екатеринбурга. Также Таллгрэн приписывает к андрофагам и меланхленам, то есть, угро-финнским соседям скифов, так называемую мордовскую культуру, следы которой были найдены в раскопках на Десне и Оке и которая характеризуется скорее более низкой орнаментацией, в которой полностью отсутствует анималистский (изображение животных) стиль скифов.¹⁹

Скифское искусство

Последствия крупных скифских вторжений на Кавказ, в Малую Азию, Армению, Медию и Ассирийскую империю в седьмом веке выходят за пределы политической истории. Начальный контакт скифов с ассирийским миром, союзниками и конфедератами которого они были – этот тесный контакт продолжался почти век – является фактом первостепенной важности для любого исследователя степного искусства. Во-первых, вполне возможно, что скифы завершили свой переход из бронзовой эры в железную во время своих перемещений по западной Азии в седьмом веке.

Начальная фаза скифского искусства не находилась под влиянием железной техники Халстатта в кельт-дунайском регионе (Халстатт включает период между 1000 или 900 и 500 или 450, скифский период – между 700 и 200).²⁰ Однако, это

был прежде всего Кавказ и страна медийцев – в этом случае Луристан – которых смятение народов в седьмом веке привело в такие тесные отношения со скифами. Франц Ханчар в согласии со своим коллегой из Вены Ф. В. Кёнигом придерживается мнения, что, в действительности, седьмой век был наиболее ответственным за крупный вклад бронзы Кобана на Кавказе и также в некоторой степени бронз Луристана на юго-западной части старой Мидии. По мнению Ханчара, кобанская бронза и даже бронза Луристана частично были обязаны киммерянам.²¹ Что очевидно, то это связь между этими и начальной фазой скифского искусства в тоже самое время, когда эскадроны скифских и киммерийских захватчиков вихрем носились в тех же регионах.

Имеется неопровержимое свидетельство прямого влияния ассирио-вавилонской Месопотамии на первые скифские работы искусства: топор Келермеса на Кубани из железа и золота (датируемый приблизительно шестым веком). Этот топор демонстрирует старое ассирио-вавилонскую и лустринскую тему двух козерогов, стоящих около дерева жизни вместе с каким-то изящным оленем. Животные изображены в реалистическом стиле и художественная форма явно вдохновлена ассирийским анималистским искусством. Тем не менее, это есть специфически скифское искусство в декоративном приложении, для чего оно было и сделано.

С этой начальной точки мы наблюдаем рост всего скифского анималистского искусства, которое может быть определено как поворот ассирийского (или греческого) натурализма на декоративные цели. Это искусство появляется в его определенной форме с золотой оленью могилы Костромская, чьи рога стилизованы в виде спирали. Почти определенно в шестом веке оно также появляется на Кубани.

В этом стиле эстеты степи поддерживали свои вековые местопребывания в южной России с теми четко определенными тенденциями, которых мы увидим дальше в восточном развитии вплоть до Монголии и Китая. С самого начала замечается двойственный поток: натуралистское течение, несомненно периодически обновленное из ассирио-ахаменидских источников, с одной стороны, и из эллинских, с другой стороны, и декоративное течение, которое, как было

установлено, извивает, изгибает и уклоняет, течение чисто для целей украшения.²² Наконец, реализм анималистского стиля, который никогда не терял из поля зрения наездников и охотников, стал лишь колышком и предтекстом для стилизованных декораций.

Такая тенденция объясняется кочевым образом жизни независимо оттого, касается ли это скифо-сарматов на западе или гуннов на востоке. Не обладая ни постоянными поселениями или ни земельным имуществом, они оставались в стороне от статуи, рельефного изображения и живописи, которые сами требуют реализма. Их роскошество было обращено к богатству одежды и личным украшениям и украшениям утвари, сбруи и так далее. Предметами такого вида являются стежки и пластинки для ремней, сбруйные пластинки, ременные пряжки для мечей, кибиточные панели, все виды ручек и рукояток, то есть ничего из ковров, украшенных как в Ноин-Ула, для стилизованного, даже геральдического обращения.

Как было сказано, северные кочевые – как иранского рода, подобно скифам, так и тюрко-монголы, подобно гуннам – проводили свою степную жизнь на спине коня, увлеченные в погоню стад оленей или диких ослов и наблюдая за волками, охотящимися за антилопами на просторах безграничных равнин. Как их образ жизни, так и специфический характер их богатства делало так, что из ассирио-вавилонское влияния, которые они приобретали, они должны были удерживать лишь геральдические темы и стилизованные представления дерущихся животных. Наконец, как отметил Андерссон, оказалось, что эти анималистские изображения имели особую волшебную цель, подобно фрескам и вытескам из костей магдаленов.²³

За исключением греко-скифских примеров работы ювелиров – только скиф на предмете и исполненные греческими художниками, работающими как для эллинских колоний в Крыму, так и непосредственно для королей степи – почти во всем скифском искусстве фигуры животных очерчены в формальном, геометрическом стиле с видом исключительно для эффекта украшения. Имеются примеры в Костромской, датируемые, согласно Шефолду, пятым веком д.н.э.; в Елизаветской – того же периода; в Кул Оба в Крыму между 450 и 350; в коллекции

Петра Великого – примеры, происходящие из западной Сибири в сарматский период (первый век нашей эры); и в Верхнеудинском в Забайкалье, в гуннском искусстве, датируемом приблизительно началом нашей эры. Во всех примерах найдены олени рога, конские гривы и даже когти кошачьих, пролиферирующие в завитках и спиральных, которые иногда два раза превосходят высоту животного. Верхняя губа коня закруглена как ракушка улитки. В скифо-сарматском искусстве западной Сибири, также, как и в идентично вдохновленном искусстве, выполненном гсиен-ну в Ордосе, стилизация животных форм является иногда настолько законченной – они обвиваются и переплетаются друг с другом в такой запутанности и ветвь в таком неожиданном изобилии – что, несмотря на выдерживаемый реализм в обработке голов оленей и коней или голов медведей и тигров, лишь с трудом можно отличить их от украшений. Рога и хвосты животных ограничиваются листвой или цветками в виде птиц. Анималистский реализм заканчивается погружением и потерей себя в украшении, которое рождается из него.²⁴

Степное искусство находится таким образом в прямом контрасте с искусством соседних оседлых народов, скифы относительно ассирио-ахаменидов, гунны относительно китайцев, и по-видимому, имеется область, где они имеют наибольшую общность: сцены охоты и дерущиеся животные. Ничего не может быть более различным в анималистском классицизме – всеобщая быстрота и скудное изображение – ассирийцев или ахаменидов, с одной стороны, и Хань с другой, по сравнению с искривлениями, свертками и неясностями степного искусства. Ассирийцы и ахамениды, подобно ханьскому Китаю, показывают крадущих зверей, преследующих или дерущихся между собой, в пределах простой, воздушной оправы. Степные художники, скифы или гунны, показывают драки – часто как запутанные заросли лианов – между животными, вовлеченными в смертельную схватку. У них они являются драматическим изображением сломанных конечностей коней или оленей, схваченных леопардами, медведями, хищными птицами или грифами, тел жертв, которые часто закручены полностью в круг. Здесь ни скорости, ни полета; вместо этого, терпеливое и методичное разрывание горл, в котором, как говорят, жертва кажется волочит убийцу к своей

смерти. Даже здесь есть внутренняя динамика, которая, несмотря на «замедленность», может достичь трагических высот. Различные элементы и тенденции степного искусства неравномерно распространены по огромной площади, простирающейся от Одессы до Маньчжурии и Желтой реки. Скифское искусство степи, распространяющееся по направлению к лесному региону верхней Волги, оказало влияние на культуру Ананино около Казани (прибл. 600-200 д.н.э.), которая несомненно была угро-финнской цивилизацией. Богатый похоронный материал, открытый здесь, произвел в дополнение к обычным бронзовым топорам с острями и кинжалам, некоторые животные мотивы, в которых тела животных были закручены; они имеют сходство со скифским искусством, хотя и исполнены в несколько скудной и простой форме. Тем не менее, согласно наблюдениям Таллгрена, скифский анималистский стиль был лишь частично адаптирован в Ананино и украшения продолжали быть основанными на геометрических узорах.²⁵

В Минусинском, в центральной Сибири, ситуация была не полностью аналогичной. Во время наибольшего расцвета бронзового периода (с шестого до третьего веков) этот важный металлообрабатывающий центр Алтая стала производить втулочные топоры, украшенные чисто геометрическим дизайном (например, «угловое» украшение в Красноярске). Еще, начиная с того же периода, край производил анималистские бронзы трезвой, упрощенной стилизации, в противоположность к замысловатому совершенству других провинций. Поэтому именно здесь Боровка был склонен искать происхождение степного искусства и топографически, и хронологически.

Важность вопроса очевидна. Был ли Минусинск географическим центром этого искусства, расположенного на пол-пути между Черным морем и Заливом Чихли так, что древние мастера Алтая выковали первые анималистские украшения? И были ли эти украшения все еще элементарными и слабыми, чтобы стать обогащенными за счет как ассирио-ахманидского вклада скифов на юго-западе, так и за счет китайских заимствований гсиен-ну в юго-востоке? Или бедность минусинских анималистских дизайнов объясняется, как уверен Ростовцев, упадком скифского искусства во время его распространения в сибирские леса, как это случилось в Ананино по отношению к искусству, которое

должно было распространяться в лесной регион Перми? Если это верно, то Ананино и Минусинск представляют собой не более чем слабое эхо русской степи.

Следует отметить, что в самой южной России в начале, т.е., с седьмого и шестого веков д.н.э., были найдены лишь простые, до некоторой степени, примеры анималистской стилизации, как, например, в бронзах могилы Семь Братьев, Келермеса, Улски и Костромской на Кубани, Чигиринка около Киева, Керчи и Кул Оба (они датируются пятым и четвертым веками) в Крыму. В пятом и четвертом веках стилизация, очевидно, стала более сложной, как в Солохе около Мелитополя у Азовского моря. Здесь рядом с тонким предметом работы греческого ювелира на скифские темы находятся искаженные фигуры животных с характерными ответвлениями и выделкой. То же самое верно в Елизаветинской около Азова, где цветковые и раветляющие мотивы, втесанные в бронзу, отделаны сами по себе.

Сарматы и западная Сибирь

В Прохоровке в Оренбургской области около Уральских гор, была найдена местная культура, датируемая четвертым веком д.н.э., с важной коллекцией пиков. Поскольку пики являются характеристическим оружием сарматов, то могилы Прохоровки, согласно Ростовцеву, представляют первое появление этих людей в европейской России.²⁶ Однако, это могло быть во второй половине третьего века д.н.э., когда народ, принадлежащий к северной кочевой иранской группе, как и скифы, и до того расположившаяся к северу от Аральского моря, пересек Волгу и вторгся в русскую степь, вытесняя скифов обратно к Крыму.²⁷ Полибий (XXV, 1) упоминает о них впервые как реальную силу в 179 д.н.э.

Два народа этнически были родственны и были кочевыми.²⁸ Тем не менее, новопришельцы заметно отличались от своих предшественников. Скифы, следует отметить, были верховыми лучниками, носившими шапку саков и широкие штаны; они были варварами с поверхностными знаниями греческой культуры и разработали анималистское искусство, которое через его стилизацию еще содержало память о более пластической, натуральной форме. Сарматы были, в основном, уланами, с коническими шапками и одетые в кольчугу. Еще в основном

анималистского стиля их искусство демонстрирует более исключительный вкус, чем искусство скифов по стилизации и геометрическому орнаменту и они изошряются в инкрустациях цветных эмалей на металле. Короче говоря, их искусство показывает сильно обозначенную «восточную» реакцию стилизованного цветочного украшения, основанного на греко-римском пластицизме. Такое является первым проявлением в Европе пред-средневекового искусства, которого сарматы должны были вручить готам и готы всем германским племенам *переселения народов* или великой миграции народов.

Переход от скифского к сарматскому искусству произошел в начале третьего века д.н.э., как можно заключить из крупных открытий, сделанных в Александрополе около Екатеринослава. Сарматское искусство установилось в южной России в третьем и втором веках, как это показывает ювелирные украшения Буеровой могилы, Ахтанизовки, Анапы, Ставрополя, Касинского и Курджинов на Кубани. Оно также было открыто в сарматском слое в Елизаветской около Азова и еще его можно видеть на праздничном ремне, украшенном серебром и эмалью в Майкопе. Несущий грифона, пожирающего коня, майкопский ремень, можно сказать, является примером сарматского искусства, датируемого вторым веком н.э. Тот же стиль продолжается в сарматских пластинках следующего периода и он был найден в Таганроге и Федулове около устья Дона, в Сиверской около устья Кубани (второй-первый век д.н.э.) и, как предметы первого века нашей эры, в Новочебоксарске около Азова, в Усть-Лабинской, в колхозе Зубово и в Армавире на Кубани.²⁹

С коллекцией этих предметов и, в частности, с пластинкой майкопского ремня, связаны золотые и серебряные пластинки западной Сибири, являющихся сегодня частью сокровища Петра Великого, которые украшены борьбой между грифонами и конями, тиграми и конями, грифонами и яками, орлами и тиграми и так далее, обработанных в весьма стилизованным образом с применением вида дерева. Все эти сибирские пластинки, приписанные Боровкой к третьему-второму векам, датируются Мерхартom первым веком д.н.э. и Ростовцевым – более вероятно – первым веком н.э.³⁰

Тенденция приписывать золотые и серебряные пластинки западной Сибири к людям, родственным сарматам, в соответствии с советскими находками человеческих черепов того же периода, сделанных в Оглакте около Минусинска, то есть, намного дальше к востоку в центральной Сибири – не представляется быть тюрко-монгольского происхождения. С другой стороны, они могли принадлежать к индо-европейским людям, живших в контакте со скифами, сарматами и саками.³¹

Пред-тюркская культура Алтая

Металлообрабатывающий центр Минусинска на верхнем Енисее приблизительно в начале пятого века стала сценой новой активности.³² Тогда, согласно Таллгрену, появились могильные ямы с четырехугольной каменной кладкой, что совпадает с периодом, известным как «бронза III», «полная бронза» Мерхарта (прибл. 500-300 или 200 д.н.э.). Этот период характеризуется изобилием животных мотивов, особенно, с лежащей или стоящей оленью, с оленью, смотрящему назад и со свернутым в клубок животным, которое, согласно Таллгрену, происходит из южной России.

Между 500 и 300 появилась первое производство сибирских бронзовых кинжалов и ножей и также «кубокообразные котлы», которые распространились из Минусинска и на Ордос периода гсиен-ну, и на Венгрию великих вторжений.³³ Ножи Минусинска и Тагарской, тонкие и слегка закругленные, с рукояткой, ограничивающейся изящной оленьей головкой, были равномерно распределены через Монголию дальше на Ордос времен гсиен-ну.

Около 330-200 д.н.э. в Минусинском торжествовал железный период, производивший топоры с остриями, частично из бронзы и частично из железа и группу крупных коллективных захоронений. Кроме этого, Минусинск снабжал украшенными бронзовыми пластинками, которые несомненно датируются, согласно Мерхарту, вторым и первыми веками. Показывая быков голова в голову в драке, или дерущихся коней, пластинки демонстрируют живых существ с ушами, копытами, хвостами, мускулами и волосами, выделанных в стиле «пустого трилистья». Эта техника определенно относится к сарматскому искусству южной

России и западной Сибири, которая, как многие археологи думают, была передана Минусинским гуннскому искусству Ордоса.

Минусинск располагается на северном склоне Саянских гор. Далее на юго-запад в Пазирюке на северной стороне большого Алтая, около верхних вод Оби и Хатуни экспедиция Грязнова в 1929 открыла захоронения, датируемые 100 д.н.э или немного ранее, содержащие туловища коней «замаскированных как северные олени». (Между прочим это обстоятельство доказывает, что люди этого региона заменили северных оленей конями).³⁴ Эти конские маски и их сбруи из кожи, дерева и золота украшены стилизованными изображениями животных: козероги и олени-самцы, леопарды, прыгающие на олени и козероги, хищная птица, нападающая на олень и петухи, стоящие лицом к лицу. Все эти темы довольно близки к скифскому и даже греко-скифскому анималистскому реализму, не учитывая их поздних орнаментальных усложнений. Стилизация, правильная и сдержанная, производит прекрасный декоративный эффект.

В Пазирюке также были найдены бородатые маски греко-римского происхождения, которые несомненно были вдохновлены эллинистским королевством киммерийского Боспора. Подобные греко-римские маски, датируемые приблизительно тем же периодом – вторым и первым веками д.н.э. – найдены в минусинской группе: в Трифонове, Батени, Беи, Кали, Знаменке и т.п.³⁵ Алтайская группа содержит, кроме Пазирюка, курганов Шибе, Каракол и Ойротин, датируемые, в основном, первым веком д.н.э. и имеющих сходство с сарматскими памятниками искусства. Предметы группы Шибе демонстрируют тоже самое анималистское искусство со сдержанной стилизацией, все еще не так далеко удаленной от реализма. Китайский лакированное изделие в Шибе, датируемое 86-48 д.н.э., оказывает помощь в исправлении хронологии этого центра.³⁶

В первом веке н.э. алтайская культура представляется курганом Катанды, где находятся резные работы из дерева в виде схватки между медведями и оленями, олени атакующие рогами головы птиц; также бронзовые пластинки и куски ткани, украшенных стилизованными рисунками животных, в которых схватки грифонов и оленей напоминают гуннские мотивы того же периода (2 век н.э.) в Ноин Ула в Монголии. Также, как Ноин Ула выдает греческую ткань,

определенно происходящую из киммерийского Боспора, так и курган Теса около Минусинска снабжает нас свидетельством, греко-римского влияния вплоть до времен великих вторжений из тех же мест, в особенности, по части сережек понтийского стиля.

В период двух столетий нашей эры рисунки животных в переходной культуре продолжали процветать в минусинском регионе. Теплухов называет это таштыкской культурой. К ней, в частности, принадлежат находки в деревне Оглакты приблизительно тридцати семи милях с севера от Минусинска и ниже места слияния реки Туба с Енисеем. Эти находки датируются по куску китайского шелка периода второй династии Хань и включают несколько красивых надкаменных изображений животных.

Скоро после этого указанные центры культуры со скифо-сарматскими аналогами, найденными на Алтае и в Минусинском, по-видимому, вымерли или, точнее, претерпели изменения. В начале седьмого века н.э. минусинский регион все еще производил бронзовые украшения, дата которых была установлена по китайским монетам династии ранней Тань. Однако, в то время, страна очевидно, была завоевана тюркскими племенами, предшественниками киргизов, упомянутых китайскими историками в пятом веке.³⁷ Согласно Теплухову, индо-европейская аристократия с ее сарматскими связями была унаследована киргизами после третьего века н.э.³⁸ Однако, перед исчезновением культурные центры Минусинска, Пазирюка и Катанды сыграли значительную роль в передаче стилизованного анималистского искусства – искусства степи – гуннским народам Монголии и Ордоса.

Истоки гсиен-ну

В то время как кочевые иранского рода – скифы и сарматы – занимали западную часть степной зоны, в южной России и вне сомнения, также и в Тургае и западной Сибири, восточная часть была под властью тюрко-монгольских людей. Из них доминирующим народом в древности был известный китайцам под названием гсиен-ну, сходным с названием гунны (Hunni) и *Huna*, под которыми

римляне и индейцы обозначали этих же варваров.³⁹ По-видимому, эти гсиен-ну (название не появляется ясным образом в китайских записях до династии Чин в третьем веке д.н.э.) назывались *Hsien-yüin* китайцами восьмого и девятого веков. Еще ранее они могли быть известными как *Hsiun-yü* или, более неопределенно, *Hu*. Ху, известные китайцам на заре истории, были теми, которые жили на границах Китая тех дней в Ордосе, в северном Шаньси и северном Хопей. Масперо полагает, что «Жун Севера», Пей-жун, обитавшие к северо-западу от сегодняшнего Пекина, был народ племени Ху. Другие кланы были покорены китайцами королевства Чао в четвертом веке д.н.э. Король Ву-лин из Чао (прибл. 325-298) даже захватил у них северный край сегодняшнего Ордоса (прибл. 300 д.н.э.). Чтобы обеспечить действенную защиту от нападения этих кочевых китайские королевства Чин (Шеньси) и Чао (Шаньси) превратили свои громоздкие вооруженные силы на колесах в кавалерию. Это было военное переобразование, которое сопровождалось с полным изменением китайской одежды, халат архаических времен был заменен кавалерийскими штанами, скопированными у кочевых, от которых китайские воины переняли также сливообразную шапку, «три хвоста» и ременные пряжки, которые должны были играть большую роль в искусстве, известном как «Воюющие Государства».⁴⁰ Оно также служило цели защиты против гсиен-ну так, чтобы китайцы Чао и соседние государства начали строить вдоль своих северных границ элементарные фортификации, позднее унифицированные и завершенные Чин Ши Хуан-ти, стали Великой Стеной.

Согласно китайскому историку Ссу-ма Чин, во второй половине третьего века д.н.э. гсиен-ну стали объединенным, сильным народом. Им руководил вождь по названию шань-ю, чей полный титул произносился на китайском к Чен-ли Ку-ту Шан-ю (Ch'eng-li Ku-t'u Shan-yü), который китайцы переводили как «Величественный Сын Неба». В этих словах можно обнаружить тюрко-монгольские корни: *чен-ли*, в частности, является транскрипцией тюркского и монгольского слова *Tängri*, Неба.⁴¹ Под *shan-yü* служили «два великих сановника, короли *t'u-ch'i*»: иначе говоря, мудрые короли правой и левой сторон. Китайская транскрипция *t'u-ch'i* относилась к тюркскому слову *doghri*, прямой, верный. Если можно говорить о зафиксированном доме в основном кочевого народа, то

резиденция *shan-yü* находилась на верхнем Орхоне, в гористом районе, где затем был построен Каракорум, столица монголов-чингизитов. Почтенный король левой стороны – в принципе, предполагаемый наследник – жил к востоку, по-видимому, в на верхнем Керулене. Почтенный король правой стороны жил к западу, возможно, как думает Альберт Геррман, около сегодняшнего Улусатая на хангайских горах.⁴² Следующими ниже по гуннской иерархии были *ku-li* «короли» правой стороны и левой стороны, командиры армии правой и левой сторон, крупные правители, *tang-hu*, *ku-tu* – все из левой и правой сторон; затем шли вожди тысяч, сотен и десятков людей.⁴³ Этот народ кочевников, люди на марше, были организованы подобно армии. Основным ориентиром был юг, обычай для тюрко-монгольских народов; такое же явление наблюдалось среди потомков гсиун-ну, у тюрков шестого века н.э. и также монголов Чингиз-хана.

Гсиун-ну описывается китайцами чертами, которых мы находим у их тюркских и монгольских наследников. «Они коротки», заключает Wieger, «коренасты и с большими круглыми головами, широколицы с выдающимся скулами, с широкими ноздрями, довольно пушистыми усами и лишь с пучком жестких волос вместо бороды на подбородке; их длинные уши проколоты и украшены кольцами. Головы обычно побриты, за исключением пучка волос на макушке.⁴⁴ Брови густы, глаза миндалеобразны со сверкающими зрачками. Они одевают широкий халат до голени, который застегивают спереди поясом, с висящими вниз концами. Из-за холода рукава круто затянуты на запястьях. Накидка из коротковолосистого меха покрывает их плечи и их головы защищены меховой шапкой. Их обувь сделана из кожи и широкие штаны затянуты на лодыжке. Футляр для лука висит на ремне спереди левого бедра. Колчан, также закрепленный на ремне, висит сзади на пояснице с зазубринами стрел направо.»

Некоторые детали их одежды, в частности, штаны, затянутые на голени, являются обычными для гуннов и скифов. Тоже самое является справедливым по отношению ко многим обычаям, например, к похоронным жертвоприношениям. Как гсиун-ну, так и скифы, резали горла женам и слугам вождей на могиле, количество которых доходило до сотен или тысяч в случае гсиун-ну. Геродот (IV, 65) пишет, что скифы распиливали черепа врагов на уровне бровей, затем

покрывали их кожаной оболочкой, которую во внутренней части черепа золотили и затем использовали в качестве кубка для пира. Ch'ien Han Shu свидетельствует о том же самом обычае среди гсиун-ну, как это можно было видеть на примере *shan-yü* Лао-шань, который пил из черепа короля ю-чи.⁴⁵ Действительно, как гсиун-ну, так и скифы были охотниками за головами. Геродот (IV, 64) видел скифов, для которых было делом чести демонстрировать среди трофеев после сражения головы, которых они отрезали у своих жертв и скальпы которых они вешали на узде своих коней.

Среди потомков гсиун-ну и ту-чю шестого века н.э. число камней; отличающих выдающихся вождей на могилах соразмерны с числом людей, которых он убил за свою жизнь.⁴⁶ Такая же кровожадность господствовала среди индо-европейских и тюрко-монгольских кочевых. Скиф орошал кровью своего врага священный ятаган, воткнутый на кургане и пил из кубка, заполненного кровью своего первого убитого врага.⁴⁷ Для освящения договора гсиун-ну пил кровь из человеческого черепа.⁴⁸ При оплакивании усопшего как скифы, так и гсиун-ну изрезали свои лица ножами «так, что кровь текла вместе со слезами.»

Подобно скифам, гсиун-ну были, в основном, кочевыми и ритм их существования регулировался их стадами овец, табунами коней, скотины и верблюдов. Они передвигались вместе со своими животными в поисках воды и пастбищ. Они ели лишь мясо (обычай, который производило сильное впечатление на китайцев, более склонных вегетарианству), одевались в кожи, спали на мехах⁴⁹ и жили в войлочных палатках. Их религией был неопределенное шаманство, основанное на культе тенгри или неба и преклонение к определенным священным горам. Их *shan-yü* или верховный монарх вызывал всех их вместе осенью («когда кони становились жирными») для подсчета людей и животных. Все китайские историки представляют этих варваров в качестве завзятых грабителей, которые неожиданно появлялись на окраинах обрабатываемых земель; нападали на людей, животных и имущество; и убегали опять с награбленным прежде чем можно было предпринять какую-либо контратаку.⁵⁰ Будучи преследуемыми, их тактика сводилась к заманиванию китайских колонн в просторы пустыни Гоби или степей, одновременно карая их дождем стрел, не позволяя самим быть захваченными и

никогда не продвигаясь по направлению к врагу для его убийства до тех пор, пока он не будет опустошен и деморализован голодом и жаждой. Эти методы, оказавшиеся эффективными из-за подвижности их кавалерии и их искусства обращения луком и стрелами, менялись немного среди всех жителей степей от первых гсиун-ну до времен Чингиз-хана. Они были общими для всех этих племен верховых лучников, независимо оттого, были ли они гуннами на востоке или скифами на западе. Как ссылается Геродот, та же самая тактика использовалась скифами против Дария. Дарий своевременно оценил опасность и отступил прежде чем это «отступление из России» могло закончиться катастрофой. В тоже время скольким китайским генералам отказала эта предосторожность и они были истреблены в пустыни Гоби, куда они преднамеренно заманивались для сражения с гуннами?

Относительно лингвистского положения гсиун-ну среди тюрко-монгольской группы народов, некоторые историки, подобно Куракичи Ширатори, склонны классифицировать их вместе с монголами.⁵¹ Напротив, Пеллиот, исходя из нескольких возможностей взаимоисключения, предоставленных китайскими записями, уверен, что все эти люди были тюрками, в особенности, их политическое руководство.

Гуннское искусство

Гсиун-ну владел весьма характерным искусством, представленным главным образом ремневыми бляжками или пластинками других видов, оправами, крючками или штифтами для сбруи или снаряжения, сделанных из бронзы и украшенных мотивами из животного мира или торцами заклепок, заканчивающихся фигурами самок оленей. Это искусство, часто известное как искусство Ордоса от названия монгольского племени Ордос, которое с шестого века н.э. занимала петлю Желтой реки к северу от Шеньси, в регионе, где находки встречаются в изобилии. Данное искусство является ветвью стилизованной анималистской живописи степей, а в южной России - с оттенком ассирийско-иранского и греческого влияния. В Минусинском, где независимо оттого, оригинал ли это или убожество, оно значительно упрощено. В Ордосе оно входит в контакт с

китайской эстетикой, степное и китайское искусство взаимодействуют и оказывают взаимное влияние друг на друга. Ордосское искусство частично напоминает минусинское, хотя оно богаче и более образно в его пластинках, украшенных дерущимися конями, конями или оленями в драке с тиграми, медведями и фантастическими животными и также конечниками копьев, украшенными оленями-самцами или оленями на круглых ступицах.

Согласно археологическим находкам, искусство гсиун-ну в Монголии и Ордосе является таким же древним, как и искусство скифов. В 1935 году шведский археолог Т.Й. Арне отнес ордосскую бронзу из Лунапин и Сюанхуа к началу третьего и даже ко второй половине четвертого века д.н.э.⁵² В 1935 году японский археолог Суйю Умехара уверенный в том, что ордосское искусство оказало глубокое влияние на китайский стиль, известный как искусство Воюющих Государств, которое процветало по-меньшей мере с пятого века д.н.э., отнес первые образцы ордосской бронзы к тому же периоду.⁵³ Недавно шведский синолог Карлгрен отнес стиль Воюющих Государств даже к намного раннему периоду, к 650 д.н.э., тем самым доказывая, что степное искусство в виде ордосского искусства существовало и тогда, поскольку оно произвело модификацию китайского стиля украшения, известного как Средний Чоу.⁵⁴ Все согласны в том, что влияние ордосского искусства является одним из факторов, который вместе с законами внутренней эволюции и по-видимому работающего в том же направлении, вызвал переход архаической китайской бронзы из стиля Среднего Чоу к стилю Воюющих Государств.⁵⁵

Основные места находок гсиун-ну простираются от озера Байкал до границ провинций Хопей, Шаньси и Шеньси, согласно нижеследующему. (1) На севере, гробницы Читы в Забайкалье, отнесенные Мерхартom к второму и третьему векам д.н.э. и гробницы Дерестуйска около Троицкосавска севернее Кяхты в Верхней Монголии, где были найдены сибирские пластинки и китайские монеты периода Хан, выпущенные после 118 д.н.э.⁵⁶ (2) Во Внешней Монголии, Ноин Ула около Урги, где экспедиция Козлова нашла могилу принца гсиун-ну. Эта могила содержала бронзу степного искусства, превосходную шерстяную ткань, украшенную в той же традиции (грифон, сражающийся с лосью, животное из

кошкообразных, нападающий на яка), каждый предмет был обработан в тончайшей сармато-алтайской традиции, и также греческая текстиль, на которой изображен мужчина с усами, длиной в три четверти, несомненно, работа художника из киммерийского Боспора. Фиксирующим все это было китайское лакированное изделие 2 н.э.⁵⁷ Возможно, к той же группе относятся фрески, найденные недалеко отсюда в Дурбелжи и Илхе-Алюк в Орхоне; они не могут быть датированы, хотя некоторые изящные фигуры оленей, кажется, вновь подтверждают сармато-алтайское влияние.⁵⁸ (3) В Ордосе, в частях нынешних провинций Сюань, Чахар и Джехол, где были обнаружены многочисленные ордосской бронзы, в частности, в Луанпине около Джехола; Хаттин-сум и Халлон-оссо, к западу от Долоннора и к северу от Калгана; Сюанхуа, к северу от Калгана на пекинской дороге; Куэйуачен около Сюань; и Яюлин, на границе Ордоса и северного Шеньси. Отметим, что некоторые находки в Сюанхуа датируются присутствием китайской «монеты-ножа», имеющей характер *t'u* и принадлежат к типу, который был в ходу во время Воюющих Государств с 480 по 250 д.н.э.⁵⁹

Хотя в общем довольно большая часть ордосской бронзы, то есть, гуннской бронзы в Внутренней Монголии, является того же возраста, как и китайский период Воюющих Государств (пятый-третий века д.н.э.), это же искусство продолжало процветать и там, и во Внешней Монголии в течение периода династии Хан (от начала второго века д.н.э. до начала третьего века н.э.), как это доказывается частью, датированных находок в Ноин Ула, существованием в Ордосе большого количества бронзовых пластинок, имеющих украшения в виде живых созданий со многими головами, которые могут быть с некоторой точностью отнесены к этому периоду и, наконец, присутствием среди коллекций (музей Сернуши, коллекция Коиффарда и коллекция Лу) китайских бронзовых крючков с гуннскими мотивами, скопированные, очевидно, с ордосских оригиналов художниками периода династии Хан.⁶⁰ В последующем периоде, известном в Китае как период Шести Династий (четвертый и пятый века н.э.) влияние ордосского искусства очевидно не меньше в некоторых образцах китайских бронзовых крючков, украшенных на многие анималистские темы со всеми искривлениями и сплетениями. В тот же период то же степное искусство различимо на пряжках,

пластинках и оправках Запада Великих Вторжений. Более того, Арне отметил, что бронза западной Сибири сохранила до девятого века характер старого анималистского стиля степи.⁶¹ То же искусство, возможно, продолжалось до Онгута периода чингизидов, в маленьких образцах несторианской бронзы – крестах, голубях и параклетах, которые были найдены во множестве в раскопках в Ордосе и прилегающих местностях.⁶² Пластинки, чисто ордосского типа, более того, были изготовлены в середине периода династии Хси-Хсиа (одиннадцатый-двенадцатый века), без характерных черт династии Хси-Хсиа, что привлекло внимание Салмони, или они были копиями Хси-Хсиа не для всеобщего пользования.⁶³

Первый удар гсиен-ну и миграция ю-чи

Гсиун-ну впервые в истории проявил себя как сила, которой надо бояться, в конце третьего века д.н.э. почти в то же время, когда Китай достиг единения под династией Чин (221-206).⁶⁴ В предвидении опасности, император Чин Ши Хуан-ти (221-210), основатель династии, и его генерал Мен Тиен завершили строительство Великой Стены. Последняя служила в качестве защиты китайской территории от гсиун-ну с 215 и около 214 Мен Тиен прогнал врагов из региона, который теперь является Ордосом или местностью, находящейся в великой петле Желтой Реки. Между тем, однако, гсиун-ну под *shan-yü* Тю-мэн (умер около 210-209) начал свою экспансию, нападая на Ю-чи, народ, который до этого времени располагался в восточном Кансу. На востоке, Мао-тун, сын и наследник Тю-мэн (прибл. 209-174) нанес поражение Тун-ну, другому варвару на маньчжурской границе. Воспользуясь гражданскими войнами, которые значительно ослабили Китай в период между падением династии Чин (206) и взошествием династии Хан (202), он вторгся в китайскую провинцию Шаньсив 201 и осадил столицу Тайюан. Основатель династии Хан император Као-ти поспешил на авансцену, отбросил назад гсиун-ну, но был окружен им на плато Пайтен около Пинчен, ныне район Татун на границе Шаньси. Он смог выбраться из ловушки лишь путем переговоров, в которых он переиграл варваров. Китайская принцесса или леди в ожидании была выдана замуж

за *shan-yü*: бедная «куропатка» была отдана «дикой птице Монголии», как позднее пели китайские поэты.

Около 177 или 176 Мао-тун причинил несчастье впервые Ю-чи западного Кансу, по поводу которого он хвастался, что его покорил. Его сын и наследник Лао-шан (около 174-161) должен был покончить с опасностью со стороны Ю-чи, сделав из черепа его королей винный кубок, прогнал его из Кансу и вынудил его эмигрировать на запад, таким образом дав исторический записанный толчок движению народов, происходящих из высоких равнин Азии.⁶⁵

Название Ю-чи происходит во всяком случае лишь из его китайской транскрипции.⁶⁶ Многие востоковеды, однако, были склонны идентифицировать его как тохарай (народ, хорошо известный греческим историкам из их перемещения во втором веке д.н.э. из Туркестана в Бактрию) и как индо-скифы. Согласно этой системе, тохарай и индо-скифы были названиями, которые относились к единственному народу в двух периодах их существования, как народ, имеющее сходство со скифами или индо-европейским родом. Эта идентификация основана, в основном, на том факте, что в китайском регионе, ныне в западном Кансу, которое, согласно китайским историкам было в начале второго века д.н.э. страной ю-чи, географ Птолемей в конце второго века д.н.э зафиксировал народ тагоури (*Thagouri*), гору *Thagouron* и город *Thagoura*.⁶⁷ Еще где-то Страбо упоминает тохарай среди народов, которые завоевали Бактрию у греков точно в то время, когда китайские историки указывают на прибытие в конце их миграции к границам Та-хсиа, то есть, Бактрии.⁶⁸ Такая настойчивая параллель, кажется, должна образовать сильный аргумент в поддержку тех, кто все еще видит в ю-чи из китайских записей тохарай греческих историков, тухара из санскритских источников и будущих индо-скифов римского периода.⁶⁹ Более того, даже в пятом и восьмом веках н.э. на индо-европейские языках разговаривали в оазисах севернее Тарима, в регионе, который все еще должен был быть частью, если еще не раньше, владения ю-чи (поскольку они были отнесены к обитателям Кансу) и по меньшей мере в тогдашних владениях более или менее родственных им племен в Турфане, Кара Шехере и Куче. Эти индо-европейские языки были известны лингвистам до недавнего времени как тохарайские языки, хотя сегодня они должны быть

отнесены к кучианскому, карашахарскому и т.п. Представляется, что на заре истории индо-европейские племена прошли долгий путь в направлении к Дальнему Востоку. Данная гипотеза более приемлема, поскольку западная Сибирь и, возможно, минусинский регион, кажется, были заселены перед новой эрой народами скифо-сарматского рода и поскольку обе стороны Тянь-шань около Ферганы и Кашгара в ахеменидский период были заселены сака, народом восточно-иранского языка. Таким образом большая часть нынешнего Туркестана была заселена индо-европейцами, из которых были иранского рода около Кашгара, а в Куче – кучианами из тохрайцев. Ю-чи соответствует к этой последней ветви.

Самая ранняя информация, предоставленная китайской историографией, однако, касается первых исходов, которые потерпели «индо-европейцы» на этих аванпостах. Как было сказано, гсиун-ну под руководством его *shan-yü* Мао-туна (прибл. 209-174) нанес серьезное поражение ю-чи. Следующий *shan-yü* Лао-шан (прибл. 174-161) убил короля ю-чи и сделал из его черепа винный кубок.⁷⁰ Он вынудил этот народ покинуть Кансу и бежать на запад через север Гоби.⁷¹ Из них малая часть, известная китайцам, как малое ю-чи (хсия ю-чи), осела южнее Наншан среди киян или тибетян, язык которого они переняли, как об этом свидетельствовал Ch'ien Han Shu двумя с половиной веками позднее.⁷² Другие кланы ю-чи, по-китайски Великий Ю-Чи (Ta Yüeh-chih), попытались осесть на долине реки Или и в бассейне Иссык-куля, однако были сразу отброшены народом ву-сун (произносимый оо-соон).⁷³ Китайские историки описывают ву-сун как голубоглазых, краснобородых людей. Чарпентьер, относящий название оо-соон к народу асионои или асиои – другое название сарматского народа, известного как аланы – видит в ву-суне предков родственников аланов.⁷⁴ Если эти гипотезы верны, то эти люди ву-сун должны были теми, кто вместе с другими бежал по направлению к южной России под давлением, аналогичным к тому, что испытали ю-чи. Тем не менее здесь имеется вопрос по поводу более раннего периода, когда скифы были постепенно перемещены сарматскими народами.

Однако, также могло случиться, что когда ю-чи были вытеснены из Кансу народом гсиун-ну и в их волне отката на запад они были брошены на народ ву-сун около Или. Люди ву-сун временно были покорены пришельцами, однако скоро они

восстали с помощью гсиун-ну. Тогда ю-чи возобновили свой марш на запад и достигли верхней Сыр-Дарьи (Джаксарт, согласно греческим историкам) в провинции Фергана (Та-юан, по-китайски), что *Ch'ien Han Shu* отмечает их прибытие около 160 д.н.э. Здесь они оказались на границе греческого королевства Бактрия, где греко-бактрыйский король Еукратидес должен был закончить свое правление.

Отзвуки первых побед гуннов

Падение греческого господства в Афганистане

Регионы Ташкента, Ферганы и Кашгара были заселены народом, известным китайцам под названием Sse (древнее произношение Ssek), персиянам и индейцам — как сака или шака и грекам — как сакай или по-нашему, сакас. В действительности, они были «скифами Азии». Они образовали ветвь великой скифо-сарматской семьи; то есть, они были кочевыми иранцами из северо-западных степей. Их языком, согласно работам Людерса, представляется разумным считать язык сака, о котором Аурелом Стейном в Хотане были найдены многочисленные рукописи, датируемые ранними средними веками и который является «восточно-иранским» диалектом. Отражение ю-чи на народах сака имел основной отзвук среди них и привело к их вторжению во владения, основанные в Бактрии греческими королями, наследниками Александра Великого. Согласно теории, в основном принятой ко времени W.W. Tarn, народ сака под давлением ю-чи, захватил Согдиану и затем Бактрию, заняв место греков. Между 140 и 180 Бактрия был фактически захвачена у греческого короля Гелиоклеса кочевыми племенами, из которых наиболее известными были, согласно Страбо, асиои (*Asioi*), пасианой (*Pasianoï*), тохарои (*Tokharoi*), сакарулай (*Sakarulai*), все из земель севернее Джаксарта (Сыр-Дарья). Во любом случае, очень трудно точно идентифицировать эти племена. Как было отмечено, *Jarl Charpentier* принимал асиои, которого Помпей Трогус называл асионаи, народ ву-сун из Или, упомянутый китайскими историками.⁷⁵ *Sakaraulai* или *Saraucae* (*Saka Rawaka*), кажется, следует предполагать как древнее племя сака. Что касается тохарои, то

согласно гипотезе, поддержанной Н.W. Bailey, то они были настоящим ядром народа ю-чи.⁷⁶ В 128 д.н.э., когда китайский посол Чан Чиен пришел с визитом к ю-чи, китайский историк Ссу-ма Чиен упоминает их в связи с завоеванием и оккупацией ими Согдианы («страна к северу от реки Вей», то есть, к северу от Оксуса), где, Ch'ien Han Shu рассказывает, они имели свою столицу городок Киенши. Тору Ханеда идентифицирует это название фонетически как Канда, аббревиатура Марканда или Самарканда.⁷⁷ Две китайских записей добавляют, что ю-чи покорил «Та-сиа», то есть, Бактрию, хотя они, кажется, не оккупировали ее по-меньшей мере в то время.⁷⁸ Тарн удивляется (ошибочно), были ли правители завоеванной народом ю-чи Бактрии все еще греками – в данном случае народ сака не мог вытеснить их из страны – чем люди сака сами. Многие востоковеды уверены в том, что в любом случае очень скоро после этого, скажем, около 126 ю-чи, будучи не удовлетворены со своим протекторатом над Бактрией, пересекли Оксус и фактически оккупировали эту провинцию. Они обосновали эту точку зрения отрывком у *Hou Han Shu*, которая ясно утверждает, что ю-чи эмигрировали в Тахсию и разделили страну среди пятерых вождей или *She-hu* (yabghu). Верно то, что Ch'ien Han Shu, история, написанная близко к тому времени об этих событиях, представляется мало конкретной по данному поводу. Она едва говорит, что «Та-хсиа [то есть, народ Бактрии] не имел крупных вождей, лишь малых вождей городков и деревушек; они были слабым народом, который боялся войны [не со стороны крутых греческих авантюристов, а со стороны варваров], так что при виде ю-чи они все выразили покорность».⁷⁹ Это есть неясный и двусмысленный текст, который не позволяет делать никакого вывода. Однако, имеется другой, недвусмысленный текст – *Ho Han Shu* - который утверждает, что в 84 н.э. китайский генерал Пан Чао просил короля ю-чи заявить протест королю Согдианы (Кан-киу).⁸⁰ Это означает, что Согдиана и страна ю-чи были определенно различными в то время; следовательно, народ ю-чи следует искать где-то в другом месте, возможно, дальше к югу по направлению к Бактрии. После временного пребывания на севере от Оксуса они пересекли реку и заменили собой сака в Бактрии. Согласно Тарну, чье мнение мы не можем поддерживать, они захватили Бактрию почти непосредственно у греков.⁸¹ В любом случае их миграция была

сигналом для основного смятения народов и волнения кочевых по всему восточному Ирану. Отброшенный народом ю-чи на юг сака оккупировал Дрангиану (Сейстан) и Арахосию (Кандахар). Оккупация была постоянной, поскольку с этого времени эти страны стали по иранской номенклатуре «страной сака», Сакастаном, откуда происходит нынешний персидский Сейстан.

Отсюда все эти кочевники бросились на парфянскую империю и почти ее разрушили. Парфянский король Фраатес II, находился в Медине под угрозой со стороны Антиохоса VII, короля Сирии и его попытка отвоевать вновь Селеусид (129 д.н.э.) была достаточно поспешной, чтобы призвать на помощь некоторых варваров. Они пришли, но скоро повернулись против самого Фраатеса, которого они победили и убили (128 или 127 д.н.э.). Новый парфянский король Артебанус II был смертельно ранен, рассказывает Помпей Трогус, во время контратаки против тохаров в 124 или 123. Это, кажется, доказывает, что ю-чи китайской истории – если они соответствуют, как полагалось, тохарам греческой истории – утвердились в Бактрии, в стране, из которой они затем сделали «Тохаристан». Парфянский король Митридат II (123-88) добился, если это правда, остановки кочевых вторжений и даже установил протекторат над сака Сейстана. Тем не менее, в 77 сакарулаи были достаточно сильны в Иране для того, чтобы поставить на парфянский трон Арсакид своего избранника, протеже, Синатрукса или Санатроикеса, который позднее пытался противостоять им и был убит под их ударами (прибл. 70 д.н.э.).

Последовательные наследования сака и ю-чи этих регионов образуют часть истории Ирана и Индии. Здесь достаточно напомнить, что из Сейстана и Кандахара сака расширился до Кабула и Пунджаба; затем, когда эти страны были оккупированы ю-чи – до Малвана и Гуджарата, где сатрапы сака оставались до четвертого века н.э. Что касается ю-чи Бактрии, китайская история показывает его как основателя в первом веке новой эры великой династии кушанов (по-китайски, Куэй-шуан).⁸² Кушаны, как рассказывает нам Ch'ien Han Shu, были одними из пяти кланов, которые около 128 д.н.э. разделили Бактрию между собой.

Но Han Shu повествует как вождь кушанов Чию-чию-чу⁸³ (на монетах Кужула Кадфисес) основал путем покорения других ю-чи кланов кушанскую

империю, известную грекам и римлянам под названием империя индо-скифов. Кушанские императоры Кужула или Кужоло Кадфисес или Кадфисес I (между 30 и 91 или 92), Вима Кадфисес или Кадфисес II (между 92 и около 132), Канишка (между приблизительно 144 и 172), Хувишка (прибл. 172-217) и Васедува (прибл. 217-244) расширили свою власть от Кабула до северной части Индии (Пунджаб и Матура).⁸⁴ Также известно, какую большую роль сыграл Канишка в распространении буддизма в Средней Азии. Целью здесь является показать колоссальное влияние первого гуннского удара на последовательные наследования в Азии. Вытеснением ю-чи из Кансу гсиун-ну инициировал ряд отзвуков, которые прочувствовали на далеких просторах западной Азии и Индии. Афганистан был потерян для эллинов; последние остатки завоеваний Александра Великого в этих районах были стерты с карты; парфянский Иран временно был подвержен встряске и племена, отброшенные из Кансу нашли неожиданно империю в Кабуле и северной Индии. Тот же процесс продолжается через всю историю, которая представляет наше настоящее исследование. Легчайший импульс на одном конце степи неотвратимо приводит в движение цепь совершенно неожиданных следствий во всех четырех углах этой необъятной зоны миграций.

Конфликты между гсиен-ну и династией Раннего Хань

Разрыв с западным гсиен-ну

Вытеснение ю-чи повысила значение гсиун-ну. С этого времени они доминировали на обеих частях Гоби: В Верхней Монголии, где их shan-yü имел свою резиденцию около Карокорума в регионе Орхон и во Внутренней Монголии, на подножье Стены Китая.⁸⁵

Рис. 2. Средняя Азия при династии Хань

Их эскадры теперь предпринимали дерзкие рейды на китайскую территорию. В 167 они проникли в Шеньси до Хуэйчуна (к западу от китайской столицы Чанган), где они сожгли императорский дворец. В 158 д.н.э. они

возвратились на север от Вей, непосредственно угрожая Чангану. В 142 они атаковали Великую Стену напротив Яенмена, около Татуна, севернее Шаньси. Китайская граница подвергалась угрозе на каждом пункте в то время, когда на трон династии Хан сел великий император Ву-ти (140-87).⁸⁶

Империя континентальной Азии принадлежал гсиун-ну. Главная резиденция их *shan-yü* - насколько эти кочевники имели резиденцию – или по-меньшей мере его летние квартиры находились в на верховье реки Орхон. Их другой центр, известный китайцам под названием Лун, предположительно, находился дальше на юг в Гоби, Ву-ти составил план выдворения их назад на эти места. Однако, перед тем как дать им сражение, он попытался захватить с тыла путем заключения союза с ю-чи, осевшего тогда в Согдиане. С этой целью он отправил к ю-чи своего посла Чан Чиен. Покинув Китай в 138, Чан Чиен сразу оказался в плену у гсиун-ну, который отправил его к *shan-yü* Киун-чен.⁸⁷ Здесь он насильно удерживался в течение 10 лет. В конце концов, ему удалось совершить побег и он добрался до короля Ферганы (Та-юань), откуда он прибыл в Согдиану (Кан-киу). Однако, ю-чи, удовлетворившись со своим новым владением, не проявил интереса к гобийским делам. Чан Чиен направился в обратный путь. После того, как он вновь был захвачен в плен гсиун-ну, который держал его в заключении целый год, он, наконец, возвратился в Китай в 126.⁸⁸ (В 115 подобное посольство было направлено к ву-сун в регионе Или, которое достигло небольшого успеха, поскольку этот народ не осмеливался ввязаться в войну против гсиун-ну.)

Поскольку ю-чи отказался оказать ожидаемую поддержку, император Ву-ти начал свою войну против гсиун-ну без какой-либо помощи. В то время гсиун-ну только что совершил свой обычный рейд по направлению к нынешнему Пекину (129). Китайский генерал Вей Цин, направившись из северного района Шаньси, пересек Гоби до Лун на Онгкине и вынудил противника бежать. В 127 Китай создал военную колонию в Чофане на Желтой Реке между Ордосом и Алашаном с целью защиты великой петли данной реки. В 124 гсиун-ну вторгся в чофанские марши и Вей Цин вынудил их отступить. В 121 племянник Вей Цин, молодой герой Хо Киу-пин, во главе десяти тысяч всадников также прогнал гсиун-ну от части Кансу, ранее занимаемой ю-чи и ву-сун, недалеко от нынешних городов Лианчоу,

Канчоу и Куачоу. Две малые орды гсиун-ну, которые владели этой территорией, орда Хуен-ши вокруг Канчоу и орда Хючу вокруг Лианчоу, ушли со службы у *shan-yü*, предложили свои услуги империи и были поселены в качестве конфедератов на севере Наншана.⁸⁹ В 120 была создана компактная китайская колония в Ордосе. В 119 Вей Цин и Хо Киу-пин – первый, начав продвигаться из региона Куку Хоту в северном Шаньси, второй – из Шанкиу около нынешней Сюанхуа, к северо-западу от Пекина – пересекли Гоби и достигли нынешней Внешней Монголии, центра гуннской империи. Вей Цин, как полагает Алберт Геррманн, дошел до нижнего Онгкин. Он этим ошеломил *shan-yü* Юи-че-ши и заставил его сражаться во время штормового ветра, который дул в лицо гсиун-ну. Он уничтожил и взял в плен 19 000 варваров. Хо Киу-пин, еще более дерзким маневром проник на верхнюю Тула и верхний Орхон. Он захватил в плен более восьмидесяти гуннских вождей и совершил торжественные жертвоприношения в горах их страны. Хо Киу-пин умер в 117 скоро после своего возвращения из похода. На могиле этого великого всадника в Сиеняне (Шеньси) была возведена мощная скульптура на фоне высокого рельефа, представляющая коня, разбивающего варваров.⁹⁰

Как только гсиун-ну был отброшен назад к Верхней Монголии, император Ву-ти в Кансу между 127 и 111 годами создал ряд военных округов и перфектур с целью воспрепятствования их возвращения. Округа Ву-вей (около Лианчоу), Чанйе (около Канчоу), Цу-чуан (около Сучоу) и Тунуан, простирались от Ланчоу до ущелья Юмен, очерчивая старую ю-чи страну и охраняя шелковый путь.⁹¹ В 108 китайский генерал Чао По-ну даже продвинулся гораздо дальше на северо-запад до королевств Лоулан в Лоб Норе и Киу-ши, что ныне является Турфаном. Он взял короля Лоулана в плен и победил короля Киу-ши.⁹² В течение нескольких лет Китай имел торговые отношения с Ферганой (по-китайски, Та-юан), страной несомненно заселенной иранцами или сака, которые снабжали Китай конями высшей трансоксонской породы. Около 105, утомленные этой реквизицией, ферганцы совершили покушение на китайского посла. В 102 китайский генерал Ли Куан-ли в своем беспримерно дерзновенном броске от Тунхуан достиг с более чем шестидесятью тысячами солдат достиг Ферганы. По прибытии туда у него осталось

лишь тридцать тысяч человек. Он разрушил столицу страны – по-видимому, Усрушну, нынешнего Ура Тюбе – путем отвода водных путей и не отступил до тех пор, пока он не получил три тысячи коней в качестве дани.⁹³

Между тем на севере гсиун-ну не разоружился и конец правления Ву-ти ознаменовалось несчастьем, подобным к таковому у Варуса, хотя не так серьезно. Молодой китайский полководец по имени Ли Пин планировал вести наступление на Верхнюю Монголию. Взяв с собой 5 000 солдат, он покинул Китай по Киу-йен на плесе Этсин Гола и за тридцать дней прошел путь к северу по направлению к Онгкин. Достигнув горы Сиун-ки – несомненно, где-то около горы, известной как Тупши – он оказался окруженным 80 000 гсиун-ну, чьи верховые лучники начали опустошать это небольшое войско. Он отступил по направлению к китайской границе, преследуемый кочевой кавалерией. «В один день китайская армия совершила 500 000 выстрелов из лука и осталась без стрел. Колесницы были покинуты и марш совершался далее пешим. Солдаты сняли оси колесниц и сожгли их. Офицеры несли с собой ножи, не более чем фут длиной.» Тем не менее, отстающая колонна в тридцати милях от китайской границы потерпела катастрофу. «Они вступили в ущелье. *Shan-yü* заблокировал его концы и, забравшись на вершину горы, он скатывал оттуда вниз валуны. Офицеры и солдаты погибли в больших количествах. Был невозможно продвигаться вперед.»⁹⁴ Наступала ночь. Под покровом темноты Ли Пин попытался подкрасться к гсиун-ну, чтобы убить *shan-yü*. Он потерпел неудачу. Каждый человек остался должен был позаботиться о себе сам. Лишь четыре сотням китайцев удалось бежать и достичь границы; все остальные были взяты в плен, включая самого Ла Пин. После получения вести о событиях император Ву-ти пришел в ярость и историк Ссу-ма Чиен, который попытался защитить репутацию галантного Ли Пина был приговорен к суровому наказанию. «Несчастье Ла Пин» заставило Китай на время прекратить систему контррейдов во Внешнюю Монголию. Однако, это моральное поражение (поскольку оно постигло не более чем малое подразделение) не создало угрозу границам Кансу.⁹⁵

Гуннские старинные вещи этого периода приходят из Забайкалья. Они включают, как было сказано, недавние открытия могил Дерестуйска около

Троицковска, где сибирские бронзовые пластинки были датированы соответственно китайским монетам, чеканенным в 118 д.н.э., и могилы Читы, которые, согласно Мерхарту, датируются первым и вторым веками д.н.э. Забайкалье образует гуннский тыл, откуда орды, которые осенью приходили для атаки Ордос, черпали свои резервы.

В следующий период гсиун-ну и Китай без вовлечения в открытый конфликт на Великой Стене или в Монголии, боролись друг с другом за овладение северным таримским оазисом: то есть, за контроль шелкового пути. В 77 король Лоулан в Лоб Норе – который в союзе с гсиун-ну восстал против китайского господства – был обезглавлен и китайская колонна была оставлена в этой стране, Йи-син. Под ханским императором Сюан-ти (73-49) китайская экспансия в таримском бассейне совершила решительный бросок. «Хан», объявил император, «имеет свой собственный закон, являющимся законом завоевателя!» В 71 китайский генерал Чан Хуэй отправился на помощь к ву-сун илийской долины против гсиун-ну. В 67 королевство Турфан (Киу-ши), которое присоединилось к приверженцам гсиун-ну, было разгромлено китайским генералом Чен Ки. В 65 другой китайский командир Фун Фун-ши сбросил с трона короля Ярканда и оазис подчинил себе. На следующий год, правда, королевство Турфан было покинуто китайским гарнизоном и обратно перешло под гсиун-ну, однако, оно опять был оккупирована в 60 Чен Ки. После установления важного военного лагеря в Киу-ли, южнее Кара Шахара, Чен Ки объявил себя защитником Тарима в Ву-лей, расположенного между Кара Шахаром и Кучей, откуда он мог держать под наблюдением весь регион.

Таким образом Китай вырвал контроль шелкового пути от гсиун-ну. То, что он не смог выставить эффективное сопротивление, объясняется его ослаблением из-за ряда гражданских войн, последовавших с 60 годов. Два претендента, Ху-хан-ие и Че-че домогались титула *shan-yü*. В 51 Ху-хан-ие лично направился во двор Чангана с визитом и искал поддержки у императора Хсюан-ти. С 49, благодаря китайской протекции, он одержал победу над своим соперником и в 43 в качестве победителя расположился в известных лагерях Орхона. В 33 этот покорный гунн отправился с поклоном во двор Сына Небесной в Чангане и там получил высшую

награду, жаждемой всеми варварами: руку китайской принцессы в качестве невесты.

Побежденный Че-че, оставляя старую Монголию вассалу Китая, отправился искать удачи на запад, туда, где теперь находится русский Туркестан (44 д.н.э.). На своем пути он нанес поражение ву-сун Или, поставил под свой контроль Ху-кие из Имила и Киен-ку из аральских степей и сделал из них своих конфедератов; он даже вторгся на земли народа Согдиана (Кан-киу), который с готовностью поспешил помочь ему и поставил свои лагеря в степях рек Чу и Талас. Они были жемчужиной великой империи гсиун-ну на западе. Однако, китайцы не дали ему достаточного времени для консолидации его положения и в 36 их генерал Чен Тан в рейде беспримерной дерзости проник до Чу, захватил неожиданно Че-че в плен и обезглавил его (36-35). После этой внезапной драмы гуннские элементы, которые следовали за Че-че в его марше на Арал, исчезли с поля зрения. Эти гсиун-ну запада не имеют истории из-за отсутствия какого-либо контакта с любой цивилизованной нацией, которая могла бы сохранить некоторую информацию о них, как, например, Китай сделал это по отношению к восточному гсиун-ну. Так было до конца четвертого века н.э., около 370-375, когда их потомки, форсировавшие Волгу и Дон для того, чтобы вторгнуться в Европу, станут известными в классической истории вместе с Баламиром и Атилиой.

Конфликты между Китаем и гсиун-ну во время периода Поздней Династии Хань. Разрыв с южным гсиун-ну

Исход западного гсиун-ну и его удаление от восточных дел таримского бассейна обеспечили Китаю гегемонию в Средней Азии. Данное положение, однако, было поставлено под угрозу гражданскими войнами в Китае, которые ознаменовали падение ранней династии Хан (с 8 до 25 н.э.). *Shan-yü* гсиун-ну воспользовался этим обстоятельством для захвата протектората королевства Турфан (10 н.э.) и для вторжений в марши. Могила вождя гсиун-ну того периода, открытого в Ноин-Ула около Урги экспедицией Козлова,⁹⁶ позволяет взглянуть на гуннскую культуру с тканью, представляющую стилизованные анималистские

мотивы, характерные сибирско-сарматскому степному искусству и искусству Алтая, также и заимствованиям как из Китая, так и греко-римского Крыма: именно, китайский лак, датируемый 2 н.э. и эллинской тканью, происходящей из киммерийского Боспора.⁹⁷

Когда вторая династия Хан, известная как поздняя династия, взошла на трон Китая (25 н.э.), предстояла задача восстановить китайский протекторат на Таримом. Весьма удачно для Китая гсиун-ну в это время был испытывал раздор. В 48 восемь орд гсиун-ну юга под их вождем Пи восстали против *shan-yü* Пу-ну и перешли под покровительство Китая. Император Куан Ву-ти предоставил им статус конфедератов во Внутренней Монголии, на южных границах Гоби и маршах Кансу и Шаньси. Таким образом было основано королевство южного гсиун-ну; и эти люди, пока Китай оставался сильным, продолжали быть верноподанными империи до того, как во время его упадка в четвертом веке они не стали его разрушителями. История имеет свою параллель со многим федерированными германскими народами вдоль окраин Римской империи.

На тот период единственным противником Китая был северный гсиун-ну древнего гуннского королевства Орхона во Внешней Монголии. Около 49 н.э. с целью нанесения ему флангового удара Ци-Юн, китайский губернатор Лиаотун, подговорил двух его соседних орд напасть на него: ву-хуан из бассейна реки верхнего Лиао в Маньчжурии и хсиен-пи, который был, по-видимому, монгольского рода и который вел кочевой образ жизни дальше на юг, около большого Хингана и реки Нонни. Ослабленный уходом южного гсиун-ну и фланговыми атаками хсиен-пи и ву-хуан, северный гсиун-ну перестал быть какой-либо серьезной угрозой.

Шелковый путь

Китай выиграл от данного успеха для восстановления протектората таримского оазиса. Все они вместе образовали двойную дугу, проходящую к северу и югу таримского бассейна. Те, что находился на севере, были Турфан (известный

тогда китайцам как *Киу-ши*), Кара Шахар (*Йенки*), Куча (*Куче*), Аксу (*Кумо*), Уч Турфан (*Венсу*) и Кашгар (*Шуфу*). На юге находились Лоулан около Лоб Нор, Хотан (*Хотиен*) и Ярканд (*Соче*).⁹⁸ Тот факт, что в седьмом веке н.э. в Кара Шахаре, Куче и, несомненно, также в Кашгаре, все еще говорили на индо-европейском диалекте, дает возможность полагать, что туземцы таримского бассейна должны были принадлежать по-меньшей мере к части индо-европейской семьи. Кучийский язык в седьмом веке проявляет сходство с индо-европейским, хиттитским, армянским и славянскими языками. Хотя не может быть определенным (как утверждает германская школа Победы и Побеждения), что название тохариец относится к кучийскому и карашахирскому диалектам, их индо-европейский характер не подлежит к обсуждению.⁹⁹ Не имеется никакой причины для предположения, что любое индо-европейское вторжение в Тарим имело место в начале средневековья. Поэтому представляется логичным полагать существование там древнего индо-европейского населения, вне сомнения несовременного с экспансией скифо-сарматов через Сибирь до верхнего Енисея и с экспансией сака до обоих плоскогорьев Тянь-шань между Ферганой и Кашгаром. В дополнение к лингвистскому свидетельству, оставленному «восточными иранцами» в западной Кашгарии и кучийцами – на севере, этнографы представляют свидетельство китайских историков относительно голубых глаз и красных волос ву-сун в Или, севернее Куча.

Эти мелкие королевства Тарима имели большое экономическое значение, поскольку великий караванный путь между Китаем и индо-европейским и греческими мирами – Шелковый путь – проходил через эти оазисы.¹⁰⁰ Существование этого пути подтвержден географом Птолемеем. Цитируя своего предшественника Маринуса из Тира, Птолемей утверждает, что в первом веке н.э. – в период, до которого мы теперь дошли – «македонский» купец по имени Маес Титианос отправил своих агентов для разведки пути и его основных ориентиров. Шелковый путь начинался от Антиоха, столицы римской Сирии, пересекал Евфрат в Гиераполисе (Менбидж), вступал в парфянскую империю, проходил через Екбатана (Хамадан), Раги или Раи около нынешнего Тегерана, Гекатомпилос (Шахруд?) и Мерв, затем в Бактрию (Балх), город, который в то время принадлежал

индо-европейцам: иначе говоря, наиболее вероятно, ю-чи, по-китайски или тухара по-индейски. Отсюда Шелковый путь шел на Памиры. В долине этих гор у подножья «холмов Комедай», как повествует Птолемей, находилась каменная башня (*lithinos pyrgos*), около которой происходила торговля между левантийским и шелконесущими караванами. Алберт Германн ставит это место между долготными рядами Алая и за-Алая, в памирской долине Кызыл-су, которая идет от бассейна верхнего Оксус к долине Кашгар. Хакин, который путешествовал в этих краях, уверен, что каменную башню следует искать, как это полагалось ранее, около нынешнего Таш-кургона между Ваханом (малый Памир) и верховьем Ярканда, севернее от ущелья Минтеке.

В Кашгаре Шелковый путь раздваивался. Северный путь вел к Куче, которое было, согласно Алберту Германну, Исседон Скифией у александрийских географов; к Кара Шахару, согласно последним, Дамна; к Лоулану в Лоб Норе или Исседон Серике; и к воротам Юмен Куан (к западу от Тунхуан), по греко-римлянам, Даксата. Мы уже отметили направление южного пути от Кашгара – через Ярканд, Хотан, Ниюа и Миран, последний город в королевстве Лоулана – к Лоб Нору. Два пути вновь сходились в Тунхуане, что должен быть Троана, согласно греко-римским географам. Шелковый путь затем вступал в китайское владение по дороге Цу-чуана (или Дросакхе у греческих географов?) и Чанье (Тогара?) и, наконец, достигал Чангана (Сиан), обычно обозначаемый как птолемеевская столица Сера, и Лоян (Хонан), Сарага или Тинае по тем же источникам.

Завоевание Пан Чао таримского бассейна

Каковыми бы не были ценности греко-китайских идентификаций, одно ясно, что из-за открытия трансконтинентального Шелкового пути между римской и парфянской империями, с одной стороны, и ханской империей, с другой стороны, мелкие индо-европейские королевства, растянувшиеся вдоль северных и южных оазисов таримского бассейна, приобретали важное торговое значение. Действительно, гсиун-ну и китайцы боролись друг с другом для контроля над

ними, первый - наблюдая таримский бассейн с высот Алтая на севере, а последний – удерживая выходы в пограничной провинции Тунхуан на востоке.

Завоевание – или возврат- таримского бассейна династией поздней Хан было задачей, которая выполнялась методически во время правлений императоров Мин-ти (58-75), Чан-ти (76-88) и Хо-ти (89-105). Эта заслуга принадлежит нескольким крупным воинам. В 73 н.э. китайские генералы Кен Пин («командир быстрых коней») и Теу Ку руководили предварительными экспедициями против северного гсиун-ну, который бежал перед легионами династии Хан.¹⁰¹ Ssu-ma или генерал кавалерии Пан Чао, второй генерал у Теу Ку и один из великих полководцев, которых когда-либо родил Китай, был предназначен для атаки Ху-йен, орду гсиун-ну из Баркола и, разбив ее, «отрубил головы большому числу варваров».¹⁰² В том же 73 китайская армейская команда была основана в Яйву, идентифицированный Чаваннесом как Хами, но расположенный Албертом Германном между Лоуланом и нынешним постом в Яинпане к востоку от Лоб Нора.¹⁰³ В 74 Кен Пин и Теу Ку предприняли атаку на страну Турфан, которая в то время была разделена в два царства-двойняшек, управляемых членами той же династии: южного Киу-ши, вокруг самого Турфана, и северного Киу-ши, по направлению к Кучену, на другой стороне тян-шаньской кряды. Путем дерзкого маневра Кен Пин первый атаковал более далеко расположенного Киу-шу Кучена, чей король Нган-тё сдался перед тем, как быть разгромленным: «Он пришел из города, снял свою шапку и, обнимая живот коня Кен Пина, выразил свою покорность.»¹⁰⁴ Под впечатлением этой капитуляции король Турфана, сын Нган-тё, также сдался. Здесь было оставлено два китайских гарнизона, один – в северном Киу-ши (Кучен), другой – в Лукчуне в турфанском владении.¹⁰⁵ Между тем, Пан Чао придерживался мнения, что «кто, не вступает в логово тигра, тот никогда не может поймать его тигрят». Направленный с подразделением для рекогносцировки в королевство Шаншан, к северу от Лоулана и Лоб Нора, он хитростью узнал, что король этой страны замышляет заговор совместно с гуннским послом против Китая. С наступлением ночи он созвал своих офицеров на совещание. По правилам, он должен был получить совет от китайского гражданского комиссара, который был отправлен вместе с ним, однако, он не стал делать этого: «Он всего

лишь обычный гражданский чиновник. Если мы расскажем ему о наших планах, то он выболтает их. В этот очень ответственный час наша судьба предрешена. Умереть бесславно – это не дело отважного мужчины!» На заре Пан Чао и его небольшой отряд подожгли хаты, в которых квартировались гуннские послы и напугали жителей их криками и боями барабанов; затем они или сожгли, или обезглавили всех варваров. Тогда Пан Чао вызвал к себе короля Шаншана и показал ему голову посла гсиун-ну. Король, который был на краю предательства, дрожа заявил о своем возврате в вассальство Китая.¹⁰⁶ Затем Пан Чао обратил свое внимание на дела владений Кашгарии.

В периодах, когда ни гсиун-ну, ни китацы не вмешивались в их дела, мелкие индо-европейские корлевства Тарима ссорились между собой. Король Ярканда, известный китацам по имени Хиен (33-61), на время захватил гегемонство над регионом, покорив Кучу (в 46), Фергану и Хотан, но уступил всеобщему восстанию.¹⁰⁷ Затем Куча приняла защиту гсиун-ну, в то время как король Хотана лишил власти Хиен (в 61). Южнее Тарима гегемония перешла к тому же королю Хотана, которого китацы звали Куан-тё и который стал правителем Ярканда. На севере контроль перешел к королю Куча, которого китацы звали Киен. С помощью его покровителей гсиун-ну Киен захватил Кашгар в 73.¹⁰⁸ При таком положении дел Пан Чао, отправленный императором Мин-ти для улаживания дел в регионе, прибыл в Кашгарию. Сначала он отправился в Хотан, где король Куан-тё,¹⁰⁹ который наслаждался своим недавним успехом и склонялся слушать советов послов гсиун-ну, обращался с ним с наглостью. Пан Чао в результате отрубил своей рукой голову колдуна, который был главным советником короля. Король в тревоге поспешил обновить свою верность к Китаю и, для доказательства своей искренности, уничтожил гуннских послов. Пан Чао затем направился на Кашгар. Киен, король Кашгара, зависящий от гсиун-ну, уже покорил Кашгар и поставил на его трон одного из своих людей из кучийского рода. Пан Чао, взяв быка за рога (он имел очень мало людей), арестовал этого иностранного принца, свергнул его и восстановил древнюю кашгарскую династию в лице короля, известного в китайских записях как Чун (74 н.э.).¹¹⁰

В 75, скоро после смерти императора Мин-ти, разразилась крупное восстание против китайского протектората в Тариме, поддержанного гсиун-ну. Король Кара Шахара убил китайского резидента, «генерала-протектора» Чен Му. Люди Кучи и Аксу пришли для осады Пан Чао в Кашгаре и в течение более года герой держался против своих противников. Между тем, гсиун-ну победил королевство северного Киу-ши (Кучен), убил вассального короля Нган-тё и осадил местную крепость с китайским генералом Кен Куном. Подобно своему коллеге Пан Чао, Кен Кун оказал героическое сопротивление. Без снабжения и доведенный до варки и еды кожи своего снаряжения, он и горстка людей, остались до конца с ним.¹¹¹ Правительство нового императора Чан-ти, однако, приказало Пан Чао и Кен Куну оставить Тарим, поскольку оно было изнурено этими безостановочными восстаниями и жертвами, затребованными средне-азиатским протекторатом. Однако, Пан Чао понимал, что такое отступление оставит страну гсиун-ну. Едва он достигнув Хотана на своем пути домой, он изменил свое мнение и, вопреки полученному приказу, повернул назад к Кашгару. Во время его кратковременного отсутствия город буквально пал в руки кучийцев, то есть, гуннской фракции. После отрубания голов руководителям кучийской партии, он восстановил свою резиденцию в Кашгаре, решив теперь никогда более не покидать ее. Более того, в 78 с наемниками, зачисленными в Кашгаре и Хотане или мобилизованными в Согдиане, он захватил Аксу и Турфан «и отрубил 700 голов.»¹¹² Между тем, китайские легионы из Кансу отвоевали королевство киу-ши Турфана от гсиун-ну. «Они отрубили 3 800 голов и захватили 37 000 голов скота. Варвары севера сбежали в ужасе.»¹¹³ В лице противников, как Пан Чао и Кен Кун, гсиун-ну теперь приобрел своих хозяев.

В меморандуме, адресованному императору, Пан Чао постарался убедить напуганный двор перечислением своего опыта на Великом Западе. Он показал, что эти дальние кампании, обвиненные литераторами бесполезными, был на деле реальными защитными мерами, рассчитанными для защиты китайской земли от периодической агрессии гуннов: «Захват тридцати шести королевств [Средней Азии] является отрезанием правой руки гсиун-ну.» Что касается его метода, то он может быть сведен к знаменитой формуле: «Используй варваров для нападения на

варваров». Действительно, он достиг завоевания Тарима, благодаря контингентам, с которыми каждый вновь завоеванный оазис был обязан снабжать его для использования против оазисов, которые все еще были в состоянии мятежа. Истинно китайский элемент был представлен не более чем горсткой авантюристов или ссыльных, которые пришли завоевать новые почести в полном приключений марше. Все они жили вне страны, которую они защищали от гуннских орд. «В Ярканде и Кашгаре», объяснял Пан Чао, «обрабатываемая земля плодородна и обширна, расквартирование солдат не будет стоить империи ничего».¹¹⁴ Этот современный Траян – завоеватель Дакии – делился мнением завоевателя по военным вопросам.

Главной целью было отбрасывание гсиун-ну назад во Внешнюю Монголию, дальше от Шелкового пути, откуда они получали продовольствие и власть. С этой великой идеей в голове, Пан Чао громил новые восстания в Кашгаре (80, 87) и Ярканде (88), сделал ву-сун из Или своим союзником. В каждом случае Пан Чао, который получал информацию через своих шпионов и который прекрасно понимал варварскую психологию, атаковал своих врагов смело и неожиданно. В Кашгаре король Чун, его протеже и марионетка, восстал в 84 вместе с народом Ярканда, согдианами и ю-чи или индо-скифами. В 87, вытесняемый из Кашгара силами Пан Чао, Чун симулировал готовность к покорности и попросил аудиенции, на которую он прибыл вместе с сильным подразделением кавалерии, что означало попытку внезапной атаки. Пан Чао притворился быть обманутым и поверившим в добрую волю визитора и щедро угощал его на банкете в его честь. Затем, «когда вино пошло вовсю», он захватил принца и отрубил ему голову. В то же время китайские войска открылись и напали на врагов и уничтожили их.¹¹⁵ В 88 перед Яркандом, Пан Чао имел лишь маленькую армию (из равного числа хотанских наемников и китайцев), чтобы устроить засаду против туземцев, к которым прибыла помощь в 50 000 людей из Кучи и соседних городов. Под покровом ночи он притворился, что отступает; затем, развернувшись форсированным маршем, он напал на город, срубил пять тысяч голов и вынудил оставшихся в живых сдаться.¹¹⁶

Лишь Куча и Кара Шахар оставались в состоянии мятежа и эти места искали союзников против Китая в каждом уголке, от гсиун-ну в Монголии до ю-чи или

индо-скифов. В 90 король индо-скифов – то есть, сильный император кушанской династии, который правил Афганистаном и северной Индией, возможно, представляемой Кадфисесом I – оскорбленный своим неуспехом в домогании руки китайской принцессы, отправил экспедицию на северо-восток Памира для помощи Куче против Пан Чао. Пан Чао перехватил все депеши между этой армией и людьми Куче, которая, возможно, обеспечивал ее провизией, и затем исчез. Индо-скифы, рискуя среди бесчисленных тропинок Кашгарии без провизии, были рады отступить невредимыми. Двор Куче, поумнев от опыта, который почти не стал несчастьем, возвратился в 90 к политике – традиционной среди ю-чи – дружбе с Китаем.¹¹⁷

К северу, в Монголии, генералы Теу Хиен и Кен Пин одержали крупную победу над северным гсиун-ну (89-90). Два короля северного и южного киу-ши (Кучен и Турфан) сразу обновили их связи с империей. В 91 китайский генерал Кен Куей вновь нанес решительное поражение гсиун-ну. Он дошел до Внешней Монголии, более вероятно, до Орхона, захватил мать и всех домчадцев shan-yü и назначил его брата Ю-чу-киен его место. Когда в 93 этот новый король восстал, Китай направил против него хсиен-пи, монгольскую орду из маньчжурских границ, которые победили его и убили – несчастье, от которого северный гсиун-ну никогда полностью не оправился.

Таким образом, лишенные помощи гсиун-ну и индо-скифов, три из четырех мятежных городов севернее Тарима – Куча, Аксу и Турфан – сдались Пан Чао (91). Китайский победитель получил от императорского двора титул «протектор-генерал», в действительности, вице-губернатор Средней Азии. Он занял в качестве резиденции Токиен, малый город около Кучи, в то время как другой китайский генерал осел в Кашгаре. Кара Шахар, в одиночестве, остался непокоренным. В 94 со своими наемниками из Кучи и Шансана (Лоб Нор) Пан Чао прошел к мятежному городу. В отчаянии народ Кара Шахара разрушило мосты через реку Йолдыз. Пан Чао прошел вброд через реку и вступил в болото перед Кара Шахаром. Некоторые жители были в состоянии убежать через озеро Баграч, но король вынужден был сдаться. Пан Чао в отместку за старые раны отрубил ему голову на том же месте, где девятнадцать лет назад был убит китайский губернатор Чен Му. «Пан Чао дал

своим людям город для ограбления. Они отрубили более чем 5 000 голов, взяли в плен 15 000 народу и захватили более 300 000 голов скота: коней, рогатый скот и овец».¹¹⁸ Весь таримский бассейн был покорен. В 97 Пан Чао приказал своему заместителю Кан Юину препринять наступление через Анси – то есть, через арсакидскую парфянскую империю – на Та-цин, китайское название Римской империи. Однако, Кан Юин, встревоженный парфянскими вестями, никогда не перешел за их территорию и повернул назад, не достигнув римских границ.¹¹⁹

Пан Чао уволился и в 102 возвратился в Китай, где он умер в том же году. Его наследники не смогли превзойти его в туземной политике, которая была и гибкой, и реалистичной. В 106 и 107 в Тариме разразились восстания. Китайский генерал Лиан Кин был осажден в Куче местными жителями.¹²⁰ Он освободился из осады с крупной победой, но в 107 двор Китая, разочарованный этими беспрерывными восстаниями, отозвал все таримские гарнизоны, даже те, которые находились в Лукчуне и Юиву. На следующий год кианг или тибетяне, которые тогда были совершенно дикими и жили кочевой жизнью к западу и южнее Коко Нора, атаковали китайские посты Кансу, угрожая отрезать дорогу Тунхуана. Лиан Кину засчет некоторого ожесточенного сражения удалось их задержать (108). Наконец, в 109 южный гсиун-ну во Внутренней Монголии предпринял атаку на китайскую границу. Китайский губернатор Лиатуна Кен Куеи двинул против них несколько орд хсиен-пи. Тем не менее, южный гсиун-ну грабил северные границы Шаньси вплоть до 110, когда Лиан Кин не вынудил их заключить мир.

В целом, Китай находил все больше сложностей в защите своих границ, когда в 119 начались работы по реконструкции. Военная колонна Юиву (Хами или Лоб Нор?) была восстановлена, Шаншан и король Турфана вновь выразили покорность; даже скоро после этого shan-yü северного гсиун-ну Кучен киу-ши ошеломили и уничтожили китайский гарнизон Юиву. Сын Пан Чао, Пан Юун, в конечном итоге восстановил все, что его отец достиг. В 123 он восстановил военную колонну в Лучуне, около Турфана; в 124 он укрепил верность короля Шаншана, напугал королей Кучи и Аксу, которые пришли признать покорность, и с помощью сил, которых они отдали в его распоряжение, он выгнал банд гсиун-ну из Турфана. В 126 он временно покорил даже ху-ен – группу северного гсиун-ну,

проживающую в стране, северо-восточнее от озера Бар Кол – заставил бежать основную часть северян, которые стремились вмешаться.¹²¹ В 127 китайцы завершили перезавоевание Тарима, вступив в Кара Шахар. В 130 сын короля Кашгара и также посол от короля Ферганы прибыли в китайскую столицу в Лояне с поклоном ко двору императора Шуен-ти. В 127 китайцы завершили завоевание Тарима, вступив в Кара Шахар. В 130 сын короля Кашгара и также посольство из короля Ферганы прибыл в китайскую столицу в Лояне с визитом к императору Шуен-ти.

В течение успешных лет – за исключением короткого периода восстаний с 140 по 144 вождь южного гсиун-ну левой или восточной ветви¹²² – проблемы Китая, в основном, возникали по поводу ху-ен гсиун-ну из Баркола. В 131 они напали на северный Киу-ши (Кучен) и плохо обошлись с его населением; в 151 они почти разрушили китайскую военную колонию Юиви, которая была спасена лишь громадными усилиями. Тем не менее, в 153 северный Киу-ши все еще был вассалом Китая. В 151 неожиданная жестокость китайского комиссара спровоцировал мятеж народа Хотан, который убил его, хотя затем город сделал *amende honorable*.¹²³ В 170 китайские генералы использовали контингенты из Турфана, Кара Шахара и Кучи в предостерегающих экспедициях к Кашгару в качестве арбитров в местных спорах; в 168-169 китайский генерал Туан Кун отразил вторжения киан или тибетян вдоль границ Кансу.

Цивилизация таримского оазиса в конце древней эры и в начале средневековья

Контроль Китаем Шелкового пути во время позднего Хан, обеспечивающий свободу трансконтинентальной торговли вдоль двойной цепи оазисов севера и юга Тарима сочетался поддержкой распространения буддизма в бассейне реки и вместе с ним, индийскую литературу и эллинское искусство. Или, говоря более определенно, вдоль Шелкового пути, которая также служила дорогой, по которой шли индийские миссионеры проповедовать буддизм в Кашгарии и Китае и по которой торговля и религия несли в регион греко-римское искусство. Действия

агентов Маеса Титаноса были нацелены по тому же направлению, как и апостолов Будды.

Более занятым в то время был южный путь, проходящий через Ярканд и Хотан. В Яоткане, древней столице Хотан, экспедиция Аурел Стейна нашла римские монеты времен правления императора Валенса (368-378); в Раваке, восточнее Хотана, она обнаружила ряд греко-буддийских рельефных плит с тонкой эллинистской оранжировкой, в чисто гандахарском стиле. Немного дальше на восток, в Ниа (Ниан), в местности, покинутой в конце третьего века, были найдены римские печати и интаглии и индо-скифские монеты. В Миране, юго-западнее Лоб Нора, в старом Шаншане та же экспедиция нашла несколько прекрасных греко-буддийских фресок с изображением, в основном, Будды, его монахов и крылатых духов с заметно римско-азиатскими чертами. На этих фресках индийскими буквами выведено «Тита» - имя, которое было идентифицировано как Титус – все они, по-видимому, датируемые третьим и четвертым веками н.э.¹²⁴

Это был тот же самый Шелковый путь во время Китайского Мира, когда пришли в Китай великие буддийские миссионеры. Ан Ши-као, парфянин, прибыл туда в 148 и умер в 170; Чу Шо-фу, индеец, и Че Чан, ю-чи, т.е. индо-скиф, оба пришли около 170 и основали религиозное общество в Лояне, столице. Между 223 и 253 Че Киен, сын посла ю-чи, перевел несколько буддийских писаний на китайский язык. Интересно упоминание ю-чи, поскольку оно указывает на то, что именно кушанская империя, тогда простирающаяся через Афганистан, Гандахар и Пунджаб, с помощью Шелкового пути внесла большой вклад в пропаганду буддизма в таримском бассейне и Китае. Также не менее важно знать, что кроме кушанских или индийских миссионеров было также много парфянских новообращенных для выполнения работы по обращению в веру в Верхней Азии и на Дальнем Востоке. Китайская Tripitaka представляет нам список миссионеров и переводчиков, пришедших через Тарим в Китай. В самом Тариме другие группы монахов из восточного Ирана и северо-западной Индии были вовлечены в перевод священных текстов санскрита в местные языки, от «восточно-иранского» до кучийского. Пример знаменитого Кумарджива (344-413) является характерным и заслуживает быть упомянутым здесь.

Кумарджива принадлежал с семье индийского происхождения, осевшей в Куче. Его предки занимали в стране высокие посты. Его отец, преданный буддист, пожелал отказаться от своих мирских почестей и вести монашеский жизнь, но король Кучи убедил его продолжать свои мирские посты и отдал ему в жены свою сестру. От этого брака родился Кумарджива. Мальчиком он был привезен своей матерью в Кашмир для обучения индийской литературе и буддизму. По своему возвращению, Кумарджива посетил Кашгар, где он оставался в течение года и продолжал учить *Abhidharma*. Текст его биографии¹²⁵ показывает, что Кашгар, подобно Куче, был в то время богатым центром индийской мысли, настолько, что правители этих двух городов соревновались в приеме в своих дворах такого ученого монаха как молодой Кумараджва. Когда Кумарджива возвратился в Кучу, правитель страны по имени в китайской транскрипции По Шуен, пришел его приветствовать и два внука короля Ярканда стали его учениками. Он жил в Куче со своим индийским хозяином Вималкша (он был родом из Кашмира) до 382-383, когда, как мы увидим, китайский генерал Лу Куан, вторгнувшись в Кучу, увез Кумараджву с собой в Китай. Рассказ Лу Куана свидетельствует о прекрасных кучийских дворцах, которые восхитили китайского завоевателя. Его изумление приводит к предположению, что здания и работы искусства, которые он здесь созерцал, были созданы скорее в индийской традиции чем в китайской и что приблизительно к этому периоду, как подтверждает Хакин, относятся самая старая живопись Кизила.

Цивилизация в континентальной Азии, как такие примеры показывают, была четко разделена в два продольных пояса. В севере, от понтийской России до Маньчжурии и Ордоса, господствовало степное искусство: кочевое искусство *par excellence*, характеризующееся бронзовыми головами и рукоятками, стилизованным анималистским искусством исключительно орнаментного характера. На юге, вдоль Шелкового пути от Афганистана до Тунхуана через двойную цепь оазисов, окружающих таримский бассейн, где обитали оседлые народы этих караванных оазисов, были живописные картины и скульптуры, созданные под непосредственным влиянием греческого, иранского и индийского искусств, все три

которых были рассеяны вдоль Шелкового пути и смешаны с буддийской религией, соответственно буддийским требованиям.

Первоисточником искусства Тарима в конце древней эпохи и в начале средневековья следует рассматривать Афганистан. Здесь, в кабулской долине в четвертом веке последние кушанские короли находились под сильным влиянием сассанидской Персии, в чью орбиту они были также втянуты, как это можно видеть из кушано-сассанидских монетной чеканки, исследованной Герцфелдом и Хакином.¹²⁶ Сассано-буддийская цивилизация и сассано-буддийское искусство родились на этих индо-иранских границах, как это показывают великие фрески Бамиана и Какрака, созданные в конце третьего века и в четвертом веке. В этих, изображениях типов и костюмов и в обработке фигур, влияние сассанидского искусства является потрясающим. Дальнейшие примеры представляются сассано-брахманской скульптурой, которые были открыты недавно Хакином в Хайерхане около Кабула (конец четвертого века) и чисто сассанидскими фресками из Духтар-и-Ноширвана, около Руи на кабуло-бактрийской дороге, на которых изображен королевский сассанидский принц, правитель Бактрии (пятый век). Все они были найдены экспедициями Хакин-Годарда и Хакин-Карла. В данных находках Афганистан в то время представляется как страна, где индийские религии и индийская письменная культура были тесно связаны с материальной цивилизацией Персии во времена королей Шапура и Хосроу.¹²⁷

Это была сассано-буддийской смесью, которую буддийские миссионеры, подражатели Кумариджва, внедрили во всех таримских оазисах и на различных остановках вдоль Шелкового пути, благодаря чему она стала религиозным учением. Это были бамианские фрески, с которыми родственны фрески Кизила, несколько западнее Кучи: стиль, характеризованная точным моделированием и весьма мягким и сдержанными цветами: серый, желто-коричневый, красно-коричневый, темнокоричневый и яркозеленый. Хакин, к которому мы обязаны хронологией этих различных периодов, датирует этот стиль между приблизительно 450 и 650.¹²⁸ Индейское влияние преобладает здесь с танцем королевы Чандрапрабха, напоминающий индийских голых тел из Аджанты. Сассанидское влияние также очевидно, особенно, в Павлиновой Пещере и Пещере Художника –

живописец изобразил себя в лице молодого иранского господина, одетого в элегантный ярко-окрашенный камзол, стянутого в поясе, с огромным кучийским вывернутым воротником (отмечен в Бамиане во фресках, воспроизведенных госпожей Годард), в штаны и высокие сапоги, все взятое из Ирана. Затем чудесные статуэтки, найденные в 1937 в Фундукистане, западнее Кабула, Хакином и Джин Карл и датированные по монетам, чеканенным сассанидским королем Хосроу II (590-628), убеждают нас в том, что до завоевания арабами ирано-буддийский Афганистан продолжал диктовать моду и одежду в кучийском обществе.¹²⁹

Второй стиль кизилских фресок Хакин отнес между 650 и 750; согласно ему, он характеризовался менее определенным моделированием и более яркими красками (ляпис-лазурь и ярко-зеленый) и преобладанием сассанидского стиля одежды. Буддийские фрески Кизила и Куматры, ныне в Берлине, таким образом демонстрируют шествия жертвователей, женщин и мужчин, которые вносили жизнь во дворы королей Кучи с пятого до восьмого века. Эта блестящая аристократия — определенно индо-европейского рода — была в подчеркнуто иранской одежде и в других аспектах материальной цивилизации, также, как она была индийской по вере и образованию. Кроме одежды двора, военные сцены в Кизиле, как, например, в «Разделе реликвий», показывают кучийское рыцарство в пластинчатых кольчугах, конических шлемах и защитных щитах, несущего длинные копья и напоминающее как сассанидскую кавалерию, так и сарматских всадников Керчи (Пантикапея) в Крыму.¹³⁰

Этот ирано-буддийский комплекс можно найти и в регионе, южнее Тарима, в частности, в картинах на деревянных панелях Дандан-Уилика, оазиса, расположенного северо-восточнее Хотана (конец седьмого века). Здесь находятся, бок о бок, голое тело чисто индийского типа, родственное с наиболее изящными голыми телами Аджанты; всадник и ездок на верблюде, оба в иранских чертах; и бородатый бодхисаттва в диадеме, в длинном зеленом платье, штанах и сапогах сассанидского господина. Наконец, тоже иранское влияние можно наблюдать на фресках и миниатюрах из турфанского региона, например, в Безеклике и Муртуке. В Безеклике божественные персонажи с кирасами напоминают одного из кучийских всадников в сассанидской панцире из Кизила и Куматры, в то время как

некий Авалокитесхвара, замечает Хакин, сохраняет чисто индийскую грацию. В Муртуке также, наряду с бодхисаттами, полностью индейского вида, сановники в тех же самых доспехах, каких видели в Кизиле, и в шлемах, украшенных крыльями, опять ясным образом указывают на сходство с сассанидскими.¹³¹ На скульптуре, найденной сэром Аурел Стейном, находятся хрупкие статуэтки Кара Шахара, любопытно напоминающие галлерею представителей этнических типов. Они имеют сильное сходство с греко-буддийскими статуэтками из Хадды в Афганистанее, ныне находящимися в музее Гуимета.

Таким образом, перед завоеванием страны тюркскими народами во второй половине восьмого века индо-европейский оазис на севере и юге Тарима от Ярканда и Хотана до Лоб Нора, и от Кашгара, Кучи и Кара Шахара до Турфана выводил свою культуру не от алтайской и степной цивилизации, а от великих цивилизаций Индии и Ирана. Они образовали Внешнюю Индию и Внешний Иран, растянувшуюся до китайских границ. В дополнение, именно благодаря им как Индия, так и Иран внедрились в Китай, как это показано на буддийских фресках и знаменах, открытых экспедициями Пеллиота и Аурела Стейна около Тунхуана, на пункте, где Шелковый путь вступал в сегодняшнюю китайскую провинцию Кансу.¹³²

Вытеснение северного гсиун-ну империей гсиен-пи Монголии

Тогда как греко-буддийская и ирано-буддийская цивилизации процветали спокойно среди оседлых обитателей таримского оазиса, тюрко-монгольские орды убивали друг друга в северных степях. Около 155 северный гсиун-ну, который наиболее вероятно был тюркского рода и обитал в орхонском регионе верхней Монголии, был разгромлен и покорен другими ордами: гсиен-пи, который происходил из хинаганского региона на монголо-маньчжурской границе. Эти гсиен-пи, которых долгое время принимали за тунгусов, согласно Пеллиоту и Тории, более вероятно, были монголами.¹³³ Таким образом монгольское господство взамен тюркскому. Вождь гсиен-пи, как его звали китайцы, Тан-ши-хуай, завоевав

северный гсиун-ну, продвинулся в западной Монголии до народа ву-сун из Или, которых он также победил. Китайские летописцы отмечают, что в 166 он держал свою власть от Маньчжурии до страны ву-сун, то есть, до Балхаша. Несомненно, это является из рода преувеличений; владычество гсиен-пи едва ли достигало за пределы современных территорий Богдо-хана (Тушету-хан) или Сетсерлик-мандала (Саин Ноян).

Заимев такую власть, вождь гсиен-пи начал преследовать те же завистливые цели против Китая, как и его гсиун-ну предшественники. В 156 Тан-ши-хуай атаковал нынешнюю провинцию Лиатун, но потерпел неудачу. Затем он пошел на южного гсиун-ну во Внутренней Монголии, который сохранял верность Китаю, и позднее, найдя понимание с его стороны, вынудил присоединиться к себе в нападении на китайские марши в Шеньси и Кансу; однако, объединенные орды были вынуждены отступить перед китайской армией (158). Новая атака гсиен-пи на Лиаоси, т.е. на китайскую провинцию западнее низовья реки Лиао в юго-западной Маньчжурии, была также отбита в 177 китайским генералом Чао Пао. Наконец, ву-хуан, кочевые орды из Далай Нора (Хулун Нор) и Шара Мурена (река Лиао), региона южнее великого хинганского хребта, были раздроблены на куски в 207 в нынешнем Джехоле, китайским генералом Цао цао. В 215-216, после поселения остатков южного гсиун-ну в безлюдных маршах севернее нынешних провинций Шеньси, Шаньси и Хопей, Цао цао разделил их в пять орд, поставив во главе каждой вождя под надзором китайского резидента. Официальный *shan-yü* южного гсиун-ну содержался при императорском дворе в качестве полу-пленника.¹³⁴

Когда в 220 во время гражданских войн династия Хан перестала существовать, орды северной степи, которые были ошеломительно разбиты в предыдущий период китайскими легионами, были или сильно напуганы, или расслаблены настолько, чтобы они могли использовать ситуацию для своей выгоды. Индо-европейский таримский оазис также, несмотря на гражданские войны, разразившиеся между «Три Королевства» Китая, наследниками династии Хан, продолжал оставаться верным главе государства Вей, правителю северного Китая (220-265). Так, в 224 Шаншан (Лоб Нор), Куча и Хотан прибыли с визитом к Цао Пей, королю государства Вей. Когда Вей и два других китайских государства

были унаследованы династией Чин (семья Ссу-ма), которая объединила Китай, то король Кучи отправил своего сына служить императорскому двору (285). Гсиен-пи, осмеливавшийся напасть на границы Кансу около Лианчоу (Вувей), был отброшен китайским генералом Ма Лун в 279.

Великая гсиун-ну империя исчезла и гсиен-пи, занявший ее место, показали себя несостоятельными возобновить их атаки на китайскую границу. Это было то время, когда, казалось, ничто не угрожало Китаю из степи. Крупные вторжения варваров начались в четвертом столетии и эти вторжения были похожи на переселение народов пятого века. Тем не менее, в отличие от вторжений в Европу, эти вторжения, казались, не были затронуты волнениями варваров в их тылу или приведенными в действие каким-то Атиллой, а были вызваны исключительно упадком китайской мощи, что притянуло, как вакуум, объединенных в федерацию варваров, которые до этого оставались в своих лагерях вдоль границы.

Великие вторжения четвертого века.

Завоевание гсиун-ну и гсиен-пи Северного Китая

Мы отметили последовательные трещины, ослабевшие гсиун-ну. С третьего века д.н.э. они доминировали во Внешней и Внутренней Монголии под руководством *shan-yü*, который больше располагался в Орхоне. Первая трещина произошла, когда в 44 д.н.э. вождь по имени Че-че был отогнан его соперником из земель его отцов в Монголии и переселился в регион Балхаша, где теперь находится Казахская ССР. Разделение, таким, образом произошло между восточным гсиун-ну в Монголии, который оставался врагом Китая, и гсиун-ну запада в степях Балхаша и Арала, который под названием гунны (предки Атилы) был врагом римскому миру.

В 48 н.э. империя восточного гсиун-ну сама потерпела разделение; южные или южномонгольские «восемь орд» отделились от тех, кто оставался верным *shan-yü* Орхона. Так, были образованы две различные группы: северный гсиун-ну на Орхоне во Внешней Монголии и южный гсиун-ну во Внутренней Монголии, севернее от Великой Стены. Как только что видели, северный гсиун-ну около 155

н.э. был покорен гсиен-пи: монгольскими ордами, родом из хинганского региона в восточной Монголии на маньчжурской границе. Гсиен-пи, как отметили также, тогда доминировал в Монголии от маньчжурских границ до подступов Хами и Баркола.

К концу династии Хан южный гсиун-ну, о котором мы будем исключительно вести речь, отбрасываемый дальше по направлению на юг под давлением гсиен-пи, пустился на бегство, как было отмечено, в район большой петли Желтой реки, в ордосскую степь и в примыкающую часть Алашана, где они остановились на период Трех Королевств (220-265). Здесь они пребывали в роли конфедератов китайской империи, в роли, несколько аналогичной к таковой у многочисленных германских племен на окраинах Римской империи в четвертом столетии. Отношения между вождями этого федерированного народа гсиун-ну Ордоса и китайскими императорами Вей и северных династий Чин (220-265 и 265-316, соответственно) были более похожи на отношения, которые преобладали между готскими, франкскими и бургундианскими вождями четвертого века и римскими императорами линии Константина или Теодосиуса. В обоих случаях вожди варваров, часто посещавшие имперскую столицу – Чанган или Лоян, Милан или Константинополь – принимались этими загнивающимися дворами как близкие, и они, сделав выгоду от увиденного здесь, возвращались к своим ордам.

В качестве конфедератов, затем в качестве войск на императорской службе, южный гсиун-ну, двигаясь дальше на юг, расположились на китайской стороне Великой Стены.¹³⁵ Их *shan-yü* Ху-чу-чуан (195-216) занял в качестве своей резиденции Пин-ян в центре Шаньси. Это было накануне падения династии Хан в Китае и гражданская война была в своем зените. Ху-чу-чуан, своевременно вспомнив, что один из его дальних предков был китайской принцессой, принял на себя отчество той великой императорской династии: Лю. Так, законность, уничтоженная рядом самозванцев, была возрождена в палатках гсиун-ну. В 304 один из этих гсиун-ну вождей с Хан именем Лю Юан, теперь твердо установившийся в Шаньси, получил от китайского двора Чин титул *shan-yü* Пяти Орд. В 308 во главе армии из 50 000 гсиун-ну он провозгласил себя императором в Тайюане в Шаньси под предлогом, что он является законным наследником

династии Хан. Династия, основанная этим гуннским правителем, действительно, известна под названием северного Хан – Пей-Хан – или ранний Чао-Цин-Чао.

Сын и наследник Лю Юан, Лю Цун (310-318), был Аттилой Китая. В 311 его войска заняли Лоян, китайскую столицу, сожгли императорский дворец и взяли в плен императора Чин Хуай-ти; затем наступали на Чанган, истребив половину его населения (312). Император-пленник был отправлен в Пинян, в резиденцию Лю Цуна, который вынудил его служить в качестве своего носителя кубка до его казни в 313. После отхода гсиун-ну новый император Китая Чин Мин-ти (312-316) занял резиденцию в Чангане, однако, в 316 гсиун-ну возвратился назад, заблокировал город и вынудил слабого правителя капитулировать. Еще раз в Пиняне возведенный на трон гуннский король принял плененного императора Китая, заставил его «полоскать кубки на банкетах» и, наконец, в 318 также его казнил. Отказавшись от всяких надежд на защиту северного Китая от варваров, член императорской семьи Чин сбежал и нашел убежище в Нанкине (тогда Кинкан), где, защищенный Янцзы, он основал вторую династию Чин под названием южный или восточный Чин (317). Тем же путем последние римляне пятого столетия должны были оставить свои западные провинции германским нашествникам и искать убежище в восточной империи. Приблизительно на три века (317-589) Нанкин будет занимать место Чангана и Лояна, как Константинополь заменил место Рима.

Лю Цун, победоносный гунн северного Китая, был на время переувеличенной фигурой. Правитель старых столиц Лояна и Чангана, он содержал свой двор в Пиняне в Шаньси и правил средним и южным Шаньси, Шеньси (за исключением бассейна Хан), северным Хунанем (за исключением Кайфена), южным Хопей и северным Шантунем. Однако к северу от этого гуннского владения, чей вождь, несмотря на свой варварский образ жизни, придерживался поверхностного вида китайской культуры (он был воспитан в императорском дворе), набрасывался на другие орды чисто по-варварски. Орда табагач или по-китайски, тоба,¹³⁶ по-видимому, тюркского рода, установила свой лагерь около 260 на крайнем севере Шаньси, севернее Великой Стены. В последующие годы тоба продвинулась к югу от Стены в старые китайские округа Янмин, к северу Шаньси и Тай (около Яю), т.е., в область Татун, где в 310 они осели твердо.¹³⁷ Наконец,

клан му-жун монгольской орды гсиен-пи основал новое королевство в Лиатуне и Лиаоси, на юго-западе нынешней Маньчжурии.

Большинство этих тюрко-монгольских государств, которые установились в северном Китае в четвертом веке были такими же неустойчивыми, как и германские государства пятого века на римском западе и по тем же причинам: орды воевали до смерти друг с другом. После смерти в 318 Лю Цун, гсиун-ну завоевателя северного Китая, его наследники были состоянии удержать лишь северо-западную часть его территорий с Чанганом в ее центре. Полный жажды завоеваний, один из ее командиров – Ши Ли – выстроил себе княжество около Сианку (ныне Шуэнтё) в южном Хопей. В 329 Ши Ли сверг правящий дом Лю Цун (Циен-ЧАО или Пей-Хан династия) и основал новую гсиун-ну династию, известную как поздний ЧАО (Ху-ЧАО), которая выстояла с 330 до 350. Ши Ли расположился где-то южнее Сианку, в Йе, ныне Чанте, и в качестве второй столицы выбрал Лоян. Этот совершенно неграмотный гунн, как свидетельствуют летописцы, наслаждался китайской классикой, которую ему доставляли. Его интерес к грамматике и теологии напоминают Теодорика или Чилперика, грамматистов и теологов.

Тем не менее, кочевой менталитет был не менее успешным для его гуннских потомков. Следующим (вторым) наследником Ши Ли (ум. 333) был Ши Ху (334-349), развратное животное, которого пытался убить собственный сын и который его казнил. Сын, следует отметить, был отъявленным монстром – татарская Голубая Борода, который жарил своих наиболее красивых содержанок и ел за столом.¹³⁸ Отклоняясь от общего потока варваров, которые пали под влиянием своих первых контактов с цивилизацией, Ши Ли был одним из ревностных защитников буддизма. Его владения, из которых Чанте в северном Хунане продолжало служить как столица, простирались через Шеньси (за исключением Ханчун, принадлежащего тоба), до Хопей, Шантун, Хунан и даже северной части Киансу и Анхуэй, через которую протекает река Хуэй.

Это обширное гуннское владычество пало также быстро, как и возвышалось. После смерти Ши Ху в 349 его наследники и генералы напали друг на друга и поубивали друг друга Му-жун, которые были гсиен-пи рода, более вероятно, монголами, как уже отмечалось выше, и которые основали королевство в

Лиатуне, воспользовались этим положением хаоса, чтобы захватить провинции Хопей (350-352), Шаньси и Шантун. Их победоносный вождь Му-жун Циун (349-360) выбрал в качестве своей столицы Йен (или Чи), ныне Пекин (350) и позднее – Йе (Чанте, 357). Его династия, известная под китайским названием Цин-Йен, ранний Йен (349-370). В 364 его наследник захватил Лоян (после кратковременного освобождения армией императора) и затем северный берег Хуэй (366). Однако, это владычество му-жун продолжалось даже намного меньше чем предшествовавшее ему гуннское владычество.

На службе гсиун-ну правителю Ши Ху находился офицер по имени Пу Гун. Он, по-видимому, был монголом, хотя часто ему приписывают тангутское (т.е. тибетское) происхождение. В 350 он установил независимое правление в Шеньси со столицей в Чангане. Его династия, все эти мелкие тюрко-монгольские вожди претендовали на китайскую императорскую линию, известна под названием раннего Чин, Цин-Чин (350-394). Внук Пу Гунна, Фу Чин (357-385) был одним из более заметных тюрко-монгольских правителей. Он относился к китайской цивилизации с искренней симпатией и показал себя гуманным администратором и твердым защитником буддизма. От му-жунг или Цин Йен он захватил сперва Лоян (369), затем Таюан и, наконец, Йе (Чанте), столицу му-жун, чей король он взял в плен (370). Таким образом все му-жун владения – Хопей, Шаньси, Шантун и Хунан – перешли к Фу Чину (370). Поскольку Фу Чин уже имел в своем владении Шеньси, он теперь стал владельцем всего северного Китая. В 376 он аннексировал другое мелкое варварское государство Лиан в Кансу. В 382 он отправил своего подчиненного Лу Куана покорить Тарим. Лу Куан получил уважение у правителей Шаншана (Лоб Нор), Турфана (южный Киу-ши) и Кара Шахара (Йенки). Король Кучи по имени По Шуен (по-китайски), пытаясь сопротивляться, был разгромлен и лишен власти в 383. Лу Куан оккупировал Кучу и, при возвращении в Китай, как уже отмечалось, взял с собой знаменитого буддийского монаха Кумарадживу, чьи достижения в качестве переводчика санскритских текстов на китайский язык были весьма велики.

Фу Чин, после покорения варварских государств к северу от Китая, казалось, был на пути завоевания китайской национальной империи юга и, таким

образом, объединения страны под своим управлением, как это сделал восемь столетиями позднее другой монгольский завоеватель Кублай. В 383 он действительно препринял атаку «империи» вдоль линии Хуэй, однако, на верховьях реки он потерпел неудачу, от которой так никогда и не оправился. Некий му-жун Чуэй на его службе, потомок старого гсиен-пи клана мужунов, поднял восстание и захватил провинции Хопей и Шантун. Таким образом было основано королевство позднего Йен (Хоу-Йен), которое держалось с 384 до 407 со столицей в Чуншане, нынешнем Тинчоу, южнее Паотин в Хопее. В тоже время (384) другой член му-жунского клана основал западный Йен (Гси-Йен) королевство в Шаньси, однако в 394 оно было присоединено му-жунгом Чуэй к Хоу-Йен. Наконец, Шеньси и часть Хунана были отняты от Фу Кина его бывшим подчиненным Яо Чан, который, более вероятно, был тибетского рода. В завоеванных территориях Яо Чан основал династию позднего Чин (Хоу-Чин), которая имела столицу в Чангане, тогда известного как Кинчаофу, и которая продолжалась с 384 по 417. Два других генерала (монгол или тюрк) основали другие две княжества в Кансу: княжество западного Чин (Гси-Чин, 385-400 и 409-431) со столицей Ланчоу и княжество поздних Лианов (Хоу-Лиан, 386-403). Последняя была основана Лу Куаном.

Королевство табагачских тюрков или тоба и монгольское ханство Жуан-жуан

Наряду с этими эфемерными ордами, чьи однодневные владения крошились, ударяясь друг на друга, существовала орда табагачов или, по-китайски, тоба, которая становилась сильной и, путем поглощения других, добилась установления долголетнего господства в северном Китае. В этом она напоминала франков, которые оставаясь после бургундианов, висиготов и ломардов, основали каролинскую империю на их руинах, которая была предназначена для воссоединения германского настоящего с римским прошлым. Достижения тоба были аналогичны; поскольку, объединив другие тюрко-монгольские государства северного Китая, они так китаизировали их, чтобы стало возможным слить и народ,

и династию вместе с китайской массой. Более того, их рвение в случае буддизма напоминает пыл меровингов и каролингов по отношению к христианству. Наконец, почти так, как франки назначали себя защитниками римской традиции против свежих волн германских нашествиев, так и тоба соорудил свою «Охрану на Рейне» на Желтой реке против монгольских орд, которые остались дикарями в глубинах своих родных степей. В конце третьего века н.э., как отмечалось, предположительно тюркский народ тоба осел на крайнем севере Шаньси в регионе Татун. Тоба Куэй, предприимчивый вождь (386-409), доставил удачу своей орде путем захвата от му-жунгского Хоу-Йена сперва Цинян или Тайюан (396); и, наконец, Йе, ныне Чанте (Анян, 398).¹³⁹ Он затем принял для своей семьи китайское династическое имя Вей и назначил для своей орды утвержденную столицу, Пинчен (Тай), восточнее Татуна. Таким образом конституцированное тобское корлевство Вей включало Шаньси и Хопей до Желтой реки.

Тюркский Китай тоба был подвергнут угрозе новой волны варварского нашествия со стороны жу-жуан или, как китайцы транскрибировали это название в унизительном каламбуре, жуан-жуан, означающий «неприятно извивающиеся насекомые». Они, согласно лингвистам, были истинно монгольского рода подобно старому гсиен-пи, с которыми, как некоторые полагают, они были родственны. Около 402 Шо-луин, один из их вождей, основал удачу своего народа путем покорения соперничающей орды Као-киу, который, по-видимому, располагался около Кобдо и Урунгу и предположительно представлял предков толачов и уйгурских тюрков. В то же время жуан-жуан господствовал на всем северном Гоби от Лиао на востоке, на корейской границе, до верховьев Иртыша и поступов к Кара Шахару на западе. Среди этих жуан-жуан мы впервые находим титулы «хан» и «каган»; по этой причине они должны быть монгольскими титулами, которые занимали место термина *shan-yü* старого гсиун-ну, что, в свою очередь, можно полагать тюркским.¹⁴⁰

Встретившись с угрозой со стороны этой новой империи, тоба или Вей правители северного Китая отличились своей решительностью в организации наступления и ряда контратак через Гоби. Тоба Куэй (386-409) установил пример успешной кампании, в которой каган жуан-жуанов Шо-лин был отогнан от

большой петли Желтой реки (402). Тоба Ссу (409-423), продолжая защищать подходы к Великой Стене на севере, расширил свою власть, захватив крупный город Лоян со всей частью Хунана, зависящего от него, у национальной китайской империи юга (423). Тоба Тао (423-452) наследовал своего отца тоба Ссу и опять оказался под угрозой со стороны жуан-жуан, которого он отогнал (424). В 425 он вел контрнаступление против них, во время которого он пересек Гоби с юга на север с кавалерией (несомненно, что каган жуан-жуанов держал свои штаб-квартиры около Орхона). Затем он повернулся к другому варварскому королевству Хсян, основанному в Шеньси гсиун-ну кланом хо-лин и предпринял внезапную атаку на столицу или королевский лагерь (Тунуан около Паоан [Читан] в северном Шеньси, 427), поскольку его командиры грабили Чанган (426). К 431 хо-лин были разгромлены и Шеньси был присоединен к владениям тоба. В 436 армии тоба Тао совершили аналогичные вторжения в королевства Пей-Йен (ныне Джехол), в последние остатки му-жунг территорий, и завладели ими также. В 439 тоба Тао отправился завоевать государство Пей-Лиан в Кансу (захваченный у Кутсана или Канчоу). Королевский дом Пей-Лиан – гуннская семья установилась здесь с 397 и носила патронимическое название Цу-киу – бежал в Турфан, захватил его и правил им с 442 по 460.

С присоединением территории Пей-Лиан тоба завершила завоевание всех тюрко-монгольских королевств в северном Китае.¹⁴¹ Все они образовали ныне часть великого (тюркского) тоба владычества, королевства Вей, как оно называлось по китайскому обычаю, оставаясь лишь единственным владением вне пределов китайской национальной империи юга с Нанкином, в качестве ее Византии. В сущности, римский мир восьмого века был аналогично разделен между франками, которые покорили Запад, разрушив другие варварские государства, и Византийской империей, которая оставалась хозяином Востока Европы.

Влияние этих завоеваний на народы Средней Азии было таким, что с того времени северный Китай был известен им как тоба страна. Даже византийцы нашли для него свое название: Табагач - по-тюркски, Тамагай – по-арабски, Таугаст – по-средневековому греческому.¹⁴²

Объединив северный Китай, тоба Тао совершил крупную экспедицию в Гоби против жуан-жуан, которого он уничтожил в больших количествах (429). В 443 он повторил эту операцию с равным успехом. В 445 тоба армия предприняла атаки против Шаншана (Лоб Нор) за блокаду дорог, идущих с запада, и в 448 тоба генерал Ван Ту-куэй получил дань от Кара Шахара и Кучи. Тоба Тао совершил свою третью экспедицию в Гоби в 449, преследуя жуан-жуан.

История тоба или табагачских тюрков, которые господствовали в северном Китае в пятом веке, интересна частично потому, что она представляет хороший пример полу-китаизированной тюрко-монгольской орды, которая удерживала все свое первоначальное военное превосходство над китайцами и в тоже самое время приобрела у них организационные навыки, позволившие ей возвыситься над все еще дикими ордами севера. Когда в 429 «табагач» король Тоба Тао решил вести некоторые контратаки в восточном Гоби против монгольской жуан-жуан орды, несколько из его советников отметили, что китайцы южной нанкинской империи могут воспользоваться этим для диверсионных действий. На это его ответ прозвучал: «Китайцы являются пехотинцами, а мы являемся всадниками. Что может сделать стадо жеребят и телят против тигров или стада волков? Что касается жуан-жуан, то они пасутся на севере летом; осенью они идут на юг и зимой вторгаются на наши границы. Мы должны атаковать их лишь летом на их пастбищах. В это время их кони бесполезны: жеребцы заняты с кобылицами и кобылы – со своими жеребятами. Если мы набросимся на них там и отрежем от их пастбищ и вод, то в течение нескольких дней они будут или схвачены, или разбиты.»

Такое двойное превосходство позднее дало возможность Кублаю чингизидов иметь успешно дело как с Китаем Сун и Кайду монголов, а первым маньчжурам - покончить с последним китайскими восстаниями и враждебными действиями последних моноголов. Однако, это двойное превосходство никогда не было более чем временным; время всегда приходило тогда, когда тоба кублайды или маньчжуры стали полностью китаизированными. Они затем побеждались ордами севера или устранялись или поглощались китайцами. Это и есть основной ритм сино-монгольской истории.

Тоба Тао был наиболее сильной личностью этой энергичной тюркской семьи, которая так храбро защищала древнюю китайскую цивилизацию от ее все еще диких сородичей. Он был человеком исключительной храбрости и наводил ужас сердцам жуан-жуан, которые, если бы им противостояли слабые китайцы, нисколько не стали колебаться атаковать их границы. Так, он поставил конец крупным вторжениям, как это делал Кловис в Толбиакуме по поводу Галлии. Он принял довольно много из китайской культуры, однако, отказался стать настолько китаизированным, чтобы допустить какого-либо ослабления тюркской струны в своей орде. Поэтому он отказался от замены своих старых лагерей в Пинчене около Татуна, на дальнем севере Шаньси, примыкающем к степи, на исторические столицы старого Китая, Лояна и Чангана, которых он завоевал силой оружия. Он также сохранил варварский, но расчетливый тюрко-монгольский обычай, который требовал, чтобы перед возвышением на престол тоба короля, мать нового правителя должна была быть убита во избежание последствий всяких амбиций, завистливости или недовольства по части будущей вдовы. В этой связи следует отметить, что с таким менталитетом он глубоко не любил буддизм и такие чувства были вызваны у варварского воина таоистской ненавистью в его окружении. В 430 он приказал секуляризацию буддийских монахов и в 446 издал постоянный эдикт по их преследованию. Однако, преследование было отменено после возведения на престол его внука Тоба Сиун, который наследовал его после дворцового восстания (452-465). В буддийских пещерах Юнкана около Татуна, где художники работали с 414 до 520, красивейшие скульптуры и другие произведения, которые принесли славу искусству Вей, датируются временем данного правления.¹⁴³ Религиозный пыл этих людей вдохновил их на создание работ, полных такого проникновенного мистицизма из традиционных греко-буддийских форм, которые достигли до них из Гандахара по таримским дорогам, что они кажутся почти переделками римской и готической скульптур. Действительно, более чем вероятно, что чисто китайские династии сильно были притеснены национальными предрассудками и конфуцианским классицизмом для того, чтобы в результате без остатка отдаваться мистическим учениям Индии. Буддийская скульптура современных имперских династий Нанкина, даже Лиана, лишена какого-то такого рвения. Это во многом из-

за их варварскому происхождению тоба, франки Дальнего Востока, обязаны своей способностью создавать в Янкане и позднее в Лунмене эквивалент Чартресс и Реймс и это, по-видимому, является одним из наиболее удивительных результатов завоевания древнего Китая кочевыми степи. Дополнительно, великие вторжения на Западе в пятом столетии, когда варварское общество стало самодостаточным под влиянием христианства принесли с собой, после Темных Времен, века средневекового великолепия. Великие вторжения на Востоке в четвертом веке произвели такой же результат, хотя намного быстрее; поэтому после истечения не более чем сто лет Китай династии Вей освоил достаточно буддийской религии, чтобы создать великие скульптуры Янкана и Лунмена.

Должно было пройти некоторое время прежде чем тюркская энергия тоба стала истощенной под китайским влиянием и переходом в буддизм. Во время правления Тоба Сиун (452-465), тоба оккупировала оазис Хами (456) и предприняла атаку против жуан-жуан в Гоби (458). Жуан-жуан, в свою очередь, разрушил династию Цу-киу и поставило на ее место вассальную семью (460). Под Тоба Гунг (465-471) победы тоба возобновились засчет китайской национальной империи юга: Пенчен (Синсиен, Киансу) был взят в 469, в 467 было завоевано бассейн Хуэй и в 469 – Шантун. В 470 тоба наказала ту-ю-хуен, орду гсиен-пи, т.е. монгольского происхождения, которая пребывала в Коко Нор с начала века.

Тоба Гунг был таким преданным буддистом, что в 471 он отрекся от трона в пользу своего сына для того, чтобы стать монахом. Этот сын, Тоба Гунг II¹⁴⁴ (471-499), отличился тем, что завоевал себе большинство путем такой же симпатии к буддизму и под его влиянием он ввел более гуманное законодательство. В 494 он завершил китаизацию тоба путем перемещения своей столицы из Пинчена в Джехоле в Лоян¹⁴⁵ и именно в это время по его инициативе началась работа по созданию знаменитых буддийских склепов Лунмена, южнее Лояна. Скульптуры этих склепов были выполнены в различные времена периода 494-759. Однако, несдержанная адаптация китайской культуры и буддической веры привели к тому, что тоба потеряла твердость, воинские качества своих тюркских предков. Их попытки завершить объединение Китая под своим правлением путем покорения национальной империи юга закончились провалом. Король Тоба Киао (499-515)

сделал последнюю попытку, однако, его генералы не смогли переходить через линию Хуэй, которая означала границу двух империй, и позади которой имперская крепость Чунли (Фенян в Анхуэй) сдерживала все атаки (507).

После смерти Тоба Киао в 515 его вдова, королева Ху, правила тоба территориями до 528. Этот потомок старого талабагача был последним членом династии, демонстрирующий древнюю тюркскую силу. Она была женщиной исключительной энергии, кроваваждой, когда возникала ситуация, и со страстью к власти; тем не менее, она покровительствовала буддизму. Она добавила украшения к святилищам Лунмена и отправила буддийского странника Сун Юн с миссией в северо-западную Индию; последний оставил интересный рассказ о положении в Средней Азии в тот период. Сун Юн отправился в путь через Шаншан (Лоб Нор), Хотан, Памир и, как можно видеть, посетил хана эфталитских гуннов в Бадахшане. Затем он вступил в Удиану и Гандахар (нижний Кабул), откуда он доставил обратно своему правителю буддийские документы, которые интересовали ее (518-521).¹⁴⁶

Народ тоба теперь был слишком китайским, чтобы не иметь своих дворцовых восстаний, семейных раздоров и гражданских войн. В 534 они разделились на две ветви: восточный Вей (Тун-Вей), во владении которого были Хопей, Шаньси, Шантун и Хунан со столицей Чанте (534-550); и западный Вей (Хси-Вей), который имел Шеньси и Кансу со столицей в Чангане (534-557). Оба были свергнуты своими министрами и была создана династия Пей-Чи (550-577) в Чанте на месте восточного Вей, а западный Вей был заменен династией Пей-Чоу (557-581). Однако, эти королевские дома, ставшие китайскими, уже не были более частью истории степи. Из того, что оказало воздействие на эту историю, это есть постепенное ослабление тюркской силы – такой заметной среди первых табагачских правителей – и ее разбавление и слияние с китайской массой. Это также есть образец, который будет повторяться вновь и вновь через столетия хитанами, журчидами, чингизидами и маньчжурами. Это есть также влияние буддизма, который сыграл такую огромную роль в процессе смягчения среди тоба, как это случилось позднее среди ханств чингизидов и еще позднее среди халхов. Эти свирепые воины, единожды коснувшись грации бодхисаттвы, становились

такими восприимчивыми человеческим предписаниям сраманас (отшельники), что позабывали не только свою естественную воинственность, но и пренебрегали своим защитным инстинктом.

Последняя минусинская культура

Оставляя этих полностью китаизированных тюрков на произвол судьбы, мы вернемся к кочевым ордам азиатских степей. В связи с тоба мы говорили о предположительно монгольской орде жуан-жуан, которая в течение пятого и первой половины шестого веков доминировала во Внешней Монголии. То, что мы знаем об их политической истории, исключительно основано на китайских записях династий Вей и Суи и прежде, чем успешно обсуждать их цивилизацию, мы должны ждать результатов систематических раскопок в их древних владениях. Между тем, следует немного заметить, что за их территориями и к северо-западу от них процветала новая культура в тот же период на Енисее в Сибири, около Минусинска. Эта культура, известная как «Кочевой Всадник» оставила после себя орнаменты, ремневые пластинки, пряжки и оправы из бронзы, также стремена, ножи, долота, кинжалы, сабли, пики, седла и т.д.т.п, все достаточно обильно представлены в минусинском музее и также в Хельсинки (коллекция Товостина).¹⁴⁷ Эта культура, кажется, современна с жуан-жуан; и она, должно быть, пережила их на некоторое время, поскольку в деревне Тютша она связана с китайскими монетами начала периода Тан (седьмой век) и она, кажется, не закончилась до девятого века. Она представляет особый интерес на данной стадии, поскольку, как отметил Нандор Феттих, она представляет поразительное сходство с аварской культурой в Венгрии или леведианской культурой девятого века.¹⁴⁸ Хотя это и не может быть ценным аргументом в пользу отнесения жуан-жуан в качестве прямых предков аваров в Европе, однако, оно представляет, по-меньшей мере, доказательство того, что оба они имели тяготение к региону того же самого культурного центра.

После жуан-жуан представляется подходящим обсудить родственную орду эфталитов, которые, в тот же самый период, были хозяевами западного Туркестана.

Эфталитские гунны

Эфталитские гунны были тюрко-монгольской ордой; в этом случае, представляется, более монголами чем тюрками¹⁴⁹ и родом, согласно Сун Юну, из киншанских холмов, т.е. из Алтая, откуда они спустились к степям нынешнего русского Туркестана. Их имя, эфталиты, данное византийскими историками, хаятелиты – персидским историком Мирхондом, и Йе-тай – историками Китая, кажется, выведено от имени королевской семьи Эфта или Йе-та.¹⁵⁰ Византийские историки знали их также по названию, несколько ошибочному, Белые гунны.

В начале пятого века н.э. эфталиты были не более чем вторичной ордой, вассалом более крупной, подобно монголам, орды жуан-жуан, которая доминировала в Монголии. Во второй четверти пятого века эти самые эфталиты приобрели существенное значение расширением своего владения на запад. Их правление простиралось от верхнего Йолдыза на востоке (к западу от Кара Шахара) через илийский бассейн до Балхаша, на степи Чу и Таласа и регион Сырь-Дарьи до Аральского моря. Согласно некоторым источникам, одна из резиденций хана находилась около города Талас. К приблизительно 440 они также оккупировали Согдиану или Трансоксиану (Самарканд) и, кажется, страну Балх, Бактрию или Тохаристан.

Несколько востоковедов, в частности, Ноелдеке, уверены в том, что во время правления короля Персии Баграм Гора (420-438) эфталиты осели в Бактрии. Полагалось, что они вторглись в сассанидскую провинцию Хурасан, откуда Баграм Гор отогнал их обратно после сражения в Кусмеган около Мерва. Маркуарт, с другой стороны, думает, что Баграм Гор и позднее его наследник Яздигард II (438-457) должен был защищаться не против эфталитской агрессии, а против другого гуннского племени, которое вело кочевой образ жизни к северу от Мерва.¹⁵¹ Однако, это возможно, но определенно то, что это были эфталиты, которые во время правления сассанидского короля Пероза (459-484) атаковали Хурасан и в конечном счете победили и убили упомянутого монарха. Эфталитский вождь, который выиграл это сражение, был известен арабо-персидским историкам под

именем Ахшунвар или Ахшунваз, очевидно, искаженный согдианский титул *khshevan* или король.¹⁵²

После своей победы над королем Перозом эфталитские гунны заняли не только пограничный район Талекана (западный Талекан, находящийся между Балхом и Мервом), который до них был пограничным городом сассанидской империи на северо-западе, но также Мерв и Герат.¹⁵³ Более того, они вмешались в дворцовые споры персидской сассанидской династии. Именно таким путем случилось, что сассанидский Кавадх, смещенный с трона Стесифона, нашел убежище у них, женился на племяннице их хана и получил от него армию, с помощью которой он возвратил свою корону (498 или 499). К тому времени эфталиты стали силой, с которой должны были считаться в Средней Азии. *Liang Shu* отметил посольство, направленное в 516 к китайскому двору в Нанкине их королем «Йе-тай-и-ли-то».

Несмотря на поражение короля Пероза, сассанидская Персия была слишком хорошо защищена по отношению к эфталитам, чтобы просто созерцать их захват. Они повернули в юго-восток, по направлению на Кабул. Здесь первой реакцией на их прибытие, кажется, было замещение кушанской династии около середины пятого века другой линией того же самого ю-чи или тухары из Бактрии. Иранские источники говорят о династии «кидаритов», находящейся южнее Оксуса между Балхом и Мервом,¹⁵⁴ которая находилась в состоянии войны с сассанидами. Согласно тем же источникам, сассанидский Пероз (459-484), тот же самый, который был убит под стрелами эфталитов, воевал против вождей кидаритов, сначала с эпонимическим героем Кидарой и затем с его сыном Кунгасом (Кунгас). После поражения от Пероза, должно быть, Кунгас покинул Бактрию, которую поспешно заняли эфталиты, пересек Гиндукуш и вступил в Кабул, где он занял место последних кушанских правителей.¹⁵⁵ Эти события, подтверждаются китайцами, хотя и приписываются к более ранней дате и, как следствие, связывают с другими событиями. Китайские источники, в которых информация, кажется, должна датироваться более ранним периодом, 436-451, запись, что «король ю-чи» из «По-ло», что здесь безусловно означает тухару Балха, просто покинул Бактрию под давлением эфталитов и переехал в Гандахар, где он осел в Пешаваре, взяв под

свою защиту своих племянников ю-чи Кабула: то есть, последних кушанов. Китайцы звали этого короля Ки-то-ло, что точно соответствует нашей Кидаре.¹⁵⁶ Таким образом, это должны были быть не сассаниды, а скорее эфталиты, вынудившие кидаритов покинуть Бактрию и искать убежище в Кабуле. Кидариты, однако, были преследованы эфталитами, которые не теряя времени, пересекли Гиндукуш по тому же пути. Так, вся старая ю-чи территория – Бактрия, Кабул и Кандахар – перешли в руки эфталитов. Дополнительно, с высот кабульской долины авангард эфталитов прыгнул дальше, как это делали ранее кушаны, для завоевания Индии.

Более крупная часть Индии, весь гангский бассейн, Малва, Гуджарат и северный Деккан, представляла собой огромную империю под национальной династией императоров Гупты, династии, которая достигла своего пика во время правления Кумарагупта (прбл. 414-455), которого наследовал его сын Скандагупта (прбл. 455-470). Это было или в последние годы Кумарагупты, или в начале правления Скандагупты, когда эфталитские гунны, известные индейцам через санскритские записи как *Huna*, после завоевания Кабула, спустились в Пунджаб и оказались против границ владений Гупты около Доаба или Малвы. В данном случае они были отогнаны Скандагуптой, или скоро после его вступления на престол, или немного раньше.¹⁵⁷ Если это случилось раньше, то начало его правления могло совпасть со вторым гуннским вторжением, которое было отражено также. После этого, как повествует запись 460, страна опять оказалась в состоянии мира.

Между тем, эфталиты твердо окопались на обеих сторонах Гиндикуша в Бактрии и Кабуле. В 520, во время путешествия Сун Юн, их хан жил севернее Гиндикуша, перемещаясь, в зависимости от сезона года, из Бактрии, где он проводил зиму, в Бадахшан, в свою летнюю резиденцию. В Кабуле, в старых греко-буддийских провинциях Каписа и Гандахар, располагался нижележащий эфталитский вождь: *тегин*, который здесь основал династию и от которой вторичный правитель управлял в 520. Здесь, среди возвышенной культуры Гандахара, из которой эллинизм совместно с буддизмом создал нового Геласа и буддийскую святую землю в совокупности, эфталиты действовали как варвары,

уничтожая местных жителей и преследуя, в особенности, буддийские общества, грабя монастыри, произведения искусства и разрушая греко-буддийскую цивилизацию, которая к тому времени существовала уже пять столетий. Персидские¹⁵⁸ и китайские тексты совпадают в своем описании тирании и вандализма этой орды.

В Pei-Shih и в рассказе, относящемся Сун Юн, который в 520 посетил сначала их хана в его летней резиденции в Бадахшане и позднее *тегина* Гандахара, все эти гунны описываются как чистые кочевники: «Они не живут в городах; их правительство сидит в подвижном лагере. Их жилища сделаны из войлока. Они передвигаются в поисках воды и пастбищ, путешествуя летом в холодные и зимой в теплые края. Большая палатка диаметром 13 метр сооружена для их короля; изнутри стены покрыты шерстяными коврами. Одежда короля сделана из разукрашенного шелка и он сидит на золотой ложе, ноги которой выполнены в виде четырех золотых фениксов. Его старшая жена также одета в украшенный шелковый халат, который тянется по полу на один метр. На голову она надевает накидку длиной около двух с половиной метра, украшенный драгоценными камнями в пяти цветах.»¹⁵⁹

Сун Юн также отметил, что эфталитский обычай иметь более одного мужа (полиандрия) и их враждебность к буддизму. «Они не верят в буддийские законы и поклоняются к множеству богов. Он убивают живые существа и являются едоками кровавого мяса.» По свидетельству Хсюан-цан, эфталиты отрезали горла двум третям населения Гандахара, остальных обратили в рабство и разрушили большинство буддийских монастырей и священных сооружений (*stupa*).¹⁶⁰

Из Кабула эфталиты глазели на богатых Индии. Отогнанные назад индийским императором Скандагупта, они ждали своего времени. Удача им улыбнулась после смерти этого правителя (прбл. 470), когда индийская империя погрузилась в процесс загнивания. Такое, возможно, было результатом деления страны между двумя ветвями династии Гупта, одна из которых правящая над Малва в лице людей из Буддагупта (прибл. 476-494) и Бханугупта (499-543), другая, правящая над Бихаром и Бенгалом, где успешно правили Пурагупта и Нарасимхагупта. Воспользовавшись этим упадком Гупта, гунны возобновили свои

вторжения в Индию. Вел их гуннский вождь, который известен в индийской литературе под именем Торамана (ум. 502) и который не был ханом эфталитов, как иногда об этом спорят. Хан, как мы видели, жил к северу от Гиндукуш в Бактрии и Бадахшане. Этот человек был низележащий принц или *тегин*; несомненно, он был *тегином* Кабула. Три его надписи, найденные в Хеуре в соляном хребте (к северу от Пунджаба), в Гвалиоре и Еране, доказывают, что он завоевал не только индусский бассейн, но и также Малву. Его монеты являются имитацией монет индийского императора Буддхагупта, его современника.¹⁶¹

Михиракула, сын и наследник Торамана (известен лишь по своему панегирическому индийскому имени «Солнцеподобный» в классическом санскрите), который должен был править своей ордой приблизительно с 502 по 530, был фактически Аттилой Индии. Он держал свою резиденцию в Сиалкоте в восточном Пунджабе и должен был быть определенно тем *тегином* Гандхара, которого встретил китайский странник Сун Юн в 520. После завоевания Кашмира, Михиракула возвратился в Гандхар, где он совершил страшные убийства. Буддистские писатели описывают его как ужасного преследователя их религии. Хсюан-цан рассказывает, что гуптский правитель Магадхи или Бихара, по имени Баладития (возможно, совпадает с вышеупомянутым Нарасимхагупта), был единственным, кто отваживался сопротивляться ему. Михиракула продвинулся в регион Ганга в поисках своего врага. Сначала сообщалось, что Баладития отступил перед его приходом; затем, в внезапной атаке он, кажется, победил и даже пленил его. Рассказ заканчивается как моральная сказка. Кроме того, надпись Ерана в Малве, датируемая 510, которая перечисляет победы Бханагупта, другой гупта принц, уверяет в том, что эти победы также были одержаны над эфталитскими нашествниками. Наконец, в 553 третий индийский принц, Ясодхарман, полагается, что был членом династии радж Мандасура в Малве, хвастается в своих надписях о победе над гуннами и вынуждении Михиракула придти к нему с поклоном.¹⁶² После этих поражений Михиракула, говорят, отступил из Кашмира, где он, как пишут китайские странники, по неизвестным причинам ужасным образом отомстил свои гандахарским вассалам. Буддийские тексты утверждают,

что он нашел свою страшную смерть таким же образом, как он наказывал своих жертв.

Мы не знаем, что случилось гуннским кланам, стоящим в Пунджабе, после смерти Михиракула. Во второй половине шестого века, они, по-видимому, продолжали быть беспокойными, если не опасными, соседями махараджа Танесара¹⁶³, Прабхакара, который заслужил честь и власть, сражаясь против них. В 605 его старший сын Раджиавардхана все еще воевал против них, и позднее наследник этих двух, великий индийский император Гарша (606-647) воспевался поэтами за его победы над теми же гуннами. Тем не менее, со второй половины седьмого века гунны Индии исчезли из истории. Несомненно, они были или истреблены, или поглощены пунджабами. Более вероятно, что некоторые их кланы успешно вступили в аристократию хинду по примеру клана «Раджпут» Гурджара, который, возможно, имеет тоже самое происхождение.

Гунны в Европе: Атилла

С 35 д.н.э. мы теряем следы западного гсиун-ну. Это было тогда, что Че-че, раскольный shan-yü, после того, как он увел с собой некоторых гуннских племен Верхней Монголии в степи к северу от Аральского моря и озера Балхаш, был схвачен и убит китайским экспедиционным корпусом. Потомки этих племен, которых он вел в этот регион, оставались в этом регионе веками; однако, поскольку у них не было цивилизованных соседей для записи их дел и авантур, ничего неизвестно об их истории. Не до четвертого века н.э., когда мы услышим о них опять и когда их вступление в Европу привело их в контакт с римским миром.¹⁶⁴

Русская степь к северу от Черного моря с третьего века д.н.э. была занята сарматами, которые заменили скифов и которые, подобно им, принадлежали к северной ветви иранской расы. Основная их часть состояла из кочевников, передвигающихся между нижней Волгой и Днестром. Некоторые сарматские племена разработали автономный образ жизни. Среди них были кочевые аланы Терека, которые путешествовали до Кубани; роксаланы, которые с 62 н.э. расположились западнее нижнего Дона; и языги, которые с 50 н.э. занимали долину

между Тиссой и Дунаем, т.е. между дакийцами и римской провинцией Паннония в центре современной Венгрии.¹⁶⁵ Сарматы были отделены от Римской империи, даже после аннексии Траяном Дакии (106), бастарнами, восточным германским народом, который с 200 далее пришел к Днестру по пути из северных склонов Карпат до самого устья реки: движение, которое представляет первое известное германское *Drang nach Osten*. Около 200 н.э. свежая германская волна от нижней Вистулы, готты, которые родом из Швеции, угрожали сарматским претензиям на долины южной России. В 230 готы достигли предела своей миграции и атаковали римский город Олбиа на Черном море.

Южная Россия была разделена в это же время между готами к западу от нижнего Днепра и сарматскими народами (аланы и другие) к востоку от этой реки. Крым, с другой стороны, был все еще греко-римским владением в вассальстве у цезарей. Сами готы были разделены на остроготы (между нижним Доном и нижним Днестром) и висиготы (от нижнего Днестра до Дуная). Третье готское племя, гепиды, занимали Дакию после ее эвакуации императором Аурелианом в 270. Это есть период готских захоронений Черняхово к югу от Киева и Николаевки около Херсона на нижнем Днепре (третий век). Это есть также период, на сарматской стороне, кубанского склепа (Тбилисская, Воздвиженское, Армавир и Ярославская), с пластинками и пряжками, характерными для сарматского искусства. К северу, в лесах восточной и центральной России, заселенного в то время, несомненно, угро-финнами, сарматское влияние все еще существует в культуре Пианбора около Казани (прибл. 100-300 или 400), местном наследнике культуры Ананино. Дальше на восток, калужская группа раскрывает фибулу германо-римского вдохновения (третий и четвертый века). Такой была этническая и культурная ситуация на юге России, когда туда прибыли гунны. По какой причине исторические гунны, потомки западного гсиун-ну, покинули степи к северу от Аральского моря и вступили в Европу? Мы этого не знаем. Около 374, переправившись через нижнюю Волгу, они под водительством вождя, которого Джорданес называет Баламбером, они в дальнейшем пересекли Дон; разбили и покорили аланов Терека и Кубани; и к западу от Днепра они атаковали остроготов, чей старый король Ерманирих был ими побежден и впоследствии этого покончил

жизнь самоубийством. Витимир, наследник Ерманариха, в свою очередь, был разбит и убит. Большинство остроготов покорились гуннскому господству, в то время как висиготы, убегая от нашествия, пересекли Дунай и вступили в пределы Римской империи (376). Большинство аланов Кубани и Терека были вынуждены покориться временно гуннам и оставаться на своих землях, где в десятом веке они были обращены Византией в христианство. То были предки современных осетинов. Другие аланы ушли на Запад и присоединились к западным германам для крупных вторжений. Некоторые их племена осели в Галлии на нижнем Лувре,¹⁶⁶ другие вступили на территорию Испании, смешались с суевы в испанской Галиции или, с висиготами, образовали слоенный этнический элемент, который, вероятно, дал Каталонии («гот-алан») свое имя.

Ужас, нагнетаемый гуннским вторжением в римский и германские миры хорошо описан Аммианусом Марселлинусом и Джорданесом. «Гунны», пишет Аммианус, «превышали все, что было бы постижимо, в жестокости и варварстве. Они резали щеки своих детей для того, чтобы препятствовать росту бород. Их коренастые тела, огромные руки и непропорционально большие головы придавали им чудовищный вид. Они жили как животные. Они не варили, не приправляли свою пищу; они жили на диких корнях и мясе, смягченном под седлом. Они не знают ни плуга, ни установленных мест обитания, домов и хат. Будучи вечными кочевыми, они приучены из детства к холоду, голоду и жажде. Их стада движутся за ними во всех их передвижениях с их животными, используемыми для перевозки покрытых кибиток, в которых живет их семья. Здесь их женщины ткут и шьют одежду, рожают детей и воспитывают до половой зрелости. Если вы поинтересуетесь, откуда эти люди пришли и где они родились, они не могут сказать об этом. Их одежда состоит из льняной блузки и покрытия из кожи крыс, сшитых вместе. Блузка, которая темного цвета, одевается до тех пор, пока снашивается полностью на теле, отрывавшись кусками от него. Они никогда не меняют ее, пока она полностью сама упадет от ветхости. Шлем или шапка, загнутая назад, на головах и козлиная кожа, обмотанная вокруг их покрытых волосами ног завершают полный их вид. Их башмаки, нарезанные без формы и меры, не позволяют им ходить свободно: таким образом, они полностью лишены

возможности сражаться пехотой. Верхом они кажутся заклепанными к своим безобразным маленьким коням, которые не знают усталости и быстры как молния. Они проводят свои жизни на спине коня, иногда расставив ноги, иногда, сидя боком, как женщины. Так они проводят свои собрания; они покупают и продают, пьют и едят, даже спят, лежа на шее своих лошадей. В сражении они бросаются на врага, изрекая устрашающие вопли. Встретив сопротивление, он бросаются наутек только для того, чтобы возвратиться с той же быстротой, грома и переворочивая все на своем пути. Они не имеют представления, как брать укрепленные позиции и окопавшийся лагерь. Тем не менее, не имеется ничего, равного их уменью, с которым из огромной дистанции они выпускают свои стрелы, которые имеют наконечники из заточенных костей, твердых и убийственных как железо.»¹⁶⁷

Сидониус Аполлинарис, который приписывает физическому типу гуннов намеренное искаженное формирование в детстве, говорит с не меньшим ужасом о широколицых людях с плоскими носами («бесформенные, плоские образования»), высоких скулах и глазах, глубоко погруженных в их глазницах, словно в ямах («даже их колючий взгляд простирается далеко»), о соколиных глазах кочевых, привыкших обозревать обширные площади и различать стада оленей или диких лошадей на дальнем горизонте степи. Тот же автор дает прекрасный стих, рисующий вечного всадника степей: «Спешившись, ниже среднего роста, верховым гун великолепен на своем коне!»

Этот портрет интересно сравнивать с описанием, оставленным китайскими летописцами гсиун-ну, которые по типу и образу жизни были идентичны и также похожи на портреты монголов тринадцатого века, которые достались нам как из Китая, так и христианства. Плосколицый человек степи, независимо оттого, гунн или тюрк ли он, или монгол, человек с большой головой, сильным туловищем и короткими ногами, вечный наездник, «лучник на коне» из Верхней Азии, мародерствующий вдоль окраин обрабатываемых земель, весьма мало изменился через пятнадцать веков вторжений против оседлых народов.

Покорение аланов и остроготов и исход висиготов оставили гуннов хозяевами обширных равнин между Уралом и Карпатами. Через карпатские

проходы или валлахийские долины они дальше заняли долину Венгрии, где гепиды стали их вассалами и оттуда они достигли до правого берега Дуная (405-406). В то же время они разделились на три орды под тремя вождями, братья Руас (Ругас или Ругила), Мундзук (или Мундиух) и Октар, которые в 425 одновременно находились у власти. В 434 этими ордами руководил два сына Мунзука, Бледа и Аттила, первый из которых скоро был смещен вторым.

Именно тогда Аттила начал свои завоевания. В 441 он объявил войну Восточной империи. Он пересек Дунай, дошел до нынешней сербской реки Морава, взял Наиссус (Нис), ограбил Филиппополис (Пловдив) и опустошил Тракию до Аркадиополиса (Лулебургас), который он, в свою очередь, тоже ограбил. По мирному соглашению от 448, император должен был уступить ему пояс юга от Дуная, доходящего по длине от современного Белграда до нынешнего Свиштова, и шириной до Ниса.

В январе и феврале 451, сконцентрировав свою армию в долине Венгрии, Аттила направился в Галлию, мобилизуя на свою сторону германских народов на правом берегу Рейна. После переправы через Рейн он атаковал ту часть Галлии, которая все еще была римской, управляемой римским патрицием Аетиусом. 7 апреля он сжег Мец и направился на осаду Орлеана. 14 июня данный город был освобожден от осады римской армией под командованием Аетиуса и висиготской армией под командованием короля Теодорика. Аттила отступил по направлению к Трои. Именно к западу от Трои, на поле Мауриакус, он был остановлен римлянами и висиготами в тяжелой и едва ли решительной битве, которая, тем не менее, спасла Запад (конец июня 451).

После этого испытания Аттила отступил к Дунаю, где он провел зиму. Весной 452 он вторгся в Италию, однако долго промешкался с осадой Акулеи, которую, в конце концов, он взял и разрушил. Он также захватил Милан и Павию и объявил о своем намерении направиться в Рим, откуда только что сбежал Валентиниан III. Однако, вместо того, чтобы наступать на столицу мира, он позволил себе согласиться уговорам епископа Рима Св. Льва Великого (6 июля 452), который обещал ему дань и руку Гонории, дочери цезарей. Еще раз он возвратился в Паннонию, где и умер в 453.

Готский историк Джорданес оставил нам поразительный портрет Аттилы. Он был типичным гунном: коротким, широкогрудым, с большой головой, с маленькими глубоко посаженными глазами и плоским носом. Он был коренаст, почти темнокожий и носил редкую бороду. Ужасный в своем гневе, он использовал страх, который он наводил, в качестве политического оружия. Действительно, у него был тот же коэффициент расчета и хитрости как и у гсиунну завоевателей Шести Династий, как повествуют китайские историки. Его высказывания с его обдуманными и скрытыми угрозами были стратегическими разведками; его систематическое разрушение (Акуиля, сравненная с землей, никогда более не восстановилась после него) и его крупномасштабные отрезания горл были намеренно устроенными уроками для его врагов. Джорданес и Прискус показали его в других случаях как справедливого и неподкупного судью среди своего народа, щедрого по отношению к своим слугам, мягкого к тем, кто изъявил свою покорность к нему, и ведущего простой образ жизни среди варварской роскоши его соратников, использующего деревянные тарелки в то время как другие ели из золотых тарелок. К этим чертам можно было бы добавить другие из тех же источников: он был глубоко суеверным, с доверием дикаря к своим шаманам и с его пристрастием к спиртному, который приводил к пьяным оргиям в конце официальных церемоний. Тем не менее, он был осторожен для того, чтобы окружить себя греческими министрами и писарями, такими как Онегесиус, римскими, как Орестес, и германскими как Едеко. Кроме всего, достаточно любопытно, что характеристикой этого вождя орд была его часто преимущественное использование обмана и политической тактики по сравнению с войной. В войне он менее славился как полководец, чем как вождь людей. Со всем этим вместе, сложенным в необычном законном порядке, который вел его искать дипломатические причины для его действий в соответствии с формальной практикой так, чтобы его мощь в любой случае обеспечивала право на его стороне. Эти черты настойчиво напоминают другого основателя кочевой империи, другого сына степи: Чингиз-хана.¹⁶⁸

Как и империя Чингиз-хана, хотя и символически монгола, втянула под ее знамена не одних монголов, но и также тюрок и тунгусов из Верхней Азии, так и

империя Атилы с ее гуннским, т.е. предположительно, тюркским ядром, поглотила и повела с собой сарматов, аланов, остроготов, гепидов и других, рассеянных между Уралом и Рейном. В этом заключалась и его слабость. После преждевременной смерти Атилы в 453 его разнородная империя распалась. Остроготы и гепиды немедленно подняли восстание и разбили гуннов в крупной битве в Паннонии, в которой был убит Еллак, старший сын завоевателя (454).

Гунны отошли по направлению к русской степи, ведомые сыном Атилы по имени Денгизич или Дингизих. Другие его сыновья потребовали земли у римлян, которые расположили одного из них, Ернака, в Доброгии (Добруджа) и двух других, Емнедзара и Узиндура – в Месии. Денгизич опять повел гуннов в атаку против Восточной империи около нижнего Дуная, однако, был разбит и убит. Его голова – голова сына Атилы – была выставлена напоказ в 468 в Константинополе, в цирке.

Другие гуннские кланы выжили к северу от Черного моря в двух ордах: кутригурские гунны, которые вели кочевой образ жизни к северо-востоку от Азовского моря и утригуры или утригурские гунны, чьи часто посещаемые места находились у устья Дона. Эти две орды скоро стали врагами друг к другу, их споры тайно подстрекались византийской дипломатией. Около 545 император Юстиниан подговорил Сандиха, правителя утригуров, пойти войной против соперничающей орды. Кутригуры были истреблены Сандихом (548), однако, позднее опять поднялись под их королем Заберганом (или Замерган) и попытались отомстить за поддержку, оказанную Юстинианом их врагу. Зимой 558-559 Заберган и его орда пересекли замерзший Дунай и внезапно оказались под стенами Константинополя. Однако, Белисариус спас столицу и Заберган возвратился к степям Дона, где он возобновил свои враждебные действия против Сандиха. Братоубийственная война между двумя гуннскими ордами возобновилась вновь, безжалостно, и все еще она продолжалась, когда третья орда, аварская, пришла из Азии, разгромила обеих и завладела русскими степями. Это новое вторжение было отзвуком восстаний в континентальной Азии, вызванная появлением ту-чэ или исторических турков.

Раннее средние века: ту-чю, уйгуры и хитаны

Империя ту-чю

В 540 империя степей существовала в качестве обширных трех тюрко-монгольских владений. Жуан-жуан, который, очевидно, был монгольского происхождения, правил в Монголии от маньчжурской границы до Турфана (даже несомненно, до восточного края озера Балхаш) и от Орхона до Великой Стены. Эфталиты, возможно, также монгольской расы, доминировали там, где ныне Семиречье, русский Туркестан, Согдиана, восточный Иран и Кабул, от верхнего Йолыза (к северу от Кара Шахара) до Мерва, от озера Балхаш и Аральского моря до центра Афганистана и Пунджаба. Два клана, правящие жуан-жуаном и эфталитами, были союзниками. Около 520 эфталитский хан женился на тетях жуан-жуанского кагана А-на-куэй. Жуан-жуан, владыки их родной Монголии, кажется, даже заимели некоторое преимущество над эфталитами, которые держали под своим контролем юго-западные марши. Наконец, как было видно, гунны в Европе, которые, несомненно, были тюркского происхождения, контролировали над русской степью в регионе, примыкающем к Азовскому морю и устьям Дона, хотя соперничество между двумя ордами, кутригурами на западе и утригурами на востоке, уменьшали их власть.

Среди вассалов жуан-жуан, согласно китайцам, были ту-чэ, тюркское племя, которое дало свое имя всей группе народов, говорящих на их языке. Пеллиот говорит, что «китайское имя ту-чю должна представлять монгольское (жуан-жуанское) множественное число от *Türküt* от слова *Türk* в единственном числе. В буквальном смысле это означает «сильный».¹ Согласно китайским летописцам, ту-чэ символом был волк.² Они были потомками старого гсиун-ну, факт, выведенный

из прото-тюркского знака, приписанного Пеллиотом гуннам. В начале шестого века люди ту-чэ проживали в алтайском регионе, где они занимались обработкой металлов: «торговля кованными изделиями». Власть жуан-жуана недавно была ослаблена гражданской войной, которая в 520 началась со стычки между их каганом А-на-куэй и его дядей По-ло-мен, правителями восточной и западной орд, соответственно.

А-на-куэй (522-552), в качестве единственного владыки ханата, должен был умиротворить неподчинение вассальных тюркских племен. В 508 одно из этих племен, као-киу, теперь идентифицируемых как тёлёс или тёлёч, кочевых, пасущихся к югу от Алтая около Урунгу и, возможно, предки уйгуров, нанесли поражение жуан-жуану. В 515, однако, жуан-жуан убил короля као-киу и вынудил племя покориться. В 521 као-киу вновь тщетно пытался воспользоваться гражданскими распрями среди жуан-жуан для того, чтобы вернуть себе свободу. Перед 546, планируя новое восстание, они были остановлены ту-чю, который, хотя и той же расы, но сохранив верность, предупредил общего сюзерна, жуан-жуанского кагана А-на-куэй о заговоре. В качестве награды за эту услугу вождь ту-чэ, который известен как по тюркскому имени Бумин, так и его китайской транскрипции, Ту-мен, попросил руку принцессы жуан-жуан. А-на-куэй отказался.³ Тогда Бумин вошел в союз с династией Хси-Вей рода тоба, иначе говоря, с тюрками, правившими тогда в Чангане северным Китаем. Хотя и полностью китаизированный тоба, возможно, еще удерживал чувство родства с тюркским обществом. Во всяком случае, они должны были быть рады союзом, который давал им возможность мстить их древним врагам, жуан-жуан монголам, и они наградили Бумина рукой своей собственной принцессы (551). Окружив таким образом жуан-жуан монголов, Бумин полностью разбил их и вынудил А-на-куэй, их кагана, идти на самоубийство (552). Остатки жуан-жуан оставили Монголию ту-чю и нашли убежище на китайской границе, где двор Пей-Чи, наследники Тун-Вей, назначили их как охранников маршей.⁴

Таким образом старая имперская территория Монголии перешла от жуан-жуан к ту-чю, или от монголов к тюркам. Бумин принял на себя имперский титул каган.⁵ Резиденция новой империи оставалась на верхнем Орхоне, в горной

местности, которая со времен старого гсиун-ну до времен Чингиз-хана, так часто выбиралась ордами как командный пост.⁶

Каган Бумин, тюркский герой, немного пережил свой триумф (552) и после его смерти его владения были разделены. Его сын Му-хан получил Монголию и имперский титул (553-572). Так было основано ханство восточного ту-чэ. Младший брат Бумина Истэми (по-тюркски) или Ши-ти-ми (по китайской транскрипции) унаследовал княжеский титул *ябгу* вместе с Жунгарией, земель Черного Иртыша и Имиля и бассейнов рек Йолдыз, Или, Чу и Талас. Так было основано ханство западных ту-чю.⁷

Вождь западной группы Истэми столкнулся в регионе Таласа с эфталитами. Для того, чтобы напасть на них с тыла, он заключил договор с их наследными врагами, персами, которыми в то время правил Хосроу I Аноширван, великий правитель сассанидской династии. Истэми закрепил пакт, выдав одну из своих дочерей за Хосроу. Атакованные на севере ту-чэ и на юго-западе сассанидами, эфталиты были побеждены и исчезли (прибл. 565). Часть их, кочевые, пасущиеся в аральском регионе на северо-западе, должны были бежать на Запад; и возможно, скорее они, чем остатки жуан-жуан, основали под названием уархонитов и аваров новое монгольское ханство в Венгрии.³ Действительно, в последующий период орда была вытеснена из Азии и известные греческие и латинские писатели названием аваров терроризовали Византийскую империю и германский Запад до дней их разгрома Карлом Великим.

Эфталитские владения были разделены между западными ту-чэ и сассанидами. Вождь ту-чэ взял себе Согдиану, в то время как Хосроу I Аноширван занял Бактрию, *terra irredenta* иранства. Между 565 и 568 Бактрия таким образом возвращена сассанидской империи. Возврат, однако, был коротким, поскольку ту-чэ скоро взяли Балх и Кундуз, иначе говоря, ту же Бактрию у сассанидов, у прежних союзников.

Таким образом два тюркских владения ранних средних веков приобрели свою окончательную форму: ханство восточного ту-чю, основанное каганом Му-ханом в Монголии с центром около будущего Каракорума на верхнем Орхоне и ханство западного ту-чю на Или и в западном Туркестане, с его летним лагерем на

верхнем Йолдызе севернее от Кара Шахара и Кучи, с зимними квартирами на берегах Иссык-куля или таласской долины. Насколько можно говорить о границах кочевых империй, то границы двух ханств были отмечены большим Алтаем и горами к востоку от Хами.

С начала правления Му-хана (553-572) восточный ту-чю имел мало врагов. В 560 или около того, он победил хитан, монгольскую орду, которая занимала западный берег реки Лиао около нынешнего Джехола, по-видимому, со середины пятого века. В северном Китае король Пей-Чоу Чангана покорно просил руки дочери Му-хана. Му-хан в то время определенно играл арбитражную роль между двумя наследниками королевств империи тоба (прибл. 565).⁹

Истэми, *ябгу* или хан западного ту-чю, который правил с 552 до 575, был известен Табари или Синжиби и византийскому историку Менандеру как Сизибул, искаженная форма титула *ябгу*.¹⁰ Он рассматривался византийцами как союзник. Действительно, поскольку теперь ту-чё на Оксусе стал непосредственным соседом сассанидской Персии, было в интересах Византии действовать совместно с ту-чё. Со своей стороны Истэми, который, по-видимому, был высокоинтеллигентным человеком, хотел воспользоваться своим положением на перекрестках Азии для получения свободы торговли шелком через Персию, от границ Китая до границ Византии. По данному вопросу согдиан по имени Маниах (в Средней Азии согдианы были большими путеводителями караванов того времени) посетил Хосроу I Аноширвана по просьбе Истэми. Намереваясь сохранить монополию на торговлю шелком в византийской империи, Персия отвергла его маневры. Истэми разрешил дело непосредственно с Византией против Персии. В 597 по этому поводу он отправил того же Маниаха на двор Константинополя по нижней Волге и Кавказу. Император Юстин II был весьма заинтересован предложениями тюркского посла, поскольку когда он отправился домой в 568, то его сопровождал византийский посол Зимарахус. Истэми принял Зимарахуса в своей летней резиденции севернее актагских холмов, то есть, Тянь-шань, в глубокой долине верхнего Йолдыза к северо-западу от Кара Шахара. Был заключен прочный союз против общего врага, сассанидской Персии. Сассанидский посол, который оказался

в положении дел и встретил Истэми около Таласа и он был грубо выдворен оттуда и тюркский вождь объявил войну против Персии. В 572 сами византийцы начали войну против Персии, которая продолжалась двадцать лет (572-591). Между тем, западный ту-чю и византийцы установили между собой тесные связи. Когда Зимарахус отправился домой по нижней Волге, Кавказ и Лазику, то Истэми отправил второго посла, Ананкаста, в Константинополь. В свою очередь, Византия последовательно направляла к нему в качестве послов Еутихиоса, Валентиноса, Геродиана и Паула из Силиции.

Эти различные послы способствовали Византии приобрести довольно точные знания об обычаях и взглядах ту-чю. «Тюрки», рассказывает нам Теофилактус Симокатта, «чтили огонь чрезвычайно большим почтением». Действительно, влияние иранского маздаизма подвинуло их принять бога Ормазда или Агура-Мазду. «Они поклоняются воздуху и воде также», и в результате среди чингизидов поклонение текущей воде повлекло так далеко, что мусульманские омовения и стирка одежды были запрещены, за исключением нескольких случаев. «Однако, это есть единственный создатель неба и земли, к которому они молятся и которого они называют богом, жертвуя ему коней, быков и овец.» В действительности, это является культом Тэнгри, небо в смысле божества, общее для всех древних тюрко-монгольских народов. Наконец, то, что говорит Теофилактус об «их священниках, которые, кажется, предсказывают им будущее», относится к тюрко-монгольским шаманам, которые продолжали иметь огромное влияние во времена Чингиз-хана.¹¹

В 576 византийский император Тибериус II еще раз отправил Валентиноса с посольством к западному ту-чю. Однако, к тому времени, когда посол прибыл в королевскую резиденцию на верхнем Йолдызе, Истэми умер. Его сын и наследник Тарду (575-603), Та-тоу по-китайским источникам, был глубоко рассержен из-за того, что двор Константинополя заключил договор с аварами, иначе говоря, с остатками жуан-жуан или, более вероятно, с эфталитами, которые нашли убежище в южной России. Поэтому Тарду принял послов Валентиноса весьма прохладно. Более того, в качестве отместки за то, что он рассматривал как нарушение союза Византией, он отправил соединение ту-чю кавалерии под командованием некоего

Бохана против византийских поселений в Крыму. С помощью Анагая, последнего вождя утригурских гуннов, Бохан осадил византийский город Боспорус или Пантикапаеум около Керчи (576). Также в 581 ту-чэ были под стенами Херсонеса и так продолжалось до 590, когда они должны были оставить страну навсегда.¹²

Этот спор между западным ту-чю и византийцами не помешал первому продолжать их войну против Персии. В 588-589 они вторглись в Бактрию или Тохаристан и дошли до Герата. Если бы они были отброшены персидским героем Баграмом Чобиным, как утверждает персидское предание, они определенно должны были воспользоваться гражданской войной, разразившейся в 590 между Баграмом и Хосроу II Парвизом. Действительно, в результате наиболее плохого для себя исхода войны, Баграм в конечном счете нашел убежище у них и нет никакого сомнения в том, что именно в это время они завершили завоевание Тохаристана к северу от Гиндукуш. Во всяком случае в 597-598 эта страна, с ее столицами Балх и Кундузом более не принадлежала Персии, а была зависимой от западного ту-чю.¹³ В 630, когда китайский странник Хсюан-цан совершал свое путешествие, Тохаристан был феодальным поместьем *тегина* или тюркского принца, живущего в Кундузе; он был сыном хана западного ту-чю.

Таким образом, к тому времени, когда на Дальнем Востоке чисто китайская династия Суи, наконец, объединит Китай (в 589) после трех веков раздела, Средняя Азия найдет себя разделенной в две обширные тюркские империи: империя восточного ту-чю, простирающейся от маньчжурских границ до Великой Стены и оазиса Хами, и империи западного ту-чю, которая простиралась от Хами до озера Арал и до Персии, от которой она была разделена границей, идущей к югу от Оксуса и между реками Оксус и Мерв. Весь Тохаристан к северу от Гиндукуша таким образом был находился, политически, в пределах тюркской территории.

Кул-тегинские надписи в Кошо-Цайдаме, написанные веком позднее, воспевают в эпических традициях это тюркское величие на его зените:

Когда были созданы голубое небо и темная земля за ним, то между ними были созданы сыновья человека. Над сынами человека возвысились мои предки, каган Бумин и каган Истэми. Когда они стали владыками, они правили и установили империю и организации тюркского народа. В четырех уголках мира они имеют много врагов, но, организовав экспедиции с армиями, они покорили и умиротворили много народов в

четырех уголках мира. Они заставили их преклонять головы и встать на колени. Они отправили нас на восток до лесов Кадирхана [хинганские горы] и назад [на запад] к Железным Воротам [Транскоксония]. Кроме всего земли между этими крайними точками указывают, что Голубые тюрки там имеют власть в качестве хозяев. Они были мудрыми каганами, отважными каганами; все их офицеры были мудрыми и смелыми; все их благородные и весь народ были справедливыми.¹⁴

Моральные идеи, представленные в этом знаменитом отрывке, взяты из старой космогонии, которая была создана на основе тюрко-монгольского шаманства. Согласно Томсену, принципы этой космогонии были весьма просты.¹⁵ Вселенная состояла из ряда уровней, расположенных друг над другом. Семнадцатый верхний уровень образовал небо или владычество Света и семь или девять нижних уровней составляли поддон мира или место Темноты. Между двумя уровнями лежит поверхность земли, где живут люди. Небо и земля подчинялись верховному существу, который обитал на самом верхнем уровне неба и который был известен по имени Божество Неба или Тэнгри.¹⁶ Небо было также обиталищем добродетельных душ, в то время как подземный мир был адом для грешных. Тюркская мифология перечисляла много других божеств, одно из которых была богиня Умай, воспитатель детей.¹⁷ В дополнение, бесчисленное количество духов обитало «в земле и воде» (жир-суб или на современном тюркском языке йер-су). Примечательно, что среди последних были духи, живущие на холмах и источниках, которые считались священными местами и культ которых позднее увековечится в действиях и законах чингизидов.

Китайские историки дали физический портрет ту-чю. Автор, писавший в 581 изображает их:

Они позволяют расти своим волосам свободно и живут в палатках из войлока. Они передвигаются от одного лагеря на другой в зависимости от воды и пастбища, которые они должны найти на каждом месте. Их главными занятиями являются разведение животных и охота. Они мало обращают внимания на своих старых людей,¹⁸ в то время как высоко уважают мужчин в расцвете их сил. Они не знают обрядов и судов и в этом отношении они напоминают древних гсиун-ну. Их высшими офицерами являются йе-пу [ябгу], ше [шэд], те-кин [текин или тегин], су-ли-пат и то-тун-пат [тудун] и другие малые функционеры. Эти публичные официальные лица образуют двадцать девять отдельных классов, все

назначения являются наследными. Их вооружения состоят из лука, стрел, свистящих стрел, нагрудных щитов, пиков, сабель и мечей. На бляшках их ремней нанесены рельефом украшения. На флагштоках повешены золотые изображения головы волчихи. Войска короля называются фу-ли, слово, означающее волк [бури]. Когда человек умирает, каждый его родственник закладывает овцу или коня и кладет их перед его палаткой, как бы предлагая ему жертву. Они объезжают семь раз кругом его палатку на коне, печально плача, и когда они приходят к его палатке, то режут свои лица ножами так, чтобы кровь смешивалась с их слезами... В день после похорон, родственники и другие, близкие к нему, приносят жертвы, скачут на своих конях и изрезают свои лица, как в день его смерти. После похорон кладут камни на его могилу в количествах, равных числу людей, которых он убил. После смерти отца старший брат или дядя, сын, младший брат и племянники женятся на вдове и сестрах. Палатка хана открывается в восточную сторону из уважения к той части неба, откуда восходит солнце. Они поклоняются демонам и духам и верят в чудесников [шаманов]. Считается честью умереть на поле боя и позором – от болезни.¹⁹

Разделение империй ту-чю

Двойная империя ту-чю на своем зените не просуществовала долго. Великие каганы, воспетые на надписях Кошо-Цайдама были унаследованы другими, которые не имели их гениальные качества. «Их младшие братья и сыновья стали каганами», повествует тот же текст, «но братья не были созданы подобно старшим, также, как и сыновья не были подобными отцам. Каганы без мудрости или отваги заняли трон и так они принесли распад тюркской империи.»²⁰

То, что в действительности разрушило мощь ту-чю было соперничество между двумя ханствами, восточным на Орхоне и западным на Иссык-куле и Таласе. Тюркские империи-двойняшки, которые господствовали над половиной Азии от Маньчжурии до Хорасана, были бы непобедимы, если бы были в состоянии сохранить единство на основе 552, по которой вождь восточного ту-чю имело первенство с имперским титулом каган, в то время как западному правителю предназначалось второе место и титул *ябгу*. Однако, каган востока, То-по, брат и наследник Му-хана, был последним по своей линии, получившим покорность запада.²¹ Между 582 и 584 Тарду, ябгу запада, который, как свидетельствуется в рассказе Валентиноса, был человеком весьма жестокого характера, порвал с новым

владыкой востока и принял на себя титул кагана. Китай, где сильная династия Суи возвратилась к барской политике династии Хан по отношению к Средней Азии, поощрял Тарду в этом восстании, которое разделило власть ту-чю на две части. Впоследствии, восточный и западный ту-чю уже никогда не стали объединенными и фактически оставались, в основном, во враждебных отношениях.²²

Таким образом, в то время, когда Китай объединялся, тюрки разъединялись. Этот регресс сделал возможным триумф китайского империализма в Средней Азии под Суи и Тан династиях (с седьмого по девятый века).

Ту-чю востока не только переживал восстание западников, но также разрывался внутренними распрями. Власть их нового кагана Ша-по-ло (581-587)²³ в Монголии оспаривали его племянники Йен-ло и Та-ло-пин. В то же время его атаковал на западе Тарду, новый «каган» западного ту-чю и на востоке – хитан из Лиаоси. Такое развитие событий беспокоило китайцев, поскольку такая коалиция, разбивая тюрков Монголии, грозило ростом силы Тарду. Тарду не должно было быть позволено восстановить тюркское единство для его выгоды. Соответственно, китайский правитель Ян Чин, основатель династии Суи, внезапно переменил своих союзников и поддержал восточного кагана Ша-по-ло против Тарду (585). Восточные, занятые своими внутренними спорами, теперь не должны были бояться противника. Брат Ша-по-ло и наследник Му-хо, более вероятно, убил противника хана Та-ла-пина (587), но сам умер после этого; и следующий каган, Ту-лан (587-600) встретился с оппозицией в лице другого противника, Ту-ли, которого поддерживали китайцы. Правда, Ту-лан отогнал противника в 599, однако император Ян Чин поспешил приветствовать Ту-ли и его сторонников и расположил их в качестве своих конфедератов в Ордосе. Восточный ту-чю остался безнадежно разделенным. После смерти Ту-лана Тарду, каган запада, попытался еще раз воспользоваться деморализацией восточных для их покорения, установления своего правления в Монголии и Туркестане и, в результате, воссоединения тюрков.²⁴ Для того, чтобы преупредить китайское вмешательство, он прибег к шантажу. В 601 он угрожал Чангану, имперской столице, и в 602 атаковал Ту-ли, протеже китайцев, в его ордосских лагерях. Однако, китайская политика работала ненавязчиво. Внезапно, в 603 один из вождей западных племен

– тёлёс или тёлёч, предки уйгуров – которые, говорят, вели кочевую жизнь в регионах Тарабагатай, Урунгу и Жунгария, восстали против Тарду. Поскольку его власть была ослаблена даже в пределах его владений, Тарду нашел убежище в Коко Норе, где он исчез (603). Его королевство, мощное ханство западного ту-чю, которое заставляло дрожать Персию и Византию и несколькими годами ранее угрожало китайской столице, было незамедлительно разделено. Ши-куэй, внук Тарду, сохранил лишь большую западную часть своего наследства вместе с Ташкентом, в то время как некий анти-хан Чу-ло сделал себя хозяином Или. Чу-ло, в действительности, планировал продолжать работу Тарду, однако, китайцы были в состоянии остановить его вовремя. Пи Киу, имперский комиссар, тайно обхаживал его соперника Ши-куэй.²⁵ Чу-ло, выбрав для себя наихудшее, пошел на службу во дворе Китая (611). Ши-куэй, который был обязан своим успехом китайской политике, говорят, никогда не предпринимал никаких действий против Китая. Между тем, среди восточного ту-чэ власть оставалась в руках китайского протезе, каагана Ту-ли (ум. 609) и затем у его сына Ши-пи (606-619). В Монголии, как и в западном Туркестане, Китай династии Суи преуспевал путем лишь обычных интриг и без существенной войны, разделяя тюркскую власть, ликвидируя упорных ханов и давая власть тем ханам, которые шли под китайский протекторат.

То же самое случилось в Коко Норе. Здесь гсиен-пи (возможно, монгольская орда) Ту-ю-хуена, чье присутствие беспокоило китайские аванпосты в Кансу в продолжение трех веков, был разгромлен в 608 китайскими легионами и вынужден был бежать в Тибет.²⁶ В тот же год Китай занял вновь оазис Хами и в 609 король Турфана Киу Паи-юа пришел с поклоном к императору Ян-ти.

Эта вся структура раскрошилась, когда бесплодные кампании Ян-ти в Корее (612-614) подорвали престиж династии Суи. Ши-пи, каган восточного ту-чю, восстал и почти пленил самого Ян-ти в крепости Яенмен в северном Шаньси (615). Гражданские войны, которые разразились в Китае (616-621), привели в 618 к падению династии Суи, полностью восстановили ту-чю старую отвагу. Когда после разгрома соперников-претендентов на трон Китая возвысилась новая династия Тан, вся работа Суи должна была быть выполнена вновь. Степь бурлилась его ордами в самом сердце Шаньси. В 624 новый каган восточных ту-чю, Хие-ли или Ел (620-

630) воспользовался хаосом, созданным гражданской войной и во главе своих эскадронов он ехал, чтобы угрожать Чангану, имперской столице.

К счастью, династия Тан имела выдающимся воином, принцем Ли Ши-мин, который несмотря на свою молодость, был верным основателем своего дома. Ли Ши-мин отважно продвинулся до Пинчоу на реке Кин для атаки на варваров и напугал их своим решительным поведением. Некоторое время вожди орды посовещались и затем без единого выстрела отошли. Через несколько часов наводнение от дождей смыло весь этот регион. Ли Ши-мин сразу созвал своих командиров. «Товарищи!», свидетельствует *T'ang Shu* его слова, «вся степь теперь превратилась в море. Скоро наступит ночь и будет совсем темно. Теперь наступило время для марша. Ту-чэ является опасным лишь тогда, когда он видит свои летящие стрелы. Давайте идти на них, руби саблями и коли пиками и мы обойти их прежде, чем они подготовятся для обороны!» Это было сделано. На рассвете тюркский лагерь был взят и китайская кавалерия пробилась к палатке самого кагана Хие-ли. Хие-ли попросил мира и отошел в Монголию (624).²⁷ Скоро после этих захватывающих действий Ли Ши-мин, в возрасте 27, вззошел на трон Китая, впредь известный по императорскому имени Таи-цун (626).

Разрушение ханства восточных ту-чю императором Таи-цун

Император Таи-цун (627-649) был верным основателем китайского величия в Средней Азии. Он разрушил ханство восточного ту-чю, внес вклад в расчленение западного ту-чю, которого позднее его сын окончательно завоюет, и расширил свой протекторат до индо-европейских корлевств Тарима. В год восшествия на трон кагана восточного ту-чю Хи-ли опять организовал экспедицию к стенам Чангана. 23 сентября 626 его сто тысяч солдат оказались перед мостом Пенкиао, у северных ворот города. Здесь Хи-ли выскомерно потребовал дань, угрожая в противном случае разгромом города. Таи-цун, который, казалось, имел немного войск с собой, действовал смело. Призвав всех нужных людей, он расположил их перед воротами, в то время как сам с горсткой всадников вдоль реки Вей поскакал навстречу

вражеской армии. Пораженные его отвагой, вожди ту-чю спешили и приветствовали его. Между тем, китайцы, расположившиеся за ним «обнажили свои оружия и знамена для блеска на солнце.» Таи-цун продвинулся близко к тюркскому лагерю и обратился к кагану и его помощникам, упрекая их в нарушении мира. Хи-ли, смущенный, на следующий день после традиционного жертвования белого коня заключил мир.²⁸

С целью ослабления силы Хи-ли, Таи-цун оказал поддержку восстанию двух раскольных тюркских племен: тёлёсу или тёлоху и сир тардушу. Первое племя (позднее уйгуры) обитали в Тарбагатае, второе – около Кобдо (627-628).²⁹ В то же время в самой восточной Монголии Таи-цун оказывал поддержку отделению анти-хана по имени Ту-ли, который восстал против Хи-ли (628). Способствовав таким образом созданию враждебного кольца вокруг Хи-ли в 630 великий император бросил китайскую армию против него под командованием Ли Цин и Ли Ши-ци. Встретив Хи-ли во Внутренней Монголии, севернее Шаньси, китайские командиры организовали внезапную атаку на его лагерь и рассеяли его орды. Сам Хи-ли был взят в плен. В течение пятидесяти лет (630-682) ханство восточного ту-чю было вассалом Китая. «Сыновья тюркской знати», повествует тюркская надпись Кошо-Цайдама, «стали рабами китайского народа и ее невинные дочери были обращены в рабынь. Благородные, отказавшись от своих тюркских титулов, приняли титулы Китая и выразили покорность к китайскому кагану, посвятив свои труды и силу его службе в течение пятидесяти лет. Для него, как в сторону восхода солнца, так и в сторону запада к Железным Воротам, они организовали свои походы. Тем не менее они сдали свою империю и свои организации китайскому кагану.»³⁰

С такими войсками, как эти, Таи-цун, разгромив тюрков Монголии, в последующие двадцать лет поставит под свое господство тюрков Туркестана и индо-европейцев оазисов Гоби. Пораженная Азия созерцала в его лице эпического Китая. Будучи не в состоянии умиротворить варваров и оплатить их отход золотом, Таи-цун повернул свои столы к ним и заставил их задрожать. После трех веков тюрко-монгольских вторжений китайский народ ассимилировал эти победоносные орды. Укрепившись вливанием этой свежей крови, они теперь повернулись против

народов степи, от которых они получали свою силу, добавив к этой силе не поддающийся учету превосходство древней цивилизации.

Распад ханства западных тюрков

Реорганизовав территории Ордоса и Внутренней Монголии в качестве граничных маршей в 630, Таи-цун обратил свое внимание на западный ту-чэ. Он был воссоединен под ханом Ши-куэй. После покорения сыр тардуша Алтая Ши-куэй, который жил около Текеса и верхнего Йолдыза, правил между 611 и 618 от Алтая до Каспийского моря и Гиндикуша. Его брат и наследник, Тун Ши-ху, иначе говоря, Тун ябгу (между 618 и 630), расширил свою власть дальше. Уже завоевав тёлёч на северо-востоке, он утвердил свою власть над Тохаристаном или Бактрией на юго-западе и достиг гегемонии в части таримского бассейна.

Во время путешествия китайского странника Хсюан-цан, который встретил его около Токмака в начале 630, Тун Ши-ху находился в зените своей славы. Он вел кочевой образ жизни, управляемой временами года, между долинами верхнего Йолдыза, где, подобно своему предшественнику, он проводил лето, и берегами Иссык-куля, «горячего озера», около которого располагались его зимние квартиры. Он также любил лагерь дальше на запад, «тысяча источников» около Таласа, нынешнего Джамбула. Король Турфана был одним из клиент-правителей, и его собственный сын Тарду-шад был королем Тохаристана с резиденцией в Кундузе. *T'ang Shu* утверждает, «он имел гегемонию над западными землями.»³¹ Император Таи-цун, который на время был вовлечен в дело разрушения восточного ту-чэ, подумал, что он должен «объединиться с теми, кто далек и против того, кто близок»; поэтому он обращался с Тун Ши-ху как с союзником.

Описание Ту Ши-ху, оставленное Хсюан-цан, создает впечатление об Аттиле или Ченгиз-хане. «Коней у этих варваров было бесчисленное множество. Хан был в одежде из зеленого сатина и имел открытые волосы, его лоб был повязан несколько раз шелковой повязкой длиной более трех метров, концы которой висят сзади. Его окружают несколько сотен офицеров, одетых в парчу, все с завитыми волосами. Остальные войска состояли из всадников на верблюдах или конях; они

одеты в меха и тонкую шерстяную материю и носят длинные копья, знамена и прямые луки. Их количество было так велико, что глаз не мог установить их предел.»³²

Тун Ши-ху устроил теплую встречу китайскому страннику. В действительности, он всегда старался быть совершенно открытым к буддизму. Несколько лет до этого, он принимал в качестве своего гостя индийского миссионера по имени Прабахакарамитра, который поставил своей задачей обращение в веру ту-чэ перед тем, как он посетит в 626 году Китай для своих проповедей.³³ Тун Ши-ху дал ему подобные приемы в своих квартирах в Токмаке, о чем странник оставил живопоисный рассказ: «Хан жил в огромной палатке, украшенной золотыми цветами, которые ослепляли глаза. Его чиновники были рассеяны на длинных матах, положенных со входа и они сидели в два ряда, все одетые в превосходные одежды из шелковой парчи. За ним стоял охрана короля. Хотя это был варварский правитель под войлоковой палаткой, тем не менее никто не посмел обращаться с ним без почтения.» Как не странно, читая эти строки, убеждаешься в том, что почти такие же впечатления производили на путешественников с Запада вожди чингизидов. Другая сцена, которую можно найти также в описании монголов тринадцатого века Рубрука, заключается в описании пирушек на прием иностранных послов. В то время когда Хсюан-цан стоял у Тун Ши-ху, он принимал послов из Китая и королевства Турфан. «Он пригласил этих послов сесть и предложил им вино под аккомпанемент музыкальных инструментов. Хан пил вместе с ними. Затем все выпивали друг с другом с возрастающей веселостью, чокая свои кубки вместе и заполняя их и опустошая по очереди. Между тем музыка восточных и западных варваров звучала своими громкими аккордами. Хотя она был полудикой, но ласкала уши и радовала сердце. Скоро после этого приносили свежие блюда, состоящие из варенной баранины и телятины, которые горками ломились в обилии перед пирующими.»

Индо-европейские оазисы Тарима в период возвышения династии Тан

После уничтожения ту-чэ император Тай-цун был в состоянии вновь утвердить свое господство в тармиских оазисах, которые были по-меньшей мере частично индо-европейскими, особенно, в Турфане, Кара Шахаре, Куче и Кашгаре на севере, и Шаньшане, Хотане и Ярканде на юге.

Эти древние караванные города, важные как сменные станции на Шелковом пути между Китаем, Ираном и византийским миром, не меньше были ступенями на пути буддийского странствования из Китая в Афганистан и Индию. Данный аспект этих городов хорошо описан китайским странником Хсюан-цан, который, покинув в 629 Кансу, в своем путешествии (629-630) взял северную дорогу через Турфан, Кара Шахар и Аксу, путешествуя оттуда, к Токмаку, Ташкенту и Самарканду. При возвращении домой он использовал южный путь, через Памир, Кашгар, Ярканд, Хотан, Шаншан и Тунхуан. Его записи показывают, что эти мелкие королевства Тарима полностью были выиграны буддизмом, который принес с собой столько индийской культуры, что санскрит стал религиозным языком региона наряду с местными индо-европейскими языками: иначе говоря, турфанским, карашахарским, кучийским (старый «тохарайский А и Б») и «восточно-иранским» языками. На последнем, очевидно, говорили в хотанском районе.³⁶

Рукописи, найденные экспедициями Пеллиота, Аурел Стейна и Ле Кока также доказывают, что буддийские тексты были переведены из санскрита в эти различные местные индо-европейские диалекты (два вида тохарайского на севере; «восточно-иранского на юго-западе»), в то время как на другом индо-европейском языке, согдианском, привитым караванами из Бухары и Самарканда, говорили в ночных лагерях от Тянь-шаня до Лоб Нора, где Пеллиот обнаружил следы одной из согдианской колонии седьмого века.³⁷ Как мы видели, караванщики и купцы Шелкового пути, как и буддийские миссионеры, прибывая из индо-иранских границ, объединялись для введения искусств Ирана и Индии в тармиских оазисах, где они переплавлялись в любопытные синтетические продукты в работах буддийской веры. В связи с этим были отмечены различные заимствования –

греко-буддийское, индо-гангское или ирано-буддийское – которые можно усмотреть в фресках Кызыла около Кучи и принадлежат или к первому, как Хакин называет, кызылскому стилю (прибл. 450-650), или ко второму кызылскому стилю (прибл. 650-750).³⁸ Здесь имеется также особый сассанидский характер буддийской живописи на деревянных панелях в Дандан-Уйлике, восточнее Хотана (прибл. 650). Наконец, второй сассанидско-буддийский стиль Кызыла, параллельный с индийским влиянием, напоминающим Аджанту, распространился даже на фрески турфанской группы: в Безеклике, Муртуке и Сангине. В дополнение к этим индийскому, эллинистскому и иранскому влияниям, китайское, как отмечает Хакин, дает себя почувствовать в Кумутре около Кучи и, прежде всего, в Безеклике и других фресковых местах турфанской группы, ближайшей к китайской границе.³⁹

Во время путешествия Хсюан-цан (630), культура этих перекрестков цивилизации была в своем зените, в особенности, в Куче. Из всех индо-европейских оазисов Гоби, Куча, несомненно, является одним из тех, в котором индо-европеизм наиболее ярко демонстрируется обильной буддийской литературой на кучийском языке, открытом Пеллиотом, Стейном и Ле Коком. Истинные транскрипции названия Кучи на санскрите (Кучи) и на китайском языке (Куче) весьма тесно соединяются в произношении Kūtsi, который, полагается, быть словом родного, или, как называлось до недавнего времени, тохарайского языка.⁴⁰ Под влиянием буддизма кучийский диалект, иначе говоря, частично индо-европейский диалект, определенный на время востоковедами как тохарайский язык Б, сегодня известный просто как кучийский, стал литературным языком, на который с пятого по седьмой века была переведена часть санскритского канона. Выиграв таким образом из контактов с буддийской цивилизацией, интеллектуальным наследством Индии, чью материальную цивилизацию оно копировало, кучийское общество, как показывают тексты и фрески Кызыла и Кумутры, является феноменальным достижением, почти парадоксом времени и пространства. Оно кажется мечтой, когда отражает это элегантное и безупречное общество, тонкий цветок арианизма в Средней Азии, расцветавший, которого обошли несколько вторжений тюрко-монгольских орд на краю варварских миров, накануне уничтожения менее развитыми обществами примитивного человека.

Такое кажется чудом, что на краю степей, защищенном одной лишь пустыней и находящимся ежедневно под угрозой жестоких нападений кочевников, это общество было способно так долго выживать.

Блестящее кучийское рыцарство, ожившее в кызылских фресках, представляется, должно было притти, в противовес к хронологии, из некоей персидской страницы миниатюр. Чистые овалы этих нежных лиц, тщательно выбритых, за исключением небольших усов, с их длинными, прямыми носами и тонкоочерченных бровей, их тонкими талиями и длинными, стройными телами, которые, кажется, выпрыгнули из Shah Nama тимуридов, все вместе демонстрирует явно иранский физический тип. Тоже самое относится к костюмам. Во-первых, одежда двора: длинные, прямые платья, натянутые на талии металлическим поясом и плоско открытые на груди большими отворотами, уже замеченными в Афганистане в сассанидоподобных бамианских фресках и отделанных косах, бусинках и цветах, взятых у бессмертного иранского стиля украшений. Затем военная одежда: сассанидская Персия и персидская элегантность, которые вызывают гордые уланы на кызылских фресках, с их коническими шлемами, кольчугами, с длинными пиками и большими сокрушающими мечами. Наконец, прекрасные женщины и благодетельницы Кызыла и Кумутры с их туго обтянутыми корсажами и объемистыми юбками, говорящие, несмотря на буддийскую тему, о том, что на всех остановках вдоль Шелкового пути, во всех богатых караванных городах Тарима Куча была известной, как город веселья и место, где китайский человек говорил о своих музыкантах, о своих танцующих женщинах и куртизанках.

Установление протектората династии Тан в таримском бассейне

Хотя под объединяющим влиянием буддийской религии материальная цивилизация Кучи оставалась, в основном, иранской, Турфан (Каочан) оказалась в этом отношении более сильно подверженным к влиянию Китая.⁴¹ Сравнение фресок кучийского региона (Кызыл) с фресками Турфана (Муртук, Сангим и Безеклик) является убедительным для этого довода. Здесь индо-европейские

характеристики, пришедшие через Кучу, срослись постепенно с эстетикой Тан. Близость Китая, а также местная история, объясняет этот крен. Страна Турфан управлялась после 507 Киу, династией китайского происхождения. В 609 Киу Паиюа отправился с поклоном к императору Китая Ян-ти. Его наследник Киу Вен-тай (прибл. 620-640) тепло приветствовал китайского странника Хсюан-цан, так тепло, что он почти отказался его отпускать (конец 629 и начало 630). Это широко известный эпизод, по-меньшей мере, показывает вкусы монарха по отношению к китайской культуре и буддийскому рвению. В том же году (630) Киу Вен-тай отправился с поклоном к императору Тай-цун, однако, к концу своего правления он восстал против тангского протектората (640). Тай-цун направил против него генерала Хиу Киун-ци. При подходе китайской армии Киу Вен-тай умер от удара. Турфан был оккупирован и аннексирован и стал местом расположения китайской перфектуры и позднее – китайского правительства «умиротворенного запада», Анси (640).

Королевство Кара Шахара (Агни – на санскрите, Йенки – по-китайски), говорят, был почти таким же блестящим, как и индо-европейский центр Куча.⁴² Также, как и в Куче, религиозная культура, благодаря буддизму, была заимствована у Индии, материальная цивилизация была выкроена частично из Ирана и большое количество произведений искусства напоминали греко-буддийские произведения в Афганистане. Лепные работы Кара Шахара в Берлине удивительным образом похожи на лепные произведения Хадды в музее Гуимета. Однако, здесь Китай также использовал военную мощь. В 632 Кара Шахар признал протекторат императора Тай-цун, но в 640 правящий монарх (известный на китайском как Ту-ки-че), несомненно, расстроенный аннексией Турфана, вступил в союз с западным ту-чэ и поднял флаг восстания. Тай-цун направил против него генерала Куо Хиао-ко, который расчетливым маневром под покровом ночи достиг Кара Шахара со стороны Йолдыза и на рассвете атаковал город и захватил его. Здесь он посадил на трон брата смещенного короля, прокитайского принца по имени Ли-по-чуен (640). Несколько лет спустя Ли-по-чуен был смещен своим племянником Си-по А-на-че, который нашел поддержки у кучийцев и ту-чэ. Имперский генерал А-ши-на Шё-иул (ту-чэ принц на службе у династии Тан) был

отправлен Таи-цун для подавления восставшего города. Он прошел к городу Кара Шахар, отрубил голову узурпатору и отдал трон другому члену королевской семьи (648).

После Кара Шахара очередь настала и для Кучи.⁴³ Куча (Куче) управлялась династией, которая по-кучийски звучит как семья Сварма (на санскрите – Суварна, по-китайски – Су-фа), иначе говоря, Золотая Семья. В 618 король, известный на китайском языке как Су-фа Пу-ши (на санскрите – Суварна Пушпа: Золотой Цветок) отправился с поклоном к императору Китая Ян-ти. Его сын, Су-фа Ти в китайских записях (по-кучийски – Сварнатеп и на санскрите – Суварна Дева: Золотой Бог), ревностный буддист, в 630 дал великолепный прием Хсюан-цан, китайскому страннику, несмотря на то, что он и его люди придерживались формы буддизма, известной как Малый Перевозчик (хинаяна), в то время как Хсюан-цун был последователем Большого Перевозчика (махаяна).⁴⁴ В том же году признал себя вассалом императора Таи-цун, однако позднее, разочаровавшись интервенционистской политикой династии Тан, он присоединился к западному ту-чэ против Китая. В 644 он отказался платить дань и помог народу Кара Шахара в его восстании против Китая. Он умер до того, как был наказан и был смещен в 646 своим братом, которого китайские историки зовут Хо-ли Пу-ши-пи (на санскрите – Хари Пушпа: Божественный Цветок).⁴⁵ Новый король, осведомленный о приближении бури, поспешил направить заявление верности к китайскому двору (647). Однако, было уже слишком поздно. А-ши-на Шё-иул, ту-чэ принц на китайской службе, направился с армией китайских регулярных войск и ту-чэ и тёлёческих наемников.

А-ши-на Шё-иул начал начал с блокирования ожидаемой помощи, разгромив двух тюркских племен, союзников восставшего города: чу-чэ и чу-ми, первое из которых вел кочевую жизнь около Кучена, а второе – на реке Манас. Отсюда он спустился к Куче. Король Хо-ли Пу-ши-пи выступил вперед со своей армией и А-ши-на Шё-иул, придерживаясь старой тактики орд, притворившись, что отступает, заманил его в пустыню, где нанес

сокрушительный удар. Это сражение, возможно, было Креси* и Агинкоурт** великолепного рыцарства иранской культуры, паладинов кызылских фресок. Тюркские наемники Китая вступили в Кучу как завоеватели и затем, преследуя Короля Божественного Цветка до западных окраин Аксу (Похуан), захватил его в плен. Между тем, кучийский лорд (по-китайски, На-ли), который отправился для получения подкреплений от западного ту-чэ, неожиданно повернул возвратился назад и ошеломив внезапным ударом, убил китайского генерала Куо Хиао-ко. В своем безжалостном мщении А-ши-на Шё-иул обезглавил 11 000 человек. «Он разрушил пять крупных городов и с ними бесчисленное количество мужчин и женщин. Земли запада были охвачены ужасом» (647-648). Королевский пленник Хо-ли Пу-ши-пи пришел бить поклоны своими бровями перед императором Тай-цун в Чангане. На трон Кучи китайцы поставили брата *ябгу* этого принца, но над ним держали строгий контроль.

Блестящее индо-европейское общество больше никогда не смогло восстановиться после такого несчастья. После столетнего китайского господства, когда во второй половине восьмого века Китай опять потерял интерес к Куче, это уже не прежняя индо-европейская аристократия, а турфанские или уйгурские тюрки, захватили власть. Эта древняя индо-европейская страна, внешний Иран, стал восточным Туркестаном. К западу от Тарима лежало королевство Кашгар (по-китайски, Шуфу), обитаемое, несомненно, потомками древней Сахи и, возможно, говорящих на их языке, т.е. на восточно-иранском языке. Китайский странник Хсюан-цун отметил, что кашгары имели голубые глаза, или, как он выражается, «зеленые глазные яблока», драгоценный кусок свидетельства существования среди этих людей того, что германские историки назовут «арианизмом». Хсюан-цун также упоминает, что их письма были индийского происхождения и преобладающей религией был буддизм Хинаяна, хотя сассанидский маздаизм тоже имел своих приверженцев. В королевстве Ярканд (по-китайски, Соче), с другой стороны, превалирующей формой буддизма была Махаяна. Наконец, оазис Хотан

* Сражение при Креси (Crecy) 26 августа 1346 года, где англичане под руководством короля Эдуарда III нанесли поражение в столетней войне войскам французского короля Филиппа VI, совершив аналогичный маневр, как и китайские войска. (Прим. переводчика)

** Кровавый разгром на Agincourt 25 октября 1415 французских войск англичанами под руководством короля Англии Генри V. (Прим. переводчика).

(Хотиен), обогатившийся плантациями тутовника для шелкопряда, коврами, мастерскими и изделиями из нефрита, был также важным буддийским центром, где ревностно изучали санскрит и где превалировали учения Махаяны. Название правящей династии теперь известно лишь по его китайской транскрипции – Вей-чэ.

Со времени восшествия императора Таи-цун три королевства пришли с поклоном в Китай: Кашгар и Хотан в 632, Ярканд в 635. В том году король Хотана направил в китайский двор своего сына. В 648, когда имперский генерал А-ши-на Шё-иул покорил Кучу, он отправил своего помощника Си Ван-пи, сопровождаемого легкой кавалерией, в Хотан. Напуганный король Хотан, по китайскому имени, Фу-шэ Син, был вызван во двор Китая, откуда он был отправлен обратно с дополнительными титулами и привелегиями.⁴⁶

Китай династии Тань – правитель Средней Азии

В конце своих завоеваний китайское прямое правление достигло до Памира. Гордость императора Таи-цун, завоевателя Средней Азии, была понятной. «Единственными людьми, которые покорили в старые времена варваров», сказал он, согласно *T'ang Shu*, «были Чин Ши Хуан-ти и Хан Ву-ти. Однако, взяв в руки мой метровый меч, я покорил две сотни королевств и успокоил четыре моря и заставил одного за другим варваров покориться.»⁴⁷ Среди тюрков его авторитет был также высок. Если он завоевал их, то он также активизировал, прикрепляя их к себе связями личной преданности в тюрко-монгольских традициях. Действительно, как это записано в кошо-цайдамских надписях в последующем веке, он знал, как стать «китайским каганом».

Наиболее характерный пример его способности концентрирования тюрков вокруг себя приведен в рассказе о А-ши-на Шё-иул, помещенного в *T'ang Shu*.⁴⁸ Этот хан, который принадлежал к королевской семье восточного ту-чэ (он был братом кагана Хи-ли), сроднился с Китаем в 636. Он стал одним из лучших генералов Таи-цун и в награду за это император дал ему в жены принцессу

династии Тан. Мы видели его роль в китайских завоеваниях Кара Шахара, Кучи и др. Его преданность была таким, что после смерти Тай-цун старый наемник возжелал покончить с собой на его могиле по кочевому обычаю, «охранять похоронное ложе императора».

Все эти ветераны кампании в Средней Азии можно отнести к знаменитым строкам поэта Ли По в *Человек на марше*: «Во всю свою жизнь человек маршей никогда много раз не открывал книгу, однако, он мог охотиться, он был искусным, сильным и отважным. Осенью его конь стал жирным, поскольку степная трава служит для его развития. Когда он скачет, как прекрасен и горд его вид. Его шумный бич бьет снег или звякает в своем золотом футляре. Прибодренный сильным вином, он зовет своего сокола и скачет вдаль полей. Его лук, натянутый силой, никогда не освобождается даром. Люди готовы следовать за ним, поскольку его смелость и его воинственность широко известны по всему Гоби.»

В раннем периоде своего правления император Као-цун (650-683), сын и наследник Тай-цун, завершил дело отца. Он направил свои усилия против ту-чэ запада, то есть, против двух групп племен, в которые были разделены западный ту-чэ: ну-ши-пи, к юго-западу от Иссык-куля и ту-лу северо-востока. Такое разделение соответствовало китайской политике. Ту-лу хан по имени Хо-лу (651-657) получил быстрое признание со стороны ну-ши-пи, тем самым восстанавливая западное ханство и он не стал терять времени для восстания против китайского вассальства. С целью противостояния к этому китайцы вошли в союз с уйгурскими тюрками, прежним тёлёс или тёлёч, которые странствовали в соседстве с хангайскими горами и чей хан По-жуан умело помогал имперской политике. Укрепившись от такой поддержки, китайский генерал Су Тин-фан углубился в мрачные уединения северо-запада. Подходила зима и земля была покрыта более чем полуметровым снегом. Генерал сказал своим войскам: «Туман навесает над темнотой повсюду. Ветер ледяной. Варвары не верят, что мы можем воевать в такое время. Давайте, поспешим их удивить!» И ошеломляя их он встретил Хо-лу на реке Боротола около Эби Нора в Жунгарии; затем он бил их опять на Чу, западнее Иссык-куля (657) и вынудил его бежать в Ташкент. Это было концом Хо-

лу, поскольку народ Ташкента отдали его Китаю.⁴⁹ Императорский двор затем назначил А-ши-на Ми-шё, верного Китаю тюрка, в качестве хана ту-лу (657-662), в то время как ну-ши-пи в качестве своего хана получил другого клиента Китая, А-ши-на Пу-чин (659-665).

Последняя вспышка власти ту-чю: Мо-чо каган

Когда, казалось, что Китай династии Тан достиг всех своих целей в Средней Азии, внезапно ситуация там изменилась. Во время второй половины своего правления, с 665 до 683, император Као-цун, слабый правитель, погряз в гаремных интригах, стал свидетелем фундаментального упадка китайского влияния в этом регионе. С 665 две группы западных ту-чю, ну-ши-пи и ту-лу, восстали против ханов, назначенных Китаем и восстановили свою независимость. Затем тибетяне, народ, который в это время был немногим лучше чем дикари,⁵⁰ ворвались в таримский бассейн и захватили у Китая города, которые назывались «Четыре Гарнизона»: Кара Шахар, Куча, Хотан и Кашгар (670). Еще более важно, что ханство восточных ту-чё, разгромленное в 630 императором Тай-цун, было восстановлено под руководством потомка старой правящей семьи, кагана Кутлука («Счастливый»); он известен на кошо-цайдамских надписях под именем Элтериш Каган.

Эта надпись, которой мы обязаны сыну Кутлука, показывает, что восстановление тюркского ханства Орхона пришло как реакция на подъем национальной гордости.⁵¹ «Все общество тюркского народа говорило так: «Я был народом со своей империей. Где теперь моя империя? Я был народом со своим

каганом. Где мой каган теперь?» Так они говорили и, говоря так, они стали врагами китайского кагана и еще раз начали лелеять надежды организации и становления себя как политическое государство. Тогда китайцы сказали: «Мы уничтожим тюркский народ и лишим его потомства» и они отправились разрушить его. Однако, бог тюрков на небе и их святые земные и водные духи сделали следующее: что тюркский народ не может быть разгромлен, а может стать опять народом, они вырастили моего отца кагана Элтериша и мою мать Илбилгэ хатун на вершине неба». Как следует из надписи, восстановитель орхонской империи начал как вождь простой банды. «Мой отец каган сплотил двадцать семь мужчин; затем там стало семьдесят. Когда Тэнгри дал им силу, армия моего отца была как волки и его враги как овцы. Когда количество его людей стало семьсот, он выселил независимых людей, сместил ханов, обратил людей в рабство, управлял ими в соответствии с законами наших предков и воспламенил их сердца. На юге нашими врагами были китайцы; на севере нашими врагами были Девять Огузов (Токуз Огуз), киргизы и курикань,⁵² Тридцать Татаров и Хитай были нашими врагами. Мой отец каган совершил сорок семь походов и сражался в двадцати сражениях. Когда Тэнгри покровительствовал ему, он лишил империй тех, кто их имел и лишил кагана тех, кто имел свой каган. Он умиротворил своих врагов и заставил их стать на колени и склонить головы.»⁵³

Таким образом было восстановлено восточное ту-чю ханство вокруг своего традиционного ядра, верховьев Орхона и Отуканских гор (предположительно, хангайский хребет).⁵⁴ В таком успехе Кутлука сильно поддерживал его прозорливый политик Тонюкук (или Тонукоук), тюрк, чья семья занимала однажды наследственный пост в китайской администрации в пограничном районе Яунчун около нынешнего Куэйхуачен на севере Шаньси. Надпись на похоронной колонне Тонюкука, которая была открыта в 1897 в долине верхней Тулы, является вспомогательным материалом в восстановлении этой любопытной личности, в особенности, когда она дополняется данными из T'ang Shu.⁵⁵ Подобно многими из тюркской знати во время правления Тай-цун Тонюкук получил китайское образование. Однако, когда Кутлук восстановил тюркскую независимость, то Тонюкук присоединился к нему и стал его советником и лучшим заместителем,

используя на службе новому кагану знания о китайских обычаях, об их менталитете и политике, и прежде всего, о бледном состоянии, до которого довели печального императора Као-цун дворцовые интриги. Поэтому в 682 Кутлук и Тонюкук открыли враждебные действия против Китая, опустошая северный Шаньси. В марте 683 Кутлук опустошил округ Куэйчоу (Хсаилаихсиен, к северу от прохода Нанкоу на северо-востоке от Пекина).⁵⁶ С этого времени каждый последующий год ознаменовался вторжением на границы Шаньси или Хопей. В апреле 683 Кутлук и Тонюкук разграбили округ Шаню, ныне Суиюан. В июне они убили перфекта Ючоу или Вейчоу (Линкиу, к юго-западу от Татун), захватили губернатора Фунчоу (Юлин в северном Шеньси) и разорили окрестности Ланчоуна северо-западе Шаньси.⁵⁷ Осенью 684 они провели рейды в направлении Сучоу (Шопин, ныне Яю, север Шаньси). В мае 685 они прошли до Хинчоу, север Тайюан, где они разгромили китайский корпус. В апреле 687 они дошли до Чанпина, северо-востока Пекина. Осенью того же года, однако, тюрки, которые все еще воевали около Шопина в Шаньси, наконец, были вынуждены отступить.

Между тем, после смерти императора Као-цун (26 декабря 683) его вдова Ву Хоу (или Ву Тсё-тин) завладела властью. Она была безпринципной, жестокой тиранической женщиной, но полная энергии и с даром правления (684-705). Деспотичная в пределах своих границ, она восстановила прежнюю китайскую внешнюю политику. В тармиском бассейне, например, ее генералы возвратили Четыре Гарнизона от тибетян: Кара Шахар и Кучу в 692, Кашгар и Хотан в 694.⁵⁸ Она была менее успешна, как мы видели, против восточного ту-чю, чей каган Кутлук вторгался и разорял пограничные округа Шаньси и Хопей почти каждый год. Она попыталась обойти его с фланга путем поддержки тургишей (тургачей),⁵⁹ тюркское племя, ныне обитающее в Семриречье вдоль низовьев Или. Попытка была безуспешной, поскольку тургашеский хан Ву-че-лэ был разгромлен и взят в плен Кутлуком, чье вассальство он был вынужден признать (689).⁶⁰

Кутлук умер между августом и ноябрем 691.⁶¹ Его наследовал не его сын, а брат Мо-чо (как установил Пеллиот, по-китайски, тюркский Бэк-чор). Это и есть тот Мо-чо, которого орхонские надписи называют именем Капаган-кагана, правитель, который возвысил положение восточного ту-чэ до его зенита (691-

716).⁶² Приняв роль арбитра во дворцовых драмах двора династии Тан, он умудрился не без умения стать фигурой-защитником законности династии Тан против самозванной императрицы Ву Хоу. Она, со своей стороны, попыталась уладить с ним, предложив женить своего племянника на его дочери. Однако, когда молодой человек представился во дворе кагана, расположился лагерем на Черных Песках (Кара-Кум), южнее нынешнего Саин Нояна, Мо-чо презрительно отверг его (698). Его дочь, он заявил, достойна не для племянника Ву Хоу, а самого законного императора, который был задвинут в сторону самозванной императрицей-вдовой (703). Он уже объявил, что если она низложит семью Тан, то он вторгнется в империю со всеми своими ордами.

В то время как он симулировал защиту Тан против сомнительной вдовы, Мо-чо, тем не менее, продолжал свои рейды на китайскую территорию. В 694 он разорил окрестности Ланчоу около Нинся и 698 округ Вейчоу в регионе между Сюанхуа и Линкиу западнее Пекина. Во время перерыва, когда его уговорили идти на короткое сотрудничество с двором Китая против хитанов, монгольских кочевых Лиаоси и Джехола, которые начали расширяться на юг, нападая на китайские марши вокруг Юанпин. В 696 один из хитанских вождей, хан Ли Цин-чун, разгромил китайскую армию в этом регионе. Этот вождь был союзником Мо-чо. После его смерти хитаны сместили его сына и разорвали свой союз с тюрками. Мо-чо вступил на территорию хитанов с целью восстановления этого сына, но безуспешно. Это было тогда, когда он присоединился к Китаю против хитанов. За это он получил щедрую награду в виде шелка, риса, вооружений, нагрудных щитов и т.п. Застигнутый между Мо-чо и китайскими нашествниками, хитаны были разгромлены (696-697).

Императрица Ву Хоу, поверив, что она навсегда склонила на свою сторону Мо-чо, поблагодарила его за помощь, оказанную ей. В ответ, он возобновил свои рейды в округе Линкиу, около Вейчоу (в этом случае, возможно, Линкиу юго-западнее Татун), разорил Тинкоу в центре провинции Хопей между Паотин и Чинтин, взял Чаочоу и не отступил до тех пор, пока он не захватил тысячи пленников, которых он уничтожил при своем отступлении.⁶³ В 702 он опустошил округ Таичоу в северном Шаньси. В 706 он вырезал подразделения китайского

генерала Ша-ча Чун-юи на горной цепи Мин Шан восточнее Тунхуан и осадил пограничный пост Линчоу около нынешней Нинся. Победа на Мин Шан в эпических терминах увековечена на стелле в Кошо-Цайдаме, которая рассказывает о роли, которую сыграл Кул-тегин, племянник Мо-чо: «Мы сражались против Ша-ча *sengun*. Сначала он [Кул-тегин] сел на серого коня Тадикин-чура и вступил в бой. Конь под ним был убит. Затем он сел на серого коня Ишбара-Яматара и вступил в бой. Этот конь также был убит под ним. Тогда он сел на Кедемлига и вступил в бой. Одетый в кольчугу, он поразил более ста врагов своими стрелами. Его бой в памяти многих из вас, о тюркские благородные. Однако, эта [китайская] армия была разгромлена здесь!»⁶⁴

После каждого из этих рейдов на китайскую территорию Мо-чо возвращался в Монголию с длинными колоннами пленников и баснословными трофеями. «В те дни», свидетельствует надпись Кошо-Цайдама, «рабы стали рабовладельцами и крепостные владельцами крепостных; таковы были наши завоевания и наши добрые порядки!»⁶⁵

Не менее успешным был Мо-чо против тюркских народов. На востоке он сокрушил народ баюрков верхнего Керулэня и на севере – киргизов верхнего Енисея. «Пройдя через снега глубиной, равной нашим пикам,» говорит стелла его племянника Кул-тегина, «мы забрались на лесистые горы Когмана [современные Танну-Ола], внезапно напали, как завоеватели, на киргизов и сражались с его каганом в лесу. Кул-тегин вступил в бой верхом на белом жеребце. Он ударил одного из них своим луком и пронзил двоих в рукопашном бою. В этом бою белый жеребец пал, но киргизский каган был убит и мы покорили их.»⁶⁶ На западе Мо-чо временно покорила две части западного ту-чю: ту-лу и ну-ши-пи (699). Этим самым тюрки вновь были спаяны в грозный союз и великий ту-чю империя 550 опять была почти полностью восстановлена. На нижнем Или, к югу от озера Балхаш, тургшский хан Со-ко (706-711), сын и наследник Ву-че-ло, попытался сопротивляться и направить западных ту-чю против Мо-чо, однако, в 711 он был разгромлен и убит последним, который таким образом остался единственным правителем тюркской нации от китайских границ до Трансоксии.⁶⁷ «Каган тургшский», свидетельствует стелла, «был из тюрков, из моих людей. Поскольку он

был без мудрости и не послушался нас, он был убит... Мы направились против тургишей, поднимаясь на лесистые горы Алтун [Алтай] и пересекая верхний Иртыш. Мы внезапно, как завоеватели, набросились на тургишей. Армия тургшеского кагана бросилась на нас как огонь и буря и мы сражались. Кул-тегин вступил в бой на сером коне Башгу. Мы зарезали тургшеского кагана и покорили этот народ.» Эти триумфы были повторены против карлуков, другого тюркского племени илийского региона. «Мы воевали на Караколе. На белом коне Кул-тегин вступил в бой. ... Мы покорили карлуков.»⁶⁸

Однако, Мо-чо старел и тюрки начали терять терпение от его жестокости и тирании. Многие вожди предложили свою преданность Китаю и на верхнем Керулуне восстали баюирки. Мо-чо сокрушил их на берегах Тулы, однако, при переходе через лес на пути домой он был атакован силами врага и убит (22 июля 716). Его голова была подарена баюирками китайскому послу, который переправил ее в Чанган.

Кул-тегин и Мо-ки-лин

За смертью Мо-чо последовали серьезные волнения среди тюрков. Его племянник, энергичный Кул-тегин, сын старого кагана Кутлука, устроил типичный дворцовый переворот. Набрав силу от авторитета, которого он заслужил своими победами и, заметно, ролью, которую он играл в качестве помощника своего дяди, Кул-тегин убил Богу, сын Мо-чо, со всей его семьей и, фактически, со всеми советниками покойного кагана.⁶⁹ Лишь один Тонюкук был оставлен в живых из-за того, что он был тестем брата Кул-тегина.

Кул-тегин не стал захватывать трон для себя, а назначил своего старшего брата Мо-ки-лин (согласно китайской транскрипции) в качестве кагана, человека, которого орхонские надписи величают как *билгэ каган*, «мудрый император», который правил Монголией с 716 по 734.⁷⁰

Между тем, вдохновленные смертью Мо-чо и последовавших затем семейных распри, все вассальные орды восстали против орхонской династии. Кул-тегин и Мо-ки-лин сами направились на войну с ними для восстановления порядка

и послушания. Кошо-Цайдамская стелла, воздвигнутая Мо-ки-лин в честь Кул-тегина, причисляет многочисленные кровавые битвы против Девяти Огузов (Токуз Огуз) и Девяти Татар (Токуз Татар),⁷¹ которые, возможно, жили на среднем и нижнем Керулене, соответственно, и против уйгуров и карлуков.⁷² «Народ Токуз Огуз был моим народом. Потрясениями на небе и земле он стал моим врагом. За один год мы пять раз воевали. Сев на белого коня Азман, Кул-тегин бросился в атаку. Он промчался через тела шестерых. В стычке он своей саблей убил седьмого. Мы выиграли, но тюркский народ впадал в слабость и терял свое сердце.» Если даже среди этих безжалостных сражений восточные ту-чэ вынуждены были уступить свое господство над западными ту-чэ, тем не менее они смогли удержать королевство Орхон. Мо-ки-лин поздравляет себя на культегинской стелле: «Если бы я не потрудились сильно вместе с моим молодым братом Кул-тегином, то тюркский народ был потерян.»⁷³

Излечиваясь от оставшихся последних ран, нанесенных гражданской войной, Мо-ки-лин советовался со старым Тонюкуком, которому было семьдесят. Мо-ки-лин хотел ознаменовать свое правление нападением на Китай, однако Тонюкук отговорил его от этого. Только что великий император Хсюан-цун (713-755) сел на трон династии Тан. Не имея личной отваги Таи-цун Великого, и будучи нередко, если не всегда способным отрывать себя от дворцовой жизни (поскольку это была золотое время, эпоха, не имеющая параллели во дворе Чангана), новый Сын Неба, тем не менее, проявлял сильный аппетит по части славы и он был устремлен восстановить китайское господство в Средней Азии.. Тонюкук, который всегда был хорошо осведомлен о внутренней политике Китая, разъяснил своему хозяину, что тюркам, опустошенным гражданскими распри, с разбросанными стадами, истощенными конями и изнуренными от голода людьми, будет весьма поспешным атаковать набирающую силу Тан. Идя на противоположную крайность, Мо-ки-лин желал расселить своих тюрков на фиксированном месте, построив город за стенами по китайскому образцу на Орхоне и основать буддийские и таоистские монастыри. Тонюкук сказал, что это тоже будет ошибкой. Основным преимуществом тюрков является их подвижность в качестве кочевых, которая сделала их способными наносить неожиданные атаки там, где имеется для этого

возможность, и уводить захваченное в случае отступления. «Ту-чэ», так китайская запись говорит о словах тюркского ветерана, «составляют одну сотую от числа китайцев. Они находятся в поиске воды и пастбищ, они охотятся; они не имеют фиксированного местопребывания и они тренируются для войн. Когда они чувствуют себя сильными, они наступают. Если они уверены, что слабы, они отступают и скрываются. Таким образом они компенсируют преимущество китайцев в их численности, которым они не могут не воспользоваться. Если вы поставите ту-чэ в город за стенами и будете разбиты китайцами лишь один раз, то вы станете их пленниками. Что касается Будды и Лао-це, то они учат людей к доброте и покорности, а такое учение не подходит для воинов.»⁷⁴

Это была демонстрация секретов тюркской силы, которых Мо-ки-лин адресовал своим потомкам на кошо-цайдамской стелле. Она напоминала о деморализующем воздействии китайских обычаев на восточных ту-чэ в предыдущем столетии. «Соблазны китайских людей, которые без всякого напряжения дает нам столь много золота, столь много серебра, столь много шелка, действительно, сладки и их богатые слабы. Этими сладкими соблазнами и их богатством китайцы втягивают тюркских людей в себя. Через уступкой на эти приманки, многие из твоего народа пали, о тюркский народ! Покидая темные леса, многие смотрели на юг, говоря: «Я стану жить в долине». Мо-ки-лин заклинает тюрков оставаться тюрками: «Если ты пойдешь в ту страну, о тюркский народ, ты пропадешь! А если ты останешься в лесах Отукана [Хангай и Орхон], где не ни богатых, ни нищих, ты сохранишь вечную империю, о тюркский народ!... Все, что я должен был сказать тебе, я записал на прочном камне.»⁷⁵

По совету Тонюкука Мо-ки-лин предложил мир Китаю (718). Император Хсюан-цун отклонил его предложение и отдал приказ на атаку. Басмилы, тюркское племя из региона Кучен (старый Пекин) и хитаны из Лиаоси и Джехола вступили в союз с Китаем и приготовились захватить ту-чэ с фланга, с юго-запада и юго-востока. Каган Мо-ки-лин был озадачен, но Тонюкук успокоил его, указав, что басмилы, китайцы и хитаны были слишком далеки друг от друга, чтобы синхронизировать свои атаки. В действительности, Мо-ки-лин нашел подходящее время, чтобы разбить на куски басмилов в Кучене перед тем, как разорить

китайский аванпост в нынешнем Кансу, около Канчоу и Лианчоу (720). Мир был заключен в 721-722 и были установлены дружественные отношения между ту-чэ и империей.⁷⁶

После смерти в 731 своего брата Кул-тегина, которому он был обязан своим тронном, Мо-ки-лин приказал составить надпись со скорбным стихом на его могиле, находящейся на месте между озером Кошо-Цайдам и Кокшун Орхоном, приблизительно в 64 км к северу от Карокорума. Несколько отрывков из этого стиха мы уже цитировали и его можно рассматривать в качестве национального эпоса древних тюрков. В 732 император добавил китайскую надпись, учитывающую дружбу между двумя дворами.⁷⁷

Эти надписи, самые старые памятники тюркской литературы, написаны с использованием ошибочно известного «рунического» алфавита. Более точно, эти буквы выведены из арамейского алфавита через алфавит древних согдиан (хотя, как спорит Бартольд, некоторые из этих «рунов» имеют отдельное происхождение и являются типа символов). Другие надписи на «руническом» тюркском языке были открыты в Сибири в енисейском бассейне. Бартольд определяет, что эта первая тюркская письменность может быть датирована седьмым или даже шестым веком н.э. Как будет видно, она в восьмом веке была заменена уйгурской письменностью, выведенной аналогично через согдианскую из северного семитского алфавита.

Разрушение империи восточного ту-чю; возвышение уйгурской империи

Из-за их культуры, к чему являются свидетельствами алфавит и надписи Орхона, и относительно мягкого характера кагана Мо-ки-лин, восточные ту-чэ, кажется, были на точке главного потока великих цивилизаций тогда, когда Мо-ки-лин был отравлен в 734 одним из его министров. Его смерть позволила началу серьезных волнений, которые привели к падению ту-чэ империи. Скоро после этого умер также его сын Юи-жан (китайская транскрипция) и трон занял его брат Тэнгри каган, молодой человек, который управлял вместе с вдовой Мо-ки-лин в

качестве советника. В 741, однако, Тэнгри каган был убит одним из его офицеров, *шадом* востока, который, объявил себя королем под именем Озмиш каган. Это было знаком конца ту-чэ империи, поскольку Озмиш сразу оказался под угрозой восстаний трех основных вассалов тюркских племен, басмилов, уйгуров и карлуков, которые, соответственно, обитали в регионе вокруг современного Кучена, края между Кобдо и Селенги и восточного края озера Балхаш около реки Имил. Озмиш каган был убит в 744 басмилами, которые отправили его голову во двор в Чангане. Остатки правящего клана восточного ту-чэ уже в 743 сбежали в Китай.⁷⁸

Монголия стала объектом захвата. Басмилы попытались овладеть ею, но без успеха (744). Это удалось осуществить уйгурам, по-видимому, с помощью карлуков. Уйгурский хан, известный по китайской транскрипции, как Ку-ли Пи-ло, расположился как каган в имперской провинции верхнего Орхона под именем Кутлук Билгэ (Ку-то-лу Пи-киа киу). Его восхождение на трон было одобрено двором Тан и император Хсюан-цун наградил его титулом Хуэй-жен. Танские записи рассказывают нам, что его владения простирались от Алтая до озера Байкал. Он умер в следующем году (745), согласно некоторым источникам, другие указывают 756, однако, начатое им дело пережило его.

Таким образом, уйгурская империя заменила империю восточного ту-чэ. Она продолжалась в течение века (744-840). На самом деле, это была замена одного тюркского народа другим очень близким народом, гегемонией Монголии. Тем не менее, в противоположность к ту-чэ, которые проявили себя часто опасными соседями китайцев, уйгуры бли сначала достаточно верными клиентами, затем и полезными союзниками и в конечном счете бесценными, иногда даже исключительными защитниками династии Тан.

Столицей уйгурских каганов был Карабалгасун, город тогда известный как Ордубалиг, «город двора», на верхнем Орхоне около резиденций гсиен-ну *shan-yü* и ту-чэ каганов, в соседстве с которым позднее будет находиться Каракорум чингизидов.⁷⁹

Вершина власти Тан; покорение западного Туркестана

В 714 генерал А-ши-на Хиен, тюркский наемник на китайской службе, одержал громкую победу в Токмаке, западнее Иссык-куля, таким образом присоединив племена ту-лу Жунгарии и карлукских тюрков Имиля и Тарабагатая к клиентам Китая. Тургишские тюрки, которые, предположительно, пасли свои стада в регионе дельты реки Или, южнее от озера Балхаш в Семиречье, проявили себя непреклонными. Их хан Су-ли (717-738) нашел себе союзников против Китая в лице тибетян и людей, которые недавно выдвинулись как неожиданные нашественики на трансоксианские границы: арабы. Мы позднее вернемся к этому новому фактору в истории Средней Азии. Здесь следует лишь отметить, что этот Су-ли, пользуясь волнениями, возникшими из-за атаки мусульманских легионов, вторгся в Тарим, который с 692-694 находился под протекторатом Китая, осадил город Аксу (717) и в течение нескольких месяцев беспокоил Четыре Китайских Гарнизона Кара Шахара, Кучи и Хотана. Хотя он не смог их покорить, однако, он был в состоянии, несмотря на кампанию, проводимую имперским генералом А-ши-на в этом регионе (719), удержать Токмак, западнее от Иссык-куля, давнего аванпоста Китая в Туркестане. Китайский двор, разочаровавшись от удерживания этих опасных укрепленных пунктов, попытался успокоить Су-ли присвоением ему титулов и почестей (722). В 726 этот закоренелый грабитель все еще разорял территорию Четырех Гарнизонов. Наконец, в 736 китайский генерал Каи Киа-юан, губернатор Пейтуна или Дзимса около Кучен, нанес сокрушительное поражение Су-ли. Скоро после этого, около 738, Су-ли был убит Бага-тарханом, кул-чуром маленького тюркского племени чу-му-куин, скитающегося между территориями тургишей и карлуков к юго-востоку от озера Балхаш.⁸⁰

Бага-тархан присоединился к китайскому генералу Каи Киа-юан в 739, чтобы препятствовать восстановлению власти тургишеского претендента Ту-хо-син, сына Су-ли. Однако, история всех этих мелких тюркских ханов, стремящихся к воссоединению западного ту-чэ для своей выгоды, всегда одна и та же. Бага-тархан скоро разорвал отношения с Китаем и в 742 убил А-шо-на Хин,

китаизированного тюрка, которого китайцы направили на земли тургишей в качестве наместника.⁸¹ Тем не менее, как всегда, последнее слово имел Китай. В 744 имперский генерал Фу-мун Лин-ча разгромил и обезглавил Бага-тархана.⁸² Этой победой Китай возвратил себе господство в долине Или и иссык-кульском регионе. В 748 китайский генерал Ван Чин-кин построил китайский храм в Токмаке, на верхнем Чу, к северо-западу от Иссык-куля.⁸³ В 751 другой имперский генерал, знаменитый Као Син-чи, имел возможность доставить во двор Тан другого захваченного тургишеского вождя.⁸⁴

В таримском бассейне мелкие королевства Кара Шахара, Кучи, Хотана и Кашгара, занимаемыми китайскими военными подразделениями, были верными вассалами. В 728 китайские титулы были присвоены королю Кашгара, из династии, известной в китайской транскрипции как Пи, и королю Хотана, известного (по-китайски) как Вей-чо Фу-шо из династии Вей-чо.⁸⁵ Эти индо-европейские обитатели Тарима, когда-то сопротивляющиеся против китайского господства, затем с готовностью пошли под него, поскольку китайский протекторат был для них защитой двойного нашествия арабов и тибетян.

Китайско-арабское соперничество к западу от Памира

Прошло около века со времени падения сассанидской персидской империи под ударами арабов. В результате сражений на Кадисия (637) и Негавенд (642) власть сассанидской монархии была свергнута, а западный Иран был захвачен. В 651 Герат был оккупирован арабами и Яздегирд III, последний сассанид, умер в Мерве; в 652 арабы проникли в Балх. Удовлетворившись завоеванием всей старой империи, включая Хурасан, захватчики не стали наступать далее. Они возобновили свой марш в начале восьмого века под руководством Кутайба ибн Муслима, который управлял Хурасаном по поручению уммаятского халифата с 705 по 715.⁸⁶ В 705 Кутайба предпринял экспедицию против Тохаристана, прежней Бактрии, затем правил династией тюрко-буддийских тегинов, основанной молодой ветвью правящей семьи западного ту-чэ, династии, которая, согласно Хсюан-цан, обычно располагалась около Кундуза. Кутайба затем воспользовался местными распри для вторжения в Хорезм и Согдиану. С 706

по 709 и он вел войну на ирано-тюркское государство Бухара и обратил ее в вассальство. Затем он поставил на трон Бухары законного правящего наследника Тугшаду, который правил с 710 по 739 и который в начале, по-меньшей мере, был верным клиентом арабов и, внешне, последователем мусульманской религии.⁸⁷

В 709 местный *тархан* Самарканда заключил мир с Кутайбой взамен на дань и возврат заложников, однако, он был сброшен с трона его подданными, которые были возмущены его трусостью, и заменен Ихшед Гуреком. Кутайба, после длительной осады Самарканда, вынудил Гурека сдаться, несмотря на вмешательство тюрок Ташкента и ферганцев, которые были также разбиты (712).

В 707 народ Бухары и 712 народ Самарканда обратились к Мо-чо, сильному кагану восточного ту-чэ, который тогда был властителем всей Монголии. По каждому случаю Мо-чо отправлял армию для освобождения согдиан под командованием одного из своих племянников, несомненно, знаменитого Култегина.⁸⁸ В 707 Кутайба разбил и отогнал каганского племянника в стычке между Бухарой и Мервом. В 712 ту-чэ занимал всю территорию Согдианы, арабы удерживали лишь город Самарканд; однако, в конечном счете, в 718 Кутайба вынудил их отступить. Победносный Кутайба держал в качестве вассала Гурека в Самарканде, где расположил также арабский гарнизон. После вытеснения ту-чэ в 712-713 он направил карательную экспедицию против Ташкента и сам направился в Фергану в направлении Ходжента. В 714 он был в Ташкенте. В 715 он только начал вторую кампанию в Фергане, когда волнение в городе привело к его убийству его собственными войсками. (Согласно Табари, Кутайба дошел до Кашгара, однако, такое весьма сомнительно.)⁸⁹

Смерть Кутайбы, единственного арабского генерала тех дней, который имел реальное желание завоевать Среднюю Азию, в сочетании с гражданскими войнами, которые привели к ослаблению халифата последних уммаятов, дала согдианам некоторую передышку. В то же время, восстановление китайской власти в Монголии, на Или и в Тариме императором Хсюан-цун, позволило надеяться на поддержку оттуда. В 712 король Ферганы,⁹⁰ сосланный арабами, нашел убежище в Куче, откуда он умолял китайцев помочь ему в восстановлении его власти. В 715, несомненно, после смерти Кутайбы, китайский генерал Чан Хиао-сун,

действительно, восстановил его на троне после того, как прогнал оттуда ферганского короля, назначенного арабами.⁹¹ В 718-719 Тугшада, король Бухары, хотя и поставленный на трон арабами, признал себя вассалом Китая и обратился за вмешательством Китая и с этой целью отправил своего брата Арслана (по-тюркски, «Лев») ко двору императора Хсюан-цун в 726. Гурек, король Самарканда (прибл. 710-739), хотя и аналогично вынужденный признать арабское господство, неоднократно обращался китайцам за помощью против своих новых хозяев (719, 731).⁹² Далее на юг тюркский правитель или *ябгу* Тохаристана (Кундуз и Балх) аналогично обращались за китайской защитой от арабов (719, 727).⁹³

Несмотря на желание императора Хсюан-цун на территориальную экспансию, Китай колебался посылать экспедиционные силы в Согдиану или Бактрию и вступить в открытую войну против уммаятского халифата. Глобальный конфликт между двором халифа и двором Чангана, о котором, очевидно, мечтали тюрко-иранцы Самарканда, Бухары и Кундуза, как о единственном способе отразить мусульманское вторжение, не произошел (по крайней мере, до 751). Хсюан-цун был намерен подавить сопротивление согдианов и тохарианов присвоением им грамот на знатность. Правда, что тюркский вождь, тургишеский король Су-ли (717-738), будучи более близкорасположенный к Китаю (он управлял регионом Или), также поддерживал восстания против мусульманского господства. Благодаря такой поддержке и одобрению, в 728 разразилось всеобщее восстание против арабского господства и за год (728-729) бухарское население поддерживало восстание с помощью тургишеских тюрков. В 730-731 Гурек, король Самарканда, аналогично с помощью тургишей восстал также. В конечном счете Самарканд не был перезавоеван арабами приблизительно до 737 или 738.⁹⁴

Китайцы на Памире, 747-750

В итоге император Хсюан-цун позволил Бухаре и Самарканду возвратиться под арабское правление без всякого вмешательства. Причиной такого обстоятельства было то, что в Кансу и Тариме китайцы были заняты с более непосредственным противником, тибетянами или ту-фанами.

Тибетяне, разгромленные в 700 китайским генералом Тан Хиу-юн, обратились с просьбой о мире в 702, однако почти в то же время разразилась другая война. В 737 китайцы одержали крупную победу над ними в Коко Нор и в 746 китайский генерал Ван Чун-цу нанес им поражение в том же регионе. Ценой на кону была крепость Ши-пу-чен около Синин на границе Кансу: укрепленный пункт, который был схвачен у тибетян генералом Ли Юи, был отвоеван позднее и еще раз был перзавоеван другим имперским генералом Ко Ши-хан в 749. На другом краю Тибета обитатели были под угрозой мелких королевств Памира: Гилгит (по-китайски, Малый Пулу), Батистан (Большой Пулу) и Вакхан (Гуми), через которых проходила дорога, соединяющая китайский протекторат Тарим с Индией. Для Китая династии Тан, близкого с Индией через торговлю и буддийское странствование, было существенно важно поддерживать свободный проход через эти высокие долины Памира. Правители Кашмира, Чандрапида (ум. 733) и Муктапида (733-769) сопротивлялись против тибетских банд как союзники двора Китая, который награждал их званиями (729, 733). То же самое справедливо по отношению к тюрко-буддийской династии Шаги, которая правила над Каписа (по-китайски, Ки-пин) в кабульской долине; китайские звания присваивались здесь в 705, 720 и 745.⁹⁵ После того, как тибетяне стали сюзернами Гилигита, имперский генерал Као Син-чи, второй человек в командовании у губернатора Кучи, пересек Памир в 747 и спустился в Гилгит через ущелье Барогхил и захватил в плен тибетского вассального короля. В 749 *ябгу* Тохаристана, т.е. тюрко-буддийский правитель Кундуза, именуемый китайцами как Ши-ли-ман-киа-ло (из санскритского Сри Мангала), искал помощи империи против мелкого горного вождя (союзника тибетян), который отсекал коммуникации между Гилгитом и Кашмиром. Као Син-чи с китайским экспедиционным корпусом пересек Памир еще раз и опять прогнал тибетских сторонников (750).⁹⁶

Две кампании Као Син-чи на запад Памира означали пик китайской экспансии в Средней Азии под династией Тан. Китай в это время являлся хозяином таримского и илийского бассейнов и иссык-кульского региона и сюзерном Ташкента; он командовал в памирских долинах и был протектором Тохаристана,

Каула и Кашмира. Из своей резиденции в Куче Као Син-чи действовал как настоящий китайский наместник Средней Азии.

Однако, внезапно все это обрушилось из-за действий того же Као Син-чи, который водил войска Китая в такие отдаленные регионы.

Падение танского господства в Центральной Азии

Тюркский король или *тудун* Ташкента, именуемый китайцами как Киу-пи-шо, многократно совершал визиты покорности в Китай (743, 747, 749). Тем не менее, в 750 Као Син-чи, тогда «протектор», т.е. губернатор или имперский комиссар Кучи, отозвал его с поста за невыполнение своих обязанностей в качестве защитника границ. Као Син-чи прибыл в Ташкент, обезглавил *тудуна* и присвоил его казну. Этот акт бесчинства спровоцировал восстание запада. Сын жертвы обратился за помощью к карликовским тюркам, чьи земли находились в Тарабагатае и на реке Урунгу и простирались от восточного края озера Балхаш до Иртыша; он также молил о помощи у арабских гарнизонов в Согдиане. Арабский генерал Зияд ибн-Салих, который только что разгромил новый мятеж в Бухаре, поспешил с юга, в то время как карлукские силы спустились с севера. В июле 751 Као Син-чи был разгромлен этими объединенными силами на берегах Таласа, около нынешней Аулие-Ата (Джамбул). Предание гласит, что Зияд ибн-Салих доставил тысячи пленников в Самарканд.⁹⁷ Согласно Бартолду, этот исторический день определил судьбу Средней Азии. Вместо того, чтобы стать китайцами, как предсказывали ранние основные тенденции, она пошла в мусульманство. Карлуки, после их победы, расширили свои владения на весь илийский регион южнее Балхаша и севернее Иссык-куля. Старые королевские резиденции западных ту-чэ перешли под их контроль и их вождь был согласен взять меньший титул *ябгу*, несомненно, чтобы избежать нападения кагана уйгуров.⁹⁸

Китайская катастрофа в Таласе, возможно, могла бы быть исправлена, однако, внутренняя борьба и восстания, которые имели место в конце правления Хсюан-цун исключили такую возможность. Китай, жертва гражданской войны в течение семи лет (755-763), одним ударом лишился империи Средней Азии.

Уйгурская тюркская империя

Восстание, которое почти положила конец династии Тан, возглавлялось хитанским наемником, монголом на китайской службе, по имени Ан Лу-шан. Этот авантюрист выдвинулся быстрым захватом двух китайских столиц, Лояна (755) и Чангана; император Хсюан-цун бежал в Сычуан. Сын Хсюан-цун, император Су-цун (756-762) поставил перед собой задачу отвоевать свои государства обратно и поэтому обратился за помощью к уйгурским тюркам, которые в то время были хозяевами Монголии.⁹⁹

В 744, как отмечалось выше, уйгурские тюрки вытеснили восточных ту-чэ из монгольской империи. Уйгурский каган, именуемый китайцами как Мо-ян-чо¹⁰⁰ или Ко-ло каган (745-759), с готовностью согласился выполнить просьбу императора Су-цун, за что был награжден рукой китайской принцессы. Уйгурская армия, прибыв из Монголии, действовала совместно с имерскими силами и оказала им энергичную поддержку в отвоевании у повстанцев города Лоян (757). Император Су-цун одарил уйгурских вождей признательностью и титулами и перед тем, как они уедут обратно пообещал в качестве ежегодной дани 20 000 кусков шелка.

Тем не менее, гражданская война в Китае все еще не утихала, поскольку уже другие повстанцы угрожали трону Тан. Наследник Мо-ян-чо, новый уйгурский каган с именем, звучащим на китайском как Тен-ли Меу-ю (759-780), обманутый послами повстанцев, сначала подумал воспользоваться трудностями Тан.¹⁰¹ Он даже начал идти против Китая со своей армией с намерением сотруничества с повстанцами, однако, прозорливый китайский дипломат уговорил его изменить свое мнение; в результате, он восстановил союзничество с империей и отвоевал у повстанцев Лоян для империи (20 ноября, 762). Он также сознательно разграбил этот город. Хотя он несомненно был спасителем династии Тан, тем не менее стал обременительным защитником и опасным союзником. В марте 763, однако, он, наконец, отправился домой, в Монголию.

Продолжительное пребывание уйгурского хана в Лояне имело важные последствия в духовной сфере, поскольку именно здесь он познакомился с манихеанскими миссионерами, несомненно, согдианского происхождения, которых он взял с собой обратно в Монголию и которые обратили его самого в манехианство. Эта старая персидская религия, рожденная из любопытного мазде-христианского синкретизма (попытка соединить противоречащие тенденции- **В.М.**) и преследуемая и в Иране, и в Ираке арабами, была таким образом в выигрыше от неожиданного каприза судьбы: обращение под ее доктрину Уйгурской империи, тогда пребывающей на зените своей мощи в качестве хозяина Монголии и союзника Китая. Действительно, манехианизм стал государственной религией уйгуров. Тот же самый каган упоминается в карабалгасунской надписи как «излучение Мани» (*zahag i Mani*). Величественный манехианский сановник, *mu-shō* (в китайской транскрипции, *mojak* в Согдиане и *moje* в Пехлеви), занял свою

резиденцию на уйгурской земле в качестве главы новой государственной церкви.¹⁰² Манехианское духовенство скоро стало обладать значительным политическим влиянием. Китайские танские записи того времени говорят, что «уйгуры всегда советовались с манехианами по правительственным делам.»

Уйгурская империя оставалась господствующей силой в Центральной Азии при последующих каганах. Алп Кутлук, которого китайцы звали Хо Ко-ту-лу (780-789), просил руку китайской принцессы и получил ее. Двор династии Тан не мог отказать ни в чем этим тюркам, чья вражда могла бы ее разрушить, чей союз с ней спас ее и они вели переговоры с ней на равных основаниях,¹⁰³ что было чем-то совершенно новым в сино-варварских отношениях.

Карабалгасунские надписи перечисляют большое количество других ханов, отмеченных такими же эпитетами: *Tägridä bulmysh külüg bilgä* (789-790), *Tängridä bylmysh alp qutlugh ulugh bilgä* (795-805), *Tängri bilgä* (805-808), *Aï tängridä qut bulmysh alp bilgä* (808-821). Во время правления последнего «небесного кагана» хвалебный стих, посвященный ему на известной надписи, вытесан на трех языках – на китайском, тюркском и согдианском – около Карабалгасуна на левом берегу Орхона.¹⁰⁴ Он также просил руку китайской принцессы, однако, из-за задержек она

вышла замуж за его сына и наследника Кюн тангрида улуг булмиш кючлук билгэ чун-то, который правил с 821 по 824.

Проповедование манехаизма, со всеми его заимствованными христианскими и маздеанскими философскими и иранскими художественными элементами было сопряжено с прогрессивным вкладом в цивилизацию уйгуров. Карабалгасунские надписи объясняют, что эта «страна с варварскими обычаями, полная кровавых испарений, превратилась в страну, где люди жили на зелени; из страны убийств в страну, где были лелеяны хорошие поступки».¹⁰⁵ В различные времена (770, 771, 807) уйгурские посольства при дворе Тан зарекомендовали себя в качестве защитников манехианских обществ, уже обосновавшихся в Китае и тех, которые должны были быть основаны. В 768 каган получил от Сына Небесной декрет, дающий право манехианам проповедывать в Китае; с того времени манехианские храмы были воздвигнуты для уйгурских жителей (771) в Кинчоу в Хопее, в Янгчоу в Киансу, в Шаохине в Чекиане и Нанчане в Кианси. Уйгурское посольство 807 попросило разрешения на постройку манехианских храмов в Лояне и Тайюане.

На землях Турфана,¹⁰⁶ объединенных с уйгурскими владениями, могли процветать манехианские общины, как это вытекает из фресок и миниатюр этой религии, в особенности, в Идигучае, найденных миссией Ле Кока. Интересно заметить в миниатюрах наряду с видами уйгурских покровителей, портреты манехианских священников в белых халатах, поскольку они являются наиболее ранними персидскими миниатюрами.¹⁰⁷ То были из Персии, которые были доставлены манехианскими проповедниками вместе с религией, эта техника живописи, которую они рассматривали в качестве великолепного средства пропаганды. Уйгурские покровители также впечатлены на некоторых буддийских фресках турфанской группы, в особенности, в Муртук-Безеклике.¹⁰⁸ Изображенные в церемониальной одежде, включая изящные изысканные халаты и митру как головной убор, сопровождаемые их женами, несущими цветы, слугами и музыкантами, они свидетельствуют о богатстве и великолепии уйгурской культуры. Далее на тех же буддийских фресках другие бородатые покровители тюрко-иранского типа, напоминающие нынешних кашагрцев, одетые в плоские

шлемы и сопровождаемые верблюдами и мулами в манере буддийских магов, вызывают память о согдианских караванщиках, через которых Уйгурская империя вошла в контакт с религиозным Ираном.¹⁰⁹ Наконец, в уйгурском Турфане все еще можно найти прекрасные несторианские фрески. Однако, все они с последующего периода, после 840, второй половины девятого века и начала десятого столетия, которые разработало уйгурское турфанское искусство, в особенности, в Бездклике; поскольку тогда уйгуры были согнаны из Монголии и многие из них бежали в Турфан, где они основали новое княжество. Изыщные покровители региона на фресках следует датировать со второй половины этого периода.¹¹⁰

Заимствуя их манехианскую религию у Ирана или Внешнего Ирана, уйгуры также взяли у них, точнее, у Трансоксонии, согдианский алфавит, который был выведен из сириакского и от последнего они развили свою собственную уйгурскую письменность. В девятом веке эта письменность заменила старо-тюркский (ту-чѐ) алфавит Орхона.¹¹¹ С его помощью они создали национальную словестность: наиболее раннюю из тюркских словестностей, в которую они переводили с иранского несколько манехианских текстов и с санскритского, кучийского и китайского – многочисленные буддийские тексты.¹¹² Таким образом, уйгуры стали наиболее развитыми из других тюрко-монгольских народов, для которых, вплоть до времен Чингиз-хана, они были их учителями.

Тем не менее, в процессе приобретения цивилизованности уйгуры становились слабыми. В 840 их столица Карабалгасун был захвачен, их каган был убит и их империя была разгромлена теми тюрками, которые оставались на стадии дикарей, киргизами верхнего Енисея (между Минусинском и озером Косогол.¹¹³ Двор Китая, который сотни лет дрожала перед этими слишком сильными союзниками, воспользовался их падением для своего выгоды систематическими преследованиями их покровителей манехианов (843).

Киргизы пришли для того, чтобы вытеснить уйгуров из «имперской Монголии» на верхнем Орхоне по соседству с нынешними Карабагласуном и Каркорумом. Однако, эти сибирские племена возвратили варварство в Монголии. Киргизы оставались хозяевами этих территорий вплоть до 920, когда они были разгромлены монгольскими хитанами и отброшены назад к степям Енисея.

Уйгуры, лишенные монгольской империи, осели в районе северных таримских оазисов, в Кара-ходже или Хочо (старый Турфан), в Дзимса, который стал тюркским Бешбалигом в Кара Шахаре, и в Куче (843).¹¹⁴ Другая группа уйгуров, известная с того времени по названию сари-уйгур, осела в Кансу, вокруг Канчоу¹¹⁵ около 860 или 866. Уйгурское княжество Канчоу существовало до 1028, когда оно было завоевано тангутами. Процветающее буддийское государство в Тунхване в десятом веке является доказательством того, что уйгурская группа должна была скоро расстаться с манехианизмом в пользу местной буддийской религии.¹¹⁶ Уйгурское королевство Бешбалиг-Куча существовало до периода чингизидов в тринадцатом веке; и на древней тохарайской основе, или более точно, на кучийской (то есть, индо-европейской) основе уйгуры данного региона создали интресную буддо-несториано-манехианскую цивилизацию, являющуюся продолжением кучийской культуры. Здесь манехианизм также быстро исчезал и во время правления Чингиз-хана уйгуры Бешбалиг-Кучи были как буддистами, так и несторианами.

Вполне возможно, что оседание уйгуров на турфанской и кучийской территории, где тюркизация древних индо-европейских земель достигла кульминационной точки, происходило шаг за шагом и смесь уйгуров и местных жителей, вероятно, произвела население, которое на время было двуязычным. Так подразумевается в мусульманских записях, которые утверждают, что кроме их тюркского диалекта жители Уйгурии в течение продолжительного времени владели другим языком, на котором они говорили между собой.¹¹⁷ Возможно это так, поскольку уйгуры переняли свои словесные приобретения у «тохариан», продолжением которого являлись они сами. Уйгурская словестность, вырезанная на дереве также часто, как и в письменном виде, что была открыта немецкими, французскими и английскими экспедициями в нынешнем Синкиане, показывает, что происходящий тюркский переход этой страны поддерживал одновременно ее бывшую интеллектуальную активность.¹¹⁸ Таким образом, уйгуры справедливо заслужили свое звание «учителей цивилизации» для тюрко-монгольских государств Алтая и Орхона: найманов двенадцатого века и чингизидов

тринадцатого века, которых они обеспечили письменностью, «канцелярскими» и письменным языком.

Ша-то тюрки

Китайская династия Тан, которая была сброшена с трона в 907, почти пришла к своему концу в 880 в результате народного восстания, типа крестьянской революции, ведомой Хуан Чао. Чанган, имперская столица, подобно крупному городу Лоян, попал в руки восставших и двор обратился за помощью к новой тюркской орде, название которого по-китайски звучало как чол-чу-ю, что в переводе на китайский язык означал ша-то – «народ пустыни и песка».¹¹⁹

Бартолд склонен относить эти чол, чу-ю или ша-то племена к племенам Токуз Огуз, часть которой странствовала к северу от Аральского моря с девятого по двенадцатый века.¹²⁰ В самом деле, шато откололось от основной массы ту-чэ, проживающего с седьмого века восточнее озера Бар Кол. В 712, когда тибетские банды разоряли барколский регион, ша-то ушло немного на запад по направлению к Кучену. В 808, вытесняемое также из этих местностей тибетскими захватчиками, они обратились к Китаю за защитой. Двор Тан расположил их в качестве конфедератов к северо-востоку от Линчоу (около Нинсиа), в северной части Ордоса.

Ша-то оставалось в Ордосе до 878. В том году, с помощью гражданских волнений, которые тогда опустошали Китай, один из их вождей, Ли Ко-юн, овладел пограничными землями Татуна севернее от Шаньси, где он удобно расположился для участия в генеральной анархии. В 880, однако, когда страшное восстание под руководством Хуан Чао вырвало столицу Чанган у династии Тан, последняя обратилась к Ли Ку-юну. Этот молодой руководитель (ему тогда было двадцать восемь) описывается китайскими историками как отважный и верный человек. Он, кажется, принял свою роль спасителя династии Тан серьезно и его верность никогда в будущем не вызвала сомнений. Он прогнал повстанцев из Чангана в 883 и был за это награжден назначением в качестве министра имперского правительства, которое он и спас. Что, вероятно, было важным для него, это то, что

ему в то время дали правление над Тайюан, то есть, нынешней провинцией Шаньси. На время казалось, что этот китаизированный тюрк унаследует династию Тан и сядет на трон Китая; однако, этому помешало, по-видимому, его чувство верности. Вместо его, бывший глава бандитов Чу Вен, который взял верх над китайцами, овладел властью. Сместив последнего представителя Тан, он провозгласил себя императором и основателем династии Хоу-Лиан (907). Тем не менее, Ли Куо-юн оставался хозяином Шаньси и после его смерти в 908 его сын Ли Цун-хсю (ум. 926) унаследовал ему как здешний император под титулом короля Чин со столицей Тайюан. В 923 Ли Цун-хсю сбросил с трона династию Хоу-Лиан и стал императором Китая (его столицей был Лоян) как основатель династии Хоу-Тан, которая просуществовала более тринадцати лет (923-936). В 936 последний Хоу-Тан был смещен, благодаря помощи хитанской орды, генералом Ши Кин-тан, другим ша-то тюрком, который провозгласил себя императором Китая и основал династию Хоу-Чин со столицей Каифен (Пиен). Однако этот дом исчез даже быстрее чем предыдущий, просуществовав лишь десять лет (936-946). В 946 этот древний, но сильно китаизированный род тюрков был сброшен с трона действительными варварами, хитанами, т.е. монголами.

Хитаны

Хитаны (в китайской транскрипции) или Хитаи (на арабо-персидском), или Китат (по-монгольски) были отмечены в китайских записях 405-6, когда они располагались к западу от Лиао, между этой рекой и ее притоком Шара Мурен, в нынешнем Джехоле.¹²¹ Они принадлежали к монгольской семье, их языком был «монгольский диалект, сильно смягченный контактами с тунгусскими формами речи.»¹²² В 696 через ущелье Шанхай-куан они вторглись в Хопей в регионе Юнпин и даже дошли до долины Пекин; однако, двор Тан (под императрицей Ву Хоу) вызвали против них Мо-чо, кагана восточного ту-чэ, который тогда был в зените своей мощи. В 697 он атаковал их с тыла и нанес им такое сокрушительное поражение, которое задержало их экспансию на все последующие три века. Пограничная война между хитанами и китайцами в 734-35 никоим образом не

изменила ситуацию. В 751 хитаны нанесли поражение китайской армии северо-восточнее Пинлу (около нынешнего Пинчюан), армии, которой случайно командовал человек из их рода, известный Ан Лу-шан, который вступил в китайскую службу и стал фаворитом танского императора Хсюан-цуна. Это также был тот же самый Ан Лу-шан, который впоследствии попытался сместить Хсюан-цуна и стать самому императором (755).

Хитаны все еще занимали северо-западный регион Лиао и регион ее притока Шара Мурен, когда в начале десятого века они заимели энергичного вождя по имени (в китайской транскрипции) Йе-ли (название его клана) А-пао-ки (ум. 926), который преуспел в присвоении титула хана своего клана йе-ли. Согласно последним записям, А-пао-ки начал внедрять поверхностные китайские методы среди своей орды, которой в 947 его наследник дал династическое имя Лиао. В действительности, именно, под этим именем хитаны известны в истории Китая. В 924 он проник в Монголию, дошел до верхнего Орхона, вступил в Карабалгасун и прогнал киргизских тюрок, которые обитали в этом регионе с 840, отбросив их назад к верхнему Енисею и к степям запада.¹²³ Странно то, что он должен был предложить восстановить орхонскую страну уйгурским тюнкам западного Кансу. Старые уйгурские каганы владели этими землями с 743 по 840, однако, их потомки, приняв оседлость, отказались от идеи кочевой жизни.¹²⁴ На востоке А-пао-ки, который умер во время этой экспедиции, разрушил в 926 тунгусско-корейское корлевство Похай, которое охватывало северную Корею (к северу от 40-ой параллели) и часть Маньчжурии, лежащей к востоку от Лиатун (от Харбина и Владивостока до Порт-артура). Журчидские тунгусы маньчжурского северо-востока в уссурийских лесах стали вассалами хитанов.

А-пао-ки также пытался воспользоваться гражданскими войнами, разрушавших тогда Китай захватом Хопея, но он был отброшен назад к Ванту, южнее Паотин, вышеупомянутым Ли Цун-хсю, основателем китайской династии Хоу-Тан (922).

После смерти А-пао-ки его вдова,¹²⁵ хатун неиссякаемой энергии, подобно многим тюрко-монгольским вдовам (включая матери Чингиз-хана), умудрилась выбора ханом своего любимого второго сына. «Она собрала вместе стол своего

народа [*курултай* чингизидских монголов], приказала своему старшему сыну Ту-ю и младшему сыну То-куану [по китайской транскрипции] сесть на свои кони и затем сказала собравшимся знатным людям, оценивающим ее желания: «Я одинаково люблю обоих моих сыновей и не могу делать выбора из них. Берите узду у того, кто вам кажется более предпочтительным!» Естественно, они взяли узду То-куана и тот стал ханом (927-47). Сначала мать правила с ним вместе, но в соответствии с ее соображениями. Каждый раз, когда какой-либо вождь расстраивал ее, она отправляла его «доставить сообщение к ее покойному мужу». Охранники могилы А-пао-ки затем отправляли таких посыльных из жизни на смерть. Китайский сановник Чао Ссу-вен, которому было дано такое поручение, заявил, что такая честь, в первую очередь, должна быть оказана вдове. Хатун ответила, к сожалению, продолжение ее жизни необходимо для орды; тем не менее, она, играючи, отрубила одну руку и похоронила ее в королевской могиле.¹²⁶ Этот пример является любопытным сохранением обычая, исполнявшегося на семейных гекатомбов (пожертвования сотни животных – **В.М.**) после смерти вождя, бессмертный обычай степи, распространенный среди скифов, гуннов и монголов. Несмотря на эти варварские методы, хатун не колебалась довериться китайскому министру Хан Йен-хуэи, который начал цивилизовать хитанов.

Новый хитанский хан Йе-лю То-куан скоро нашел возможность для вмешательства в китайские дела. В 936 он взял под свое покровительство имперского генерала Ши Чин-тан, который поднял восстание против династии Хоу-Тан, прошел в Хопей через проход Купекоу во главе 50 000 человек и помог Ши Чин-тан разгромить имперские силы и сесть на трон Китая в качестве основателя династии Хоу-Чин.

Став таким образом, с помощью хитанов императором Китая, Ши Чин-тан уступил им в благодарность за это северную часть Хопея, включая Ючоу или Юнчоу, нынешний Татаун (936). Таким путем варвары расположились за Великой Стеной, на тех границах, с которых они могли затем контролировать китайскую политику. Предательство Ши Чин-тана пробило первую брешь в целостности древней империи, брешь, предназначенную стать более широкой и делающей возможным ордам завоевать весь Северный Китай в двенадцатом веке и весь Китай

в тринадцатом столетии. Пекин, разгромленный То-куан, перешел от хитанов к журчидам, от журчидов к чингизидам и таким образом, оставался под властью кочевых с 936 по 1368. В 938 То-куан превратил его в свою южную резиденцию (по-китайски, *нанкин*), в то время как его северная резиденция располагалась в Линхуане на Шара Мурен, а восточная – в Лиаояне.¹²⁷

Ши Чин-тан, император Китая по милости хитанов, оставался их послушным клиентом до своей смерти в 942, однако, его племянник и наследник Ши Чун-куэй (943-46) попытался вырваться из-под такой опеки. Это было очень поспешным действием. Хитаны разгромили его силы около Хокиена, пересекли Желтую реку и оказались перед Каифеном (тогда Талиан), имперской столицей, где их хан То-кун отметил свое вступление в город в первый день 947.

Хитанский хан несомненно был намерен провозгласить себя императором Китая и он, действительно, в захваченном Каифене он оделся в китайскую одежду. Однако, в его тылу восстали китайцы, уничтожив изолированную хитанскую группировку, в особенности, в Чанте. В отместку То-куан истребил жителей Чанте и затем, ввиду предстоящего генерального восстания, взял путь на Джехол, уводя с собой весь китайский двор в качестве пленников. После прихода в Чентин он умер. Его неожиданная смерть в 947 привела к смятению среди хитанов и несомненно препятствовала завоеванию Китая.

Во время отступления хитанов китайский генерал, командующий в провинции Шаньси, Лю Чи-юан, который, кроме того, был шато тюрком, был провозглашен его войсками императором в феврале 947. Активно поддерживаемый китайским общественным мнением, он сел на имперский трон в Каифене в апреле того же года в качестве основателя династии Хоу-Хан.

То-куана заменили в качестве правителя хитанов Йе-ли Юан (947-51) и Йе-ли Кин (951-68). Если бы китайцы сами не дали им возможность, то хитаны раз и навсегда потеряли бы надежды на вмешательство в китайские дела. В 951 имперская семья Хоу-Хан, свергнутый с трона новой династией Хоу-Чоу, нашла убежище в среднем Шаньси, где они основали местное княжество Пеи-Хан со столицей Таиюан, которое просуществовало с 959 по 979. Тогда разразилась продолжительная война между династиями, последовательно, Хоу-Чоу (921-60) и

Сун (960), правящими в Каифене, с одной стороны, и с другой стороны, правителями центрального Шаньси Пей-Хан. От злобы на тех, кто лишил их трона, и для защиты их маленького владения в Шаньси, семья Пей-Хан пошла под покровительство хитанов. Хитаны, разумеется, желая присоединиться к такой игре опять, поспешили на помощь к Пей-Хан, когда имперские силы пытались захватить Тайюан.

Такова была ситуация до тех пор, пока великая национальная династия Сун взошла на трон Китая в 960 и к 975 не восстановила единство всех китайских государств, за единственным исключением Пей-Хан царства Тайюан.

Основатель династии Сун, великий император Тай-цун (его личное имя было Чао Куан-юин) уже в 968 попытался отвоевать Тайюан, однако, встретил сопротивление хитанов, которые, как обычно, поспешили на его защиту. Второй Сун император Тай-цун был более удачлив. В 979, несмотря на вмешательство хитанов, он заставил Тайюан капитулировать и аннексировал царство Пей-Хан в Шаньси. Он затем был нацелен на освободить территории от хитанов, которые они оккупировали южнее Великой Стены с 936: Татун и Пекин. Однако правящий хитанский монарх Йе-ли Хсин (968-82) и его генералы организовали такую прочную оборону, которая разбила все попытки отвоевать эти территории. Китайский император продвинулся до Пекина (тогда назывался Ючоу или Юнчин) и начал его осаду, однако был разбит хитанским генералом Йе-лю Хию-ко около реки Каолиан, к северо-западу от Пекина и поспешно отступил к Чочоу на дороге Пекин-Паотин (979). В свою очередь, хитаны попытались вторгнуться в китайскую часть Хопея, однако, их генерал Йе-лю Хию-ко был разбит перед Чентином.

В 986 император Тай-цун препринял новую попытку. Хитанский хан Йе-лю Хсин только что умер и был его наследовал двенадцатилетний мальчик Йе-лю Лунсю (983-1031) при регентстве королевы-матери Хсиао-ши. Момент, казалось, был благоприятным. Китайская армия под командованием генералов Цао Пин, Пан Мей и Ян Йе была разделена на две колонны, одна из которых выступила по направлению к Татун и другие две по направлению к Пекину. Колонны слева преуспели во взятии региона Татун, однако, колонна справа не смогла пройти дальше чем Чочоу и, в конечном счете, потерпела поражение от хитанского

генерала Йе-лю Хио-ку в Ки-коу-куане к юго-западу от Чочоу, около Яичоу и отступила назад к реке Киу-ма на середине пути между Пекином и Паотином.¹²⁸ Остатки китайской армии бежали на юг. Йе-лю Хиоу-ко захватил их, пишет T'ung-kien-k'ang-mu, когда они переправлялись через реку Ша, без сомнения, короткое название реки, которая течет через Синло, севернее от Чентина и Хокиена. Он загнал китайцев в реку, где они были уничтожены в больших количествах. Хитаны взяли Шенчоу (около Чентин), Точоу и Шуенто, но, к счастью китайцев, не стали двигаться дальше на юг. Китайцы не восстановились до 989, когда они, наконец, успешно победили хитанов около Пао-тина.

Проблемы Китая были осложнены тангутами, народом тибетского рода. В начале одиннадцатого века тангуты основали новое государство в Ордосе и Алашане: королевство Хси-Хсиа, которое стало постоянной угрозой для китайской провинции Шеньси. Основатель государства Чао Пао-ки, также известный по имени Ли Ки-цин (ум. 1003), был признан в качестве правителя Хси-Хсиа в 990 хитанами, которые были тогда сюзернами всех орд восточного Гоби. В 1001 он ограбил важный опорный пункт Китая Линчоу или Линву около Нинся. Он был не далеко от Халачара, где находилась столица королей Хси-Хсиа. Империя Сун нашла себя под одновременной угрозой как со стороны хитанов на северо-востоке, так и со стороны Хси-Хсиа на северо-западе.

В 1004 во время правления третьего Сун императора Чен-цун хитанский король Йе-лю Лун-сю руководил экспедицией через южный Хопей, в течение которой он захватил Паочоу (нынешний Паотин), Кичоу (Тамин) и даже Тюцин или современный Цинфен, напротив китайской столицы Каифен, от которой его разделяла лишь Желтая река (как она протекала в 1000; ее течение изменилось в 1007). В Каифене робкие цардворцы советовали императору Чен-цун перенести свою резиденцию в Нанкин или в Сычуань. Он не только отказался делать это, но и препринял отважный шаг. На северном берегу Желтой реки, укрепленный пункт Шенчоу или Ченчоу (Каичоу по маньчжурской номенклатуре и нынешний Пуюансин) все еще крепко держался.¹²⁹ Храбрый китайский полководец Ли Ки-лун, осажденный здесь хитанами, заманил их в засаду, где он нанес им тяжелые потери. Взгляд на карту показывает, что Шенчоу закрывал дорогу на Каифен. Если

Ли Ки-лун был бы побежден, то хитаны достигли бы Желтой реки напротив столицы. Император Чен-цун был достаточно смелым, чтобы покинуть Каифен и доставить подкрепления в Шенчоу. Его смелое поведение произвело впечатление на хитанов, которые в 1004 подписали мирное соглашение в том городе. Граница оставалась на рубежах, обозначенных в 936: Пекин и Татун были уступлены хитанам, Паотин и Нинву – китайцам. Эта граница проходила через Хопей вдоль северных окраин Пачоу (который оставался в китайском владении) и через Шаньси к северу от вутайских гор, которые аналогично оставались частью китайской территории.¹³⁰

Мир от 1004 соблюдался в течение сотни лет. Хитаны, намеренные править в Пекине и Татуне, не предъявляли другие требования и династия Сун, которая, лишь за исключением упомянутых территорий, владевшая всем Китаем, отказалась от идеи отвоевать их. Хитаны обратили свои амбиции на Корею и Гоби. Однако, их атаки на Корею были отбиты, поскольку в 1014 корейцы устроили отвлекательное действие, исполненным журчидами, тунгусским народом из Уссури. В Гоби хитаны лишили уйгуров Канчоу и Сучоу, города западного Кансу. Около 1017 они попытались завоевать Кашгарию и регион Иссык-куля, страну, которая, как мы увидим, принадлежала правящему дому исламизированных тюрков караханидов. Достигнув в течение восьмидневного марша одного из караханидских столиц, Баласагуна на верхнем Чу к востоку от Иссык-куля, они были отражены караханидским ханом Кашгара Туганом.¹³¹ Тангуты Хси-Хсиа также обращали свои взоры на запад. Их король Чао То-мин (1006-32) в 1028 захватил у уйгуров город Канчоу. (Хитаны после их экспедиции 1009 не смогли его удержать.) В 1036 его сын Чао Юан-хао (1032-48) аналогично взял у тибетян города Сучоу и Тунуан. В 1044 он отразил атаку хитанов около Ордоса. Во время его правления тангуты приобрели свою собственную письменность, хси-хсиа, выведенную из китайской письменности. Целая библиотека печатных и рукописных работ в Хси-Хсиа были открыты в 1908 экспедицией Козлова в Кархото, в старом Юи-ци-наи или в Етцине по Марко Поло, в северном Кансу.¹³²

Хитаны аналогично издали свою письменность, однако, до последнего времени не было найдено никаких ее следов.¹³³ Наконец, в 1922 в Монголии были

найлены две надписи на этом хитанском алфавите, датируемые началом двенадцатого века.¹³⁴

Журчиды

Мечта о отвоевании от хитанов регионов Пекина и Татуна все еще будоражила умы китайцев. Император Хуи-цун (1101-25) – один из блестящих правителей Сун, любитель живописи и сам живописец – совершил ошибку «ставя варваров против варваров и тех, кто был дальше против тех, кто был ближе». Этим можно отличить традиционную китайскую политику, так часто успешно используемой, в особенности, в начале периода Тан Таи-цунем Великим. В данном случае она была ошибочной. Хитаны, теперь выдержанные, цивилизованные и достаточно китаизированные монголы, стали довольно терпимыми соседями. В их тылу в уссурийских лесах на северо-востоке Маньчжурии и ныне русской приморской провинции жил тунгусский народ по названию журчиды (жу-чен в китайской транскрипции, журче – в арабо-персидской).¹³⁵ В 1124-25 китайский посол Хиу Кан-цун описывал этих журчидов как полнейших варваров,¹³⁶ поскольку штаб-квартиры хана были окружены пастбищами и стадами животных. Этот пучок обиталищ не имел ни улиц или даже ни аллеи и никаких защитных стен, за исключением, стены, окружающей правящего лагеря или бараков. Хан сидел на троне, покрытом двенадцатью тигровыми шкурами. Там происходило варварское веселье с попойками, музыкой, дикими плясками и имитацией охоты и сражений; также – высшая роскошь для этих обитателей лесов – накрашенные женщины жонглировали зеркалами, от которых отражаемый свет направлялся на лица зрителей. (Это была игра Богини Молнии, аналогично японской сцене, на которой Аматерасу является героиней). Именно с этими варварами – «худшими чем волки или тигры», согласно корейским послам во дворе Китая – Китай вступил в союз для того, чтобы разгромить хитанов, которые защищались против этой страны варваров в их тылу.

Почти в тоже самое время энергичный вождь по имени А-ку-та из правящего клана Ван-йен, был занят организацией журчидов (1113-23).¹³⁷ В 1114,

обнаружив скрытую слабость хитанских правителей, которые слишком много вобрали в себя из китайского образа жизни, он восстал против их господства и повел свою орду на завоевание их владений. В течение девяти лет он лишил их всех их укрепленных пунктов, захватывая с севера к югу следующие центры: в 1114 - Нинкиан (к югу от современного Харбина на притоке Сунгари); в 1116 - Лиаоян, падение которого доставило всю нынешнюю Маньчжурию в руки журчидов; в 1120 - Линуан, северная столица хитанов (на Шара Мурен на севере современного Джехола); и в том же году - Татун, в северном Шаньси. В договоре о союзе, так поспешно заключенном императором Китая Хуи-цун с журчидами было обусловлено, что часть хитанского владения Пекин должна была отойти к Китаю. Однако, китайцы показали себя неспособными овладеть городом и это сделали журчиды (1122), после чего они подарили его несколько презрительно Китаю (1123). Последний хитанский король Йе-лю Йен-хси, который бежал по направлению к Куку Хоту, попытался занять конечную стоянку вокруг Вучоу (около Шопин, 1124) до своего пленения журчидскими полицейскими (1125).

Таким образом завоевав хитанское королевство, журчиды, под прозорливым руководством правящего клана Ван-йен нацелились построить регулярное государство с китайским фасадом. В этих усилиях они присвоили их династии Ван-йен название Золотая: *алчун*, по-тунгусски, *Кин* (или *Чин*), по-китайски, откуда идет название Кин, которым затем, вместе с китайскими историками, оно будет называться повсеместно.¹³⁸

Замена монгольских хитанов — народа, ставшего умеренным и соблюдающим свои обязательства — тунгусским родом сверепого, неукротенного, варварского темперамента скоро отозвалась на китайцах, которые так поспешно предпочли такой поворот. Кинский правитель А-ку-та, который умер в зените своей славы (1123), был унаследован его братом Ву-ки-маи, еще более амбициозным человеком, который правил с 1123 по 1135. Двор Китая не был достаточно мудрым не драться за овладение некоторых пограничных городов севернее Пекина и зашел так далеко, что начал тайно помогать волнениям против Кин. Это привело к войне. В течение нескольких месяцев кинский генерал Ниен-мо-хо захватили у китайцев Пекин и хопейскую долину, затем Тайюан и центр

Шенсьи (1125, 1126). Другой кинский генерал Ва-ли-пу, объединившись с Ниен-мо-хо, пересек Желтую реку и оказался перед Каифеном, китайской столицей. Ее защитники, прискорбный император Хуи-цун и его сын сдались (конец 1126). Два несчастных правителя со всей своей свитой, багажом и их сокровищами, были депортированы в «столицу» Кин в Нинкиане, южнее Харбина, в глубине Маньчжурии (начало 1127).¹³⁹

Одному члену императорской семьи, Као-цуну, удалось спастись. Он был провозглашен императором на юге, в Нанкине, защищенной от врага Янцзы (1127). Между тем, кины были заняты завершением занятия последних опорных пунктов в северном Китае, которые все еще находились под контролем империи: Хокиен и Тамин в Хопее, Цинан в Шатуне, Чанте в Хунане и Хочун (Пучоу) на северо-восточном углу Шаньси, не говоря уже о Каифене, которого имперские силы из-за отсутствия там кинского гарнизона, отвоевали вновь и который был под угрозой занятия опять кинскими силами. (Мы увидим далее примеры таких несоординированных осад под Чингиз-ханом в тех же краях.)

После севера настала очередь и для центрального Китая. В 1129 кины под командованием Ниен-мо-хо покорили земли между нижним Хуэй и нижним Янцзы. После некоторой паузы они атаковали линию нижнего Янцзы двумя армиями. Западная армия пересекла реку у Хуанчоу в Хупе, спустилась оттуда к Кианчоу (Киукиан), севернее озера Поян, и Хунчоу (Нанчан) южнее озера. Оттуда они продвинулись до Кинчоу (Канчоу в южном Кианси), предельной полосы наступления. Таким образом, они проскакали почти весь южный Китай. Даже монголы в последующем столетии не двигались так быстро. Вторая кинская армия, которая действовала на нижнем Янцзы, пересекла эту реку около Таипина и вынудила капитулировать Нанкин. Император Као-цун бежал в Нинпо (тогда известный как Минчоу) и позднее в порт Венчоу, южнее Чекиан. От Нанкина генерал кинов Ву-чу поспешил в преследование и захватил Ханчоу и Нинпо (конец 1129 и начало 1130).

Однако, кинская армия, состоящая исключительно из кавалерии, проникла в Китай слишком глубоко на юге с его потопленными землями, пересекающимися реками, рисовыми полями и каналами и плотно населенным народом, который

изнурял и окружал ее. Ву-чу, руководитель кинских войск, попытался возвратиться назад на север, однако, был остановлен Янцзы, теперь широкой как море и охраняемой китайской флотилией. В конце концов, предатель указал ему, как он может пересечь реку около Ченкиан, восточнее Нанкина (1130). После того, как юг был свободен от кинов, император Као-цун возвратился в 1130 и осел в Ханчоу и этот город оставался столицей китайского Китая до монгольского завоевания.

Кины были весьма расстроены таким исходом. Китайские генералы начали восстанавливать свои базы между Янцзы и Желтой рекой, и наиболее отважный из них, Яо Фей, отвоевал у кинов важный город Сианян (1134). В 1138 он был на марше на Каифен, когда император Као-цун, весьма слабого характера, который утомился этой войной, заключил мир с кинами. Король кинов Хо-ло-ма (1135-49), который только что наследовал своего двоюродного брата Ву-ки-маи, также желал мира из-за опасности, угрожающей ему с севера. Монголы, которые теперь появились на сцене, по-меньшей мере под названием, под которым они известны в истории, только что закончили создание федерации под своим ханом Кабулом и начали атаковать кинов с тыла в регионе восточного Гоби (1135, 1139). В 1147 кины были вынуждены уступить им большое количество пограничных округов.¹⁴⁰

При такой ситуации мир был с готовностью заключен между кинским владением и китайской империей Сун (1138). Граница следовала теперь по направлению к Хуэй и высот между бассейном Желтой реки (и Вей) и бассейном верхнего Хан. Бассейны Желтой реки и реки Вей удерживали кины, в то время как за китайцами остался бассейн реки Хан. Таким образом, кины удержали Хопей, Шантун, Шаньси, почти весь Шеньси и Хунан и многие округа севернее Анхуэй и Киансу, из чего следовало, что их владения в Китае были гораздо обширными, чем владения их предшественников – хитанов.

Китай, следовательно, был теперь разделен между национальной китайской империей на юге, т.е. империей Сун, которая удерживала Ханчоу в качестве своей столицы, и журчидами, т.е. тунгусским королевством на севере, т.е. кинами. Сначала кины держали свою северную столицу в (по-китайски, *пей-кин*) в Хуэйшине около Харбина в Маньчжурии, который оставался главной резиденцией их королей до 1153. Наш Пекин был лишь их второй, южной столицей (по-

китайски, *нан-кин*); они имели также центральную столицу (*чун-кин*) в Татуне, севернее Джехола. В 1153 кинский правитель Ти-ка-наи сделал Пекин своей основной столицей и с этого времени дальше Татин в провинции Джехол считался как столица севера, а Лиаоян как столица востока, Татун как столица востока, наш Пекин как центральная столица и Каифен как столица юга.

Интересно отметить роль, которую играл в основании кинского владения принц правящей семьи Ван-йен Ву-ши (несомненно, Гоши, на тунгусском языке журчидов), способный государственный деятель, который был обязан большей частью своего положения своей должности шамана.¹⁴² Именно, он, адаптируя китайские буквы тунгусским звукам, изобрел журчидские «великие буквы». Его престиж сделал его подозрительным в глазах короля Хо-ло-ма, который и убил его в 1139.

Король Ти-ку-наи, который вззошел на трон кино в после убийства его предшественника Хо-ло-ма и части правящего клана (1149), был варваром, которого цивилизация лишь совращала, чувствительным животным, чьи неистовства были напоминанием дикого темперамента старых журчидов и чья любовь к удовольствиям заставила его покинуть маньчжурские места первых кино, его родные леса, чтобы осесть в Пекине. Это было его смертельной ошибкой, равной почти дезертирству во время, когда татары и монголы проявляли возрастающую тенденцию к вторжению в Маньчжурию. Однако, Ти-ку-наи мечтал стать действительным императором Китая и для этого завоевать южный Китай у династии Сун. Поэтому в 1161 он атаковал Сун, проник на нижнее Янцзы и попытался пересечь реку в начале морского рукава напротив Янчоу, около островка Киншан и нынешнего города Ченкиан. Однако его постигло несчастье. Его войска, обозленные его тиранией, убили его и другой король Ву-ло был провозглашен королем в Лиаояне (1161).

Новый кинский правитель не стал терять время для заключения мира с Сун и сделал это в результате переговоров, проведенных между 1163 и 1165 на основе *status quo ante*. Китайские записи описывают его как мудрого и умеренного принца, который на своем троне в Пекине тосковал по лесам северной Маньчжурии, по

своей земле. Он умер весьма старым человеком, оставив трон своему внуку Ма-та-ку (1189).

Ма-та-ку (1189-1208), как свидетельствуют китайские записи, позволил смягчить военную дисциплину журчидов; последствия такого действия дали знать себя при его наследнике во время нашествия монголов. Между тем, в 1206, когда династия Сун неблагоприятно возобновила враждебные действия, кины пересекли Хуэй, который обозначал границу между двумя государствами, и продвинулись до Янцзы. Ма-та-ку потребовал голову китайского министра, который хотел войны, однако, в 1208 согласился возвратиться к территориальному status quo при условии, что не будет никакого увеличения в серебре и шелке, которые китайский двор ежегодно отправлял кинам, и которые были ничем иным, как плохо скрываемая дань. Во время правления его наследника Чун-хи (1209-13) началось монгольское нашествие.

Перед тем, как перейти к изложению монгольской истории, которая поскольку столько же относится к мусульманскому тюркскому миру, как и к Дальнему Востоку, то, видимо, будет целесообразно бросить краткий взгляд на историю тюрков, которые с одиннадцатого века обитали на исламской территории.

3

Тюрки и Ислам к началу тринадцатого века

Иранский барьер против тюркского мира в десятом веке: Саманиды

Консолидация арабских владений в Трансоксонии после сражения в Таласе в 751, о которой мы уже упоминали, пошла на пользу иранского народа. Устраняя

из Трансоксонии двойную опасность в виде тюрков и китайцев, арабские правители думали, что они работают исключительно во имя их собственного интереса, создания халифата. Однако, в третьей четверти последующего века власть в Бухаре и Самарканде перешла от арабских завоевателей к местным иранцам, потомкам старых согдианов. Чисто иранские саманиды, правящий дом, родом из Самана около Балха, таким образом с 875 до 999 нашли себя хозяевами Трансоксонии со столицей Бухара. Этот сдвиг власти случился без революции или насилия, в самом сердце мусульманского общества и в пределах все еще почитаемого халифата. Саманиды были удовлетворены скромным титулом эмира и не претендовали ни на что больше, чем быть представителями халифа Багдада. На самом деле, все пошло так, как будто они были полностью независимыми и их требование соединиться с Багамом Чобиным, древним королем Персии, показал действительный характер этой национальной иранской реставрации, привнесенной под покровом наиболее ортодоксального ислама.¹

Великий период саманидской династии датируется от Наср ибн-Ахмеда, который в 874-75 получил Трансоксонию в феодальное поместье от халифа Мутамида с Самаркандом в качестве своей резиденции. В том же году Наср назначил своего брата Исмаила в качестве вали или губернатора Бухары. Однако, скоро возник конфликт между двумя братьями (885, 886), пагубная тенденция, свойственная династиям Трансоксонии. После смерти Насра в 892 Исмаил остался единственным хозяином Трансоксонии и с этого времени впредь его Бухара стала столицей саманидов.

Исмаил (Исмаил ибн-Ахмед 892-907) был великим правителем. Удвоив свои иранские владения путем победы его войск около Балха весной 900 над сафаридским правителем Амр ибн ел-Лейтом, хозяином Хурасана, которого он взял в плен,³ Исмаил дополнил свой триумф аннексией Хурасана. В 902 он захватил Табаристан у другой правящей семьи, включая Раи (нынешний Тегеран) и Казвин. На северо-востоке он развернул кампанию с 893 против тюркского региона Талас. Захватив город (Талас или Аулие-Ата), находящуюся там церковь христианской общины, возможно, несторианской, он превратил в мечеть.⁴ Иранский принц возвратился из экспедиции в тюркскую степь с огромными

трофеями из коней, овец и верблюдов, захваченных у кочевых. Интересно отметить, что поступая таким образом, он восстанавливал политику превентивных контррейдов, следуя старым сассанидским царям на северном берегу Оксуса (Аму-Дарья). Вахта на Сыр-Дарье (Джаксарта) – «Вахта на Рейне» древних владык Ирана – была теперь окрашена благочестивым предлогом: персидская война с тюркским миром, независимо от того, были ли они несторианами или язычниками. Ситуация изменилась, когда тюркские орды в пограничном регионе были обращены в ислам. Это изменение веры, за что саманидская династия так ревностно боролась, должно было отозваться на тех, кто их продвигал, поскольку оно широко открыло ворота мусульманского общества тюркам и на уме не только у одного вождя, единственной целью обращения было именно это обстоятельство.

Пик саманидской династии с точки зрения территориальных приобретений был достигнут при правлении Наср II ибн-Ахмеда (914-43). Ташкент (Шаш) на севере, Фергана на северо-востоке, Раи на юго-востоке (до 928), все образовали часть саманидского государства, которое оказывало заметное влияние до дальней Кашгарии. Тем не менее, обращение Насра в шиитский ислам привело к серьезным волнениям, которые закончились его отречением. В это время иранцы Трансоксонии были уже ревностными суннитами и были склонны использовать религиозное различие для обострения различия между ними и персами.⁵

Правление Нух I ибн-Наср (943-54) было отмечено началом упадка династии. Иранская военная аристократия взялась за подстрекательство непрекращающегося восстания. На юго-западе саманиды открыли враждебные действия против другой иранской династии, баидов, которые правили западной Персией. Конфликт обострялся религиозным различием: саманиды были суннитами, а баиды – шиитами; и в качестве предлога и цели он имел владение городом Раи, который несколько раз менял своего хозяина. Это была монотонная борьба, коснувшаяся лишь внутреннюю историю Ирана, за исключением того, что в дальней перспективе она опасно ослабляла саманидскую династию в ее позиции против тюркского мира. В то время, однако, обращение в ислам многих тюркских банд предоставляло тюркским новообращенным право членства в обществе

Трансоксонии, в которое они принимались как наемники и тем самым в их руки вручались ключи от иранского аванпоста.

Так было в случае с будущими газнавидами. При правлении саманида Абд ал-Малика I (954-61) тюркский раб по имени Алптигин, который был назначен начальником охраны, назначил себя правителем Хурасана (январь-февраль 961). При наследовавшим трон саманиде Мансур I ибн-Нухе (961-76) он был смещен со своего поста и отступил в Балх. Затем, вытесненный из города саманидской армией, он нашел убежище в Газни, в Афганистане (962).⁶ Его семье удалось осесть здесь путем признания саманидского протектората в этом новом владении. Тем не менее, это правда, что оно было первым государством, основанным тюрками, на мусульманско-иранской территории. Алптигин скоро после этого умер (прибл. 963?). Тюркская наемная армия, которую он организовал в Газни и которая уже основательно была под влиянием ислама, с 977 и далее находилась под командованием другого бывшего раба-тюрка – другого мамелюка – по имени Себюктигин, который сделался хозяином Тохаристана (Балх-Кундуз) и Кандагара и вступил в поход для завоевания Кабула.⁷

При царствовании саманидского правителя Нух II ибн-Мансура (977-97) феодальная анархия из-за неподчинения иранской военной знати дошла до такого уровня, что в 992 один из этих баронов, Абу Али, обратился за помощью против своего хозяина к караханидскому тюрку Бугра-хану, чтобы он совершил военную экспедицию в Бухару, в которую тот вступил в мае 992, хотя он не пытался оставаться здесь. С целью противостояния всем этим мятежам и угрозам Нух II обратился к газнавидским тюркам, которые в то время были под командованием энергичного Себюктигина (995). Себюктигин, поспешно прибыв из Газни, взял под свою защиту саманидскую династию, но присоединил к себе Хурасан.⁸ Таким образом, иранское княжество было уменьшено до Трансоксонии, на одном фланге которой находились газнавидские тюрки, хозяева Афганистана и Хурасана, а на другом – караханидские тюрки, которые держали под своим контролем степи Чу, Или и Кашгарии. Вопрос теперь стоял лишь о том, какая из этих двух тюркских групп нанесет последний удар.

Это случилось во время царствования саманидского правителя Абд ал-Малика II (февраль-октябрь 999), когда удар пал с обеих сторон. Газнавид Махмуд, сын и наследник Себюктигина, разгромил его около Мерва и вынудил его оставить по добру Хурасан (16 мая). Этой же осенью Трансоксония сама подверглась вторжению со стороны караханида Арслана Илек Насра, короля Узгена в Фергане, который вступил в Бухару 23 октября 999, взял в плен Абд ал-Малика и аннексировал Трансоксонию.⁹

Таким образом, иранское владение восточного Ирана и Трансоксония были теперь разделены между двумя мусульманскими силами: караханидскими ханами Кашгарии, которые взяли Трансоксонию, и газнавидскими султанами Афганистана, которые взяли Хурасан. Краткое изложение истории этих двух групп, которые сыграли такую большую роль в постоянной тюркизации двух регионов, является предметом следующего раздела.

Тюркизация Кашгарии и Трансоксонии **Караханиды**

Уйгурские тюрки, которые после потери своего величия в Монголии, осели в северной части Тарима, в Хочо (Турфан), Бешбалиге (ныне Дзимса), Кара Шахаре и Куче, превратили эту старую тохрианскую страну в тюркскую страну; тем не менее, они с уважением относились к ее буддийскому и несторианскому характеру. В противоположность к ним, караханидские тюрки, которые в последующем веке стали обитать на западе и юго-западе Кашгарии и в регионе Или и Иссык-куля, основательно изменили характер региона из-за их обращения в ислам. Это объединенное мусульманское и тюркское влияние не позволило сохранить что-либо из прошлого в этой части Центральной Азии.

Немногое известно о происхождении караханидского правящего дома, хотя он был предназначен господствовать над Кашгарией с середины десятого до начала тринадцатого веков. Возможно, как отметил Бартолд, что караханиды были тогуз огуз кланом, который захватил баласагунский регион (к западу от Иссык-куля) у карлукских тюрков.¹⁰ Первым караханидом, упомянутом в мусульманской

литературе, является Саток Бугра-хан, король Кашгара, который умер около 955 и который, кажется, способствовал принятию мусульманской религии среди своего народа. В конце десятого и в продолжение одиннадцатого веков оазисы западного Тарима и чуйские и таласские долины были разделены между членами его семьи, которые к тому времени были мусульманами. Несмотря на свою религию, однако, караханиды не забыли борьбу за наследство между тюрками и иранцами и не преминули начать войну против саманидских эмиров Трансоксонии, хотя те были, на воротах Центральной Азии, официальными защитниками суннитского ислама или ортодоксального мусульманства. Как мы видели, караханид Бугра-хан Гарун, который правил в Баласагуне на Чу, начал ряд тюркских вторжений в этот район рейдом до Бухары в мае 992, который, случайно, закончился без немедленных результатов.¹¹ Другой караханидский правитель, Арслан Илек (или Илег) Наср из Узгена, Фергана (ум. 1012 или 1013) был более удачлив.¹² 23 октября 999, как было отмечено, он вступил в Бухару как победитель, взял в плен последнего саманида (Абд ал-Малик II) и аннексировал Трансоксонию.

Южнее Аму-Дарьи Хурасан, другой остаток саманидского наследства, пал в руки второй тюркской династии, династии газнавидов, представленную в то время прославленным султаном Махмудом (998-1030), покорителем северо-западной Индии. Отношения между этими двумя тюркско-мусульманскими домами сперва были корректными и даже гармоничными. Арслан Илек Наср, победитель Бухары, выдал замуж свою дочь Махмуду, однако, содружество длилось недолго. Караханиды, прочно установившаяся династия, которая правила не только над Кашгарией, но и над старыми ту-чѐ странами Или и Чу, относилась к газнавидам, бывших рабов, к выскочкам. Махмуд из Газни, с другой стороны, только что добавил Пунджаб (1004-5) к своим афганским и хурасанским владениям и обогатился за счет сокровищ Индии. Теперь полностью иранизированный и в зените своей мощи, с миром раджа, павшим к его ногам, он смотрел на караханидских тюрков, слишком долго странствовавших в скудных северных степях, как на варварских двоюродных братьев и постоянную угрозу для его великолепной индо-иранской империи. По последнему поводу он не ошибался. В 1006, когда Махмуд задержался в Индии, караханид Арслан Илек Наср вторгся в

Хурасан и опустошил Балх и Нишапур. После своего возвращения в Иран Махмуд разгромил Илека Насра в Шарихане около Балха (4 января 1008) и изгнал его из провинции.¹³ В этом сражении Илек Насру помогали его двоюродные братья Кадир-хан Юсуф, принц Хотана; однако, третий караханид, Туган-хан, брат Илека Насра, ушел на сторону Махмуда.

Помимо этих семейных раздоров, караханиды, когда воевали вдоль линии Аму-Дарьи против Махмуда из Газни, им с тыла ударили хитанские короли Пекина, которые в 1017 направили свою армию в Кашгарию. Это вторжение было случайно отражено царствующим караханидом в Кашгаре Туган-ханом. Минорский нашел свидетельство посольства, направленного хитанским двором Пекина Махмуду из Газни, несомненно, для достижения соглашения с ним в противостоянии караханидам.¹⁴ Правда, Махмуд в течение продолжительного времени был занят на противоположном конце своей империи завоеванием Индии (захват Танезара, 1014; грабеж Матуры, 1019; осада Гуалиора, 1020-21; разграбление Сомната, 1025). В 1025 после расширения своих владений до Ганга и Малвы, он возвратился, чтобы рассчитаться с Али-тигином, караханидом, тогда правившим в Бухаре и Самарканде. Будучи не в состоянии сопротивляться, Алтигин отступил и Махмуд вступил в Самарканд. В тоже самое время другой караханид, Кадир-хан Юсуф, король Кашгарии, вступил в Трансоксию. Он и Махмуд имели сердечную встречу перед Самаркандом с целью разделения страны между собой (1025). В действительности, никто из них не добился успеха. Скоро Махмуд возвратился в Хурасан, Алитигин вернул себе и Бухару, и Самарканд (1026).¹⁵ Сын и наследник Махмуда газнавидский султан Масуд (1030-40) направил другую армию против Али-тигина и вновь занял Бухару, однако не был в состоянии удержать ее (1032). Али-тигин оставался хозяином Трансоксии вплоть до своей смерти в том же году. Скоро после этого, страна перешла в руки караханидов другой ветви: Бури-тигин, известный как Тамагач-хан, который правил в Бухаре с 1041 (или 1042) по 1068.¹⁶

Между тем, как увидим, началось серьезное восстание в иранском востоке. 22 мая 1040 газнавиды были разбиты в сражении Дандакана, около Мерва, другой тюркской группой, селджуками, которые захватили Хурасан у них и отбросили их

в Афганистан и Индию. Селджук хан Тогрул-бег, победитель Дандагана, затем покорил остальную Персию и в 1055 вступил в Багдад, где он был признан аббасидским халифом как султан, король Востока и Запада. Эта обширная тюркская империя, которая скоро расширилась от Аму-Дарьи до Средиземного моря, была мало склонна терпеть независимость мелких караханидских ханов в Трансоксонии. Караханид Шамс ал-Мулк Наср, сын и наследник Бури, который правил в Бухаре и Самарканде с 1068 по 1080, пострадал от вторжения в его владения в 1072 второго селджукского султана, Алп Арслана. В этой кампании Алп Арслан был убит и его сын, великий султан Маликшах, прибыл в Самарканд, однако, подарил мир Шамс ал-Малику, который стал его вассалом (1074). В 1089 Маликшах возвратился назад, занял Бухару, захватил Самарканд и взял в плен караханида Ахмеда, племянника и второго наследника Шамс ал-Мулка, которого он позднее утвердил в качестве клиента-правителя. С этого времени караханиды, которые правили в Бухаре и Самарканде были в роли помощников селджукских султанов. Трансоксония была теперь не более, чем зависимой страной селджукской империи.

В то время как караханиды Трансоксонии таким образом боролись и уступали, караханиды Или и Кашгарии, удаленные от таких великих исторических драм, стремились к более незаметному существованию. Как уже отмечалось, один из них, Кадир-хан Юсуф объединил свои семейные владения в регионе Баласагана, Кашгара и Хотана. После его смерти Баласаган, Кашгар и Хотан перешли к одному из его двух сыновей, Арслан-хану (прибл. 1032-55?). Другой сын, Мухамад Бугра-хан получил Талас (прибл. 1032-57). Около 1055 Бугра-хан еще раз объединил страну, взяв Кашгар у Арслан-хана, хотя дальше последовало опять разделение. В конце одиннадцатого века Баласагун, Кашгар и Хотан, предположительно, еще раз были объединены под караханидом Бугра-ханом Гаруном (ум. 1102), которому, по-видимому, посвящена тюркская книга *Qudatqu bilig*, написанная около 1069 Юсуф Хасс Хаджибом из Баласагуна.

Благодаря караханидам мусульманско-тюркское господство глубоко укоренилось в Кашгарии и в иссык-кульском бассейне к тому времени, когда в 1130 эти регионы были завоеваны монголами, языческим народом, хитанами

Пекина. Однако, перед тем, как описывать эти революционные события, нам следует кратко возвратиться к истории селджукских тюрок в западной Азии.

Роль селджуков в истории тюрок

В десятом веке персидская география *Hudud al-Alam* описывала, что из собой представляла страна киргизо-казахов к северу от озера Балхаш, то есть, степей рек Сару-Су, Тургай и Эмба, на которых обитали тюркские народы: огузы или гузы, известные византийским летописцам по имени *Ouzoi*.¹⁷ Лингвисты ставят этих гузов, вместе со старыми кимэками среднего Енисея, со старыми кипчаками, которые эмигрировали в южную Россию, и современными киргизами, в одну тюркскую группу, отличающихся от остальных мутацией первоначального звука *u* в звук *j* (*dj*).¹⁸ Они являются теми же самыми гуззами, которые известны, начиная с эры Чингиз-хана, как туркмены.¹⁹

Гузы одиннадцатого века, подобно современным туркменам, образовали группу, нетесно связанных племен, которые часто воевали друг с другом. Во второй четверти одиннадцатого века они искали счастья в южной России и Иране. Русские летописцы отметили их появление в южных степях России около 1054. Гонимые другой тюркской ордой, кипчаками, ветвью кимэков среднего Иртыша или Оби, эти узы, как их звали византийцы (*Ouzoi*), проникли до нижнего Дуная, пересекли его и вторглись на Балканы, где они, наконец, были разбиты (1065). Другой гузский клан, селджуки, продвигаясь по другому направлению, нашел свою блестящую удачу: он завоевал Персию и Малую Азию.

Эпический герой селджуков, соответственно, Селджук²⁰ (или Салжук), сын некоего Дукака, по прозвищу, Тимурялиг, «железный лук», и был вождем или выдающимся членом гузского племени киников. Перед 985 он и его клан откололись от основной массы гузов и развернули лагерь на правом берегу нижней Сыр-Дарьи, по направлению на Дженд, около современного Перовска (ныне Кызыл Орда). Имена его сыновей Михаил, Муса, Израил наталкивают некоторых авторов на вывод о том, что он придерживался несторианской веры. Для такого предположения не имеется никаких оснований, поскольку библейские имена были

также мусульманскими; и похоже на то, что осев на границах саманидской Трансоксонии, селджукский клан был вынужден избавиться от своего древнего тюрко-монгольского шаманизма в пользу ислама.

В этот период иранская саманидская династия Трансоксонии переживала большие трудности по своей защите от тюркской караханидской династии Иссык-куля и Кашгарии. Проявив прозорливость, селджуки взяли сторону иранского принца против своих родственников. Тем не менее, Бартолд отмечает, что эти гузы, которые только что появились из степей Сары-Су и Иргиза и язычества, должны были быть более варварами, чем караханиды, которые были последователями ислама в течение века и стали относительно цивилизованными под двойственным влиянием саманидов запада и уйгуров востока.

После падения саманидов, когда их наследство оспаривалось караханидскими тюрками, хозяевами Трансоксонии, и газнавидами, которые правили в Хурасане, селджукские тюрки наступали шаг за шагом, по образу современных туркменских племен, пользующихся основными беспорядками, и устроили свои лагеря в сердце Трансоксонии, где в 985 они установили свои палатки на северо-востоке Бухары.²¹ Около 1025 один из вождей, Арслан (тюркское имя, «лев») Исраил (его мусульманское имя), награжденный титулом *ябгу*, действовал как наемник местного караханида Али-тигина против Махмуда Газнавида. Махмуд взял Арслана в плен, потащил с собой в Газни и попытался крутыми репрессивными мерами покорить остальную часть племени. Однако, их образ жизни позволял этим кочевникам избегать любых действий оседлых людей. Газнавид, в конце концов, вынужден был оставить Ал-тигина хозяином Трансоксонии. После смерти последнего (1032) селджуки, которые казались верными к нему до конца, восстали против его сыновей и с этого времени начали войну за себя. Их вожди Тогрул-бег, Дауд и Паигу («ябгу»?) обратились к газнавидскому султану Масуду с просьбой о предоставлении земель в Хурасане. После отказа султана удовлетворить их просьбу Тогрул-бег захватил Нишапур (август 1038) и нанес ему сокрушительное поражение в Данданакане около Мерва (22 мая 1040), после которого газнавиды были отброшены назад в Афганистан и были вынуждены отдать весь Хурасан селджукским потомкам.²²

Селджуки, орда без традиций и менее цивилизованная их всех кочевых кланов, которые недавно приняли ислам, нашли себя, одним ударом, хозяевами восточного Ирана. Их неожиданная добрая удача могла создать катастрофу для цивилизации, если бы кланом не руководило несколько умных вождей, которые инстинктивно уважали превосходство арабо-персидской культуры и, вместо ее разрушения, они сделались ее защитниками. После вступления в Нишапур Тогрул-бек наложил *хутба* произносить его имя, таким образом заявляя, что намерен соблюдать мусульманские обычаи. Захват был осуществлен по степному образу, каждый член его семьи старался выиграть что-либо для себя. Брат Тогрул-бега Чагри-бег, его двоюродный брат по отцовской линии Кутулмиш или Кутлумиш и его двоюродный брат по материнской линии Ибрагим ибн-Инал все действовали по этому пути, в то же время признавая верховную власть самого Тогрул-бега. Чагри-бег, например, в 1042-43 овладел Хорезм (Хива). Ибрагим ибн-Инал осел в округе Раи, однако, степной темперамент вновь взял верх и его силы действовали с такой жестокостью, что должен был вмешаться и установить порядок сам Тогрул-бег. По мере проникновения дальше в арабо-иранский мир он извлекал все больше выгоды из административных идеи этих цивилизованных стран; они превратили его из главы группы в руководителя государства, сделали его настоящим и абсолютным правителем с гарантией превосходства над другими полководцами, его родственниками.

Западная Персия долгое время управлялась чисто персидским домом: домом баюидов (932-1055). Персидской династия была, в действительности, такой, что она продолжала исповедовать диссидентскую мусульманскую доктрину страны, шиизма, несмотря на то, что баюидские принцы правили как эмиры *el-omara* рядом с суннитскими халифами Багдада, которых они низвели до уровня праздности и для которых они действовали как мэры дворцов. Однако, в одиннадцатом веке баюиды были в упадке сил. В 1029 Махмуд Газни лишил их большей части Ирак Аджамии. Во время селджукского вторжения, последний из них, Хосроу Фируз ар-Рахим (1048-55), все еще удерживал, под титулом эмира *el-omara*, Багдад и Ирак Араби, Шираз и Фарс, в то время как один из его братьев удерживал Керман. Любопытно,

что последний персидский принц одиннадцатого века накануне тюркского вторжения носил имя двух великих королей сассанидской Персии.

Тогрул-бег был в какое-то время на войне по завоеванию Ирак Аджами, несмотря на анархию, царящую в стране, его группы огузских кочевых не знали, как брать города. Испаган не капитулировал в течение года и затем сдался лишь из-за голода (1051). Тогрул-бег, прельщенный оседлой жизнью, сделал его своей столицей. Среди царящего политического раскола, феодальной дезинтеграции и интеллектуальной анархии, тюрки, хотя и грубые и жесткие, обеспечили некоторым основным порядком, которому люди подчинились, несомненно, с небольшим сожалением. В 1054 Тогрул-бег принял визиты покорности хозяев Азербайджана (Табриз, Гания, др.). Он был вызван в Багдад самим ал-Каимом, аббасидским халифом и командиром халифской охраны Бесасари, которые оба хотели сбросить иго баюидов. С помощью всех этих конфликтов Тогрул-бег вступил в Багдад и низложил последнего баюида, Хосроу Фируза (1055).

В 1058 халиф санкционировал этот *fait accompli* (совершившийся факт – **В.М.**) путем признания Тогрул-бега в качестве своего временного заместителя с титулом Короля Востока и Запада. В момент достижения беспрецедентной чести Тогрул-бег должен был иметь дело с восстанием своего двоюродного брата Ибрагим ибн-Инала, который был в союзе с Бесасири. Воспользовавшись этой войной между селджуками, Бесасири на короткое время захватил Багдад, где он провозгласил низложение халифа ал-Каима, который рассматривался как слишком хорошо расположенным по отношению к селджукам, и стал защитником шиитского ислама (декабрь 1058). Встретив эту опасность, Тогрул-бег показал себя уравновешанным и решительным человеком. Сначала он пошел против Ибрагима ибн-Инала, победил его около Раи и казнил; затем он разбил и убил Бесасири перед Багдадом и доставил с триумфом халифа в его столицу (начало 1060). Таким образом, мелкий вождь огузской группы преуспел не только в дисциплинировании своей орды, своего клана и своей семьи, в установлении руководства постоянного правительства, но и также в признании в качестве официального представителя арабского халифата. Еще лучше, он добился провозглашения суннитского мира,

иначе говоря, традиционного ислама, в качестве спасителя и восстановителя этого халифата.

Тюркский султанат таким образом заменил персидский эмират в качестве временного партнера арабского халифата, ознаменовав замену, которая была более продолжительной в том, что турки, недавно принявшие ислам, в противоположность к «еретическим» иранцам, имели добрую удачу проповедовать ортодоксальную религию. Не потому, что они были фанатиками. Первые селджукские султаны, потомки линии язычных *ябгу*, были также жесткими и честными для разделения этих идеологий. Однако, они нашли для себя удобным, когда планировали завоевания на Западе, оправдывать старую тюркскую экспансию покровом Священной Войны за Ислам.

Почти без борьбы и определенно, без чрезмерной жестокости, из-за истощенного положения западного азиатского сообщества, турки навязали арабскому сообществу свою империю, принуждая его без разрушения, давая ему взамен новую энергию и таким образом, оправдывая и легитимизируя свое собственное имперское существование.

Алп Арслан ибн Чагри-бек (1063-72), племянник и наследник Тогрул-бега, был озабочен со времени своего возвышения на престол задачей запрещения анархических обычаев своего семейного клана, члены которого, очевидно, больше всего не хотели интегрировать в регулярное государство. Поэтому Алп Арслан должен был разбить своего двоюродного брата Кутулмиша, который был убит (1063-64) и своего дядю Каурда, который хотел поднять восстание в Кермане и которому он затем простил (1064). На западе он сделал династию Мирдасида из Алеппо своим вассалом (1070). Величайшим актом славы в мусульманской истории является его победа и захват в плен византийского императора Романуса Диогена в сражении на Малазгирте (Манзикерт), в Армении, 19 августа 1071.²³ Это было историческое событие, которое гарантировало в дальней перспективе завоевание Анатолии тюрками. В то время, однако, сражение означало не более чем печать на факте завоевания Армении селджуками. Алп Арслан оказал рыцарское обращение с *basileus* (святой) пленником и скоро дал ему свободу. В домашних делах этого «необученный и, возможно, неграмотный» вождь огузов

был достаточно мудрым поручить администрацию своему персидскому главному министру Низам ал-Мулку.

Сыну и наследнику Алп Арслана, Султан Маликшаху (1072-92) было лишь семнадцать лет, когда умер его отец. Его первая кампания была против Шамс ал-Мулика, караханидского правителя Трансоксонии, который воспользовался изменением в правлении для вторжения в восточный Хурасан и захвата Балха. Когда Маликшах приблизился к Самарканду, то караханид попросил мира и стал его вассалом. Маликшах допустил обычную огузскую ошибку, отдав Балх своему брату Такашу, который, в свою очередь, восстал. Султан был вынужден вести две экспедиции против него и в итоге, он выколол ему глаза (1084). Дядя Муликшаха Кавурд также восстал в Кермане. Маликшах пошел войной на него и, захватив его в плен, повесил (1078),

Такие события показали, что несмотря на мудрую администрацию Низам ал-Малика, Маликшах встречает трудности в побуждении огузской орды, военным командиром которой он являлся, к принятию рамок арабо-персидского государства, султаном которого он был. Низам ал-Малик и персидская бюрократия старались снизить роль туркменских групп до уровня, на котором они были в качестве тюркской охраны, мамелюками десятого века под старыми халифами и баюидскими эмирами, однако, часто наиболее деликатной задачей было добиться послушания беспорядочных соплеменников нового султана и привязать этих завязтых кочевников к земле.²⁴ Султан один на один совещался со своим министром по поводу постановки селджукских авантюристов на постоянную базу и, накладывания оседлости и иранского образа жизни на свою бывшую орду, превращения ее в персидскую империю традиционного типа. В роскошном дворе Исфагана, его столицы, он наслаждался показным продолжением линии шах-ин-шахов древнего Ирана.

На северо-востоке, как мы видели, Маликшах вел вторую экспедицию в Трансоксонию против караханида Ахмеда, племянника и наследника Шамс ал-Мулика (1089). Он взял в плен Ахмеда, однако, позднее отправил его в Самарканд в качестве своего вассала. На западе также во время правления Маликшаха, но независимо от него, его двоюродный брат, младший Селджукид Сулейман ибн

Кутулмиш, осел в Малой Азии, в Ницае, около 1081 в ущерб к византийцам, которые поспешили обратиться к нему за помощью в их гражданских войнах. Это было началом селджукского султаната Рума (римская земля), который просуществовал с 1081 по 1302, со столицей сначала в Ницае (1081-97) и затем в Икониуме (1097-1302).²³

Селджукское государство, как оседлая держава, контролировала лишь Персию. На старой византийской территории Малой Азии, которая подверглась вторжению в 1080, были активны независимые гузские группы; они были под руководством или молодых селжуков типа Сулеймана или тюркских командиров неизвестного происхождения, таким, как, очевидно, с 1084, данишмендидскими эмирами Каппадокии, которые правили в Сивасе и Цезарии. Эти древние цивилизованные земли были распределены в соответствии с продвижениями блуждающих банд, по образу киргизской степи. Как Бартолд отмечает, подводя итог этой истории: «Гузы или туркмены, действуя частично как независимые группы и частично под командованием их принцев [селджуки], перемещались по всем странам, лежащим между китайским Туркестаном и египетской и византийской границами.»²⁶ Бартолд добавляет, что для избавления от «их странствующих братьев», недисциплинированных банд гузов, и для воспрепятствования грабежу их прекрасное иранское владение, селджукские султаны, по-видимому, установили их предпочтительно на границах султаната, в Малой Азии. Этот факт объясняет, почему Персия избежала тюркизации, в то время как Анатолия стала вторым Туркестаном.

Вожди племен воевали за свои добычи. После завоевания доброй части Малой Азии Сулейман ибн Кутулмиш спустился на юг к Сирии (1068). Здесь он столкнулся с младшим братом Маликшаха, Тутушом, который в 1079 устроил себе феодальное поместье в Дамаске. Эти двое воевали в крупном сражении около Алеппо за владение этим городом. Сулейман был убит и Тутуш добавил Алеппо к Дамаску (1086). Тутуш находился на пути основания отдельного селджукского королевства здесь, когда его брат, султан Маликшах, появился в том же году в Сирии и осуществил генеральное распределение поместий среди своих командиров (1087).²⁷

В общем, Маликшах, подобно своим предшественникам, провел свою жизнь, пытаясь упорядочить тюркское завоевание западных земель. Это завоевание приняло форму волны малых огузских банд на территории окуалидов или фатимидов вокруг Сирии, или на греческие земли в Малой Азии, когда их кочевые путешествия давали им шанс, и использование византийско-арабских внутренних распри. В Персии видимость единства была достигнута арабо-персидской администрацией визиря Низам ал-Мулка; на востоке и в Сирии, оно было достигнуто лишь силой сабли Маликшаха. В Малой Азии, где никто не вмешивался, преобладала огузская анархия.

После смерти Маликшаха в 1092 (его визирь умер ранее) анархия царствовала повсюду. Старший сын Маликшаха, Баркиарук (1093-1104) был обложен восстаниями своих родственников. Его дядя Тутуш, который тем временем к своему владению Дамаск добавил Алеппо, попытался захватить у него Персию, однако, был побежден и убит около Раи 26 февраля 1095. Остальная часть царствования Баркиарука была истрачена на битвах против его собственных братьев, с которыми он был вынужден, наконец, делить владение Персией. С этого времени селджукские владения были разделены на три группы: султанат Персии ушел к Баркиаруку и его братьям, королевства Алеппо и Дамаск – к сыновьям Тутуша и султанат Малой Азии – к Кызыл Арслану, сыну Сулеймана.

Судьбы этих трех групп были весьма различными. Селджукские королевства Сирия (Алеппо и Дамаск) быстро приняли арабский характер. Две селджукские дома семьи Тутуша были очень скоро уничтожены их собственными мамелюками, также тюрками, чьи истории не могут быть изложены здесь.²⁸ Селджукский султанат Малой Азии, с другой стороны, просуществовал целых два века. Его достижение было продолжительного порядка, поскольку именно из этого владения возникла то, что называется историей Турции. В Персии, несмотря на базового тюркского ядра (в Хурасане, Азербайджане и около Хамадана), население оставалось, в основном, как мы увидим, иранским. В Сирии тюркские элементы были слишком разбросаны, чтобы когда-либо вторгнуться в арабскую массу, за исключением окрестностей Антиоха и Александретты.

В Малой Азии, однако, произошло не только политическое завоевание страны, но также и эффективное присвоение ее земель тюркским народом. Здесь туркменские пастухи заменили византийских крестьян; что касается анатолийского плато, то его высота, климат и растения образовали продолжение степной зоны Центральной Азии. Страбо описывает Ликанию, нынешний регион Кония, как травянистую страну.²⁹ Здесь было естественное сродство между этими землями и кочевниками из киргизских степей. Они осели здесь, поскольку чувствовали себя как дома. Следует ли после этого обвинять их, как это сделали некоторые, в том, что они несознательно помогли превратить обрабатываемые земли в пастбища? Оккупация этих древних провинций Каппадокии и Фиригии гузами, которые пришли сюда из уединений Арала, возможно, дала стране не только тюркский, но и степоподобный характер. И когда с оттоманами турки расширили их завоевания до Тракии, следовали ли за ними также степь? Не находим ли мы здесь характерные черты, невозделанные земли и цепи верблюдов, на самих воротах Адрианополя? На самом деле, только что процитированное свидетельство Страбо доказывает, что бассейн озера Татта была уже полупустынной степью во времена селджуков, Аттали и римлян. Зброшенный характер Тракии, однако, идет скорее из того, что она была вечным полем сражений.

Чтобы завершить картину, следует добавить то, что тюркизация Анатолии была меньше работой самой селджукской династии, чем деятельностью местных эмиров и туркменских кланов, чья покорность к ней была далекой от идеальной. С точки зрения культуры, например, селджуки Анатолии определенно желали иранизации для себя также, как и их двоюродные братья в Персии. Поскольку в то время тюркская грамота не существовала в западной Азии, то селджукский двор Конии принял персидский в качестве официального языка. (Так продолжалось до 1275.) Селджукская Турция двенадцатого и тринадцатого веков по этой причине демонстрирует слой персидской культуры, наложенный на туркменскую основу. На персидском разговаривали и, прежде всего, писали на нем среди кай-хосроу и кай-кобадос так, как разговаривали на латыни в Польше и Венгрии. Однако, этот несколько искусственный наружный слой не должен нас ввести в заблуждение, не скрывать от нас фундаментальную тюркскую

трансформацию, доставленную гузскими группами в Каппадокию, Фригию и Галатию.

В Иране, как мы говорили, дело было по-другому, поскольку иранская цивилизация и этнический характер были очень сильными для того, чтобы позволить стране получить какое-либо серьезное тюркское влияние. Напротив, это были тюркские захватчики, которые постепенно иранизировались: их правящие дома почти сразу же, их войска лишь через несколько поколений. Тем не менее, политически Иран был с этого времени был беззащитен и вся степь наводнила его. Селджукское завоевание 1040-55 открыла ворота страны кочевникам. Было тщетно, когда вожди рода селджуков, став панисламскими султанами, арабскими маликами и персидскими шахами, пытались закрыть эти ворота за собой, заболтить их и закрыть путь для всех тюрко-монгольских кланов Центральной Азии, которые, вдохновленные их примером, захотели бы повторить ту же авантюру. Селджуки, которые стали персами, не были удачными в защите Персии против тюрков, которые продолжали быть тюрками. Несмотря на их волю достичь этого, и несмотря их «Вахты на Рейне» на берегах Аму-Дарьи, они никогда не были чем-то другим, как невольными квартирмейстерами всех хорезмских, чингизидских и тимуридских вторжений.

Причину их неудачи в восстановлении прочного каркаса сассанидского государства или «нео-сассанизма», из которого состояла в девятом веке аббасидская империя, следует искать в неизлечимой анархии в пределах правящих семей, в наследстве из их тюркского прошлого. Несмотря на индивидуальную удачу Тогрул-бега или Маликшаха, они показали себя неспособными возвыситься на постоянный уровень арабо-персидской концепции государства; почти также, как несмотря на все блестящую гениальность Карла Великого, каролинги, в конце концов, не были способны подняться на уровень концепции Римского государства.³⁰

Брат и наследник Баркиркука, султан Мухаммад (1105-18), нашел себя захваченным скрытым восстанием арабского халифата. Отношения между селджукским двором Испагана и аббасидским двором Багдада, официально тесные, теперь стали резкими, поскольку халифы упорно пытались освободиться от

политического надзора султанов. В этом они добились успеха во второй половине двенадцатого века, по-меньшей мере, по отношению к их маленькому владению Ирак Араби. Это означает расширение бреши между тюркским султанатом и арабским халифатом, которых, как заявил Тогрул-бег, он объединил неразрывно. Упадок становился все более зримым под следующими селджукскими султанами, Махмуд ибн Мухаммадом (1118-31) и Масудом (1133-52), которые правили среди гражданских волнений.³¹ Эти султаны, которые обычно жили в Хамадане, почти не имели никаких владений, за исключением Ирак Аджамии. Другие провинции, Азербайджан, Мосул, Фарс и т.д., пали в руки тюркских военных и наследственных феодалов, известных как атабеги. Среди этих атабегов, атабеги из Азербайджана стали главами дворца для последних селджуков. Так было с атабегом Азербайджана Илдегизом (ум. 1072), который служил султану Арслан-шаху (1161-75) и сын Илдегиза атабег Пехлеван (ум. 1186), который служил султану Тогрулу III (1175-94). Пытаясь стать независимым, Тогрул был арестован атабегом Кызыл Арсланом, братом и наследником Пехлевана (1190). Лишь после смерти Кызыла Арслана (1191) Тогрул III, в котором заглохло что-то из великих селджуков одиннадцатого века, наконец, получил независимость в своем правящем владении Ирак Аджамии. Однако, это позднее и совершенно местное восстановление селджуков было весьма кратковременным. В 1194 Тогрул III уступит атаке хорезмских тюрок, которые были предназначены, наконец, стать наследниками селджуков по империи Среднего Востока.³²

Султан Санжар и вахта на Оксусе

Последний великий селджук, Санжар, младший сын Маликшаха, был устремлен остановить загнивание своего дома. Он был смелым, щедрым и рыцарского поведения человеком, прекрасным примером иранизированного тюрка, защитником персидской цивилизации. Он даже стал одним из ее легендарных героев, подобно персонажу из *Shah Nama*.

Во время дележа наследства среди сыновей Маликшаха, Санжару, которому было тогда не более десяти или одиннадцати годов, было отдано для правления

Хурасан, при его основной резиденции в Мерве (1096). В 1102 он должен был защищать свое поместье от вторжения караханидского хана Кашгарии Кадир-хана Жибраила, которого он разбил и убил около Термеза. Затем он поставил в качестве вассального правителя Трансоксонии местного караханида Арслан-хана, который бежал перед вторжением.³³ В 1130 он поспорил со своим подопечным Арслан-ханом, взял Самарканд, сместил хана, поставив на его место других караханидских принцев: сначала Хасан-тигином, затем Рух ад-Дин Махмудом (с 1132 по 1141).³⁴ Санжар также вторгся в Афганистан и сражался в битвах с газнавидскими принцами этой страны. В 1117, начав войну против газнавидского принца Арслан-шаха, захватил Газни и поставил на трон другого принца той же династии, Бахрам-шаха. В это время, следовательно, он был сюзерном газнавидского Афганистана и караханидской Трансоксонии, хозяином обширного султаната иранского востока.

Среди вассалов Санжара был шах Хорезма тюрк Атсиз (1127-56). После попытки стать независимым, он был разбит Санжаром в 1138 в Гезарспе и бежал. Атсиз возвратился в 1141 и милостью султана получил прощение. Однако, теперь Санжар, в свою очередь, потерпел неудачи. Трансоксония была подвергнута ко вторжению кара-китайцами, которые переселились из Китая в регион Иссык-куля. Эти монголы были более грозными как соседи в том, что они оставались «язычниками», иначе говоря, буддистами, и поэтому были встречены мусульманским миром с ужасом. Санжар со своей обычной дерзкостью продвинулся на встречу с кара-китайцами, но 9 сентября 1141 он потерпел серьезное поражение на Катване около Самарканда и был вынужден бежать в Хурасан.³⁵ Вся Трансоксония пала в руки кара-китайцам. Атсиз, шах Хорезма, воспользовался случаем поднять восстание. Вступив в Хурасан, он занял Мерв и Нишапур, однако, не был в состоянии их удержать при контратаке Санжара. Санжар дважды вторгался в Хорезм (1143-44 и 1147); второй раз, под стенами Ургенича он добился перехода Атсиза обратно под его вассальство. Однако, героизм великого султана пошел на убыль при этих при постоянно возникающих испытаниях. Скоро возникла неожиданная опасность. Племена огузов или гузов, люди того же этнического рода как и селджуки, вблизи Балха восстали против Санжара, когда он пытался наложить на них административные и налоговые

правила персидского типа, взяли его в плен и ограбили Мерв, Нишапур и другие города Хурасана (1153). Санжар не смог освободиться из плена до 1156 и умер на следующий год, накануне полного краха своей работы.³⁶

Санжар потерпел неудачу в своих усилиях основать устойчивое селджукское государство на иранском востоке. Гузское восстание продемонстрировало сложность интегрирования кочевых племен, связанных с селджукским завоеванием Ирана, в арабо-персидские административную структуру. Эта традиционная персидская структура, принятая и поддерживаемая селджуками, не пережила падения различных ветвей династии (1157 на иранском востоке, 1194 в Ираке Аджами, 1302 в Малой Азии). Когда положение изменилось и нео-персидский султанат исчез, ничего не осталось от завоевания Ирана (1040) и Малой Азии (1072-1080), за исключением движения туркменских племен. Все они, от гузов 1053 до групп Кара-Коюнли и Ак-Коюнли пятнадцатого века, от караманов до османов, воевали друг с другом за владение Ираном и Малой Азией по образу всех родовых орд в сердце степей Центральной Азии.

Несмотря на культурные склонности селджуков, тех тюрок, которые так быстро и основательно иранизировались, их триумф как в Иране, так и в Малой Азии, привел экономически и социально к переходу в обоих регионах к расширению степи. Здесь, действительно, человеческая география нанесла сокрушительное воздействие на географию растениеводства. Кочевничество разрушает обработку земли и изменяет лицо земли. Что было сказано по поводу Малой Азии является гораздо правильным по отношению к Ирану. В оазисах, окружавших их города, таджики могли продолжать культивировать восхитительные сады кипаисов и роз, воспетых Омар Хаямом и Саади. Однако, на воротах этих городов, когда последний из садов оставался сзади, степь брала верх; здесь племена мигрантов водили свои черные стада и около водных источников возводили свои черные палатки.

Какой-либо особенно проницательный вождь племени, поскольку все эти тюрки имели врожденное чувство государства, мог время от времени заслужить признание и славиться как король оседлых народов, чьи внутренние споры он был способен умиротворять. Десятилетия эти два общества, таджикское городское

общество и кочевое общество черных палаток, были дополнением друг к другу, однако, затем приходило их расторжение друг от друга. Племенная миграция возобновлялась и концепция государства забывалась до тех пор, пока история начиналась вновь и вновь с оседанием некоторых кочевых кланов, получивших королевство. Этот цикл никогда не закрывался, поскольку он получал новый толчок снаружи. Таким образом, с одиннадцатого до семнадцатого веков появлялись новые племена на пороге киргизских или туркменских степей, на окраинах культивации земли, претендуя на свое место в установленном партнерстве с таджиками.

Этот двойственный феномен имел место даже во время правления султана Санжара. После него шахи Хорезма, которые, подобно селджукам, были тюркского рода, возобновили селджукские попытки обосновать великую тюрко-персидскую империю в восточном Иране: тюркскую по ее военной структуре, персидскую по ее системе управления. В то же самое время народ из Дальнего Востока, каракитайцы, скорее монголы, чем тюрки, овладели восточным Туркестаном; и их приход обусловил, за сотни лет вперед, прибытие главного действующего лица степных сил: самих чингизидских монголов.

Перед тем как перейти к этой новой фазе в истории Азии, нам следует очертить отчет по этническому балансу селджукской авантюры. Этот балансовый отчет, в общем, несколько парадоксиален. Следует отметить, что селджуки, те туркмены, которые стали султанами Персии, не тюркизировали Персию, несомненно, потому, что они не хотели делать этого. Наоборот, это, именно, они добровольно стали персиянами и по примеру великих старых сассанидских королей, старались защитить иранское население от грабежа гузских банд и сохранить иранскую культуру от туркменской угрозы.³⁷ Тем не менее, и это является, возможно, одним из долговременных результатов поражения Санжара от гузов в 1153, что они не были в состоянии препятствовать этим туркменам в их установлении на плотной массе населения южнее нижней Аму-Дарьи, между плато Усть-Юрт и Мервом, в этнически деиранизированном регионе, который затем стал Туркменистаном. В тоже время туркменские банды, возглавляемые молодыми селджуками на анатолийском плато бесспорно трансформировали древние

византийские земли в тюркские и с таким результатом, как создать из них, под управлением султанов Кония, оттоманов и Мустафа Кемал Ататюрка, Турцию в современной истории.

Кара-китайская империя

Чтобы понять те конвульсии, которые имели место в восточном Туркестане во второй четверти двенадцатого века, следует рассматривать восстания того периода в северном Китае. С 936 по 1122 (см. стр. 153) монгольские люди, хитаны, происходящие с западного берега реки Лиао, правили из Пекина в северных округах Хопея и Шаньси, также как и в Джехоле и Чагаре. Между 1116 и 1122 хитаны были вытеснены журчидами или кинами, народом тунгусского рода, которые были их наследниками в господстве над северным Китаем.

Основная масса хитанов продолжала жить в качестве вассалов киннов в их собственных древних владениях между маньчжурской юго-западной и восточной частями нынешнего Джехола. Однако, часть хитанов искала свое счастье на западе, севернее Тарима, где уйгурски тюрки Турфана, Бешбалига и Кучи признали их протекторат. Преставляется, что отсюда в 1128 одна группа хитанов начала проникать в Кашгарию, лишь для того, чтобы быть отраженными караханидским ханом Кашгара Арсланом Ахмедом. Хитанские эмигранты на северо-запад, ведомые принцем их правящей семьи по китайскому имени Йе-лю Та-ши, были более удачливы. В Тарабагатае, около нынешнего Чугучака, они основали Имил.³⁸ На западе от Иссык-куля караханид, правящий в Баласагуне³⁹ был под угрозой в это время со стороны как карлуков нижнего Или, так и канкили тюрков, обитающих на севере от Аральского моря. Он обратился за помощью к хитанскому вождю Йе-лю Та-ши, который пришел, сместил поспешного караханида и занял его место. Таким образом, Баласагун стал столицей Йе-лю Та-ши, который принял на себя титул *гур-хан* или хан мира, которым его потомки будут править после него.⁴⁰ Скоро после этого новый *гур-хан* покорил местных караханидов, правящих в Кашгаре и Хотане. Таким образом основанная новая хитанская империя в восточном Туркестане известна в мусульманской истории по названию «кара-

китайская империя» («Черный Хитан» или «Черный Хитай») и так здесь она будет называться.

Хитаны были монгольской расы, однако, в течение двухсотлетнего правления в Пекине они заметно стали китаизированными.⁴¹ Их потомки, хотя и с того времени осевшие в Туркестане среди мусульманских тюрок, оставались враждебными исламу и арабо-персидской культуре из-за их ориентации на китайскую цивилизацию, будь та буддийская или конфуцианская; они были, как их называли мусульмане, «язычниками». Налогообложение было основано, как в Китае, на важности домашнего хозяйства. В противоположность к другим кочевым, *гур-ханы* не создавали феодальных поместий и уделов в пользу их родственников в прямое доказательство того, что они придерживались китайских управленческих идеи. Бартолд даже верит в то, что их административным языком был китайский. Следует заметить, что христианство процветало в кара-китайской империи бок о бок с буддизмом. «В Кашгаре этого времени мы находим христианского епископа и к тому же периоду относятся наиболее древние христианские надписи Чу».⁴²

Основание кара-китайской империи тогда, кажется, была реакцией против работы по исламизации, проводимой караханидами.

Первый кара-китайский *гур-хан* Йе-лю Та-ши (прибл. 1130-42), консолидировав свою власть над иссык-кульским регионом и в Кашгарии засчет восточных караханидов, атаковал западных караханидов, обитающих в Трансоксонии и за ней, селджукский султанат восточного Ирана, которым все еще правил Санжар. В мае и июне 1137 он нанес поражение караханиду Самарканда Рукн ад-Дин Махмуду в Ходженте, в Фергане. Султан Санжар, придя на помощь к своим трансоксиданским вассалам, оказался разбитым кара-китайцами в Катване, севернее от Самарканда (9 сентября 1114). Бухара и Самарканд перешли от селджукского протектората к протекторату *гур-хана*, который, однако, позволил местному караханидам оставаться в качестве вассалов во второстепенных городах.⁴³ В том же году, 1114, кара-китайцы вторглись в Хорезм. Шах Хорезма Атсиз, аналогично, был вынужден признать себя плательщиком дани. Его наследник Арслан (1156-72), хотя и лелеял надежды на наследование селджуков в

восточном Иране, однако, был вынужден почти всю свою жизнь оставаться плательщиком дани *гур-хану*.⁴⁴

Теперь кара-китайская империя расширилась от Хами до Аральского моря и Ходжента, его протекторат – от верхнего Енисея до Аму-Дарьи. С точки зрения мусульман, эта гегемония языческой монгольской династии на мусульманской территории была серьезным откатом и скандалом. Глаза этих людей были обращены не на мусульманский мир, а на Китай, откуда они вывели свою культуру. Йе-лю Та-ши, наиболее знаменитый из них, был известен как блестящий китайский ученый. Китай, в свою очередь, продолжал интересоваться этими потомками древних королей Пекина, в то время как арабо-персидская историография ссылается на них с некоторыми презрительными терминами. В итоге, они известны лишь по китайским транскрипциям их имен. После смерти гур-хана Йе-лю Та-ши (приблизительно в феврале 1142) его вдова Та-пу-йен стала регентшей империи (1142-50). Затем следовало правление их сына Йе-лю Юи-ли (1150-63). После смерти Юи-ли, регентство перешло к его сестре Йе-лю Ши (или Пу-су-ван, 1163-78), во время которого кара-китайская армия вступила в Хурасан для грабежа Балха (1165). Наконец, Йе-лю Че-лу-ку, сын Юи-ли, правил с 1178 до 1211. Во время его правления кара-китайская империя должна была пасть из-за предательства ее вассалов, шахов Хорезма; и этот конфликт, который разразился во время завоеваний чингизидов, привел скоро падению обоих врагов, играя на руку лишь монголов.⁴⁵

Хорезмская империя

В сопротивлении «языческому» и китаизированному монгольскому миру кара-китайцев шахи Хорезма (ныне Хива) представляли мусульманский тюркский мир, в особенности, после смерти в 1157 селджука Санжара, который не имел наследника. Главное место правительства в иранском востоке таким образом было оставлено вакантным. В самом деле, старое корлевство Хурасан Санжара был безхозным владением, в котором огузские вожди, из-за неожиданной победы в

1153, были законом для самих себя, в тоже самое время соответствуя признанию некоторого протектората шахов Хорезма.⁴⁶

После смерти Арслана (1172) два сына шаха, Такаш и Султан-шах, вступили в борьбу за трон.⁴⁷ Такаш, проигравший, искал убежища у кара-китайцев. Королева-регентша Кара-Китай Йе-лю Ши поручила своему мужу возглавить армию для нападения в Хорезм для того, чтобы восстановить на троне Такаша и прогнать Султан-шаха. Это было выполнено (декабрь 1172). Однако, хотя он был обязан своим тронном Кара-Китаю, Такаш не стал терять времени для восстания против них, поскольку они наложили в качестве условия для своих действий плату дани; и Кара-Китай, переменив свою политику, поддержал теперь прототив него его брата Султан-шаха. Хотя они не были в состоянии поставить Султан-шаха на трон Хорезма, они дали ему армию, с помощью которой он завоевал Хурасан (он взял Мерв, Сарахс и Тус в 1181). Так, Султан-шах правил Хурасаном вплоть до своей смерти в 1193, после чего Такаш воссоединил весь Хурасан с его хорезмскими владениями (1193).

Едва Такаш стал хозяином Хурасана, он вторгся в Ирак Аджами. Эта провинция, как было отмечено, представляла царское владение последнего селджукского султана Тогрула III. В решительном сражении около Раи 19 марта 1194 Такаш одержал победу и зарубил Тогрула.⁴⁸ Победа, которая поставила конец селджукскому господству в Персии, отдала в руки шаха Хорезма Ирак Аджами с Раи и Хамаданом.

Унаследовал его сын Такаша Ала ад-Дин Мухаммад (1200-20). Ала ад-Дин Мухаммад довел хорезмскую империю до ее зенита и во время его правления она стала доминирующим государством в Центральной Азии. Его первым делом было завоевание Афганистана у горидов.

В то время как два наследника Мухаммада закладывали фундаменты хорезмской империи на нижней Аму-Дарьи, другая мощная власть возникла в Афганситане. До того времени эта страна принадлежала тюркской газнавидской династии, которая также владела Пунджабом в Индии. Около 1150 клан сури афганов восстал против газнавидских султанов на гхорских горах между Гератом и Бамианом. В том году гхоридский вождь Джаган Соз разграбил Газни, столицу

султанов, которая в 1173 была оккупирована его наследником Гхият ад-Дином. Газнавидские султаны нашли убежище в Лахоре, в Пунджабе, оставив Афганистан гхоридам. Во время правления известного Шихаб ад-Дин Мухаммад Гхора (1163-1206) гхоридская империя совершила значительную экспансию на восточном направлении. Мухаммад сместил с трона последних газнавидов Пунджаба, аннексировал провинцию (1186) и захватил гангский бассейн у хиндуских радж (1192-1203). Он достиг этой точки своих свершений, когда был атакован своим тезкой шахом Мухаммадом Хорезма.⁴⁹

Первая битва между двумя Мухаммадами на Аму-Дарья была выиграна гхоридом, который отдал на грабеж хорезмские владения (1204). Мухаммад Хорезма обратился за помощью к своему сюзерну кара-китайскому *гур-хану*, который отправил ему армию во главе с неким Таянку-Таразом и его другим вассалом Утманом, караханидским принцем Самарканда. Благодаря этим подкреплениям, шах Хорезма победил гхоридов в Гезараспе и прогнал их из страны (1204). Кара-китайцы преследовали Мухаммада Гхора и нанесли ему сокрушительный удар в Андхое западнее Балха (сентябрь-октябрь 1204). Эта победа решительно продемонстрировала окончательное превосходство хорезмцев над гхоридами.⁵⁰ Хотя это было не до смерти Мухаммада Гхора (13 марта 1206), однако, Мухаммад Хорезма захватил Герат и сам Гхор у гхоридов (декабрь 1206).⁵¹ В 1215 шах Хорезма завершил завоевание Афганистана захватом Газни.

Мухаммад Хорезма был обязан своей победой над гхоридами кара-китайскому гур-хану, его сюзернству. Однако, его благодарность была недолговечной. Достигнув вершины своей власти, он, мусульманский император (около того же времени он принял титул султана) и хозяин двух третей Ирана, чувствовал для себя невыносимым оставаться вассалом и даньщиком этих «языческих» монголов. Караханидский принц Самарканда Утман ибн Ибрагим (1200-12), аналогично, вассал Кара-Китая, разделял те же чувства. В 1207 Мухаммад Хорезма, придя к согласию с ним, занял Бухару и Самарканд, где он заменил кара-китайский протекторат своим собственным. Хорезмская империя таким образом охватывала всю Трансоксию. Кара-Китай отреагировал, согласно Джувани, вступлением в Самарканд, однако, их генерал Таянку был взят в плен

хорезмцами в битве, состоявшейся или в иламишеской степи около Андижана в Фергане или в таласской степи (1210).⁵²

Мухаммад прогнал кара-китайцев в содействии принца Самарканда, караханида Утмана, который свою верность к *гур-хану* заменил на верность к нему. Однако, в 1212 Утман, устав подчиняться хорезмцам, поднял мятеж. Мухаммад прибыл в Самарканд, взял его, разграбил и казнил Утмана (1212). Таким образом, ушел из жизни последний представитель караханидской династии, которая правила Туркестаном в течение двух столетий.⁵³

Наконец, в 1217 Мухаммад Хорезма совершил триумфальный переход на коне через Персию, в продолжении которого к нему приходили с поклоном атабеги или независимые и наследственные тюркские правители персидских провинций, в особенности, салагуриды из Фарса. Он достиг Холована в Загросе на границе аббасидского владения Ирак Араби. Поссорившись с халифом, он направился маршем на Багдад.⁵⁴ Даже атабег Азербайджана (Табриз), страны, не включенной в маршрут его поездки, добровольно признал себя даньщиком Мухаммада. В это время, 1217, хорезмская тюркская империя граничила на севере с течением Сыр-Дарьи, на востоке – с Памиром и горами Вазирстана, на западе – с Азербайджаном и горами Луристана и Хузистана, включала в себя Трансоксонию, приблизительно весь Афганистан и почти всю Персию.

Затем он столкнулся с Чингиз-ханом.

Что касается последнего, то надо держать в виду то, что в момент монгольской атаки хорезмская империя был только что создана и существовала в конечном виде не более чем несколько лет. Она не имела времени для своей стабилизации и все еще была без какой-либо организаций. Падение этой импровизированной структуры при первых ударах не является следствием чужд-стратегии Чингиз-хана. Единственным связующим элементом между различными частями так называемой хорезмской империи был сам султан Мухаммад. И он, хотя и не был избалован ветрами удачи не более чем любой другой восточный правитель, был на самом деле подвержен к унынию также, как и к энтузиазму. Следует напомнить, что когда Чингиз-хан направился на завоевание этой империи, Бухара и Самарканд принадлежали к хорезмцам не более чем восемь лет,

последний город лишь после захвата штурмом и резни. Афганистан был полностью присоединен к Хорезму не более чем четыре года перед вторжением чингизидов (Газни в 1216). В самом деле, в противоположность к утверждениям историков, во время вторжения Чингиз-хана не было реальной хорезмской империи, за исключением простого эмбриона, общих черт империи, все еще незаполненной костяным скелетом государства. Чингиз-хан должен был бы иметь задачу совершенно другого порядка, если бы ему противостояло действительное государство типа кинского владения или северного Китая.

4

Русская степь с шестого до тринадцатого века

Авары

Для глаз географа степи южной России являются лишь продолжением азиатской степи. Историк придерживается такого же взгляда; мы видели справедливость этого положения в ее древности в связи со скифами, сарматами и гуннами и это не менее действительно в случае раннего средневековья, от аваров до чингизидов.

Миграция аваров из Центральной Азии в южную Россию известна по трудам византийских историков Теофилактуса Симокаттеса. Теофилактус различает действительных аваров от фальшивых аваров (*Pseudavaroi*). В первых он видит, как отметил Маркуарт, жуан-жуанов: людей монгольского рода, которые были хозяевами Монголии в продолжение пятого века, до тех пор пока они не были разбиты и заменены тюрками ту-чэ в 552. Под «фальшивыми аварами» он обозначает аваров европейской средневековой истории, которые присвоили себе это грозное название. Они, говорится, включали в себя две объединенные орды: орду уаров (или варов), откуда идет имя авар, и орду кунни или гуни; второй термин предполагает гуннское происхождение.¹ Два связанных имени уар и гуни

таким образом стоят за именами авар и гунн. Также заявляется, однако, что эти уары и гуни, от которых византийцы отчеканили свое слово *ouarkhonitai*, были двумя племенами огор; иначе говоря, согласно некоторым востоковедам, уйгур. Однако, уйгуры в истории были тюрками, в то время как авары Европы, представляется, должны были быть монголами. Более того, Алберт Геррманн, на одной из карт своего атласа, продолжает идентифицировать уар и гуни с жуан-жуанами, которые были совершенно определенно монголами.² Кроме того, как подчеркивает Минорский, отличие между «действительно аварами» и «псевдоаварами» основанное на единственном византийском источнике, представляется несколько скудным. Опять, как Геррманн полагает, если авары, которые эмигрировали в Европу во второй половине шестого века, не были жуан-жуанами,⁵ тогда они должны быть эфталитскими гуннами. Можно вспомнить, что эфталиты, которые владели Или, Трансоксонией и Бактрией в пятом веке и которые были, подобно жуан-жуанам, монгольского рода, были побеждены и замещены скоро после жуан-жуанов, около 565, теми же самыми врагами, ту-чэ, которые находились в союзе с сассанидской Персией против них (см. стр. 108).⁶

Какими бы не были правда и ошибка этого спора, это было к концу правления Юстиниана (ум. 565), когда авары, *Abares*, *Abaroi* на греческом языке, *Avagi*, *Avares* – на латыни, двинулись в Европу, идя впереди них, как Теофилактус Симокаттес говорит, «гуннугуры и сабиры и другие гуннские орды». Король аланов, называемый византийцами как Саросис, умудрялся оставаться с ними в хороших отношениях. Их внешний вид напоминал византийцам старых гуннов, за исключением того, что в противоположность к гуннам, авары носили свои волосы в двух длинных косах на спине. Они были шаманистами; Теофилактус упоминает одного из предсказателей или *bocolabras* (от монгольского *bögä*, ясновидец).⁷ Их посол Кандих, когда был принят на аудиенции у Юстиниана, потребовал от него земли и дань (557). Юстиниан затем отправил к ним своего посла Валентиноса (тот самый, который позднее посетил ту-чэ) и обратился к их кагану⁸ воевать против других орд, гуннугоров и сабиров или *Viguri* и *Sabiri*, которые и были разбиты. Авары разбили также кутригуров и утургурских гуннов, оба из которых были потомками народа Атилы, и скитались как кочевые на северо-западе от Азовского

моря и около устья Дона, соответственно (см. стр. 105). Они ассимилировали этих гуннов в свою орду. В то время как гунны, как тюрки, должны быть под вопросом и наши авары, кажется, должны быть монголами, мы опять еще раз видим, как каждая из двух великих тюрко-монгольских групп присоединили в пределах своей собственной империи представителей другой группы. Авары, действуя в качестве конфедератов византийской империи, разрушили эти гуннские королевства. В 560 их владения уже простирались от Волги до устья Дуная. Их каган раскинул свой лагерь на колесницах на северном берегу Дуная. На севере он разбил славянские племена (анты, словены и венды); на западе он проник в Германию и был, наконец, разбит в крупном сражении в Тюрингии королем франков Сигбертом из Аустрасии, внуком Кловиса (562).⁹ Авары откатились назад к Черному морю.

Скоро после этого (около 565), очень способный каган по имени Баян вззошел на аварский трон; его имя, как отмечает Пеллиот, особенно кажется монгольским.¹⁰ Подобно Аттиле перед ним и Чингиз-ханом после него, он, кажется, был скорее расчетливым и проницательным политиком, чем стратегом. В 557 в союзе с ломбардами, германская раса, осевшая в Паннонии, он разбил гепидов, другой германский народ (готического рода), которые были поселены в Венгрии и Трансильвании.¹¹ Венгрия была оккупирована аварами и Баян раскинул свой лагерь около старой столицы Аттилы. Таким образом, на этой венгерской долине, которая на протяжении всей истории являлась продолжением азиатской степи, была обновлена цепь тюрко-монгольской империи. Авары теперь правили от Волги до Австрии. Эта неожиданная экспансия банд жуан-жуанов или эфталитов, которые убежали от армий ту-чэ расстроили последних; поэтому они жаловались византийцам по поводу договора, заключенного между Юстинианом и аварами. Когда Тарду, король западных ту-чэ, принимал византийского посла Валентиноса на верхнем Юлудзе севернее Кучи, он его горько упрекал по поводу этого пакта. Менандер¹² цитирует его, сказавшего: «Пусть только эти уархуни [варчониты] посмеют дожидаться моей кавалерии и даже один вид их кнутов заставит их бежать в утроб земли! Не нашими мечами мы уничтожим эту расу рабов; мы разобьем их подобно муравьям кучам копытами наших коней.»¹³

В 576 для наказания византийцев за их отношения с аварами ту-чѣ направили в русские степи подразделение кавалерии под командой некоего Бохана, где вместе с последним вождем утругурских гуннов, анагаев оно атаковало византийский город Боспора или Пантикапеи около нынешней Керчи в Крыму, у входа в Азовское море.¹⁴

В 582 каган Баян открыл военные действия против византийцев и захватил Сирмиум (Митровица), плацдарм на Саве. Под давлением аваров некоторые болгары, народ, по-видимому, тюркского рода, которые, возможно, были потомками кутругурских гуннов, осели в Бессарабии и Валлахии, где их прибытие мадьяров позднее заставит их эмигрировать в Моесию, которую они превратят в Булгарию. На западе Баян, *gaganus*, как Грегори из Тура воспроизводит его монгольский титул, возобновил свою борьбу с франками около 575 и на этот раз разбил Сигеберта, короля Аустразии. Баян затем атаковал еще раз византийскую империю, взял Сингидунум (Белград) и разграбил Моесию до Анчиалуса (около Бургаса).¹⁵ В 587 он потерпел поражение от византийцев около Адрианополя и на время оставался неактивным. В 592 Баян совершил новый рейд, захватил Анчиалус и разграбил Тракию до Зурулума (Корлу). Способный византийский генерал по имени Прискус затем преуспел в сдерживании кагана; он даже пересек Дунай, атаковал его в сердце его империи, в Венгрии и последовательно нанес ему поражение на берегах Тиссы, убив четырех его сыновей (601). Скоро после этого несчастья Баян умер (602).

Следующий аварский каган пошел против Италии, находящуюся тогда под властью ломбардов. Авары уже воспользовались миграцией ломбардов из Паннонии в Ломбардию для оккупации Паннонии. В 610 их каган захватил и разграбил Фриули. В 619¹⁶ по случаю делового свидания в Гераклея Понтике (Ергели) в Тракии, он пошел на предательство: личное нападение на императора Гераклиуса с последующей атакой Константинополя. Как засада, так и атака закончились неудачей. Однако, враждебные действия, предпринятые Хосроу II, королем Персии, против византийской империи, скоро предоставили аварам неожиданную возможность. Персияне и авары объединились для осады Константинополя, первый из Малой Азии, второй через Тракию. В июне и июле

626 персидский генерал Шахрбараз, пройдя через Малую Азию с начала до ее конца, развернул свой лагерь в Халкедоне у входа в Боспор, а аварский каган расположился прямо у стен Константинополя. Император Гераклиус в это время находился на кавказском фронте и в его отсутствие защиту Константинополя возглавлял патриций Бонус. С 31 июля по 4 августа 626 авары предпринимали атаку за атакой. Это было смертельной опасностью для западной цивилизации, которую она не переживала в течение продолжительного времени. Что бы случилось с этой цивилизацией, если бы монгольская орда вступила в это время в столицу христианства? Однако, византийский флот, господствующий на Боспоре, помешал скоординированным усилиям персиян и аваров. Отброшенные с ужасными потерями после каждой из их атак, каган снял осаду и возвратился в Венгрию.

Эта неудача серьезно подорвала престиж аваров. После смерти кагана в 630 болгары, тюркский народ, которые до этого помогали аварам скорее в качестве союзников чем их вассалы, потребовали, чтобы звание кагана унаследовал их хан, Куврат; и авары должны были подавить их претензии силой. Тем не менее, они были вынуждены согласиться оставить болгаров хозяевами нынешней Валлахии и «Булгарии» к северу от Балканских гор, также, как они должны были позволить славянам (хорватам и др.) занимать территории между Дунаем и Савой. Сами они остались в венгерской долине до конца восьмого века.

Окончательное решение вопроса с монгольской ордой было оставлено Карлу Великому. В августе 791 во время своей первой кампании он лично вторгся в аварское ханство и прошел там до слияния Дуная и Рааба. В 795 его сын Пепин, с помощью Эрика, герцога Фриули, атаковал Ринг, крепость аваров со стенами, и захватил часть аварской казны, трофеев двухвековых вторжений в византийский мир. В 796, во время своей третьей кампании, Пепин разрушил Ринг и увел остаток казны. Один из аварских вождей, который носил древний тюрко-монгольский титул *тудун*, за год до этого пришел в Aix-la-Chapelle (Аахен), чтобы принять христианство.¹⁷ В 799 он восстал против правления франков, однако, это было уже последней борьбой. После последовавшего дисциплинарного наказания новый аварский вождь по имени Зодан пришел в 803 принять постоянную покорность. В

805 каган, крещенный с именем Теодор, правил аварами как подданный Карла Великого.

Однако, после столь многих несчастий авары уже не были в состоянии защищать себя против двойного давления славян и болгар. В конце правления Карла Великого и по его приказу они и каган Теодор покинули северный берег Дуная, уйдя в западную Паннонию между Карнунтумом и Сабарией. В конце девятого века старая Авария была разделена между (1) славянской империей Святополка (ум. 895), известным как Великая Моравия, которая простиралась от Богемии до Паннонии, включительно, и (2) тюркским ханством болгар, которое включало в себя южную Венгрию, Валлахию и Булгарию к северу от балканского хребта. Булгарское племя онохундур или оногур, предназначенное для присвоения своего имени Венгрии, занимало в частности регион к востоку и югу от Карпат.¹⁸

Авары не были без своего важного искусства, как это доказали археологические находки в Венгрии. Это искусство является ветвью степного искусства с измененными мотивами животных и, прежде всего, с спиральной геометрией или с чудесно сплетенными растительными мотивами, производящими замечательный декоративный эффект. Предметы, обычно в бронзе, состоят, подобно таковым в традиционном степном искусстве, из пластинок ремней и пряшек, украшений снаряжения или сбруи, скобов и фибул. В частности, интересно отметить тесное родство этих аварских находок в Венгрии с подобными бронзовыми предметами, найденных в Ордосе, на великой петле Желтой реки и датировемыми периодом гсиун-ну, жуан-жуан и ту-чэ. Среди богатейших венгерских мест находок следует отметить Кесзтели, Ксуни и Немевологи, Пахипусзта, Ксонград и Сзентес, Сзилаги-Сомлио, Дунапентеле, Улло и Кискорос.¹⁰ Аварское искусство, как отмечает Феттих, имеет особое сродство с последним сибирским стилем Минусинска, известного как стиль кочевого всадника. Сравнения, сделанные Феттихом, между этим стилем и стилем находок Миндсзента, Фенека и Пусзтатой, весьма просветительны. Следует также отметить твердую вероятность того, что авары внедрили стремя в практику Запада.

Булгары и мадьяры

После упадка аваров главная роль в тюрко-монгольской Европе на время принадлежала булгарам.²⁰ Этот народ, тюркского происхождения и родственный с кутригурскими гуннами, во второй четверти седьмого века построил сильное владение к северо-востоку от Кавказа, между кубанской долиной и Азовским морем, под руководством хана Куврата (ум. 642), вождя болгарского племени онохундур. После смерти Куврата наступление хазаров разделило болгарские племена на две части. Одна часть, во главе с Баяном, одним из сыновей Куврата, остался на территории под хазарским протекторатом. (Потомки этой ветви, полагают, позднее ушли на север в направлении на Каму и Казань и там основали Великую Булгарию, которая в тринадцатом веке была разрушена чингизидскими монголами; полагают, что их последними потомками являются нынешние чувашаи.) Вторая болгарская группа, ведомая ханом Аспарухом, друим сыном Куврата, ушла на запад, пересекла Дунай в 679 и осела в древней Моесии. Император Юстиниан II (705-11), защищенный во время византийских гражданских войн ханом Тервелом (701-18), наследником Аспаруха, официально признал это присвоение. Веком позднее булгары Моесии под водительством их хана Телетза (прибл. 762-64), напали на Константинополь; однако, византийский император Константин V разбил их в Анхиалусе, около нынешнего Бургаса (30 июня 762). В 811 другой болгарский хан, Крум, победил и убил императора Ничефоруса I и заимел винный кубок, сделанный из его черепа по древнему гуннскому образу; однако, в 813, когда он осадил Константинополь, он потерпел неудачу, аналогично аварам перед ним. Его наследник, хан Омуртаг (814-31), заключил мир с византийцами. Обращение в христианство царя Бориса (852-89) в середине девятого века и возрастающее славянское влияние, к которому были подвергнуты булгары, разделили этот народ от основной массы тюркских народов и интегрировали их в христианскую Европу.

Древняя территория аваров в конце девятого века была занята мадьярами или венграми. Венгерский язык принадлежит не к тюрко-монгольскому, а об-угро- части угро-финнской группы и между этими двумя лингвистскими группами

не было найдено еще никакой близкой связи.²¹ Тем не менее, возможно, что в какой-то период венгры политически были организованы тюркской аристократией. Такие абские географы, как автор *Hudud al-Alam* (982) и Гардизи (1084) различают (или путают) две мадьярские группы, одна из которых осталась на Уральских горах, где все еще живут нынешние вогулы,²² в то время как другая группа ушла сначала в «Леведию», севернее Аральского моря, и позднее, в «Ателкузу», что является долиной между нижним Днепром, Карпатами, Серетом, дунайской дельтой и Черным морем. В это время те же самые арабские географы (также, как и Константин Порфирогенитус) говорят о «мажгари» как о тюрках, несомненно, потому, что обе группы этих угро-финнов были организованы булгарами: те, которые находились на Урале - булгарами Камы, те, которые были из Ателкузу – онохундарами или оногурами, которые в девятом веке занимали юго-восточный регион Карпат.²³ Название *hungarians*, означенных мадьяров, возможно, происходило от этих оногуров, которые смешались с ними во второй половине девятого века. Другие источники связывают этих угро-финнских мадьяров с другим тюркским племенем кабары, которое соединилось с хазарами и которое, полагают, дало мадьярам их правящую семью арпадов. Присутствие оногуров или кабарской тюркской аристократии среди мадьяров объясняется византийским протоколом, по которому при обмене послами под Константином Порфирогенитисом мадьярские вожди всегда обозначались как «принцы тюрков, ἀρχοντες τῶν Τούρκων.»²⁴

Около 833 мадьяры проживали в Леведии, между Доном и Днепром, в составе клиентуры великой тюркской империи хазаров. К 850 или 860, вытесняемые печенежскими тюрками, они вступили в Ателузу. Они достигли дунайской дельты около 880. В своем новом владении венгры продолжали оставаться клиентами тюркского царства хазаров (см. ниже) и полагают, что это был хазарский хан, кто в качестве сюзерна, назначил молодого аристократа кабарского племени по имени Арпад принцем среди венгров. Скоро после этого византийский император Лев VI, будучи на войне с Симеоном, болгарским царем, позвал венгров на помощь. Венгры, ведомые Арпадом, пересекли Дунай и поставили Булгарию под огнем и мечом. Однако, болгары затем обратились за

помощью к печенегам, теперь уже хозяевам русской степи, которые атаковали венгров с тыла и вынудили Арпада и его народ искать убежище в горах Трансильвании. В это время Арнульф, король Германии, будучи на войне со славянским правителем Святополком, королем великой Моравии (Чехословакия, Австрия и западная Венгрия), решил, подобно Византии, обратиться за помощью к венграм. Арпад поспешно прибыл туда и победил Святополка, который исчез в этом конфликте (895). Великая Моравия пала и венгры приобрели постоянное местопребывание в стране, которая в последующем стала носить их название (899). Отныне их банды начали грабить Запад. Они вторглись в Италию вплоть до Павии (900). В Германии они разгромили последнего короля каролингов Людовика Малыша (910). Они предприняли рейд в Лотаринг (919), подвергли к огню Павию, прошли за Альпы до франкского королевства Бургундия и Прованс (924); другой рейд последовал в Аттени в Шампане (926); он разграбили регион Реймса и Сены до Берри (937) и опустошили Лотаринг, Шампань и Бургундию (954). Дни Атилы возвратились обратно и конца этому, казалось, не будет никогда. Наконец, 10 августа 955 Отто I, король Германии, победил венгров около Аугсбурга и эта победа положила конец вторжениям. В этом случае германский мир сохранил Европу.

Обращение венгерского короля Ваика в христианство, который принял имя Стефан, должно было изменить судьбу его народа. Во время правления «Св. Стефана», в начале как герцога и затем как короля (997-1038), Венгрия вступила в свое новое призвание. До того будучи ужасом Европы, она должна была стать ее надежнейшим защитником против нападения азиатского варварства: «щитом христианства». С времен монгольского вторжения в тринадцатом веке до изгнания османов в семнадцатом веке жизнь мадьярского народа была продолжительным, героическим и славным крестовым походом.

Хазары

В начале седьмого века юго-западная часть русской степи и Дагестан стали свидетелями восхождения хазарской империи.

Хазары были тюркским народом, которые преклонялись к Тэнгри и управлялись каганами и *тарханами*. Бартолд полагает, что они представляют ветвь западных тюрков, или, возможно более точно, западных гуннов.²⁵ Они были уже сильной нацией, когда в 626 их хан Зиебил по просьбе Гераклиуса на встрече в Тифлисе, одолжил византийскому императору 40 000 солдат для войны с Персией, подкрепление, с помощью которого Гераклиус опустошил сассанидскую территорию Азербайджан. Таким образом созданный союз между Византией и хазарами обновлялся много раз путем королевских женитьб. Император Юстиниан II, во время своей ссылки (695-705), нашел убежище у хазаров и женился на одной из сестер кагана, которая стала *basilissa* Теодора. Константин V, в свою очередь, в 732 женился на дочери хазарского кагана, которая стала *basilissa* Ирина. Их сын, император Лев IV, известен по прозвищу Лев Хазар (775-780). Эта система союзнических мероприятий была наиболее успешной для византийцев в их битвах против арабов, которых хазары могли взять с тыла в Закавказье (например, в 764), в то время как византийские армии атаковали в Малой Азии.

Сердечное отношение византийского двора по отношению к хазарам может быть рассмотрено и по другому поводу. Хазары были наиболее цивилизованным народом тюркской Европы, как и уйгуры из тюрков Центральной Азии. Хотя они никогда не приняли оседлый или сельскохозяйственный образ жизни, как иногда говорят, они построили связанное государство, обогатились через торговлю и имели относительно высокую культуру, благодаря своим контактам с Византией и арабским миром. Государство имело свой центр сначала в районе терекских степей. Первая хазарская «столица» Баланжар, как было установлено Маркуартом на основе источника Сулака, располагалась на южном притоке Терека. После ее разрушения арабами в 722-23 королевская резиденция была переведена в город, известный арабам как ал-Баида, Белый Город, название, которое Маркуарт хочет превратить в Саригшар, тюркское название Желтого Города (или лучше, как Минорский думает, Сариг-шин, иначе говоря, Саксин). Маркуарт помещает этот город в том же самом месте как город, занятый позднее столицей Итиль на устье Волги. Итиль, в данном случае, был лишь зимней резиденцией хазарских каганов. Летом они странствовали подобно их кочевых предков гсиун-ну, по степям, более

вероятно, по направлению к Кубани. В 833, желая владеть штаб-квартирами, менее доступных для странствующих орд, они обратились к византийскому императору Теофилусу по поводу инженеров, чтобы те построили им защищенную столицу. Теофиулус прислал им *protospathaire* (главный инженер) Петронаса, который помог им построить эту третью столицу, Саркел, который стоял или на устье или, более вероятно, на большом изгибе Дона.²⁶ На руинах старой Фанагории на таманском полуострове, напротив Крыма, хазары в дальнейшем соорудили торговый пост Матарка.

Хазарская империя была центром оживленной торговли. Византийские, арабские и еврейские купцы сходились в Итиле и Саркеле в поисках шкур с севера. Вместе с ними также христианство, ислам и иудаизм нашли дорогу в эту страну. Между 851 и 863 византийцы направили хазарам апостола Святого Кирила, который здесь встретил теплый прием. Биографы Святого Кирила показывают его спорящим с еврейским раввином за столом кагана. Ислам тоже, представленный многими арабскими жителями, многих обратил в мусульманство с 690 и дальше, с 868 и, особенно, после 965 стал одной из основных религий в регионе. Иудаизм пользовался даже большим предпочтением. В 767 Исаак Сангари начал свою службу среди хазаров. Масуди заявляет, что при халифате Гаруна ар-Рашида (786-809) хазарские каган и знать приняли эту религию. Преследование евреев, спровоцированный византийским императором Романус Лекапенусом (919-44), привело в страну многих израильянских беженцев.

Каган, который принял библейское имя Иосиф, говорят, написал письмо в 948 раввину Шисдаю, чтобы тот описал процветающее положение хазарского юдаизма; однако, Маркуарт сомневается в аутентичности этого знаменитого письма, поскольку оно датируется не раньше чем одиннадцатым веком.²⁷ Согласно *Risala* Ибн-Фадлана, каган, наместник, принц из Самандара (в Дагестане),²⁸ и другие знатные люди соблюдали иудейскую религию. В ходе репрессий за разрушение синагогов на исламской территории один из каганов разрушил минарет. Тем не менее, среди народа, мусульмане и христиане по численности превосходили евреев. Около 965 каган принял ислам по политическим

соображениям, однако, в 1016 хан Таманского полуострова был христианским хазаром по имени «Георгиос Тзоулос.»

В девятом веке хазары начали политически ослабевать. Эти цивилизованные тюрки иудейской веры были сметены ордами их собственной расы, которые оставались неукротенными язычниками. Еще раз степь была в состоянии волнения. Огузские тюрки с аральских степей (*Ouzoi* византийских авторов) прогнали печенегских тюрков региона Эмбы и реки Урал на запад. Около 850-60 печенеги, пересекая территории, которые принадлежали хазарской империи, вытеснили мадьяр, которые были клиентами хазаров, с северных берегов Азовского моря. Как мы уже видели, мадьяры затем ушли в Ателкузу, между Днепром и нижним Дунаем. Скоро, между 889 и 893, печенеги возобновили преследование мадьяров, вытеснили их из их нового места и, наконец, сами осели здесь, таким образом занимая всю ту часть русской степи, лежащей между устьем Дона и Молдавией. Хазары удержали лишь земли между низовьями Дона, нижней Волгой и Кавказом.

В 965 русский князь Киева Святослав атаковал хазаров и взял в свое владение их столицу Саркел на большом изгибе Дона. Однако, как заключает Бартолд, хазарский каганат пережил это несчастье или, по-меньшей мере, он удержал земли нижней Волги и Кубани и дагестанскую степь. В 1016 византийский император Басил II направил флот, поддерживаемый русской армией, против хазаров. Эти объединенные силы захватили таманский полуостров и хазарские владения в Крыму. К 1030 хазары исчезли как политическая сила. Однако, Византия сильно просчиталась, оказав помощь русским разгромить этих цивилизованных тюрков, наиболее старых и верных союзников империи. Место хазаров заняли дикие орды, которые установили контроль над понтийскими степями.

Печенеги и кипчаки

Печенеги (патзанакитаи Константина Порфирогенитуса и бачанаки Иштакри) были, как мы видели, тюркским племенем, которое, согласно Маркуарту,

однажды составляло часть конфедерации западного ту-чѐ, но было вытеснено карлукскими тюрками по направлению к низовьям Сыр-Дарьи и Аральского моря.²⁹ Продолжая свою миграцию на запад, они пасли свои стада и табуны между Уралом (Яик) и Волгой (Итиль), когда около 913 (согласно Константину Порфирогенитусу) они были отогнаны из этого региона совместной атакой хазаров и огузов. Далее на западе печенеги заняли «Леведию» севернее Азовского моря, отвоевав ее у мадьяров. Скоро после этого печенеги, возобновив свое продвижение на запад, прогнали мадьяров из Ателкузу, иначе говоря, из западной части русской степи между Днестром и нижним Дунаем. Таким образом около 900 печенеги освоили пастбища между устьями Днестра и Дуная. В 934 они присоединились к венгерскому вторжению в византийскую империю в Тракии; в 944 они были вместе с князем Игорем в его десанте против самой Византии. В 1026 они пересекли Дунай, однако были отражены способным Константином Диогеном.

В 1036 русский князь Киева Ярослав нанес им кровавое поражение, которое поставило конец их господству над степями и вынудило их рассчитывать еще раз на помощь византийской империи. В 1051 под толчком своих амбиций и из-за напора на них огузов, они опять вторглись в империю. Следующее вторжение случилось в 1064. Оно было сделано через Тракию прямо на Константинополь. Драма Византии заключалась в том, что она нанимала наемников среди язычных тюрков Европы, чтобы сражаться против мусульманских тюрков Азии, в то время как тюркское родство язычников было гораздо сильнее чем верность к бацилеусу. Этого можно было наблюдать в 1071 накануне битвы Малазгирта [Манзикерт], когда печенегский корпус дезертировал со службы императору Романус Диогену, предпочитая ему султана Алп Арслана. В 1087 в Европе во время правления Алексиус Комменуса печенеги вновь вторглись в Тракию до Кула (между Еносом и Константинополем), где, наконец, их вынудили бежать, оставляя своего вождя Тзелгу на поле боя. Алексиус Комменус сделал ошибку, преследуя их, и был разбит в Дристре (Дуросторум, Силистра) осенью 1087. Империю спасло прибытие другой тюркской орды, кипчаков или половцев, которые возникли из русской степи за печенегами и нанесли им поражение на Дунае. Однако, пока все эти орды не ушли в Россию, опять печенеги под давлением кипчаков вторглись в Тракию в

1088-89, дойдя до Ипсала, южнее Адрианополя, где Алексус вынужен был их откупить. В 1090 печенеги присоединились к селджукским в Малой Азии для атаки на Константинополь под долине Марицы, от Адрианополя до Еноса, в то время как селджукский флот, хозяин Смирны атаковал берега и из Никии селджукская армия угрожала Никомедии (Измит).

Это было повторением ситуации во время Гераклиуса и аваров, однако теперь и в Азии, и в Европе Византия противостояла против тюрков: языческие тюрки в Европе, мусульманские тюрки в Азии, объединенные против империи родственными связями. Печенеги зимовали около Лулебургаза, напротив византийским линиям, которые протягивались до Корлу. Еще раз Алексис Комменус обратился за помощью к кипчакам, которые, под командованием Тогортака и Маниака пришли в Тракию из России и взяли печенегов с тыла. 29 апреля 1091 объединенные византийские и кипчакские силы разбили печенегскую армию на горе Левунион. Это было казнью всего народа.³⁰ Остатки печенегов, переформировавшись в Валахии, предприняли новую попытку при последующем поколении, в 1121, попытку, которая заключала Булгарию, к северу от Балканской гряды. Они были ошеломлены и уничтожены императором Джон Коммениусом весной 1122.

Печенеги уступили свое место в русской степи огузам и кипчакам.

Огузы, чьи азиатские потомки известны ныне как туркмены и которые были известны арабам как гузы, обычно странствовали на северо-востоке от Каспийского моря и к северу Аральского моря.³¹ Клан этой нации, селджуки, приняли ислам и в одиннадцатом веке ушли искать счастья в Персии, где они основали великую тюркскую мусульманскую империю Тогрулбега, алп Арслана и Маликшаха (см. стр. 172). Аналогично, в одиннадцатом веке другой огузский клан, в этом случае языческий, Ouzoi по византийским историкам, сверг печенегское господство в русской степи. Русские летописцы впервые упоминают этих огузов, под простым названием тюрки, в 1054, одновременно с появлением половцев или кипчаков.³² Византийские историки сообщают, что в 1065, во время правления византийского императора Константина X Дукаса, эти оузои пересекли Дунай количеством в 600 000 человек и опустошили Балканский полуостров вплоть до

Салоники и северной Греции и скоро после этого были уничтожены печенегами и булгарами. Последние огузские банды, которые ушли на запад волжского региона в конечном счете были покорены, уничтожены или ассимилированы кипчаками.

Народ, известный среди тюрков как кипчаки были теми же самыми половцами русских, команой для византийцев, кумани (куманы) арабского географа Идриси и кун (коун) венгров.³³ Согласно Гардизи, они первоначально образовали часть группы кимэских тюрков, которые жили в Сибири на среднем течении Иртыша, или, возможно, как думает Минорский, вдоль реки Обь.³⁴ Кимэки и огузы были во всяком случае тесно родственными. (Кашгари отметил, что два народа различались от остальных тюркских народов изменением *y* на *j* [*dj*].) Около середины одиннадцатого века кипчаки, отделившись от основной массы кимэков, ушли по направлению к Европе. В 1054 русские летописи первыми отметили их присутствие в степи севернее Черного моря, также как и огузов, которых кипчаки выталкивали и гнали вперед. Кипчаки выиграли от победы огузов над печенегами и, когда огузы были разрезаны на куски византийцами и булгарами в течение роковых вторжений в Балканы (1065 и последующие годы), кипчаки остались единственными хозяевами русской степи. В 1120-21 Ибн-Атир ссылается на них, как на союзников грузинов. Приблизительно в это же время несколько монгольских кланов, близко родственных к хитанам и смешанных до некоторой степени с мигрирующими на запад кара-китайцами, полагают, должны были придти из сино-маньчжурских границ в регион рек Урала и Волги. Здесь они присоединились к главной массе кипчаков, среди которых они, возможно, заняли статус и функции правящего класса. Тем не менее, они должны были очень скоро ассимилироваться, соединяясь с чисто кипчацким элементом по мере того, как они поглощали в себя тюркский образ жизни.³⁵ Кипчаки оставались хозяевами русской степи вплоть до вторжения помощников Чингиз-хана в 1222.³⁶ Затем под влиянием русских некоторые кипчацкие вожди начали принимать христианство. Также, кипчаки посмертно оставили свое имя монгольской России, поскольку удел чингизидов, основанный на этой территории, стал известным как ханство кипчаков.

Из того, что должно иметься в виду из данного вывода, это успехи византийской империи в сопротивлении в продолжение нескольких столетий, последовательность орд, которые били по ее границам. Начиная от Аттилы, до огузов, все эти неотшлифованные тюрки и монголы представляли гораздо более грозную опасность для христианского мира чем кризис 1453.

II

Чингизидские монголы

5

Чингиз-хан

Монголия в двенадцатом веке

В конце двенадцатого века карта Азии выглядела следующим образом: Китай был разделен между национальной империей Сун на юге со столицей в Ханьчоу, и, на севере, тунгусским королевством журчидов, ю-ченгов или киноу, столицей которого был Пекин. В северо-западной части Китая, ныне Ордос и Кансу, возникло тангутское королевство хси-хсия, имеющего тибетские корни. На северо-западе Тарима, от Турфана до Кучи, жили уйгурские тюрки, цивилизованные тюрки с буддийской и несторианской культурами. Иссык-кульский регион Чу и Кашгария образовали империю кара-китайцев, народа монгольского рода и китайской культуры. Трансоксания и почти весь Иран принадлежали султанам Хорезма, которые были тюркского рода, но

мусульманской веры и арабо-персидской культуры. За ними вся мусульманская Азия была разделена между аббасидскими халифами в Багдаде, айюбидскими султанами курдского рода и арабской культуры в Сирии и Египте, и селджукскими султанами тюркской расы и заметной арабской культуры в Малой Азии.

Эта была оседлая Азия. За ней на север, на сибирско-монгольских границах, в степях к северу от Гоби к Алтаю, хангайским и кентейским горам, странствовали многочисленные племена, которые оставались кочевыми и которые принадлежали к трем ветвям алтайской расы: тюркской, монгольской и тунгусской. Несмотря на языковые различия, большинство кочевых Центральной Азии, ведущие одинаковый образ жизни при одинаковых условиях климата, имели этническое сходство, которое поражало всех путешественников в этих частях Азии. Портрет, описанный Гренардом мало различается от описаний Аммиануса Марселлинуса, Уильяма Рубрука или китайского летописца: «Они имели широкие лица, плоские носы, выдающиеся скулы, узкие глаза, толстые губы, скудные бороды и прямые черные волосы; смуглые кожи, с солнечным загаром, ветрами и морозами; они были малы ростом и их коренастые, тяжелые тела стояли на кривых ногах.» Этот портрет вечного гунна или монгола не похож на портрет эскимоса или крестьянина Куссеса Франции; потому что жизнь на этих обширных продуваемых всеми ветрами просторах, замерзших зимой и спаленных на несколько недель летом, требует от любой расы несговорчивую и поразительную силу, чтобы выжить в таких условиях.

Установить точное местопребывание многих этих племен с какой-либо точностью весьма трудно и их вероятное положение может быть лишь оценено.

Один из основных тюрко-монгольских народов найманы, кажется, обитал в нынешнем округе Кобдо и районе Убса Нора, простирающегося до Черного Иртыша и озера Зайсан в одном направлении и до верхней Селенги в другом направлении. «Хотя их имена кажутся монгольскими (*найман*, по монгольски, означает восемь), их система титулов является тюркской и найманы вполне могли быть монголизированными тюркам».¹ Несторианство многих из них обратило в свою веру. Та'rikh-i-Jahan-gusha даже говорит нам, что несториане были в большинстве и что в начале тринадцатого века наследник их королей, знаменитый

Ключлюг, был обращен в эту веру.² Тем не менее, Секретная История показывает, что шаманы пользовались одинаковым влиянием среди найманов, поскольку на войне они были способны вызывать помощь бурь и другие элементы. Найманы заимствовали основы своей культуры у уйгуров, своих соседей на юге. В начале тринадцатого века найманский принц имел в качестве хранителя печати и личного секретаря уйгурского ученого по имени (в китайской транскрипции) Та-та-тун-а, поскольку уйгурский тюркский язык служил в качестве канцелярного языка. Естественно, Китай также (в виде журчидского или кинского Китая) использовал свой авторитет сред них, как это ясно доказано титулом *таян*, который носил их король во время Чингиз-хана: титул, связанный со словами «великий король» (*та-ван*), по-китайски. При предыдущем поколении найманский король Инанчъ-билгэ, отец нашего *таяна*, оставил после себя репутацию храброго вождя.

К северу от найманов на верхнем Енисее находились киргизы, тюркские племена, чьи вожди носили титул *инал*. После того как они были изгнаны из региона верхнего Орхона около 920 из-за хитанского вторжения, они перестали играть какую-либо роль в будущей истории.

Кераитский народ боролся за власть с найманским народом.³ Их точное местопребывание определено весьма скудно.⁴ Многие востоковеды располагают его к югу от Селенги, на верхнем Орхоне и на Туле и Онгкине, на нынешней территории Саин Нояна. Согласно другим историкам, найманы двинулись дальше на восток к региону Каракорума, где зона кераитов и начиналась. Кераиты обычно рассматриваются как тюрки. «Предание монгольского происхождения не оставляет места для этого и трудно сказать, были ли кераиты монголами, сильно подверженные тюркскому влиянию, или монголизированными тюрками. Во всяком случае, многие кераитские титулы были тюркскими и Тогрул скорее является тюркским, чем монгольским именем.»⁵ Кераиты, полагается, были обращены в несторианство скоро после 1000, при обстоятельствах, связанных с сирийским летописцем Бар Гебрауесом. Кераитский хан,⁶ который заблудился в степи, говорят, был спасен чудесным появлением Святого Сергиса (Сергиус). При подстрекательстве христианских купцов, которые были в это время в стране, он попросил Ебежесу, несторианского митрополита Мерва в Хурасане, прибыть к

нему самому или прислать священника для его крещения вместе с его племенем. Письмо Ебежесу к несторианскому патриарху (Багдад) Джону VI (ум. 1011), датированное 1009 и цитированное Бар Гебраеусом, утверждает, что 200 000 кераитских тюрок были крещены вместе с их ханом.⁷ В двенадцатом веке члены кераитской правящей семьи продолжали носить христианские имена. Этот факт был одним из источников легенды Запад о «Престере Джоне», в то время как другой источник относится к негусу (член королевской семьи – В.М.) Эфиопии.⁸ За два поколения до эры Чингиз-хана их хан, который называл себя Маргуз (т.е. Маркус) Буюируком, стремился к гегемонии на востоке от Гоби, как это делали татары, и, разумеется, кинские короли Пекина. Однако, завоеванный татарами, он был доставлен ими в руки киноу и пригвозден к деревянному ослу. Его вдова, говорят, отомстил за него убийством татарского хана. Маргуз оставил после себя двух сыновей, Курякуза (Курякус) с христианским именем, как его собственным, и Гур-хана. Курякуз был наследником. После смерти Курякуза его сын и наследник Тогрул взойшел на кераитский трон. Он встретился с необходимостью борьбы против своего дяди Гур-хана, которого поддерживал Инанч, король найманов и который на время изгнал его из страны. Однако, в свою очередь, он смог изгнать Гурхана, благодаря поддержке монгольского вождя Есугея, отца Чингиз-хана.⁹

Когда в 1199 он разбил татар с помощью и по приказу кинского двора Пекина, Тогрул стал на короткое время наиболее сильным правителем в Монголии. Двор Пекина подкрепил свою власть присвоением ему китайского титула короля: *ван*. Он известен в истории под двойным королевским титулом, китайско-тюркским, *ван-хан*. Чингиз-хан сделал свой дебют как клиент и вассал этого правителя.

К северу от кераитов на низовьях Селенги, южнее озера Байкал, жили меркиты, тюркской или монгольской расы, среди которых можно было найти христиан.¹⁰ Еще севернее меркитов, к западу от Байкальского озера жили ояирады или ойраты, люди монгольского рода. (Их название означает на монгольском, «конфедераты».)¹¹

На северном крае Маньчжурии, в «кармане» между реками Аргунь и Амур, обитали соланы, которые были тунгусского рода и чьи потомки, солоны, живут там

поныне. Далее на юг, на южном берегу Керулена, около Бор Нора и до хинганской гряды, странствовали татары, которые, Пеллиот думает, не были тунгусами, но «видимо, говорящие на монгольском языке». Татары, иногда смешивали с «Девятью Татарами» (Токуз Татар) и иногда с «Тридцатью Татарами» (Отуз Татары), были уже упомянуты в тюркских надписях восьмого века в Кошо-Цайдаме. Даже в то время они могли жить в регионе нижнего Керулена.¹² Татары двенадцатого века были храбрыми воинами и считались одними из наиболее свирепых среди всех этих народов. По направлению к Маньчжурии они создали серьезную угрозу сино-тунгусскому королевству кинов. Это было связано с возможностью фланговой атаки на них с северо-запада и поэтому двор Пекина оказал помощь ранним действиям Чингиз-хана.

Истинные монголы, в ограниченном, историческом смысле этого слова,¹³ одним из которых был Чингиз-хан, совершали свои сезонные передвижения на северо-востоке современной Внешней Монголии, между реками Онон и Керулен. Как мы видели, история фиксирует существование этих людей, которые почти опеределенно говорили на монгольском языке задолго до появления племен, которые с Чингиз-ханом, должны были дать свое имя всей группе, почти также, как мы нашли тюркские народы перед восхождением истинного ту-чэ. Таким образом полагается, что мы должны учитывать среди монгологоворящих народов гсиен-пи третьего века, жуан-жуанов и эфталитов пятого века и аваров Европы (с шестого до девятого веков). Также было признано, что хитаны, которые сыграли такую большую роль с восьмого до двенадцатого веков, говорили на монгольском диалекте, который, однако, из-за контакта с тунгусскими языками стал сильно смягченным.¹⁴ Хотя многие эти «прото-монголы» основали обширные владения, однако, никто из них не достиг такой всемирной славы, как истинные монголы или чингизиды.

Согласно монгольским преданиям, собранных Рашид ад-Дином, монгольский народ, завоеванный в очень ранние времена тюрками, должен был искать убежище в горах Еркен-кун. Во время, которое персидские историки оценивают как девятый век, эти предки монголов, полагают, спустились с гор Еркен-кун на долины Селенги и Онона. Те же самые предания связывают историю

мифических предков Алан-коа, который, после смерти ее мужа Добун-мергена, будто бы, стала беременной предками нирунских монголов посредством луча света. Наконец, было добавлено, что нирунский монгол Бодунчар был предком, за восемь поколений назад, Чингиз-хана.

В двенадцатом веке истинные монголы были разделены на многочисленные *улусы*, слово, которое, согласно Владимирцеву, означает и племя, и малый народ.¹⁵ Эти независимые племена воевали между собой также, как и со своими соседями, в особенности, с татарами. Семья, где родился Чингиз-хан, принадлежала клану (*обок*) Боржигина и под-клану (*ясун*) Кията. Позднее, после триумфа Чингиз-хана, стало обычаем разделять монгольские племена в две категории, в зависимости оттого, родственны ли они с Киятом, или нет. Первые составляли нируны, сыновья света или чистые; последние попадали в категорию дюрлюкинов, которые были низшего происхождения. Среди нирунов были тайжиготы, таичиуты или таййиуты¹⁶ (которые, кажется, жили несколько дальше от основного народа, дальше на север и к востоку от Байкала; уруды и манкуды; джайраты или джюираты; барула или барла; дюрбен (сегодня Дерет); салджигут или салджиут; и кадаган, катагин или катакин. Среди дюрлюкинов числились арулаты или арлады, баяуты, корола или корла, сулду, икирэ и конгираты, конкараты или конграды. Эти последние, кажется, странствовали дальше на юго-запад, по направлению к северному Хингану, около страны татар.¹⁷ Джилаирское племя, часто числившееся среди монголов и располагавшегося или южнее слияния Хилока и Селенги или ближе к Онону, возможно, было тюркским племенем, принужденным быть вассалом и ассимилированным монголами во время легендарного монгольского героя Кайду.¹⁸

С точки зрения их образа жизни монголы в конце двенадцатого века, возможно, теоретически разделены на пастушьи племена степи и охотничьи и рыболовные племена леса. Действительно, на монголо-сибирских границах дом монголов был на конском хребте между степной (скорее, пустынной) зоной на юге и в лесу к северу. Гренард думает, что первоначально монголы были не степной расы, а скорее народом, пришедшим из лесистых холмов. «Их лесное происхождение видно в большом использовании деревянных телег. Даже сегодня

монголы, в противоположность к казахам степи, используют деревянные бочонки вместо кожаных бутылей.» Степные племена, которые были более специфично кочевыми, делали сезонные миграции между горами и долинами, в поиске пастбищ и на стоянках они сооружали свои войлоковые палатки, которых французы называют (между прочим, ошибочно) *юртами*. Лесные племена жили в хижинах из березовой коры.

Бартолд и Владимирцев находят, что пастушьи племена, более богатые из этих двух категорий, возглавляли вожди, носящие титулы *багатур* или *баатур* (храбрый) и *ноян* (вождь), и *сечен* или *сетсен* (по-монгольски, мудрый), билгэ (тоже самое на тюркском) и *таи-тси* или *таиши* (по-китайски, принц). «Основная забота этой аристократии багатуров и ноянов», пишет Владимирцев, «состояла в нахождении земель для пастбищ (*нутук*), и обеспечении необходимым числом подзащитных и рабов для заботы об их стадах и палатках.»¹⁹ Эта аристократия владела властью над другими социальными классами: воины или преданные, которые по определению были свободными людьми или *нокюд*, простые люди (*карачу*, *арад*) и, наконец, рабы (*богулы*). Последняя категория включала не только индивидуальных рабов, но и покоренных племен, которые становились вассалами или крепостными победителей и которые ухаживали за животными, воевали в качестве наемников в их войнах и т.д.

Среди племен лесных охотников (хоюин-ирген), опять согласно русским экспертам по Монголии Бартолда и Владимирцева, аристократия имела менее важное положение, чем у кочевых скотоводов степи (*кеер-ун ирген*). Эти исследователи указывают, что лесные племена частично находились под властью шаманов. Владимирцев думает, что когда шаманы объединили правящий статус с чудотворящей властью, они взяли титул *бэки* или *бэги* и, действительно, вожди оиратов и мэркитов²⁰ во время Чингиз-хана были так обозначались. Однако, среди всех тюрко-монгольских народов важную роль играли шаманы или колдуны (*кам*, на старо-тюркском, *богэ* и *шаман*, на монгольском и *шан-ман* в китайской транскрипции тунгусских жученов).²¹ Роль шамана Кокчу в основании империи чингизидов будет изложена ниже.

На деле разделение было гораздо менее резким чем это можно вывести из терминов скотовод и лесной человек. Среди истинных монголов, например, таижиутов, относился к охотникам леса, в то время как Чингиз-хан, полагают, родился в племени скотоводов. Кроме того, все эти тюрко-монголы были охотниками одного или другого вида; лесные люди, даже в глубокой зимой, когда они одевали свои деревянные или костяные лыжи,²² то охотились за куницами и сибирскими белками, которыми они торговали, в то время как скотоводы гнались за антилопами или оленями с лассо или луком по безграничной степи. «Степная аристократия» охотилась с орлами. Клан мог менять свой образ жизни на другую, в зависимости от превратностей его кочевого существования. В юности Чингиз-хан, лишенный стада своего отца своими родственниками, был вынужден со своей матерью и братьями убогий образ жизни охотника и рыболова перед тем, как он был в состоянии составить свое состояние на лошадях и овцах.

В целом, лесные племена должны были быть более дикими, без контакта с цивилизованной жизнью, за исключением, через решето кочевых, которые делали выгоду через свою близость к уйгурам центрального Гоби, хитанам реки Лиао и журчидам Пекина. Они не имели городов, но во время своих миграций создавали группы лагерей (*аул*). Войлоковые палатки (*гер*) на кибитках (*караутай терген*, *касак-терген*) ставили кругом (курийен) или временными группами, предвестниками будущих городов.²³ Этнографы отмечают прогресс, достигнутый переходом от грубой хижины лесных монголов к *гер* или войлоковой палатке кочевых, которую легко было складывать и опять ставить на другое место, и которая среди чингизидских великих ханов тринадцатого века стала такой просторной и комфортабельной, с ее кучами из меха и коврами, что она стала действительным дворцом для путешествия. Однако, из-за упадка монголов в нынешние времена *гер* выродился и он больше не имеет даже малой трубы, которая в тринадцатом веке служила для вентиляции и дымохода.²⁴

Наконец, разделение монгольских людей на лесных охотников и кочевых скотоводов степи можно наблюдать на двух основных типах палаток: (1) *гер* или круглая войлоковая палатка, описанная выше, которая требует большое количество столбов и дранок, указывающая на людей, живущих в местах достижения лесной

зоны; (2) низкая, широкая, шерстяная палатка, *майхан*, которую более легко сооружать для кочевых, живущих в безлесной степи. В период чингизидов войлоковые палатки часто сооружали на кибитках, которые облегчали транспорт, по-меньшей мере, на равнине, и делали возможным продвижение реальных «кочевых городов», вид транспорта, который с того времени уже утерян.²⁵

Тем не менее, определенно, что к двенадцатому веку Монголия в культурном отношении регрессировала по сравнению с девятым веком. Во время их господства на Орхоне ту-чэ и, прежде всего, уйгуры начали разрабатывать сельскохозяйственные центры.²⁶ С их заменой на киргизов, после 840, страна вернулась к степной жизни. Ту-чэ или уйгурские надписи Орхона создают впечатление об относительной цивилизации, которую далее невозможно найти в истории Чингиз-хана.²⁷ Оккупация страны киргизами в 840 удушила сирогдианскую цивилизацию, внесенную маихеанами. Изгнание киргизов в 920 оставило страну в состоянии анархии, поскольку уйгуры, как мы отметили, отказались возвратиться в Орхон. Все еще просачивающаяся толика цивилизации, приходила от тех же самых уйгуров, которые установились дальше на юге, в Бешбалиге (сегодня Дзимса) и Турфане; по тому же пути пришла и несторианская пропаганда. Тем не менее, в Монголии несторианство, как заметил Рубрук, притерпело падение почти до уровня шаманства, с которым он соревновался за умы вождей.

Первые попытки объединения среди монголов

Предание говорит, что, возможно, даже перед двенадцатым веком была предпринята первая попытка среди истинных монголов образовать организованную нацию (*улус-ирген*). Монгольский вождь по имени Кайду, говорится, отличился победой над соперничающим племенем джилаириков и начал считать среди своей клиентуры некоторое число семей, принадлежащих к различным племенам. Это был его правнук Кабул, уже награжденный правящим титулом Кабул-хан и, скорее посмертно, в Секретной Истории, императорским титулом Кабул-каган,²⁸ кто посмел воспротивиться мощным журчидским

владыкам, кинским правителям, хозяевам северного Китая. Монгольское предание показывает его сперва вассалом кинов, принятым в Пекине кинским императором и ведущего себя в его присутствии как дикарь в цивилизованной стране. Он изумил этого правителя своим пантагруеллианским аппетитом и жаждой, и, будучи пьяным, дергал бороду своего хозяина. Император простил его и одарил его роскошными подарками при его обитии. Однако, отношения между ними скоро испортились. Кабул-хан, заключенный в тюрьму кинам, бежал, убив офицеров, посланных в погоню за ним. Возможно, что эти рассказы являются отражением, в переносном смысле, битв кинов против кочевых Монголии в 1135-39. В ходе этих сражений кинский генерал Ху-ша-ху, продвинувшись в степь, был разгромлен «монг-ку» и из-за этого в 1147 двор Пекина должен был заключить мир, предложив монголам большое поголовье скота и овец и некоторое количество зерна. Сино-жучен источники дают имя Ао-ло по-ки-ли вождю, который получил эти контрибуции, имя, которое, согласно Пеллиоту, может быть восстановлено как Оро богила.²⁹ Бартолд пытался отнести это имя к тому Кутула-кагану, четвертому сыну Кабула и знаменитой фигуре в монгольском предании.³⁰

Кутула-каган (отметим термин каган или император, если даже он был дарован задолго после смерти во время сочинения *Секретной Истории*, около 1240) также является легендарным героем. «Его голос звучал как гром в горах; его руки были подобны когтям медведя и могли сломать человека, как лук, на две части. Зимними ночами он спал голым на костре из больших деревьев и не чувствовал ни искр, ни веток, падающих на его тело; когда просыпался, то принимал ожоги за укусы насекомых.»³¹ Однако, вместе с этим баснословным рассказом предание утверждает, что один из его братьев, Окин-баркак, и его двоюродный брат, Амбакаи, взятые в плене татарами, были доставлены ими в руки кинов, которые пригвоздили их к деревянному ослу, «пытке, сохраненной для мятежных кочевых.» Мстя им, Кутула вторгся и разграбил кинскую территорию. Китайские записи говорят, что в 1161, преследуя монголов за эти опустошения, кинский император направил против них экспедицию. Монгольское предание, в свою очередь, рассказывает о несчастье, постигшем монголов в битве против объединенных сил кинов и татар около Бор Нор. Выходит, что с целью разрушения

власти монголов двор Пекина обратился за помощью к татарам и их объединенные силы достигли этой цели. В результате, сыновья Кутула, Жочи и Алтан, не имели никакого королевского ранга и Секретная История, озабоченная продолжением династии, никогда не одаривает Алтана титулом кагана. После первого монгольского королевского величия, разрушенного кинами и татарами, народ возвратился к старому порядку племен, кланов и субкланов.

Правда, что чингизидское предание относится к Есугею, отцу Чингиз-хана, как отпрыску древних королей. Оно говорит, в частности, что он был сыном Бартан-баатура, второго сына Кабул-кагана. Бартолд скептичен по поводу этой генеалогии, возможно, ошибочно, поскольку свидетельства Секретной Истории, Yüan-Shih и Рашида ад-Дина едва ли были чистым вымыслом, где такие недавние факты рассматривались. Что является определенным, это то, что Есугей никогда не фигурировал как каган или даже как хан, а только как вождь киятского клана со скромным титулом *баатур* или *багатур*. Он воевал, подобно всем его людям, против татар, которые стали наследственными врагами монголов. Его приключения являются приключениями храброго вождя клана и не больше. Он помог одному из кераитских претендентов на трон, Тогрулу, преодолеть его соперника Гур-хана, дяди Тогрула, что позднее позволил получить Чингиз-хану ценную дружбу. Он похитил Оелун, молодую жену маркитского вождя и женился на ней; она стала матерью Тимучина, нашего Чингиз-хана. Перед тем, как он умер, он помолвил юного Тимучина с маленькой дочерью вождя кунгиратов (поскольку монголы были экзогамными, т.е. женились на представителях других племен). Около 1167 татарам удалось отравить Есугея во время еды в степи.

Юность Чингиз-хана

Старший сын Есугея Тимучин, который однажды будет называться Чингиз-ханом, родился около 1167 «на правом берегу Онона, в регионе Дюлюн-Болдак,³² приблизительно на долготе 115⁰ восточнее Гринвича.»³³ Мы немного знаем о его физическом виде из свидетельства китайца Чао Хуна и персиянина Джузиани: он был высокорослым, с крепким сложением, с широким лбом, «с кошачьими глазами»

и, в конце своей жизни, с длинной бородой. Блуждания его юности, его сопротивляемость как к страшным морозам, так и к удушающей жаре, его чрезвычайная выносливость, его безразличие к ранам и плохое обращение при поражении, отступлении или в плену, все свидетельствуют о его поразительной живучести. Его тело было закалено со времен юности сильными лишениями, под воздействием одного из суровейших климатов и в наиболее опасных обстоятельствах. Его дух был закален с самого начала тяжелыми испытаниями. Эти испытания сделали из него человека из железа, человека, изумившего весь мир.

Когда он остался сиротой около 1179, ему было всего двенадцать лет или около и его клан, считая его слишком слабым для правления, отказался от послушания ему. Несмотря на энергию его матери, Оелун-еке, последний из верных его отцу приверженцев отвернулся от него, уведя с собой его стада.³⁴ Ограбленный таким образом своим родственником, мальчик остался один со своей матерью, со своими тремя братьями Касаром,³⁵ Качиуном и Тимужем, и двумя братьями по крови Бектером и Белгутаем (сыновья от другой жены). Эта небольшая группа, ныне терпящая бедствие, была вынуждена добывать средства для жизни охотой и рыбной ловлей в Кентейских горах (известные тогда как Буркак Калдун) на верховьях Онона. Положению Тимучина как главы боржигинского клана бросили вызов и отобрали у него вожди таюичиутского клана Таргутай Кирилтук³⁶ и его брат Тодоян-Гирте, сыновья Амбакая. Они тоже, следовательно, принадлежали, возможно, с большей вероятностью, к ветви монгольского клана Кайду, который выпал из своего правящего сословия после несчастья 1161.

Между тем, в кентейских горах Тимучин и его братья добывали себе необходимое охотой и рыбной ловлей. Когда его полу-брат Бекгер украл у него жаворонка и рыбу, то Тимучин получил помощь от своего младшего брата Касара и застрелил Бектера на смерть из лука. Ведя такую тяжелую жизнь, юные Тимучин и Касар росли выносливыми и бесстрашными. Таюичиутский вождь Таргутай Кирилтук, который думал, что они умерли, стал расстроенным и негодующим их упорным выживанием; преследуя Тимучина в лесах Кентея, он смог захватить его в

плен и заковал его в деревянную раму. Тимучин бежал, благодаря тайному сговору с вождем сулду Соркан-шира и его сыновей Чилауна и Чимбая. Благодаря своему и брата искусственным владением луком он начал восстанавливать состояние своего дома. «Он теперь имеет девять коней!» Восемь из них были украдены грабителями степи, однако он их отобрал у них обратно с помощью сына арулатского вожда, молодого Боорчу (или Богорчу), который с этого времени стал его наиболее верным помощником и позднее, в дни его величия, одним из его лучших генералов. Возникнув таким образом из жизни желаний, он пришел к Даи-Сечен, конгиратскому вождю, просить руку его дочери, юной Бёрте, которая была обещана ему с детства.³⁷ Даи-Сечен согласился и дал ему в качестве приданого кучу шкур черных соболей. Скоро после этого Тимучин перевел свой лагерь из верховьев Онона в его лагерь в Керулуне.

Чингиз-хан – вассал кераитов

Неся с собой подарки из соболиных шкур, Тимучин отправился в Тулу с визитом покорности ко двору сильного вожда кераитов Тогрулу (прибл. 1175?). Тогрул, помня о помощи, оказанной однажды ему отцом Тимучина, приветствовал молодого человека и добавил его к числу своих подопечных. С этого времени Тогрул и Тимучин были союзниками, хотя последний оставался определенно вассалом. Это ясно из титула «хан, мой отец», которым Тимучин обращался к кераитскому королю в знаменитом сообщении, цитируемом ниже (см. следующий раздел).

Скоро после этого Тимучин был взят врасплох бандой меркитов, ведомой их вождем Токтоа-беки.³⁸ Лишь оставив свою жену Бёрте в качестве пленной в их руках, он смог бежать (к Кентею).³⁹ Тимучин заручился помощью другого монгольского вожда своего возраста, Ямуки, из джаиратского племени, также как помощью со стороны кераитского правителя Тогрула. Он втроем разбили меркитов на Бууре, притоке Селенги, и спасли заложницу. Последняя была восстановлена на ее почетном месте в доме и Тимучин никогда не выяснял, является ли родившийся

скоро после этого Жучи, официально его старший сын, его ребенком или одного из меркитских похитителей Чилгербёкё. Тем не менее, это невысказанное сомнение о рождении Жучи мог быть фактором, препятствовавшим главе «старшей ветви» или скорее его потомкам, играть основную роль в делах наследования чингизидов.

Между тем Тимучин и Ямука, хотя они были *анда* или клятвенными братьями, скоро поссорились. Каждый имел своей целью восстановление древней правящей семьи монголов в свою пользу и стать признан как хан.

Секретная История рассказывает, как, после блуждания вместе в течение полутора лет в регионе Корканак Жубура⁴⁰ на Ононе, они расстались. То было место, где последний монгольский хан Кутула праздновал свое избрание и возможно, что оно воспламенило амбиции двух молодых вождей. Тимучин стоял лагерем в горах, Ямука у реки. «На склоне горы», якобы, Ямука сказал, «палатки конепроизводителей; кроме реки, пастбищные земли овцеводов.» Бартолд и Владимирцев заключают из этого, что Тимучина поддерживали конники, «степная аристократия», а Ямуку – бедные пастухи, простой народ или *карачу*.⁴¹ Далее Секретная История повествует, что Ямука «радовался новшествам и презирал традиции.» Владимирцев отсюда выводит заключение, что он был представителем типа демократической партии, в то время как Чингиз-хан стоял за знать, что предсказывается просто просто поспешной интерпретацией. Какой бы ни была ценность русских аргументов, остается единственный факт, что после того, как Тимучин и Ямука разделились, в окружении Тимучина появились «люди жилаирского клана, клана киятов и клана бааринов.» Более экзальтированные представители монгольской аристократии перешли в его сторону: его дядя по отцу Даритай-очигин и старшая ветвь потомков знаменитого Кабу-кагана, среди них Сача-беки, правнук Кабула (и внук Окин-баркака) и вождь журкинского клана,⁴² и Алтан-очигин, сын Кутула-кагана. Другими словами, он добился поддержки наследников последних двух монгольских королей. Владимирцев, интерпретируя отрывок из *Секретной Истории*, верит, что два претендента на новый королевский дом, представители древнего королевства предпочли Тимучина, поскольку они считали его более традиционным в перспективе и более понятливым, в то время как живой характер и стремления к новшествам Ямуки вызвали у них опасения.

Алтан, законный наследник древнего трона, отклонил титул хана, несомненно, по оппортунистским причинам, и несколько колеблясь, отдал голоса, как мы можем называть, своей легитимной партии, Тимучину, который и был избран.⁴³ Алтан и Сача-беки были первыми, кто провозгласил Тимучина ханом, иначе говоря, королем, королем истинных монголов на этих выборах, которые предшествовали его избранию через десять лет, в 1206, в качестве верховного хана или императора всех тюрко-монгольских народов Центральной Азии. Как король, Тимучин взял имя Чингиз-хан. Точное толкование этого имени все еще вызывает споры среди исследователей.⁴⁴

Кроме политических расчетов и, с целью их маскировки, некоторые «религиозные факторы» способствовали его избранию. Некоторое время до этого бааринский вождь Корчи заявил: «Небо (Тэнгри) распорядилось, чтобы Тимучин должен быть нашим ханом. Это открыл мне Дух, а я его открываю для вас.» Другое заявление такого рода был тем, что можно назвать «предсказанием Мукали.» Однажды, когда Тимучин стоял лагерем на Корганак Жубуре, Жилаир Мукали напомнил ему, что на этом месте, под тем же деревом, Кутула, последний монгольский вождь, носивший титул хана, танцевал и праздновал свое возвышение на трон. «С того времени монголы знали плохие дни и более не было среди них хана. Однако, Вечное Голубое Небо не позабыл своих людей, семью Кутула. Герой должен вырасти среди монголов, грозный хан и отомстит за их беды...»⁴⁵ Отрываясь от религиозного аспекта этого текста, избрание Чингиз-хана поражают нас, как выбор вождя войны и охоты. Клятва, принесенная его «выборщиками», Алтаном, Кучаром и Сача-беки, как сообщает Секретная История, примечательна: «Мы решили провозгласить тебя ханом. Мы будем пойдем в авангарде в сражение; если мы будем уносить женщин и девушек, то приз быть первым у них, будет твоим. Мы будем первыми на охоте; если мы выиграем, то приз будет тебе.»⁴⁶

Имелся лишь один, кто мог и должен был быть обеспокоен этой властью: Тогрул, правитель кераитов, который видел в своем вчерашнем подопечном идущего на равенство с ним. Однако, Тогрул был без воображения, колеблющийся, второго сорта вождь и не смог осознать подразумеваемое данного

события. Более того, новый Чингиз-хан был весьма осторожным, чтобы объявить себя более преданным, как никогда, и сознательным вассалом. В дополнение, как сами обстоятельства, без сомнения, так и факт, что Чингиз-хан был далек от объединения истинных монголов, были убедительными для Тогрула. Напротив, против него, его соперник Ямука имел своих собственных сторонников. Более того, кераитский король, как и Чингиз-хан, имел некоторых внешних врагов – татар.

Мы видели, что один из верных приверженцев Чингиз-хана, Желаир Мукали,⁴⁷ который уговорил его называть себя ханом, сделал это, согласно Секретной Истории, напоминанием о старой вражде между монголами и татарами. Это были татары, кто доставил двух членов старой монгольской королевской семьи кинам для того, чтобы они были постыло измучены; татары, которые в 1161, в союзе с кинами, разрушили первое монгольское королевство; и татары, которые около 1167, предательски убили Есугея, отца Чингиз-хана, на дружеском обеде в степи, угостив его отравленной едой. «Ты должен быть ханом, о Тимучин, чтобы отомстить нашим врагам татарамз, и ты должен возвеличить славу монголов!»

Случай представился. Татары, кажется, завоевали монголов лишь с помощью Пекина. Однако, как только победа сделала их хозяевами восточного Гоби, они непрерывно беспокоили границы кинского владения. Двор Пекина, пересмотрев систему союзов, решил финансировать и натравить на них кераитского короля Тогрула. В качестве его верного подопенного Чингиз-хан сопровождал Тогрула в войну (прибл. 1198), счастливый возможностью мстить наследственному врагу. Охваченные кинами с юго-востока и кераитами и Чингиз-ханом с северо-запада, татары Бор Нора были тяжело разбиты. Кераитский король и Чингиз-хан продвинулись вдоль реки Улжа, согласно *Секретной Истории*, для убийства татарского вождя Мегужина сеулту. Двор Пекина наградил Тогрула китайским титулом ван (король или принц), отсюда имя Ван-хан, которым он известен в истории. Чингиз-хан тоже получил китайский титул, но гораздо скромный, что доказывает, что в это время двор Пекина видел в нем не более чем неизвестного вассала кераитов.

Владимирцев думает, что это было после этой кампании, когда Чингиз-хан наказал многих монгольских принцев, потомков старой правящей семьи за отказ

следовать за ним и Ван-ханом против татар, убив Сача-беки, внука прославленного Кабула и вождя журкинского клана и двух других принцев Тайчу и Бури-беке. В своей знаменитой жалобе Ван-хану Завоеватель заявляет, что он пожертвовал «этими горячо-любимыми братьями» в качестве кары за кераитов. В самом деле, он был весьма рад найти такой блестящий повод для демонстрации себя представителем «монгольской законности».

Если мы будем следовать официальной истории Чингиз-хана, то союз между Чингиз-ханом и Ван-ханом может показаться был в пользу последнего. Во всяком случае, если сначала покровительство Ван-хана дало возможность Чингиз-хану спастись от своих врагов, то монгольский герой скоро был способным отплатить тем же своему сюзерну. В трудно определяемое время⁴⁸ Ван-хан оказался низложенным своим собственным братом Ерке-кара,⁴⁹ которого поддерживал Инанч-билгэ, король найманов.⁵⁰ Он бежал на юго-запад, дойдя до реки Чу, где были кара-китайцы, которых он тщетно искал помощи. Поссорившись с гур-ханом или королем Кара-Китая, он несчастно блуждал около Гоби и в отчаянии искал убежища у Чингиз-хана. Чингиз-хан снабдил его небольшим войском и помог отвоевать кераитскую страну. Это было то, что Завоеватель позднее напомним ему в своей жесткой, нарочито наивной речи: «Ослабев от голода, ты пришел как угасающий огонь. Я дал тебе овец, коней, добро. Ты был худым. Я сделал тебя опять толстым.»

Другой брат Ван-хана, Ягамбу,⁵¹ искал убежище в кинской империи. Чингиз-хан доставил его обратно, отправив войска для защиты от меркитов, которые устроили для него засаду. «И это было второй услугой, которую я тебе оказал», говорил Чингиз-хан Ван-хану.⁵²

Теперь, согласно преданию о чингизидах, детали, которые по этому поводу так подробны, что они должны содержать некоторое зерно правды, если даже она представляется лишь с одной стороны, Ван-хан иногда проявлял мало благодарности за все эти услуги. Он нарушал военный пакт о союзе, когда и как он хотел. Не поставив в известность Чингиз-хана, он препринял выгодный налет против меркитов, вынудил их вождя Токтоа бежать по устью Селенги к юго-восточному берегу озера Байкал (страна баргу, баргужинов или баргучинов

Секретной Истории), убил одного из сыновей Токтоа, захватил другого и большое количество пленных, скота и трофея, из которых, в дальнейшем нарушение военных соглашений, он не дал ничего Чингиз-хану.

Чингиз-хан, как верный вассал, тем не менее сопровождал Ван-хана в объединенной экспедиции против найманов. Это было хорошей возможностью. После смерти найманского короля Инанч-билгэ, возник спор, по поводу владения наложницами, между двумя его сыновьями Тайбука (Тайбуга или Байбука), лучше известного по его китайскому титулу *тай-ван* или *тай-ян* (по-монгольски, таян) и Буюируком. Таян правил кланами долины, возможно, около озер в провинции Кобдо, и Буюирук – кланами горных мест около Алтая. Воспользовавшись этим обстоятельством, Ван-хан и Чингиз-хан вторглись в владение Буюирука и вынудили его отступить к Урунгу. Преследуемый, рассказывает *Секретная История*, до озера Кизил-баш, несомненно, Улунгу Нор, в которую впадает Урунгу, он был, наконец, убит. (Однако, Рашид ад-Дин, вместе с *Yüan Shih*, утверждает, что он нашел убежище около верхнего Енисея, в киргизской стране.) Однако, следующей зимой найманский генерал Косегу (или Коксу) Сабрак, один из людей Буюирука, предпринял внезапную контратаку против двух союзников.⁵³ Столкновение было очень жестоким. Ночью Ван-хан снялся с позиций, не поставив в известность Чингиз-хана, который должен был рискованный отход делать в одиночку. Несмотря на этот факт, близкий к предательству, Чингиз-хан, если верить официальной истории Чингиз-хана, никогда не отступил от своей верности к сюзерну. Найманы, в свою очередь, пришли грабить керайтскую территорию и заставили бежать сперва брата (Ягамбу), а затем сына (Сангюн) Ван-хана. Последний жалобно обратился за помощью к союзнику, которого обманул. Чингиз-хан вновь направил к нему своих «четыре великих воинов» (дорбен кулууд): Боорчу, Мукали, Борокул и Чилаун, которые едва спасли Сангина, однако, погнали найманов из керайтской страны и возвратили угнанный скот.⁵⁴ Касар, брат Чингиз-хана, завершил кампанию великой победой над найманами.

The *Yüan Shih* описывает после этой войны кампанию, проведенную Чингиз-ханом и Ван-ханом против таюичиутов, которые были разгромлены на верхнем Ононе. Должно быть тогда жестокий враг Чингиз-хана и преследователь в его

детстве таюичиутовский вождь Таргутай был убит от руки храброго Чилауна.⁵⁴ Согласно *Yüan Shih*, затем имела место коалиция, скорее, тайный заговор между многими кланами, которые были расстроены поражением найманов и таюичиутов. К заговору присоединились катакины, салжуиты, дорбены, конгираты и остатки татар. После приношения в жертву белого жеребца, они поклялись ошеломить Чингиз-хана и Ван-хана. Однако, Чингиз-хан, предупрежденный своевременно своим тестем, конгиратом Даи-Сеченом, нанес сокрушительное поражение лиге врагов около озера Буюур. Несомненно, к этой акции Завоеватель позднее ссылался в своем знаменитом поэтическом послании Ван-хану: «Подобно орлу я летел над горами и пересек озеро Буюур; за тебя я поймал голубоногих журавлей с серым оперением, то есть, дорбенов и татар; проходя затем озеро Коло, я еще раз поймал голубоногих журавлей для тебя: катакинов, салжиутов и конгиратов.»⁵⁶

Официально Ван-хан был наиболее сильным принцем в Монголии, но его власть стояла на шатком фундаменте. Преданный своей семьей, как мы видели, он должен был делить кираитский трон со своим дядей Гур-ханом. За него затем он боролся со своим братом Ерке-кара. The *Yüan Shih* добавляет, что после своей вышеупомянутой победы над коалицией Ван-хан был почти низложен своим другим братом, Ягамбу, который, найдя свой заговор раскрытым, нашел убежище у найманов.⁵⁷

Монголия бурлила. Вождь жаиратов Ямука создал контр-лигу против гегемонии, которую Ван-хан и Чингиз-хан старались установить. Он был активным и грозным противником и преуспел в концентрации вокруг себя не только кланов истинных монголов, которые подняли мятеж против Чингиз-хана – жаиратов, таюичиутов, конгиратов, икире, корла, дорбенов, катакинов и салжиутов, но и меркитов, ойратов, найманов и татар. На великом собрании, состоявшемся в 1201 в Алкуи-булаа, на берегах Аргуна (нижнее течение Керулена), он провозгласил себя *гур-ханом*, «ханом вселенной», то есть, императором Монголии.

Монгольская империя была теперь на пути становления реальностью. Вопрос был в том, кто из двух соперников, Чингиз-хан или Ямука, выиграет ее. На этой дуэли Чингиз-хан имел преимущество цепкости, политической прозорливости, искусства привлечения права на свою сторону и, в начале, твердой

поддержки кераита Ван-хана. Ямука имел, казалось, значительную, если несколько бессвязную энергию, живой ум и дар интриг. Однако, если верить чингизидским источникам, Ямука был неверный союзник и не колебался грабить племена своей партии, в то время как Чингиз-хан, кажется, был непоколебимым верным покровителем тех, кто вручил ему свою судьбу.

Между этими двумя находился Ван-хан, который наклонял весы. Он пришел на помощь к Чингиз-хану и вместе они победили Ямуку в Коютане,⁵⁸ несмотря на волнение, поднятое ойратскими и найанскими волшебниками, они вынудили его отступить к нижнему Аргуну. После этой экспедиции Валдимирцев датирует последнюю кампанию Чингиз-хана против таюичиутов, его вражеских братьев, также как и знаменитый эпизод «преданность Желме». Отброшенного после первой атаки и раненного Чингиз-хана лечил преданный Желме, который высосал свернувшуюся кровь из его раны. Каким бы ни был хронологический порядок этих различных экспедиций, поскольку он все еще не совсем ясен, в конце концов Чингиз-хан полностью победил таюичиутов, необходимую часть их уничтожил и оставшихся принудил к повиновению, таким образом восстановив единство боржигинского клана. Молодой таюичиут или, скорее, Есут, воин, который своим луком убил коня под Чингиз-ханом, ожидал казни. Чингиз-хан его помиловал и под именем Жебе, «стрела», меткий стрелок стал одним из прекрасных полководцев Чингиз-хана.⁵⁹ Со своим товарищем по славе Суботаем, он был наиболее прославленным генералом в монгольском эпосе.⁶⁰

Теперь Чингиз-хан мог рассчитывать со старыми врагами монголов и убийцами своего отца, татарами Чаган Татаром и Алчи Татаром. С целью более лучшего исполнения операции он запретил личные грабежи. Татары, побежденные, были уничтожены и оставшиеся в живых были распределены среди монгольских племен (1202). Чингиз-хан сам выбрал для себя двух прекрасных татарских женщин, Есуи и Есуган. Три монгольских принца, родственники Чингиз-хана – Алтан, представитель знатной ветви старой правящей семьи и сын бывшего монгольского хана Кутула; Кучар; и Даритай, дядя Чингиз-хана по отцу – игнорировали приказ и грабили для себя. Однако, их награбленное было отнято у них. Алтан и Кучар, и даже Даритай, начали отходить от Завоевателя и скоро

присоединились к его врагам. Находящиеся на востоке, дальше чем татары, солоны реки Нонни были вынуждены признать себя плательщиками дани.

После покорения татар Токтоа, король меркитов, возвратился из Забайкалья (из страны Баргу к юго-востоку от озера Байкал), где он был вынужден искать убежище, и, согласно Yüan Shih, препринял новую атаку на Чингиз-хана, который его разгромил.⁶¹ Затем, в хронологическом порядке, данным *Yüan Shih*, Токтоа присоединился к найманскому анти-королю Буюируку, под знамена которых перешли дорбены, татары, катакины и остатки салжиутов. Эта новая коалиция воевала против объединенных сил Ван-хана и Чингиз-хана в сериях походов и антипоходов через горы, в буранах, вызванных, заявляет *Yüan Shih*, найманскими колдунами. Хотя топография, подобно хронологии, этих действий ненадежна, обе они оставляют впечатление о чрезвычайно подвижных ордах, которые в курсе этих споров перемещались с одного конца Монголии на другой, от великого Алтая к Хинганской гряде. Объединенные для сезонной кампании или кратковременной стычки, они затем рассеются, вне зависимости оттого, был ли рейд успешным или наоборот, поскольку каждый клан вновь заботился о своей независимости. Чингиз-хан один, среди этих вождей с колеблющимися целями и нескоординированными действиями, представлял собой фиксированную опору, не потому, что он составил какой-либо жесткий план своих будущих завоеваний, а потому, что его сильная личность позволяла ему превратить этот вечное состояние партизанских сражений в свою пользу.

Разрыв с Ван-ханом: покорение кераитов

До этого, несмотря на некрасивое отношение Ван-хана по отношению к нему, Чингиз-хан оставался всегда верным ему вассалом. Решив, что он превосходно выполнил свои обязательства как вассал, монгольский герой попросил руки принцессы Чаур-беки,⁶² дочери Ван-хана, для своего сына Жучи. Отказ Ван-хана, говорит *Секретная История*, глубоко ранил героя.

Кераитский король определенно ошибся, не усмотрев в своем вассале соперника и не прижав его когтем, когда он провозгласил себя ханом около 1196.

Когда Ван-хан начал чувствовать проблему, уже было слишком поздно. Он был старый, его волосы поседели и он выглядел, как человек, который хотел бы закончить свои дни в мире. Однако, его сын Илка или Нилка, лучше известный по китайскому титулу циан-киун; сангюн (по-монгольски), просил его порвать с Чингиз-ханом.⁶³ Сангюн посоветовал своему отцу поддержать Ямуку против Чингиз-хана. Связанный с ним личными узами сангюн подговори Ямуку, после падения его эфемерного королевства, искать убежище в кераитском дворе. Действуя вместе с сангюном, Ямука подстрек недоверие Ван-хан к его сильному вассалу, обвиняя последнего в замышлении предательства. «Я жаворонок», заявил он Ван-хану, «живущий всегда в одном и том же месте, независимо от сезона, хорош ли он или плох. Чингиз-хан является диким гусем, который зимой улетает в дальние края.»⁶⁴ Между тем Алтан, законный наследник древних монгольских ханов, который никогда не переставал жалеть, что позволил королевству переходить в руки выскочки, также предложил себя Ван-хану и аналогично подталкивал его пойти войной против своего временного союзника.

В 1203 разрыв между Чингиз-ханом и кераитом состоялся. Этот разрыв означал решительный поворот в жизни монгольского героя. Завершив играть свою блестящую, но вторую, роль в команде Ван-хана, он теперь должен был бороться за себя и за первое место.

По подстрекательству сангюна кераит попытался избавиться от Чингиз-хана вызовом его к себе, якобы, для разговора о примирении, однако, новость о ловушке просочилась внаружу. Они затем планировали совершить против него внезапную атаку. Два пастуха, Кишлик и Бадай, которые услышали, как кераитский генерал объяснял своим людям этот план, поспешили предупредить Чингиз-хана. За этот поступок позднее он возвел их в ранг знати.⁶⁵

Чингиз-хан поспешно приготовился к войне. Секретная История говорит, что он сперва ушел в окрестности высот Маоундура, где он оставил небольшой авангард. На следующий день он обосновался дальше в тылу, окол песочных дьюн, которых *Yüan Shih* называет «А-лан», которых d'Osson (после Рашида ад-Дина) обозначает как «Халаджин-алт» и которых Нуасинthus идентифицирует как «Халагоун-ала». Другими словами, это было «Калакалджит-елет» *Секретной Истории*.

Более точно, позиция была около уступов Хинганской гряды, у верховьев реки Халка.⁶⁶ Хотя он своевременно был предупрежден своими конными патрулями (люди Алчидай-нояна) о приближении врага, тем не менее Чингиз-хану предстояло пройти, по-видимому, наиболее суровое испытание в своей карьере. Стычка была действительно яростной. Помощники Чингиз-хана, старый Журчидай-ноян, вождь клана уруд и Куилдар-сечен из мангкудского клана, сотворили чудо. Куилдар поклялся водрузить свой *тук*, свой стандарт с якским или конским хвостом, на холме в тылу у врага. Проникнув за линию врага, он исполнил свою клятву. Журчедай поранил стрелой кераитского сангюна в лицо. Однако, из-за превосходства в живой силе кераитов Чингиз-хан отошел с поля боя ночью. Его третий сын Огодай (Огедей) не откликнулся на переключке, как и два его наиболее верных офицеров Боочу и Борокул. Наконец, они появились. Борокул на коне, держа на своих руках Огодая, который был ранен стрелой в шею. При виде этого, говорит Секретная История, мужчина из железа заплакал.⁶⁷

Чингиз-хан, который просто переживал наихудшие времена, отступил вдоль Халки⁶⁸ по направлению к Борн Нору и северному Далай Нору, «около озера Тун-ко» по китайской номенклатуре *Yüan Shih*. На устье Халки в Бор Норе жили конгираты, племя, из которого происходила жена Чингиз-хана. Чингиз-хан обратился к ним за помощью во имя этого родства и скоро после этого получил поддержку. Из региона Бор Нор и Далай Нор⁶⁹ Чингиз-хан замыслил передать устное сообщение Ван-хану, воспроизведенное или суммированное в большинстве источников, которым он стрался расшевелить сердце своего бывшего сюзерна, напоминая ему о годах их дружбы и о своих услугах, которых он оказал ему.⁷⁰ Он желал, объяснял он, не больше чем восстановить его почтение. (Напротив, он желал усыпить бдительность Ван-хана, отвечал сангюн.) Чингиз назвал Ван-хана своим отцом, «*хан ечиге*», и подчеркнул, что он всегда скрупулезно исполнял свои обязанности в качестве вассала. Его верноподаннический характер и его мысли восстановить себя в правах были любопытно подчеркнуты в различных вариантах этой знаменитого отрывка. В таком же духе он напоминал Алтану, потомку древних монгольских ханов, который теперь числился среди его врагов, что если он, Чингиз-хан, принял ханство, это есть действие самого Алтана, поскольку Алтан

и другие представители старших ветвей отказались от чести для себя.⁷¹ Под эпической и лирической формой этой поэмы лежит легитимное утверждение, подчеркивающее правильность поведения Чингиз-хана, как человека и союзника, и адресованное к своему бывшему покровителю. С политической точки зрения, следует признать, что Ван-хан, воспринимая все это как слишком позднее, поспешил поддерживать ранние усилия этого уверенного человека. Однако, разрывая союз без какой-либо значительной причины и предательски атакуя Чингиз-хана, он дал своему оппоненту право делать тоже самое. И в это время кераитский правитель, порывистый, слабый, весь в колебаниях, трусливо подвергался нажиму со стороны своего окружения, и находился под угрозой мятежа со стороны своего сына сангюна, если он не предпримет все свои усилия, никак не был ровней для Чингиз-хана.

Однако, на время, Чингиз-хан, покинутый некоторыми своими последователями после неудачи в Калакалжит-елете, переживал наиболее болезненные часы своего правления. Будучи в крупном меньшинстве по количеству воинов, он был вынужден отступить на север по направлению Сибири, к крайней границе монгольской территории и современного Забайкалья. Он отступил с горсткой верных приверженцев, на север нынешней Маньчжурии, недалеко от Аргун,⁷² около омута Балжуна, из которого он был вынужден пить грязную воду.⁷³ На Балжуне он провел лето 1203. «Балжунцы», те, кто с ним разделил там горестные часы, впоследствии были богато вознаграждены.

Однако, вновь образованная коалиция против Чингиз-хана распустилась по своей инициативе, поскольку непостоянные кочевники могли допускать лишь сезонные пакты. Согласно Рашид ад-Дину, несколько монгольских вождей, выступающие вместе с Ван-чану из-за ненависти к Чингиз-хану, Даритай, Кучар, Алтан, Ямука, присоединились к заговору с целью убийства кераитского правителя. Своевременно предупрежденный Ван-хан напал на них и когда они бежали, завладел их багажом. Ямука, Кучар и Алтан искали убежища у найманов, в то время как Даритай перешел под покровительство Чингиз-хана.

Вследствие этого положение Чингиз-хана существенно улучшилось, когда он осенью 1203 прошел от Балжуна к Онону для возобновления атаки. Он

использовал своего брата Касара, чья семья оказалась под властью кераита, для рассеивания подозрений Ван-хана обманными сообщениями. Переубежденный Ван-хан начал мирные переговоры и отправил Чингиз-хану «кровь в роге быка» для использования при клятве. В тоже самое время Чингиз-хан, после тайного перехода, напал на кераитскую армию, которая была ошеломлена внезапностью и рассеяна. Эта битва, которую *Секретная История* помещает на Жежеер Ундуре (гора Че-че юн-ту в *Yüan Shih*),⁷⁴ несомненно, между источниками Тулы и Керулена, обеспечила решительный триумф Чингиз-хану. Ван-хан Тогрул и его сын Сангюн бежали на запад. После прибытия в найманскую страну Ван-хан был убит найманским офицером по имени Корисю-беки, который не смог узнать его.⁷⁶ Его голова была отправлена Таяну; мать Таяна, Гурбесу, предложила жертву к духу мертвого человека перед этим похоронным трофеем и «музыку в его честь». Сангюн пересек Гоби и на время вел разбойничью жизнь на границе владений хси-хсиа, около Етсин Гола и, возможно, позднее около Цайдама, и закончил свои дни в неизвестности, будучи убит в Куче среди уйгуров.⁷⁷

Кераитский народ выразил покорность к Чингиз-хану и с того времени служил ему верно. Тем не менее, он был достаточно осторожен и расселил кераитских элементов среди различных монгольских кланов с целью их ассимиляции. Он демонстрировал, в частности, свою озабоченность по поводу людей Ягамбу (брат Ван-хана), поскольку он женился на Ибака-беки,⁷⁸ на одной из дочерей Ягамбу, и поскольку его младший сын Толуй женился на другой дочери Ягамбу, принцессе Сорхактани (она будет играть далее значительную роль в семье чингизидов).

Покорение найманов. Объединение Монголии

После покорения кераитов Чингиз-ханом осталась лишь одна независимая страна в Монголии: найманы под их королем или Таяном. Или скорее в это время (конец 1203), когда Чингиз-хан сделался хозяином восточной Монголии, Таян оставался во владении запада. Инстинктивно, все побежденные и заядлые враги Чингиз-хана тянулись к Таяну; Ямука, джайратский вождь, меркитский вождь

Токтоа-беки⁷⁹ и Кутука-беки, вождь ойратов, не говоря уже о разбитых элементах и рассеянных племенах, как дербены, катакины, салжиуты и татары, и даже мятежных кераитах. Все они теперь приготовились на войну с Чингиз-ханом. Для того, чтобы обойти его с фланга, Таян искал помощи у онгут-тюрок, которые жили вокруг Токто (к северу от нынешней провинции Шаньси, в северной части нынешнего Суияна) и действовали как защитники границ кинской империи, которые по случаю были несторианами. Однако онгутский вождь Алакуш-тигин, когда его попросили пойти на отвлекательный маневр против Чингиз-хана, то он поспешил предупредить монгольского завоевателя и перешел на его сторону.⁸⁰

Перед тем, как приступить к войне против найманов, согласно *Секретной Истории*, Чингиз-хан издал различные декреты по организации монгольской армии и государства (см. ниже стр. 220, в частности, по какому поводу говорится о гвардии, *kāshik*).⁸¹ Затем, решив задачу предупреждения найманской атаки, он созвал *курултай* или собрание своего народа весной 1204 около реки, которую *Секретная История* называет как Темейен-кеер. Большинство военных руководителей сказала, что кони слишком худы в это время и что будет лучше, если повременить с операцией до осени. Младший брат Чингиз-хана Темуже и их дядя Даритай-ноян были за немедленную атаку, чтобы выиграть преимущество засчет внезапности. Чингиз-хан поблагодарил за их рвение и направился против найманской страны. Некоторые источники, такие как *Yüan Shih*, заключают, что он открыл военные действия сразу; другие утверждают, что это было осенью, когда он вступил в найманскую территорию. Таян и его союзники Ямука, Токтоа-беки и Кутука-беки - все найманские, джайратские, меркитские и ойратские силы - выступили на встречу с монголами, говорит *Yüan Shih*, от Алтая до Хангая. Столкновение имело место в Хангае, около нынешнего Каракорума,. Будет ошибкой принять утверждение Абул Гази, что сражение имело место около реки Алтай – Алтай-Су – или искать это место около реки Кобдо как, например, это Алберт Геррманн делает, недалеко от озера Кара Усу.⁸² Таян, в действительности, думал об отступлении за Алтай, чтобы измотать монгольскую армию длинным маршем и затем взять ее врасплох в каком-либо ущелье. Его помощник Корисю-бачи пристыдил его за чрезвычайную осторожность: когда его отец Инанч-билгэ,

старый найманский правитель, поварачивался спиной или задом своего коня врагу? Взбешенный этой насмешкой, *Таян* дал приказ для атаки.

Это было жестокое и ужасное столкновение. Касар, брат Чингиз-хана, который командовал монгольским центром, продемонстрировал совершенное руководство. К вечеру монголы стали победителями. *Таян*, смертельно раненный, был утащен его людьми на холм. Здесь рассказчик *Секретной Истории* переходит на эпический тон. *Таян* спрашивает своих верных последователей: «Кто они такие, которые преследуют нас как волки преследуют овец?» Ямука отвечает: «Это они четыре охотничьих пса моего брата Тимужина. Они вскормлены человеческим мясом и привязаны железной цепью; их скулы из меди, их зубы вытесаны из камня, их языки подобны мечам и их сердца сделаны из железа. Вместо плетей они сплели соболей; они утоливают жажду росой и скачут с ветром; в сражении они пожирают человеческое мясо. Теперь они здесь спущены с цепи, их пасти слюнятся, они веселятся. Эти четыре пса - Жебе, Кублай, Желме, Суботай!» *Таян* спрашивает вновь: «Кто это сзади, мчится вперед подобно голодному ястребу!» Это есть мой *анда* Тимужин, одетый в железо. Ты сказал, что когда монгол придет к тебе, то будет пожирать его как ты пожирал барана и не оставит ни куска мяса. И теперь...!»⁸³ Монгольское сказание идет дальше и говорит, что последний из верных последователей тщетно спросил *Таяна*, что они должны делать. Однако их хозяин умирал. В бесплодном усилии поднять его, Корису-беки плакал, что его жены и его мать Гурбесу⁸⁴ ждут его в палатке. Ослабленный потерей крови, *Таян* оставался лежать на земле. Затем последние его люди во главе с Корису-бачи отправились вниз с холма, воевать и умирать. Чингиз-хан, восхищенный их неустрашимой храбростью, мог бы сохранить им жизнь, однако, они отказались сдаться и сражались до тех пор, пока не были убиты. Кючлюг,⁸⁵ сын *Таяна*, смог бежать с некоторыми своими людьми, несомненно, по направлению к Иртышу. За исключением этих беженцев, большая часть найманского народа вынужден был покориться Чингиз-хану.

Меркитский вождь Токтоа-беки последовал за Кючлюгом в побеге.⁸⁶ Низший вождь меркитов Дайер Усун, сдался сам и выдал свою дочь, любимую Кулан, замуж за Чингиз-хана. Эпизод, рассказываемый в *Секретной Истории*, о

молодом офицере Ная, ведущего Кулана к Чингиз-хану через страну, кишашую мародерами, представляет яркую картину грубых и простодушных манеров этого времени.⁸⁷ The *Yüan Shih* уверяет нас, что найманский принц Буюирук, брат Ван-хана, продолжал держаться и вместе с Кючлюгом, Токтоа-беки и Ямукой предложил сражение около верхнего Иртыша, недалеко от озера Зайсан и хребта Улу-Тау, иначе говоря, около массива, образованного сибирским Алтаем, Табагатаем и Чингизом. Все четверо пали, один за другим. Буюирук был удивлен охотой за ним около Улу-Тау эскадронами Чингиз-хана и был убит (согласно *Yüan Shih*, в 1206). Осенью 1208⁸⁸ сам Чингиз-хан прошел маршем на верхний Иртыш, чтобы покончить с «мятежниками.» По пути он получил покорность ойратского вождя Кутука-беки, который, будучи не в состоянии сопротивляться ему, присоединился к нему и служил в качестве проводника. Кючлюг и Токтоа были атакованы на берегах Иртыша и окружены. Токтоа умер в сражении. Кючлюгу повезло с побегом в кара-китайскую империю. Ямука, вождь джаиратов, который вел жизнь авантюриста с бандой беженцев, превратившихся в разбойников, был доставлен своими людьми в руки Чингиз-хана. D'Ohsson уверенно ставит это событие непосредственно после поражения и смерти *Таяна*, в 1204, тогда как Рашид ад-Дин не дает никакой его даты. Владимирцев, напротив, следуя последовательности *Секретной Истории*, ставит пленение Ямуки после смерти Токтоа, которая случилась в 1208. Помня, что они были *анда*, клятвенными братьями, Чингиз-хан позволил ему умирать как принц, без проливания крови. «Это было заметной привилегией», замечает Владимирцев, «поскольку, согласно шаманским повериям, человеческая кровь является местом для его духа.» Предание, записанное Рашидом ад-Дином, что Алчидай (племянник Чингиз-хана, которому он доверил охрану, или казнь Ямуки, мучал своего пленника, разрывая ему его суставы одного за другим, представляется весьма причудливым. Следует помнить, что Ямука, человек, который поставил себя в роль анти-Цезаря в противостоянии Чингиз-хану, в конечном счете, показал себя больше как трус и интриган. Втянув сперва кераитов и затем найманов в войну против своего соперника, он дезертировал перед боем дважды к ряду, покинув сперва Ван-хана и позднее *Таяна*.

Последние меркитские банды были разбиты скоро после этого монгольским генералом Суботаем.⁸⁹ Наконец, киргизы верхнего Енисея (регионы Танну-Ола и Минусинска) в 1207 покорились без войны.

Теперь была покорена вся Монголия. Штандарт Чингиз-хана – белый штандарт с девятью пламенами – стал флагом тюрко-монголов.

После поражения найманов в 1204 хранитель печати Таяна Та-та-тун-а, уйгур, вступил на службу Чингиз-хану, когда он пал в руки монголов.⁹⁰ Так был образован эбрион монгольской канцелярии с уйгурским «бюро».

Чингиз-хан – император

Чингиз-хан не стал дожидаться получения последней покорности или исполнить последние казни для того, чтобы его власть была утверждена племенами. Весной 1206 около верховьев Онона он созвал великое собрание или *курултай*⁹¹ всех тюрко-монголов, которые уже покорились, то есть, кочевых, которые тогда населяли во Внешней Монголии. На этом собрании он был провозглашен всеми монгольскими и тюркскими племенами верховным ханом, которого *Секретная История* переводит как каган. Это был древним жуан-жуанским титулом пятого века, впоследствии принятый всеми последующими владыками Монголии – ту-чэ шестого века и уйгурами восьмого века.⁹² Западные путешественники, такие как Пиано Карпини, Рубрук, Марко Поло и Одорико да Порденоне воспроизведут этот же титул как великий хан.

Со времени падения в 840 уйгуров империя степей находилась, в сущности, без наследников. Чингиз-хан, кроме провозглашения себя верховным ханом «всех тех, кто живет в войлоковых палатках», объявил, что эта старая империя, которой по очереди владели предки тюрков (гсиен-ну), затем предки монголов (жуан-жуан и эфталиты), затем опять тюрки (ту-чэ и уйгуры), теперь восстановлена навсегда для монголов. И тюрки, и монголы были таким образом объединены в пределах новой монгольской нации (*монгольский улус, монголжин улус*) и с того времени она называлась именем монголов. Как победители, так и побежденные, кераиты,

найманы и боржигины, стали как «все поколения живущих в войлоковых палатках» и под этим именем они выиграли вечность.⁹²

Малоизвестную роль сыграл на курултае 1206 шаман Кокчу, известный также как Теб-тенгри.⁹⁴ Отец шамана Кокчу был мудрый старый Мунглик, был важным человеком в жизни Чингиз-хана, на матери которого, вдове Оелун-еке, он, возможно, женился, хотя данный вопрос довольно не ясен.⁹⁵ Кокчу, чьи колдовские силы держали его в суеверном страхе (он полагался человеком, имеющим привычку восхождения на небо на сером в яблоках коне и разговаривающего с духами), провозгласил *курултаю*, что Вечное Голубое Небо назначило Чингиз-хана всемирным каганом. Это божественное освящение было божественным правом, на котором новый император основал свою власть. Он принял титул кагана (более точно, *qân, qaan*) властью, приказом, или силой Вечного Неба (*mongka tängri-yin küchin-dür*), это является протоколом, который был сохранен при его наследниках, а именно, на печати его внука великого хана Гуюка, когда писался ответ папе Иннокентию IV.⁹⁶ Владимирцев отмечает, что существовал, в частности, культ знамени Чингиз-хан, *tuq*: Белое Знамя с его девятью хвостами яка,⁹⁷ которого чтили как символ и место обитания духа-хранителя (*sulde*) имперского или золотого клана (*altan uruk*). «Это был Дух Знамени», говорит Владимирцев, «*sulde*, который вел монголов на завоевание мира.»

Шаман Кокчу помог Чингиз-хану установить «религиозный» фундамент его власти. Считая себя неприкосновенным, несомненно, из-за своих колдовских сил и из-за положения своего отца в имперской семье, он поведение скоро стали высокомерным и он пытался править императором и империей, эксплуатируя свой авторитет в сверхестественной сфере. Поругавшись с Касаром, братом Чингиз-хана, он пытался сделаться его врагом, объявляя хану странно тенденциозное разоблачение. «Дух поведал мне приказ Вечного Неба. Тимужин будет править сначала и затем после него Касар. Пока ты не удалишь Касара, ты будешь в опасности!»

Это заявление вызвало подозрение у Чингиз-хана; он арестовал своего брата и лишил его шапки и пояса, знаков командира. Его мать Оелун-еке, когда ей сказали об этом, поспешила освободить Касара; затем, оголов свою грудь, как

описывает *Секретная История*, она громко заплакала: «Это груди, которые ты сосал. Какое преступление совершил Касар, чтобы ты разрушил свою собственную плоть? Ты, Тимужин, сосал одну грудь, а твои братья Качиун и Очигин сосали другую; Касар, один, был вскормлен обеими грудями. Тимужин имеет дух, но Касар – силу и он лучший стрелок. Каждый раз, когда бунтовали племена, его лук и его стрелы укрощали их. Однако, когда все наши враги устранены, он более не нужен!»⁹⁸ Чингиз-хан, смущенный, возвратил Касару все его титулы и почести, лишив его лишь нескольких людей.

Шаман, однако, все продолжал свои усилия управлять имперской семьей. Теперь он стал интирговать против младшего брата Чингиза, публично оскорбив его. Мудрая Бёрте, жена Чингиз-хана, предупредила мужа: «Если даже во время твоей жизни твои братья открыто оскорбляются, то после твоей смерти поднимутся против твоих сыновей!» На этот раз Чингиз-хан все понял и позволил Темуже самому расправиться с колдуном. Сцена был весьма короткой. Несколько дней позднее, когда Кокчу прибыл со своим отцом Мунгликом с визитом к Чингиз-хану, Темуже схватил колдуна за горло. Чингиз-хан приказал справить дела вне дома. Как только Кокчу покинул имперскую палатку, три охранника, поставленные Темуже с молчаливого согласия Чингиз-хана, сломали ему спину «без пролития крови». Мунглик, узнав, что его сын мертв, никогда не вмешивался: «Я служил тебе, о каган, задолго до твоего восшествия на престол и я продолжу служить тебе...» На место Кокчу Чингиз назначил, как беки, Усуна от «белого коня и белого халата», старейшего члена бааринского племени, который был великим и спокойным шаманом.⁹⁹

Таким образом, под двумя войлоковыми палатками в долине разразился действительный конфликт между церковью и государством, между волшебником и великим ханом. Борьба, однако, пришел к внезапному концу, когда великий хан буквально сломал хребет колдуну.

Новая монгольская империя: государство и армия

Несмотря на устранение шамана Кокчу, новая чингизханская империя сохранила свою религиозную основу: древний тюрко-монгольский анимизм, смешанный в большей или меньшей степени с маздеанским и китайским элементами. Божество, проявлением которого являлся великий хан, все еще был Тэнгри, небо или бог неба, похожий в некотором отношении на китайского Тиена, не говоря о иранском Ормазде.¹⁰⁶ Все потомки Чингиз-хана, которые не были полностью китаизированными на Дальнем Востоке или исламизированными в Туркестане, Персии и России, провозглашали себя представителями Тэнгри на земле: их приказы были его приказами; восстание против них было восстанием против него.

Чингиз-хан сам, представляется, имел частичное сильную привязанность к божеству, возведенному на престол на горе Буркан Калдун, нынешнем Кентее, на источнике Онона. Когда в начале своей карьере он сбежал, благодаря скорости своего коня, из меркитов, которые похитили его жену Бёрте, он нашел убежище именно здесь. Он однажды взбирался, как странник, на гору. Достигнув вершины, согласно монгольскому обычаю, он снял свою шапку и сбросил пояс со своего плеча в признак покорности, девять раз преклонил колена и сделал ритуальное возлияние кумыса, бродившего молока кобылы, которое является спиртным напитком у кочевых. Аналогично, позднее, перед началом великой «национальной» войны против кинской империи Пекина, он повторит это странствие на Буркан Калдун и, в той же просительной манере, с поясом вокруг шеи, будет молиться: «О Вечный Тэнгри, я вооружился для кровной мести за моих предков, которым кины доставили постыльную смерть. Если ты одобришь то, что я делаю, удостой меня помощью своей силы.» Таковым является рассказ Рашида ад-Дина о его словах. Другие источники показывают его сидящим взаперти в своей палатке накануне кампании, одинокого с Духом, в то время как вокруг него его люди просят Небо: «Тэнгри! Тэнгри!» На четвертый день окрепший силой Неба хан, наконец, появляется из своей палатки и объявляет, что Вечный Тэнгри обещал ему победу.¹⁰¹

Из этой древней анимистской религии с культом горных вершин и речных источников пришли обычаи, отмеченные и мусульманскими историками, и христианскими миссионерами: восходить на святые горы для приближения к Тэнгри и взывать его; снятие шапки и кладка пояса на плечо в знак покорности, обязательство, которое налагается на самого великого хана; практика прятания, когда гремит гром, иначе говоря, когда Тэнгри показывает свой гнев; забота об источниках, чтобы они никогда не загрязнялись, поскольку они часто посещаются духами или осквернять источники умыванием и стиранием одежды в них (действие, которое сначала вызвало серьезное непонимание в мусульманском обществе, которое ревностно привязано к ритуальным омовениям).

В суеверном благовании перед Небом и волшебными формулами монголы чувствовали, что будет мудрым успокаивать не только своих шаманов, но также и других возможных представителей Божества, именно, вождей любого культа, которые постижимо могут владеть сверхестественными силами, такими, как несторианские священники, которых они находили среди кераитов и онгутов, буддийских монахов среди уйгуров и хитанов, таоистских волшебников из Китая, тибетских лам, францисканских миссионеров или мусульманских мулл.¹⁰² Добрая воля, показанная по отношению к представителям этих различных культов, обеспечивала им дополнительную охрану для их собственного богослужения к Тэнгри; основной суеверный страх, таким образом, зарождал основную терпимость. Это происходило до тех пор, пока они не потеряли эту суеверную робость, когда потомки Чингиз-хана в Туркестане и Персии стали нетерпимыми, как по своему виду, так и по нравам.

Монгольское государство, основанное на этих принципах, занимало свои инструменты цивилизации – письменность и официальный язык – у уйгуров. В 1204, как было сказано, после падения найманского королевства Чингиз-хан взял на свою службу уйгура Та-та-тун-а, хранителя печати покойного *Таяна*. Та-та-тун-а была поставлена задача обучения сыновей Чингиз-хана к письму на монгольском языке уйгурскими буквами¹⁰³ и также скреплять подписью декреты постановкой на них *тамги* или имперской печати.¹⁰⁴ В этих инновациях можно усмотреть ростки канцелярии. С 1204 Чингиз-хан растил Шиги-кутуку-а, татар, которого он и его

жена усыновили как ребенка и воспитали с функциями великого судьи. Шиги-кутуку-а было поручено вынесение судебных решений и приговоров уйгурскими буквами и на монгольском языке и вести регистрацию, известную как «голубые книги» (*kökö dāptār*), показывающие распределение населения среди различных монгольских знатных людей. Первая работа дала результата в виде издания практического судебного кодекса, вторая - в виде образования генеалогического руководства или, в терминах Пеллиота, «типа монгольского Хоциера.»¹⁰⁵

Ясак, буквально, «уложения» или общий код законов чингизидов, также имели свое начало (или имперская инаугурация) на курултае 1206.¹⁰⁶ Посредством *ясака* великий хан, «сила Неба», накладывал строгую дисциплину, предписанную Небом, как на гражданское общество, так и на армию. (Эти категории едва ли были различимы.) Кодекс также был весьма суровым: он требовал смертной казни за убийство, крупное воровство, сфабрикованную ложь (интриги), супружескую неверность, мужеложество, злонамеренную черную магию, приобретение украденных товаров и т.д. Непослушание, независимо, является ли оно гражданским или военным, равнялось к преступлениям под общим законом, *ясаком*, являющимся одновременно гражданским и административным кодексом: дисциплиной, имеющей силу для правительства мира. Он был дополнен в сфере юриспруденции «мудростью» или «поговорками» (*билик*) Чингиз-хана, ныне утраченных для нас, подобно самому *ясаку*.

Результаты такой монгольской дисциплины поразили западных путешественников. Почти сорок лет после курултая 1206 Пиано Карпини, францисканец, заметил по возвращении из Монголии: «Тартары – т.е. монголы – являются наиболее послушным народом в мире по отношению к своим вождям, больше, чем наше духовенство по отношению к своим верхам. Они относятся к ним с величайшим почтением и никогда им не лгут. Среди них нет ни пререканий, ни споров, ни убийств. Происходят лишь мелкие кражи. Если кто потеряет какое-либо свое животное, то находчик никогда не станет его удерживать и может даже возвратить его владельцу. Их жены целомудренны, даже когда они веселятся.» Если сравнить эту картину с тем, какая анархия царила на монгольской территории накануне завоевания Чингиз-хана, или с моральным уровнем монголов сегодня, то

можно оценить мудрое изменение, которое внесло *ясак* Чингиз-хана в монгольское общество.¹⁰⁷

На вершине социальной структуры была семья Чингиз-хана: золотая семья (*алтын урук*), главой которой был великий хан (*каган, каан*) и ее принцы, которые были сыновьями великого хана (*köbegün*). Семья пользовалась правами собственности на обширные владения, завоеванных земель, в основном, тем же образом, как и предки Завоевателя держали под своим контролем их намного меньшим по размерам доли родной степи. Пастбища (*nutuq, yurt*), предписанные четверем сыновьям Чингиз-хана были ростками будущих ханств чингизидов. Монгольское общество, или, скорее тюрко-монгольское, поскольку Чингиз-хан поглотил большое количество тюркских племен с Алтая, оставалось аристократическим по своему характеру. Это была древняя «аристократия степей», исследованная Бартоломом и Владимирцевым, аристократия храбрых (*ba'atur*, во множественном числе – *ba'atut*) и вождей (*ноян*),¹⁰⁸ которая продолжала командовать и руководить различными социальными классами: воины или верные люди, которые были превосходно свободными (*nökur*, во множественном числе – *nökud*), обычные люди или плебеи (*арады, карачу*) и, наконец, крепостные (*unaghan, boghul*), которые теоретически были немонгольского рода. Владимирцев усматривает в этом все элементы феодального общества, различные группы которого на различных иерархических уровнях были связаны наследственным обязательством личной верности.

Тот же самый феодальный принцип соблюдался в армии. Обязательство персональной верности объединяло командиров десятков (*арбан*), сотен (*jaghun*), тысяч (*mingghan*) и десяти тысяч (*tumen*). Центурионы, тысячники и командиры мириад (несчетное число) были представлены *ноянами*. Ниже их спинной хребет армии был составлен из знати свободных людей меньшинства, которые носили старый тюркский титул *тарханы* (по-монгольски, *даркан*) и сохраняли, теоретически, свои индивидуальные права на трофеи войны и свои игры в крупных охотничьих экспедициях.¹⁰⁹ По случаю, несколько *тарханов*, за их храбрость, были произведены в ранг *ноянов*.

Эта армия, «организованная аристократически», как описывает Владимирцев, имела свою элиту: телохранители великого хана. Эта охрана (*kāshik*) состояла приблизительно из десяти тысяч человек. Солдаты этой охраны (*kāshiktü* – в единст. числе, *kāsiktän* – во мн.числе) были, теоретически, разделены на дневных охранников (*turghaq*, мн.ч.- *turgha'ut*) и ночных охранников (*käbtäül*, мн.ч.- *käbtä'wüt* или *käbtä'üt*).¹¹⁰ К ним должны быть добавлены *qorchin* или лучники: «носители колчана.» *Käbtä'üt* насчитывало от 800 до 1000, *qorchin* от 400 до 1000 человек. *Turgha'at* насчитывало 1000, затем это количество было доведено до 10 000 человек.¹¹¹ Лишь знать и члены группы привелигированных свободных людей, известных как *tarkhat* или *darqat* могли присоединиться в этот корпус. Отдельный солдат этой охраны имел первенство перед командиром тысяч солдат в остальной армии и Чингиз-хан именно из своей охраны выбирал большое количество своих генералов.

В основном, монгольская армия была разделена на три крыла, развернутых в соответствии с монгольской ориентацией, то есть, лицом к югу. Левое крыло (*jegün-ghar*, *je'un-ghar*, *jun-ghar*),¹¹² к востоку, сначала было под командованием Желаир Мукали. Центром (*qöl*) командовал Баарин Ная, и Чаган, молодой тангут, которого Чингиз-хан усыновил и воспитал как своего сына, командовал тысячей отборных охранников. Правое крыло (*baraghun-ghar*, *bara'un-qar*, *barun-ghar*)¹¹³ находилось под командованием Арулат Боорчу или Богуржи. После смерти Чингиз-хана численность армии была доведена до 129 000 человек. Левое крыло, по военным соображениям, состояло из 62 000 человек, правое крыло имело 38 000 и остальные люди были распределены между центром и резервами.¹¹⁴

Это обращенное на юг формирование соответствовало монгольским целям, веерообразно обращенных к различным «южным» странам. Этими целями были, слева – Китай; в центре – Туркестан и восточный Иран; и справа – русская степь.

Что следует про монгольского воина, героя этого эпоса? Китайские художники школы Чао Мен-фу с восхищением представили его и чтение описания, данного Фернандом Гернардом, историка Чингиз-хана, после его путешествий в Монголию, является подобием разматывания свитка одним из старых мастеров: «В лагере солдат одет в меховую шапку с ушными клапанами, войлоковые чулки,

сапоги и пальто ниже колен. В битве он надевает кожаный шлем, покрывающий затылок своей шеи и сильную, гибкую кирасу, сделанную из полосок кожи, покрытую черным лаком. Его вооружение для нападения состоит из двух луков и двух колчанов, кривой сабли, топора и железной булавы, подвешенную на седле, остроги с крюком для стаскивания вражеского всадника на землю и каната из конских волос с подвижной петлей.»¹¹⁵

Монгол не может быть разделен от своего коня. Действительно, они дополняют друг друга; они рождены в той самой степи, выращены той же самой почвой и тем же самым климатом, выезжаны одними и теми же упражнениями. Монгол короток ростом, коренаст, крупнокостный, тяжелый и невероятно вынослив. Его конь также мал и коренаст, неграциозен; он имеет «мощную шею, несколько толстые ноги и плотное покрытие, однако он прекрасен своим вспыльчивым духом и своей энергией, выносливостью, устойчивостью и уверенностью ног.»¹¹⁶ Он, несомненно, был тем боевым конем северных кочевников, который на заре истории обеспечил индо-европейских разводчиков коней их верховенством и, в конце классической древности, доставил гуннов для завоевания Китая и Римской империи. Теперь, в средние века, свежий импульс бросит всю эту кавалерию степей вперед на золотые дворцы Пекина, Тауриса (Табриз) и Киева.

Много написано о тактике монголов. Некоторые авторы сравнивали ее с тактикой Фредрика I или Наполеона. Каун рассматривает ее как невероятной концепцией гения, рожденной на военном совете супермена. В действительности, монгольская тактика была совершенной формой старых методов, использованных гсиен-ну и ту-чэ: вечная тактика кочевых, развитая из непрерывных рейдов на краю обработки земли и из крупных охотничьих гонок в степях. Предание описывает Чингиз-хана, сказавшего: «Днем наблюдай с внимательностью старого волка, ночью глазами вороны. В бою, бросайся на врага как сокол.» Терпеливое подкаруливание оленьих стад приучило кочевых выдвигать вперед многих бесшумных, невидимых разведчиков для наблюдения за добычей или врагом, в то время как они оставались незамеченными. Использование линии загонщиков-шумопроизводителей на охоте научило их направлять движение противника

(*тулугма*), что позволяло им делать обходы на обоих флангах вражеской армии, как направляют бегущее стадо диких животных в степи.

Посредством высокоподвижной кавалерии кочевые достигали эффекта неожиданности и вездесущности, что уже до начала каких-либо действий, приводило к расстройству противника. В пешем строю монголы не спешили атаковать; они рассеивались и исчезали по образу всех степных разбойников, готовые возвратиться, когда китайские копьеметатели, хорезмские, мамелюкские или венгерские всадники теряли свою осторожность. Горе тому противнику, который допустил ошибку, пустившись в преследование монгольского всадника в его ложном отступлении; они позволят ему заблудиться, заманят дальше от его базы на опасное место и затем в ловушку, где он будет окружен и рухнет как бык. Монгольская легкая кавалерия, выдвинутая на авангард и фланги, имела своей задачей расстройство врага полетами стрел, что создавало ужасные бреши на его флангах. Подобно старинным гуннам, монголы были верховыми лучниками, наездниками и меткими стрелками с детства, чьи непогрешимые стрелы могли убить человека на расстоянии 200, даже 400 м и более. К ускользающей подвижности он добавил тактическое превосходство уникальности своего времени. Уверенный в их превосходстве, его передовые гвардейцы менялись частыми интервалами эшелонами, которые уходили после разрядки залпа. Это не прекращалось до времени, пока враг не заманивался вперед и не стал деморализованным обстрелами с дальней дистанции, когда тяжелая кавалерия в центре не бросалась на сабельную атаку и не резала его на куски. Во всех этих операциях монголы использовали в полной мере страх, нагнетаемый их психикой, их безобразностью и их смрадом. Они появлялись неожиданно, развернутые и окружившие горизонт. Они наступали рысцей в тишине, внушающей благовекий страх, с маневрами без громких команд, лишь по сигналу носителей штандартов. Затем внезапно, в нужное время, они бросались в атаку, изрекая дьявольские визги и вопли.¹¹⁷

Это были традиционные, давние, уловки охотника, который старается сводить с ума и изумлять жертву для того, чтобы справиться с ней. Монгол и его конь были на охоте на китайцев, персиян, русских и венгров так, как будто они

были на охоте на антилопу или тигра. Лучник Монголии убивал рыцаря, когда тот находился в неустойчивом положении, почти также, как он убивал орла, находящегося на полном полете. «Наиболее изящными кампаниями» монголов были кампании в Трансоксонии и Венгрии, проведенных в стиле гигантских облав, устроенных для утомления «крупного зверя», изумления, выматывания и окружения его перед тем, как закончить преследование систематической резней.

Все эти тактики были живописно описаны проницательным наблюдателем Паиано Карпини: « Как только они обнаруживают противника, они атакуют, каждый человек стреляя три или четыре стрелы. Если они полагают, что противник не сломан, то они уходят к своим людям; однако, это является лишь приглашением преследования и заманивание его в какую-либо заранее подготовленную засаду. Если они находят, что противостоящая армия слишком сильна, то они уезжают, останавливаясь в конце одного или двух дней для грабежа округов на своем пути... Или еще они разворачивают лагерь на хорошо выбранном месте и, когда силы противника начинают проходить мимо них, то они прыгают на них для ошеломительной атаки... Их уловки войны многочисленны. Они встречают первую кавалерийскую атаку фронтом, состоящим из пленников и иностранных наемников, в то время как главное ядро их людей занимают позиции на флангах для того, чтобы окружить противника. Это они делают так эффективно, что он представляет их численно намного больше, чем они есть на самом деле. Если противник стойчески защищается, то они открывают свои ряды и позволяют им бежать, в то время как они бросаются в преследование и убивают их столько, сколько смогут. [Эту тактику обычно использовал Суботай против венгров в 1241 в сражении на Сайо.] Однако, они идут в рукопашный бой редко, как это только возможно, поскольку их целью является лишь ранить людей и их коней своими стрелами.» Рубрук описывает те же самые маневры в крупных монгольских охотничьих экспедициях: «Когда они желают охотиться, то они собираются в большом количестве около мест, где должны быть, по их мнению, дикие животные, и по-маленькому приближаются к ним, загоняя их, как бы в сеть, для того, чтобы затем расстрелять их своими стрелами.»

Завоевание северного Китая

Завершив объединение Монголии, Чингиз-хан направился на завоевание северного Китая.

Он сначала атаковал Хси-Хсиа, королевство, основанное тангутской ордой в Кансу, Алашане и Ордосе. Этот народ был тибетского рода. По религии буддисты, которые, благодаря китайскому влиянию, приобрели до некоторой степени культуру, в особенности, в их письменности, которая была выведена на основе китайских букв. Эта акция против Хси-Хсиа была первой кампанией монголов против оседлых, цивилизованных людей, и осуществляя ее, их вождь испытывал качество своей армии против наиболее слабого из трех государств, среди которых были разделены земли старого Китая. Более того, становясь хозяином территории Хси-Хсиа, Чингиз-хан приобретал контроль над дорогой из Китая в Туркестан и в тоже самое время окружал на западе кинское владение Пекина, традиционного врага монголов. Еще совершенно определенно, что монголы, прекрасно организованные для разрушения вражеских сил на открытом поле, они были новичками там, где дело касалось укрепленных позиций. Это стало очевидным в их кампаниях против кинов и даже можно было наблюдать во время их экспедиции против Хси-Хсиа, когда в различных случаях (1205-7; 1209) Чингиз-хан опустошил страну, будучи неспособным захватить тангутские столицы Нинся и Линчоу. Король хсиа-хсиа, Ли Ан-чуан (1206-11), временно сохранил свой трон, признав себя данщиком, однако, в 1209 Чингиз-хан возвратился обратно и осадил Чунхин, нынешняя Нинся, которую он пытался захватить, изменив течение Желтой реки. Однако, эти строительные работы по сооружению дамбы были слишком сложны для монголов и они не смогли направить потоки в выбранном направлении. Король Ан-чуан вновь обрел мир, в это время отдав одну из своих дочерей Чингиз-хану (1209).¹¹⁸

Сделав хси-хсиа своим вассалом, Чингиз-хан пошел против журчидского королевства: владения тунгусов в северном Китае или кинской империи, как она

называлась. Обширная протяженность этого государства уже упоминалось выше; оно включало Маньчжурию и ту часть Китая, которая лежала севернее Хань и Хуэй, с Пекином в качестве главной столицы и Татином в Джехоле, Лиаояном и Татуном в Шаньси и Кайфеном в Хонане в качестве второй столицы. Также было отмечено, что в своей молодости Чингиз-хан вместе с кераитами воевал на стороне Пекина против татар. Он, таким образом, был подопечным и вассалом кино, которые оплачивали его как наемника и, в признание его заслуг, наградили его скромным китайским титулом. Однако, кинский король Ма-та-ку (1189-1208), который, возможно, напомнил ему о его обязательстве вассальства, умер в ходе этих событий. Чингиз-хан воспользовался восшествием на трон наследника Ма-та-ку, Чун-хей (1209-13), отозвав свою верность в презрении. Кинский посол желал, чтобы Чингиз-хан принял прокламацию о восшествии своего господина, стоя на коленях. Завоеватель пришел в ярость: «Заслуживает ли такой слабоумный, как Чун-хей, трона и я буду унижаться перед ним?» И он «плюнул по направлению на юг». Чун-хей, действительно, был жалким, неспособным правителем, без власти или престижа, игрушкой в руках своих генералов. В данном случае, как и в случае с хорезмской империей, Чингиз-хан был удачлив, поскольку ему противостояли слабые и переоцененные противники.

Северные поступы к Великой Стене на монгольской стороне, севернее провинции Шаньси, охранялись от кино с тюркским федератами: онгуты, которые исповедовали несторианское христианство.¹¹⁹ В межплеменных битвах в Монголии онгутский вождь Алакуш-тигин с 1204 был на стороне Чингиз-хана. Верность дома Алакуша была испытана наиболее эффективной помощью Завоевателю в его борьбе против кино открытием путей вторжения и отдачей ему в 1211 пограничных полос, которые охранялись онгутами. Чингиз-хан наградил за это онгута, отдав одну из своих дочерей, Алагай-беки, за По-яао-хо, сына Алакуша.¹²⁰

Чингиз-хан превратил этот конфликт между монголами и кинами в национальную войну.¹²¹ Торжественно он взывал Тэнгри, вспоминая старых монгольских ханов, которых журчиды протыкали и гвоздили к деревянным ослам: «О Вечное Небо! Я вооружился для мести за моих дяд Окин-баракака и Амбакая, которых кины приговорили к постыдной смерти. Если ты одобришь то, что я

делаю, дай мне в помощь свою руку!» В тоже самое время Чингиз-хан представился как мститель за прежних владык Пекина, хитанов, низложенных затем кинами. Хитаны, в свою очередь, тепло поддерживали его дело. Один из их принцев, Йе-лю Лю-ко, из древнего клана Йе-лю, в 1192 поднял восстание в древней хитанской стране у реки Лиао, к юго-западу от Маньчжурии. Сегодня известно, что хитаны говорили на монгольском языке. Между ними и Чингиз-ханом должна была существовать некоторая национальная или родственная связь, чтобы их объединять против тунгусской династии Пекина. Чингиз-хан принял клятву верности Йе-лю Лю-ко и направил к нему освободительную армию под командованием *нояна* Жебе. В январе 1213 Жебе помог Лю-ко захватить Лиаоян у кинов и объявить себя в древнем владении своих предков как «король Лиао» под монгольским протекторатом. До своей смерти (1220) этот потомок старых хитанских королей показал себя как наиболее верный вассал монгольского императора. Таким образом, кинская граница оказалась открытой на северо-востоке и северо-западе, как на хитанской, так онгутской стороне.

Война Чингиз-хана против кинов, начавшаяся в 1211, с короткими интервалами, продолжалась вплоть до его смерти (1227) и была завершена его наследником (1234). Причиной тому является то, что хотя монголы со своей подвижной кавалерией преуспевали в ограблении деревенских местностей и открытых городов, они долгое время оставались неграмотными по отношению к искусству захвата крепостей, укрепленных китайскими инженерами. Более того, они завязали войну против Китая, как в степи, делая повторные рейды, но каждый раз отступая со своим награвленным и таким образом давая кинам время для возвращения обратно своих городов, перестроить разрушенное, заделать брешы и перестроить укрепления. При таких условиях монгольские генералы были вынуждены вновь захватывать некоторые крепости два или три раза. Наконец, монголы привыкли к избавлению себя от побежденных врагов в степи путем массовых убийств или всеобъемлющих депортаций, или коллективной мобилизацией под Белым Знаменем. В оседлых странах, однако, и, в особенности, среди многочисленного народа Китая, массовые убийства производили малое впечатление, там всегда было больше обитателей для занятия мест убитых. В

дополнение к этому, кинь, древние журчиды, которые привыкли к оседлому образу жизни только сто лет назад тому назад, сохранили всю храбрость их тунгусской крови. Так, для них испытания осадной войны, к которому монголы не привыкли, удваивались тем фактом, что они оказались не только против науки китайских инженеров, но и встретились с храбростью тунгусских воинов. Во всяком случае, как увидим, Чингиз-хан сам не участвовал в этой войне, за исключением ее начала. Начав ее (1211-15), он должен был увести большинство своих войск для завоевания Туркестана. После его отъезда его генералы смогли вести лишь затяжную войну, которая, хотя и разрушала кинские силы, но была не способна поставить конец кинской империи.

Тем не менее, будет справедливо сказать, что когда он присутствовал, то монгольский император проводил операции со свойственным ему упорством.¹²² Операции 1211-12 были концентрированы на систематическом опустошении пограничных округов региона Татун (Сиан кинских правителей) на крайнем севере Шаньси и региона Сюанхуа (тогда Сюан-то) и Паоана в северном Хопее. Страна лежала в руинах, однако крепость держалась. И хотя в 1212 Жебе, один из лучших генералов Чингиз-хана, преуспел путем ложного отхода в ошеломительном захвате Лиаояна в южной Маньчжурии, сам Чингиз-хан в северном Шаньси, не смог захватить Татун. Поэтому, монголы еще меньше могли надеяться на регулярную осаду Пекина, где находился двор врага. В 1213 Чингиз-хан, наконец, захватив Сюанхуа, разделил войска в три корпуса. Первый из них, ведомый его сыновьями Жучи, Ягатаем и Огодаем, проник в центральную Шаньси, достигнув и затем взяв Тайюан и Пинюан, рассказывает *Yüan Shi*, лишь для того, чтобы оставить их опять и увезти награбленное обратно на север. Армия центра, в которой Чингиз-хана сопровождал его младший сын Толу, продвинулась по долине Хопей, взяв Хокиен, Шантун и Цинан. Лишь несколько укрепленных городов, кроме Пекина, например, Чентин и Тамин в Хопее, избежали наступающий наплыв, который устремился к южным границам Шантуна. Наконец, Касар, брат Чингиз-хана и прекрасный стрелок в армии и их младший брат Темуже Очигин вел третий корпус вдоль залива Чихли по направлению к подступам Юнпин и Лиаоси.¹²³

После этого трезубного наступления на конях, Чингиз-хан перегруппировал свои силы перед Пекином с целью попытки по-крайней мере его блокады (1214). Здесь дворцовая драма вызвала шум во дворе кинов. Правитель кинов Чун-хей был убит в 1213 одним из его офицеров по имени Ху-ша-ху, который поставил на трон Ву-ту-пу, племянника жертвы. Новый король (1213-23), к несчастью, был неудачником, как и его предшественник. Однако, Чингиз-хан не имел необходимых для осады орудий. Как всегда, расчетливый, он согласился на просьбу Ву-ту-пу о мире, несмотря на нетерпение своих генералов. Кины заплатили огромную контрибуцию золотом, шелком и тремя тысячами коней, также, как молодыми мужчинами и девушками, включая журчидскую принцессу для самого Чингиз-хана. Затем Завоеватель отправился с трофеями обратно в Монголию, проходя через страну калганов.

Как только монголы ушли, король Ву-ти-пу, полагая, что Пекин является слишком уязвимым, переехал в Каифен (1214). Это было дезертирством. Чингиз-хан посчитал, что такой акт означает возобновление войны и предвосхитил это прекращением перемирия. Он еще раз вторгся в Хопей и возобновил осаду Пекина. Подкрепление кинской армии с провизиями было окружено и рассеяно на Пачоу, между Пекином и Хокиеном. В отчаянии губернатор Пекина Ван-йен Чен-хуэй покончил самоубийством. Монгольская армия захватила город, устроила бойню жителей, ограбила дома и затем всю местность подвергла к огню (1215).¹²⁴ Грабеж продолжался целый месяц.

Ясно, что кочевые не имели никакого представления о том, что можно сделать большим городом и как он может быть использован для консолидации и расширения своей власти. Здесь мы сталкиваемся с наиболее интересной ситуацией для исследователей человеческой географии: смещение степных обитателей, когда они без переходной фазы, оказываются с возможностью владения древними странами с городской цивилизацией. Они жгли и убивали не столько из-за жестокости, сколько из-за растерянности, и они не знали ничего, что лучше предпринять. Заметим, что среди монгольских вождей, или по-меньшей мере, среди тех, кто преданно соблюдал *ясак*, грабеж являлся неинтересным

предприятием. Генерал Шиги-кутуку, например, отказался позволить себе взять даже малой толики кинской казны.¹²⁵

То было поведение, на базе которого лежало смущение, которое оказалось губительным для цивилизации. Монголы Чингиз-хана, как они показаны в записях или подразумевались как личности, не выглядят как безнравственными людьми; они соблюдали *ясака*, который (кроме чистоты) являлся кодексом чести и искренности. К несчастью, они заметно отстали по сравнению со старыми ордами, которые им предшествовали, в особенности, по отношению к хитанам десятого века и даже журчидам двенадцатого столетия. Последние с минимальной бойней, по-меньшей мере, немедленно стали наследниками предыдущих династий и избежали разрушения чего бы ни было, что могло стать их имуществом. Чингизханские монголы, хотя и, несомненно, не более жестокие чем их предшественники (в действительности, посредством своего *ясака* они были более строго дисциплинированы и, из-за личности Чингиз-хана, были более невозмутимы и более привержены к моральным нормам), были бесконечно более разрушительными, просто потому, что они были более варварами, составляющих в действительности *levy en masse* (массы подрастающих граждан, неорганизованных в военные подразделения для защиты страны от угрозы захватчиков – В.М.) варварства, подобно *гсиен-ну*, *жуан-жуан*, *ту-чэ* и *уйгуры* перед ними.¹²⁶

Парадокс чингизханской истории заключается в контрасте между мудрым, задумчивым и моральным характером лидера, который управлял своим поведением и поведением его людей принципами здравого смысла и хорошо поставленной судебной системы, и жестокой реакцией народа, только что вышедшего из примитивной дикости, который не знал никаких других средств, чем террор для покорения своих врагов – народа, для которого человеческая жизнь не имела никакой ценности и который, как кочевой народ, не имел представления о жизни оседлых народов, городских условиях или сельском хозяйстве, или о чем-то другом, который отличался от их родной степи. Изумление современных историков такое же, как и Рашида ад-Дина или составителей *Yüan Shih*, когда они встречаются с этой превосходной естественной смесью мудрости, даже умеренностью, у лидера

и жестокостью в воспитании, в атавистском движении назад и племенных традициях.

Среди пленных, взятых после захвата Пекина и тех, кто решил поддерживать монгольский режим, Чингиз-хан выделил хитанскую принца Йе-лю Чу-цай, который понравился ему «своей высокой фигурой и нежным подбородком, и впечатляющим звуком своего голоса,» и он назначил его своим советником. Это было счастливым выбором, поскольку Йе-лю Чу-цай соединил в себе высокую китайскую культуру с качествами государственного деятеля. Подобно уйгурскому канцлеру Та-та-ун-а, он был точно тем правильным человеком, чтобы давать советы новому владыке Азии. На данной стадии чингизиды не были способными брать уроки китайской культуры непосредственно у китайцев. Однако, китаизированные тюрко-монголы, как Йе-лю Чу-цай, который, будучи хитаном, являлся, разумеется, монголом, были способны восполнить брешь и знакомить Чингиз-хана и его наследника Огодаю с элементами административной и политической жизни, имеющей место у оседлых народов.

Теперь кинское владение было сокращено вокруг его новой столицы Каифен, включая немного больше провинции Хонан и некоторые укрепленные пункты в Шеньси. В 1216 монгольский генерал Самука баатур¹²⁷ отрезал Шеньси от Хонана, захватив крепость Тункуан, который господствовал над долиной Желтой реки на этом месте; однако позднее крепость пал еще раз в руки кинов. Дело было в том, что Чингиз-хан, занятый делами в Туркестане, теперь уделял лишь отрывочное внимание на войну с Китаем и кины воспользовались этим обстоятельством для перезавхвата многих своих провинций, за исключением пекинской территории, которая удерживалась монголами.

Тем не менее, перед обращением своего внимания на запад Чингиз-хан доверил операции в Китае одному из своих лучших командиров Мукули или Мукали. С относительно истощенными силами (половина монгольской армии, скажем, 23 000 монголов и столько же родных наемников),¹²⁸ Мукали должен был достичь значительного успеха упорством и хорошим планированием. Через семь лет непрерывной кампании (1217-23) он добился в заключении кинов еще раз в

провинции Хонан.¹²⁹ В 1217 он захватил Тамин, цитадель в южном Хопее, который однажды устоял против самого Чингиз-хана.¹³⁰ В 1218 он отвоевал столицы Шаньси, Тайюан и Пинян у киноу; в 1220 он перезахватил Цинан, столицу Шантун. В части, лежащей к северу от Желтой реки, его помощники захватили Чанте в том же году. В 1221 Мукали овладел множеством городов в северном Шеньси, среди них Паоан и Фучоу, и в 1222 старая столица Шеньси, Чанган, южнее Вей, была в его руках. В 1223 он едва оторвался от киноу, которые переокупили неожиданной атакой важную крепость Хочун (ныне Пучоу) в юго-западном углу Шаньси на изгибе Желтой реки, когда он умер от истощения. После его смерти Хочун еще раз был возвращен киноу. В этой перенаселенной стране, оштетинившейся естественными крепостями, конфликт, таким образом, сводился к бесконечной осадной войне. Однако, после своих первых усилий с ошущью монголы адаптировались к новому типу ведения войны, мобилизуя большое количество кинских наемников, журчидских приверженцев и китайских инженеров.¹³¹

Завоевание монголами старой Кара-Китайской империи

Когда Чингиз-хан начал свое завоевание северного Китая, Кючлюг, его личный враг, сын найманского короля, делал себя владыкой Центральной Азии: империи кара-китайских *гур-ханов*.

Это владение, как мы отметили выше (стр. 153), было основано в Или, Чу, Таласе и Кашгарии ветвью северо-китайских хитанов, известных в истории как кара-китайцы или черные хитаны. Мы уже наблюдали, что они были людьми (или скорее аристократией) монгольской расы и китайской культуры, наложенной на местное население, которое было в этническом отношении тюркским, а в религиозном – мусульманским. Кара-китайские правители, чья столица находилась в Баласагуне на верхнем Чу, западнее Иссык-куля, и которые носили тюркский императорский титул гур-хан – «всемирный хан» - имели под своим правлением следующих вассалов: 1) на востоке – уйгуры, тюркский народ, исповедующий или

буддизм, или несторианство, и обитающее на территориях Бешбалига (ныне Дзимса), Турфан, Кара Шахар и Куча;¹³² 2) на севере, вдоль нижнего Или – карлукские тюрки, которые были частично несторианами; и 3) на юго-западе – шахи (позднее султаны) Хорезма, мусульманские тюрки, чью историю мы уже описали, и которые правили в Трансоксонии и восточном Иране. Под гур-ханом Йе-лю Чи-лу-ку (1178-1211) кара-китайская империя пришла в упадок. Этот правитель, не имея ни сил, ни смелости в чрезвычайных обстоятельствах, проводил свое время в веселье и на охоте и позволил своей империи распадаться. В 1209 *идикут* Барчук, король уйгуров, отказался от протектората Йе-лю в пользу Чингиз-хана. Представитель *гур-хана* в Уйгурии, некий Шаукам, который находился в Турфане или Кара-хоже, был убит.¹³³ Чингиз-хан, который, видимо, всегда относился с сочувствием к уйгурам, пообещал руки своей дочери Алатун или Алтун-беки *идикуту*.¹³⁴ Так, вся север-восточная часть кара-китайской зоны присоединилась к протекторатству монголов. В 1211 Арслан, король карлуков нижнего Или (столица Каялиг) и Бузара, тюркский авантюрист, который сделался правителем Алмалыка (около нынешней Кулджа) на верхнем Или, аналогично отказался от кара-китайского протектората и признал себя вассалом Чингиз-хана. Такой была притягательная сила объединенной Монголии для мелких тюркских принцев Гоби и озера Балхаш. Еще Чингиз-хан не был человеком для нанесения сокрушающего удара по кара-китайцам, а его личный враг Кючлюг, сын последнего *таяна* найманов.

Кючлюг был вытеснен из Алтая, его древней территории, Чингиз-ханом. После смерти своего отца и уничтожения его людей он отправился искать счастья в восточном Туркестане, как это делали его старые товарищи, остатки меркитов. Последни попытались осесть в Уйгурии, однако, уйгурский *идикут* Барчук их изгнал.¹³⁵ Кючлюг был более удачлив. Старый *гур-хан* Чи-лу-ку тепло принял его в Баласагуне, оказал ему полное доверие и наградил его рукой своей дочери (1206). Однако, найманский принц нетерпеливо хотел править. Заметив физическую немощь своего тестя, он решил, несмотря на оказанную ему благосклонность, сместить *гур-хана*. Объединившись с одним из прежних вассалов Кара-Китая, Мухамадом султаном Хорезма, он устроил заговор для смещения гур-хана и

разделения кара-китайской территории со своим союзником.¹³⁶ Хорезмцы открыли военные действия, но Кара-Китай предпринял внезапную контратаку и занял Самарканд (1210). Между тем в регионе Или Кючлюг восстал против гур-хана и ограбил казну принца в Узгене в Фергане, откуда направился на Баласагун, столицу Кара-Китая. Гур-хан, утратив свои иллюзии, выступил против Кючлюга и, в действительности, нанес ему поражение около Баласагуна; однако, на другом фронте, около Таласа, его генерал Таянку был взят в плен хорезмцами. Отступающая кара-китайская армия нашла ворота своей столицы запертыми из-за предательства жителей, которые, несомненно, были тюрками, решившими, что пробил их час для прекращения хитанского господства. Выведенная из себя армия взяла Баласагун штурмом и ограбила его.¹³⁷

Среди этих беспорядков гур-хан Чи-лу-ку был, наконец, потрясен и взят в плен Кючлюгом (1211). Кючлюг обходился со своим тестем гуманно и почтительно, и до смерти старого человека двумя годами позднее, относился к нему как единственному правителю, управляя от его имени.

Приобретя эффективный контроль над кара-китайской империей, найманский принц почти оказался под ударом своего старого союзника султана Хорезма по поводу демаркации границ. В одно время власть султана признавалась севернее линии Сыр-Дарьи, на местах Отрар, Шаш (Ташкент) и Сайрам (Исфижаб). Однако, посчитав, что ему трудно защитить эти места, он скоро перевел их обитателей на южную сторону реки.

Правления Кючлюга, де-юре или де-факто, Кара-Китаем продолжалось с 1211 до 1218. Кочевник Алтая стал правителем людей, большая часть которых были оседлыми и он не знал, как управлять ими. Кашгария, управляемая мелкими мусульманскими тюркскими королями караханидской семьи, был зависимой от кара-китайской империи. Незадолго до своего падения гур-хан Чи-лу-ку заключил в тюрьму сына караханидского хана Кашгара.¹³⁸ Кючлюг освободил этого молодого принца и отправил в качестве своего представителя управлять Кашгаром, но кашгарские эмиры отказались принять его и убили (прибл. 1211). Через два или три года после этого Кючлюг грабил Кашгарию со своими легкими войсками (1211-13 или 1214) до того времени, пока голод не заставил их принять его

власть.¹³⁹ За этой сдачей последовало дикое религиозное преследование. Кючлюг, подобно многим найманам, должен был иметь более или менее выраженное несторианство. Скоро под влиянием своей жены, которая была дочерью кара-китайского гур-хана, он пытался заставить мусульман Кашгара и Хотана поменять свою веру на буддизм или христианство. Когда главный имам Хотана выразил протест, то Кючлюг распинал на дверях его мадрасы (религиозной школы). После такого жестокого преследования Кашгария, фундаментально мусульманская страна, была расположена к монголам как освободителям.

Кючлюг сделал себя не менее непопулярным среди людей Или. Король Бузар из Алмалыка (Кулджа), как мы писали, совершил визит покорности к Чингиз-хану. Кючлюг предпринял внезапную атаку против него, когда тот был на охоте и убил его,¹⁴⁰ однако, он не смог захватить город Алмалык, которого защищал вдова короля Салбак-Туркан. Ее сын Сукнак-тигин впоследствии стал одним из более ревностным сторонником Чингиз-хана против Кючлюга.¹⁴¹

Чингиз-хан не мог позволять своему старому врагу оставаться хозяином кара-китайского владения и в 1218 он отдал приказ одному из своих лучших полководцев нояну Жебе атаковать его с двадцатью тысячами человек. Прежде всего Жебе был поставлена задача защитить Алмалык и наследство Сукнак-тигина, однако, когда он прибыл сюда, Кючлюг покинул страну и нашел убежище в Кашгарии. Баласагун и то, что составляет сегодня Семиречье, сдались монголам без всякого сопротивления. Отсюда Жебе направился в Кашгарию, где мусульманское население приветствовало его как спаситель от преследований. Поскольку Жебе поддерживал строгую дисциплину среди своих войск и, в особенности, запретил всякого рода грабежи, его прохождение приветствовалось, говорит Джувани, как благославение аллаха.¹⁴² Кючлюг бежал по направлению к Памиру, однако был перехвачен солдатами Жебе и убит около реки Сарикол (1218).¹⁴⁸

Весь восточный Туркестан, регионы Или, Иссык-куля, Чу и Таласа, были присоединены к монгольской империи.

Разрушение хорезмской империи

Империи Чингиз-хана и Хорезма теперь стали непосредственными соседями.¹⁴⁴

На стороне Чингиз-хана были все монгольское и тюркское население Монголии, независимо оттого, является ли оно шаманским, буддийскими или несторианским. После аннексии кара-китайского владения, имелась также и Кашгария, которая, была мусульманской по религии и чисто тюркской культуры с сильным иранским влиянием. На стороне Мухаммада была мусульманская тюркская династия, проживающей в Трансоксонии, и чисто иранские династии в Хурасане, Афганистане и Ираке Аджами.

Между самими правителями контраст был сложным. Чингиз-хан был холодным, расчетливым, упорным и методическим человеком; Мухаммад Хорезма безответственный пожиратель огня, непоследовательный, без смысл об организации, но кичившийся своими победами над гхоридами и кара-китайцами. Первое же поражение деморализовало его полностью и лишило всех ресурсов, оставив его жалкой, почти трусливой фигурой. Из этих двоих, кочевой варвар был правителем, в то время как иранизированный тюрк, император Ислама и король оседлых государств, был ничем более, чем странствующим рыцарем.

Более того, как было сказано, хорезмская империя, которую Чингиз-хан разрушит в 1220, существовала лишь с 1194; в действительности, она начала функционировать лишь с 1212, когда Мухаммад, убив последнего караханида Самарканда Утмана, перевел свою столицу в этот город из Ургенча (около Хивы). Эта была империя в эбрионном состоянии, доминион недолгого существования под временным правителем, без ничего, что бы соответствовало чингизханскому ясаку для ее стабилизации или для уравнивания огромного престижа восстанавливаемой империи старых каганов. Этнически между таджиками, иранским населением городов и регионами с культурной обработкой земли, и тюрками, которые создали армию, хорезмская империя находилась в опасном положении. Она не была основана, как ранние селджуки, на полностью мусульманском тюркском клане, способном снабжать военно-феодальную

структуру атабегов. Хорезмская династия выпрыгнула из дома селджукской знати, неимеющий какого-либо клана за собой. Хорезм сам, страна Хива, была слишком мала для поддержки сильного туркменского феодализма. В результате, армия состояла из наемников, набранных случайно из всех гузских или канклийских племен киргизской степи, которые не были связаны какими-либо чувствами верности и большинство которых имело лишь одну цель: предать своих хозяев и заслужить прием в великую армию Чингиз-хана. Вдобавок, семья султана была разделена непримиримой ненавистью. Его мать, ужасная Туркан-хатун, не любила своего собственного внука, Джалал ад-Дина, любимого сына Мухаммада и единственного мужчины доброй воли в этом осыпающемся доме, и действовала против него.

Ислам, возможно, внес единство и связность в эти конфликтующие и нестройные элементы. Как наследник великих селджуков Санжара, с которым он сравнивал себя, Мухаммад не имел средств играть такую роль. Он должен был лишь провозгласить себя полномочным представителем Ислама и объявить священную войну, джихад, против язычных, буддийских или несторианских монголов. Однако, вдобавок своей глупости, этот принц, который вдохновлялся возобновить карьеру великих селджуков и, подобно им, стал султаном Ислама, сильно поссорился с халифатом Багдада, который в 1217 он уже почти начал атаковать. Халиф ан-Насир (1180-1225) относился к нему, как к своему худшему врагу, и был бы скорее за монголов чем с ним. Эта убийственная вражда между султаном и халифом открывала мусульманский мир, разделенный и беспомощный, монгольскому вторжению.

Трещина между Чингиз-ханом и хорезмцами образовалась позднее. Чингиз-хан пытался установить с ними правильные торговые и политические отношения. Однако в 1218 караван из монгольской империи, полностью состоящий из мусульман, за исключением монгольского посла Укуна, был остановлен в Отраре, в хорезмском пограничном городе на средней Сырь-Дарье, ограблен и его сто или около этого члены убиты хорезмским губернатором Иналчиком, известным также по его титулу Кадир-хан.¹⁴⁶ Чингиз-хан потребовал компенсации и, когда ему отказали в ней, он приготовился к войне.¹⁴⁷

Летом 1219 монгольская армия была сконцентрирована на верхнем Иртыше. Осенью Чингиз-хан прибыл в Каялих, к юго-востоку от озера Балхаш, к карлукам, чей король Арслан-хан присоединился к нему, как и Сукнак-тигин, новый король Алмалыка и *идикут* Барчук, со значительными силами. Согласно оценке Бартолда, монгольская армия насчитывала между 150 000 и 100 000 человек и, хотя сильно уступающая в численности хорезмским силам, была гораздо более дисциплинированной и имела значительно более последовательный штаб.

Мухаммад из Хорезма разделил и рассосредоточил свои войска между линией Сырь-Дарьи и укрепленными пунктами Трансоксонии. В результате, несмотря на общее численное превосходство, они были численное меньшинство на каждом индивидуальном пункте. Чингиз-хан проник на хорезмскую территорию около Отрара на средней Сыр-Дарьи. Одна монгольская дивизия под командой двоих его сыновей, Ягатая и Огодая, окружила город, однако смогла взять его лишь после долгой осады. Дивизия под командой Жучи, старшего сына Завоевателя, прошла вниз по течению Сырь-Дарьи, захватив Сигнахи (напротив современного города Туркестана) и Дженд (около Перовск). Пять тысяч монголов, командированных к верхней Сырь-Дарье, взяли Бенакет (западнее Ташкента) и осадили Ходжент. Губернатор этого места, энергичный Тимур-малик, после отважной защиты смог бежать по Сыр-Дарье на маленькой лодке. Бартолд отмечает в связи с этим, что больше актов личного героизма, больше паладинских фигур в этой войне было найдено среди мусульман, чем среди монголов, что лишь последние имели организацию, единство командования и дисциплину, которыми достигаются победы.

Сам Чингиз-хан со своим младшим сыном Толу шел с основной частью армии прямо на Бухару, которой он достиг в феврале 1220. Тюркский гарнизон пытался прорвать кордон осаждающих и бежать, однако достиг лишь истребления. Жители, покинутые своими защитниками, сдались (10 или 16 февраля 1220). Крепость, где нашли убежище четреста человек, был взят штурмом и все ее защитники были уничтожены. Город затем был отдан на систематическое и методическое разграбление. Народ был ограблен, подвергнут к жестокому обращению, запугиванию и насилию любым способом, но, в основном, были

казнены лишь те, в особенности, среди мусульманского «духовенства», которые пытались сопротивляться насилию и жертвенным актам победителей. Рассказ Джовани о Чингиз-хане, входящим в крупную мечеть для публичной речи и объявления себя наказанием Бога по мнению Бартолда является не более чем легендой.¹⁴⁸ Бартолд также думает, что крупный пожар, который завершил разрушение Бухары, возможно, был случайным.

Из Бухары Чингиз-хан пошел на Самарканд и перед городом к нему воссоединились его сыновья Ягатай и Огодай, которые только что взяли Отрар. Народ Самарканда, все еще отчасти иранский, храбро пытался сделать вылазку, но был разбит. Через пять дней, согласно Джовани, город капитулировал (март 1220). Самарканд был полностью разграблен, жители были выведены из города для облегчения операции. Многие из них были убиты. Многие из них, которые считались полезными, например, искусные мастеровые, были депортированы в Монголию. Тюркский гарнизон, хотя добровольно перешел в сторону монголов, был уничтожен до последнего человека. В противоположность к своим коллегам в Бухаре, мусульманские религиозные лидеры Самарканда не оказывали сопротивления и поэтому большая их часть была оставлена в живых.¹⁴⁹ Те, которым оказывалось предпочтение, позволили вернуться в Самарканд, однако массовые убийства были такого крупного масштаба, что едва ли оставшихся было достаточно, чтобы заселить ими хотя бы один квартал.

Старая столица истинно Хорезма, Гургани, ныне Ургенч около Хивы, не была взята до апреля 1221, когда после продолжительной осады, которую организовали два сына Чингиз-хана, Жучи и Ягатай, а к концу к ним присоединился третий сын, Огодай.¹⁵⁰ Монголы завершили свое разрушение потоплением города под водами Аму-Дарьи.

Во время монгольского завоевания Трансоксии султан Мухаммад Хорезма, потрясенный несчастьем, вызванным своей безответственностью и высокомерием, перешел с тщеславия к полному унынию и остался бездейственным; затем он бежал в Балх. Отсюда он отправился в восточный Хурасан, где он нашел убежище в Нишапуре. Затем, во всевозрастающем ужасе, он поспешил в Казвин в северо-западной части Ирака Аджамы, на противоположном

конце своих владений. Однако, Чингиз-хан отправил кавалерийское соединение под командой своих двух лучших генералов, Жебе и Суботая, для его преследования. Это было неистовым преследованием. После прибытия Жебе и Суботая Балх откупился и получил губернатора. Нишапур также избежал худшего, получив контрольную комиссию, поскольку Жебе спешил, чтобы там задерживаться. Тус (Мешед), Дамган и Самнан, с другой стороны, были опустошены Суботаем. Два монгольских генерала, все еще в преследуя Мухаммада, вступили в Ирак Аджамии и предприняли ошеломительную атаку на Раи, где они уничтожили мужское население и поработили женщин и детей. Рысью проскакивая Хамадан, они достигли Каруна, где Мухаммад едва не попал им в руки; затем они потеряли его след. Они удовлетворились разрушением Зенияна и Казвина. Между тем несчастный Мухаммад нашел убежище на островке в Каспийском море напротив Абескуна, где он умер от истощения в декабре 1220. Позднее мы увидим Жебе и Суботая, продолжающих свой рейд через Азербайджан на Кавказ и в южную Россию.¹⁵¹

Имея дело с султаном Хорезма, Чингиз-хан пересек Аму-Дарью весной 1221 и начал завоевание Афганистана и Хурасана у остатков хорезмских сил.¹⁵² Он занял Балх, где сдача не сохранила его от полного разрушения (убийство жителей и сжигание города). В Хурасане он направил своего сына Толу для взятия Мерва, который капитулировал и здесь также почти все население было уничтожено (конец февраля 1221). Толу, сидя на золотом троне, наблюдал за массовыми убийствами. Мужчины, женщины и дети были разделены друг от друга, распределены в стадах среди различных батальонов и обезглавлены; «лишь четыреста ремесленников были оставлены в живых». Мавзолей султана Санжара был сожжен и его могила была опустошена. (Это было тогда, согласно преданию, когда огузский клан, чьи пастбища находились в регионе Мерва, эмигрировали в Малую Азию, где селджуки дали им земли и где он заложил фундамент Оттоманской империи.) Толу затем отправился для наказания Нишапура, который незадолго до этого (ноябрь 1220) имел несчастье сопротивляться и убить монгольского генерала Токучара, зятя Чингиз-хана. На этот раз Нишапур был взят штурмом (10 апреля 1221) и полностью разрушен. Вдова Токучара контролировала

за массовыми убийствами. Для подстраховки от уловок тела были обезглавлены и головы мужчин, женщин и детей сложены в виде отдельных пирамид; «были убиты даже собаки и кошки». Около Туса монголы разрушили мавзолей Харун ар-Рашида. Могилы его и Санжара и все то, что было сделано во славу блестящей арабо-персидской цивилизации, были систематически уничтожены. Затем Толу отправился для взятия Герата, чей хорезмский гарнизон оказывал сопротивление, но чье мирное население открыло ворота; он убил солдат и, единожды, сохранил жизнь людям. Толу дальше соединился с силами Чингиз-хана около Талекана. Ягатай и Огодай, которые только что взяли Ургенч, сделали тоже самое.

После разрушения Талекана Чингиз-хан пересек Хиндукушы для осады Бамиана. В этой акции был убит молодой Мютюген; он был сыном Ягатая и любимым внуком Чингиз-хана. Сам Завоеватель принес известие о гибели сына отцу во время еды и во имя ясака запретил ему оплакивать сына, но оказал почести убитому кровавыми похоронами. Не было никаких грабежей; все было уничтожено. Не был взят ни один человек в плен; «каждое живое существо было уничтожено» и стороне, на которой стоял Бамиан, было дано название «проклятый город».¹⁵³

Между тем хорезмский принц Джалал ад-Дин Мангуберти,¹⁵⁴ сын покойного Мухаммада, избежал этого несчастья Транскоксии и Хурасана, прорвавшись через кордон монгольских войск в Нессе. Найдя убежище в Газни, в центре афганских гор, он организовал новую армию и затем, в Перване, севернее Кабула, нанес поражение монгольскому армейскому корпусу, которым командовал Шиги-кутуку.¹⁵⁵ Чингиз-хан, горя от чувства мести за своего помощника, прошел к Газни, где Джалал ад-Дин никак не ожидал его. Газни не оказал никакого сопротивления и Чингиз-хан, нацеленный на захват Джалал ад-Дина, отменил обычное разрушение города. Наконец, он поймал хорезмского принца на берегах Индуса, где он разрезал на куски его людей (согласно Насави, 24 ноября 1221). Джалал ад-Дин сам смог бежать, прыгнув на коня, полностью вооруженный и среди тучи стрел. Он был достаточно удачлив достигнуть противоположного берега живым и здоровым, откуда он отправился искать убежища во дворе султана Дели (декабрь 1221).¹⁵⁶ Монголы не пустились немедленно в погоню за ним в

индийской территории. (В следующем году один из их подразделений под командой Джелаир ноян Бала, проводило рекогносцировку Мултана, затем вынужденного отступить из-за жары). Однако, в отсутствие Джалал ад-Дина его семья попала в руки монголов и все ее мужские члены были убиты.

Монголы на обратном ходе к Первану, однако, смягчились перед храбростью последних городов, оставив их целыми в восточном Иране. Чингиз-хан сначала свел счеты с населением Газни, которое было уничтожено, за исключением ремесленников, которых он отправил в Монголию. После битвы в Перване поднял восстание Герат (ноябрь 1221).¹⁵⁷ Монгольский генерал Алжигидай захватил город опять после шестимесячной осады 14 июня 1222. Все население было истреблено и резня продолжалась целую неделю. Те люди, которые возвратились назад в Мерв, были достаточно глупы, чтобы убить персидского перфекта, оставленного Толу и потребовать возвращения Джалал ад-Дина. Они были истреблены методически до последнего человека силами Шиги-кутуку. Когда массовые убийства закончились, монголы притворились отступившими. Они отошли от города и такие несчастные, которые смогли скрываться в на окраине города или в погребах, вышли один за другим из своих укрытий, поверив, что враг действительно ушел. Монгольский реарград затем вернулся назад, напал на них и всех поголовно уничтожил.

Это является свидетельством того, что, в основном, монголы все меньше встречались с трудностями во взятии укрепленных городов в Трансоксонии и восточном Иране по сравнению с тем, что они делали в Китае. Отчасти это объясняется ужасом, которого они наводили как «язычники», или как мы сегодня выражаемся, «как дикари» и который даже был более сильным среди мусульман, чем на китайской территории, где за столетия жители привыкли к ним, как к соседям. Также, в этих регионах они больше использовали местных жителей. Для взятия города монголы мобилизовали мужское население окружающих районов, от деревенской местности до открытых городов, и ставили их на расстоянии длины меча у траншеи и стен. Что из того, что эти несчастные уничтожались их соотечественниками до того, что их телами заполнялись эти траншеи и их повторные атаки выматывали силы гарнизона? Иногда их маскировали под монголов с монгольским флагом для каждого десятого так, что гарнизон, видя эти

множества, распложенные в долине, начинал верить, что они находятся под угрозой огромной армии Чингиз-хана. Благодаря этой уловке, маленький контингент монгольских сил принуждал к капитуляции, после которой следовало уничтожение человеческих стад за их бесполезностью. Эта ужасная и почти повсеместная практика, превосходно исполняемая монгольской дисциплиной и организацией, стала одним из их наиболее привычных тактических методов. Так было с пленниками из Бухары, когда Чингиз-хан осаждал Самарканд, а самаркандские пленники, в свою очередь, были использованы при осаде Ургенча и, так было когда, частично, с средствами местного населения Хурасана Толу захватил Мерв. Террор и депрессия были такими, что никто не думал о сопротивлении. Когда была взята Несса, монголы согнали вместе все население в долине и приказали им связывать руки каждого человека сзади. «Они послушались», пишет Мухаммад из Ниссы. «Если бы они рассеялись и побежали к близлежащим горам, большинства из них могло бы спастись. Как только они были связаны, монголы их окружили и расстреляли стрелами мужчин, женщин и детей без разбора.»

Тем не менее, среди монголов административное чувство и военное чувство порядка никогда не прекращалось. После истребления четырех пятых населения, они оставили за собой для ведения дел оставшихся в живых одной пятой, гражданского чиновника, *даругачи* или *дарукачи*, который часто был уйгуром и иногда даже персиянином, и вместе с ним писарей, способных вести регистрацию на уйгурском и персидском языках.

Восточный Иран никогда более полностью не восстановился от чингизханской бури. Такой город как Балх все еще несет на себе следы монгольских разрушений. Ренессанс тимуридов в этих регионах пятнадцатого века под шахом Рухом, Олуг-беком и Хусани-и-Байкрой не смог восстановить страну, перевернутую вверх дном. Тем не менее, хотя Чингиз-хан, возможно, вел себя как худший враг арабо-персидской цивилизации, отмеченный Адским и Проклятым клеймом мусульманских историков, он сам не питал каких-либо враждебных чувств к исламу. Если он запретил практику омовения и мусульманского образа закалывания животных, это было лишь потому, что они противоречили к

монгольским обычаям или суевериям. Если в восточном Иране он разрушил блестящую городскую цивилизацию, созданную Фирдауси или Авиценной, это было потому, его целью было создание типа безлюдных земель или искусственной степи на юго-восточных границах в качестве гласиса или защитного барьера для своей империи. Это было та цель, с которой он «убивал землю». В нем существовал и чувствительный государственный деятель, который никогда не оправдал бы религиозную войну, и кочевник с неполноценным пониманием оседлой жизни и с уклоном на уничтожение городской цивилизации, запрета сельского хозяйства (покидая восточный Иран, он разрушил его зернохранилища) и превратил поля в степи, поскольку степь подходила под его образ жизни и ею было легче управлять.

Чингиз-хан стоял некоторое время в Афганистане, южнее Гиндикуша. В мае 1222 он принял знаменитого таоистского монаха Киоу Чан-чуен, которого он вызвал из Китая в 1220 и который только что прибыл через Уйгурию, Алмалык, Талас и Самарканд. Завоеватель хотел узнать средства вечности у таоистских волшебников.¹⁵⁸

Однако, он также обдумывал свое возвращение в Монголию. Он пересек Аму-Дарью осенью 1222 и продолжил свой путь в Бухару, где он проявил любопытство по поводу основных доктрин мусульманской веры. Он одобрил их, за исключением вопроса о странствовании в Мекку, которого он считал необязательным, рассматривая весь мир домом Бога (или Тэнгри, «вечного Неба» монголов). В Самарканде он приказал, чтобы мусульманские публичные молящитвы должны проводиться от его имени, поскольку он заместил султана Мухаммада. Он даже освободил мусульманское духовенство, имамов и кадиев, от налогов, что существенно доказывает, что злодеяния, которые он причинил мусульманскому миру, являются актами войны, а не частью религиозной кампании. Он перезимовал в Самарканде и провел весну 1223 севернее Сыр-Дарьи. Это было около Ташкента, вероятно, в долине Чирчик, на малом притоке реки он держал свой варварский «двор», сидя на золотом троне среди своих *ноянов* и *баатут*ов. Затем, той же весной 1223 он председательствовал на курултае со своими сыновьями в степи Кулан-Баши к северу от хребта Александра (Киргиз).

Он провел лето этого года в степях Таласа и Чу и летом следующего года, по видимому, на Иртыше. Он возвратился в Монголию в 1225.

Вторжение Жебе и Суботая в Персию и Россию

Перед тем, как мы будем следовать за Чингиз-ханом в его последней китайской кампании, возможно, будет целесообразно возвратиться к экспедиции, совершенной двумя его помощниками, Жебе *нояном* и Суботай *баатуром*, вокруг Каспийского моря

Мы видели, как эти два генерала, лучшие стратеги в монгольской армии, были отправлены с корпусом кавалерии, по подсчетам Гренарда 25 000, для преследования Мухаммада из Хорезма, который бежал через Персию. После смерти султана они продолжали их вторжение в западном направлении. Опустошив Раи, город, известный своим производством чудесно украшенных глиняных изделий, которое никогда больше не восстановилось от этого несчастья,¹⁵⁹ некоторые суннитские мусульмане, согласно Мирхонду, уговорили их разрушить шиитский центр Кум, что они охотно проделали. Когда сдался Хамадан, они от него получили лишь дань, после чего они разрушили Зенжан и взяли штурмом Казвин. Последний тюркский атабек Азербайджана, старый Узбек, из династии местных мамелюков, которые к концу двенадцатого столетия стали близкими к наследству селджуков, дал им щедрую взятку, чтобы сохранить Таурис (Табриз). Жебе и Суботай отправились через муганскую долину, в середине зимы, для вторжения в Грузию. Это христианское королевство, которым тогда правил Георгий III Лаша или Бриллиант (1212-23), было на зените своей мощи, однако, в феврале 1221 два монгольских генерала разрезали на куски грузинскую армию около Тифлиса (Тбилиси).¹⁶⁰ Отсюда они возвратились в Азербайджан для ограбления Марагеха после своей обычной атаки: они заставили пленников вести атаку на цитадель и убивали их, когда они начинали отступать; затем, после падения города и массового истребления населения, они сделали ложный отход, чтобы убедить тех, кто сбежал, что они, действительно, ушли, а затем мгновенно возвратились и обезглавили несчастных (март 1222). Два монгольских генерала

затем уже собрались в поход на Багдад для разрушения аббасидского халифата. Результат такой кампании, несомненно, был бы катастрофическим для всего арабского мира, поскольку в это же время, как отмечает Ибн ат-Атир, крестоносцы вторглись в Египет и заняли Дамиемту.¹⁶¹ Маленькая аббасидская армия, сосредоточенная в Дакуке, вряд ли была бы в состоянии защитить Ирак Араби. В 1221, возможно, люди могли бы видеть Жебе и Суботая в Багдаде и короля Джона Бриенне в Каире одновременно. К счастью для халифа, Жебе и Суботай были согласились возвратиться назад и вновь потребовать дань от Хамадана. На этот раз жители сопротивлялись. Монголы взяли город штурмом, истребили все население и сожгли город. Отсюда, пройдя через Ардебил, который они тоже опустошили, два монгольских командира возвратились в Грузию.

Грузинское рыцарство было в это время одним из прекрасных. Однако, ложным отступлением Суботай вовлек его в засаду, где их ожидал Жебе и разрезал их на куски. Грузины, несомненно, считали себя удачниками, сохранив Тифлис, хотя для этого они позволили монголам превратить в пустыню южную часть страны. Захватчики затем направились на Ширван, где они опустошили Шамаху. Затем через Дербент они спустились к степям северного Кавказа, где они столкнулись с коалицией людей этого региона: аланов (которые были потомками сарматов и христианами греческой веры),¹⁶² лезгинов и черкесов, все три кавказской расы, и кипчакских тюрок. Жебе и Суботай обманом добились ухода кипчаков, сыграв на их общем тюрко-монгольском братстве и отдачей им части награбленного. Они затем нанесли поражение другим членам коалиции, один за другим, и, наконец, поспешили за кипчаками, которых разрезали на куски и возвратили отданную им долю добычи.¹⁶³

Между тем, кипчаки обратились за помощью к русским. Один из кипчакских ханов по имени Кутан, чья дочь была замужем за русским князем Мстиславом (Смелый) из Галича, достиг вмешательства своего зятя и других русских князей против монголов. Русская армия в 80 000, ведомая князьями Галича, Киева, Чернигова и Смоленска, пришла на Днепр для сосредоточения около Хортицы по соседству с Александровым. Монголы ушли назад и отказались воевать до тех пор, пока противник не стал достаточно утомленным и его

различные военные подразделения удобно не расширили свои ряды. Действия имели место около Кальки или Калмуса, малой прибрежной реки, впадающей в Азовское море около Мариуполя.¹⁶⁴ Князь Галицкий и кипчаки, которые выступили без ожидания людей из Киева, были побеждены и бежали (31 мая 1222). Князь Киева, оставшись один, защищал свой лагерь три дня и удостоился почетной сдачи. Тем не менее, он после этого был убит со всеми своими людьми.¹⁶⁵

Это первое русское несчастье не имело немедленных политических последствий. Великий князь Юрий из Владимира, который не успел достичь Кальки со своими войсками, сохранил свою армию в целости. Монголы довольствовались грабежом генуэзских счетных домов Судака или Содайи в Крыму (хотя здесь не имеется ничего для поддержки теории Кагуна о соглашении между ними и венецианами).¹⁶⁶ Жебе и Суботай пересекли Волгу около Царицына (Сталинград, Волгоград), разбили болгар Камы и канклийских тюрок уральских гор и после этого фантастического набега, воссоединились с великой армией Чингиз-хана в степях к северу от Сырь-Дарьи.

Последние годы Чингиз-хана

Чингиз-хан возвратился в Монголию весной 1225 и провел зиму 1225-26 и лето в летнем лагере на Туле, притоке Орхона. Весь мир от Волги до Пекина дрожал перед ним. Его старший сын Жучи, который был прикреплен к правительству арало-каспийских степей, кажется, ставил своей целью проведения своей отдельной политики. Это встревожило Завоевателя; однако, перед тем, как прошла трещина между отцом и сыном, Жучи умер в феврале 1227.

Чингиз-хан, тем не менее, вел другую кампанию против тангутского королевства хси-хсиа в Кансу. Король хси-хсиа, хотя и вассал, уклонился от обязательства отправлять контингент войск для войны в Хорезме. На формальную просьбу о помощи, говорит *Секретная История*, имел наглость ответить от имени своего хозяина тангутский сановник по имени Аша-гамбу, сказав, что если Чингиз-хан не имеет достаточно войск, то он не заслуживает чести претендовать на верховную власть. Такая бравада не могла пройти мимо и, устроив дела в Хорезме,

Завоеватель отомстил. Более того, как отмечает Владимирцев, Чингиз-хан осознавал, что для того, чтобы завоевать кинское владение северного Китая, где его подчиненный Мукали только что умер в такой попытке, было важным для монголов добиться непосредственного владения Кансу, Алашаном и Ордосом. Поэтому он открыл свою кампанию осенью 1226, взял Линчоу в конце года и, весной 1227 начал осаду столицы хси-хсия, современный город Нинся.¹⁶⁷ Метод «монгольского террора» был применен здесь также, как и в Афганистане, безжалостно. «В отчаянии жители скрывались в горах и пещерах, чтобы избежать монгольской власти. Поля были покрыты человеческими костями.» В то время как Нинся была под осадой, Чингиз-хан стоял лагерем летом 1227 в регионе реки Циншуи и округе Лунтё к северу от нынешнего Пинлиана. Там в местности западнее Пинлиана он умер 18 августа 1227 в возрасте шестидесяти лет.¹⁶⁸ Скоро после этого, Нинся, столица противника, была взята и, в соответствии с последними командами Завоевателя, все население было уничтожено. Часть тангутского народа было отдано императрице Ясуи, одной из жен Чингиз-хана, которая сопровождала его в этой кампании.

Тело Чингиз-хана было похоронено около священной горы Буркан Калдун (Кентей), где Тэнгри однажды разговаривал с ним, в верховьях Онона и Керулена. В 1229 его наследник сделал великие церемониальные пожертвования в его честь в чисто монгольской манере. «Он приказал, чтобы три дня предлагались блюда, согласно обычаю, гривам своего отца. Он выбрал среди семей *ноянов* и генералов прекраснейших девушек, числом сорок; они были одеты в богатую одежду и украшения великой цены, и, по Рашид ад-Дину, они были отправлены служить Чингиз-хану в другом мире. В дополнение к этому варварскому обычаю, превосходные кони принесены в жертву.»¹⁶⁹

Чингиз-хан: его характер и достижения

Чингиз-хан считается одним из божьих наказаний человечества. Он является персонификацией двенадцати веков вторжений в древние цивилизации кочевниками степи. Действительно, ни один из его предшественников не оставил столь ужасающей репутации. Он превратил террор в систему правления и

истребления и методической организации. Его разрушение восточного Ирана превышает в ужасе все, что приписывалось Европой Аттиле или Индией Михиракуле. Тем не менее, мы имеем в виду, что его жестокость скорее возникла, главным образом, из суровости его окружения, грубости всех тюрко-монгольских рекрутов, чем из какой-либо естественной свирепости. (В этом отношении Тамерлан, другой палач, должен отвечать за гораздо большее, поскольку он был более цивилизованным.¹⁷⁰ Массовые казни, проведенные монгольским завоевателем составляли часть системы ведения войны. Это было оружием кочевника, направленного против оседлых людей, которые недостаточно быстро покорялись и, прежде всего, против тех, кто восставал после покорения. Печальным было то, что этот кочевник едва мог понять природу сельскохозяйственной и городской экономики. Завоевав восточный Иран и северный Китай, он нашел, что будет естественным превратить эти страны в степные земли путем разрушения их городов и полей. Тысяча лет кочевой традиции, вторжений на пороге цивилизации и на краю старинной обработки земли говорили в нем, когда он давал такое определение высшего наслаждения: «резать моих врагов на куски, протаскивать их передо мной и хватать их жен и дочерей!»¹⁷¹ В противоречии с этим находится его полного сожаления мысль о том, что его внуки оставят тяжелую жизнь степи ради жизни оседлых народов: «После нас, люди нашей расы будут одевать одежду из золота; они будут есть сладкую, жирную еду, ездить на прекрасных рысках и держать в своих руках нежных женщин и они забудут, что они обязаны со всем этим нам...»¹⁷²

Таоистская стелла 1210, выгравированная по заказу монаха Ли Чи-чан, который в 1220-23 сопровождал знаменитого Киоу Чан-чун, когда он наносил визит Завоевателю, дает любопытный рассказ, в таоистском философском лексиконе, о впечатлениях о китайцах императора кочевников с точки зрения опыта своей жизни и своих достижений: «Небо утомлено несдержанной роскошью Китая. Я [Чингиз-хан говорит] остаюсь в диком регионе севера; я возвратился к простоте и ищу умеренности еще раз. Что касается одежды, которую я ношу и еды, которую я ем, я имею то же самое тряпье и ту же самую еду, как и пастухи и конюхи, и я отношусь к солдатам, как к моим братьям. В сотне сражениях я

находился на переднем фронте. В течение семи лет я проделал великую работу и в шести направлениях пространства все принадлежит к единственному правлению!»¹⁷³

В рамках своей жизни, своего окружения и своей расы Чингиз-хан появляется как человек с рефлекторным типом мышления и с крепким здравым смыслом, замечательно уравновешанный и хороший слушатель. Он также был твердым в дружбе и, со всей его непреклонностью, щедрым и нежным. В пределах этих границ он проявил врожденное чувство порядка и хорошего правления. В сочетании с безжалостными варварскими чувствами в нем имелись некоторая благородность и возвышенность ума, посредством чего «проклятый» мусульманских историков приобретает свой истинный статус человеческого существа. Одной из его наиболее характерных черт образа мышления является его инстинктивный ужас по отношению к предателям. Слуги, которые надеялись на получение благодарности от него путем предательства своих несчастных хозяев, по его приказу казнились.¹⁷⁴ С другой стороны, он часто награждал или брал на свою службу тех, кто оставался верным к своим господам, его врагам. Рашид ад-Дин и *Секретная История* приписывают ему большое количество подобных особенностей и подчеркивают не только его уважение храбрости в беде, но также созвучие моральной основы его правления. Людей со слабым характером, которых он брал под свое покровительство, он защищал до конца и в продолжение всей своей жизни сохранил им верность. Алакуш-тигин, онгутский вождь, был убит за его выступление на его стороне против найманов. Он восстановил его семью, взял сына на свою службу, выдал за него замуж собственную дочь и обеспечил состоянием его дом.¹⁷⁵ Побежденные враги прошедших войн, уйгуры и хитаны, нашли в нем наиболее верного защитника, точно также сириакские христиане и армяне не имели более верного своего защитника чем его внуки. В Лиаотуне хитанский принц Йе-лю Лю-ко, который был его вассалом с самого начала, умер во время войны с Хорезмом. Его вдова нашла Завоевателя во время его последней кампании в Кансу. Он тепло приветствовал принцессу с глубокой любезностью и оказал ей и двум сыновьям Йе-лю Лю-ко наиболее нежную и отеческую заботу.¹⁷⁶ Во всех таких обстоятельствах этот толстокожий кочевник, этот истребитель

людей, проявлял естественное величие, возвышенную вежливость и искреннее благородие, которые удивляли даже китайцев. Будучи благородным человеком из хорошей семьи, он по своему духу был королем и поэтому менее восторженным, чем кто бы то ни было, своим метеороподобным успехом.

Наконец, хотя Чингиз-хан был в своей политике негибким, однако, он не был глух к голосу цивилизованного опыта. Он взял многих своих противников в свои советники: уйгуров, подобно Та-та-тун-а, мусульман, подобно Махмуду Ялавачу и хитанов, подобно Йе-лю Чу-цаю. Та-та-тун-а, который исполнял ту же функцию во дворе последнего найманского короля, стал его канцлером и учителем по уйгурскому письму для его сыновей.¹⁷⁷ Махмуд Ялавач стал его заместителем по трансоксонианским народам, первым «монгольским» губернатором Трансоксонии.¹⁷⁸ Китаизированный хитан Йе-лю Чу-цай имел успех в преподавании некоторого тона китайской культуры своему хозяину и даже иногда в предотвращении массовых убийств. Одним из его основных забот, его биография объясняет, было спасение драгоценных записей из городов, ограбленных или сожженных монголами; другой его заботой был поиск медицинских средств для борьбы с эпидемиями, возникающими в таких побоищах.¹⁷⁹ Несмотря на его преданность к монгольскому государству и чингизханской семье, он не всегда смог скрывать свои эмоции, когда умолял за прощение для некоторых приговоренных к наказанию городов или провинций. «Собираетесь ли вы опять плакать за народ?», спрашивал Огодай его. Тактичное и благоразумное вмешательство с его стороны часто препятствовало нанесению непоправимого ущерба. «Татар по происхождению и китаец по культуре», пишет Ремусат, «он был естественным посредником между угнетателями и угнетаемыми.»¹⁸⁰ Он не мог молить у монголов о человечности; они не стали бы его слушать. Он старался доказать им, что прощение является хорошей политикой, и в этом он поступал мудро, поскольку варварство монголов происходило, главным образом, из-за неграмотности.

Во время последней кампании Чингиз-хана в Кансу монгольский генерал заметил ему, что его новые китайские подданные будут бесполезными ему, поскольку они не подходят для военных действий и поэтому лучше будет, если их

истребить – их было около десяти миллионов – чтобы их использовать как почву для пастбищ для кавалерии. Чингиз-хан поблагодарил за убедительность его совета, но Йе-лю Чу-цай возразил. «Он объяснил монголам, которым не известна какая-либо другая идея, выгоды, получаемые из удобрения почвы и от трудолюбивых подданных. Он пояснил, что путем налогообложения на землю и получения дани на продажу, они могли бы собрать 500 000 ежегодно унций серебра, 80 000 кусков шелка и 400 000 мешков зерна.» Так, он отстоял свою точку зрения¹⁸¹ и Чингиз-хан приказал Йе-лю Чу-цаю составить проект системы налогообложения по этим вопросам.

Благодаря Йе-лю Чу-цаю и уйгурским советникам Чингиз-хана, зародились, среди всех резен, рудименты монгольской администрации. В этом виден вклад самого Завоевателя, его наклонность к культуре. Чингиз-хан, кажется, был более сочувственен по отношению к хитанам и уйгурам, к двум наиболее цивилизованным народам тюрко-монгольского мира. Хитаны могли, без потери национальности, вовлекать чингизханскую империю в китайскую культуру, в то время как уйгуры были в состоянии делиться с монголами с древней тюркской цивилизацией Орхона и Турфана, и в общем, с наследством сириакской, манихеанско-несторианской и буддийской традиций. Действительно, от уйгуров Чингиз-хан и его наследники взяли основы своей гражданской администрации, их язык и письменность для своей канцелярии. Позднее уйгурская письменность, с небольшими изменениями, составит монгольский национальный алфавит.

Массовые убийства были позабыты, когда начало функционировать административное исполнение, смесь чингизханской дисциплины и уйгурской системы бюро или департаментов. И эта работа шла к завершению после таких ранних опустошений во благо цивилизации. Чингиз-хан оценивался его современниками также с этой точки зрения. «Он умер и это было великим горем, поскольку он был только человек и из мудрых», сказал Марко Поло. «Он держал народ в мире», сказал Джоинвилле.¹⁸² Этот вердикт парадоксиален лишь по форме. Объединив всех тюрко-монгольских народов в одну империю, наложив железную дисциплину от Китая до Каспийского моря, Чингиз-хан прекратил бесконечные межплеменные войны и обеспечил караванам невиданную до этого безопасность.

Абдул Гази пишет: «Под правлением Чингиз-хана вся страна между Ираном и Тураном [земли тюрков] пользовались таким миром, что человек мог путешествовать от одной страны восхода солнца до страны захода солнца без малейшего насилия со стороны кого-либо.»¹⁸³ Его ясак установил повсюду от Монголии до Туркестана «Мир Чингиз-хана», несомненно, ужасный в его дни, но ставший под его наследниками мягче и сделавший возможным достижения великих путешественников четырнадцатого века. В этом отношении Чингиз-хан был типа варварского Александра Великого, следопыта, который открыл новые дороги в цивилизацию.¹⁸⁴

6

Три прямых наследника Чингиз-хана

Разделение уделов между сыновьями Чингиз-хана

Каждый из четырех сыновей Чингиз-хана при его жизни получил *улус*, т.е. некоторое количество племен, вместе с *юуртом*, или территориальным уделом пастбищных земель, достаточных для поддержки этих племен. Вместе с этим шел *инжу*, таможенный сбор, соразмерный с нуждами двора и слуг, в который включались обязательства, оплачиваемые оседлыми людьми в покоренных регионах Китая, Туркестана и Ирана.¹ Будет справедливо отметить здесь, что единственным разделяемым имуществом была тюрко-монгольская степь, пастбищные земли кочевников. Обрабатываемые земли вокруг Пекина и Самарканда оставались имперской территорией. Никогда не случалось такого, чтобы сыновья Чингиз-хана рассчитывали на земли оседлых народов при дележе

между собой их владений или при становлении соответственно императором Китая, ханом Туркестана и султаном Персии. Такие идеи, которые предполагались их наследниками с 1260 и дальше, были для них совершенно чуждыми. Действительно, по их мнению, разделение степей никоим образом не повлекло разделение империи Чингиз-хана. Такое будет продолжаться под режимом *concordia fratrum*, гармонии братства. Более того, как замечает Бартолд, по кочевому закону, безотносительно к абсолютной власти кагана, государство принадлежало меньше к нему, чем ко всей правящей семье.

Старший сын Чингиз-хана Жучи² умер до смерти отца за шесть месяцев, приблизительно в феврале 1227 в степях к северу от Аральского моря. Хотя Чингиз-хан никогда официально не выражал сомнения о его рождении, трещина между ними становилась все шире к его концу. В 1222-27, после захвата Ургенча, в котором он принимал участие (апрель 1221) Жучи жил в отставке в своем собственном уделе Тургай и Уральск и не принимал участия в кампаниях отца. Этот унылый отход несколько беспокоил завоевателя, который начал задаваться вопросом, не устраивает ли его старший сын какой-либо заговор против него. Смерть Жучи, возможно, воспрепятствовала болезненному конфликту между ними.

Батый, один из сыновей Жучи, унаследовал контроль над уделом отца. Характеризуемый в монгольском предании как мудрый и осторожный принц (он имел прозвище *саин-хан*, «хороший хан») и известный русским как безжалостный завоеватель, он позднее будет играть важную роль в качестве главы чингизханской семьи в спорах, возникающих по вопросу о владении имперским тронном. В этих спорах он выступал как «создатель великих ханов.»³ В его относительной молодости, смерть отца и невысказанное сомнение по поводу законности его семейной ветви позволили «дому Жучи» играть лишь не более чем тусклую роль в делах империи. Тем не менее, в силу монгольского закона, который оставляет старшему сыну право на более отдаленное владение от отцовской резиденции, дом Жучи стоял лицом к Европе и составлял из себя атакующее крыло монгольской империи. Поэтому не его долю выпали степи западнее Иртыша «куда ступили копыта монгольских коней», то есть, Семипалатинск, Акмолинск, Тургай или

Актюбинск, Уральск, Адай и Хорезм (Хива) плюс все возможные завоевания кипчакских земель к западу от Волги, завоевания, предопределяющие результаты экспедиции Жебе и Суботая.

Второй сын Чингиз-хана Ягатай⁴ (умер 1242), которого Завоеватель назначил управлять *ясаком* и ответственным за дисциплину монголов, был строгим и наводящим страх судьей, скрупулезным и дотошным исполнителем чингизханского кодекса, закаленным солдатом, который чувствовал себя дома плохо и несколько лишенным воображения. Он не стал возражать, когда его отец назначил на высший пост его младшего брата Огодая. Ягатай получил в качестве своей доли степи бывшей кара-китайской империи, простирающейся от уйгурских земель до Бухары и Самарканда на западе, в основном, регионы Или, Иссык-куля, верхнего Чу и Таласа. Он также получил Кашгарию и Трансоксию, но следует помнить, что эти территории были землями оседлых народов и что в Трансоксии города Бухара, Самарканд и другие управлялись непосредственно чиновниками великого хана. Свидетельством к тому является то, что обычная резиденция Ягатая находилась южнее Или.

Огодай,⁵ третий сын Чингиз-хана, получил территорию к востоку и северо-востоку от озера Балхаш, именно, регионы Имила и Тарабагатая, Черного Иртыша и Урунгу. Последний был расположен около старых найманских земель, в то время как лагерь Огодая находился на Имиле.

Наконец, согласно монгольскому обычаю, Толу,⁶ младший сын Чингиз-хана, был *очигином*, или лучше, *отчигином*, или хранителем очага. Другими словами, он был наследником родового поместья, включающего регион между Тула, верхнего Онона и верхнего Керулена. Толу описывали как отважного солдата, мечтающего о завоеваниях и хорошего генерала (его хонанская кампания 1232 была наиболее удачно проведенной операцией). Он пристрастился к алкоголю (от которого он умер в октябре 1232, в возрасте сорока лет), однако, не обладал никакой особой проницательностью. Однако, он был женат на исключительно умной женщине, принцессе Союургактани или Соргактани из древней кераитской правящей семьи (она была племянницей последнего *Ван-хана*), которая, подобно

всем кераитским людям, была несторианкой и стала позднее той, кто сохранила империю для своих сыновей.

В дополнение, семьи двух братьев Чингиз-хана, Касара и Темуже Очигина, также получили свои уделы. Удел Касара находился около Аргуна и Хайлара, а удел Темуже – в восточной окраине Монголии, около старых журчидских земель в нынешней провинции Кирин.

Согласно монгольскому закону и в качестве хранителя очага после смерти Чингиз-хана Толу было поручено регентство (1227-29) до выборов нового великого хана. В качестве регента он получил *ордус* или палаточные дворцы своего отца, которые составляли двор и 101 000 человек из 129 000, которых имела монгольская армия в 1227. (Остальные 28 000 человек были расположены следующим образом: по 4 000 каждому, из других сыновей Чингиз-хана; 5 000 – Темуже, младшему брату Чингиз-хана; 3 000 – сыновьям Качуина, другого брата; 1 000 – сыновьям третьего брата, Касара; и 3 000 – семье его матери Оелун-еке.)

Курултай, генеральная ассамблея монгольских принцев, для выборов великого хана состоялся весной 1229 на берегах Керулена. Этот конгресс был созван не более чем для ратификации воли Чингиз-хана, который назначил своим наследником своего третьего сына Огодая.⁷

Правление Огодая (1229-41)

Огодай, которого Чингиз-хан выбрал в качестве своего наследника, был наиболее умным из его сыновей. В то время как он не унаследовал ни отцовской гениальности, ни страсти к правлению или энергию, он имел те же самые ум и упорство. Он был неуклюж, добродушный, веселый пьяница, снисходительный и щедрый до края и он воспользовался своей абсолютной властью для пьянки и веселья по своему образу. Благодаря *ясаку*, дела монгольской империи шли сами по себе.

Огодай держал свою резиденцию в Каракоруме. Его выбор имеет историческое значение, поскольку он находился на верхнем Орхоне, где большинство старых тюрко-монгольских империй имели свои «столицы» от гсиен-

ну старины до восточного ту-чѣ средневековья. Рядом в Карабагалсуне уйгурские ханы восьмого века установили свой *орду-балиг*, и это было тем же самым названием Ордубалиг (город двора), под которым известна столица Чингиз-хана. Уже во время правления Чингиз-хана, по меньшей мере с 1220, Каракорум или некоторое соседнее место было, возможно, выбрано в качестве теоретической столицы, однако, только Огодай в 1235 сделал наш Каракорум действительной столицей новой империи, окружив ее защитной стеной.⁸

Огодай полностью доверял китаизированному хитану Чу-цаю, который стремился установить административную копию чисто военного правительства по китайскому образцу. Совместно с уйгурскими знатоками он организовал китайский, тангутский, уйгурский и персидский отделы в монгольской канцелярии. Монголы давно имели систему курьеров для обслуживания военных нужд и Йе-лю Чу-цай и его подражатели организовали зернохранилища вдоль дорог.⁹ Кроме всего, Йе-лю дал монгольской империи типа ежегодного бюджета, посредством чего китайцы платили налоги серебром, шелком и зерном, облагаемых на домашние хозяйства и монголы вносили 10 процентов своих коней, скота и овец. Дополнительно к этому, завоеванные части Китая, которые к тому времени принимались лишь как источник произвольного грабежа, были разделены на десять округов, каждый со своим административным персоналом монгольских чиновников и китайских знатоков. Йе-лю Чу-цай также открыл школы в Пекине и Пиняне для «конфуцианского» образования молодых монгольских господ и в тоже время набирал на монгольскую гражданскую службу большое число китайцев. «Империя», говорил он Огодаю, «была создана на спине коня, однако, она не может управляться оттуда.»¹⁰

В дополнение к Йе-лю Чу-цаю, Огодай оказывал полное доверие несторианскому кераиту Чинкаю, которого уже чтит Ченгиз-хан и которого Пиано Карпини описывает как «протонатари», то есть, канцлер империи. Пеллиот пишет: «Никакой указ не может быть издан в северном Китае без строки, написанной по-уйгурски Чинкаем.»¹¹

В военной области правление Огодая ознаменовалось завершением монгольского завоевания северного Китая, Персии и южной России.

Разрушение кинского владения монголами

В Китае потребовались новые усилия. После смерти Мукали и когда Чингиз-хан был занят на западе, кинцы возвратили некоторую часть своей территории. Этот древний журчидский народ, в котором все еще сильно текла тунгусская кровь, проявлял удивительную живучесть. Они не только не остались в Хонане вокруг Кайфена, их новой столицы, но они возвратили от монголов почти весь бассейн Вей в центральном Шеньси, включая важный укрепленный пункт Тункуан, который защищал вход в Хонан. Они также овладели крепостью Хочун (Пучоу), который находился севернее Желтой реки в юго-западном углу Шаньси напротив Тункуан. Последний кинский правитель Нин-киа-су (1223-34) смог питать новые надежды на будущее.¹²

В 1231 монголы открыли военные действия, овладев городами бассейна Вей: Пинлианом, Фенсианом и так далее. Во время кампании 1232 они задумали план крупного масштаба.¹³ Будучи не в состоянии овладеть переходом Тункуан, они обошли его с фланга на северо-востоке и юго-западе. Когда Огодай с главным корпусом армии и обильным снабжением военных материалов захватил Хочун – акция, которая затем позволила ему пересечь Желтую реку – его брат Толу с 30 000 всадников выполнил огромный окружной охват с юго-запада. Намеренно нарушив сунскую территорию, он прошел из долины Вей в долину верхнего Хань, захватил Ханчун (Нанчен; на суннской территории) и прошел вдоль долины реки Киалин в Сычуане, где он опустошил округ Паонин. Затем, повернув свои силы на северо-восток, он продвинулся через середину бассейна Хань (которую он прошел в январе 1232) и внезапно появился на кинской территории в южном Хонане около Наняна. В то же время Огодай и главные силы армии, взяв Хочун, пересекли Желтую реку и вторглись в Хонан с севера (февраль 1232). Две монгольские армии встретились друг с другом в центре Хоанана, в Кюнчоу (ныне Ючоу), около которого Толу разбил кинцев на несколько дней ранее.¹⁴

В этой важной и последней битве кинцы проявили храбрость, которая вызвала восхищение офицеров монгольского штаба, которые сами знают толк в

этом деле. Их генералы пошли скорее на пытки, чем присоединиться к силам победителей. Однако, их положение было отчаянным. На северо-западе монголы теперь, наконец, овладели Тункуаном (март 1232). Огодай приказал своему лучшему стратегу Суботаю, победителю Персии и России, осадить Кайфен, столицу кинов. Город был взят лишь после продолжительного сопротивления в мае 1233. Йе-лю Чу-цай уговорил императора Огодая не разрушать его, поскольку он мог составить часть монгольских владений. Перед самым концом король Нин-киасу оставил Кайфен, чтобы попытаться организовать сопротивление в провинциях. Сначала он нашел убежище в Куейтехе и затем в маленькой крепости Цайчоу (Юнин). В этом маленьком городке он покончил жизнь самоубийством, когда монголы приступили к своей последней атаке (февраль-март 1234).¹⁵ В попытке отомстить своим древним врагам – кинам, сунская династия помогла монголам, предоставив в их распоряжение контингенты пехоты, которые помогли захватить этот город.

Падение Цайчоу завершило аннексию кинского владения монгольской империей. С этого времени монголы стали непосредственными соседями национальной китайской империи Сун. В благодарность за их помощь в последней битве против кинов Огодай позволил династии Сун удержать несколько округов в юго-восточном краю нынешней провинции Хонан. Император Ли-цун (1225-64), скорее, его правительство, недовольные этим вознаграждением и жажда о всей провинции Хонан, были достаточно глупы, чтобы предпринять атаку на монголов.¹⁶ Сначала китайские войска вновь оккупировали Кайфен и Лоян (июль-август 1234) без всяких боев. Они, разумеется, были немедленно отогнаны монголами и на *курултае* в Карокуруме 1235 Огодай вынес решение о завоевание сунской империи.

Три монгольских армий вторглись в нее. Первая, под командованием Годана,¹⁷ вторым сыном Огодая, проникла в Сычуан и захватила Ченту (октябрь 1236); вторая, под командованием Кучу, другим сыном Огодая и генерала Темутая, заняла Сианян в Хупехе в марте 1236. Третья, ведомая принцем Кюн-бука¹⁸ и генералом Чаганом, прошла до Хуанчоу, однако, не смогла оставаться там. В 1239 Сианян также был возвращен китайцами. В самом деле, начиналась

сорокапятiletняя война (1234-79) и Огодаю было суждено лишь видеть ее начало. Четвертая монгольская армия была предназначена для покорения Кореи. В декабре 1231 корейская столица Каесон, к северо-западу от нынешнего Сеула, была взята монголами, которые поставили страну под свой протекторат с семидесятью *даругачами* для ее управления; однако, на следующий год все эти монгольские резиденты были убиты по приказу короля Кореи Ко-тжон, который в июле 1232 нашел убежище на маленьком острове Канхуа, западнее Сеула. Новая армия, отправленная Огодаем, эффективно оккупировала Корею или, по-меньшей мере, ее континентальную часть в 1236. Корейский двор, со своей стороны, объявил о своем покорении (он направил послов для признания своего вассальства с 1241), но оставался на последующие тридцать лет на своем острове.¹⁹

Завоевание монголами западной Персии

Когда Огодай вззошел на трон, предстояла задача завоевания Ирана.

В ноябре 1221 Чингиз-хан вынудил Джалал ад-Дин Мангуберти, наследника хорезмской империи, искать убежище в Индии (стр. 268). Султан Дели, тюрк Илтумиш, приветствовал беженца и выдал за него замуж свою дочь, но Джалал ад-Дин устроил против него заговор и был убит (1223). Чингиз-хан и монгольская великая армия только что возвратились в Туркестан, оставив за собой Хурасан и Афганистан в руинах и почти ликвидировав там все население, по крайней мере, в их городах. Эти регионы образовали типа безлюдных стран, в которых при их отступлении они не оставили никакой регулярной администрации; в то время как Жебе и Суботай были на своих походах, центральная и западная Персия были в состоянии, граничащем с анархией. Это был не завоеванием в истинном его смысле, хотя оно было результатом работы регулярной армии, действующей по регулярному образцу, и монголы там оставались в течение трех лет; это было вихревым проходом орды.

Джалал ад-Дин воспользовался кажущимся безразличием монголов по отношению к делам в Иране для возврата страны к состоянию в 1224.²⁰ В качестве представителя последней законной власти, предшествовавшей монгольскому

штурму, он не встретился с трудностями своего признания как султан со стороны атабеков или наследственных тюркских губернаторов Кермана (Кирман) и Фарса (в Кермане Борак Хаджиб, основатель местной кутлукханской династии; в Фарсе, Сад ибн-Зенги, 1195-1226, салхуридская династия). Из Шираза Джалал ад-Дин отправился для захвата Испагана и Ирака Аджами у своего брата Хият ад-Дина, который создал там для себя княжество (1224); затем он направился покорять Азербайджан. Атабек Азербайджана Узбек (1210-25), из сильного тюркского феодального дома, который управлял этой провинцией с 1136 и умудрился выжить во время вторжения Жебе и Суботая засчет крупной дани; с Джалал ад-Дином он не был столь удачлив. Новый захватчик вынудил капитулировать Табриз и был признан по всей провинции ее правителем (1225). Отсюда хорезмский принц направился в Грузию. Четыре года ранее это христианское корлевство пережил атаку Жебе и Суботая и болезненно восстанавливалось от нее под правлением известной королевы Русудан (1223-47), сестры и наследницы Георгия III, когда появился Джалал ад-Дин. Султан нанес поражение георгиевцам на Карни (или Гарни) в августе 1225. Во время второго вторжения в следующем году он опустошил Тифлис, где в марте он разрушил все христианские церкви. В 1228 он возвратился в третий раз и, на Миндоре около Лоре, победил георгиевскую армию верховного командующего Иване.²¹ Эти кавказские экспедиции консолидировали власть Джалал ад-Дина в Азербайджане.

Он теперь стал хозяином всего западного Ирана: Кермана, Фарса, Ирака Аджами и Азербайджана с Испаганом и Табризом в качестве своей столицы. Это означало восстановление старой хорезмской империи, сдвинутой на запад. Однако, этот знаменитый рыцарь странным образом не имел политического чутья. Со всей своей порывистостью и отважностью, которые сделали его наиболее ослепительным паладином мусульманского мира, этот отпрыск султанов Хорезма, занимая трон Персии, продолжал вести себя как странствующий рыцарь. Вместо консолидации своего нового персидского владения в подготовке к неминуемому вторжению монголов, поборник ислама поругался с главными мусульманскими принцами западной Азии, которые были его естественными союзниками. В 1224 он угрожал халифу Багдада вторжением и затем, 2 апреля 1230, после

продолжительной осады, захватил крепость Хилат (к северо-западу от озера Ван в Армении) у аююбидкского султана Дамаска ал-Ашрафа.²² Наконец, против него была создана коалиция ал-Ашрафа и селджукского султана Ала ад-Дин Каи-Кобада (Каякобад) I, короля тюркской Малой Азии (султанат Кония). В августе 1230 эти два принца нанесли ему сокрушительное поражение около Ерзинкана. Это было точно тем местом, где монголы начали свое новое вторжение.

Чтобы положить конец к новому восстановлению хорезмской империи, Огодай отправил в Персию армию из 30 000 человек под командованием *нояна* Чормохана или Чормакана.²³ Зимой 1230-31 монголы со скоростью света через Хурасан и Раи прибыли в страну перед тем, как Джалал ад-Дин успел собрать свои войска и достичь Азербайджана, своей обычной резиденции. При получении этой новости прославленный паладин потерял свою голову. Оставив Табриз, он бежал к долинам Мугаба и Аррана около устья Арас (Аракс) и Куры; затем в Диярбакир, преследуемый по всему пути, подобно своему отцу до него, монгольской легкой кавалерией. В конце концов он исчез мрачно: был убит в горах Диярбакира 15 августа 1231 курдским крестьянином.

В течение десяти лет, 1231-41, Чормахан оставался во главе монгольской армии, стоящей в лагерях в северо-западной Персии. Он установил свои регулярные штаб-квартиры на долинах Мугана и Аррана, на нижнем течении Куры и Араса,²⁴ поскольку эта степь имела сочную траву, подходящую для его кавалерии. По той же причине муганские и арранские земли были с 1256 одними из любимых мест пребывания монгольских ханов Персии. С этих пастбищ на северо-западе Азербайджана монголы сто лет правили древним оседлым Ираном с его лощеной городской цивилизацией.

После исчезновения Джалал ад-Дина Чормахан направил свою небольшую армию для грабежа ирано-мессопотамских пограничных районов. В Армении монголы истребили жителей Битлиса и Ерциса (Аржиш). В Азербайджане они овладели Марагехом, где они также совершили свою обычную резню. Обученные горьким опытом, народ Табриза сдался, заплатил все, что было потребовано и умиротворили Чормахана производством драгоценных тканей для великого хана

Огодая (1233). На юге Диярбакир и земли Ербила были ужасным образом опустошены. Ибн ал-Атир описывает несколько из этих сцен резни:

Человек из региона Нисбиан рассказал мне, что когда он прятался в доме, он через отверстие наблюдал, что творилось снаружи. Каждый раз, когда монголы собирались убивать кого-то, они кричали [на мусульманский манер]: «ла илаха илла аллах». По окончании резни они грабили город и угоняли женщин. Я видел их веселящимися на своих конях, сказал он; они смеялись, они пели на своем языке и говорили: «ла илаха илла аллах.»

Вот другой рассказ от того же Ибн ал-Атира:

Мне рассказали такие вещи, что трудно поверить, как велик был ужас, что Аллах ниспослал из всего своего сердца. Говорилось, например, что единственный татарский всадник въехал в плотнозаселенную деревню и начал убивать жителей один за другим, из которых никто не пытался защищаться. Я слышал, что один татар, без оружия и желающий убить кого-то, которого он взял в плен, приказал человеку лечь на землю, затем ушел и вытащил меч и убил жертву, которая не шевелилась. Кто-то рассказал мне историю: «Я был в пути с семнадцатью другими; мы увидели татарского всадника, который сказал нам связывать руки на спине каждого из нас. Мои товарищи начали делать то, что им было приказано и я сказал им: «Этот мужчина один; мы должны его убить и бежать. «Мы очень боимся», ответили они. Я обратился к ним: «Но ведь этот человек собирается вас убить. Давайте, убьем его! Возможно, алаах спасет нас.» Однако, против моего духа, никто не посмел поступить так. Так, я убил его моим ножом и мы убежали.»²⁵

На Кавказе монголы разрушили Ганджу и затем вторглись в Грузию и вынудили королеву Русудан бежать из Тифлиса в Кутаиси (прибл. 1236). Тифлисский регион был взят под протекторат монголов и грузинские феодалы должны были служить в качестве наемников в монгольских войсках. В 1239 в Великой Армении Чормохан захватил и ограбил города Ани и Карс, которые принадлежали семье грузинского верховного командующего Иване.²⁶

Несмотря на акты войны на грузинской и армянской территориях, Чормахан, в принципе, не был против христианства, поскольку среди монголов были также их несторианские соотечественники.²⁷ Более того, в период его командования между 1233 и 1241, когда он находился в Азербайджане, великий хан Огодай направил к нему сириакского христианина Симеона, по имени Раббан-ата, в качестве комиссара по христианским делам. Этот человек сделал многое для защиты армянских общин.²⁵

Чормахана в качестве командира монгольской армии в Персии (т.е. армии Мугана и Аррана) заменил *ноян* Байжу, который находился на этом посту с 1242 до 1256.²⁹ Байжу внес значительный вклад в монгольское завоевание, атаковав селджукский султанат Кония. Это крупное тюркское королевство Малой Азии, управляемой султаном Каи-Хосроу (1237-45), видимо, было в зените своей мощи. Однако, Байжу, взяв и ограбив Ерзерум в 1242, нанес сокрушительное поражение селджукской армии под личным командованием султана в Козадаге, около Ерзинкана (26 июня 1243). После этой победы он занял Сивас, который быстро сдался и был просто ограблен. Токат и Каясери, которые попытались оказать сопротивление, были полностью опустошены. Каи-Хосроу молил о мире и получил его, признав себя вассалом великого хана. Эта кампания расширила монгольскую империю до границ греческой империи.³⁰

Проницательный правитель Армении (то есть Силиции) Хетум I (1226-69) был достаточно умен, чтобы поставить себя добровольно под протекторат монголов в 1244. Эта политика, которой следовали его наследники, обеспечила армянов новыми хозяевами в качестве защитников против селджуков или мамелюков ислама.³¹ В 1245 Байжу консолидировал монгольское владение в Курдистане оккупацией Хилата и Амида. Монголы затем отдали Хилат своим грузинским вассалам клана Иване. Атабек Мосула Бадр ад-Дин Лулу, который был осторожным политиком, как Хетум, признал монгольский протекторат по собственному желанию.

Кампании Батыя и Суботая в Европе

В это время под командованием великого хана Огодая в Европе действовала крупная монгольская армия в 150 000 человек. Номинально она находилась под руководством Батыя, хана аральских степей и Урала, вокруг которого были сгруппированы представители всех ветвей чингизидов: Орда, Берке и Шабан, братья Батыя; Гуюк и Кадан, его сыновья; Кайду, внук Огодая; Монгка, сын Толу; Байдар и Бюри, сын и внук Ягатая.³² Реальным лидером был Суботай, победитель Персии, России и Китая, которому теперь было шестьдесят лет.

Согласно мусульманским источникам, кампания открылась осенью 1236 с разрушения тюркского владения камских булгаров. Суботай опустошил и разрушил их столицу торговый центр Болгар, расположенного около Волги, к югу от ее притока Кама.³³ (Русские источники указывают дату этих событий как осень 1237.)

Ранней весной 1237 монголы атаковали язычных, кочевых и полу-диких тюрков русской степи, которых мусульмане, венгры и византийцы звали кипчаками, русские - половцами. Некоторые из кипчаков сдались; это было элементом, которое позднее образовал этническую и географическую базу монгольского ханства, известного бывшим хозяевам страны как «кипчакское ханство.» Известное также как «Золотая Орда», кипчакское ханство принадлежало к одной из ветвей дома Жучи. Кипчакский вождь по имени Батчман некоторое время скрывался на берегах Волги, однако, в конце концов, был пойман на острове в нижней части реки (зима 1236-37).³⁴ Монгу рассек его пополам. Согласно свидетельству Рашида ад-Дина, Берке вел третью кампанию в 1238, которая закончилась окончательным поражением кипчаков. Именно тогда кипчакский вождь Кутан (упоминался ранее в связи с кампанией Жебе в 1222) эмигрировал с сорока тысячами «хижин» в Венгрию, где он принял христианство. Зимой 1239-40 (более точно, около декабря 1239) монголы завершили покорение степей южной России захватом под монгольское руководство города Магас (Манкас или Монкас), который, кажется, был столицей аланов или асов (по-монгольски, асодов).³⁵

Между двумя этими кампаниями в степях южной России имело место экспедиция против русских княжеств. Территориальное разделение этих княжеств облегчило задачу монголов. Два брата Юрий и Роман, князья Рязани, заперлись в Рязани и Коломне, соответственно. Рязань был взят, Юрий убит и все население было уничтожено (21 декабря 1237). Наиболее сильный из русских князей Юрий II, великий князь Суздаля, тщетно направил подкрепления к защитникам Коломны: Роман был разгромлен и убит перед крепостью и Коломна, в свою очередь, захвачена. Москва, тогда второстепенный город, был ограблен (февраль 1238). Великий князь Юрий II не смог препятствовать монголам в разрушении его городов Суздаля и Владимира. Суздаль был сожжен. Владимир, который был взят

штурмом 14 февраля 1238, стал свидетелем террора; народ подвергся массовому истреблению в церквах, в которых он находил убежище среди пожаров. Юрий II сам был побежден и убит в решительной битве на Сита или Сити (Сияш), на притоке Мологи (4 марта 1238). Другое монгольское подразделение опустошило Ярославль и Тверь. Новгород на севере, более вероятно, спасся лишь благодаря оттепели.

Операции возобновились в конце следующего года, на этот раз против южных и западных (теперь, в основном, украинских) земель средневековой Руси. После ограбления Чернигова монголы захватили Киев и разрушили его почти полностью (6 декабря 1240). Они опустошили русское княжество Галич или Галиция и его правитель Даниил нашел убежище в Венгрии.

В ходе этих экспедиций возникли разногласия среди монгольских принцев. Гуюк, один из сыновей Огодая, и Бюри, внук Ягатая, оба были недовольны высоким положением Батыя. Монгку, сын Толу, также покинул армию, однако, остался в хороших отношениях с Батыем. Разногласия Батыя с Гуюком и Бюри и его дружба с Монгку сыграли значительную роль в последующей истории монголов. Из того, что составляет ныне Украину, часть монгольской армии под Байдаром и Кайдун, предприняла атаку на Польшу.³⁶ Зимой 1240-41 монголы пересекли замерзшую Вистулу (13 февраля 1241), ограбили Сандомир и продвинулись до окраин Кракова. Они нанесли поражение польской армии на Чмелнике 18 марта 1241 и прошли к Кракову, откуда польский король Болеслав IV бежал в Моравию. Найдя Краков покинутым жителями, монголы его сожгли. Они проникли в Силезию под командой принца, которого польские историки называют Пета, несомненно, Байдар, пересекли Одер (Одра) в Ратиборе и столкнулись с польским герцогом Генри Силезским, который командовал армией из 30 000 человек, состоящей из поляков, германских крестоносцев и тевтонских рыцарей. 9 апреля эта армия была уничтожена и герцог был убит в Валстатте, около Лиегнитца (Легница). После победы монголы направились в Моравию и ее оставили пустынной страной, однако не смогли взять город Оломоус (Оломюц), защищаемый Ярославом Стернбергом. Из Моравии этот корпус пошел на соединение с другой монгольской армией, действующей в Венгрии.

Действительно, в это время другие монгольские силы под командованием Батыя и Суботая проникли в Венгрию в трех подразделениях: первое, ведомое Шайбаном, пришло с севера между Польшей и Моравией; второе, под Батыем, идя из Галиции, прошло через карпатские ущелья между Унваром (Ужгород) и Мункасом (Мукачево) и 12 марта 1241 разбил верховного герцога, в чью задачу входила из защита; третье, под командой Кадана, прошла от Молдавии до Орадеа и Цсанада, которые тогда были разрушены и их жители истреблены. Эти силы воссоединились, по-меньшей мере, частично, напротив Песта между 2 и 5 апреля.³⁷ В Песте Бела IV, король Венгрии, поспешно собрал вместе всю свою армию. Когда он пришел для встречи с врагом 7 апреля, монголы медленно отступили до слияния рек Сажо и Тиссы. Это было там, где южнее Моги, выше слияния рек, 11 апреля Суботай одержал одну из своих красивых побед. Джувейни и Рашид ад-Дин описывают Батыя накануне битвы, восходящего в небо по образу Чингиз-хана, чтобы вызывать Тэнгри-Небо, верховного божества монголов, за день и ночь.

Две армии были разделены рекой Сажо. В ночь с 10 на 11 апреля Суботай доставил свои войска через реку между Гиринов и Наги Сзеков.³⁸ На следующее утро он отправил вперед свои фланговые подразделения, которые обошли с фланга и окружили лагерь противника до Сзкалда. Согласно Джувейни, решительный удар наносил Шайбан, брат Батыя. Венгры были полностью разгромлены и были или уничтожены, или вынуждены бежать.

Монголы взяли штурмом и сожгли Пест, в то время как король Бела нашел убежище на Адриатике. Население понесло неописуемые жертвы, главным образом через массовые казни. *The Rogerii carmen miserabile* полно трагических историй, подобных: монголы предательски призывали бежавших жителей возвратиться в свои дома, обещая им полную амнистию; заверив их, они порезали до последнего человека. В другой раз они заставляли штурмовать своих пленных укрепленные города. «Они стояли за этими несчастными, смеясь, когда они падали, убивая тех, кто отступал.» Уговорив крестьян собирать их урожай для них, они убивали их, как они убивали женщин из тех мест, которые они покинули, перед тем как отправиться продолжать свои опустошения где-либо еще.³⁹ Вся страна до Дуная попало под их иго, за исключением, нескольких цитаделей, подобно Гран

(Стригониум, Есзтергом) и Алба-Иулия, которые сопротивлялись. В июле 1241 передовые монгольские войска даже дошли до Неустадта, около Вены. Сам Батый пересек замерзший Дунай 25 декабря 1241 и отправился на захват Грана.

Монголы оставались для отдыха в Венгрии *puszta*, которая, несомненно, напоминала им их родные степи, все лето и осень 1241. В начале 1242 они ограничились лишь отправкой принца Кадана для преследования короля Бела, который нашел убежище в Хорватии. При приближении монгольского авангарда Бела бежал на далматийский архипелаг. Кадан наступал на Сплит (Спалато) и Котор (Каттаро) на Адриатике и не возвратился в Венгрию до тех пор, пока не разграбил Котор (март 1242).

Между тем в Монголии 11 декабря 1241 умер великий хан Огодай. Вопрос наследования, который возник после этого, вынудил монголов покинуть Венгрию. Гуюк и Монгку уже возвратились в Монголию и другие руководители армии спешили также туда. Нет никакого сомнения в том, что это обстоятельство спасло Запад от смертельной опасности, встречу с которой он ожидал впервые со времен Аттилы. Монголы начали отступать, однако, не без внушения своим пленным чувства безопасности, которым они говорили, что могут идти домой, чтобы затем захватить их вновь и убивать. Весной 1242 Батый медленно взял путь на Черное море через Булгарию, оттуда, пройдя через Валлахию и Молдавию, он зимой 1242-43 прибыл в свои лагеря на нижней Волге.

Результатом монгольских кампаний 1236-42 было значительное увеличение владений Жучи к западу от Волги. Этот улус, по воле Чингиз-хана, должен был включить все территории к западу от Иртыша, куда наступали копыта монгольских коней; и теперь их следы были запечатлены на землях от Иртыша до нижнего Днестра и даже устья Дуная. Эти огромные территории стали владениями Батыя, более легитимно в этом было то, что он, по-меньшей мере, был номинальным главнокомандующим кампании 1236-42. С того времени он был известен истории по имени завоеванной им страны – «Хан Кипчаков.»

Регентство Торганы (1242-46)

После смерти Огодая 11 декабря 1241 регентство было доверено его вдове, энергичной хатун Торгана.⁴⁰ Эта принцесса, первом мужем которой был меркит⁴¹ и она, говорили, сама была тоже меркитом, хотя, возможно, она была найманкой, удерживала власть с 1242 до 1246. Огодай сперва хотел, чтобы его наследником был его третий сын Кучу; затем, когда Кучу был убит в войне против Сун (1236), его выбор пал на старшего сына Кучу, юного Ширамона. Однако, Торгана хотела, чтобы ее сын Гуюк стал великим ханом и продлила свое регентство, чтобы подготовить его избрание.

Регентство Торганы было отмечено падением из милости большого числа советников Огодая, в особенности, нестораианского кераита Чинкая, канцлера покойного императора⁴² и китаизированного хитана Йе-лю Чу-цая, который был финансовым министром Огодая, но которого она сместила ради мусульманина Абд ар-Рахмана. Последний пообещал удвоить доходы от налогов. Йе-лю Чу-цая, найдя своих советников предметами презрения и предвидя наступающее чрезмерное бремя на людей, умер от горя скоро после этого в Карокурume в возрасте лишь пятидесяти лет (июнь 1244). Торагана уволил со своих постов двух других великих администраторов: мусульманина Масуд Ялавача, губернатора Туркестана и Трансоксонии, она оставила не у дел временно; Коргуза Уйгура, губернатора восточной Персии она приговорила к смерти и поставила на его место ойрата Аргуна Аги.

Регентская власть, хотя защищалась старым Ягатаем, была основана на зыбком фундаменте.⁴³ Скоро после начала ее правления младший брат Чингиз-хана Темуже Очигин, чей удел простирался, как мы видели, от восточной Монголии до региона Кирина, начал продвигаться со своими войсками на имперскую *орду* с несколько сомнительными целями. Возвращение Гуюка из Европы в свой улус Имил решило исход этих целей. Более серьезной была враждебность Батые, хана кипчаков и личного врага Гуюка, по отношению к которому он питал презрение из-за отказа Гуюка подчиняться ему во время русской кампании, за что он должен был быть отозван оттуда. Поэтому Батый сделал все возможное для того, чтобы

задержать созыв *курултая*, на котором Торагана надеялась на избрание Гуюка. Когда собрание было собрано, то он прикинулся больным, чтобы не посетить его.⁴⁴

Правление Гуюка (1246-48)

Курултай состоялся весной и летом 1246 около малого Коко Нора и источников Орхона, недалеко от Карокорума. Здесь был натянут крупный палаточный город *сира-орда*, Желтая (Золотая) резиденция, в которой поспешно прибыли чингизидские принцы, за исключением Батые, вместе со многими губернаторами провинций и вассальными королями. Среди сановников были Масуд Ялавач, вновь администратор Туркестана и Трансоксонии; Аргун Ага, администратор Персии; два грузинских претендента на трон, Давид Нарин и Давид Лаша; русский великий князь Ярослав; верховный правитель, брат Хетума I, короля Армении (Силисия);⁴⁵ селджукский Килич Арслан IV, впоследствии (1249) султан Малой Азии; послы от атабеков Кермана; и даже посольство от халифа Багдада. В соответствии с желанием королевы-регентши Торганы, *курултай* избрал в качестве великого хана ее сына от Огодая, принца Гуюка, который был коронован 24 августа 1246.⁴⁶ Новый великий хан принял власть лишь при условии, что империя будет оставаться наследством его семейной линии. «Затем монгольские принцы сняли свои шапки, расстегнули свои ремни, призвали Гуюка сесть на золотой трон и приветствовали его титулом *каан*. Члены собрания совершили визит покорности к новому монарху девятью падениями перед ним навзничь, в то время как множество собравшихся в долине, вассальные принцы и иностранные послы, почтенно оставались снаружи имперского павильона, растянувшись на земле головой вниз.»⁴⁷

Курултай 1246 известен по рассказу, написанной францисканским монахом Пиано Карпини; он был направлен к монголам папой Иннокентием IV в качестве курьера, доставившего писем понтифика, в которых он призвал их не атаковать другие нации и обратиться в христианство. Начав свой путь от Лиона 16 апреля 1245 он путешествовал через Германию, Польшу и Россию. (Он покинул Киев 3 февраля 1246.) 4 апреля 1246 он на нижней Волге был принят ханом

кипчаков Батыем. Батый отправил его к великому хану через старую каракитайскую страну, к югу от озера Балхаш, и через бывшую найманскую страну. 22 июля 1246 Пиано Карпини прибыл в имперский лагерь (сиро-орда), в полу-днях дороги от Каракорума, где заседал *курултай*. Он стал свидетелем избрания Гуюка, о котором он оставил такой живой портрет: «Во время своего избрания ему было сорок или сорок пять лет. Он был среднетго роста, очень умный, проницательный, серьезный и очень мрачный по настроению и манере поведения. Его трудно было видеть смеющимся или веселым.» Из религий, он предпочитал несторианство. Пиано Карпини свидетельствует, что несторианы массово праздновали перед палаткой Гуюка. Его главные министры, его учитель Кадак и кераитский канцлер Чинкай сами были несторианами.⁴⁸ Другим из его советников был «сирианский раббан», Раббан-ата (по-китайски, Ли-пин-а-та), «который был ответственным за дела, связанные с его религией.»⁴⁹ Через посредничество Чинакая и Кадака Пиано Карпини изложил цель своего визита к монгольскому двору. Однако, ответ Гуюка посланию понтифика, недавно найденный Пеллиотом в ватиканских архивах, едва ли был обнадеживающим для христианства. В нем, в угрожающем тоне, монгольский владыка приглашает папу и христианских принцев, прежде чем делать попытку исповедоваться библии, придти с визитом покорности к нему, в его резиденцию. Гуюк заявляет, что он имеет власть по велению божества и говорит от имени Вечного Неба (по-тюркски, *Mängü Tängri* и по-монгольски, *Mongka Tängri*) как верховный представитель духа и посредник различных культов.⁵⁰

Пиано Карпини, получив ответ Гулюка, 13 ноября покинул палаточный город *сира-орда* и пустился в обратный путь через нижнюю Волгу и резиденцию Батыя, которую он достиг 9 мая 1247. Отсюда он вступил на Запад через Киев.

Семпад, армянский верховный правитель, посол к Гулюку по тому же случаю коронования от своего брата Хетума I Армении (путешествие Семпада продолжилось с 1247 до 1250), кажется, понял лучше чем Пиано Карпини преимуществ, которых получало христианство, через союз с монголами. Гуюк принял его сердечно и вручил ему документ, заверяющий короля Хетума о его защите и дружбе. Письмо, написанное Семпадом к своему шурина, королю Кипра Генри I, при возвращении из путешествия, дошло до нас. В этом письме,

датируемом 7 февраля 1248, он подчеркивает важность несторианского фактора в монгольской империи и дворе. «Христиане Востока», пишет он, «поставили себя под защиту хана, который принял их с почетом, предоставил им иммунитет и публично запретил кому-либо досаждать нас.»⁵¹

Впечатление крутости, которое Гуюк произвел на Пиано Карпини, подтверждает Рашид ад-Дин. Энергичный, властный, очень ревнивый по поводу своей власти и верящий, что во время правления добродушно настроенного Огодая и регентстве его матери жилы государства ослабли, он был полон решимости восстановить властные отношения между великим ханом и принцами до уровня, который имел место при Чингиз-хане. Он провел следствие по поводу несколько подозрительного поведения брата его дедушки Темуже Очигина, который планировал атаковать регентшу, и наказал его окружение. Ягатай, хан Или, при своей смерти в 1242 выбрал в качестве наследника своего внука Кара-Гулюгу (сын Мютигена, который был убит в 1221 при осаде Бамиана). Гуюк, вмешавшись в качестве верховного правителя в дела улуса, заменил молодого мужчину младшим сыном Ягатая и личным другом, Яиссу-Мангу (1247). В Персию он отправил доверенного человека, Елжигидея, типа верховного комиссара, который с 1247 до 1251 имел параллельную или более высокую власть к власти генерала Баижу, командующего монгольской армией в Мугане.⁵² На Дальнем Востоке Абд ар-Рахман, финансовый администратор завоеванных китайских провинций, был убит за растрату и заменен Махмудом Ялавачом. Чинкай, несторийский кераит, был вновь назначен канцлером империи, должность, которую он занимал, когда Пиано Карпини встретился с ним. Среди его народов-даныщиков Гуюк разделил Грузию между двумя соперниками-претендентами на трон: Давид Лаша, которому был отдан Картлия и Давид Нарин, сын королевы Русудан, который удержал лишь Имертию. В селджукском султанате Малой Азии (Кония) Гулюк отдал трон Килич Арслану IV, предпочтя его старшему брату Каи-Кавусу II, который правил до этого времени.⁵³

В своем стремлении подавить возрастающую автономию, которой стали пользоваться другие ветви чингизидов, Гуюк столкнулся с Батыем, главой жучидов, то есть, старшей ветвью. В начале 1248 отношения между ним были

обострены так, что обе стороны начали готовиться к войне. Под предлогом посещения своего наследственного владения Имил, Гуюк начал поход на запад от Карокорума. Между тем, Батый, тайно осведомленной принцессой Союургактани, руководящим духовным лидером дома Толу, достиг Семиречия. Он дошел до Алакмака, который находится в семи днях путешествия от Каялига (около нынешнего города Капал); Бартолд толкует это означающим, что он достиг Ала-Тау, между озером Иссык-куль и рекой Или. Столкновение казалось неминуемым до тех пор, пока Гуюк, преждевременно заболевший от пьянства и распутств, умер в трех днях хода от Бешбалига. Бартолд думает, что это, возможно, случилось в регионе Урунгу; Пеллиот говорит, что это имело место к северо-востоку от Бешбалига (ныне Дзмиса).⁵⁴ Китайские источники устанавливают дату смерти Гуюка между 27 марта и 24 апреля 1248.⁵⁵ Ему было всего сорок три года.

Возможно, эта смерть спасла Европу от страшной угрозы. Гуюк мечтал не только о победе над ханом кипчаков, но также, по свидетельству Пиано Карпини, о покорении христианства. Во всяком случае, он, кажется, обратил свое внимание, в частности, на Запад. Восхождение на трон принцев дома Толу, сначала Монгу и затем, прежде всего, Кублая, означало направление главных монгольских усилий на Дальний Восток.

Регентство Огул Каймиш

После смерти Гуюка его вдова Огул Каймиш, согласно d'Ohson, оирата по происхождению, хотя Пеллиот исправляет это как меркит, приняла свое регентство обычным путем.⁵⁶ В 1250 в имилском и кобакском секторе Тарабагатая или на родовых землях дома Огодая, он приняла послов короля Франции Людовика IX: трех доминиканских монахов Andre de Longjumeau, его брата Guy или Guillaume и Jean de Carcassone. Они прибыли через Персию (Табриз) и Талас. Она приняла в качестве дани подарки, которые они доставили ей от короля Франции и потребовала, чтобы он должен делать более определенную покорность ей. Это посольство не присоединится к королю Людовику до апреля 1251.

Огул Каймиш хотела, чтобы трон был передан принцу линии Огодая или Ширамону,⁵⁷ племяннику Гуюка, или даже лучше (однако, он был слишком молод)

ее сыну от Гуюка, Куче.⁵⁸ Однако, в качестве главы семьи чингизидов, Батый играл главную роль в таких делах и он был полон решимости отодвинуть с сторону линию Огодая. Более точно, он объединил силы с Союургактани или Соргактани, с вдовой Толу. Эта принцесса, которая была кераитом (племянница *Ван-хана* Тогрула) и поэтому несторианской веры, была также умной, как и проницательной женщиной.⁵⁹ Ранее, когда Гуюк проводил жесткое расследование по поводу некоторого злоупотребления властью, по которому большое количество чингизханских принцов было найдено виновными в нанесении ущерба государству, было установлено, то, благодаря ее деятельности, дом Толу был всегда вне пределов досягаемости.⁶⁰ Теперь казалось, что пришла очередь за ее собственной семьей. Она была в состоянии уговорить Батыя выдвинуть в кандидаты на трон великого хана ее старшего сына от Толу принца Монгку.⁶¹ Поэтому Батый выбрал Монгку и представил курултаю, созванному по этому поводу, в его алакмакском лагере севернее Иссык-куля, по-видимому, в 1250. Лишь представители семей Жучи и Толу, обязанные голосовать за Монгку, были делегатами курултая. Как показывает Бартолд, представители домов Огодая и Ягатая или не посетили собрание, или покинули Алакмак, решившие, что дело уже сделано. Когда он узнали о номинации Монгку, они просто отказались ратифицировать ее на основании, что собрание было созвано слишком далеко от священных мест чингизидов и что, во всяком случае, там была неадекватная посещаемость. Батый поэтому решил созвать другой, более полный курултай в почитаемом священном регионе Онона или Керулена. Он пригласил туда членов семей Огодая и Ягатая, однако, разумеется, получил отказ.

Игнорируя эту оппозицию, Батый поручил своему брату Берке созвать объединенный курултай в Кодаа-арале или Котоу-арале,⁶² на Керулене. Несмотря на протесты дома Огодая, чьи члены отказались ратифицировать свое собственное изгнание, и их сторонника Яисси-Мангу, главы ягатайского улуса, Берке провозгласил Монгку великим ханом (согласно Джвайни, 1 июля 1251). Императорская власть, таким образом, определенно перешла из дома Огодая в дом Толу.⁶³

Относительная легкость, с которой этот *coup d'état* был осуществлен, объясняется тем фактом, что по сравнению с Монгку, примером весьма сильного человека, законные огодаевские принцы были молодыми и незаслуженными людьми. Более того, Батый, как наставник чингизханской семьи и глава старшей ветви, в данный период был в положении человека с диктаторскими полномочиями. Тем не менее, разжалование дома Огодая в пользу дома Толу, было нарушением законности, с которой основные жертвы не могли согласиться без некоторой попытки оставаться в оппозиции. Смещенные огодаевские принцы, с наиболее известным среди них Ширамоном, прибыли после решения курултая для визита с выражением покорности к новому хану, однако, в самом деле, как кажется, взяли его неожиданностью и сместить его. Однако, эти планы были своевременно раскрыты. Их эскорт был разоружен, их советники, среди них, Кадак и Чинкай были казнены,⁶⁴ и они сами были поставлены под домашний арест.

Монгку наказал этих несчастных родственников весьма жестоко. Бывшая регентша Огул Каймиш, которую он ненавидел (она была «более презираемой чем сука», говорил он Рубруку), была раздета для допроса и затем зашита в мешок и утоплена (май-июль 1252). Кублай, младший брат Монгку, временно спас Ширамона, взяв с собой в армию в Китае, однако, позднее, он не был в состоянии препятствовать Монгку утопить несчастного молодого человека. Младший сын Гуюка Куча был убит в регионе западнее Каракорума. Кадаан, который смирился, выразив согласие, был оставлен в живых (более вероятно, что он был тезкой того, кто исполнил месть Монгку Гуюку по отношению к верховному комиссару Персии Елжигидаю) также, как и Кайду. Поэтому оба сохранили *улус* Имил. Позднее Кайду возбudit дело о легимности Огодая и причинит много забот наследнику Монгку. Наконец, Монгку казнил главу улуса Ягатая Яиссу-Мангу, который был на стороне противник императора, и на его место назначил другого принца той же линии, Кара-Гулюгу, и затем вдову последнего, принцессу Органу(1252). Бури, другой внук Ягатая, был передан Батыю, который казнил его за причинение оскорбления во время европейской кампании.⁶⁵

Правление Монгку (1251-59)

После Чингиз-хана Монгку, который начал свое правление в возрасте сорока трех лет, был наиболее известным из великих монгольских ханов. Молчаливый, враг излишеств и разврата, для которого лишь охота служила отдыхом, он восстановил ясак и наставления своего предка до уровня первоначальной строгости. Он был энергичным лидером и строгим, но справедливым администратором (он выплатил до последнего взятые его предшественниками и никогда не оплаченные огромные долги),⁶⁶ практичным человеком, но умным политиком и хорошим солдатом. В таком качестве, он полностью восстановил сильную и эффективную машину, запущенную Чингиз-ханом. Без какого-либо отказа от его расового характера (как и его наследник Кублай), он укрепил административную структуру и сделал монгольскую империю великим и постоянным государством. В начале своего правления его обязательства по отношению к Батыю (который сделал себя буквально императором) носили характер *де-факто*, если не *де-юре*, разделения власти, как отметил Бартолд, согласно которому Батый, практически, был независимым к западу от озера Балхаш.⁶⁷ Однако, смерть Батые (по-меньшей мере, в 1255) вновь оставила Монгку действующим владыкой монгольского мира. Различные вожди улусов или уделов чингизидов рассматривали себя исключенными от налогов и обязанными делить доходы земель с агентами центральной власти. Монгку запретил такую практику. Ясно, что если бы он жил бы дольше и если бы его наследники продолжали его политику, монгольская империя, вместо разделения на ханства Дальнего Востока, Туркестана, Персии и России, могла бы оставаться относительно объединенным владением.

Монгку, который был рожден несторианской матерью, кераитской принцессой Соргакатани, оказывал поддержку несторианской вере. Он выбрал в качестве канцлера несториана, кераита Болгаи.⁶⁸ Однако, он также был расположен дружелюбно по отношению к буддизму и таоизму. В 1251-52 он назначил к своему непосредственному окружению руководителя таоиситской религии и буддийского

«хозяина королевства». Первый был монахом Ли Чи-чан, последний – лама «из западных земель» по имени На-мо.⁶⁹ В начале Ли Чи-чан был в особенном фаворе у правителя. В 1255 Монгку посетил в Карокоруме дебаты между буддийским монахом На-мо и некоторыми таоистами.⁷⁰ В 1256 типа буддийского совета существовал в его дворе в Карокоруме. «Все религии,» говорил он Рубруку, «подобны пяти пальцам на одной руке.» Однако, буддистам он сказал, что буддизм является большим пальцем руки, в то время как другие религии составляли другие пальцы руки. Действительно, кажется, что поддерживая баланс между буддистами и таоистами, Монгку к концу склонялся несколько в сторону первых, в особенности, после собрания в 1255, на котором таоисты были обвинены в распространении недостоверных историй, ложно представивших начал буддизма. В главном монгольский правитель использовал все культы в своих политических целях. Именно, по этой причине он дал буддистам в качестве их главы бонзу Каи Юаня и таоистам – человека, равно преданного к монгольским интересам.

Путешествие Рубрука

Во время правления Монгку король Франции Людовик IX (св. Людовик) направил к монголам францисканского монаха Уильяма из Рубрука (около Касселя).⁷¹ Рубрук покинул Константинополь 7 мая 1253⁷² и пересек Черное море к итальянским конторам Крыма, прибыв в Судак 21 мая. Проникновение за пределы Крыма на территорию русской степи, то есть, в кипчакское ханство, Рубрук чувствовал как вступление в другой мир, кочевой мир. Из-за масштабных массовых истреблений старых кипчакских тюрков, он даже больше был заброшенным миром, травянистой пустыней, на горизонте которой резко выделялись патрули монгольских кавалеристов. «Они не имеют постоянных жилищ, поскольку они разделили между собой всю Скифию, простирающуюся от Дуная до Дальнего Востока; и каждый командир, в соответствии с количеством людей под его командой, не знает пределов своих пастбищ и места, где он проведет то или другое

время года. С приближением зимы они отправлялись в более теплые земли на юге; летом они возвращались на север.» Рубрук переходит к описанию монгольских войлочных палаток, установленных на кибитках и часто собранных в подвижные деревни. Что касается самих монголов, то никто их не описал лучше, чем это сделал францисканец: «Мужчины бреют маленький квадратик на макушке своих голов и из того, что остается, они плетут косы, висящие по бокам с каждой стороны до их ушей.» Упаковавшись в свои фуры зимой, летом они наряжаются в шелка из Китая. Наконец, он упоминает их страшных приступах питья кумыса, бродившегося молока кобылы, и вина.⁷²

31 июля Рубрук достиг лагеря Сартака, сына Батыя, в трех днях прохода от нижней Волги. Хотя францисканец не знал об этом, однако, Сартак был несторианцем и Рубрук был ему представлен «неким несторианским христианином по имени Коят, который был одним из основных людей во дворе.»⁷⁴ И хотя это может быть неправдой, что Рубрук обнаружил во дворе рыцаря Темплара (члена одноименного масонского ордена – **В.М.**), Сартак скорее был хорошо информирован о делах на Западе. Рубруку, который говорил, что император был наиболее сильным властителем христианства, он ответил, что ныне гегемония перешла к королю Людовику. После того, как он покинул лагерь Сартака и пересек Волгу, Рубрук был принят в *орде* Батыя, которая располагалась на восточном берегу этой реки. «Батый сидел на выском золотом кресле или троне размером ложе, к которому были пристроены три ступеньки; около него находилась одна из его жен. Другие мужчины сидели справа или слева этой женщины.» Батый, в свою очередь, отправил Рубрука во двор Монгку, к великому хану. Францисканец пересек Яик или реку Урал и вступил в азиатские степи, «это было уединение, подобное большому морю.» Он продолжил свой путь вдоль Чу, прошел в течение шести дней Талас, пересек Или и отправился на север от него по дороге города «Екуиус», населенный говорящими на персидском языке таджиками, которые, согласно остроумному предположению Бартолда, были идентичны с ики-огузами Кашгари.⁷⁵ Рубрук затем прошел через «Каилак» (Каялиг, около нынешнего Капала), где процветал важный несторианский центр также, как и уйгуро-буддийский центр, в котором он слушал рассказ *Om mani padme hum*.⁷⁶

Рубрук рассказывает нам, что у уйгуров «татары [монголы] взяли свои буквы и алфавит и письма, которые хан Манго [Монгку] посылает Вашему Величеству [Людовику IX], написаны на монгольском языке, но уйгурскими буквами.»

30 ноября 1258 Рубрук покинул Каялиг и, обойдя восточный край озера Балхаш, пересек Имил или Тарабагатайский регион, феодальное поместье семьи Огодая на краю старой найманской страны среди южных предгорьев Алтая. Наконец, он достиг *орду* Монгку, который дал ему аудиенцию 4 января 1254. «Нас повели в дворец и когда войлок перед входом был поднят, мы вошли, распевая гимн *A solis ortu*. Это место было развешано тканями из золота. В середине стояла жаровня, в котором горели колючки, корни шелкопряда и помет скота. Великий хан сидел на маленьком ложе, одетый в богатый меховой халат, который блистал как кожа тюлени. Он был мужчиной среднего роста, возраста около сорока пяти лет с немного приплюснутым носом. Хан приказал угостить нас *cerasine*, сделанным из риса, сухим и сладким белым вином. Он затем отправил за многими типами охотничьих птиц, которых он ставил на свой кулак и внимательно осматривал их в течение некоторого времени. Затем он приказал нам говорить. Его несторианец служил в качестве его переводчика.»

В орде Монгку Рубрук был удивлен встречей с женщиной из Лоррейна по имени Пакуетта, которая была доставлена из Венгрии и находилась на службе у одной из несторианских жен; она была замужем за русским, который работал в качестве архитектора. В карокорумском дворе Рубрук также нашел парижского мастерового по имени Гуиам Бушей, «чей брат жил Грант Поинте, в Париже.» Этот человек сперва работал у вдовы-королевы Соргактани и затем у младшего брата Монгку, Арик-бога, который также питал симпатии к христианам. Рубрук нашел, что на крупных дворцовых празднествах несторианские священники принимались первыми со своими регалиями, чтобы благославить кубок великого хана и за ними следовали мусульманское духовенство и «язычные» монахи, то есть, буддисты и таоисты. Сам Монгку иногда сопровождал свою несторианскую жену для служб в этой церкви. «Он пришел и позолоченное ложе было доставлено для него, на котором он восседал с королевой-женой, напротив алтаря.»⁷⁷

Рубрук последовал за двором в Каракорум, куда он прибыл 5 апреля 1254. Гуиам Бушей, к которому относились во дворе чрезвычайно тепло, как придворному мастеровому, принял его «с великой радостью. Его жена была дочерью сарацина и родилась в Венгрии. Она хорошо разговаривала на французском и куманском языках. Мы нашли здесь также человека по имени Басил, сына англичанина, также родившегося в Венгрии и говорящего на тех же языках.»

На праздновании пасхи 1254 Рубруку разрешили посетить мессу в несторианской церкви Карокорума, где «Гуиам, мастеровой, поставил скульптуру Девы на французский манер.» Кроме несторианской церкви Карокорум имел две мечети и двенадцать пагод или других храмов «идолопоклонников.» Рубрук имел возможность принять Арик-бога на божественной службе; он был одним из имперских принцев, благосклонно расположенных к христианству, «и он протянул нам свою руку, делая знак крестного знамени на манер наших епископов.» Однажды, когда на глазах Рубрука возникли противоречия между мусульманами и христианами, Арик-бога открыто встал на стороне последних. В Карокоруме 30 мая 1254 накануне пятидесятницы, в присутствии трех арбитров, назначенных Монгу, Рубрук участвовал на крупных публичных дебатах. В процессе дебатов, взяв свою позицию теизма, он выступил на стороне мусульманских докторов против буддистских философов.⁷⁸

Рубрук покинул Карокорум 18 августа 1254, унося с собой ответ Монгу Людовику IX: «Это есть воля Вечного Неба. Имеется лишь один Бог на небе и на земле его властелин: Чингиз-хан, сын Бога.» И от имени Вечного Неба и *qaan*, его земного представителя, Монгу приказывает королю Франции признать себя его вассалом.⁷⁹ Увозя это письмо, Рубрук совершил путешествие из Карокорума на Волгу в течение двух месяцев и шести дней. Его маршрут пересекался с маршрутом короля Армении Хетума I, который шел с визитом покорности к великому хану. В сентябре он достиг *орды* Батыя, который в это время, кажется, находился в своей новой резиденции в Сарае. Оттуда, через аланские земли и дербентское ущелье, Рубрук прибыл в муганскую долину, где он был принят нояном Баижу, командиром монгольской армии в Персии, в то время как его переводчик

отправился в Табриз с визитом к Аргун Ага, гражданскому администратору Персии. Затем, через Нахичевань, где он отметил рождество, Ерзинкан, Кайсери и Кония в селджукском султанате, он прибыл в Малую Армению (Силиция) и в Лайаццо (Латакия?) отбыл на корабле в королевство Кипра.

Король Армении (то есть, армянизированная Силисия) Хетум I, которого он встретил на его пути ранее, показал себя хорошим дипломатом.⁸⁰ Рубрук жил в ужасе от спровоцирования монгольской интервенции, в то время как проникательный армянин делал всевозможное для этого, поскольку считал, что это укрепит христианский мир против ислама. С этой целью он отправился сначала в Карс, где находился лагерь Баижу, командира монгольской армии в Персии (1253). Отсюда через Дербент он прибыл в лагерь Батыя на нижней Волге и затем в *орду* Монгу около Карокорума. Он был принят на аудиенции у этого правителя, «возведенного на престол в великолепии своей славы» 13 сентября 1254.

Монгу дал теплый прием своему верному вассалу и вручил ему *ярлык* или диплом награждения и защиты,³¹ «диплом», говорит армянский летописец, «имеющий его печать и полный запрет на любые действия против личности или государств Хетума. Он дал ему также право на свободные действия церковью повсюду.» Другой армянский историк, монах «Хайтон» в своем *Flor des estories d'Orient* утверждает дополнительно, что Монгу дал своему визитору заверения, что великая монгольская армия под командованием его брата, Гулюгу хана, будет атаковать Багдад; разрушит халифат, их «смертельного врага»; и возвратит Святую Землю христианам.⁸² Это обещание, по-крайней мере, частично, должно было быть выполнено. Полный уверенности, Хетум покинул монгольский двор 1 ноября и, путешествуя по обычному пути, Бешбалиг (Дзимса), Алмалык (около Кулджи), Аму-Дарья и Персия, он возвратился назад в Силицию в июле 1255.⁸³

Война Монгу против империи Сун

Монгу дал свежий импульс монгольским завоеваниям, которые почти затихли со времени смерти Огодая. Во-первых, на курултае, состоявшемся 1253 на источнике Онона, он решил, что его младший брат Гулюгу должен завершить

завоевание Персии путем покорения халифата Багдада и Месопотамии, и затем отправиться на завоевание Сирии. Во-вторых, Монгку сам, со своим братом Кублаем,⁸⁴ возобновил наступление против китайской империи Сун.

Несмотря на слабость двора Ханчоу, некомпетентности министров и личную слабость сунских принцев, китайцы оказали вторгшимся монголам неожиданное сопротивление. Храбрый китайский генерал Мен Кун (ум. 1246) отвоевал у монголов в 1239 важный город Сианян, который занимал господствующее положение на среднем течении реки Хань и в течение долгого времени боролся с ними за овладение центральным Сычуанем, где Ченту, дважды ограбленный ими, не пал окончательно в их руки до 1241.⁸⁵

В крупном человеческом улье южного Китая, разрезанным многими реками и горными кряжами, и с многими плотно населенными городскими районами, единственно возможной войной была осадная война, в которой всадник степи нашел себя несколько потерявшимся. Завоевание северного Китая было достигнуто другими тюрко-монгольскими ордами до чингизидов: гсиен-ну и гсиен-пи в четвертом веке, тоба – в пятом, хитанами – в десятом и кинами – в двенадцатом веке. Однако, в своих попытках завоевать южный Китай, они все, начиная от тоба, кончая кинами, потерпели неудачу. Чтобы иметь здесь удачу, было необходимо применение китайских методов ведения войны с большими контингентами китайской пехоты и всего «артиллерийского» снаряжения осадных двигателей, обслуживаемых китайскими или мусульманскими инженерами.

Монгку сосредоточил все свое внимание на китайских делах, чтобы координировать несколько рассодерточенные усилия монгольских армий. Его младший брат Кублай, которого он сделал ответственным за эту задачу, принял ее даже больше к своему сердцу, будучи лично тянувшимся к китайской цивилизации и, кажется, уже решившего искать удачу в этой части Китая. В 1251 Монгку доверил ему управление завоеванными частями Китая и затем отдал ему в качестве феодального поместья Хонан. Это было зоной администрации, далеко превышающей площадь современной провинции с этим же названием, поскольку она включала все, что лежало между старым течением Желтой реки и Янцзы, и простиралась на запад до 110 градусов восточного полушария.⁸⁶ В дополнение,

Монгку отдал ему округ Кунчан (Лунси) ба верхнем Вей нынешнего Кансу. Чтобы освободиться от этих обязанностей Кублай использовал советы китайского ученого Яо Чу, который еще в юношеские годы учил Кублая зачаткам китайских букв. В Хонане он старался восстановить сельское хозяйство, которое было разрушено войной, путем распределения семян и инвентаря между крестьянами и мобилизацией солдат в сельскохозяйственные работы.

Перед фронтальной атакой сунской империи на нижнем Янцзы Кублай обошел с фланга противника по приказу Монгке. С Уриангкатаем,⁸⁷ сыном великого Суботая, он покинул Шеньси около октября 1252, пересек Сычуан и вступил в пределы Юнан. Последняя страна, тогда союзник Китая, с восьмого века являлась отдельным владением, королевством Нанчоу или Тали, который был некитайским государством, населенным лос-лос или таями, и который всегда был в состоянии сохранить полную независимость в своей совокупности в горах. Кублай захватил Тали, столицу противника и Шаншан (Юннанфу или, возможно, Пинтингсян?), где король Тали, называемый китайцами Туан Хин-чи, нашел убежище (1253).⁸⁸ Он разрешил этому правителю сохранить свой трон в качестве махараджи, однако, приставил к нему «монгольского» администратора, натурализованного китайца Лю Ши-чун. Хотя старая династия сохранилась, весь Юнан был разделен в монгольские военные округа.⁸⁹ Дальше Урианкатай атаковал тибетян и вынудил их, или, по-меньшей мере, тех, кто был по соседству, признать над собой монгольский протекторат.

В конце 1257 Уранкатай атаковал королевство Аннам (столица Ханой). Из Юннан он дошел до тонкинской долины и разграбил Ханой (декабрь 1257), после чего Тран Тайтонг, король Аннама, пришел к выводу, что будет благоразумно признать себя вассалом (март 1258).

В сентябре 1258 на *курултае*, состоявшемся в Монголии, Монгку решил взять на себя руководство в войне против сунской империи. В октябре он прошел от Шеньси до Сычуаня с главным корпусом монгольской армии и взял Паонин около декабря 1258, однако, несмотря на все усилия, он не был способен захватить Хочоу, нынешний Хочуан, весьма важный населенный пункт из-за его

расположения на слиянии Киалин и двух притоков. Он умер 11 августа 1259 около этого города от дизинтерии, схваченной во время осады.

Во время смерти Монгку его брат Кублай, прибыв в Хопей с другой монгольской армией, осаждал Вучоу, нынешний Вучан, на среднем течении Янцзы напротив Ханкоу в хубейской провинции. В тоже самое время Урианкатай (который возвратился в Юннан из Тонкина в конце 1257), покинув Хунан, направился в Куанси, где он атаковал Куейлин и затем отправился в Хунан для осады Чангша.⁹⁰ Таким образом, сунская империя нашла себя окруженной одновременно с севера, запада и юга, когда смерть Монгку дала возможность временной острочки. В действительности, Кублай в своем желании иметь свободу действий для восшествия на трон чингизидов, поспешил заключить мир или перемирие с сунским министром Чиа Ссу-тао с Янцзы, служившим границей двух империй, и возвратился со своей армией в Хопей.

7

Кублай и монгольская династия Китая

Соперничество между Кублаем и Арик-бога

Монгку оставил трех братьев: Кублай, Гулюгу и Арик-бога.¹ Гулюгу, который с 1256 был ханом Персии, находился слишком далеко продвигать свои претензии на наследство. Оставались Кублай и Арик-бога. Арик-бога, самый младший, был губернатором родных земель и резидентом в Карокоруме,

монгольской столице. В качестве правителя Монголии он подготовился к созыву курултая в этой стране и обеспечить свое избрание великим ханом. Однако, Кублай предвосхитил его. Приведя свою армию на север из Вучана, он устроил свои штаб-квартиры на границе Китая и Монголии, в Шантухо, где лишь незадолго до этого он установил свою летнюю резиденцию (около нынешнего Долоннора, между Чагаром и Джехолом). Здесь 4 июня 1260 он был провозглашен великим ханом его сторонниками, то есть, его армией.² Ему тогда было сорок четыре года.³

Согласно закону чингизидов, это опрометчивое решение было неправильным. Обычно, должно было состояться курултай в Монголии в присутствии представителей четырех чингизидских улусов, заранее созванный в соответствии с правилами. В Карокуруме Арик-бога, по совету несторианского кераита Болгая, являвшегося главным министром Монгу, также не стал мешкать с принятием на себя титула великого хана. В самом Китае монгольские генералы, командующие в Шеньси и Сычуане, также были склонны поддерживать его, но Кублай скоро был в состоянии взять командование войсками этих двух провинций на себя. Победа, одержанная помощниками Кублая, над войсками Арик-бога восточнее Канчоу (в провинции Кансу) закрепило за ним овладение монгольским Китаем. Используя свое преимущество для давления на дела дома, Кублай провел конец зимы 1260 на реке Онгкин, южнее Карокурума, в то время как Арик-бога ушел на верхний Енисей. Затем Кублай допустил ошибку, решив дело сделанным и возвратившимся в Китай, оставив простой гарнизон в Карокуруме. В конце 1261 Арик-бога вернулся обратно, прогнал гарнизон и продвинулся для встречи с соперником. Состоялись два сражения на краю пустыни Гоби. Первую выиграл Кублай, который, увы, опять повторил свою ошибку, не преследовав Арик-богу; последний, через десять дней, хотя и сражался жестоко, но был нерешительным.

Арик-бога имел на своей стороне принца Кайду, главу дома Огодая и правителя Имила в Тарабагатае, и Алгу или Алуку, ягатаевский принц, которому он помог захватить улус Ягатая от его двоюродной сестры Органы. Благодаря этой поддержке, силы Арик-бога были сравнимы с силами его противника до конца 1262, когда Алгу от Арик-бога ушел к Кублаю (см. ниже стр.331). Это неожиданное дезертирство изменило всю ситуацию. Когда Кублай вновь захватил

Карокорум, отогнав людей Арик-бога, последний вынужден был бороться с Алгу на Или. Захваченный между двумя врагами, Арик-бога в конечном счете сдался Кублаю в 1264. Кублай помиловал его, однако казнил некоторых его главных приверженцев, включая несторианского министра государства Болгая.⁴ Для осторожности, он содержал Арик-бога в действительном заключении до его смерти в 1266.

Завоевание сунской империи

Покончив со семейными соперниками, Кублай был свободен возобновить свои попытки по захвату сунской империи. Сунский император Ту-цун (1265-71) полагался на гибельного министра Чиа Ссу-тао, который делал безуспешными своих способнейших командиров. После смерти Ту-цун Чиа Ссу-тао справил дело для наследования четырехлетним ребенком Кун-ти (1275-76) и правил от его имени. В войне против сунского Китая Кублаю повезло, что под ним служили два прославленных офицера: Баян⁵ и А-чу (последний был сыном Урианката и внуком Суботая), поддержанные уйгуром Арик-кая. В 1268 А-чу предпринял осаду городов-близнецов Сианян и Фанчен, которые занимали господствующее положение на нижнеханском бассейне в Хубее. Эта знаменитая осада продолжалась пять лет (1268-73) и стала сценой многих героических эпизодов, таких как, попытки доставить продовольствие в Сианян по воде, задача, порученная двум храбрым китайским военачальникам Чан Кю и Чан Шуин, отдавших свои жизни при этой операции (1271). Лю Вен-хуан, защитник Сианяна, оказавший упорное сопротивление захватчикам. Арик-кая затем (1272) доставил из Месопотамии двух мусульманских инженеров, Ала ад-Дина из Мосула и Исмаила из Хиллы, с орудиями осады, которые, наконец, сокрушили сопротивление осажденных жителей.⁶ Фанчен был взят в феврале 1273 и в марте, измученный интригами сунского двора, Лю Вен-хуан сдал Сианян.

Установив контроль над нижним течением реки Хань, Баян и А-чу дошли до Янцзы и в 1275 преуспели в покорении укрепленных пунктов восточного Хубея

(Ханян, Вучан и Хуанчоу), Анхуэя (Анкин, Чичоу, Вуху, Тайпин и Нинкуо) и Киянсу (Нанкин и Чинкан).⁷

Баян затем вторгся в Чикийн, взял Чанчоу и добрался до столицы Сун, крупного города Ханчоу. Напуганная императрица-регентша сдала его в январе-феврале 1276. 25 февраля 1276 Баян отправил маленького императора к Кублаю, который обращался с ним весьма любезно.⁸ Отсюда можно судить, как далеко продвинулись монголы в своем развитии со времен Чингиз-хана: через два поколения полу-дикарей Онона выросли до уровня древних цивилизованных народов.

Юг, где китайцы оказывали сопротивление до конца, все еще предстояло покорять. Арик-кая взял важный город Чанша в Хунане и Куэйлин в Куанси (1276). Война, которую Кублай должен был вести в Монголии против своих восставших двоюродных братьев, позволил упрямым сунским сторонникам получить передышку и они попытались переформироваться на берегах Фукиена и Куантуна. Однако, монголы, возвратившись для атаки под командой генерала Согату, захватили один за другим порты Фукиена (Фучоу и Чюанчоу, 1277) и провинции Куантуна (Кантон, 1277 и Чаочоу, 1278). Последние китайские «патриоты» под руководством героического Чан Ши-ки нашли убежище на борту флота с новым маленьким сунским принцем, Ти-пин, девяти лет. 3 апреля 1279 этот флот, атакованный монгольским эскадром около островка Яишан, юго-западнее Кантона, был разбит, захвачен или рассеян и ребенок Та-пин был утоплен.

Впервые в истории, весь Китай, включая юг, пал в руки тюрко-монгольского завоевателя. Чего ни тоба тюрки пятого века, ни журчидские тунгусы двенадцатого века не смогли сделать, сделал, наконец, Кублай. Именно, он реализовал мечту, незаметно вынашиваемую в течение десяти столетий «всеми, кто жил под войлочными палатками», бесчисленными поколениями кочевников. С ним вместе странствующие пастухи степей, «все сыны Серого Волка и Лани» стали, наконец, хозяевами Китая, то есть, хозяевами плотно населенных общин оседлых фермеров во всей Азии. Тем не менее, завоевание было достаточно медленным, чтобы нейтрализовать его худшие результаты. И, действительно, хотя Кублай, отпрыск кочевников, возможно, и завоевал Китай, однако, он уже сам был завоеван

китайской цивилизацией. Он, таким образом, бы способным реализовать постоянную цель своей политики: стать действительным Сыном Неба и сделать монгольскую империю империей Китая. Дорога для этого лежала открытой. Сунская династия не исчезла, прежде чем она стала легитимным властелином империи с пятнадцативековым возрастом. Ее дом, который принял название Юань (1280-1368), домогала лишь, чтобы следовать по пути двадцати двух китайских династий в прошлом. Видимым знаком китаизации был тот факт, что захватив Карокорум у Арик-Бога, Кублай никогда так и не вернулся жить там. В 1256-57 он выбрал в качестве своей летней резиденции город Шантухо около Долоннора в восточном Чахаре нынешних дней, где он построил ряд дворцов. В 1260 он перевел свою столицу в Пекин. В 1267 он начал строить, северо-восточнее от старого городского комплекса Пекина, новый город с названием Тату, «Великая Столица», известным также как город хана, Ханбалиг, Камбалук западных путешественников. Он стал местом зимних квартир монгольских властителей, в то время как Шантухо остался их летней резиденцией.⁹

Войны в Японии, Индокитае и Яве

В качестве нового китайского императора Кублай потребовал визиты покорности от других государств Дальнего Востока, которых, по праву или без него, традиционная китайская политика рассматривала как естественных сателлитов.

Корея, хотя там и находились гарнизоны монголов, оставалась в состоянии постоянного восстания. Корейская династия удалилась на маленький остров Канхуа, напротив Сеула, откуда руководила сопротивлением монголам.¹⁰ Однако, в 1258 старый король Ко-тжон доверил своего сына Вен-тжона Монгу в качестве заложника. После своего восшествия на трон Кублай отправил молодого принца

править Кореей. Он также сделал своим зятем и корейская династия, через этот союз с юанским правящим домом с этого времени стала послушным вассалом.¹¹

Кублай также потребовал визита покорности от Японии. Регент Японии, шиккен (регент) Хойо Токимуне (1251-84) дважды (1268 и 1271) отказался выполнить это требование. В 1274 Кублай направил против японского архипелага флот из 150 кораблей, на борту которого находился экспедиционный корпус. Флот отчалил с юго-восточного берега Кореи, опустошил острова Цушима и Ики-шима и приземлился в бухте Хакозаки (Хаката) на острове Кюсю, в провинции Шикүзен, около пролива Шимоносеки. Однако, степные воины на этой морской экспедиции явно не чувствовали себя как дома. Более того, они намеревались создать лишь ядро армии вторжения, основную ее часть составляли китайские и корейские вспомогательные солдаты, которые не выглядели боеспособными. Во всяком случае, даимио (феодальный военачальник) Кюсю, укрывшись в крепости Мизуки, оказал такое энергичное сопротивление, что после мимолетной контратаки с китайскими огнеметами, они вынудили захватчика поспешно отчалить.

В 1276 Кублай повторил свое требование и Хойо Токимуне опять отказался подчиниться. В июне 1281 после долгих приготовлений Кублай отправил более мощную армаду против Японии, состоящую из 45 000 монголов и 120 000 сино-корейцев, которые приземлились в Кюсю в бухте Хакозаки и на островах Така-шима и Хирадо-шима в провинции Хизен. Тем не менее на этот раз также монгольские войска, полностью оторванные от своей почвы, и сино-корейцы, которые не составляли какое-либо военное значение, не смогли устоять против японской ярости. Кроме всего, 15 августа 1281 ужасный тайфун рассеял или уничтожил монгольский эскадрон и монгольские войска, отрезанные от своей базы, были или захвачены, или истреблены.¹²

У Кублая дела обстояли немного лучше в Индокитае. Этот регион был тогда разделен между четырьмя крупными государствами: королевство Аннам (Тонкин и север того, что позднее стало французским Аннамом и теперь составляет Северный Вьетнам), находящееся под сильным влиянием китайской культуры; королевство Чампа (центральная и южная части французского Аннама, южный Вьетнам сегодня), малайо-полинезийская раса и индийская (брахманская и

буддийская) культура; и Бурмезская империя, бурмано-тибетская раса, индийская по культуре и буддийская по религии, от которой пегу, мон-кхмерской расы и буддийской религии, находилась в зависимости. В 1280 махараджа Чампы, Индраварман IV, подстрекаемой кублайскими послами, принял монгольский протекторат, однако, его народ отказался позволить стране быть разделенной в китайские округа (1281). Кублай тогда отправил по морю, из Кантона в Чампу, маленькую армию под командованием Согатая (по-китайски, Со-ту), которая захватила столицу Чампа, Вижая (Вижая) или Чабан, около нынешнего Бинхдинха (1283). Однако, эти силы не смогли преодолеть сопротивление партизанских войск Чампа и были вынуждены отчалить. В 1285 Кублай направил более крупную армию в Индокитай, в это время через Тонкин, Лангсон, под командованием одного из своих сыновей, принца Тогона или Тогана, который атаковала аннамцев. Тогон одержал победу около Бахнинха и дошел до Ханоя, однако, впоследствии был побежден в Чуонг-дуонге в дельте и отогнан назад в Китай. Между тем Согату попытался атаковать Тонкин с тыла, с южной стороны. Причалившись в Чампа, он продвинулся до Нгхеана и Тханхоа, чтобы встретить Тогона, однако, был ошеломлен внезапной атакой и убит аннамцами на Тай Киет (1285). Свежая монгольская экспедиция в 1287, через Тонкин, заняла Ханой еще раз, однако, не была в состоянии его удержать и должна была покинуть страну. Тран Нхон-тон, король Аннама (1278-93), успешно противостояв против всех атак, вновь вступил в свою столицу с триумфом. Тем не менее, в 1288 он оказался достаточно мудрым, чтобы признать себя вассалом Кублая. Поскольку он отказался прибыть лично в Пекин, Кублай решил в 1293 задержать его посла, Дао-ту Ки. Император Тимур, наследник Кублая, в конце концов, примирился со своим прежним «мятежным вассалом» (1294). Король Чампа также совершил свой акт вассальства.¹³

В 1277 в Бурме монголы захватили ущелье Бхамо, которое открывало им дорогу в долину Ирравадди. (Марко Поло дает живое описание сражения, в котором монгольские лучники взяли верх над бурмезскими военными слонами.) В 1283-84 они вторглись в страну вновь и бурмезский правитель Нарасихапати, король Пагана (1254-87) бежал из столицы. Тем не менее, лишь в 1287, в течение третьей кампании, монголы смогли проникнуть в долину Ирравадди и дойти до

Пагана, бурмезской столицы, которую они разграбили. В 1297 новый король Пагана, Кияозва, признал себя вассалом Кублая для того, чтобы избежать полного опустошения. В 1300 монголы опять пришли в Бурму для того, чтобы восстановить порядок среди малых шанских вождей, которые спорили по поводу королевского наследования Пагана.¹⁴

Монгольское влияние дало себя почувствовать и в Камбодже. В 1296 наследник Кублая, император Тимур, направил посольство в эту страну, которое включало Чоу Та-куан, который оставил рассказ о путешествии.¹⁵ С 1294 даже два тайских (сиамские) королевства Чиангмай (Ксиенгмай) и Сухотай стали вассальными государствами.¹⁶

Наконец, в январе 1293 Кублай отправил экспедиционные силы в 30 000 человек из Чюанхоу в Яву. Главным правителем Явы был король Кедири, в восточной части острова. Монгольская армия под командованием китайских руководителей Ши Пи и Као Хин, победили его около Маджапахита, благодаря помощи другого яванского вождя по имени Раден Виджая. Монголы захватили столицу противника Кедири или Даха. Однако, Раден Виджая впоследствии повернулся против них и вынудил их отчалить из страны. Таким образом освободив остров, он основал маджапахитскую империю.¹⁷

Борьба с Кайду

Эти «колониальные» экспедиции для Кублая были гораздо менее важными, чем сражения против других чингизидских ветвей, и, в особенности, против Кайду, внука Огодая, который правил отцовским поместьем реки Имил и тарабагатайской гряды.¹⁸ Этот монгол, который оставался верным старым традициям и образу жизни своей расы, был полной противоположностью Кублая, и уже частично китаизированным монголом. Мало сомнения в том, что многие монголы и монголизированные тюрки с изумлением созерцали перевод правительства в завоеванный Китай и превращение великого хана в Сына Небесной. Арик-бога был первым представителем этой оппозиции и Кайду должен

был принять на себя ту же роль, однако, он внес в нее более сильную особенность характера и неустрашимую энергию. Бросив вызов дому Толу, который в личности Кублая предаст принципы чисто чигизидских традиций, он поставил целью восстановить силу дома Огодая, который был отлучен от власти с 1251. Другими словами, целью Кайду было утверждение самого себя в качестве законного наследника или, во всяком случае, устроить для себя обширное ханство в Центральной Азии за счет Кублая в Монголии и дома Ягатая в Туркестане.

Сначала Кайду пошел против последнего. Между 1267 и 1269 он нанес поражение Бараку и овладел Или и Кашгарией, оставив ему лишь Трансоксию. Наследники Барака стали не более чем вассалами Кайду, выбранными или отвергнутыми по его желанию. Став новым властелином Центральной Азии, Кайду принял на себя титул *qaan* и атаковал Кублая.

Кублай поставил перед своим четвертым сыном, принцем Номоханом или Номоканом, задачу ведения войны против Кайду и в 1275 он направил его с армией в Алмалык (около нынешнего Кулджа на Или). Номохана сопровождали блестящий штаб из принцев, среди которых были Токтемюр и его первый двоюродный брат Ширки,²⁰ сын Монгу. Однако, в 1276 Токтемюр, недовольный Кублаем, уговорил Ширки присоединиться к его заговору. Два человека предательски захватили Номохан и заявили о своей поддержке Кайду, отдав Номохан союзнику Кайду, кипчакскому хану Мангу Темиру. Они также уговорили второго сына Ягатая, Сарбана, и других чингизидских принцев присоединиться к их мятежу. Из Алмалыка Кайду в 1277 пошел на Карокорум. Ситуация была серьезной для Кублая и он отозвал из Китая своего лучшего генерала Баяна. Баян нанес поражение Ширки на Орхоне и отогнал его назад на Иртыш, в то время как Токтемюр бежал в киргизскую страну, в Танну-Ола, откуда он был преследован передовыми отрядами имперских сил. После такого отпора Ширки, Токтемюр и Сарбан пали в межусобной борьбе. Токтемюр был убит Ширки, и Ширки и Сарбан начали воевать друг с другом. После ведения отрывочных операций Сарбан, который взял в плен Ширки, сдался Кублаю и отдал ему своего пленника. Кублай помиловал Сарбана, однако выслал Ширки на остров. Скоро после этого, в 1278,

принц Намохан был освобожден. Коалиция против Кублая не удалась из-за низкого качества ее членов.

Кайду, однако, оставался в состоянии войны с Кублаем и он, по-меньшей мере, имел дух лидера. Хозяин Имила, Или и Кашгарии и сюзерн ягатайских принцев, чьи владения он сократил до Трансоксонии, он был истинным ханом Центральной Азии, как Кублай таковым на Дальнем Востоке. В 1287 он организовал новый союз против Кублая, вовлекая в него лидеров боковых ветвей монголов: потомков братьев Чингиз-хана. Среди них были принцы Наян, Шиктур или Шинктур, и Када'ан. Наян, потомок или младшего брата Чингиз-хана, Темуже Очигина, или его полу-брата Белгутая,²¹ имел владения в маньчжурском регионе; он был несторианом и, как утверждает Марко Поло, имел изображение креста на своих штандартах или *туках*. Шиктур был внуком Касара, старшего из братьев Чингиз-хана. Када'ан был потомком Качиуна, второго брата.²² Они также имели уделы в регионе восточной Монголии и Маньчжурии. Если Кайду, приведя войска из Центральной Азии и западной Монголии, успешно соединился бы с войсками Наяна, Шиктура, а Кадан провел бы концентрацию войск в Маньчжурии, то ситуация для Кублая стала бы весьма опасной.

Кублай действовал быстро. Он приказал Баяну занять позицию в районе Карокорума и задержать Кайду. Он сам направился в Маньчжурию во главе другой армии. С ним был генерал Яиссу-Темир, внук Боорчу, наиболее преданного друга Чингиз-хана. Из китайских портов на нижнем Янцзы имперский флот доставил огромные количества снаряжения к устью реки Лиао для начала кампании, которая была призвана решить судьбу монгольской империи. Армия Наяна была сосредоточена около Лиао и защищала на монгольский манер линиями кибитки. Кублай, которому тогда было семьдесят два года, проследовал на сражение на деревянной башне, носимой или возимой четырьмя слонами. Рашид ад-Дин пишет, что битва была жестокой и на некоторое время неопределенной. Кублай выиграл сражение, несомненно, как рассказывает нам китайская история, благодаря своему численному превосходству и также успешной комбинации китайских и монгольских контингентов. Наян был взят в плен. Как приличный внучатый племянник Чингиз-хана, Кублай приговорил его на смерть без пролития крови,

удушением под ковром (1288). Несторианы, которые были на стороне Наяна, имели основание опасаться мести, однако, Кублай отказался сделать христианство ответственным за восстание.²³ Темир Олжаиту, внук и будущий наследник Кублая, подавил все будущие мятежи разгромом Када'ана и умиротворением Маньчжурии и прилегающих монгольских округов.

Кайду потерял надежду на вмешательство в дела Дальнего Востока, однако, он все еще оставался хозяином западной Монголии к западу от хангайских гор и Туркестана. Один из внуков Кублая, принц Камала,²⁴ имея задачу защиты границ хангайских гор против людей Кайду, был побежден и окружен около Селенги и едва спасся побегом. Кублай, несмотря на свой возраст, чувствовал необходимым придти и лично исправить ситуацию (июль 1289). Однако, Кайду, на кочевой манер, ускользнул. В 1293 Баян, оставив командование имперской армией в Монголии, с Карокорумом в качестве ее базы, вел победоносную экспедицию против мятежных войск. В том же году он был заменен принцем Темиром, внуком Кублая. Баян стал премьер-министром Кублая и умер скоро после него в 1295.

Кублай не было суждено дожить до конца войны против Кайду. Когда этот великий император умер 18 февраля 1294, глава дома Огодая все еще был хозяином в Монголии к западу от Хангая и Центральной Азии. Внук Кублая и его наследник, император Темир Олжаиту (1295-1307), продолжил войну. Главным союзником и вассалом Кайду был Дува, вождь ягатайского улуса в Туркестане. В период 1297-98 Дува осуществил внезапную атаку и захватил храброго онгута принца Коргюза (т.е. Джордж, поскольку, онгуты, следует напомнить, были несторианами), который командовал имперскими армиями Монголии и был зятем императора Темира Олжаиту.²⁵ Дува затем ошеломил другую имперскую армию, под командой принца Ананда, которая охраняла границы тангутских земель (западный Кансу). Однако, он сам неожиданно был атакован и был вынужден бежать. Реванш он взял казнью своего пленника Коргюза (1298).

В 1301 Кайду сделал последнюю попытку против имперской армии. В сопровождении многих принцев домов Огодая и Ягатая, он прошел к Каракоруму, где командовал принц Хайшан, племянник Темира. В августе произошло крупное

сражение в регионе между Карокорумом и рекой Тамир, левого притока Орхона. Кайду потерпел поражение и умер во время отступления.

Чапар, сын Кайду, унаследовал его в качестве вождя *улуса* огодаев на Имиле в Тарабагатае и играл ту же анти-цезарскую роль против имперских прав дома Кублая. Дува, вождь ягатайского улуса, сперва принял его в качестве сюзерна; однако, скоро, истощенный от этих непрерывных войн против империи, он уговорил своего хозяина признать себя, в свою очередь, протекторат императора Темира. В августе 1303 послы этих двух принцев прибыли с визитом покорности во двор Пекина, что является наиболее важным актом, который восстановил монгольское единство, еще раз поставив *улус* Огодая и Ягатая под вассальство *улуса* Толу. Затем, как мы увидим, Дува и Чапар поссорились; Дува взял в плен Чапара и вынудил его отдать ему двух Туркестанов (прибл. 1306). После смерти Дувы (прибл. 1306-7) Чапар попытался восстановить гегемонию улуса Огодая над улусом Ягатая около 1309, атаковав хана Кебека, сына и наследника Дувы, но был разгромлен Кебеком и ему ничего не оставалось, как найти убежище у великого хана Китая.

Таким образом закончился улус Огодая, который, со своей базы на Или в Тарабагатае в течение сорока лет (приблизительно 1269-1309) господствовал над Центральной Азией и являлся противовесом силе дома Кублая.

Кублайская династия, монольская династия Китая, осталась единственным властелином других монгольских ханств. Пекин был столицей мира до Дуная и Евфрата.

Для более понятного описания борьбы между домами Кублая и Кайду, мы были обязаны проследовать до ее конца, пятнадцать лет спустя смерти самого Кублая. Теперь мы можем возвратиться назад и обсудить, что можно назвать «внутренней политикой» этого правителя.

Правительство Кублая: монгольская и китайская политика

Кублай преследовал двойную политику, аспект которой зависит от того, кто о нем судит, или он сам имеет в виду, в качестве великого хана и наследника Чингиз-хана или как Сын Небесной и наследник девятнадцати китайских династий. С монгольской точки зрения, он постоянно поддерживал в принципе (если не реально) моральное единство чингизханской империи. Как верховный хан, наследник Чингиз-хана и монгольской мощи, он никогда не переставал требовать послушания от крупных чингизидских уделов, которые стали многочисленными автономными ханствами. Чтобы наложить это послушание на дома Огодая и Ягатая (Кайду), он провел свою жизнь, ведя войны в Монголии. Персия, где его брат Гулюгу был правителем, являлась для него лишь простой провинцией его империи. Ханы Персии, Гулюгу (1256-65), Абака (1265-81) и Аргун (1284-91), были в его глазах просто *ил-ханами* или подчиненными ханами: губернаторами высокого ранга, которые получали назначения от него и оставались в тесном с ним контакте.²⁶ Кублай, владелец всего Китая, теоретически сюзерн Туркестана и монгольской России и действительный сюзерн Ирана, был истинным, как заметил Марко Поло, «великим Властелином», «наиболее властным хозяином людей, земель и сокровищ, которые только имелись когда-либо на земле со времен Адама до сегодняшнего дня».²⁷

После падения династии Сун он не только сохранил ее институты и административный персонал, но предпринял все свои усилия для обеспечения персональной лояльности чиновников, работавших в то время. Завоевав земли, он достиг также завоевания умов, и его крупнейшей заявкой на величие является, по видимому, не то, что он был первым в истории человеком, завоевавшим весь Китай, а первым человеком, который добился его умиротворения.

Проблемы коммуникации, так важные для администрирования и снабжения этой обширной империи, получали его серьезное внимание. Он отремонтировал имперские дороги, посадил тенистые деревья вдоль них, где это

было практично, и построил караван-сараи на регулярной основе. Более двухсот тысяч коней, распределенных среди различных сменных станций, находились для обслуживания имперских почт. Для гарантированного обеспечения продовольствием Пекина он починил и завершил строительство крупного канала, по которому рис доставляли в столицу из центрального Китая.²⁸ Для борьбы с голодом он восстановил государственный контроль, установленный в Китае с давних времен, которого знаменитый Ван Ан-ши, под династией сунов Кайфена довел до совершенства. В хорошие годы, избыток урожая закупалось государством и хранился в общественных хранилищах. С наступлением голода и высоких цен эти хранилища открывались и зерно распределялось бесплатно.²⁹ Была организована также общественная помощь. Декрет от 1260 обязывал наместников обеспечивать помощь старым ученым, сиротам и больным и инвалидам. Другой декрет от 1271 был направлен на создание больниц. Кроме соблюдения китайской административной традиции, эти акты, весьма вероятно, были результатом буддийского влияния, по-видимому, весьма сильного, на ум самого Кублая. Рис и просо регулярно распределялись среди нуждающихся семей и Кублай сам, говорит Марко Поло, ежедневно кормил 30 000 нищих.³⁰

Лишь финансовая сторона кублайской администрации находилась на низком уровне. Среди институтов Сун Кублай открыл использование *чао* или бумажной валюты. Он его внедрил во всеобщее использование и сделал из него основу своей финансовой политики. В 1264 он издал декрет по установлению цены, в бумажных деньгах, основных товаров. Его первый финансовый министр, мусульманин Саед Аджал из Бухары (ум. 1279), кажется, удерживал проблему валюты в приемливых пределах.³¹ Опрометчивость началась при последующих министрах, сперва при трансоксонийском Ахмеде Фенакети (ум. 1282) и затем при уйгуре Санга.³² Оба эти чиновники преследовали политику неконтролируемой инфляции, которая быстро девальвировала *чао*. В их поиске денег, они прибегали к повторным конверсиям и устанавливали обременительные монополии. Ахмед, который был убит в 1282, был посмертно разжалован Кублаем. Санга был приговорен к смертной казни за злоупотребления (1291). В 1303, после правления

Кублая, стало необходимым проверить ошибки ранних эмиссий денег и внедрить новые деньги, которые, в свою очередь, были резко осуждены.

Религиозная политика Кублая и его наследников: буддизм

Кублай, как с чувством отмечает Марко Поло,³³ был весьма терпимым по отношению ко всем культам, хотя в 1279 он на время возобновил правила Чингиз-хана по жертвованию животных, правила, которые были направлены против мусульманского обычая, и однажды продемонстрировал сильное раздражение по поводу обязанности, налагаемой на мусульман кораном, вести Священную Войну против «неверных».³⁴ Более того, его симпатии к буддистам побудили его на короткое время демонстрировать личную неприязнь к таоистам, как их традиционным соперникам. Буддизм, действительно, значительно выиграл из-за его предпочтения, и, именно, с этой точки зрения он известен в монгольском предании. Неудивительно, что набожный буддист, монгольский историк Санан Сечен дошел до того, что добавил Кублаю титулы *кутукту* (преподобный, божественный) и *чакравартин* («всемирный монарх», согласно словарю буддизма).³⁵ Даже перед его восшествием на престол, во время правления Монгку, он созвал конференцию в Шантухо, на которой буддисты спорили с таоистами и одержали в этом споре победу (1258). На этом знаменитом диспуте буддийская доктрина была представлена На-мо, который уже спорил в присутствии Монгку, и молодым тибетской ламой Фагс-па. Также, как и на дебатах 1255, они обвинили таоистов в распространении недостоверных сказок, которые, якобы, искажали историю происхождения буддизма и придавали ему вид, что он является лишь спутником таоизма. После этих споров Кублай издал декреты, постановляющие сожжение подозрительных книг и вынудил таоистов возвратить свои монастыри, которые были взяты у буддистов (декреты 1258, 1261, 1280 и 1281).³⁶ Став

императором, говорит Марко Поло, он устроил великолепные церемониальные приемы реликвиям Будды, отправленные ему раджой Цейлона.

Главным помощником Кублая по вопросам буддизма был тибетский лама Фагс-па, который родился около 1239 и умер наиболее вероятно 15 декабря 1280. Фагс-па был племянником и наследником знаменитого Сас-Куа пандита, настоятеля монастыря Сас-Куа в провинции Цан.³⁷ Кублай, который послал за ним людей в Тибет, нанял его как для обращения монголов в буддизм, так и для гарантии тибетского вассальства. Он называл его «хозяйном владения» (*куо-ши*), титулом, заимствованным у древне-китайского буддизма,³⁸ и около 1264 поставил тибетские территории под свою политико-религиозную власть. До этого времени монголы не знали никакого другого алфавита, кроме уйгурского. По приказу Кублая, в 1269 Фагс-па создал для них новую письменность по названию *дюрбалжин*, или квадрат, на основе тибетского алфавита. Однако, роль, которую играл в этом Фагс-па, по мнению Пеллиота, несколько преувеличена; и, во всяком случае, это квадратное писание имело лишь временный успех, поскольку монголы продолжали использовать буквы, скопированные из уйгурского алфавита (различающегося лишь в стиле писания и наличии больше угловых букв), которые стали их национальной письменностью. Именно, уйгурскими буквами написаны тексты монгольской канцелярии, представленные во французских архивах.³⁹ В этой связи Пеллиот отмечает, что уйгурская письменность имел недостаток, заключающийся лишь в неполноценной передаче звуков монгольского языка тринадцатого столетия, в частности, она неудачно различает разницу между звуками *о* и *и*, пропускает начальное *h* и т.д. Для гортанных звуков также уйгурский алфавит менее богат, чем алфавит Фагс-па.⁴⁰

Большинство наследников Кублая равно были горячими буддистами, первым из которых его внук Темир, который правил после него (1294-1307). Однако, другой внук Кублая, принц Ананда (несмотря на его существенное буддийско-санскритское имя), склонялся к мусульманству. «Он знал коран своим сердцем, был превосходен в арабском письме» и был восторженным распространителем мусульманской веры в тангутской стране (Нинся), наместником которой он являлся. Темир старался вернуть его обратно в буддизм,

но тщетно, и даже на время его заключил в тюрьму. После смерти Темира (10 февраля 1307) Ананда попытался овладеть тронном, но его двоюродный брат Хайшан помешал этому и приговорил его к смертной казни.⁴¹ Во время правления Хайшана (с 21 июня 1307 по 27 января 1311) Хайшан показал себя набожным буддистом и заставил перевести многие буддийские каноны на монгольский язык. Китайские образованные люди (*literati*), конфуцианская культура, бранили его за его любовь по награждению лам, и, возможно, как реакция на его фаворитизм, последовал отказ от налоговых иммунитетов как буддистским, так и таоистским организациям, которыми они пользовались до этого времени.⁴² Во время правления Яйсун Темира, правнука Кублая, который был императором с 4 октября до его смерти 15 августа 1328, министр Чан Куэй выразил публичный протест по поручению конфуцианских общин против фаворитизма по отношению к ламам. Шеньси, в особенности, был курортом для многочисленных тибетских монахов. Запись того времени повествует: «Этих лам можно видеть, едущих по западным провинциям, носящих на своих поясах паспорта, написанные золотыми буквами. Они объезжают города и, вместо того, чтобы останавливаться в гостиницах, они идут в частные дома и выгоняют оттуда домовладельцев, охотно пользуются своим положением и насилуют их жен. Не брезгуя распутством, они отнимают у людей остатки их денег. Должны быть приняты меры против этих публичных кровопийцев, которые являются даже более жестокими чем сборщики налогов».⁴³ Император Яйсун должен был регулировать въезд лам в Китай.

Избыточный буддийский «клерикализм», за что китайские образованные люди возлагали ответственность на монголов, несомненно, вносили свой вклад в падение правящей династии. Однако, чрезмерное влияние, оказываемое буддийской «церковью» на дом Кублая, не было чем-то новым в истории тюрко-монгольских династий на китайской земле. Тоже самое случилось с известным Фу Чинном в конце четвертого века и с последним тоба императором в начале шестого века (стр. 83 и 89). Буддизм сначала делал этих жестоких варваров мягче и более человеческими, затем неуклюжими и, наконец, убивал в них инстинкт самосохранения. Затем старый конфуцианский Китай, который терпел этих жутких хозяев, начал осознавать, что они стали безвредными, после чего или их поглощал,

как в случае с тоба, или изгонял, как в случае с чингизидами. Ситуация могла бы быть даже более серьезной, если дом Кублая принял бы ислам, как это могло бы случиться, если Ананда смог взять верх в 1307. Триумф ислама мог бы быть жутким ударом по старой китайской цивилизации. Двумя величайшими опасностями, которые угрожали ему в течение его долгой истории, были, возможно, попытка Ананды в 1307 и вторжение Тамерлана, которое, к счастью, было предотвращено смертью вождя в 1404.⁴⁴

Религиозная политика Кублая и его наследников: несторианство

Предпочтение Кублаем по отношению к буддизму никак не препятствовало ему демонстрировать свою симпатию к несторианской вере. На крупных христианских празднествах он, подобно своим предшественникам, заставлял священников, прикрепленных к его *орде*, поставить перед ним Библию, которую он кадил ладаном и целовал.⁴⁵ «В 1289 он даже организовал специальный департамент, *ch'ung-fu-ssu*, для управления христианским культом по всей империи». Его декреты, подобно декретам Огодая и Монгу, предоставляли освобождение от налогов и предоставление различных других привилегий несторианским священникам, как и буддийским и таоистским монахам и мусульманским докторам. Следует напомнить в этой связи, что монголы следовали сириакской этимологии в награждении христиан названиями *marca* и *ärkägün* или *ärkä'ün* (во множественном числе *ärkägüd* или *ärkä'üid* и по китайской транскрипции *ye-li-k'o-wen*), в то время как священники и монахи звались *rabban-ärkägün* и епископы были известны как *mar-hasia*.⁴⁶

Среди монголов и ассимилированных групп несторианы были соответственно многочисленны, в особенности, среди кераитов и онгутских тюрок. Онгутские тюрки, которые заняли место старых ша-то тюрок севернее Великой Стены на краю нынешнего Шаньси, нанимали номенклатуру, которая говорит сама за себя, несмотря на тяжелую вуаль китайской транскрипции, будучи

несторианской: Шен-вен (Симеон), Куо-ли-ссу (Джордж), Пао-лу-ссу (Павел), Яонан (Джон), Яа-ку (Джеймс), Тиен-хо (Денха), Яи-шо (Ишо: Исус), Лу-хо (Лука).

Большинство онгутских людей жило в нынешней провинции Суюан, в регионе современного Токто или Куэйхуа-чен, в районе, известном в монгольский период по названию Тун-шен. Пеллиот думает, что из этих имен выходит Кошан, т.е., Тошан, которыми страна обозначалась в жизни Мар Яхбаллаха III и Раббана Саума.⁴⁷ Имя Тандук, название Марко Поло для того же региона, происходит, согласно тому же исследователю, от древнего имени Тан (T'ien-tö, ранее произносимое как Thiän-tak).⁴⁸ Это был истинным домом онгутской династии, линии тюркских принцев, первоначально, в основном, привязанных к несторианству и в тоже самое время близко родственных с чингизханской семьей. Дом Чингиз-хана обязан этим несторианским принцам, о чем он, очевидно, никогда не забывал. Онгутский вождь Алакуш-тигин⁴⁹ оказал монголам жизненно важную услугу в решительный момент, когда, будучи приглашенным присоединиться к союзу, созданному найманами против них, он поступил наоборот и твердо стоял на стороне Чингиз-хана.⁵⁰ Он заплатил за свою преданность жизнью; поскольку когда он возвратился домой после войны с найманами, некоторые члены его племени, которые предпочитали союз с найманами, убили его и вместе с ним его старшего сына Буяна Шибана. Его вдове удалось бежать в Юнчен с их вторым сыном По-яо-хо. Когда Чингиз-хан вступил в Юнчен как завоеватель кинов, его искренним желанием было восстановление семьи своего верного вассала на уровне руководства онгутскими землями. Молодой По-яо-хо ушел вместе с ним на кампанию против Хорезма и по из возвращении Чингиз-хан выдал замуж за молодого человека свою собственную дочь, Алагай-беки. После смерти По-яо-хо, как верная дочь Чингиз-хана, Алагай-беки правила твердой рукой онгутскими землями. Не имея своих детей, она воспитывала, как собственных детей, трех сыновей, Кюн-бука, Аи-бука и Чолиг-бука, которых ее муж имел от наложницы. Первые два, в свою очередь, женились на чингизидских принцессах: Кюн-бука женился на Яелмиш, дочери великого хана Гуюка, и Аи-бука женился на Яюрек, дочери Кублая.⁵¹ Сын Аи-бука, Кёргюз или Гёргюз, т.е., Джордж, сначала женился на принцессе Кутадимиш, дочери сына Кублая, Чен-ки, и затем на принцессе

Аямиш, дочери великого хана Темира. Ранее было описано, как он был убит на службе Темира в 1298.⁵²

Таким образом, очевидно, как близко этот несторианский дом принцев был тесно связан с монгольской династией. И, в пределах монгольской веротерпимости, он не терял случая воспользоваться своим положением для защиты христианства. Жизнь Мар Яхбаллаха и Раббана Саума показывает нам как Кюн-бука и Аи-бука осыпают признаками доброй воли и подарками двух несторианских странников в момент их отбытия в «Иерусалим».⁵³ «Принц Джордж», действительно, к концу своей жизни был обращен в католицизм францисканским миссионером Джованни де Монтекорвино.⁵⁴

Биография Мар Яхбаллаха и Раббана Саума делает более ясным, что несторианство на северных границах монгольского Китая не ограничивалось онгутской страной, поскольку при их отбытии на Запад они были тепло приняты христианами в тангутской стране, т.е., в Кансу, и более определенно, в «городе тангутов» Нинся.⁵⁵

Однако, несториане не оставались ограниченными на внешних границах старого Китая, где, несомненно, они жили незаметно из-за династии Тан. Благодаря завоеванию чингизидов, внутренний Китай теперь стал открытым для них. Можно сказать, что несторианство, вытесненное из Китая после падения Тан, вновь вступило туда вместе с монголами. В 1275 несторианский патриарх Багдада организовал архиепископство в Пекине. На кильватере монголов несторианская вера проникла даже в регион нижнего Янцзы. В 1278 Кублай доверил правление Ченкианом (по Марко Поло, *Сингианфу*) в нынешнем Киансу, некоему Мар Сергису (Ма Сие-ли-ки-ссу по китайской транскрипции), который, как можно полагать из его имени, был несторианином, и, который незамедлительно взялся за строительство церкви на этом месте (1281).⁵⁷ Другие несторианские церкви были построены в Янчоу и Ханкоу.⁵⁸

Имеется знаменитый отрывок свидетельства монгольского несторианства в сирийской библиографии Мар Яхбаллаха III и Раббан Саума. Раббан Саума (ум. 1294) и его друг будущий патриарх Мар Яхбаллаха, по имени Маркус (1245-1317), были двумя несторианцами, из которых, по-меньшей мере, один был онгутом.⁵⁹

Отец Маркуса был архидьяконом онгутского городка Кошан или Тошан, которого Пеллиот идентифицирует, как мы видели, как средневековой Туншен или современный Токто, на границе нынешних Суиюан и Шаньси. Раббан Саума был сыном «посетителя» из несторианской церкви Ханбалига или Пекина. Он был первым, кто принял монашескую жизнь; он получил tonsуру с рук митрополита Пекина, Мар Гуиваргиуса, после чего он удалился в жилище отшельника на горе, в двух днях пути от города, где к нему присоединился Маркус. По предложению Маркуса, два монаха решили предпринять странствие в Иерусалим. Два онгутских принца, Кюн-бука и Аи-бука, которые были также несторианцами и которых два монаха посетили около Токто рассказать им о своих планах, тепло приняли их, в тоже самое время стараясь отговорить от их плана: «Почему вы должны ехать на Запад, когда у нас столько забот по доставке сюда епископов и монахов от этих мест?» Однако, видя, что Раббан Саума и его компаньон были полны решительности идти, онгутские принцы дали им коней, денег и все другое, что было необходимо для их путешествия через Центральную Азию.

Странники сначала прошли через тангутскую страну, то есть, через северную часть нынешнего Кансу около Нинся, земли, где было много несторианских общин. «Мужчины, женщины и дети пришли встретить их, поскольку вера жителей тангутской страны была весьма пылкой». Путешествуя вдоль троп к югу от Лоб Нора и Тарима, они дошли до Хотана и владений дома ягатаевского хана, которым в это время был Дува; это имело место, согласно Пеллиоту, в 1275-76.⁶⁰ Военные действия, ведущиеся тогда в Центральной Азии среди чингизидских принцев, помешали Раббан Саума и Маркусу путешествовать прямо из Кашгарии в Персию. Они нашли Хотан охваченным голодом, Кашгар обезлюженным войной и дорогу, ведущую на запад из Кашгара, закрытой для путешественников. Поэтому они повернули на север и направились к Таласу (Аулие-Ата или Джамбул сегодня), где хан Кайду стоял лагерем.⁶¹ Он оказал путешественникам сердечный прием и снабдил их охранниками-вожатыми, которые дали им возможность пройти через линии сражающихся армий и в конце концов прибыть в монгольское ханство Персии, правителем которого в то время был хан Абака (1265-82).

Несторианин по имени Аи-сие в китайской транскрипции, т.е., Исё или Исус (1227-1308), который, по-видимому, был говорящим на арабском христианином из Сирии, занимал важное положение под Кублаем. Многоязычный и доктор и астроном, он находился на службе у Гуюка. В 1263 Кублай назначил его директором департамента астрономии и он, кажется, являлся одним из вдохновителей его декрета от 1279, с помощью которого Кублай пытался преодолеть мусульманскую пропаганду в Китае. В 1284-85 Исё сопровождал высокопоставленного монгольского чиновника, *чен-хсиан* Болода, когда последний был направлен в качестве посла к Аргуну, хану Персии. По возвращению в Китай, Исё в 1291 был назначен комиссаром по христианскому культу и министром государства в 1297. Его сыновья Елия, Денха, Хей-ссу, Джордж и Лука, как и он сам, несторианцы, также выполняли различные функции во дворе Пекина.⁶²

Наконец, Кублай и его наследники содержали в рядах своей личной гвардии в Пекине 30 000 христианских аланов греческой веры, которые прибыли с Кавказа во времена Монгу. В июне 1275, как мы видели, корпус этих аланов был предательски истреблен сунами при осаде Ченчоу, севернее нижнего Янцзы. Доходы от Ченчоу затем были распределены Кублаем среди семей аланов, которые погибли при осаде на его службе. 11 июля 1336 потомки этих аланов направили письмо покорности Папе Бенедикту XII. Посольство, которое доставило его в Авиньон в 1338, включало, кроме Andrew и William of Nassio, алана Тогая.⁶³

Путешествие Марко Поло

Никколо Поло и его брат Маффео Поло были венецианскими купцами, которые в течение продолжительного времени жили в Константинополе. В 1260 они покинули этот город, чтобы отправиться в торговую экспедицию в монгольское ханство кипчаков, которое позднее стало южной Россией. Они были приняты в Сарае на нижней Волге («Тигрис» по Марко Поло) Берке (Барка), кипчакским ханом, братом и наследником Батыя, и они продали ему свой ассортимент ювелирных изделий. Затем они взяли хорезмскую дорогу на Бухару, ягатаевское ханство, где они оставались в течение трех лет, поскольку их

возвращение было осложнено военными действиями среди монгольских принцев. Наконец, они решили сопровождать посольство хан Персии Гулюгу к своему брату Кублаю в Китае. Для этого они должны были проследовать по обычному караванному пути через Отрар на Сырь-Дарье, Алмалык в илийской долине и Уйгуристан (Иогуристан), где находились два города Бешабалига (около Кучена) и Турфан, который был известен как Кара-ходжа (*Carachoço* по Марко Поло).⁶⁵ Наконец, через Хами (*Camul*) и Тунхуан или Шачоу они прибыли в Китай и достигли Пекина или Ханбаига (*Cambaluc*).

Кублай оказал им наилучший прием и, когда они уезжали, то просил обратиться к папе с просьбой о посылке к нему сотни докторов, обученных семи искусствам.⁶⁶ Поло покинули Китай в 1266 и прибыли в Лаяс, Лаиаццо или Аяс на Средиземном море, в главный порт армянского королевства Силиция. Отсюда в апреле 1269 они отправились к Акре и затем в Рим. Будучи не в состоянии получить миссионеров и докторов, запрошенных Кублаем, они отчалили на Акре и направились оттуда опять в Китай в конце 1271. На этот раз они взяли с собой сына Никколо, Марко Поло, который оставил нам важный рассказ о своем путешествии.

Марко со своим отцом и дядей покинул Лаиаццо и, путешествуя по сивашской дороге через селджукский султанат Малой Азии, достигли монгольского ханства Персии. Война, ведущаяся между ханом Персии Абака и его племянниками, ягатаевскими ханами Туркестана, которые поддерживали Кайду, помешала им взять трансоксонскую дорогу; поэтому они отправились прямо по диагональному пути через Персию по дороге на Табриз, Султаниех и Кашан, и затем, несомненно, через Яезд и Керман (Кирман) на Хормуз (Ормуз).⁶⁷ Они, по видимому, намеревались отправиться в Китай из Хормуза на корабле, но, как отмечает Пеллиот, берега южного Китая и крупные порты Кантон, Чюан-чоу, Фучоу и Ханчоу в то время все еще принадлежали не монголам, а сунской династии. Так, в Хормузе Поло изменили свои планы. Отказавшись от надежд достичь Дальнего Востока морским путем, они отправились в Центральную Азию через Хурасан (которого Марко Поло называет «страной Сухого Дерева» или «страной Одинокоего Дерева»),⁶⁸ проходя через Нишапур, Шебурган (*Sapurghan*) и Балх (*Balc*).

Обойдя Трансоксию, сцену непрерывных войн между ханом Персии и ягатаевским *улусом*, Поло направились на северо-восток из Балха через Бадахшан (*Badascian*) и Памиры (*Pamier*) по пути высокой долины Вахан (*Vocan*) к северу от Болора (*Belor*). По старому шелковому пути (Ташкуртан, «каменная башня» Птолемея) они прибыли в Кашгар (*Cascar*), чьи прекрасные сады и виноградники восхваляет Марко Поло, также как и торговые чувства его обитателей, «которые путешествуют и торгуют по всему миру». В Кашгаре он также отмечает существование несторианской общины со своей церковью. Отсюда Поло взяли не менее древний путь вдоль юга таримского бассейна по дороге Ярканд (*Yarcand*), Хотан (*Cotan*), Керия (*Pem*) и Черчен (*Charchan* или *Ciarcian*). Идя вдоль Лоб Нора, они прошли через Лоп, город, идентифицируемый сэром Аурелом Стейном как сегондьянский Чархлик.⁶⁹ Они приблизились к Тунхуану или Шачоу провинции Кансу (*Succiu*)⁷⁰ и Канчоу (*Campiciu*), важный торговый центр, где венецианцы стояли почти год, ожидая инструкций от монгольского двора. Марко Поло отмечает, что несторианцы имели три церкви в Канчоу и что там в городе были также многочисленные монахи, чьи достоинства он восхваляет объективно.⁷¹

После этого временного пребывания в Канчоу Поло возобновили свое путешествие на восток через Лианчоу (*Erginul* или *Ergiuul*)⁷² и Нинся (*Egrigaia*).⁷³ В последнем городе, старой тангутской столице, большинство населения составляли буддисты. Однако, Марко Поло отмечает здесь также несторианскую общину с тремя церквями. Затем путешественники проникли в онгутскую страну, которую Марко Поло называет Тандус (см. выше), и центр которого можно искать около современного города Токто или Куэйхуачен. Марко Поло не упускает случая напомнить о несторианской вере онгутских принцев, которых, из-за этого, он путает с семьей Престера Джона, иначе говоря, со старыми кераитскими правителями. Эта ошибка была повторена Одорико де Порденоне. Марко особенно ссылается на «принца Джорджа» (*Körgüz*), который тогда правил онгутами под протекторатом великого хана. Он намекает также на союзнические женитьбы между монгольской династией и домом принца онгутов.

Покидая эту страну, Поло вступили на китайскую территорию или, более точно, в северный Китай, которого Марко Поло называет *Cathay*, по монгольскому

обычаю, от названия Хитан или Хитай, властелинов Пекина одиннадцатого века. От региона Токто они достигли летнюю резиденцию Кублая Шангтухо (*Syandu, Chandu*), современный Долоннор, в мае 1275.

Поло вручили Кублаю письмо от Папы Григория X. Кублай, кажется, полюбил Марко, которого он взял с собой в свой зимний двор в Ханбалиге (*Cambaluc*), по-нашему, Пекин. По собственному свидетельству Марко Поло, он нашел ему место в правительстве и, как увидим далее, доверил ему различные конфиденциальные миссии. Тем не менее, выходит, что Марко Поло никогда не достиг серьезного владения китайским языком; с другой стороны, он знал персидский и часто использовал персидские транскрипции для обозначения географических названий Китая.⁷⁴ Эти функции, которые он, его отец и дядя могли выполнять, не могли быть важными, как некоторые люди посредством неправильных толкований стараются предполагать. Из информации, данной Марко об эксплуатации соляных месторождений, Пеллиот заключает, что он мог быть использован в китайской администрации по вопросам налогов на соль; могло случиться, что он три года работал в качестве помощника местного заместителя префекта в Янчоу.⁷⁵ То, что он говорит о том, какую роль играли его отец и дядя во время осады Сианяна в 1268-73, не соответствуют утверждениям в китайских источниках. Однако, если знаменитый венецианец несколько преувеличил роль своих родственников, тем не менее, важным остается то, что его собственные обязанности, хотя и небольшие, давали ему возможность посещать основные китайские города.

Книга Марко Поло описывает два маршрута: один из Пекина в Юннан, а другой – из Пекина в Фукиен. В первом он упоминает Тайюан (*Taianfu*), столицу нынешнего Шаньси; Пинян (*Pianfu*), второй город провинции; Сиан, называемый тогда Фенюанфу или Кинчаофу (*Qengianfu*) в Шеньси – сын Кублая по имени Мангала был там наместником (1272-80) и он упоминает Марко Поло;⁷⁶ и затем Ченту (*Sindufu*) в Сычуане. Отсюда путешествие описывается с подробными деталями, указывая, что Марко Поло был, действительно, послан по некоторой ошибке в эти края. В Юннани или в древнем владении Тали (*Caragian, Caragian*), он упоминает о двух городах Тали (*Caragian*) и Юннан (*Yachy, Iaci*), где он уже

замечает крупную мусульманскую общину.⁷⁷ Юннан составлял отдельное наместничество, управляемое наследственными чингизидскими принцами: сыном Кублая, Угечи (1267), Тугулуг (1274) и сын Угечи, Есен или Ясин Тимер (1280). Марко Поло рассказывает, что во время его путешествия Есен Тимер (*Essantemur*) был у власти. Детали, которые он дает о монгольских войнах в Бирме или в стране Миен (монгольские экспедиции 1277, 1283-84 и 1287), дают повод полагать, что он, возможно, ездил до границ страны на плечах монгольских армий. Во всяком случае, он дает подробное описание сражения 1277, в течение которого монгольские лучники создали панику среди военных слонов короля Пагана и вынудили уступить ущелье Бхамо на верхнем Ирравадди. Он также говорит о вступлении монголов в Паган, которое не имело место до 1287.⁷⁸

Второй маршрут, описанный Марко Поло, проходил через восточный Китай с севера на юг, параллельно к Китайскому морю. Из Пекина он отправился через Хокиен (по Марко Поло, *Cacianfu*)⁷⁹ в Цанлу (*Cianglu*), около устья Хуэй (в то время устье Желтой реки);⁸⁰ Янчоу (*Yangiu*); Сучоу (*Sugiu*); Ханчоу (*Quinsai*); Вучоу (*Vigiu*) в провинции Чекиан; юг Ланчи и, очень близко к Кючоу (*Ghiugiu*) в Чекиане; Чучоу (*Cugiu*), также в Чекиане; Киеннин (*Quenlinfu*) в Фукиене; Фучоу (*Fugiu*), столица нынешней провинции Фукиен; и Чюанчоу (*Çaiton*). Следует отметить, что этот маршрут не шел дальше чем Чюанчоу и поэтому он не упоминает о Кантоне.

Представляется, что Марко Поло также имел случай присоединиться к двум монгольским посольствам, направленным Кублаем в Чампу (*Ciamba, Cyamba*)⁸¹ и Цейлон, для доставки некоторых буддийских реликтов, включая знаменитый зуб Будды. В Цейлоне венецианский путешественник попросил, чтобы ему рассказали о жизни Будды Сакиамуни (*Sagamonî Burcan*),⁸² о котором он оставил нам правдивое и восхитительное краткое изложение предмета.⁸³

Весной 1291 Марко Поло и его родственники смогли отправиться в Европу. Аргун, хан Персии, внучатый племянник Кублая попросил дядю выдать за него замуж монгольскую принцессу баяутского племени. Кублай отправил к нему принцессу Кокочин (*Cocachin*, по Марко Поло) из этого племени. Однако, дороги Центральной Азии были блокированы войной между Кублаем и Кайду. Поэтому

Кублай просил Поло сопровождать монгольскую невесту в Персию по морю, в тоже самое время вручая им письма для Папы и королей Франции, Англии и Кастилии. Поло, возможно, отправились к Вижайя или Чабан (около Бинхдинх), столицы Чампы и затем на Проливы (бывшая английская колония, включающая Сингапур, Пенанг, Малакка и Лабуан – **В.М.**). После берегов Суматры, однако, они пять месяцев ждали попутного ветра. Несомненно, как все навигаторы в то время, они остановились на Куилоне или Колламе (*Coilum*), на крупном рынке по торговле пряностями Траванкора. Отсюда они обогнули берег плато Деккан, направляясь в залив Камбей и затем, следуя берегов Персии, причалили в Гормузе. Оттуда он должны были путешествовать в Персию через Керман (*Cherman*) и Язд (*Yasd*). Аргун, хан Персии, тогда только что умер. Поло доставили принцессу Кокачин к его сыну Газану, правителю Хурасана и затем отправились с визитом к новому хану Персии, Гайхату, в Табриз. В течение трех месяцев он оставшись в Азербайджане, после которого они отчалили в Трeбизонде на Константинополь. Домой, в Венецию, они возвратились в 1295.

Экономическое процветание Китая под монгольским правлением

Одной из наиболее интересных характеристик книги Марко Поло является картина, которую он дает об экономической активности двух китайских регионов: северного Китая, который он продолжает называть Cathay от названия старых хитанов; и южного Китая, бывшей сунской империи, которую он называет *Манзи*. От него мы узнаем, что в северном Китае добывали уголь, «типа черных камней, которых извлекали из холмов жилками и сжигали как вязанков и они так хорошо подходят для этой цели, что по всему Катаю не используют никакого другого топлива». Использование водных путей удивило его не меньше и он отмечает прежде всего коммерческое значение Янцзы (*Quian* или *Kian*), главную артерию китайской экономики. «Больше суден и больше товаров проходят вверх и вниз этой реки чем по всем рекам и морям Христианства». Он добавляет, что «двести тысяч лодок проходят вверх по реке каждый год, не говоря уже о тех, которые

спускаются вниз». Он отмечает также экономическую функцию имперского канала, адаптированного и завершенного Кублаем, посредством чего можно было бы привозить рис из нижнего Янцзы в Пекин.

Для контроля этого огромной внутренней торговли и поддерживать торговлю с Индией и Индонезией, были образованы мощные торговые гильдии в портах центрального Китая и в кантонском регионе. Эти гильдии сравнивались и превосходили Метьерс Фландерс и Арти Флоренции. О гильдиях Qinsai (Ханчоу) Марко Поло пишет: «Так много купцов был здесь и такие они богатые, что они выполняли всю обширную торговлю, что никто не мог оценить их богатства. Знаю также, что ни хозяева торговли, которые являлись главами предприятий, ни их жены не протягивали руки на что-либо, однако, они вели свои жизни в такой роскоши и изяществе, что можно вообразить их как королей». Повсеместное использование бумажных денег, которых Марко Поло шутливо называет действительным философским камнем, облегчало коммерческие переводы: «И я скажу вам, что каждый охотно принимает эти знаки, поскольку в какие бы части территорий великого хана он не пошел, то он может покупать и продавать товары с их помощью также легко, как будто они являются прекрасным золотом».⁸⁴ Превосходное чувство бизнеса китайских людей вызвало у венецианцев восхищение. Он постоянно возвращается к сценам об этих богатых: судна, возвращающиеся из Индии, наполненные специями – перцем, имбирем и корицей; джонки, плывущие вниз по Янцзы или вверх по Великому Каналу с их грузами из риса; магазины Ханчоу или Чюанчоу, наполненных драгоценными товарами, сырым и алым шелком, золотой камхой (тяжелая шелковая материя) и парчой, тяжелым шелком (шелк, богато вышитый золотом или серебром), тартарин и сатин или одежды из «Çaiton» (сатин) материи.⁸⁵

В таком же настроении Марко Поло описывает главных китайских рынков: *Cambaluc* (Пекин), центр шелков с севера («не проходит ни одного дня без поступления тысяч повозок шелка, из которых сделаны многочисленные одежды из золота и плетеного шелка»); *Sindufu* (Ченту в Сычуане), который производил сендаловые шелка и экспортировал свои шелковые товары из Китая в Центральную Азию; *Nangin* или *Namghin* (Анкин или Каифен?) и *Sugiu* (Сучоу в Киансу),

который делал одежду из золота; *Yangiu* (Янчоу в Киансу, крупный рисовый рынок нижнего Янцзы. Особенно оживленным местом был *Quinsai*⁸⁶ (Ханчоу в Чекиан), старая столица сунов, которая не потеряло своей активности под монголами. В действительности, он, возможно, прибавил ее, поскольку теперь стал связанным со всей обширной монгольской империей. Марко Поло описывает его как китайскую Венецию. Он был отмечен, прежде всего, как крупный сахарный рынок. Бесчисленные судна доставляли туда специи из Индии и Восточной Индии и оттуда увозили в Индию и мусульманский мир шелк. Он, таким образом, имел огромную колонию арабов, персиян и христианских купцов. Наконец, имелось также два крупных порта *Fugiu* (Фучоу) и *Zayton* или *Çaiton* (Чюанчоу) в Фукиене. Купцы *Fugiu* «владели невероятными запасами имбиря и халанжана. В этом городе имеет место весьма значительное движение сахара и крупный рынок жемчуга и драгоценных камней, доставленных сюда из Индии».

Крупнейшим хранилищем монгольского Китая был все тот же *Çaiton* Марко Поло, «где все корабли приходили из Индии, такими загруженными со специями, драгоценными камнями и жемчугами, что было удивительно, как они их выдерживали. Это есть порт, в котором все купцы *Manzi* сходились вместе, крупный импортный центр для всего Китая. И я говорю вам, что на один корабль из Индии, загруженный перцем и с портом назначения Александрия или любой другой порт христианства, более ста кораблей приходят в *Çaiton*». Эти утверждения согласуются сообщениями арабского путешественника Ибн-Батута, который говорит о Зайтоне около 1345.⁸⁷

Очевидно, что во время монгольского периода китайский рынок был тесно соединен с индийским и малайским рынками. По свидетельству Марко Поло, большие количества китайских судов регулярно отправлялись в порты Явы и привозили обратно «черный перец, мускатный орех, халанжан, кубеб, гвоздику и других пряностей, из которых купцы Каитона делали крупное состояние».⁸⁸ Их других источников известно, что Кублай и его наследники заключали подлинные коммерческие соглашения с раджами Траванкора и Карнатика. Китайские торговые флотилии регулярно отправлялись в Каверипатнам, Каил или Каял, Коллам или Куилон, и Цейлон с тюками сырого шелка, крашенных шелковых материй, сатина,

сендала и золотой парчи, и обратно возвращались в Китай, доставляя с собой перец, имбирь, корицу, мускатный орех, маслины, хлопок из мира хинду, жемчуга из Индийского Океана и алмазы из Деккана.

В дополнение к изложенному, истеблишмент в Персии, состоящий из молодой ветви монгольской династии Китая, стимулировал оживленное движение между двумя странами. Персидские ханы дома Гулюгу, которые среди своего мусульманского окружения оставались полностью монголами в своих вкусах, отправляли людей в Китай за товарами роскоши, таких, как шелка и фарфор, и персидские миниатюры повседневной жизни начали оказывать свое влияние на китайских мастеров. Наоборот, монгольская Персия экспортировала в Китай ковры, упряжное оборудование, кольчугу, бронзовые изделия и эмальные изделия.

Наконец, путешествия Марко Поло и *Pratica della mercatura* Пеголотти⁸⁹ являются свидетельством к тому, монгольское завоевание привело к непосредственному контакту китайского мира с Европой. К концу тринадцатого века два межконтинентального пути соединяли Запад с Дальним Востоком. Первым был путь от кипчаков к Тунхану, которого западные люди начали осваивать в лице гэнгузских и венецианских расчетных палат Крыма или, более точно, путь начинался от Тана на устье Дона. Из основных станций этого пути были Сарай на нижней Волге, столица монгольского ханства кипчаков, Отрар на среднем течении Сыр-Дарьи и Талас и Баласагун к западу от Иссык-куля. От Иссык-куля одна тропа вела в Монголию через реки Имил, Черный Иртыш и Урунгу в Карокорум на верхен Орхоне, откуда она спускалась в Пекин. Другая тропа из западного пункта Иссык-куля вела к Алмалыку (около Кулджи) на верхнем Или, Бешбалиг (ныне Дзимса), Хами и Сучоу в Кансу и оттуда в исконный Китай. Второй путь проходил через монгольское ханство Персия, или из Требизонда на Черном море, столицы греческого государства с тем же названием, или из Лаяццо (Лаяс, Аяс), оживленный порт армянского королевства Силиция, около франкской Сирии. Из обоих начальных пунктов дорога проходила через восточную часть селджукского султаната Малой Азии, которая была связана тесным вассальством с монгольским ханством Персия, к Табризу, реальной столице ханства. Оттуда главными станциями были обычно Казвин, Раи, Мерв,

Самарканд, Ташкент (тогда назывался Шаш), Кашгар, Куча, Турфан, Хами и Кансу. Альтернативный путь вел из Мерва на Балх, Бадахшан, Кашгар, Хотан, Лоб Нор и Тунхуан. По этим различным караванным путям торговля из Дальнего Востока велась непосредственно с Европой.

В дополнение к этим континентальным путям, которые соответствовали старому Шелковому Пути, монгольское завоевание вновь открыло морское сообщение или путь пряностей. В то время как арабский и селджукский Иран оставались практически закрытыми для Запада, монгольские ханы Персии свободно открыли свои государства купцам и христианским миссионерам, которые хотели ехать в Китай морем. Со времени падения багдадского халифата до конечного триумфа ислама в ханстве Персия, латинские путешественники могли проходить без трудностей через Иран из Табриза к Гормузу, к погрузочному пункту для путешествия в Сану, Куилон и Зайтон. Путешествие Одорико де Порденоне, как будет видно, было типичным в этом отношении. Наоборот, шелк из Китая и пряности из Восточных Индий отгружали в Гормузе для дальнейшего отправления караванами через монгольскую Персию на крупные рынки Табриза и оттуда в христианские порты Трeбизонда или Лаяццо. Следует подчеркнуть, что эта свобода прохода являлась крупным положительным результатом монгольского завоевания ценой таких массовых убийств. Объединение Китая, Туркестана, Персии и России в одну огромную империю, регулируемое строгим ясаком под контролем принцев, которые были озабочены безопасностью караванов и терпеливы по отношению ко всем культам, вновь открыли по морю и суше мировые пути, которые были заблокированы со времен конца древности. Однако, путешествия Поло свидетельствуют о более крупной активности, чем активности, символом которой оставался имя Маес Титаноса. Впервые в истории Китай, Иран и Запад вступили в реальный контакт друг с другом. Таковым был неожиданный и удачный результат ужасного завоевания чингизидов.

Католичество в Китае под монгольским правлением

Путешествие Поло было не уникальным. В 1291 Петрус де Лукалонго, итальянский купец, прибыл в Китай из Табриза по Индийскому Океану. Он обосновался в Пекине, где он, должно быть, процветал, поскольку в 1305 он отдал францисканцу Джiovанни де Монтекорвино кусок земли около императорского дворца. Приблизительно через двадцать лет генуэзский Andalo da Savignano также отправился в Китай, где он добился доверия великого хана. Он возвратился на Запад в качестве монгольского посла и затем отправился в Китай еще раз в 1388, возможно, по пути Тана.⁹⁰

Одновременно с этими авантюристами-купцами пришли и миссионеры. В 1289 папа Николас IV, который узнал от Раббан Саума о существовании многих туземных христианских общин в монгольской империи, отправил Джiovанни де Монтекорвино на Дальний Восток с письмами Аргуну, хану Персии, и великому хану Кублаю. Некоторое время Монтекорвино жил в Табризе с Аргуном и затем в 1291 отправился в Индию, где оставался в течение тринадцати месяцев в Милапоре в компании с купцом Петрус де Лукалонго. После этой встречи он отплыл на корабле в Китай, где великий хан Темир, внук и наследник Кублая, оказал ему теплый прием. Одорико де Порденоне об этом пишет: «Мы имеем одного из наших невысокопоставленных монахов в качестве епископа во дворе императора. Он произносит благословение, когда император отправляется верхом и император целует крест с великой преданностью».

В Пекине Монтекорвино построил две церкви, одну по щедрости итальянского торговца Петрус де Лукалонго, который прибыл с ним из Милапора (1305). В течение нескольких лет он окрестил «более чем десять тысяч татар»⁹¹ и начал переводить псалтырь в одно из языков своей паствы. Знатным обращением в католичество являлось крещение принца Коргуза из онгутов, т.е., Джорджа, который был рожден и воспитан как несторианец.⁹² Это обращение было неоценимой важности, поскольку после этого «принц Джордж» был склонен оказывать даже более эффективную защиту католических миссионеров, которого,

как зятя императора Темира, он назначил на высокие посты во дворе. Младший сын Коргуза был крещен под именем Шу-ан, в честь Монтекорвино.

В 1307 папа Клемент V назначил Монтекорвино архиепископом Камбалука (Пекин). В 1313 сюда прибыли три францисканца, которые должны были быть его викариями: Андре из Перуджи, Герард и Перегрино.⁹³ Приблизительно в то же время папа также отправил к монголам своих братьев Томаса, Джерома и Петра из Флоренции. Джером был сделан архиепископом Крыма (Газария, Хазария) с полномочиями для управления делами по всему кипчакскому ханству. Герард стал епископом Зайтона (Чюанчоу в Фукиене), где богатая армянская женщина снабдила деньгами для строительства церкви. После его смерти епископство Зайтона перешло к Перегрино. Перегрино, который умер в 1322 или 1323, был заменен, в свою очередь, Андре из Перуджи. О милостях, оказанных этим миссионерам в монгольском дворе, подчеркивается в письме Андре, отправленном из Зайтона в январе 1326, к предводителям своего монастыря в Перудже. В нем он рассказывает, что великий хан, Ясин Темир, обеспечил его пенсией, равной сто золотых флоринов. Андре добавляет, что он построил около Зайтона дом для двадцати двух монахов и что он делит свое время между своей церковью и горным жилищем отшельника.

После Монтекорвино и Андре из Флоренции наиболее знаменитым католическим миссионером в монгольском Китае был францисканец Одорико де Порденоне (родился около 1265, умер в 1331). Одорико сел на корабль в Венеции около 1314 (некоторые авторы говорят, что это произошло не до 1318) и прибыл в Требизонд. Отсюда он отправился сначала в монгольское ханство Персия. Он посетил Табриз и отметили его коммерческое значение, он доставил больше доходов хану Персии, чем король Франции получил их от всего своего владения. Он также увидел многих несторианских и армянских общин в Азербайджане. Первоначально он намеревался достичь Индии по дороге восточного Ирана, но в Язде он вынужден был повернуть назад из-за насилия мусульманского фанатизма в этом регионе. В эти годы, 1313-15, восточный Иран стал театром братоубийственных конфликтов. Олжайту, хан Персии, находился в войне с ягатаевским ханом Туркестана Есен-буга и с его племянником Давуд-ходжа,

хозяйном Афганистана. Более того, коммуникации между восточным Ираном и Индией стали трудными из-за грабительских экспедиций, которые с 1305 по 1327 ягатаевские монголы Туркестана постоянно проводили против Пунджаба. Поэтому Одорико повернул назад и направился на запад в Ирак Араби, где в Басре он сел на корабль, плывущий в Гормуз. Из Гормуза он отправился морем в Индию, прибыв в Тану около Бомбея или в 1322, или в конце 1323, или в начале 1324. Здесь он собрал останки четырех францисканцев, убитых незадолго до его прибытия (9-11 апрель 1321) мусульманами. Он посетил берег Малабара, который был истинным краем пряностей, царством перца, и сделал ценные записи по этой теме, которая имела большое значение для торговли его дней.⁹⁴ Идя по улице Св. Томе или Милапора, где, говорят, лежало тело апостола Томаса⁹⁵ и где находилось большая христианская колония, он заметил распад этих старых несторианских общин, которые среди их существенно идолопоклонческого окружения, обратно перешли на язычество. Похожее наблюдал в Монголии Рубрук, где несторианское духовенство боролось с шаманами на их родной почве и почти опустилась на их уровень. Прежде всего, произошло чудовищное отклонение от хиндуизма из-за кровавого сумашествия фанатиков, которые бросались под коляску своего идола. Подобное отвращение произошло от нашего святого, как это имело место с Хсюан-цанем, с буддистским странником седьмого века.

Одорико прибыл в Кантон, которого он называет *Sincalan* от арабского названия *Sinkalan* или *Sinikalan*. На него произвело большое впечатление плотность населения, богатство страны и изобилие и дешевизна товаров, также как и трудолюбивый характер жителей, которые все были прирожденными торговцами и удивительными мастерами. Он был поражен также большим количеством божеств, к которым молился народ.⁹⁶ Не менее он был заинтересован в Чюанчоу или Зайтон, который в его рукописях выглядит как *Caitan*: город, «два раза больше чем Рим». О францисканском монастыре, где он был принят, мы уже писали. Он восхищался кафедрой, построенной его братьями в соборе Св. Франциса и жилищем отшельника, построенного на холмах. Ханчоу, названный в рукописях Одорико, как *Cansay* или *Gunzai*, поразил его даже больше. Он является, «крупнейшим городом мира, расположенного между двумя озерами и вдоль

каналов и лагунов, подобно нашей Венеции».⁹⁷ Картина такого разнообразия народов, китайцев, монголов, буддистов, несторианцев, мусульман, проживающих вместе в этом огромном городе, наполнило его чувством восхищения за монгольскую администрацию. «Тот факт, что столь многие расы способны проживать мирно под контролем единой власти, представляется мне одним из величайших чудес мира». В Ханчоу Одорико встретился с монгольским сановником, который был (почти определенно, из несторианства) обращен в католичество францисканцами и который приветствовал его титулом *ата*, то есть, отец, на тюркском языке.⁹⁸ Благодаря этому человеку, ему было разрешено посетить буддийский монастырь, где он обсуждал тему метемпсихоза с бонзами.

Из Ханчоу Одорико направился в *Quelinfu*, известный Кордиеру как Кин-лин-фу и нам, как Нанкин, и затем – в *Ianzu* или Янчоу, где он обнаружил францисканскую монастырь и большое число несторианских церквей. Затем он посетил *Sunzumatu*, *Singiumatu* Марко Поло (наиболее вероятно, нынешний Цинин и Шантуне), который он идентифицирует как важный шелковый рынок. Наконец, он прибыл в «город хана», *Ханбалиг* или Пекин.

Здесь живет великий хан, в таком огромном дворце, что его стены по окружности достигают, по-меньшей мере, четырех миль по окружности и включают множество втростепенных дворцов. Императорский город таким образом состоит из нескольких концентрических обитаемых комплексов; во втором комплексе живет великий хан со всей своей семьей и со всем своим двором. В пределах этого комплекса возвышается искусственный холм, на котором стоит основной дворец. Этот холм осажен прекрасными деревьями, от которых идет его название Зеленого Холма. Холм окружен озером и прудом. Через озеро проложен чудесный мост, наиболее прекрасный из всех мною доселе увиденных, как по качеству мрамора, так и по изяществу его архитектуры. На пруду можно наблюдать множество птиц-ловцов рыбы, таких, как утки, лебеди и дикие гуси. Хану нет нужды покидать комплексы своего дворца, чтобы предаваться утехам охоты, поскольку за окружающими стенами находятся также огромный парк, полный диких животных.

Одорико затем описывает приемы во дворе чингизидов. (Великим ханом в это время был правнук Кублая, Ясин Тимер, который правил с 4 октября 1323 по 15 августа 1328).

Когда великий хан сидел на своем троне в императорском величии, первая императрица сидела с его левой стороны, на одну ступеньку ниже чем он; затем, на третьей ступеньке сидели три другие содержанки. После них располагались другие женщины королевской крови. Справа великого хана сидел его старший сын и ниже него сидели другие принцы, в зависимости от

кровного родства... И я, брат Одорико, стоял в этом городе [Пекин] три с половиной года в компании с нашими монахами из францисканского ордена, которые здесь имели свой монастырь и даже звания во дворе великого хана. И когда мы, время от времени, отправлялись туда дать ему наше благословение, я пользовался случаем для изучения того, что я мог видеть более близко... Действительно, один из наших братьев [Джованни де Монгекорвино] является архиепископом во дворе и провозглашает благословение великому хану, независимо оттого, где бы он не находился. Однажды, когда правитель возвращался в Пекин, наш епископ, наши монахи францисканского ордена и я, отправились встречать его в двух днях путешествия от города. Мы достигли в процессии для встречи владыки, который сидел на троне на своей колеснице, неся перед собой крест, закрепленный на длинном древке и воспевая гимн *Veni Sancte Spiritus*. Когда мы приблизились к императорской колеснице, великий хан узнал наши голоса и подозвал нас к своему присутствию. Когда мы достигли его, с высокоподнятым крестом, он снял свой головной убор, который был бесценным, и он преклонился перед крестом. Епископ произнес свое благословение и великий хан поцеловал крест с великой набожностью. Я затем положил ладан в кадило и наш епископ кадил его ладаном. Поскольку этикет требует, чтобы никто не посмел приблизиться к Его Величеству без предложения ему подарка, мы подарили ему серебрянную тарелку, полную фруктов, которую он принял с благодарностью, даже пробуя на вкус фрукты. Затем мы отошли в сторону, чтобы не быть сметенными кавалерией, следующей за ним и ушли среди некоторых высокопоставленных людей эскорта, которые были обращены в христианство [несторианские тюрки, которые стали католиками]. Они, в свою очередь, приняли наши скромные подарки с такой радостью, будто им поднесли великолепный подарок.⁹⁹

Одорико также дает нам описание колоссальных облав, организованных великим ханом в императорском лесу в двадцати днях путешествия от Пекина. Описание охоты великого хана, сидевшего на слоне и монгольских лордов, пускающих свои стрелы, окрашенные в свои собственные цвета, является наиболее живописным. «Крики животных и лающие собаки создают такой шум, что никто не может слышать разговор кого бы то ни было». Когда достигается вершина и сцена тщательно устроена, Ясин Темир, подобно его предку Чингизу, проходит через круг шумовиков и в духе Будды позволяет оставшимся в живых животным убежать.

Наконец, Одорико отмечает превосходную работу почтовой службы в монгольской империи. «Курьеры спешат в галопе на своих невероятно быстрых конях или на одnogорбых верблюдах. При подходе на расстояние видимости к станции смены, они трубят в трубу для оповещения о своем прибытии. Таким образом предупрежденные, служители вызывают запасного наездника со свежим

конем. Взяв с собой депешу, этот человек прыгает на седло и галопирует до следующей станции, где он, в свою очередь, подменяется. Таким образом, в течение двадцати четырех часов великий хан получает новости от земель, которых обычно можно достичь тремя днями путешествия на коне».

После стояния в Пекине в течение трех лет Одорико де Порденоне, кажется, покинул столицу около 1328 для возвращения в Европу через Центральную Азию. Он прошел через территорию онгутских несторианских тюрков, один из принцев которых Джордж (ум. 1298) был обращен в католики Джованни де Монтекорвино. Подобно Марко Поло до него,¹⁰⁰ Одорико путает этих онгутских принцев с кераитским «Престером Джоном» и совершенно определенно, что он подразумевает онгутских принцев, когда он упоминает их частые женитьбы на чингизидских принцессах (см. выше). Город *Thozan*, как он называет онгутскую столицу, является, как установил Пеллиот, средневековым Туншенем, то есть, Токто или, возможно, Суиюан нынешних времен. Из онгутской страны Одорико направился на земли Кансан, иначе говоря, Канчоу в Кансу, о котором он пишет, что города и деревни так близко расположились вдоль великого караванного пути, что, покидая один город, он мог шпионить по поводу стен другого города. После этого Одорико должен был взять тропы через Гоби или на север, или на юг таримского бассейна, собирая интересную информацию о Тибете и ламайской теократии. Он никогда в действительности не проник в Тибет, несмотря на противоположные утверждения.¹⁰¹ Он прибыл домой в мае 1330 и умер в 14 января 1331 в своем монастыре в Удине, после диктования всей истории его миссии.

Джованни де Монтекорвино, архиепископ Пекина, который принял Одорико, умер скоро после его отбытия в 1328 или 1329.¹⁰² В 1333 Рим заменил его другим членом францисканского ордена по имени Николас, который взял дорогу Центральной Азии. Новости о его прибытии в Алмалык, около нынешней Кулджа в илийском регионе, достигли до Европы в 1338, однако, кажется, что он умер перед тем, как прибыть в Китай.¹⁰³ В 1339 папа Бенедикт XII отправил францисканца Джованни де Маригнолли в Китай. Прибыв в Константинополь из Неаполя в мае 1339, он отплыл в Каффу (Феодосия) в Крыму. Затем он совершил визит к Узбеку, хану кипчаков, которому он преподнес множество подарков от папы. Весно 1340

он отправился от кипчаков в Алмалык, в ягатовское ханство, где он перегруппировал христианские общины, которые были опустошены преследованиями, проведенными в предыдущем году (см. стр. 342). Затем он пересек Центральную Азию и прибыл в Пекин в 1342. 19 августа он получил аудиенцию у великого хана Тогана Темира, десятого преемника Кублая, и подарил ему крупного коня из Запада, который заслужил наибольшую благодарность правителя.¹⁰⁴ 26 декабря 1347 Маригнолли сел на корабль в Чюанчоу, остановившись в Индии в Милапоре и Куилоне на один год. Он возвратился в Авиньон в 1353.¹⁰⁵

В 1350 папа Урбан V назначил архиепископом Пекина профессора университета Парижа, Гуиллауме де Прато и в следующем году назвал своим легатом в Китае Франциско де Подио. Однако, монгольская династия только что была свергнута с трона (см. ниже). Победоносные китайцы, династия Мин, включили христианство под запрет, который они наложили на все иностранные доктрины, внесенных или одобренных монголами. Христианство имело недостаток из-за предположения китайскими реакционерами, что оно является монгольской религией. Тоже самое случилось в 840, во время падения уйгурских ханов, когда манехианство, защищенное прежним режимом, за одну ночь оказалось под запретом из-за веры в том, что он был внесен варварами (см. стр. 124).

Последняя ветвь Кублая и изгнание монголов из Китая

Для рассмотрения различных религий монгольской империи Китая, мы должны были опередить некоторые события и прервать историю династии Кублая. К последней мы теперь возвращаемся.

Император Темир (1294-1307) был последним способным членом монгольской династии Китая. После него последовала дегенерация. Как предвидел Чингиз-хан, если утверждение, приписываемое ему, является аутентичным, то потомки степных охотников позабыли о своем тяжелом

происхождении и о деле их возвышения во власть, и уступили удовольствиям оседлой жизни и роскоши, о которой Марко Поло и Одорико де Порденоне дали нам некоторую информацию. Монгку был последним, пытавшимся возвратить завоевателей назад к их простому образу степной жизни. Кублай, который был его преемником, решительно переориентировал свою династию на китайский образ жизни: оседлое существование среди цивилизованных наслаждений. Под правлением человека его личности (или его внука Темира), все обстояло хорошо, поскольку к монгольской смелости, которая оставалась в нем неухудшенной, он добавил китайское умение. Однако, со становящимися слабыми, императорами второго сорта, эта комбинация оказалась полностью ущербной. Последние чингизиды Китая были чрезмерно китаизированными правителями, смягченными дворцовой жизнью и сладострастными излишествами, и отрезанными от внешнего мира ширмой из фаворитов и любовников, образованных людей и бюрократов, и таким образом потерявшими буквально все признаки монгольской энергии. Эти потомки наиболее грозных и ужасных завоевателей, которые только известны в истории, погрузились в слабость, некомпетентность, слезливое сомнения и колебания и, в часы несчастья - в оплакивание и сетования. От варварского характера они удержали лишь свою неспособность привыкнуть к китайской идее государства как абстрактного существа. Занимая трон Сынов Небесной, они оставались кланом, чьи члены публично спорили, захватывали власть друг у друга и разрушали друг друга. Ко времени китайского восстания они были безнадежно разделены друг от друга и были так горько завистливы, что они вместо того, чтобы объединиться перед лицом опасности, они охотно позволили китайцам преодолеть их друг за другом.

В дополнение, их жизни были сокращены из-за своих неумеренных наслаждений. Кублай умер 18 февраля 1294 в возрасте семидесяти девяти лет. Его любимый сын (второй) Чен-кин, по Рашид ад-Дину – Чинкин, умер в январе 1286. Темир, сын Чен-кин, был способным лечить самого себя от от хронического пьянства чингизидов и показал себя лучшим правителем чем ожидал его дед; однако, он умер преждевременно, без причины, 10 февраля 1307 в возрасте сорока двух лет. Возник спор о наследовании трона между внуком и правнуком Кублая:

принц Ананда, наместник тангутов (Кансу)¹⁰⁶ против принца Хайшана, наместника Карокорума и Монголии, который на хангайской границе командовал наиболее сильной армией империи. Хайшан выиграл спор и казнил своего соперника. Доказав свои военные способности, особенно, в войне против Кайду, он увеличил надежды своих подданных; однако, из-за пристрастия к алкоголю и женщинам, он умер в возрасте тридцати одного года (27 января 1311). Его брат Буянту (Аюрпарибхадра), «мягкий, милосердный и упорный», который хотел подвергнуть монгольских кандидатов к тем же экзаменам, которые проходили китайские образованные люди, умер в возрасте тридцати пяти лет (1 марта 1320). Сын Буянту, Суддхипала, семнадцати лет, был убит тремя годами позднее кликой монгольской знати, которая провозгласила его двоюродного брата Ясуна Тимера императором (4 сентября 1323).

Ясун Тимер, который командовал армией в Монголии, был провозглашен императором в своем лагере на берегах Керулена и церемониально коронован в Пекине 11 декабря 1323 в возрасте тридцати лет, однако через пять лет (5 августа 1328) он умер из-за своих попоек. Китайская история отмечает его как неэффективного, неуклюжего принца, пленника огромного и экстравагантного двора. После его смерти возникла гражданская война. Тог Темир, сын Хайшана, захватил власть 16 ноября 1328, однако уступил трон своему старшему брату Кусале, наместнику Монголии. Кусала умер внезапно 27 февраля 1329 и Тог Темир опять взойшел на трон, но он также, из-за излишеств, умер 2 октября 1332 в возрасте двадцати восьми лет.¹⁰⁷ Ринченпал, младший сын Кусалы, был провозглашен императором в возрасте шести лет (23 октября 1332), однако, он умер через два месяца после этого (14 декабря 1332). Тоган Темир, тринадцатилетний старший брат Ринченпала, стал его преемником 19 июля 1333.

Правление Тогана Темира стало свидетелем падения монгольской династии. Во время его юности монгольские лорды спорили по поводу власти среди дворцовых драм и интриг. Сначала властью владел лорд меркитов по имени Баян. После его падения из фаворитов и смерти в 1340 борьба между монгольскими фракциями завершила разрушение престижа династии и эрозию центральной власти. Тоган Темир, слабый, колеблющийся человек, находил удовольствие лишь,

находясь в компании своих фаворитов и тибетских лам. Отупев от попоек, он не проявлял никакого интереса к делам государства и не обращал внимания на китайское национальное восстание, громыхающее ныне на юге.

Это зрелище упадка вдохновило китайских «патриотов» восстать против иностранного господства. Революция, подобная той с 1912, началась на нижнем Янцзы и кантонском регионе. Оно было спонтанным и нерегулярным, ведомым большим количеством полу-патриотических, полу-бандитских вождей, которые спорили между собой, ведя войну против монголов. Типичным примером является Хсю Чоу-хуэй, который захватил Ханян и Вучан, города-двойняшки в Хупехе, у монголов (1352), затем Сианян (1356), наконец, установив контроль большей частью двух Ху (Хупех и Хунан) и Кианси. В 1359, однако, он был смещен своим помощником Чен Ю-лиан, сыном простого рыбака, теперь играющего роль кандидата на правление империей, который держал свою резиденцию в Киукиане, севернее от озера Поян. Другой такого же типа был Лиу Фу-тун, авантюрист, который от имени мнимых потомков династии Сун достиг кратковременного владения Каифеном в 1358, однако, был отогнан монгольским принцем Чаган Темиром в 1359. Четвертый мятежный вождь, Чан Ши-чен овладел Янчоу на устье Янцзы (1356), в то время как берега Чекиан и Фукиен грабил дерзкий пират по имени Фан Куо-чен.

Всех этих отчаянных людей затмил умнейший из всех Чу Юан-чан, будущий император Хун-ву, основатель династии Мин. Он был сыном бедного сельскохозяйственного работника из Анхуэя и бывшим бонзой. В 1355 он восстал в регионе Таипин на берегах нижнего Янцзы. Хотя в начале он был лишь руководителем группы, подобно всем его соперникам, он отличался от остальных своим политическим чутьем и тактичностью и человечностью, когда имел дело с местными жителями, которых он сумел присоединить к себе без использования силы. В 1356 он захватил у монголов Нанкин и сделал его своей столицей. Незадолго до этого он установил здесь, среди царящей анархии, регулярное правительство. В 1363 он разбил и убил своего соперника Чен Ю-лиан около Яаочоу на восточном берегу озера Поян и присоединил к себе его наследственные владения: Хупех, Хунан и Киансу. Он таким образом стал хозяином всего бассейна

Янцзы. В 1367 он захватил Чекиан у своего другого соперника Чан Ши-чен и в 1368 отбил порты Фукиен от пирата Фан Куо-чен. В том же году Кантон и два города по названию Куан приняли его без борьбы и таким образом, мины стали хозяевами всего юга.

Монгольский двор, кажется, оставался относительно безразличным к потере южного Китая, бывшей империи династии Сун, завоеванной Кублаем за век до этого и потерял из-за апатии и некомпетентности его слабых потомков. Чингизиды были более заинтересованы в северном Китае, бывшем кинском владении и их первом завоевании, который до этого времени оставался нетронутым. Однако, для его защиты были необходимы некоторые меры ссепления, а монгольские принцы, были разделены теперь, как никогда. В 1360 два наиболее энергичных из них, лучшие генералы императорской армии, Чаган Темир, который перезавоевал Каифен, и Болод Темир, губернатор татунских границ в Шаньси, почти начали воевать друг с другом из-за распределения прав на Тайюан (тогда Цинин). Затем, из Монголии огодаевский принц попытался воспользоваться ситуацией, чтобы сместить дом кублаев. Он прошел к Великой Стене и нанес поражение имперской армии около Шантухо (Долоннор), но затем был предательски убит (ноябрь 1361). Среди самих имперских руководителей начиналась гражданская война. В 1363, когда империя теряла южный Китай, Болод Темир обратился к помощи армии в попытке овладеть правительством Тайюан, то есть, Шаньси, у Коко Темира, наследника Чагана. Принц Аюурширдхара, наследник короны, стал против Болода и приказал Коко Темиру снять его с правления Татуном. Затем, 9 сентября 1364 Болод вступил в Пекин во главе своей армии и вынудил императора Тогана назначить его генералиссимусом, в то время как наследник короны бежал к армии Коко Темира в Тайюане. Однако, Болоду не удалось осилить этих двух врагов и в сентябре 1365 он был убит в результате дворцового заговора, в котором был замешан сам император. Коко Темир тогда возвратился в Пекин с имперским принцем и был назначен, в свою очередь, генералиссимусом до того дня, когда он впал в немилость (1367). Неудивительно, что в то время как монгольский двор и знать были заняты в гражданских стычках, китайские повстанцы были способны

полностью овладеть южным Китаем. Когда лидер минов завоевывал север, то он имел дело уже с полностью деморализованным противником.

Это был действительно триумфальным маршем. Чу Юан-чан покинул Нанкин в августе 1368 и вступил в Хопей по пути от Куанпин и Куантао. Монгольский генерал Буян Темир пытался защитить подступы к Пекину, однако был разбит и убит в Тунчоу лучшим командиром нового правителя династии Мин, Хсю Та. Аюурширдхара, наследник короны, бежал в Монголию, таща с собой дощечки своих предков. Император Тоган Темир покинул Пекин и отправился в Шантухо (Долоннор) ночью 10 сентября. Монгольский принц Темир-бука храбро умер в попытке защитить столицу. Затем мины вступили в Пекин.

Последняя армия монголов под командованием Коко Темира, наместника Тайюан, все еще занимала Шаньси. Однако, данный наместник отказался помочь правителю, предпочитая концентрировать свои силы для защиты своего собственного удела. Однако, при подходе китайской армии под командованием Хсю Та он также уступил. Тайюан был взят, в то время как Коко Темир бежал в Кансу. Жалкий император Тоган Темир, не чувствуя себя в безопасности в Долонноре, бежал в Яинчан (Каилу) на Шара Мурене. Там он умер 23 мая 1370, полный отчаяния от потери империи Китай или, скорее, удовольствий императорского положения: «Мой великий город Тату [Пекин], украшенный с таким великолепием; Шантухо, мое усладительное прохладнее летнее уединение; и эти желтеющие долины, услада и свежесть моих божественных предков! Какого я совершил дьявола, чтобы потерять так мою империю!»¹⁰⁸

Ханство, основанное в Китае потомками Чингиз-хана продолжалось не более, чем сто лет, от Кублая до Тогана Темира. Подобному ханству, которое они основали в Туркестане, было предназначено, с изменчивым везением и, несмотря на перерыв в продолжительности из-за Тамерлана, просуществовать до семнадцатого века.

8

Туркестан под управлением династии Ягатай

Ягатаевское ханство: происхождение и основные черты

Ягатай¹, второй сын Чингиз-хана, получил в наследство регион Иссык-куля, бассейн реки Или к юго-востоку от озера Балхаш и степи Чу и Таласа, или во всяком случае, их восточную часть. Согласно Джувайни, его зимний лагерь располагался в Маравсик-ила и его летний лагерь – в Куяше, оба находящиеся в долине Или и последний – около Алмалыка (не далеко от современного Кулджа). В качестве своих зависимых стран он имел Кашгарию и Трансоксию. Около 1260 Уйгурия, старая уйгурская страна Бешбалиг (нынешняя Дзимса), Турфан (Кара-ходжа) и Куча стали зависимыми от ягатаев, хотя до того времени, кажется, они были прикреплены к великим ханам Каракорума. Также тогда города Трансоксии Бухара и Самарканд управлялись двором Карокорума.

Ханство ягатаев, территория берет свое название от имени принца, соответствовало древнему королевству Кара-Китай *гур-ханов*. И подобно государству Кара-Китай, эта была тюркская страна под господством монголов: монгольское владение Туркестан. Однако, ягатаевские правители, напоминая в этом кара-китайских *гур-ханов*, и даже более ранних ханов седьмого века западного ту-чэ, не имели какой-либо ясной идеи, как установить регулярное государство по нашему западному образцу или по образцу Китая или Персии. По этой причине

здесь отсутствовала историческая основа. Их двоюродные братья дома Кублая или дома Гулюгу в Персии, нашли для своего употребления старинные традиции централизованных империй, всю историю административного обычая яменов и диванов. Они стали здесь Сынами Небесной, султанами там. Те могли идентифицировать себя с государствами, которые были резко очерчены географически и исторически также, как и культурно. Ягатаевские сыновья не имели ничего подобного. Их удел с изменяющимися границами не имел какого-либо центра ни в Пекине, ни в Табризе, им была степь. Никогда не случилось им осесть в Кашгаре или Хотане в таримских оазисах, поскольку для этого их сады были замкнуты и слишком малы для их стад и кавалерии. Не стали они оседать среди таджиков и более или менее иранизированных тюрок Бухары и Самарканда, в этих плотно заселенных городах, чьи мусульманский фанатизм и беспорядки черни были полностью несовместимы с их кочевой природой. В течение более длительного периода, чем их сородичи в других *улусах*, они оставались полностью несведущими по поводу городской жизни и непонимающими ее нужд или ее пользы. Так, хан Барак не стал колебаться, чтобы приказать грабить Бухару и Самарканд, свои собственные города! Все для того, чтобы таким образом получить средства для своей армии.² До своего конца, в пятнадцатом веке, ягатаи продолжали странствовать как кочевники между Или и Таласом, оставаясь степными людьми. В семье, которая произвела таких государственных деятелей, как Аргун, Газан, Олжаиту, Кублай и Темир, они представляли монгольскую культуру отсталости. Нельзя сказать, что они были более неспособны сопротивляться к своему окружению, чем это делала линия Кублая, которая стала китайской, или Гулюгу, которая превратилась в персиян. Живя в тюркской стране, они стали тюрками с четырнадцатого века до такой степени, что тюркский язык, на котором разговаривали на Востоке, стал известным как ягатайский тюркский язык. Однако, эти тюрки Или, остатки старых тургашских и карлукских тюрок, не имели более культурного прошлого, чем сами монголы. Между уйгурским буддистско-несторианской культурой Бешбалига и арабо-персидской культуры Бухары и Самарканда дом ягатаев оставался отсталым, неспособным делать выбор. Нет сомнения, что в начале он был больше объектом уйгурского влияния, подобно

самому Чингиз-хану, влияния древних тюрко-монголов, которые оставались верными к Будде и несторианскому кресту. Затем в начале четырнадцатого века, ягатаи обратились к исламу, хотя и по монгольскому образу, без фанатизма и без священного писания; так, даже тогда, в глазах пылких мусульман Самарканда, они оставались полу-язычниками и поэтому кампании Тамерлана против них принимались как часть мусульманской Священной Войны.

Ягатай, основатель ханства, которым он правил с 1227 до 1242, был, как мы видели, монголом старого типа. Его отец Чингиз-хан, которым он восхищался и которого он боялся, назначил его защитником *ясака*, кодекса и порядка, и он потратил всю свою жизнь, соблюдая этот закон и надзирая, чтобы обеспечить его соблюдение другими. В один день, переигранный своим младшим братом Огодаем, который тогда был великим ханом и битый им, он пришел на другой день к нему просить прощения, подобно преступнику.³ В данном случае он не чувствовал никакой обиды в том, что его младший брат возвысился в положение великого хана, поскольку это было решением его отца. По той же причине, хотя он правил мусульманскими народами, он проявлял некоторую враждебность по отношению к исламу, в частности, к омовениям и убою скота, где предписания корана были протворечили монгольским обычаям и *ясаку*.⁴ Несмотря на это, один из его министров, Кутб ад-Дин Хабаш Амид из Отрара (ум. 1260), был мусульманином.⁵ Более того, Чингиз-хан доверял администрацию и налоговые дела городов Транскоксонии, Бухары, Самарканда и т.д., другому мусульманину, Махмуду Ялавачу, который имел свою резиденцию в Ходженте, в Фергане. Это, в свою очередь, не помешало Ягатаю увольнять Махмуда с его поста, но (поскольку Махмуд был непосредственно ответственным перед великим ханом) Огодай, который находился у власти тогда, отметил ошибки в руководстве Ягатая и восстановил Махмуда.⁶ Махмуда наследовал его сын Масуд Ялавач или Масуд-бек, который продолжал управлять городами Транскоксонии от имени великого хана и также, как думает Бартольд, другими «цивилизованными провинциями» Ягатая, повсюду до китайской границы. В таком качестве он был представлен на *курултае* 1246, где он был утвержден в своих полномочиях. В 1238-39 возникло народное движение в Бухаре, направленное против как собственников, так и против

монгольской администрации. Масуд разбил его и в тоже самое время сумел сохранить город от мести монгольских войск.⁷

После своей смерти (1242) Ягатай оставил трон своему внуку Кара-Гулюгу, сыну старшего сына Ягатая Мутигена, который был убит в 1221 во время осады Бамиана и чья смерть вызвала печаль всей его семьи. Кара-Гулюгу правил с 1242 до 1246 под опекой овдовевшей хатун Ебускун. В 1246 новый великий хан Гулюк заменил его младшим братом Ягатая и личным другом, принцем Яисси-Мангу,⁸ личный друг, чей ум был притуплен пьянством и который оставил правительство страны своей жене и мусульманскому министру государства Беха ад-Дин Маргинани, человеку, которого хвалит Джуваини как Маекенаса.⁹ Однако, Яисси-Мангу также правил не долго (1246-52) и по указанной причине. В спорах по поводу имперского наследования, которые в 1249-50 разделили всех чингизидских домов, он взял сторону дома Огодая против кандидатуры Монгку. После восхождения на трон, Монгку снял Яисси-Мангу и заменил его в августе 1252 тем же самым Кара-Гулюгу, которого Яисси-Мангу удалил с его поста за четыре года до этого. Кара-Гулюгу даже дали задание убить его дядю Яисси-Мангу, после того, как он завладел властью. Ясно из этих серий дворцовых драм, что улус Ягатая не был автономным в это время и что он был лишь зависимым от двора Карокорума, открытый для всех отзвуков семейных мятежей, имеющих место там. В самом деле, это было наместничество, тесно связанное с центральной властью, боковой ветвью, с которой обращались как с младшим, хотя, фактически, оно было старшим для домов Огодая и Толуи.

Кара-Гулюгу умер, однако, на пути возврата своего удела (1252) и задача исполнения казни Яисси-Мангу по императорскому приказу пала на его вдову Органу.¹⁰ Старый министр Хабаш Амид, который как приверженец Кара-Гулюгу пострадал под Яисси-Мангу, взял свой реванш у Беха ад-Дин Маргинани и убил его.¹¹ Органа взяла под свой контроль ханство Ягатая и осуществляла его девять лет (1252-61).

Старые пред-чингзиханские династии, существующие под сюзернством дома Ягатая, были подобным же образом под влиянием дворцовых революций в Карокоруме. Уйгурское королевство Бешбалига (Кучен), Турфана и Кучи

представляет пример этого. Барчук, уйгурский правитель, был, как видели, верным вассалом Чингиз-хана всю свою жизнь и поддерживал его против Кючлюга, против шаха Хорезма, и против хси-хсиа. В качестве награды Чингиз-хан намеревался выдать ему замуж одну из своих дочерей, любимую, Алатун-беки или Алтун-беки. Женильба никогда не имела места, сначала из-за смерти Чингиз-хана и затем из смерти самой принцессы. Барчук сам скоро после этого скончался и был унаследован как *идикут*, то есть, король уйгуров, его сыном Кишмайн, который отправился в монгольский двор за награждением великим ханом Огодаем.¹² Аналогично, после смерти Кишмайна монгольская королева-регентша Торагина даровала уйгурское королевство Саленди, его брату.¹³ Буддист Саленди, кажется, был враждебным по отношению к исламу и мусульмане жаловались на его жестокость. В споре между огодайцами и Монгку по поводу наследования в 1251, по-меньшей мере, кто-то один из окружения Саленди был на стороне дома Огодая. Действительно, один из его главных офицеров по имени Бала или Бела, был приговорен победителем Монгку к смерти вместе с сообщниками Огул Каймиш и бежал лишь по счастливой случайности. Саленди, чья совесть, возможно, была не совсем чиста, поспешил к двору с визитом покорности к Монгку (1252) и возвратился обратно из имперской *орды* лишь тогда, когда буря стихла. Мусульмане Уйгурии обвинили его в его желании их убить и привели подробности. Массовое убийство должно было иметь место, утверждали они, «в пятницу в мечетях во время молитвы» в Бешбалиге и по всей стране. Один из представителей Монгку, как это оказалось, мусульманин по имени Саиф ад-Дин, который находился в Бешбалиге в это время, получил это обвинение и обеспечил возвращение Саленди в Каркорум для отчета по событиям великому хану. Несчастный уйгурский принц, допрашиваемый под пыткой, сделал желаемое признание. Монгку отправил его обратно в Бешбалиг страдать от своего наказания. D'Ohsonn комментирует это: «Он был обезглавлен в пятницу его братом Укений¹⁴ в присутствии огромной толпы и к великому удовольствию мусульман, которые были воодушевлены казнью этого буддийского принца». В самом деле, Саленди был казнен как сторонник дома Огодая и его брат был поставлен на его место как приверженец Монгку; однако, эта семейная ссора дала мусульманскому

меньшинству в Уйгурии возможность взять реванш над буддийским большинством (1252).¹⁵

Правление Алгу: попытка ягатайцев стать независимыми

Органа, которая описывается как красавица, мудрая и проницательной принцессой, правила ханством Ягатая с 1252 до 1261. В этот последний год, ханство начало еще более чувствовать отзвуки конфликтов в Монголии по вопросу о верховном ханстве, в данном случае, соперничество между великим ханом Кублаем и его братом Арик-бога. Арик-бога, который в то время был хозяином Монголии, номинировал в качестве «хана ягатаев» внука Ягатая и сына Байдара, принца Алгу или Алугу, и дал ему задание охранять границы Аму-Дарьи с целью воспрепятствования Гулюгу, хану Персии, в отправлении подкреплений Кублаю. Алгу поэтому направился в Бешбалиг, снял с правления Органу и был принят без возражения повсюду от Алмалыка до Аму-Дарьи. Его правление продолжалось с 1261 до 1266, однако, оно было весьма отличным от той линии, которую обрисовал ему Арик-бога.

Воспользовавшись борьбой между Кублаем и Арик-бога, Алгу действовал как автономный хан и был первым из своего дома, который делал такое. Его сюзерн Арик-бога отправлял комиссаров ягатаям для сбора налогов и накопления вооружений и скота. Алгу, завидуя этому богатству, захватил его, казнил послов и объявил себя сторонником Кублая (прибл. 1262). Арик-бога рассвирепел от этого предательства и пошел войной против Алгу. Однако, Алгу сделал хорошее начало, разбив авангард противника около Пулада или Болода, между Сайрам Норм и Еби Норм. Затем, поверив в свою безопасность после этой победы, он совершил ошибку, отпустив свои войска и мирно возвратившись в свои штаб-квартиры на Или. В это время другой из помощников Арик-бога прибыл со свежей армией, вторгся в бассейн Или, занял Алмалык и вынудил Алгу бежать по направлению к Кашгару и Хотану. Арик-бога затем пришел сам для зимовки в стране Алмалык, в сердце ягатаевского улуса, в то время как Алгу отступил к Самарканду (прибл. 1262-63). Арик-бога так жестоко вел себя в этом прекрасном регионе Или,

опустошая деревенские местности и убивая всех сторонников своего врага, что наступил голод и большое число его собственных офицеров дезертировало со своими войсками. Видя, что его армия тает на глазах, он попытался заключить мир с Алгу. С ним была принцесса Органа, которая пришла протестовать против ее удаления из ханства Ягатай и поэтому он назначил ее и Масуда Ялавача послами для доставки предложений для Алгу в Самарканд. Однако, здесь события приняли драматический оборот. По прибытию Органы, Алгу женился на ней и назначил Масуда в качестве своего министра финансов. Поддержка Масуда была бесценной. Этот мудрый администратор преуспел в сборе существенных взносов из Бухары и Самарканда, таким образом, позволив Алгу и Органе собрать хорошую армию. Алгу затем был способен отразить вторжение огодаевского принца Кайду, который пришел из своих владений в Имиле. Между тем, лишенный ресурсов и атакованный на западе Алгу и на востоке Кублаем, Арик-бога был вынужден в 1264, как мы видели, сдаться Кублаю.¹⁶

Результатом этих событий было *де факто*, если не *де юре*, освобождение ханства ягатаев от жесткого контроля великих ханов. Масуд Ялавач (ум. 1289), который до этого возглавлял администрацию Бухары и Самарканда от имени великих ханов, отныне собирал налоги здесь в пользу Алгу. Алгу также расширил территории своего ханства путем войны против Берке, хана кипчаков, у которого он захватил Отрар, который он разрушил, и провинцию Хорезм.¹⁷

После смерти Алгу (1265 или 1266) его вдова Органа поставила на трон своего сына от первого брака (сын Кара-Гулюгу), Мубарак-шаха, который был первым ягатаем, принявшим ислам под влиянием Трансоксонии. (Ямал Карши дает дату его вознесения на трон мартом 1266). Однако, Барак, другой ягатаец, внук Мутигена, получил *ярлык* от великого хана Кублая, назначаившего его со-регентом вместе с его двоюродным братом Мубараком.¹⁸ Сразу в Или Барак завладел войсками, захватил самого Мубарака в Ходженте (согласно Ямала Карши, сентябрь 1266), низложил его и понизил до уровня хозяина королевской охоты. Хотя он своим тронном был обязан Кублаю, Барак скоро поссорился с ним. Великий хан назначил своего агента Моголтая для управления китайским Туркестаном. Барак прогнал этого сановника и заменил его своим собственным человеком.

Кублай направил соединение в 6 000 всадников для восстановления снятого губернатора, однако Барак встретил его с 30 000 солдатами, вынудив кавалерию Кубла

я отступить без боя. Барак также отправил войска для грабежа города Хотан, который находился под властью Кублая.

Ханство Ягатай под протекторатом Кайду

Против Кайду Барак был менее удачлив. Выше отмечалось, как Кайду, глава дома Огодая и правитель Имиля в Тарабагатае, соперничал с Кублаем за овладение титулом великого хана и за протекторат над другими чингизидскими *улусами*. Он начал с требования визита покорности Барака и атаковал его. В первой битве около Аму-Дарьи, Барак заманил врага в засаду и взял много пленных и трофея. Однако, Кайду получил поддержку Мангу Темира, хана кипчаков, который направил армию из 50 000 человек под командованием принца Беркияра против Барака. Разгромленный этим вождем в крупном сражении, Барак ушел в Трансоксию, где, с помощью дальнейших грабежей Бухары и Самарканда он был в состоянии реорганизовать свою армию. Он готовился для самых больших усилий, когда Кайду предложил ему мир. Кайду, который хотел иметь свободу действий для свержения Кублая в Монголии, позволил Бараку удержать Трансоксию. В ответ, Барак должен был отдать Кайду в фактическое владение регион Или и восточный Туркестан, и даже в Туркестане он должен был признать себя вассалом Кайду. Согласно Вассафу, по поводу этого великого примирения состоялся курултай в катванской степи, севернее от Самарканда, около 1267, хотя Рашид ад-Дин утверждает, что он имел место в Таласе весной 1269.¹⁹ Бартольд пишет: «Таким образом под протекторатом Кайду была создана империя в Центральной Азии, полностью независимая от великого хана Кублая. Все принцы [которые принимали участие в этом соглашении] должны были считать себя как кровные братья (*анда*). Имуущество городов и деревенского населения должны были быть защищены и принцы должны были быть довольны пастбищами в степях или горах и держать стада кочевых дальше от обрабатываемых земель. Две трети земель Трансоксонии

были оставлены за Бараком, но там администрация сельскохозяйственных земель было доверено Масуду [Ялавач] самим Кайду».

Для того, чтобы держать Барака по-дальше от восточного Туркестана, Кайду, теперь его сюзерн, отправил его завоевать ханство Персии у дома Гулюгу, представленного тогда ханом Абака, сыном Гулюгу и его наследником. Вновь, несмотря на увещевания Масуда, Барак наложил непомерными налогами городских жителей Бухары и Самарканда для того, чтобы снабдить свою армию и, за мольбы Масуда, он отплатил тем, что опустошил эти два города полностью. Затем он пересек Аму-Дарью и устроил свой лагерь около Мерва, назначил в качестве командующих армии отличившихся в боях чингизидских принцев, включая Бури и его двоюродных братьев Никпай Огула и Мубарак-шаха (предшественник того, которого он сместил).²⁰ Его первой целью было завоевание Афганистана, которого он, несомненно, домогался на основе смерти своего деда Мутугена во время осады Бамиана в 1221.

Кампания началась хорошо. Около Герата Барак нанес поражение принцу Бучину, брату Абака и губернатору Хурасана. Он занял большую часть провинции (около мая 1270), ограбил Нишапур и вынудил Шамс ад-Дин Мухаммад Керта из Герата придти к нему с визитом покорности и заплатить дань. Однако, Абака, хан Персии, который поспешил из Азербайджана, вовлек его в ловушку около Герата и, 22 июля 1270, нанес ему сокрушительное поражение. Барак с остатками своей армии возвратился в Трансоксонию. Искалеченный падением со своего коня, он провел зиму в Бухаре, где он принял ислам под именем султана Гият ад-Дина.

Несчастье Барака убедило его родственников-принцов и вассалов прекратить оказывать ему поддержку. Поэтому он отправился в Ташкент молить о помощи у своего сюзерна Кайду. Кайду выступил с 20 000 человек, меньше для помощи ему, а больше для извлечения пользы от его неудач. Барак, говорят, умер от страха, или осмотрительно был убит людьми Кайду, в то время, в момент прибытия его сюзерна (согласно Ямалу Карши, 9 августа 1271).²¹

После смерти Барака его четыре сына объединились с двумя сыновьями Алгу для того, чтобы освободить Трансоксонию от армий Кайду, однако, они были последовательно разбиты, хотя и имели возможность грабить трансоксониевские

города, начавшие процветать под мудрой администрацией Масуда Ялавача. Ни одному из них Кайду в 1271 не отдал ханство Трансоксонии. Он отдал его другому ягатаецу по имени Никпай Огул. Когда Никпай Огул попытался освободиться от гнета Кайду, то последний его убил и на его место поставил Тука Тимура, другого принца того же дома и внука Бури (прибл. 1274?).²² Тука Тимур скоро после этого умер и Кайду отдал трон сыну Барака Дуве (прибл. 1274?). Между тем, Абака, хан Персии, который не позабыл агрессивный акт от 1270, взял реванш за него. В конце 1272 он отправил армию в Хорезм и Трансоксонию, где она опустошила Ургенч и Хиву и 29 января 1273 вступила в Бухару. Грабеж и пожары продолжались целую неделю и население, которое не сумело бежать, было истреблено.²³ Армия династии Гулюгу увела с собой в Персию 50 000 пленников.

Из таких событий можно видеть те ужасающие условия, в которые было поставлено городское население кочевым господством. Кочевые вожди, когда не разрушали свои собственные города, сделали из споров, разъединяющих семей, повод для похода в города, зависимые от противной стороны, и их разрушения.

После отбытия захватчиков, Масуд опять перестроил из руин, которые монгольские гражданские войны периодически оставляли за собой, несчастные трансоксонские города. Он был вынужден продолжать эту задачу до своей смерти в октябре или ноябре 1289. Его работу продолжали его три сына, которые, в свою очередь, управляли Бухарой и Самаркандом: Абу Бакр до мая или июня 1298, Сатилмиш-бек до 1302 или 1303 и затем Суюнитч.²⁴ Однако, они также, зависели, в обход ягатаев, от ужасного Кайду, который назначил первых двух, в то время как третий был поставлен на этот пост Чапаром, сыном и наследником Кайду.

Дува, который, несомненно, получил свой урок на примере своих предшественников, показал себя верным вассалом Кайду. Когда уйгурский идикут подтвердил свою преданность к великому хану Кублаю, то Кайду и Дува вторглись в Уйгурию в 1275 для того, чтобы заставить его перейти на их сторону. Затем они отправились в поход против его столицы (Бешбалиг), но императорская армия подошла во время и освободила уйгурскую территорию.²⁵ В 1301 Дува опять действовал как блестящий, после Кайду, командующий в последних битвах против армий императора Темира, наследника Кублая, в регионе чангайских гор, к западу

от Карокорума. Так, в сентябре 1298 Дува захватил в плен зятя Темира, христианского онгута принца Коргуза, которого он варварски убил. После этой удачи Дува приготовился атаковать имперские границы между Турфаном и Кансу, однако его армия была застигнута врасплох и изрезана на куски имперскими силами.²⁶ В тот момент Кайду и Дува оказались под угрозой фланговых атак со стороны хана Белой Орды (восточная ветвь семьи Жучи) Баяна или Наяна, который правил к северо-западу от озера Балхаш и к северу от Аральского моря. Наконец, в 1301 Дува посетил Кайду в экспедиции, организованной для завоевания Карокорума у имперских сил и таким образом был втянут в поражение, нанесенное огодайскому анти-цезарю между Карокорумом и Темиром в августе того же года.²⁷ Как отмечалось, Кайду умер во время отступления.

Кайду, которого видели лишь беглецы в истории династии Юань, кажется, был наиболее выдающимся принцем сильной личности: типа неудавшегося Гуюка. Этот последний крупный член дома Огодая по любому счету имел в нем материал для владыки. Мудрые меры, которые он наложил на Алгу для защиты сельскохозяйственного населения и городов Трансоксонии доказывают его видение за пределами обычных разбойных рейдов кочевых.²⁸ Сорок одно сражение, в которых он принял участие (он также был членом великого похода в Польшу и Венгрию в 1241), показали его настоящим полководцем.²⁹ Он один во всей Азии был в состоянии угрожать удачам великого Кублая, который, даже в зените своей власти, никогда не смог уничтожить его. Теплый прием, который он устроил несторианским странникам Раббану Сауме и Маркусу, и надежды, которые питал папа Николас IV по отношению к нему (он писал ему 13 июля 1289, уговаривая его принять католичество), показывают, что подобно всем старым монголам, он симпатизировал к христианству.³⁰ Его неудачей было то, что он пришел слишком поздно, когда Кублай твердо установился в Китае и когда другие чингизидские ветви были уже наполовину китаизированы, тюркизированы или иранизированы. Во многом этот последний хан Центральной Азии был также последним из монголов.

Ханство Ягатай в своем зените:

Дува, Эсен-бука и Кебек

Дува до конца верно следовал за Кайду. Смерть его грозного сюзерна, возможно, пришла как облегчение, но он видел в ней также то, что должен сделать переход плавным. Кайду оставил сына Чапара, который унаследовал все его титулы. Дува признал его сюзернство, но крупный огодаевский наследник не имел дара, чтобы сохранить империю, созданную искусственно его отцом. Дува начал подумывать, что он должен признать сюзернство императора Темира и в августе 1303 оба они признали покорность к Пекину, таким образом поставив конец гражданской войне, которая шла в Центральной Азии в последние сорок лет, и установив вновь монгольское единство.³¹ Однако, как только он уверовался в поддержке империи, Дува порвал с Чапаром. Армии двух принцев столкнулись между Ходжендом и Самаркандом и Чапар был первым, потерпевшим поражение. Во втором сражении, однако, брат Чапара Шах-Огул взял верх. Затем Дува предложил возобновить их старую дружбу и было договорено, что Дува и Шах-Огул должны встретиться в Ташкенте для обсуждения спорных вопросов. Однако, Шах-Огул, с обычной для кочевых поспешностью, распустил некоторые из своих войск. Дува прибыл в Ташкент со всеми своими силами, взял Дуву неожиданностью и нанес ему поражение. Затем он захватил города Чапара Бенакет и Талас. Чапар, который стоял лагерем между Черной Иртышью и Юлдузом, кажется, не знал об этой хитрой игре, когда упала первая стрела: войска императора Темира из Карокорума пересекли южный Алтай и напали на него с тыла. Несчастному Чапару не оставалось ничего, кроме как сдаться Дуву. Дува обращался с ним с уважением, однако, захватил все его владения. Таким образом, ягатаи, однажды ограниченные Трансоксонией домом Кайду, вновь возвратили себе Или и Кашгарию и установились как хозяева на всем своем первоначальном наследстве (прибл. 1306).³²

Дува имел мало времени, чтобы наслаждаться своей удачей и умер к концу 1306. Его старший сын Кунюк (Кундюк) занял трон не более чем на год с половиной. После его смерти власть захватил Талику, внук Бюри. D'Ohsson пишет

Ханство Ягатай между 1230 и 1365

о нем: «Он был принцем, состарившимся в войне. Соблюдая ислам, он боролся за его распространение среди монголов».³³ Однако, сторонники семьи Дувы восстали против него и один из них убил его во время банкета (1308 или 1309). Заговорщики затем объявили ханом Кебека, младшего сына Дувы. Между тем, эти волнения в некоторой степени вдохновили огодайского претендента Чапара, который ранее был побежден и ограблен Дувой. Чапар напал на Кебека, но был разбит; он пересек Или и нашел убежище во дворе Хайшана, монгольского императора Китая. После этой победы, которая поставила точку всей борьбе дома Огодай, ягатайские принцы созвали великий *курултай*, на котором они решили назначить в качестве хана одного из сыновей Дувы, находящегося тогда во дворе Пекина, принца Есен-буга или Есен-бука. Есен-бука тогда прибыл по своей воле, говорит Вассаф, овладеть трон, которого уступил ему его брат Кебек. После смерти Есен-бука около 1320 Кебек возвратил себе власть.³⁴

Несмотря на эти изменения среди личностей, ягатайцы, восстановленные Дувой до вершины их верховной власти, начали оказывать влияние на внешний мир. Любая экспансия по направлению к Китаю или арабо-каспийским степям и Персии (где глубоко закопались дома Кублая, Жучи и Гулюгу) для них была запрещена и поэтому они обратили свои взоры на Афганистан и Индию. Ханы Персии, чей двор находился на другом краю Ирана, в Азербайджане, обращали мало внимания на афганские дела. Ягатайцы воспользовались этим обстоятельством для того, чтобы вступить в Бадахшан, Кабул и Газни. Правда, в западном Афганистане было образовано сильная и легко приспособляющаяся форма национального государства, управляемая афгано-горидской династией кертов, которые, находясь под протекторатом ханов Персии, фактически были

автономными. Будучи не в состоянии сделать что-либо здесь, прошли в западный Афганистан и оттуда совершали доходные рейды в северо-восточную Индию. В 1297 Дува опустошил Пунджаб, но был отогнан. Империя Дели, управляемая в это время султаном Ала ад-Дин Хилджи (1295-1315), на самом деле, являлась мощной военной монархией, против которой все атаки ягатаев потерпели крах; тем не менее, нет сомнения в том, что в одно время опасность была настолько большой, что потребовались огромные усилия султану и его мамелюкам, чтобы противостоять против нее. Современники даже верили, что, в конечном счете, через три четверти века Индия уступит чингизидской агрессии.

Кутлук-ходжа, один из сыновей Дувы, расположился в восточном Афганистане. Он еле не захватил в свои владения город, когда он вел грабительскую экспедицию до самых ворот Дели (прбл. 1299-1300?). В 1303 последовало другое ягатайское вторжение под руководством принца Тургая со 120 000 человек.³⁵ Монголы расположились лагерем под стенами Дели и блокировали его в продолжение двух месяцев. Затем, опустошив весь регион, эта огромная армия отступила, по-видимому, из-за отсутствия осадных машин, и возвратилась в Афганистан. В 1304 случилось другое вторжение. Сорок тысяч монгольских всадников ограбили Пунджаб, севернее от Лахора и продвинулись до Амроха, восточнее от Дели, где они, наконец, были разбиты Тугулгуом, помощником султана Ала ад-Дина. Девять тысяч монгольских пленных были растоптаны до смерти слонами. В отместку за их смерть, ягатайский принц Кебек (позднее хан) опустошил регион Мултана, однако, когда возвращался был взят врасплох на берегах Инду Тугулугом, которые сотворил крупную резню монголов (1305-6). Еще раз пленные были отправлены назад в Дели для растаптывания слонами.³⁶

Для ханов Персии образование этого ягатайского владения в восточном Афганистане, возглавляемого сыном и наследником Кутлук-ходжи, Давуд-ходжой, было вторжением В 1313 Олжаиту, хан Персии, отправил армию, которая вытеснила Давуд-ходжу и вынудила его отступить в Трансоксию. Давуд-ходжа отправился молить о помощи у своего дяди и сюзерна Есен-буки, хана Ягатая. Есен-бука отправил армию против ханства Персии под командованием своего брата Кебека и Давуд-ходжи. Два командира пересекли Аму-Дарью, разбили

армию врага в Мургабе и ограбили Хурасан до самого Герата (1315).³⁷ Однако, они были вынуждены уступить свое завоевание, поскольку ханство Ягатай подверглось к нападению с тыла монголами Китая. Есен-бука, фактически, оказался обремененным одновременно другой войной, против двора Пекина, и был разбит имперскими войсками под командованием *чен-хсиан* Тогачи «около холмов Тэнгри», несомненно, между Кучой и Иссык-кулем. В отместку, он убил послов великого хана (в то время им был Буянту [или Аюурпарибхадра]), которые возвращались из Персии во двор Пекина, вследствие чего имперская армия Тогачи вторглась в ханств Ягатай и опустошила как зимние квартиры Есен-буки на Иссык-куле, так и его летнюю резиденцию на Таласе. Заключительным аккордом ко всему было то, что ягатайский принц по имени Яссагур поругался с Есен-букой и Кербек, пересек Аму-Дарью со всеми своим приверженцами, среди которых были много личностей из Бухары и Самарканда. Здесь он предложил себя хану Персии, который расположил этих новых пришельцев в ягатайском владении в восточном Афганистане: в Балхе, Бадахшане, Кабуле и Кандагаре (1316).³⁸ Однако, скоро после этого, Яссагур поднял мятеж против хана Персии и захватил часть Хурасана (1318). Однако, Кербек, хан Ягатай, который стал преемником своего брата Есен-буки, был личным врагом Яссура и он предложил свою помощь хану Персии для того, чтобы наказать его. Так, в то время как персидская армия выдвинулась атаковать Яссура с тыла, ягатайцы пересекли Аму-Дарью и напали на него с фронта. Покинутый своими войсками, Яссагур был убит при побеге (июнь 1320).³⁹

Согласно сохранившимся монетам, Кебек, кажется, правил до 1326. Значение его правления, как отмечает Бартольд, заключалось в том, что в противоположность к своим предшественникам, он проявил интерес к древней цивилизации страны или Трансоксонии и к жизни городов: «По соседству с Нахшебом или Насефом [к юго-западу от Самарканда] он сам построил имение, имя которого город носит поныне, Карши: монгольское слово, обозначающее дворец. Он пустил в обращение монеты, позднее названные *кебеки*, первые официальные деньги государства Ягатай. До этого времени на ходу были лишь

деньги отдельных городов или местных династий».⁴⁰ Тем не менее, несмотря на улады жизни в Трансоксонии, Кебек не принял ислам.

Раскол в ханстве Ягатай: Трансоксония и Могулстан

Кебека наследовали три его брата: Елджигидай, Дува-Тимур и Тармаширин. Первые два правили лишь несколько месяцев. Правление Тармаширина, кажется, было весьма значительным (прибл. 1326-33?). В 1327 он возобновил традицию крупных грабительских экспедиций в Индию. Он проник до Дели и, согласно некоторым источникам, отступил лишь после оплаты крупной дани. Другие источники утверждают, что султан Дели, Мухаммад ибн-Туглуг, отразил его атаку и преследовал его до самого Пунджаба.⁴¹

Следует отметить, что Тармаширин, несмотря на его буддийское имя (выведено из санскритского Дхармасри), принял ислам и стал султаном Ала ад-Дином. Однако, в то время как это обращение, возможно, подходило жителям Трансоксонии, оно вызвало недовольство кочевых Иссык-куля и Или, которые рассматривали его как нарушение чингизханского *ясака*. Поднялось восстание в тех краях против Тармаширина (около 1333-34), которое закончилось восхождением нового хана, внука Дувы, Йенкши (Диенкши), который правил в долине Или с 1334 до 1338. Антимусульманская реакция, характеризующая это правление, доброжелательно относилась к несторианцам, всегда многочисленной в старых христианских общинах Алмалыка и Пишпека.⁴² Это обстоятельство также было выгодно для католических миссионеров, которые за несколько месяцев могли больше молиться и строить церкви. Один из сыновей хана Йенкши, семи лет, говорят, даже был крещен (именем Джона) с согласия своего отца.⁴³ В 1338 папа Бенедикт XII смог опять назначить епископом «Армалеха», то есть, Алмалыка, францисканца Ричарда из Бургундии. Тем не менее, почти сразу же после этого, около 1339 или 1340, Ричард погиб смертью мученика от рук мусульман Или вместе со своими товарищами по апостольству Францисом из Александрии, Паскалем Испанским, Лауренсом из Анконы и братом Петром, «индийским»

братом, который работал в качестве переводчика, и купцом Джилотто.⁴⁴ Правда, на следующий год на долину Или прибыл папский легат, Джаованни де Маригнолли. Он был направлен, как мы видели, в качестве официального миссионера к великому хану Пекина через Каффу, ханство кипчаков и ханство Ягатай. Во время своего пребывания в Алмалыке он проповедывал, построил или реконструировал церковь и крестил большое количество людей.⁴⁵ Его положение посла к великому хану определенно вызвало к нему уважение на месте, где были убиты его предшественники, однако, после его отъезда христианство Алмалыка быстро расстаяло. Остатки древнего несторианского центра Или не выдержали преследования тимуридов.⁴⁶

Трансоксония под правлением Эмира Казгана

Теперь старое ягатайское ханство было расколото на две части, находящиеся под правлением различных ветвей правящей семьи и стало Трансоксонией и иссык-кульской страной Могулстан между Таласом и Манасом.

Правителем Трансоксонии был хан Казан (прибл. 1343-46), сын Яссаура, столицей которго был Карши. Имя *Зафер*, характеризует его как тирана,⁴⁷ и он, действительно, кажется, пытался подавить неподчинение тюркской знати Трансоксонии, которая поставила его на трон. Руководителем этих знатных людей в то время был эмир Казган, чье владение находилось около Сали-Сарая на северном берегу Аму-Дарьи, немного к юго-востоку от современного Кабодиана (Микоянобад) и , соответственно, от Кундуза. Он восстал против Казана, который выиграл первую битву, состоявшуюся севернее Железных Ворот между Термезом и Карши, поразил Казгана, говорят, стрелой в глаз. Однако, вместо того, чтобы воспользоваться своим превосходством, Казан отправился провести зиму в Карши, где некоторые его войска покинули его. Эта беззаботность оказалась смертельной. Он еще раз был атакован Казганом, который разбил и убил его около этого города (1346-47).⁴⁸

Казган, ныне действительный хозяин Трансоксонии, не стал колебаться для того, чтобы порвать с законной династией Ягатай и отдал трон Трансоксонии, трон

марионетки, в любом случае, потомку Огодая по имени Данишмендия (прибл. 1346-47). Однако, царетворец затем убил своего короля и, обратившись еще раз к ягатайцам, выбрал Буян-кули, внука Дувы, для занятия бесхозного трона (1348-58). Похвалы, расточаемые в адрес Буян-кули, называя его именем *Зафер*, указывают на то, что тот был послушным инструментом, как того желал Казган.⁴⁹

На самом деле, ягатайцы Трансоксонии стали не более чем пешками. Власть перешла в руки местных тюркской знати: сегодня - Казгана, завтра – Тамерлана. Это, так называемое монгольское ханство было, на самом деле, тюркским владением. Правление Казгана (1347-57) не было бесславным. Он начал делать мощь Трансоксонии чувствительной для Ирана. Иранский король Герата Хусаин Керт совершил дерзкое ограбление округов Андхоя и Шебургана, которые, хотя и находились к югу от Аму-Дарьи, но были зависимы от Трансоксонии. Каган, взяв с собой короля-марионетку Буян-кули, заблокировал Герат (1351) и заставил Керта признать себя вассалом и в таком качестве нанести ему визит покорности в Самарканде.⁵⁰ Таким образом, в тот самый период, когда исчезновение монгольского ханства Персии произвело неожиданную иранскую реставрацию в восточном Иране (керты в Герате, Сарбедарианы в Себзеваре и музаффариды в Ширазе), Казган, истинный предшественник Тамерлана, вмешался в ход событий во главе трансоксонийской знати для восстановления тюркской верховной власти.

Казган был убит в 1357⁵¹ и его сын Мирза Абдал-лах оказался неспособным продолжать его дело. Завидуя жене хана Буян-кули, он убил в Самарканде этого принца (1358), таким образом вызвав недовольство трансоксианских феодалов и враждебность Баяна Селдуза, и даже больше, враждебности Хаджи Барласа, дяди Тамерлана, хозяина Кеша, современного Шахр-и Себз («Зеленый город»), южнее Самарканда. Эти двое преследовали Абдаллу до Андереба, севернее Хиндикуша, где он и умер.⁵² Такие конфликты между трансоксонийскими лордами ослабили их власть и спровоцировали неожиданную реакцию чингизидов.

Туглук Тимур: воссоединение ханства Ягатай

В то время как ягатайская ветвь Трансоксонии разрушалась в линию марионеточных королей на службе у тюркских феодалов, кочевые «Моголистана», то есть, Таласа, верхнего Чу, Иссык-куля, Или, Эби Нора и Манаса, после периода анархии, восстановили ягатайское царство. Главным монгольским кланом региона был тот, что из Дуглатса или Дуклатса, который обладал огромными владениями и в Моголистане вокруг Иссык-куля, и в Кашгарии, которое тогда было известно как Алти-шахр, «шесть городов».⁵³ В середине четырнадцатого века Дуглат кланом руководили три брата, Тулик, Булажи или Пуладши и Камар ад-Дин; и они были действительными хозяевами земель. Около 1345, согласно *Ta'rikh-I Rashidi*, Булажи доминировал на землях от Иссык-куля до Кучи и Бугура, и от границ Ферганы до Лоб Нора с Аксу в качестве своей базы.⁵⁴ Именно он взял на себя инициативу в поиске некоего члена ягатайской линии, который не был бы обременен Трансоксонией для того, чтобы поставить его во главе восстановленного ханства Или, тогда известного как Моголистан.

Некоторый Туглук Тимур, якобы, сын Есен-бука, жил тогда незаметно в восточной части Моголистана и за ним числились легендарные авантюры. Именно этого ягатайца, независимо оттого, был ли он подлинным или подложным, позвали теперь к Булажи.⁵⁵ Он принял его с формальностями в Аксу и провозгласил его каганом. Тулик, старший брат Булажи, стал *улус-беги* или первым эмиром империи.

Если Дуглатсы хотели не более чем пешку для розыгрыша ягатайской легитимности против оппозиции, ягатайского наследия Трансоксонии, они явно должны были быть разочарованы. Туглук Тимур, кажется, был человеком сильного характера и дал себя почувствовать в каждой сфере жизни. Его правление (1347-63) имело большое значение, сначала с точки зрения религии. Хотя тюрко-таджики Трансоксонии или городское население Бухары и Самарканда являлись пылкими мусульманами, тюрко-монголы Моголистана или полу-кочевые Или и Аксу оставались, в большей части, «язычниками», т.е., буддистами или шаманистами. Однако, здесь также мусульманская пропаганда начала брать верх. Старейший из

дуглатов, эмир Тулик, живущий тогда в Кашгаре, принял ислам. Через три года Туглук Тимур, в выполнение своей клятвы, последовал его примеру, как повествует Ta'rikh-i Rashdi, в дни своего утомления. «Он принял обрезание и в тот же день 160 000 человек сбрили свои головы и приняли ислам».⁵⁶ Туглук Тимур, как следует из мемуаров Мухаммад Хайдар II Дуглата, был проницательным и энергичный руководителем. Безразличный к любому духовному отвлечению, кроме ислама, он определенно рассчитал выгоду от обращения в ислам для достижения своей цели – приобретения Трансоксонии. Бухара и Самараканд явно стоили молитв по корану. Во всяком случае, однажды консолидировав свое положение в Моголистане, Туглук Тимур намеревался предъявить свои требования к западной части старого ханства Ягатай. Условия для этого были благоприятными. Со времени высылки эмира Абдаллах ибн-Казгана, Трансоксония впала в состояние разделения и анархии. Два эмира Баян Селдуз и Хажжи Барлас взяли верх над Абдаллахом, однако, были не в состоянии править твердо и настойчиво. Баян Селдуз, которого *Зафер-имья* описывает как «милосердным и с добрым характером», был бездеятельным из-за постоянного пьянства. Хажжи Барлас, хотя и крепко держался в своем уделе Кеш, проявлял себя слабохарактерным. Наконец, остальная Трансоксония была расколота среди бесчисленных тюркских феодалов. Кажется, время назрело для Туглука Тимура. В марте 1360 он вторгся в Трансоксонию, пройдя прямо из Ташкента к Шахр-и Себзу. Хажжи Барлас с войсками из Шахр-и Себза и Карши намеревался сперва оказать сопротивление; затем, в виду превосходства противника, он пересек Аму-Дарью и ушел в Хурасан.⁵⁷

Настолько победа Туглук Тимура была полной, что племянник Хажжи Барласа, наш Тамерлан, тогда двадцати шести лет, решил, что будет более благоразумным перейти на сторону победителя. Панегерик тимуридам, известный как *Зафер-имья* делает экстравагантные усилия показать, что это было сделано, мол, лишь для того, чтобы более эффективно сопротивляться вторжению, для чего Тамерлан согласился на иго и пошел с согласия своего дяди на добровольную ссылку.⁵⁸ Эти утверждения находятся в противоречии с контекстом. Тамерлан, в замен на свою покорность к Туглук Тимуру, получил во владение Шахр-и-Себз,

который до того принадлежал Хажжи Барласу. Когда после этого Туглук Тимур отбыл в Моголистан, Хажжи Барлас возвратился в Трансоксонию из Хурасана, разбил Тамерлана и заставил его не только восстановить Шахр-и-Себз, но возвратить его как послушный клиент. Так Барлас поступал лишь в свои молодые годы.⁵⁹ Однако, Туглук Тимур не задержался своим возвращением из Моголистана в Трансоксонию и со времени его вступления в Ходжент трансоксонская знать приняла его со всей покорностью. Баян Селдуз сопровождал его до самого Самарканда и в это время Хажжи Барлас пришел к нему с визитом покорности; однако, когда без промедления хан убил эмира Ходжента, Хажжи Барлас запаниковал и бежал в Хурасан, где он был убит разбойниками около Себзеvara (Шинданд).⁶⁰ В результате этого драматического эпизода Тамерлан стал главой клана Барласа, также как и неоспоримым хозяином владения Шахр-и Себз под покорно принятом сюзернстве хана Туглук Тимура. Внук Казгана эмир Хусаин сделал себе владение в северо-восточном Афганистане, включая Балх, Кундуз, Бадахшан и Кабул, на обеих сторонах Хиндукушей. Туглук Тимур пошел против него, разбил его на реке Вахш, вступил в Кундуз, начал продвигаться к Хиндукушам и в манере своего предка Чингиз-хана провел весну и лето в этой стране. При своем возвращении в Самарканд, он убил Баяна Селдуза и отправился назад в Моголистан, оставив в качестве наместника своего сына Иляс-ходжу и Тамерлана в качестве его советника. Поведение Тамерлана явилось достаточной гарантией его верности.⁶¹

Таким образом, старое ханство Ягатай было восстановлено под напористым и грозным ханом. Никто в это время не мог предвидеть, что лишь немного лет спустя Тамерлан, которого он сделал учителем своего сына и министром, прекратит восстановление ханства ягатайцев и заменит его новой империей. Однако, перед началом изложения истории трансоксонийского завоевателя, нам следует приступить к исследованию образования и падения монгольского ханства Персии.

9

Монгольская Персия и династия Гулюгу

Монгольский режим в Персии до прихода Гулюгу:

Чормаган, Баиджу и Елджигдай

После своего убедительного завоевания монголами и разрушения неохорезмского царства Джалал ад-Дина (стр. 288) Персия оставалась под импровизированным и несколько расчлененным режимом. Монгольская армия запада, расквартированная на нижней Куре и нижнем Арасе (Араксис) в арранской и муганской степях, все еще находилась под командованием генералов, которые владели полной властью: первый, Чормаган, разрушитель царства Джалал ад-Дина (1231-41) и затем, Баиджу, завоеватель селджукской Малой Азии (1242-56). Вассалы запада, грузинские принцы, селджукские султаны Малой Азии, армянские короли Силиции и атабеги Мосула, были непосредственно зависимыми от этого военного правительства на марше, как это было, по-меньшей мере, в ранние времена, для сообщения с латинским миром.

Чормаган, который, как отметил Пеллиот, имел двух несторианских братьев, был хорошо настроен по отношению к христианству.¹ Во время его командования, между 1233 и 1241, великий хан Огодай отправил сириакского христианина в Табриз, человека по имени Симеон, но более известного под его сириакским титулом Раббан-ата (в китайской транскрипции, Ли-пен-а-та). Раббан-ата позднее станет официальным лицом великого хана Гулюка по делам христианской религии.² Он прибыл в Персию с широкими полномочиями от Огодая и вручил

Чормагану имперские декреты, запрещающие уничтожение невооруженных христианских общин, которые признали монгольскую власть. Армянский летописец Киракос из Гании сообщает: «Прибытие Раббан-ата доставило христианам большое облегчение и спасло их от смерти и рабства. Он построил церкви в мусульманских городах, где до прихода монголов было запрещено даже произносить имя Христа, в особенности, в Табризе и Нахичеване. Он построил церкви, соорудил кресты, заставил звучать гонги [эквивалент среди восточных христиан нашему колоколу] день и ночь и хоронить мертвых под чтение Библии с крестами, со свечами и песнопениями. Даже татарские генералы дарили ему подарки.» Миссия Раббан-ата означала, что монгольский режим, после первых массовых казней, предоставило намного больше благоприятных условий христианскому населению западного Ирана, чем те, которых они до этого знали.

Около 1241 Чормоган был подкошен онемением (несомненно, в результате паралича). Баиджу,³ который его заменил в 1242, был, по-видимому, менее расположен к христианам, или так кажется из приема, который он дал доминиканцу Асселину и его четырем компаньонам, которые были посланы папой Иннокентием IV. Асселин совершил путешествие через Тифлис, где к нему присоединился другой монах, Гуше из Кремона (с 1240 в Тифлисе действовал доминиканский монастырь). 24 мая 1247 он прибыл в лагерь Баиджу в арранском регионе к северу от Араса и к востоку от озера Гокча (Севан).⁴ Несколько недипломатично он увещевал монголов прекратить свои массовые казни и принять духовную власть папы; он также отказался от тройного коленопреклонения к Баиджу как представителю хана. Взбешенный этим Баиджу пригрозил казнить доминиканца. В этой связи в лагерь Баиджу 17 июля 1247 прибыл монгольский *missus dominicus* (посол от властелина), Елджигидай, который был направлен великим ханом Гулюком.⁵ Баиджу поручил Асселину доставить ответ папе на основе письма, которое было дано Гулюком Пиано Карпини в ноябре 1246 и содержание которого знал Елджигидай. Монголы заявляли, что их империя является всемирной по божественному праву и приглашали папу лично прибыть к хану с визитом покорности, отклонение от которого должно было рассматриваться как враждебный акт. Асселин покинул лагерь Баиджу 25 июля 1247 в

сопровождении двух «монгольских» послов, один с именем Айбег (Пеллиот полагает, что он, возможно, был уйгурским чиновником на службе у монгольской администрации), и другой – Саргис, христианин, несомненно, несторианец.⁶ Этот караван должно быть взял обычный путь Табриз, Мосул, Алеппо, Антиох и Акре. Из Акре в 1248 монгольские послы подняли паруса на Италию, где Иннокентий IV дал им продолжительную аудиенцию и где 28 ноября 1248 он вручил им ответ Баиджу.

Несмотря на отрицательный результат посольства Асселина, Елджигидай, который питал больше симпатий к христианам чем Баиджу, в конце мая 1248 отправил двух восточных христиан, Давида и Марка, к королю Франции Людовику IX с любопытным письмом, по-видимому, написанным на персидском, латинским переводом которого мы располагаем. В нем Елджигидай дает разъяснение миссии, порученной ему великим ханом Гулюком для освобождения восточных христиан от мусульманского рабства и предоставления им возможности исповедовать их религиозные обычаи без какого-либо вмешательства. От имени великого хана, «короля земли», он информирует своего «сына» короля Франции о монгольском намерении защитить всех латинских, греческих, армянских, несторианских и якобитских христиан. Людовик IX принял это «посольство» во время своего пребывания на Кипре во второй половине декабря 1248.⁷ Хотя и с некоторой осторожностью по поводу подлинности этой миссии, выходит, как думает Пеллиот, что Елджигидай тогда планировал нападение на халифат Багдада, действие, которое Гулюг успешно совершит десятью годами позднее, и что с такой мыслью он намеревался присоединиться к крестовому походу Св. Людовика начать войну против арабского мира в Египте. 27 января 1249 два «монгольских» христианина покинули Людовика и отплыли из Никозии на Кипре в сопровождении трех доминиканцев, Andre de Longjumeau, его брата Guillaume и Jean de Carcassone. Андре и его компаньоны, достигнув, несомненно, лагеря Елджигидая в апреле или мае 1249, были затем отправлены в монгольский двор, возглавляемый тогда королевской регентшей Огул Каймишом, и расположенный в старом огодайском уделе на Имиле и Кобаке в Тарабагатае. Они возвратились к Св. Людовику в Каесарии в апреле 1251.⁸

Елжигидай, доверенный советник великого хана Гулюка, был включен в генеральный список для выборов великого хана Монгку со стороны сторонников огодаевской ветви⁹ (см. стр. 301). Между серединой октября 1251 и серединой февраля 1252 Монгку арестовал его и казнил.¹⁰ Баиджу был оставлен в одиночестве для военного управления приграничными регионами, в качестве которого он оставался до прибытия Гулюгу в 1255.

Действия Баиджу в Грузии и Малой Азии были решительными. После смерти Русуданы, королевы Грузии, которая всегда раздражала его своим упрямым отказом уступать монголам, он намеревался отдать корону ее племяннику Давиду Лаше, который был более гибким. Однако, Батый, хан кипчаков, взял под свое покровительство сына Русуданы Давида Нарина. Два претендента на престол отправились к великому хану Гулюку в Монголию (1246) для решения их судьбы. Уже сообщалось, что он определил владения для каждого из них, отдавая Каритлию Лаше и Имеретию Нарину.¹¹

Аналогичное посредничество было оказано по селджукскому султанату Малой Азии. В 1246 великий хан Гулюк наградил тронм молодого принца Килич Арслана IV (он посетил его в Монголии), предпочитая его перед его старшим братом Каи-Кавусом II. В тоже самое время Гулюк установил ежегодную дань для селджуков в размере: «1 200 000 гиперперов (6 миллионов дукатов), 500 кусков шелка, набитого шерстью и золотом, 500 коней, 500 верблюдов, 5 000 малого домашнего скота (овцы, козы и др.) и, в дополнение к ним, подарков, равных по цене самой дани». В 1254 великий хан Монгку решил, что Каи-Кавус должен править к западу от Кизил Ирмака и Килич Арслан – к востоку от него; однако, два брата вступили в войну друг с другом и в результате победил Каи-Кавус, который взял в плен своего брата. В 1256, потеряв терпение от задержки уплаты дани, Баиджу атаковал и разбил Каи-Кавуса около я, после чего султан бежал к грекам Никии и монголы поставили на его место Килич Арслана. Скоро после этого Каи-Кавус возвратился назад и, в конечном счете, согласился разделить королевство между собой и братом на основе решения Монгку.¹²

В целом, монгольское сюзернство было урывками чувствительным в этих пограничных регионах юго-запада. Как Чормоган, так и Баиджу, твердо управляя

вассальными государствами, постоянно были вынуждены связываться с двором Карокорума, откуда из-за больших расстояний решения запаздывали на месяцы и куда вассальные принцы, подобно послам, вынуждены были отправляться решать свои дела через территории, где шли опасные семейные восстания чингизидов.

Монгольский режим в Персии до Гулюгу: Коргуз и Аргун Ага

В это время появлялись рудименты гражданской администрации в Хурасане и Ираке Аджамии. В 1231 монгольский генерал Чинтимур ликвидировал последние очаги хорезмского сопротивления в Хурасане, в то время как на северо-западе Чормаган свергал Джалал ад-Дина. Это был Чинтимур, которого великий хан Огодай в 1233.назначил губернатором Хурасана и Мазандерана.¹³ В это время его функции ограничивались сбором налогов. Сбор налогов, которые были разделены между великим ханом и вождями трех других чингизидских улусов, вымогаемые из данной несчастной провинции с жестокостью, сопровождаемой массовыми казнями и преследованиями в предшествующие годы, полностью разрушили эти земли. Однако, даже такой губернатор, как Чинтимур, должен был использовать иранских ученых: его *шахиб-диван* или министр финансов был отцом историка Джуваини.¹⁴

Чинтимур, который умер в 1235, был наследован после короткого перерыва уйгуром Коргузом (1235-42), который, несмотря на свое христианское имя (Джордж), был буддистом. Он происходит из региона Бешбалиг (Кучен) и был известен среди уйгуров как ученый. По этой причине он был замечен во времена Чигниз-хана самим Жучи и ему было дано задание обучения детей Завоевателя уйгурской письменности. Благодаря протекции несторианского «канцлера» Чинкая, Огодай поручил Коргузу задачу переписи населения и обложения его налогом в Хурасане. «Каждый ноян, каждый офицер действовал как абсолютный хозяин в своем округе и присваивал большую часть доходов в свою пользу. Коргуз положил конец такому режиму и заставил их изрыгаться. Он защищал жизнь и

имущество персиян против тирании монгольских чиновников, которые с этого времени не могли по своему желанию отрезать головы для своего удовольствия».¹⁵ Хотя он был буддистом, но стал защитником мусульманских элементов и в конце концов, сам стал мусульманином. Осев в Тусе, который он восстановил, этот умный, искусный и энергичный уйгур пытался создать регулярную администрацию и то, что можно называть, гражданской службой во благо иранского населения и монгольской казны. Именно в большей части, благодаря его инициативе великий хан Огодай приказал восстановить Хурасан в 1236. В результате Герат вновь начал заселяться. Однако, после смерти Огодая монгольские чиновники, чьи опустошения он приостановил, доставили его к королеве-регентше Торагане и затем отправили его к Кара-Гулюгу, внуку Ягатая, против которого он выступал и который его казнил (1242).¹⁶

Торагана доверила администрацию Хурасана и Ирака Аджами оирату Аргун Аге, похоже, избранного за его знание уйгурской письменности и из-за такого знания он служил в канцелярии Огодая.¹⁷ Во время его губернаторства (1243-55) Аргун Ага пытался, как и Коргуз, защищать иранское население от налоговых злоупотреблений и вымогательства монгольских чиновников. К удовольствию великого хана Гуюка, он отозвал денежные знаки, исключения и патенты, которые молодые чингизиды издавали так слепо и в таком изобилии, чтобы, благодаря которым они могли нырять в монгольскую казну. Он нашел не поддержки со стороны великого хана Монгку, чей двор он посетил в 1251. По его просьбе Монгку расширил до Персии систему, которая уже была установлена в Трансоксонии Махмудом и Масуд Ялавачами вместо хаотических финансов ранних дней завоевания. Так, он ввел подушный налог, пропорциональный средствам налогоплательщика, доходы от которого он использовал для содержания армии и имперской почтовой службы. Аргун Ага умер около Туса в 1278 в преклонном возрасте. Его сын был знаменитым эмиром Наурузом, который на короткое время стал наместником Хурасана.¹⁸

В 1251 великий хан Монгку доверил провинцию Герат, поднимающегося тогда из руин, хозяину округа Гхор, Шамс ад-Дин Мухаммад Керту, афганцу по национальности, суннитскому мусульманину по религии, который прибыл в

Монголию с визитом покорности ко двору. Шамс ад-Дин был внуком знатного человека, прикрепленного к последнему гхоридскому султану восточного Афганистана и получившему в наследство округ Гхор в 1245. Кертские принцы, которые носили титул малик (король), были вынуждены рассчитывать на добрую волю своих монгольских хозяев благоразумным и находчивым поведением, маневрировать без корблекрушения среди чингизидских войн, и, наконец, в своем маленьком королевстве Герат выживать во время монгольского господства (1251-1389). Долгое правление Шамса ад-Дина (1251-78) установило прочную власть его дома в стране. Гхоридо-иранская реставрация является более интересной в том, что она пришла под покровом монгольского правления и установления гармонии с ним.¹⁹

Монголы также терпели, по крайней мере, в начале, существование в качестве вассала династии атабеков Кермана из дома Кутлук-шаха и также салхуридских атабеков Фарса. Дом Кутлук-шаха был основан Борак Хадибом (1223-35), лукваый характер которого обеспечил выживание в хорезмских бурях Джалал ад-Дина. Его сын Рукн ад-Дин Ходжа (прибл. 1235-52) был скорым в нанесении визита покорности к великому хану Огодаю в Монголии (1235). Кутб ад-Дин, который отправился туда позднее (прибл. 1252-57) после службы в монгольской армии Китая, в свою очередь, был награжден княжеством Кермана великим ханом Монгу. Аналогично, в Ширазе салхурид Абу Бакр (1231-60) был в состоянии добиться расположения Огодая и других последующих великих ханов, которые позволили ему сохранить свой трон.²⁰

Правление Гулюгу: крах террористов, завоевание Багдада Уничтожение халифата

Лишь двадцать лет спустя после их завоевания Персии монголы думали об окончании их временного режима здесь и двойной формы правления (чисто военное правление в Арране и Мугане и налоговая администрация Хурасана и Ирака Аджамы) путем установления постоянной политической власти. На *курултае* 1251 великий хан Монгу решил отдать наместничество Ирана своему младшему

брату Гулюгу.²¹ В дополнение, Гулюгу было поручено задача подавления двух духовных властей, которые все еще существовали в Персии: княжество имамов Исмаили в Мазандеране и аббасидский халифат Багдада. Дальнейшая задача, которая приписывалась ему, было завоевание Сирии: «Установи обиходы, обычаи и законы Чингиз-хана от берегов Аму-Дарьи до конца земель Египта. Обходись добротой и доброй волей с каждым человеком, который покорится и подчинится твоим приказам. Если кто сопротивится тебе, погрузи его в унижение».²²

Путешествуя из Монголии короткими переходами через Алмалык и Самарканд, Гулюгу пересек Аму-Дарью 2 января 1256. На персидском берегу реки он принял поздравления от представителей своих новых вассалов, от людей Шамс ад-Дина Керта, *малика* Герата, и Абу Бакра, салахуридского атабека Фарса, до сельджуков Малой Азии, Каи-Кавуса II и Килич Арслана IV. В соответствии с программой, заданной Монгу, он сперва отправился атаковать исмаилитов или гашшишинов (потребители гашиша, чьей задачей было убийство крестоносцев с 1090 по 1272. Отсюда английское слово assassin – убийца. – В. М.) в их гнездах в Мазандеране, Меимундизе и Аламуте. Великий предводитель исмаилитов Рукн ад-Дин Куршах был окружен Гулюгу в Меимундузе и 19 ноября 1256 он капитулировал.²³ Гулюгу отправил его к великому хану Монгу в Монголию, однако, в пути туда пленный был убит. Защитники Аламута сдались 20 декабря. Ужасная секта, которая в двенадцатом веке открыто не повиновалась селджукским султанам, заставляла дрожать султанат и халифат и являлась значительным фактором в деморализации и дезинтеграции всего азиатского ислама, наконец, была уничтожена. Этим достижением монголы оказали неоценимую услугу цивилизации и доброму порядку.

Гулюгу затем атаковал аббасидского халифа Багдада, духовного вождя суннитского ислама и правителя небольшого временного владения в Ираке Араби. Правящий халиф аль-Мустасим (1242-58) был бесхарактерным и воображал, что может иметь дело с монголами хитростью, как его предшественники поступали с гегемонами, которые менялись один за другим в Иране: баюиды, сельджуки, хорезмцы и монголы.²⁴ В прошлом, в зависимости оттого, который из хозяев того времени оказывался более сильным, халиф тому подчинялся. В десятом веке он

принял в качестве со-правителя баюидского эмира *ел-омара* и в одиннадцатом – селджукского султана. Со временем он посвятил себя к своим духовным функциям и ожидал смерти этих эфемерных хозяев. Когда возникала возможность, халиф вновь возникал, служил арбитром в их спорах и помогал наносить *coup de grâce* (смертельный удар – В.М). Он был квази-божественной силой, которая пережила этих хозяев дня или века, имея на своей стороне вечность – или, как он сам воображал, что имел. Однако, земная империя, которую провозгласил Чингиз-хан, была дана им самим Тэнгри, Вечным Небом, не была намерена терпеть никакого умаления ее интересов. Переписка между Гулюгу и халифом, как она была восстановлена Рашид ад-Дином, является примером возвышенного стиля, не имеющая аналога в истории. От наследника тридцати шести халифов дома Аббаса хан потребовал, чтобы временная власть немедленно была уступлена в Багдаде баюидским *ел-омара* эмирам и позднее – великим селджукским султанам: «Вы узнали судьбу, преподнесенную миру монгольскими армиями со времен Чингиз-хана. Какое унижение, милостью Вечного Неба, испытали династии шахов Хорезма, селджуков, королей Дайлама и различных атабеков! Тем не менее ворота Багдада никогда не закрывались для любых из этих рас, которые все устанавливали здесь свои доминионы. Каким образом тогда должно быть отказано вход в город для нас, имеющих такую силу и такую власть? Поберегись взятия в свои руки оружия против Штандарта!»²⁵

Халиф не проигнорировал это торжественное предупреждение и отказался вручить аббасидское временное владение, которое его предки возвратили от последних селджуков Персии. Мировой империи чингизидов он возражал не менее мировым суверенитетом мусульманского «папства»: «О молодой человек, который едва вступил в путь своей карьеры и который пьян от десятидневного успеха, поверив в свое превосходство над всем миром, знаешь ли ты, что от Востока до Магриба, все поклонники Аллаха, независимо оттого, являются они королями или просителями милостыни, являются рабами моего двора и лишь я один командую ими?»²⁶

Тщетные угрозы. Аююбидский султанат Сирии и Египта, напуганный приближением монголов, не стал суетиться и Гулюгу и его шаманистские,

буддистские и несторианские генералы были совершенно не тронуты мусульманскими проклятиями, которых халиф посылал на них.

Атака монгольских армий Багдада началась в ноябре 1257.²⁷ Армия Баиджу достигла Багдада по мосулской дороге с тыла на западном берегу реки Тигр. Лучший командир Гулюгу Найман Китбука (несторианец), вел левое крыло армии вдоль луристанской дороги к аббасидской столице. Наконец, сам Гулюгу пришел из Хамадана на реке Тигр через Керманшах и Холван. К 18 января 1258 монгольские вооруженные силы были перегруппированы и Гулюгу установил свой лагерь в предместьях Багдада. Маленькая армия халифа, пытаясь окружению города, была разрезана на куски накануне (17 января). 22 января монгольские генералы Баиджу, Бука Тимур и Сугуняк или Сунджак передвинулись для занятия позиций в пригороде к западу от реки Тигр, в то время как с другой стороны Гулюгу и Китбука двигались вперед с целью окружения. В попытке умиротворения монголов халиф отправил к ним своего визиря, ревностного шиита;²⁸ и он также отправил к ним несторианского католикоса Макиху. Однако, уже было слишком поздно. Монголы, скоротечной атакой, овладели восточным сектором укреплений (5 и 6 февраля) и осажденному населению оставалось ничего, кроме как сдаться. Солдаты гарнизона попытались бежать, однако монголы их схватили, распределили между своими подразделениями и порезали до единого человека. 10 февраля халиф лично явился для сдачи Гулюгу, который сказал ему, чтобы тот приказал всем людям покинуть город и сложить оружие. «Жители, обезоруженные, пришли группами сдаться монголам, которые уничтожили их на месте».²⁹ Затем монголы вступили в Багдад, убивали тех горожан, которые не подчинились приказу и подожгли город (13 февраля).³⁰ Грабеж продолжался семнадцать дней, в течение которого, полагают, было убито 90 000 жителей.

Что касается халифа, то монголы заставили его сдать все свои сокровища и раскрыть все свои тайники, однако, кажется, они избежали пролития его крови из уважения к его достоинству. Вместо этого они зашили его в мешок и затем подвергли к растаптыванию лошадьми (около 20 февраля).³¹ «Они подвергли к огню большую часть города, в особенности, мечеть *жами* и разрушили могилы аббасидов».

Симпатии Гулюгу к христианству

Для восточных христиан захват Багдада монголами казался подобно божественному дару. Более того, монголы, чьи ряды включали многих несторианцев, таких, как найман Китбука (не говоря о грузинских дополнительных войсках под командованием Хасана Броша, армяно-грузинского принца Кахетии), последовательно сохранили жизни христианским элементам в Багдаде во время грабежа. Армянский летописец Киракос из Гании пишет: «После захвата Багдада жена Гулюгу, Докуз-хатун, которая была несторианкой, говорила в защиту христиан несторианского или любого другого исповедования и вмешалась с целью сохранения их жизней. Гулюгу оставил их в живых и позволил им сохранить все свои имущества».³² Действительно, как утверждает Варган, во время штурма Багдада христиане Багдада заперлись в церкви по приказу несторианского патриарха Макихи и монголы сохранили жизни пастве и церковь.³³ Гулюгу даже отдал патриарху Макихе один из халифских дворцов: дворец младшего *деватдара* или вице-канцлера.³⁴

Армянский Киракос из Гании рассказал о радости и даже триумфе всех восточных христиан при падении Багдада. «Прошло пятьсот пятнадцать лет со дня основания этого города. На протяжении своего господства он, подобно ненасытной пиявке, проглотил весь мир. Теперь он возвратил все, что отнял. Он был наказан за кровь, которую он пролил, и зло, которое он сотворил; мера его беззакония стала полной. Мусульманская тирания продолжилась 647 лет».³⁵

В глазах несторианцев также и сирийских яkobитов и армян, ужасные монголы казались как мстители угнетенного христианства, как спасители providения, которые пришли из глубин Гоби, чтобы атаковать ислам с тыла и потрясти его до основания. Кто только мог вообразить, что те униженные несторианские миссионеры, которые в седьмом веке покинули Селуекию на реке Тигр или Беит Абе, чтобы распространять евангелие на унылых землях восточного Туркестана и Монголии, посеют такие семена, которые принесут такой великий урожай?³⁶

Благосклонность, которой пользовались христиане в пределах сферы влияния Гулюгу, было, в основном, обязана, как уже заметили, его главной жене, Докуз-хатун. Она была кераитской принцессой, племянницей последнего кераитского короля, *ван-хана* Тогрула.³⁷ Монгу, который высоко ценил ее ум, посоветовал Гулюгу советоваться с ней по своим делам.³⁸ «Поскольку кераиты уже давно приняли христианство», пишет Рашид ад-Дин, «Докуз-хатун сделала своей практикой постоянную заботу о христианах и они процветали при ее жизни. Чтобы доставить удовольствие своей принцессе, Гулюгу оказывал им свое покровительство и при каждом случае выражал свое уважение к ним так, что по всем его владениям непрерывно строились новые церкви и на воротах *орды* Докуз-хатун всегда находилась часовня, где звонили колокола».³⁹ Армянский монах Вартан подтверждает это: «Монголы Персии возили с собой палатку из холста в виде церкви. Ямагар [погремушка] звала верных на молебн. Ежедневно священники и дьяконы служили мессы. Здесь могли жить в спокойствии священнослужители христиан всех языков. Придя за просьбой о мире, они его получали и возвращались домой с подарками».⁴⁰ Племянница Докуз-хатун, Тукти-хатун, также жена Гулюгу, была не менее преданной несторианской христианкой. Монах Вартан, который был ее доверенным, говорит: «Она надеялась на увеличение христианства в пятилетии и его каждый шаг был связан с ее вкладом». Гулюгу, хотя и буддист, разделял эти симпатии и об этом свидетельствует рассказ Вартана. «В 1264 *ил-хан* Гулюгу вызвал нас к себе: меня самого, вартабедов (врачи или учителя в армянской церкви – В.М.) Саркиса [Сергей] и Крикора [Григорий] и Авака, священника из Тифлиса. Мы прибыли в присутствие этого властного монарха в начале татарского года, в июле, во время *курултая*. Когда мы были приняты Гулюгу, то нас не заставили от преклонения на колени и распростертия в соответствии с татарским этикетом, поскольку христиане преклоняются лишь Богу. Нам предложили благославить вино, которое получали от наших рук. Гулюгу сказал мне: «Я вызвал вас, чтобы вы знали меня и от всей вашей души молились за меня». Когда мы сели, братья, которые сопровождали меня, пели гимны. Грузины исполнили свой молебен, так поступили сирийцы и греки. *Ил-хан* сказал мне: «Эти монахи пришли отовсюду ко мне с визитом и благославлением. Это является

доказательством того, что Бог на моей стороне».⁴¹ Гулюгу однажды говорил Вартану о памяти о своей матери, несторианке Соргактани: «Однажды он попросил всех людей своего двора уйти и, в присутствии лишь двух людей, он рассказал мне о событиях своей жизни и о детстве и о своей матери, которая была христианкой». Сам Гулюгу никогда не принимал христианства. Мы знаем, что он остался буддистом и был, в частности, поборником боддхисаттвы Маитреи. Однако, его иранское королевство не имело буддистов, в то время как христиан - несторианцев, яacobитов, армян, грузин – было в огромном количестве и это было естественным, что в отсутствие своих единомышленников он был вынужден оказывать предпочтение к религии своей матери и своей жены. Во время интервью, которое он дал монаху Вартану, он признался, что его симпатия к христианству начала создавать брешь между ним и его двоюродными чингизидскими ханами южной России и Туркестана (кипчакское и ягатайское ханства): «Мы любим христиан», сообщает Вартан, « в то время как они [его двоюродные братья] благосклонны к мусульманам».⁴²

Поход Гулюгу в Сирию

После захвата Багдада и разрушения халифата Гулюгу отправился по хамаданской дороге в Азербайджан и, подобно монгольским генералам Чормагану и Баиджу до него, установил местопребыванием своей династии на севере этой провинции. Города Азербайджана Табриз и Марагех были его столицами, насколько этот все еще кочевой двор мог располагаться около городов. Гулюгу соорудил множество зданий в регионе озера Урмия, любимого места его дворца для отдыха: «наблюдательный пункт на вершине холма Марагех, дворец на Алатау и несколько язычных храмов (бутханага) на Хои». Трофеи, взятые в Багдаде, были помещены в крепости на острове озера.⁴³ Арранские и мгунаские степи служили для Гулюгу и его наследников в качестве их зимних квартир, где, как это делали Чормоган и Баиджу, они возвращали своих коней на траву. Летом принцы дома Гулюгу отправлялись на алатагские холмы у подножья горы Арарат.

Падение Багдада повергло мусульманский мир в состояние ужаса. Старый атабек Мосула, Бадр ад-Дин Лулу (1233-59), которому было более чем восемьдесят, не ограничился демонстрацией голов на городской стене, как то было приказано, но и лично прибыл с визитом покорности ко двору Гулюгу в его лагере в Марагехе. Следующий, атабек Фарса, Абу Бакр, направил своего сына Сад поздравлять хана с его захватом Багдада. В тоже время прибыли в лагерь Гулюгу, находящийся тогда около Табриза, два селджукских султана Малой Азии, братья-соперники Каи-Кавус II и Килич Арслан IV. Каи-Кавус дрожал от страха, поскольку в 1256 его войска попытались сопротивляться монгольскому генералу Баиджу, который разбил их в Аксарае. Он успокоил Гулюгу действительно ценной мирной лестью. Со своими портретами, нарисованными на подошве пары сапог, он предложил их сердитому хану, говоря: «Ваш раб имеет смелость надеяться, что его король снизойдет до почтения головы своего слуги, поставив ее на свою августейшую пятку».⁴⁴ Этот инцидент показывает ту меру унижения, до которой был доведен ислам.

Для завершения программы, поставленной перед ним Монгку, Гулюгу должен был теперь покорить Сирию и Египет. Сирия была разделена между франками и мусульманской династией аююбидов. Франки владели прибрежной зоной, разделенной на два окружных государства: на севере – княжество Антиох и графство Триполи, оба принадлежащие принцу Богемунду VI; и на юге – королевство Иерусалим, которое долгое время, со времени отнятия от него самого Иерусалима, находилось без какого-либо эффективного правления и которое состояло из федерации баронств и общин, таких как баронство Тир, община Акр и герцогство Джаффа.⁴⁵ Богемунд VI, принц Антиоха-Триполи, был близким союзником своего северного соседа, короля Армении (т.е. Силисия) Хетума I, на чьей дочери он был женат.⁴⁶ Следуя за Хетумом, он сразу присоединился к монгольскому союзу. Против христиан была Сирия внутренняя с ее городами Алеппо и Дамаском; эта территория принадлежала к старой аююбидской династии, которая была курдской по происхождению, однако, по характеру - совершенно арабской. Она была основана великим Саладином. Правителем в то время султан ан-Насир Юсуф (1236-60), робкий, послушного характера человек,

который признал свое вассальство в 1258, когда он отправил своего сына ал-Азиза к Гулюгу.⁴⁷

Несмотря на эти признаки покорности, Гулюгу был полон решимости завоевать западную Месопотамию и мусульманскую Сирию у аююбидов. Кампания открылась местным походом против эмирата Маяфарикин в Диярбакире, который принадлежал младшему аююбиду по имени ал-Камил Мухаммад.⁴⁸ Одной из монгольских недовольств против ал-Камила было то, что в качестве фанатического мусульманина он поставил на крест яacobитского христианского священника, который вступил в страну с монгольским паспортом. Гулюгу осадил Маяфарикин с монгольским подразделением, подкрепленным грузинско-армянским корпусом под командованием Хасана Броша. Армянский принц Севата из Качена был убит во время этой осады или, как рассказывает армянский летописец Вартан, «заслужил бессмертную корону, навсегда верной Богу и *ил-хану*; он разделит радость победы с теми, кто пролил свою кровь за Христа».⁴⁹ Это сочетание креста чингизидского штандарта должно было быть в сознании восточных христиан, чтобы они чувствовали, что идя вместе с монголами против мусульман Сирии, они участвуют в разновидности крестового похода.

После долгой осады Маяфарикин был взят и ал-Камил был убит под пытками. Монголы разрывали его тело на куски и вставляли их в его рот до тех пор, пока он не умер. Его голова, водруженная на пике, была пронесена монголами с триумфом через крупные города мусульманской Сирии от Алеппо до Дамаска, сопровождаемая певцами и барабанщиками. Большая часть мусульманского населения маяфарикинского эмирата была истреблена. Были сохранены жизни лишь христиан; и их было много, поскольку город был весьма древним яacobитским епископатом и также армянским центром. Киракос из Ганджи отмечает: «Церкви уважались, также как были собраны бесчисленные реликвии Св. Марутой».⁵⁰

В то время как осада Маяфарикина была в разгаре, Гулюгу успел завоевать мусульманскую Сирию. Согласно армянскому историку Хайтону, монгольский план кампании был разработан в течение беседы между Гулюгу и его верным вассалом королем Армении (Силисия) Хетумом I. «Хан просил Хетума присоединиться к нему со всей армянской армией в Едессе, поскольку он желал

идти на Иерусалим, чтобы отнять Святую Землю от мусульман и отдать ее христианам. Король Хетум, обрадованный такой новостью, собрал большую армию и присоединился к Гулюгу». Вартан рассказывает, что армянский патриарх пришел, чтобы дать свое благословение хану.⁵¹ Таким образом, поход внука Чингиз-хана приобрел облик армяно-монгольского крестового похода. Поэтому, как было отмечено, в своих отношениях с монголами армянский король Хетум вел переговоры не только от своего имени, но и от имени своего зятя Богемунда VI, принца Антиоха и герцогства Триполи. Это отмечается Темпларом из Тира в *Gestes des Chiprois*: «Хетум, король Армении, говорил с Гулюгу по поводу Богемунда, его зятя, и после этого Богемунд пользовался большой благосклонностью Гулюгу».⁵²

Большая армия монголов отправилась в поход из Азербайджана в Сирию в сентябре 1259. Ноян Китбука, несторианский найман, прославившийся во время осады Багдада, ушел с передовыми отрядами войск. Правым крылом командовал старый Баиджу и Сонкор, левым – Сугуняк (или Суняк) и центром – сам Гулюгу в сопровождении своей христианской жены Докуз-хатун.⁵³ Достигнув по дороге из Курдистана в провинцию Ал Джазира, хан взял Нисибин (Нусаябин), принял покорность Харана и Едессы и уничтожил население Сейхана, которое оказало ему сопротивление. После овладения Бирекиком, он пересек Евфрат, ограбил Менбидж и осадил Алеппо. Султан ан-Насир, вместо организации сопротивления в этом городе, оставался в Дамаске. Якобитский митрополит Алеппо, историк Бар Хебрауес, пришел встретить монголов и совершил визит покорности к Гулюгу.⁵⁴

18 января 1260 монгольская армия под командованием Гулюгу и укрепленная армянами Хетума и франками Богемунда VI, начала осаду Алеппо, которое защищалось старым аююбидским принцем по имени Туран-шах.⁵⁵ «Они выдвинули на позиции двадцать катапульт и 24 января вступили в город, который он заняли одним махом, за исключением цитадели, который держался до 25 февраля». Массовые убийства проводились исчерпывающе и методически по образу чингизидов и продолжались полных шесть дней до 30, когда Гулюгу решил их прекратить. Великая мечеть была предана к огню королем Армении Хетумом, однако, якобитская церковь была сохранена. Гулюгу отдал на грабеж и во владение несколько районов и крепостей, которых мусульмане Алеппо когда-то отняли у

армянского королевства. Богемунду VI он отдал земли, принадлежащие к княжеству Алеппо, которые находились в руках мусульман со времен Саладина.⁵⁶

По всей мусульманской Сирии распространилась дикая паника и несколько мусульманских принца пришли принять покорность, не ожидая прихода монголов. Перед самым Алеппо Гулюгу принял аююбида ал-Ашраф Мусу, прежнего короля Хомса, который был смещен своим собственным народом и которого теперь Гулюгу возвратил на трон. Падение Алеппо заставило капитулировать Хаму без борьбы. Султан ан-Насир Юсуф не оказал более никаких усилий для защиты Дамаска и при достижении известия о падении Алеппо он бежал в Египет. Дамаск, покинутый своими защитниками, сдался сразу. 1 марта 1260 Китбука прибыл в город с монгольским оккупационным корпусом в сопровождении короля Армении и Богемунда VI. Администрация Дамаска была поручена монгольскому губернатору, которому помогали три персидских секретаря. Цитадель, который оказал сопротивление, сдался 6 апреля и по приказу Гулюгу Китбука своими руками обезглавил его губернатора.⁵⁷

В течение последующих трех недель Китбука завершил завоевание мусульманской Сирии. Монголы проникли в Самарию и подвергли к мечу гарнизон Наблуса за оказание сопротивления. Безпрепятственно он дошли до Газы. Султан ан-Насир Юсуф был взят в плен в Билкасе; Китбука использовал его для принуждения к капитуляции гарнизона Аджлуна и затем отправил его к Гулюгу. Младший аююбид, который правил в Банияесе, перешел на сторону завоевателя.⁵⁸

Для местных христиан, как сириакского, так и греческого обряда, вступление монголов в Дамаск казалось лишь как карой за шестивековой гнет. Они организовали уличные шествия, на которых пели псалмы и несли кресты, перед которыми заставили стоять мусульман в почтении. Они дошли до того, что «звонили в колокола и лили вино даже в мечетях умаядов». Темплар из Тира пишет, что Хетуму, королю Армении, и его зятю Богемунду, принцу Антиоха, оказавшим помощь в покорении Дамаска, Китбука разрешил переосвятить мечеть или скорее возвратить для нужд христиан старую византийскую церковь, которая была присвоена мусульманами для исполнения своих богослужений. Мусульмане жаловались Китбуке; однако, он свободно следуя своей набожности, посещая

церкви и прелатов различных христианских исповедований, не обратил внимания на их жалобы.⁵⁹

Эти завоевания казались постоянными до тех пор, пока не вмешался неожиданный случай. 11 августа 1259 в Китае умер великий хан Монгку и разразилась война за наследование трона между двумя братьями Кублаем и Арик-богой (стр. 312). Гулюгу, четвертый брат, будучи слишком далеко, и во всяком случае достаточно обеспеченный, не предложил себя в качестве кандидата, однако, его симпатии были на стороне Кублая и его поддержка или посредничество могли понадобиться. Гулюгу также знал, что его двоюродный брат Берке, кипчакский хан, который предпочитал ислам, в то время как Гулюгу благоприятствовал христианству, и обвинял его в массовой бойне в Багдаде и поставил под угрозу кавказские границы.⁶⁰ По этим причинам Гулюгу возвратился в Персию, оставив в Сирии и Палестине оккупационную армию под командой Китбуку, численность которой была снижена, по данным Киракоса, до 20 000, хотя Хайтон утверждает, что она была не более, чем 10 000.⁶¹

Китбука, который теперь контролировал монгольскую Сирию и монгольскую Палестину, был хорошо расположен по отношению к здешним христианам не только потому, что сам был несторианцем, но также потому, что он ценил преимущество двух партий монголо-франкского союза.⁶² К сожалению, хотя Богемунд VI, принц Антиоха-Триполи, возможно, разделял его взгляды по данному вопросу, но бароны Акре продолжали видеть в монголах больше варваров, которым они предпочитали даже мусульман.⁶³ Один из этих баронов, граф Жюльен Сидон, атаковал монгольский патруль и убил племянника Китбуки. Взбешенные монголы ответили опустошением Сидона. Это было концом союза, явно или молчаливо, между франками и монголами.⁶⁴

Стычка наполнила мусульман свежим воодушевлением; тем не менее, хотя аююбидский султанат Алеппо-Дамаска был покорен, но все еще оставалась крупная мусульманская сила в виде мамелюков, хозяев султаната Египта. Мамелюки были наемниками, в основном, тюркского происхождения, которые образовали армии аююбидских султанов Египта и в 1250 сместили эту династию и стали хозяевами страны, их генералы - ее султанами. Мамелюкский султан Кутуз,

правлящий тогда в Каире (1259-60), убедился, что ситуация меняется в его пользу. Когда Гулюгу и главная монгольская армия отошли в Персию, было невозможно для Китбуки, чьи силы были снижены до 20 000 человек, удерживать завоеванное без помощи прибрежных франков. Теперь, когда последние порвали с ним, то мамелюки могли приступить к действиям. 26 июля 1260 их передовые войска под командованием эмира Байбарса покинули Египет и направились в Палестину. Маленький отряд монгольского подразделения, занимавший Газу, был побежден Байбарсом.⁶⁵ Франки Акре, вместо заключения мира с Китбукой, дали разрешение мамелюкам пересечь их территорию и сконцентрироваться под самыми стенами их города.⁶⁶

Это разрешение на проход через франкскую прибрежную полосу и отдых и пополнение их армии дало мамелюкам большое преимущество для начала их операций. Их численное преимущество не уменьшалось. Китбука, веря в непобедимость старых чингизханских групп, организовал храброе сопротивление. Мамелюки покинули Акре и прошли через франкскую Галилею на Иордан. Китбука со своей кавалерией и с несколькими грузинскими и армянскими контингентами выступил к ним на встречу.⁶⁷ Встреча состоялась в Аин Джалуде около Зерина 3 сентября 1260. Китбука был разгромлен превосходящими силами, однако сохранил честь чингизханского знамени: «Вдохновленный лишь своим рвением и храбростью», пишет Рашид ад-Дин, «он мчался направо и налево, нанося мощные удары. Люди тщетно пытались убедить его отступить. Он отклонил этот совет, сказав: «Здесь я должен умереть! Некий солдат дойдет до хана, чтобы рассказать ему, что Китбука отказался от постыдного отступления и что он пожертвовал своей жизнью во имя своего долга. Потеря одной монгольской армии не опечалило слишком глубоко хана. Пусть он подумает, что за год жены его солдат не забеременили, что кони его конного завода не зачали жеребят. Счастливой жизни хану!» Рашид ад-Дин продолжает: «Покинутый всеми, он продолжал воевать против тысяч врагов; однако, наконец его конь был убит и он был взят в плен». Его руки были завязаны сзади и его повели к Кутузу, который оскроблял покоренного завоевателя: «После сокрушения так много династий, теперь видишь, ты в ловушке!» Ответ несторианского монгола достойно

чингизханского эпоса: «Если я погибну от твоих рук, то я узнаю, что Бог и не ты сделал это. Не пьяней от кратковременного успеха. Когда новость о моей смерти достигнет до ушей Гулюгу-хана, его гнев закипит как штормовое море. От Азербайджана до ворот Египта земли будут растоптаны копытами монгольских коней!» В заключительном взрыве верности к монголами и к величию и законности чингизидов, он насмеялся над мамелюскими султанами, этими королями удачи, для которых убийство их предшественника было обыкновенной дорогой к трону: «С моего рождения я являюсь рабом хана: я, подобно тебе, не убийца своего хозяина!» После этого его пленители отрезали ему голову.⁶⁸

Султан Кутуз совершил триумфальное вступление в Дамаск и христиане города заплатили тяжелую цену за их про-монгольские чувства; вся мусульманская Сирия до Евфрата была аннексирована мамелюским султанатом Египта. Гулюгу сделал еще одну попытку. В конце ноября 1260 монгольское подразделение опять вступило в Сирию и ограбило Алеппо во второй раз, однако, было контратаковано мусульманами около Хомса (10 декабря) и отброшено еще раз на восток от Евфрата.

Последние годы Гулюгу

Неудача Гулюгу в попытке покорить мусульманскую Сирию, стала серьезным недостатком с точки зрения угрозы, созданной его двоюродным братом Берке, ханом кипчаков. Этот чингизид старшей ветви, который правил в южной России, покровительствовал исламу даже больше, возможно, чем Гулюгу это делал по отношению к христианству; следовательно, победу Гулюгу расстроили его. Рашид ад-Дин пишет о нем, как о хане Персии: «Он ограбил все города мусульман и, без совета со своими родственниками, убил халифа. С помощью Аллаха я рассчитаюсь с ним за столько пролитой крови невинных!»⁶⁹ Преисполненный таких чувств, он не стал колебаться в присоединении к мамелюкам, которые, хотя и номинально были врагами монголов, но являлись защитниками мусульманской веры, для противостояния против своего двоюродного брата хана Персии, который был главным героем монгольского завоевания, но в тоже время защитником христиан. Новый мамелюский султан Байбарс (1260-77), тюрк кипчакского

происхождения, поддерживал такой сдвиг. В 1262 Берке и Байбарс начали обмениваться посольствами и Берке объявил войну Гулюгу.⁷⁰ В ноябре и декабре этого года Гулюгу перешел в наступление. Он прошел через дербентское ущелье, который являлся кавказской границей между двумя ханствами, и вступил на кипчакскую территорию за Тереком. Скоро после этого, однако, он столкнулся с неожиданной атакой на Тереке со стороны армии Берке под командованием племянника Берке Ногая, в результате чего был отброшен назад в Азербайджан.⁷¹ Враждебные действия со стороны кипчакских ханов, которые были очевидны с самого начала, и в дальнейшем враждебные действия со стороны ягатаевской ветви, скоро привели к окружению ханства Персии, которое было парализовано продолжительными фланговыми атаками с Кавказа или с региона Аму-Дарьи, и поэтому оно было вынуждено остановить свою экспансию в направлении Сирии. Эта гражданская война между чингизидами положила окончательный конец дальнейшим монгольским завоеваниям.

Гулюгу, по-меньшей мере, достиг территориального единства Персии путем упразднения многочисленных провинциальных династий. Атабек Мосула старый Бадр ад-Дин Лулу (1233-59) сохранил свой трон раболепством перед монголами. Однако, после того как его сыновья поспешно перешли на сторону мамелюков, Гулюгу захватил Мосул, ограбил его и аннексировал это княжество (1262).⁷² Селджук-шах династии салгуридов, атабек Фарса с 1262 по 1264, также восстал и был убит монголами, когда они взяли Казерун (декабрь 1264). Гулюгу затем отдал трон Фарса салгуридской принцессе Абиш-хатун и выдал ее замуж за своего четвертого сына принца Мангу Тимура, что было равнозначно акту аннексии.⁷³ Другой сын Гулюгу, его наследник Абака, аналогично женился на Падша-хатун, наследнице династии Кутлук-шаха из Кермана.⁷⁴

Интересной особенностью того времени является малозамеченная информация, касающаяся активности буддизма в Персии во время правления Гулюгу и его ранних наследников. Известно лишь то, что некое количество буддийских монахов прибыли сюда из Уйгурии, Китая и Тибета, чтобы осесть в королевстве Гулюгу, где они построили множество пагод, украшенных живописью и статуями.⁷⁵ Тот факт, что китайские картины Юань были утеряны, дает повод для

сожаления, поскольку их влияние могло бы объяснить некоторые характеристики поздних персидских миниатюр.

Хотя после опустошения Багдада Гулюгу рассматривался мусульманами как проклятие Бога, он тем менее был покровителем персидской литературы. Великий персидский историк Ала ад-Дин Джувани является наилучшим тому примером. Его отец, Бега ад-Дин (ум. 1253), чья семья происходила из Нишапура, был членом монгольской администрации и являлся ответственным за финансы Хурасана. Джувани также стал администратором. В 1256 он уговорил Гулюгу не жечь литературу, собранную исмаилитами в Аламуте. Дважды посетив Монголию (1249-51 и 1251-53) и будучи знакомым с вопросами Центральной Азии, он написал около 1260 свою бесценную *Историю завоевания мира (Тарих-и Джаган-гуша)*, то есть, историю Чингиз-хана и его наследников до 1258. В 1262-63 Гулюгу назначил его губернатором (*малик*) Багдада. Следует отметить к его чести, что в 1268 во время мусульманского фанатизма несторианский патриарх Мар Денга нашел убежище в его доме.⁷⁷ Его брат Шамс ад-Дин Джувани был финансовым министром (*шагиб-диван*) ханов Гулюгу, Абаки и Текудера с 1263 по 1284.

Правление Абака

Гулюгу умер 8 февраля 1265 года около Марагеха, вслед за ним скоро скончалась и его королева Докуз-хатун. Их потеря рассматривалась как горе всеми восточными христианами, которые видели в них «двух великих звезд христианской веры» и «другого Константина и другой Елены», как писал Бар Гебрауес прочувственно от имени якобинской сириакской церкви и Киракоса из Ганджи по поручению армянской церкви.⁷⁸

Гулюгу унаследовал его старший сын Абака (1265-82). Новый хан продолжал жить в Азербайджане; однако, если при Гулюгу Марагех служил в качестве столицы, то теперь в качестве таковой был выбран Табриз, который оставлся столицей до конца существования династии, за исключением периода правления Олжату (1304-16), который предпочел править из Султании. Подобно Гулюгу, Абака никогда не рассматривал себя больше чем помощником великого Кублай-хана, который по его просьбе выслал ему *ярлык* назначения на должность.

Абака, подобно своему отцу, по-видимому, был больше буддистом чем кем-то еще; тем не менее он проявлял добрую волю по отношению к христианским общинам – арменским, несторианским или якобинским – дома и предпочитал союз с христианством против мамелюков Египта и Сирии за рубежом. В год своего восхождения на трон он женился на *despoina* Марии, дочери византийского императора Михаила Палеолога. На сиракской стороне Абака был покровителем несторианского патриарха Мар Денхал.⁷⁹ Позднее он стал другом наследника патриарха, знаменитого Мар Яхбалахха III.

Ранее рассказывали (стр. 332) о странствовании, совершенном двумя несторианскими монахами Раббан Саума и Маркусом, из Пекина и региона Токта в северном Шаньси, соответственно, мечтали посетить Иерусалим. Мы также видели, как после пересечения Кашгарии между 1275 и 1276, они достигли Персии. Их сириакская биография показывает важность позиции, занимаемой несторианской церковью в Персии под монголами. По их прибытию в Хурасан, они пришли в несторианский монастырь около Туса, т.е. Мар Сейхона.⁸⁰ Около Марагеха в Азербайджане они встретились с патриархом Мар Денха, который, как уже отмечали, высоко почитался монгольскими властями.⁸¹ Раббан Саума и Маркус были взяты в монастырь Св. Михаила из Тарела около Нисибина, когда патриарх Мар Денха вызвал их, чтобы они отправились с миссией к хану Абака. Хан не только оказал им сердечный прием, но обеспечил их письмами-патентом для совершения ими странствования в Иерусалим. Однако, они не смогли предпринять это путешествие из-за состояния войны, которая шла между ханством Персия и ханством кипчаков и мамелюков.

Патриарх Мар Денха затем назначил Маркуса митрополитом онгутских и хитанских стран – т.е., Северного Китая – вместе с Раббан Саума в качестве его помощника.⁸³ Однако, прежде чем они отправились на место назначения, умер Мар Денха (24 февраля 1281) и несторианский совет, состоявшийся около Багдада, избрал Маркуса патриархом под именем Мар Яхбуллаха III. Очевидно, что это избрание является, главным образом, политическим выбором. Несмотря на свое великое благочестие, новый понтифик владел лишь слегка сириакским языком и совершенно не знал арабского. Однако, он был «монгол» и во всяком случае

принадлежал к тюрко-онгутскому народу, чьи принцы находились в тесном союзе с семьей чингизидов. Несторианские Отцы чувствовали, что они не будут иметь другого патриарха, более приемлимого для хана Персии. И действительно, когда Мар Яхбуллаха отправился за утверждением с рук Абака, монгольский правитель тепло приветствовал его как своего друга. «Он положил на его плечи шубу и предложил ему свое кресло, являвшимся его малым тронem. Он дал ему также зонтик чести и *пайзу* или золотую таблетку с гербом и крупной печатью патриархов».⁸⁴ 2 ноября 1281 прелат из Пекина был посвящен патриархом несторианской церкви в соборе Мар Кока около Селукии в присутствии Мар Абрама, митрополита Иерусалима; Мар Джемса, митрополита Самарканда; и Мар Йесусабарана, митрополита Тангута, т.е. Каньсу в Китае.⁸⁵

За рубежом Абака закончил войну, начатую его отцом, против Берке, хана кипчаков. Весной 1266 племянник Берке, Ногай, возобновил наступление, пройдя через ущелье Дербент и Куру, но он потерпел поражение на Аксу со стороны помощников Абаки и был отброшен назад к Ширвану. Сам Берке пришел через Дербент с большей армией и прошел до Куры для того, чтобы ее пересечь, где он умер (1266). После его смерти войска отошли.⁸⁶

На северо-востоке, как мы видели, Абака должен был встретить нападение ягатайца Барака, хана Трансоксонии, который в 1269-70 вторгся в Хурасан и занял Мерв и Нишапур. После ложного отступления с целью завлечь врага, Абака также разгромил Бараку около Герата 22 июля 1270.⁸⁷ Следует отметить искусство, с которым Шамс ад-Дин Керт, *малик* Герата, избежал вовлечения в эти меж-монгольские войны. Чтобы сохранить свой город этот ловкий афганец перед угрозой вторжения ягатаев уговорил их нанести визит уважения; однако, когда Абака прибыл в Хурасан со своей армией, Шамс ад-Дин встретил его опять и, своей энергичной защитой Герата, заставил хана попасть в ловушку, где он и разгромил захватчиков.

В январе 1273 Абака взял реванш. Приведя войну на территорию Трансоксонии, он отправил армию грабить Бухару (см. выше). Из-за продемонстрированной в 1270 Шамс ад-Дином верности, Абака более не доверял ему. В 1277, одарив его многочисленными титулами и почестями, он заманил его в

Табриз и здесь его осмотрительно отравил (январь 1278). Тем не менее в 1279 сына своей жертвы, Рукн ад-Дина, он сделал принцем Герата под именем Шамс ад-Дин II.⁸⁸

На западе Абака должен был продолжать борьбу своего отца против мамелюков, которые были теперь хозяевами не только Египта, но и также мусульманской Сирии. Мамелюкский султан Байбарс, главный герой ислама и один из наиболее грозных воинов своего времени (1260-77), предпринял наступление, затрачивая время, и опять против армянского королевства Силикии, вассала и тесного союзника монголов. В апреле 1275 он разграбил его основные города – Сис, Адану, Тарсус и Ладжацо – после чего вмешался в дела сельджукского султаната в Малой Азии. Последнее государство было тесно связано своим вассальством с ханством Персия. Во время отрочества юного султана Каи-Хосроу III (1265-83) оно управлялось под монгольским протекторатом *первейном* (канцлером) Муэин ад-Дин Сулейманом. Этот министр, великий интриган, кажется, вступил в тайную переписку с Байбарсом, которого он, несомненно, просил принять страну из-под контроля монголов. В 1277, во всяком случае, Байбарс вступил на территорию сельджукского султаната и 18 апреля победил монгольскую оккупационную армию в Албистане на верхнем Джихуне, у входа в Капподакию, в то время как *первейн*, который командовал сельджукским контингентом, сбежал. Байбарс совершил триумфальное вступление в Каясери в Капподакии (23 апреля) и затем возвратился в Сирию.

По получению сообщения об этом поражении Абака поспешил в Анатолию (июль 1277); круто наказал сельджукских тюрков, которые, более верные мусульманской вере, чем чингиздам, плохо сражались; и затем после расследования он казнил *первейна* (2 августа).⁸⁹

Абака желал заключить крепкий союз с латинскими державами против мамелюков и в 1273 он по этому поводу написал папе и королю Англии Эдуарду I. В мае-июле 1274 два его посла имели аудиенцию у Григория X и были приняты отцами Совета Лиона. Имеются сведения о послах от того же хана в Италии в ноябре 1276 (Джон и Джеймс Васеллус) и Англии, во дворе Эдуарда I в 1277.

Однако, ни папство, ни Франция или Англия не ответили на предложения монголов.⁹⁰

Абака решил действовать в одиночку. В конце октября 1271 он отправил 10 000 всадников к окрестностям провинции Алеппо. В сентябре и октябре 1280 он отправил более крупное подразделение, которое на короткое время заняло город Алеппо, за исключением цитадели, и подвергло к огню мечети (20 октября). То было не более чем рекогносцировка. В сентябре 1281 монгольская армия численностью в 50 000 человек проникла в Сирию. Король Армении (Силисия) Лев III, верный вассал монголов, как и его отец Хетум, присоединился к этой армии со своими войсками. Таким образом, к 50 000 монголов было добавлено 30 000 армян, грузин и франков. Всеми этими войсками командовал принц Мангу Тимур, брат Абаки. 30 октября 1281 около Холмса они встретились с мамелюской армией, ведомой султаном Калавуном. Монгольское правое крыло под руководством короля Льва III, с армянами и грузинами, вынудил противостоящие войска бежать, однако, в центре Мангу Тимур отступил, раненным, с поля боя и его отход деморализовал его людей. Еще один раз монголы были вынуждены отступать через Евфрат,⁹¹ и скоро после этой неудачи 1 апреля 1282 Абака умер.

Правление Аргуна

Текудер,⁹² брат Абаки и его наследник (6 мая 1282), порвал с традиционной политикой своего дома. Хотя его мать (принцесса Кутуй-хатун), возможно, была несторианкой и хотя он сам был крещен в юности, согласно монаху Хайтону, он принял мусульманство вскоре после своего восшествия на трон, взял имя Ахмед и титул султана и начал реориентацию Персии на ислам. Монах Хайтон пишет: «Он посвятил все свое сознание на превращение татаров к лживому закону Мухамеда».⁹³ В августе 1282 Текудер направил мамелюкам предложение о мире и союзе. Буддийская и несторианская «старая монгольская» партия направила протест к Кублаю, великому хану Китая, дяде Текудера и все еще сюзеру ханства Персия. Сильно недовольный, согласно Марко Поло, Кублай пригрозил с интервенцией. Текудер обвинил руководителей несторианской церкви, патриарха Мар Яхбаллаха III и его помощника Раббан Саума за эти обращения ко двору

Пекина. Патриарх был брошен в тюрьму и возможно, потерял бы свою жизнь, однако, королева-мать, Кутуй-хатун добилась его освобождения.⁹⁴

Между тем вся старая монгольская партия недовольных, буддистов и несторианцев, собрались вокруг принца Аргуна, сына Абаки и губернатора Хурасана и скоро разразилась гражданская война. Ставки здесь были высоки. Будет ли монгольская Персия оставаться монгольской или скорее станет мусульманским султанатом? Будут ли несториане и якобинцы дома и армяне и франки за рубежом продолжать пользоваться предпочтительным отношением или будет ли страна вступать в союз с мамелюками? Сперва борьба шла не в пользу Аргуна. Он справился с восстанием на своей собственной территории, в Хурасане, откуда он пошел на Ирак Аджамы. Разбитый в Ак-ходжа около Казвина 4 мая 1284, он был вынужден сдаться Текудеру. Однако, скоро после этого вследствие заговора среди руководителей армии произошел дворцовый переворот. Текудер, покинутый своими войсками, был казнен 10 августа 1284 и на следующий день Аргун взошел на трон.

Аргун остановил национальный крен к исламу. Будучи сам несколько буддистом, подобно Абаке и Гулюгу, он доверил многие гражданские должности христианам или евреям, в особенности, по финансовой части. В качестве министра финансов и главного советника он выбрал еврейского врача Саад ад-Даула, который с 1288 до последней болезни Аргуна (февраль 1291) пользовался полным доверием принца. Будучи умным, приспособленцем, легко говорящим на тюркском и монгольском языках, способным льстецом (он заполучил свое положение благодаря временной чистке), Саад сделал себя самым нужным человеком Аргуна, который также был благодарен за его преданность к благополучию государства. Он был выдающимся администратором и восстановил порядок в финансовой сфере путем устранения хищения со стороны сильных людей. Он запретил военным командирам издеваться над приговорами трибуналов и издал приказы поставщикам сильных людей воздержаться от наложения опустошительных реквизиций на людей. Скоро он снизил уровень злоупотреблений и попытался внедрить в чисто военное правительство монголов практику регулярной гражданской администрации. Вместо вмешательства в мусульманскую религию, он инициировал

судебные иски между мусульманами в соответствии с Кораном, а не по монгольскому обычаю. Он также увеличил вклады духовных институтов и поощрял и финансировал ученых и грамотных людей. Мусульмане не могли жаловаться на что либо, кроме того, что он предоставлял главные административные должности своим еврейским друзьям и, в особенности, те, которые были связаны с налогообложением, за исключением Хурасана и Малой Азии, которые были удельными провинциями принцев Газана и Гайхату, сына и брата Аргуна. Тем не менее, еврейский министр вызвал на себя гневную враждебность. Монгольские феодалы были сердиты на него из-за его запрета на грабеж и правоверные мусульмане заявляли, что он и Аргун собираются начать новую религию, вынуждать правоверных стать «язычниками» и превратить Каабу в Мекке в храм идолов – повидимому, в буддийское святилище – и тому подобное. Обвинения, разумеется, были абсурдными, однако, в конце концов, достаточными, чтобы лишить государство великого человека.⁹⁵

Одна из жен Аргуна, Урук-хатун, керайт по рождению и племянница покойной королевы Докуз-хатун, была несторианкой. В августе 1289 она крестила одного из своих сыновей, будущего хана Олжайту, под именем Николас, в честь папы Николаса IV. Монах Хайтон пишет: «Аргун сильно любил и почитал христиан. Он перестроил христианские церкви, которые были разрушены Текудером». Жизнь несторианского патриарха Мар Яхбуллаха свидетельствует о том, что он был теперь в состоянии перестроить большое количество святилищ, включая церковь Мар Шалита в Марагехе.

Миссия Раббан Саума на Запад

Желая возобновить борьбу против мамелюков, Аргун попытался возобновить союз с христианством. Он предложил предпринять согласованные атаки: вторжение в мусульманскую Сирию с одновременным десантированием крестоносцев в Акре или Дамiette, с последующим разделением Сирии. Алеппо и Дамаск должны были отойти монголам, Иерусалим – крестоносцам. С такой целью Аргун направил письмо в 1285 папе Гонориусу IV, перевод которого на латыни сохранился в Ватикане и который включает детализированный план. В этом

знаменитом документе хан Персии, после напоминания имен Чингиз-хана, «предка всех татар», и великого хана Кублая – императора Китая и своего деда-дяди, сюзерна и союзника – перечисляет связи, которые объединили династию Чингиз-хана с христианством: свою христианскую мать, своего деда Гулюгу и своего отца Абака, всех защитников христиан. Великий хан Кублай, говорит он, поручил ему доставить и взять под свою защиту землю христиан». Он заканчивает с просьбой, чтобы армия крестоносцев прибыла на место, когда он сам вторгнется в Сирию. «Когда земля сарацинов будет лежать между вами и нами, то вместе мы ее окружим и задавим... Мы выгоним сарацинов с помощью Бога, папы и Великого Хана!»⁹⁶

В 1287 Аргун направил послов на Запад с аналогичной задачей под руководством Раббана Саума, несторианского прелата. Экстраординарная одиссея этого онгутского или уйгурского монаха, родившегося около Пекина, из Китая в Персию была описана выше. Раббан Саума сел на корабль на Черном море, несомненно, в Трабизонде и прибыл в Константинополь. Византийский император Андроникус II (1282-1328) оказал сердечный прием представителю Аргуна, больше потому, что сельджукская Анатолия, которая граничила с византийской империей, была зависимой от хана Персии.⁹⁷ После молитв в церкви Св. Софьи, Раббан Саума держал курс на Италию и прибыл в Неаполь, где он стал свидетелем морского боя между флотами ангевинов и арагонов, состоявшемся 23 июня 1287.⁹⁸ Из Неаполя он отправился в Рим. К несчастью, папа Гонориус IV только что умер (3 апреля 1287) и его наследник еще не был избран. Раббан Саума был принят собравшимися кардиналами. Он объяснил им важность монгольского христианства: «Знаете, многие наши отцы (несторианские миссионеры седьмого и последующих веков) отправились на земли тюрок, монголов и китайцев и обучали их. Сегодня многие монголы и китайцы, среди их дети королей и королев, были крещены и веруют в Христа. Они имеют церкви в своих лагерях. Король Аргун находится в дружбе с моим владыкой патриархом. Он желает ему овладеть Сирией и надеется на вашу помощь доставить Иерусалим».⁹⁹

После посвященных визитов в собор Св. Петра и другие церкви Рима Раббан Саума отправился из Генуи во Францию. Генуэзцы, которые имели важные

расчетные палаты в Крыму и Трабизонде и много купцов в монгольской Персии, были расторопны и тепло приветствовали посла Аргуна.¹⁰⁰ Раббан Саума прибыл в Париж около 10 сентября 1287 и был принят Филиппом Справедливым, который лично проводил его в Собор Парижской Богоматери. После ознакомления с Парижем от Сорбонны до аббатства Св. Дениса, Раббан Саума отправился в Бордо с визитом к королю Англии Эдуарду I (в конце октября и начале ноября). Подобно французскому королю Эдуард оказал монгольскому послу наиболее обольстительный прием; тем не менее ни один монарх не заключил какой-либо определенный военный пакт, который преследовала миссия Раббан Саума.¹⁰¹ Несколько обескураженный Раббан Саума возвратился в Рим, где, наконец, 20 февраля 1288 был избран новый папа Николас IV. Николас выслушал монгольского прелата с величайшим интересом и расположением; он принял его на церемониях Святой Недели, предоставляя место почета повсюду и давая ему причастие со своих рук. Раббан Саума отбыл полный утешения; из его отчета о миссии ясно, что этот прелат, родившийся около Пекина, никогда не мечтал о такой теплоте и такого религиозного удовлетворения.¹⁰² Однако, с политической точки зрения, его миссия была потерпела неудачу. Западные державы не стали организовать крестовый поход, который вместе с монгольской армией Персии могла бы сохранить франкские колонии Сирии. Жалоба Раббан Саума кардиналу Тускулума в Генуи говорит сама за себя: «Что же я могу говорить вам, дорогой и преподобный владыка? Я пришел сюда с миссией по поручению короля Аргуна и патриарха, озабоченных Иерусалимом. Весь год прошел. Что я должен говорить, какой ответ я должен доставить монголам по моему возвращению?»¹⁰³

Раббан Саума отправился назад в Персию с письмами к хану Аргуну от Николаса IV, Филипа Справедливого и Эдуарда I.¹⁰⁴ Он, по-видимому, возвратился во двор около конца лета 1288. Аргун выразил глубокую благодарность и назначил его в качестве несторианского капеллана своей *орды*: «Аргун приказал соорудить храм вблизи своей королевской палатки так, чтобы канаты двух палаток перекручивались. И он приказал, чтобы звон колокола в этой церкви никогда не утихал».¹⁰⁵

После празднования Пасхи (10 апреля 1280), Аргун отправил нового посла, геноуэца Бускарел де Гисолфа, к папе Николасу IV, Филипу Справедливому и Эдуарду I. Бускарел прибыл в Рим между 15 июля и 30 сентября 1289. Принятый Николасом и позднее (ноябрь и декабрь) Филипом, он повторил предложение своего сюзерна о наступательном союзе с целью взятия Святой Земли. Имеется текст письма, адресованного к Филипу, написанного на монгольском языке уйгурскими буквами: «Властью Вечного Неба и под покровительством верховного хана [Кублая] это есть наше слово: Король Франции, мы приглашаем вас снарядить кампанию в последнем месяце зимы года пантеры [январь 1291] и соорудить лагерь перед Дамаском около пятнадцатого дня первого месяца весны [около 20 февраля 1291]. Если вы пошлете по вашей части войска в это установленное время, то мы захватим Иерусалим и отдадим вам. Тем не менее, будет бесполезно для наших войск отправиться в поход, если вы не сможете придти на место встречи». К этому письму прилагался документ, написанный на французском и врученный Филипу Справедливому Бускарелом, согласно которому Аргун обещал снабжать необходимой провизией и 30 000 конями для французских крестоносцев, в случае их высадки в Сирии.¹⁰⁶ В 1290 Аргун направил четвертого посла к папе, Филипу и Эдуарду, некоего Чагана или Загана, имевшего христианское имя Андрей в сопровождении Бускарела де Гисолфа, для которого это было второй миссией.¹⁰⁷ Однако, еще раз западные державы не ответили по существу, ограничиваясь лишь формальными комплиментами и поэтому франко-монгольская экспедиция против мамелюков никогда не имела места.

Вместе с тем Аргун должен был обратить свое внимание на защиту своих северных границ в одиночку в Хурасане и Закавказье. Он назначил своего старшего сына Газана губернатором Хурасана вместе с эмиром Наурузом, сыном ойратского администратора Аргуна Аги, в качестве его заместителя. С 1243 по 1255 Аргун Ага, как мы знаем, управлял восточной и центральной Персией для великого хана почти с неограниченной властью и даже после восшествия на трон династии Гулюгу он удержал значительную власть до своей смерти около Туса в 1278. Науруз, рожденный и выкормленный для почестей, обращался с Хурасаном как своим собственным поместьем. В 1298 он поднял мятеж и почти преуспел в захвате

самого принца Газана. Однако, после успешного начала, его преследовали армии Аргуна и он нашел убежище в Закавказье у хана Кайду, главы дома Огодая (1290).¹⁰⁸ На Кавказе хан кипчаков напал на персидские границы через ущелье Дербент, однако, генералы Аргуна нанесли противнику поражение 11 мая 1290 на берегах Кара-су в Черкессии и вторжение было отражено.¹⁰⁹

Правление Гайхату и Байду

Реакция против политики централизации Аргуна началась во время его последней болезни. Он умер 7 марта 1291. 30 февраля его царедворцы устранили от власти и казнили еврейского министра Саад ад-Даула. Наиболее влиятельные военные начальники номинировали на трон брата Аргуна, Гайхату, тогда губернатора сельджукской Анатолии. Это был принц малых достоинств, пристрастившийся к вину, женщинам и мужеложеству, дико экстравагантный и не имеющий никаких способностей для правления. Он и его министр, *sadr-jihan* Ахмед ал-Халиди, были настолько введены в заблуждение, чтобы вводить в Персии в мае 1294 бумажные деньги или *sh'ao*, подражая тому, что сделал Кублай-хан в Китае.¹¹⁰ Первое издание денег состоялось в Табризе 12 сентября того же года. Результат был даже намного сокрушительным чем в Китае и, в виду забастовки купцов и базарных бунтов, бумажные деньги были изъяты.

По части религии жизнь Мар Яхбаллаха III заверяет нас, что Гайхату обращался с патриархом с не меньшим почетом чем с Раббан Саума, и он почтил их своим визитом несторианскую церковь, построенную позднее в Марагехе.¹¹¹ Тем не менее, политика *sadr-jihan*, всесильного министра, чьей целью было устранение монгольских эмиров с правительственных постов, благоприятствовала, главным образом, мусульманам, как подчеркивает Бартольд.

Гайхату был неизвергнут партией монгольских феодалов, которые возражали против указанных направлений. 21 апреля 1295 он был задушен в своем муганском лагере струной лука, «без проливания крови». На его место знать назначила его двоюродного брата Байду, одного из внуков Гулюгу. Новый хан до

некоторой степени незначительной личностью, который принял власть лишь под давлением.¹¹² Согласно Бар Гебрауесу, он очень благосклонно относился к христианству. «Находясь в компании греческой принцессы, жены Абаки, он выработал хорошее мнение о христианах и позволял им иметь храмы и звонить колокола в своей орде. Он даже говорил им, что он сам был христианином и носил крест на своей шее, однако не смел показывать свои симпатии открыто... Мусульмане, тем не менее, упрекали его за пристрастие к христианам, которые во время его весьма кратковременного правления заполучили много гражданских назначений».¹¹³

Приц Газан, сын Аргуна и наместник в Хурасане, амбициями которого были завладеть тронотца, поднял мятеж против Байду. В этом его поддержал эмир Науруз, который, помирившись с ним в 1294, теперь служил ему в качестве помощника. Науруз, ревностный мусульманин, уговорил Газана отказаться от буддизма в пользу ислама, чтобы он в борьбе против Байду мог получить поддержку персидского элемента. Это было довольно естественной политикой, поскольку Байду поддерживали христиане.¹¹⁴ Байду, как это стало, был жертвой своей собственной сострадательности. Во время встречи с Газаном его сторонники просили его избавиться от этого принца; но, он руководствуясь долговременной привязанностью, отказался это сделать. Его враги были менее разборчивы. Из-за интриг Науруза он нашел себя постепенно покинутым своим сторонниками и был подавлен без боя. Он попытался бежать из Азербайджана в Грузию, но был схвачен около Нахичевани и казнен 5 октября 1295.

Правление Газана

Газан, наконец, взшел на трон, которого жаждал со времени смерти своего отца Аргуна. Несмотря на его переход в ислам, он был настоящим монголом. Монах Хайтон описывал его как короткого и отвратительного – наиболее отвратительного во всей его армии. Его энергия была неисчерпаемой; он был хитрым, скрытым, терпеливым, как мы увидим в его делах с Наурузом; он был беспощадным по отношению к своим врагам и не считался с человеческими жизнями, когда добивался целей своей политики; тем не менее, он был сильным

администратором и до некоторой степени человеком. Он также был хорошим военачальником и храбрым солдатом. (Он это доказал в сражении на Хомсе, которое он выиграл, так сказать, своими единственными руками, когда его люди были уничтожены). Короче говоря, с учетом времени, он несколько напоминал своего предка Чингиз-хана. Более того, он был очень образованным и хорошо информированным. Рашид ад-Дин говорит, что «Его родным языком был монгольский, но он знал немного арабский, персидский, хинду, тибетский, китайский и франкский. Его специфичной областью знаний была монгольская история, о которой, он, как и о всей его монгольской нации, был высокого мнения. Лучше чем любой монгол, за исключением Болод Ага, он знал своим сердцем генеалогию своих предков и всех монгольских вождей и монгольских полководцев».¹¹⁵ Ни один чингизид не был более понимающим свою расу, чем это принц, который в силу обстоятельств начнет врасплох денационализацию своих людей путем приведения их на путь ислама.

В начале своего правления, несмотря на силу своей личности, Газан был вынужден следовать не по пути своей политики, а своих сторонников. Получив трон с помощью эмира Науруза и мусульманской партии, он должен был сперва удовлетворять их. Монгольское государство Персия стала официально мусульманской; и внешним и видимым признаком этого стало то, что монголы приняли тюрбан. Жестокая мусульманская реакция, инспирированная Наурузом, теперь пошла против всей политики Гулюгу, Абака и Аргуна. Со времени его вступления в Табриз, в его столицу, Газан, пленник своих приверженцев, отдал приказы разрушить христианские церкви, еврейские синагоги, маздеанские факельные храмы и буддийские пагоды. Буддийские идолы и христианские иконы были разбиты и связанные вместе, были проташены по улицам Табриза. Буддийским бонзам было приказано принять ислам. Аргун, отец Газана, имел свой портреты, нарисованные на стенах пагоды; тем не менее, Газан распорядился разрушить эти картины.¹¹⁶ Христиане и евреи не могли появляться на людях иначе, чем в отличительных одеждах. Науруз, превысив инструкции своего хозяина, даже приказал проводить массовые убийства среди бонз и христианских священников. Многие буддийские монахи должны были отказаться от своей веры. Несмотря на

преклонный возраст и «монгольское» происхождение, почтенный несторианский патриарх Мар Яхбаллаха III был арестован в своей марагехской резиденции, заключен в тюрьму, повешен вниз головой и избит в то время как мусульманское население разгромила несторианское святилище Мар Шалита. Мар Яхбаллаха, которого Науруз хотел казнить, был спасен вмешательством Хетума II, короля Армении (Силисия), который в это время находился с визитом во дворе Табриза и вступился перед Газаном за старого человека. Несмотря на угрозу расправы, монгольский двор не осмелелся возразить верному армянскому вассалу, который обеспечивал защиту границ империи от мамелюкского султаната. Газан использовал мусульманскую империю в добро, несомненно, потому что он чувствовал, что обращение династии в ислам является важным для правителей мусульманской страны, однако, он не разделял религиозную ненависть своего министра Науруза; он был слишком монголом для этого.¹¹⁷ Как только он приобрел немного свободы действий, он восстановил Мар Яхбаллаха, чье монгольское происхождение не могло не сохранить в нем его симпатии (март-июль 1296). Тем не менее, в марте 1297 спущенные с поводов мусульмане Марагеха подняли новый мятеж, разгромив и патриархскую резиденцию, и несторианский кафедральный собор. В тоже самое время курдские горцы, подстрекаемые агентами Науруза, осадили цитадель Арбела, несторианское места прибежища.¹¹⁸

Между тем Газан, который имел сильный характер и был очень ревнивым всего, что касается его власти, стал раздражаться диктаторскими замашками Науруза. Науруз был сыном монгола, который являлся почти независимым наместником восточной Персии и был мужем королевской принцессы, дочери хана Абака. С того времени, как он поставил на трон Газана, он считал себя неприкосновенным и свободным для действий, которые он возжелал. В признание его заслуг Газан сделал его генеральным помощником своих владений. Теперь его высокомерие и гордыня не знали границ. Внезапно рука монарха пала на него. В марте 1297 без предупреждения Газан арестовал и казнил всех его подзащитных, которые в это время находились во дворе. Науруз сам, тогда во главе хурасанской армии, был атакован верными войсками и разбит около Нишапура. Он нашел убежище у малика Герата, Фахр ад-Дина Керта, сына и наследника Рукн ад-Дина,

считав, что он может ему довериться. Однако, политика Керта состояла в выживании среди монгольских войн взятием время от времени одной из сторон. Было ли похоже, чтобы проницательная семья афганов пойдет на стычки с чингизидской династией из-за павшего министра? Когда имперская армия пришла, чтобы осадить Герат и схватить Науруза, Фахр ад-Дин цинично вручил беглеца, который был казнен тут же (13 августа 1297).¹¹⁹

Освободившись от опеки Науруза, Газан бросился в выполнение своих задач. Он оставался истинным монголом, несмотря на все свои обращения в ислам и был энергичным правителем, и образованным, и строгим. Он восстановил силу центральной власти безжалостными казнями, иногда только по подозрению, принцев крови, эмиров и чиновников, которые могли препятствовать его целям. «Как властитель и законоиздатель», пишет Бартольд, «он проявлял чрезвычайную активность, совершенно чужую от фанатизма. Он обращал свое внимание на государственные финансы, в частности, на денежное обращение. На своих монетах, выгравированных на трех языках (арабский, монгольский и тибетский) Газан более не изображается, как делали его предшественники, в качестве представителя великого хана Пекина, а монархом по милости Бога: *tängri-yin kuchundur* (буквально, по милости Неба)». ¹²⁰ Тем не менее, несмотря на декларацию суверинитета, послы Газана в Китае продолжали наносить визиты покорности к великому хану Темюрю как главе семьи чингизидов и, в особенности, как главе дома Толуи.

Газан, возможно, был безжалостным в своих мерах по отношению к заговорам и казнокрадству своей большой, всесмотрящей администрации «защищающей деревенское население от приставаний и вымоганий». Однажды он сказал своим чиновникам: «Вы хотите, чтобы я вам позволил грабить таджиков [персидских земледельцев]. Однако, когда вы уничтожите скот фермеров и их растения, что вы будете делать? Если вы придете в поиске продовольствия ко мне, я сурово накажу вас!» ¹²¹ После стольких гонений и опустошений большая часть культивируемых земель лежала в руинах в Хурасане и Ираке Аджамии. Кочевое правление убивало почву. Рашид ад-Дин отмечает: «Поля в большей части лежали необработанными. Независимо оттого, кому они принадлежали, никто не посмел

трогать их из-за боязни вновь лишиться собственности после вкладывания стольких трудов и денег на их обработку». Газан заботился о «переделывании земли». Рашид ад-Дин продолжает дальше: «Он чувствовал необходимость поощрения такого предпринимательства и издал декрет, гарантирующий культиваторам плоды их труда на справедливых условиях. Общественные земли, которые оставались необработанными в течение многих лет, были отданы тем, кто будет на них трудиться с освобождением от налогов в первом году. По тому же декрету наследственные земли, которые не обрабатывались в течение определенных лет, могли быть присвоены новыми земледельцами без согласия их владельцев».¹²² Контроль над расхищениями знатью позволила повысить государственные доходы с 1 700 до 2 100 туманов.

Министром Газана был великий персидский историк Рашид ад-Дин (Фадл Аллах Рашид ад-Дин Табиб из Хамадана, родившийся около 1247 и умерший в 1318, получил ранг *sadr* в 1298).¹²³ Именно Газан попросил Рашида ад-Дина написать историю монголов и таким образом родилось бессмертное произведение знаменитого ученого *Jami-ut-Tavarikh*. Газан, который, как видно, владел замечательным знанием прошлого своего народа, был одним из главных источников информации Рашида ад-Дина, также, как и *ch'eng-hsiang* Блоод, посол великого хана Китая во дворе Персии.

Газан также покрыл свою столицу Табриз прекрасными зданиями: мечетями, мадрасами, учреждениями благотворительности и т.п. Как наблюдал Рашид ад-Дин: «Монголы, которые до сих пор только разрушали, теперь начали строить». Правление Газана отмечает точку, на которой в Персии этот вечнодвигающиеся кочевники стали почти оседлыми. К несчастью, эта тенденция имела свои обратные стороны. Утрачивая свою универсальную толерантность для того, чтобы адаптироваться к возрастающей религиозной форме ислама (вспомните мытарства Рашида ад-Дина), монголы Персии скоро потеряли свои национальные характеры и качества; они слились с остальными жителями и в конечном счете исчезли.

Не было ни времени, ни случая, чтобы эти достойные сожаления тенденции разрабатывались во время энергичного правления Газана. В Малой Азии,

например, этот принц круто расправился с сепаратистскими выступлениями. Суламиш, внук нояна Байджу, попытался создать для себя независимое княжество с помощью туркменского эмира Махмуд-бека, действительного основателя династии Караман в старой Ликаонии (юго-восточная Капподакия). 27 апреля 1299 это восстание было разгромлено королевской армией у Аксехира, около Ерзинкана. И последний из сельджукских султанов Кония, назначенный и снятый по капризу двора Табриза, имел меньше власти чем любой монгольский перфект. Так, Газан снял султана Масуда II (1295), поставил на трон Каи-Кобада II (ум. 1304), последнего принца этого прославленного дома.

Газан, следуя в этом отношении иностранной политике Гулюгу и Абаки, предпринял новое вторжение в мамелюксую империю в Сирии. Он занял Алеппо, за исключением цитадели (12 декабря 1299), победил армию мамелюков перед Хомсом (22 декабря 1299) и вступил в Дамаск (6 января 1300). Хетум II, король Армении (Силисия), верный вассал монголов, как и весь его дом, поддержал его некоторыми своими вооруженными силами. Однако, после падения последних франкских владений и постоянного обращения монголов в ислам, эти монгольские победы уже имели малое значение, скорее в смысле «некролога». Во всяком случае, после этих блестящих побед Газан возвратился в Персию (февраль 1300) и мамелюки были в состоянии вновь занять Сирию. Можно сказать, что Газан добился успеха в соединении полностью мусульманской внутренней политики с внешней политикой, исходящей от Гулюгу, Абаки и Аргуна. Было видно, и Рашид ад-Дин дает нам достаточное свидетельство к тому, что не имеется никаких причин сомневаться в искренности и постоянстве его обращения в ислам. Он безвозвратно разорвал с буддизмом, религией его семьи и заставил буддийских бонз и лам отказаться от своей религии или покинуть страну. С другой стороны, нет сомнения сомневаться в его иностранной политике. Он остановил также преследование несториан и демонстрировал свое дружеское отношение к их патриарху Мар Яхбаллаха III. В июне 1303 он посетил старого понтифика в монастыре, которого он перестроил в Марагехе, и обсыпал его подарками, почестями и знаками отличия.¹²⁴

Правление Олжайту

Газан умер 17 мая 1304 и был унаследован своим младшим братом Олжату (1304-16).¹²⁵ Хотя он был сыном несторианской принцессы Урук-хатун и крещен ею под именем Николаса, Олжайту позднее был обращен в ислам под влиянием одной из своих жен. Некоторое время он даже был привержен к персидскому шиизму.¹²⁶ Во время его правления ислам сделал новые шаги в Персии. Несторианский патриарх Мар Яхбаллаха, который надеялся на пользование тем же вниманием, как у Газана, получил не более чем сдержанную вежливость, как отметил биограф. Мусульмане воспользовались этим для преследования несториан. Церковь в Табризе мог бы быть превращен в мечеть, если бы не вмешательство монгольского эмира Иранжина, принца керайтского происхождения, племянника Докуз-хатун и брата матери Олжайту, который подобно всем керайтам сохранял старые симпатии к христианам. Несториане, как отметили, имели один опорный пункт, цитадель Арбела или Ербил. Весной 1310 губернатор региона попытался овладеть им с помощью курдов. Несмотря на усилия Мар Яхбаллаха чтобы предотвратить неисправимое несчастье, христиане Арбела воспротивились. Цитадель в конечном счете был взят королевскими войсками и курдскими горцами 1 июля 1310 и все защитники были истреблены. Мар Яхбаллаха вынужден был пережить свою работу; он умер в Марагехе 13 ноября 1317, полный горечи против тех монголов, которым он служил так преданно и которые лишили его всего, будучи сами лживыми.¹²⁷

Несмотря на свой отказ от традиционных для чингизидов симпатии по отношению к несторианам Олжайту следовал, в основном, политике своего брата; и хотя он лично был менее сильным, тем не менее он придерживался твердых административных рамок, которые основал Газни. Мусульманские источники описывают его как либерального и искреннего человека.¹²⁸ Он сохранил в качестве министра великого историка Рашида ад-Дина, выдающегося администратора и мудрого государственного деятеля, который при этом правлении пользовался даже большим влиянием, чем при Газни. Он даже добился в обращении Олжайту в доктрину Шафиита. Олжайту выделял его покровительство также, как и патронаж другого историка того времени, Вассафа. Наконец, Олжайту был великим

строителем. В 1305-6 он установил свою столицу в Султании, в северо-западной части Ирака Аджами, на стороне, которую выбрал его отец Аргун и которую он украсил. Он также проявил интерес к обсерватории Марагеха. Рашид ад-Дин также был строителем и в 1309 он построил целый новый квартал в городе Газании, восточнее Табриза.¹²⁹

Несмотря на свою мусульманскую набожность, иностранная политика Олжайту, подобно политике Газани, следовала по той же линии его предков: он противостоял мамелюкам и пытался создать союз с христианской Европой. Он направил ко дворам Запада в качестве посла христианина Томаса Илдучи. Сохранились письма, которые он адресовал по этому случаю папе Клементу V, королю Франции Филипу Справедливому и королю Англии Эдуарду II. Французские национальные архивы хранят особенно письмо Олжату Филипу Справедливому, датированное маем 1305, в котором он поздравляет себя по поводу гармонии, превалирующую между ним, ханом Персии и другими вождями чингизидского улуса: Темюром, великим ханом Китая; Чепером, главой улуса Огодая; Дувой, главой улуса Ягатая; и Токтаем, ханом кипчаков. Олжайту также выражает желание сохранить хорошие отношения своих предшественников с лидерами христианства.¹³⁰

Между тем, началась вновь пограничная война между ханством Персия и султанатом мамелюков Египта. В 1304-1305 мамелюки совершили грабительские рейды на территорию армянского королевства Силикия, вассального государства монголов. При втором рейде они встретились с монгольскими гарнизонами Малой Азии и потерпели существенные потери.¹³¹ В 1313 Олжайту осадил крепость Рахиба, мамелюкский пограничный пост на среднем Евфрате, однако, жара вынудила его отказаться от осады перед тем как город капитулировал.¹³²

В Малой Азии сельджукская династия пришла к концу в 1302, так что монгольские наместники Кония здесь стали правителями. В действительности, исчезновение удобной сельджукской «ширмы» оставило монголов лицом к лицу с малыми тюркскими эмирами, которые старались воспользоваться отсутствием центральной власти для приобретения независимости. Так обстояло дело с караманскими эмирами, туркменскими вождями, расположившихся в горном

районе Ерменака и старающихся в это время занять место сельджуков Конии и которых Газан вынужден был жестоко наказывать в 1299 (см. выше). Между 1308 и 1314 карманский эмир Махмуд-бек сделал себя хозяином Конии. Олжайту направил против него генерала Чопана, который сперва вынудил его бежать и скоро после этого, в 1319 прийти назад и выразить покорность.¹³³ Оттоманы, в свою очередь, которые располагались в северо-западной Фриджии и в Битинии, начали расширяться за счет Византии. Основатель Оттоманской империи Утман I угрожал, в особенности, городу Наисии. Византийский император Андроникус II, добивался союза с Олжайту и предложил ему в жены свою сестру Марию.¹³⁴ Кажется, в результате этого союза монгольские вооруженные силы вторглись в оттоманскую область Эскишехер, откуда они вытеснили Орхана, сына Утмана.¹³⁵

Турко-византийские границы северо-западной Анатолии представляли для монголов Персии лишь малый интерес. Как они могли представить, что не так давно основанный здесь мелкий оттоманский эмират, вырастет через сто лет в крупнейшую мусульманскую империю мира? Они обращали более пристальное внимание к делам иранского востока, поскольку они должны были постоянно охранять его против вторжений своих кузенов, ягатаевских ханов Трансоксонии и в тоже самое время подавлять тайные попытки собственных вассалов, афганов семьи кертов Герата добиться независимости.

В 1306 Олжайту отправил генерала Данишменда Бахадура осадить город Герат, где малик Фахр ад-Дин, третий принц кертской династии, действовал как независимый властелин. Фахр ад-Дин вынужден был отступить в крепость Аманкох и Данишменд был в состоянии занять сам город; однако, цитадель, удерживаемый помощником Фахр ад-Дина по имени Мухаммад Сам, оставался неприступным. В сентябре 1306 Мухаммад Сам заманил самоуверенного Данишменда во дворец и убил его. Олжайту отправил новую армию под командой эмира Яссаура и Буджая, сына Данишменда. После длительной блокады и нескольких драматических событий город и цитадель Герата сдались, в основном, из-за голода, также и из-за предательства (1307). Фахр ад-Дин между тем умер в Аманкохе.¹³⁶ Однако, вместо того, чтобы воспользоваться этой ситуацией для свержения династии Керта, Олжайту еще раз отдал княжество Герат Хият ад-Дину,

брату Фахр ад-Дина (июль 1307). Вызвав подозрение в замышлении нового мятежа, Хият ад-Дин прибыл к Олжайту за оправданием и после этого был оставлен как постоянный владелец Герата (1315).¹³⁷

В 1313 (см. стр. 344) Олжайту захватил восточный Афганистан у младшего ягатайца Давуд-ходжа, что вызвало вторжение хана ягатайцев Эсен-бука, который завоевав Мургаб, захватил часть Хурасана (1315). Однако, Персия скоро была избавлена от этой борьбы благодаря отвлечению, предпринятому великим ханом Китая, чьи армии, атакуя ягатайскую территорию с тыла, проникли до Таласа (прбл. 1316).¹³⁸ Тем не менее, Хурасан оказался под угрозой опять после того, как сосланный в ссылку ягатайский принц по имени Яссавур, которого Олжайту поспешно принял и который теперь пытался стать независимым (1318). К счастью для Персии, Яссавур был убит в июне 1320 его личным врагом Кебеком, ханом ягатаев.¹³⁹ В ходе этой войны Хият ад-Дин Керт, эмир Герата, который оказался осажденным в своем городе Яссавуром в мае 1319, выступил против него. Этим самым он показал себя защитником, верным дому Гулюгу и двор Табриза тепло его поздравил. В действительности, он лишь усиливал свою власть в княжестве Герат.¹⁴⁰ К концу своей жизни (он умер в 1329) он фактически стал независимым, хотя двор Табриза все еще полагал его как незаменимого защитника своих границ на северо-востоке.

Правление Абу Саида

Эти последние события произошли во время правления Абу Саида, который в возрасте 12 лет унаследовал своего отца Олжайту после его смерти в Султании 16 декабря 1316. Он занимал трон с 1317 по 1334, однако всю свою жизнь оставался марионеткой монгольских феодалов, которые управляли от его имени и вздорили друг с другом за власть и владения. Великий историк Рашид ад-Дин, который как министр, защищал интересы государства, пал жертвой этой камарильи и был казнен по ложному и отвратительному обвинению (18 июля 1318).¹⁴¹

В первую часть правления Абу Саида власть находилась в руках монгольского эмира по имени Чопан или Жубан.¹⁴² С 1317 по 1327 Чопан был действительным правителем Персии и правил он твердо. В 1322 он подавил мятеж,

возглавляемый его сыном Тимурташом, наместником Малой Азии; в 1325 он вел победоносную экспедицию до Терека против кипчакского ханства; в 1326 около Газни его сын Хусаин разгромил Тармаршарина, хана ягатаев, который вторгся в Хурасан, и отбросил его назад в Трансоксонию. Однако, в 1327 Абу Саид был утомлен своим опекуном и разорвал с ним.¹⁴³ Чопан, тогда находившийся в Хурасане, поднял флаг восстания и приготовился к походу на Мешед до Азербайджана. Он был покинут своими войсками, был вынужден искать убежища в Герате у малика Хият ад-Дина. Малик его задушил и «отправил его палец» Абу Саиду (октябрь-ноябрь 1327).¹⁴⁴ Тимурташ, один из сыновей Чопана и наместник Малой Азии, бежал в Каир, где мамелюки, из-за боязни недовольства со стороны Абу Саида, его убили.¹⁴⁵

Падение сильного человека, подобного Чопану, последовавшее так скоро после законного убийства великого министра Рашида ад-Дина, явилось смертельным ударом по ханству Персия. Когда после нескольких лет Абу Саид ушел из жизни сам, то уже не нашлось вождя, ни военного, ни гражданского, чтобы удерживать монгольско-персидское государство целым и улус Гулюгу был распущен.

Падение Чопана имело другое последствие: оставление тюркской Анатолии на произвол своей судьбы. Даже со времени исчезновения сельджукского султаната Конии после смерти Масуда II в 1304 монгольский наместник, назначенный двором Персии, проявлял тенденцию вести себя как автономный принц. Мы видели, как Тимурташ, сын Чопана, уже поставил целью независимость. Весьма возможно, что из-за несчастья своей семьи он мог бы, после смерти Абу Саида, основать монгольский султанат Анатолии или в Конии, или в Каисери, и этот султанат мог бы явиться барьером на пути расширения османской империи.¹⁴⁶ На самом деле, падение Тимурташа в 1327 с последовавшей через семь лет смертью Абу Саида оставило Анатолию без хозяина и развязало руки местным тюркским эмирам дома Карамана на юго-западе и дому Оттомана (Осман) на северо-востоке. Таким образом, рост Османской империи явился результатом непосредственных конфликтов в монгольском дворе Персии в решительные годы 1327-35.

Распад монгольского ханства Персии

Смерть Абу Саида (30 ноября 1335) привела к распаду монгольского ханства Персия. Вместо избрания нового хана из дома Гулюгу, знать выбрала чингизида другой ветви: Арпагона или Арпакавана, потомка Арик-бога, брата Монгу, Гулюгу и Кублая. В 1336 этот непредвиденный хан был разгромлен и убит восставшим губернатором.¹⁴⁷ После этого два феодала, каждый таща на свою сторону монгольскую знать, подковоерно боролись за власть марионеточных королей. Одним из этих соперников был губернатор Малой Азии Хасан Бузург (Высокий) или Хасан Джелаир, как его также звали, по названию монгольского племени, из которого он происходил.¹⁴⁸ Другой, Хасан Кучук (маленький), также монгольского происхождения, был внуком Чопана и избежал печальной участи своих родственников.¹⁴⁹ В 1338 Хасан, потомок Чопана, добился захвата Табриза, нынешней столицы Персии, у своего соперника Хасана Джелаира. Он затем построил себе королевство на северо-западе, включающий Азербайджан и Ирак Аджами. После его смерти в 1343 его брат Ашраф унаследовал эти владения, все еще с Табризом в качестве столицы.¹⁵⁰ Между тем, Джелаир правил в Багдаде, где в 1340 он провозгласил себя независимым королем и откуда он в 1355 отразил все атаки Ашрафа.

В зените этой анархии пришло и чужеземное вторжение. В 1355 Янибег, хан кипчаков (Южная Россия), проник в Азербайджан и убил Ашрафа чопанита; он затем возвратился в Россию беззаботно, не обосновав свой доминион на твердой основе.¹⁵¹ Это несчастье обернулось на пользу Джелаира. Хасан Бузург только что умер (1356), но его сын Увейс, который наследовал его на троне Багдада, поспешил в Азербайджан и захватил его после предварительного обходного маневра (1358).¹⁵² Теперь в качестве правителя и Багдада, и Табриза, он правил над всей западной Персией до своей смерти в 1374, когда на его место вступил его сын Хусаин Джелаир (1374-82). Позднее, как мы увидим, брат Хусаина и наследник Ахмед Джелаир оспаривал владение Табриза и Багдада с Тамерланом.

Между тем в Герате и восточном Хурасане афганское королевство кертских правителей становилось совершенно независимым. Умный Хият ад-Дин умер в

октябре 1329 и его два старших сына, Шамс ад-Дин II и Хафиз, правили лишь несколько месяцев. Однако, третий сын, Муизз ад-Дин Хусаин, который провозгласил себя королем, несмотря на свою молодость, правил с 1332 по 1370 и во время этого периода сделал свое королевство относительно сильным государством, которое одно время было достаточно смелым вмешаться в дела Трансоксонии (см. выше, стр. 373).¹⁵³

В восточном Хурасане главарь разбойников по имени Абд ар-Раззак, который в 1337 захватил крепость Себзевар, основал новое княжество сарбедарианов. Его брат Важих ад-Дин Масуд, который его убил (1338), продолжал его дело внезапным захватом Нишапура.¹⁵⁴ Во время главных волнений монгольский принц по имени Тогул Тимур, потомок брата Чингиз-хана Касара, был провозглашен в 1337 ханом.¹⁵⁵ Он расположился в Бистаме в северо-западном Хурасане и правил также над Мазандераном. Он улучшил город Мешед и известно, что он проводил свое летнее время около Радкана, а зимы в Гургане, недалеко от Каспийского моря. Сарбадерианы признавали его не более чем номинально. Около декабря 1353 они его убили и так оставались хозяевами всего северо-западного Хурасана, оставляя юго-восток во владениях кертов. Естественно, эти две иранские династии начали кровепролитную войну друг против друга, разгоряченные религиозными различиями, когда керты являлись суннитскими афганами, а сарбардианы – шиитскими персами.

Третья иранская, или, более точнее, арабо-иранская династия, музффаридская, была установлена в Кермане и Фарсе.¹⁵⁶ Ее основатель араб Мубариз ад-Дин Мухаммад, который владел властью в Язде и Кермане, установил контроль над Ширазом в 1353 и Исфагане в 1356-57. В 1358 он был низвергнут и лишен глаз своим сыном Шах Шуджа (ум. 1384), который вступил на его место в Ширазе, в то время как Исфаган перешел к другому музаффариду.

Для того чтобы завершить картину, следует отметить, что помимо этих хозяев времени, уже возникали хозяева будущего. Они включали, в западной Персии, все еще кочевых туркменское племя, известное из его эмблем как племя Черных Овец: Кара-Кояунлу. Во время разделения ханства Гулюгу Кара Кояунлу проживало в армянском районе Мус и достигало до Мосула, когда Увейс Джелаир

прогнал их (прбл. 1336). После смерти Увейс в 1374 вождь Кара-Коюнлу Байрам Хуаджа вновь занял Мосул и Зенджан. Его внук Кара-Юсуф стал основателем владением своего дома путем захвата Табриза у джелаиров и оставаясь здесь до прихода Тамерлана.¹⁵⁷

В бывшем государстве сельджукской Малой Азии, которая пала в состояние неизвестности со времен исчезновения сперва дома Сельджука (прбл. 1304) и затем ханства-сюзерна Персия, два туркменских княжеств спорили о владении Капподокией. В Сивасе и Кайзерите это был клан Артена-оглу, чей правитель с 1380 до 1399 был знаменитым поэтом-принцем Бурхан ад-Дин,¹⁵⁸ за которым в 1400 следовал другой туркменский клан, известный как Белая Овца (Ак-Коюнлу).¹⁵⁹ В Ларанде (нынешний Караман) выросла династия караманских эмиров (подобно туркменам), которые в одно время воевали с оттоманскими турками Битино-Фригуанских границах за гегемонию над Малой Азией и сельджукское наследство.¹⁶⁰

Позднее среди этих жестоких соперничеств случится вторжение Тамерлана.

10

КИПЧАКСКОЕ ХАНСТВО**Жучи и его сыновья: Золотая Орда, Белая Орда
и Улус Шайбана**

Чингиз-хан отдал своему сыну Жучи, который умер раньше его на шесть месяцев, около февраля 1227, равнины к западу от Иртыша: точнее, Семипалатинск, Акмолинск, Тургай, Уральск, Адаж и хорезмское государство (Хива). После его смерти он оставил это владение сыновьям Жучи, более точно, второму сыну Батыю, который, после успешных кампаний 1236-40 добавил к нему все прежние кипчакские и болгарские территории, за исключением сюзернитета русских княжеств.

Одна лишь европейская часть ханства Батыя было огромным владением, состоящим сперва из широкого пояса степей к северу от Черного моря, именно, Уральского бассейна, низовьев Дона, Донца, Днепра и Буга, устья Днестра и нижнего Прута. Оно также включало степи, которые продолжались к северу от Кавказа через бассейны Кубани, Кумы и Терека. Короче, оно включало весь бассейн древней европейской Скифии. Кроме того, оно простиралось в болгарскую страну или лесную зону и земледелия, орошаемую средней Волгой и ее притоком Кама. Подобно древней Скифии, описанной Геродотом, безграничные степи этой «монгольской Европы» были пустыми просторами. Рассказ Рубрука дает некоторое представление об этом: «путешествуя на восток, мы ничего не нашли вдоль нашего пути, кроме неба и земли и иногда перед нами раскрывались то там, то здесь, могильные курганы куманов, которые мы могли видеть на расстоянии двух лье».¹ По этим пустым просторам странствовали монгольские орды или, скорее, тюркские войска под командованием монгольских офицеров, поскольку, согласно Рашиду ад-Дину, «завещание» Чингиз-хана отчислила Батыю не более чем четыре тысячи истинных монголов, вся остальная часть его армий состояла из тюрок, которые

присоединились к монгольскому делу, кипчаки, болгары, огузы и т.д., что объясняет, как ханство жучидов так скоро приобрело тюркский характер.²

Кочевое проживание Батыя состояло в продвижении вдоль Волги, вверх против течения весной в старую болгарскую страну Камы и торговый город Булгар, где чеканили монгольские монеты. В августе он начинал спускаться к устью реки, где его палаточный лагерь предшествовал основанию позднее здесь столицы, великого Сарая.³ Он был расположен на нижней Волге, где Рубрук был принят в его палатке: «Батый сидел на высоком кресле или троне размером в кровать, весь позолоченном и с доступом к нему в три ступени. Около него находилась одна из его жен. Другие люди сидели справа и слева этой госпожи. На входе находилась скамейка, на которой стоял кумыс и несколько кубков из золота и серебра, украшенные драгоценными камнями. Батый посмотрел на нас внимательно. Его лицо было несколько красным».⁴

Один из братьев Батыя, Орда, который хотя и был старшим в семье, но играл лишь вторичную роль в ее делах, получил удел на землях, которые составляют сегодня Казахстан.⁵ На юге его земли включали правый берег Сыр-Дарьи приблизительно от города Сигнахи около каратауских гор до дельты этой реки на Аральском море. Таким образом он контролировал почти весь восточный берег этого озера. На севере он удерживал бассейн Сырь-Дарьи и массив Улу-Тау, который разделяет этот бассейн от бассейна Тургая. В 1376 последний наследник Орды, Токтамыш, приобрел города Сигнаки и Отрар, точки контакта с оседлым миром.⁶ Ханство Батыя стало известным истории как кипчакское ханство и Золотая Орда (Алтын-орда), а ханство Орды как Белая Орда (Чаган-орда, Ак-орда).

Шайбан, другой брат Батыя (стал известным во время венгерской кампании в 1241), получил в качестве своей доли территории к северу от ханства Орды, то есть, земли к востоку и юго-западу от южного Урала, с известную в этом краю добрую часть современных российских регионов Актюбинск и Тургай. Летом эта орда, кажется, стояла лагерем между Уральскими горами, рекой Илик (приток реки Урал к югу от Оренбурга, ныне Чкалов) и рекой Иргиз; зимой он, кажется, двигался к югу к улусу Орды. Позднее шайбаниды несомненно расширили свои доминионы на западную Сибирь.⁷

Батый и Берке

Возвращаясь к основной орде, следует отметить, что Батый, который правил с 1227 по 1255, оказывал значительное влияние на монгольскую политику, в основном, как глава (несомненно, с одобрения Орды) старшей чингизидской ветви.⁸ Тем не менее, следует отметить также, что он никогда не заявлял о верховенстве своего ханства. В начале, он даже уважал решения своего деда, который завещал империю дому Огодая. Эта сдержанность может быть объяснено сомнениями по поводу рождения Жучи. Жена Чингиз-хана Бёрте, мать четырех имперских принцев, была похищена татарским вождем около времени зачатия Жучи. Вопрос о его легитимности, кажется, был сознательно отложен на долгий ящик. Отсутствие привязанности к старшему сыну со стороны Чингиз-хана было заметным, также как и странное поведение Жучи после осады Ургенча, когда он потратил последние пять лет своей жизни в своем уделе Тургай, Эмба и Урал без участия в кампаниях Чингиз-хана. К концу разногласия между ними стали очевидными окружающим. Эти обстоятельства сперва сделали дом Жучи малозаметным.

В 1250-51 Батый взял реванш почти низложением дома Огодая и возвышения дома Толуи. Его решительное вмешательство в Алакмаке в 1250 был заметным также, как и в 1251, когда он отправил своего брата Берке в Монголию возвести на трон Монгку, сына Толуи, за счет поражения дома Огодая. Вне сомнения, что Монгку обязан был ему своим трон и он никогда не забывал этот свой долг. Он говорил Рубруку в 1254, что его и Батыева власть простирались по всей земле, подобно лучам солнца, что было знаком о совладении или объединенной империи. Рубрук наблюдает, что на территориях Монгку представители Батыева принимались с гораздо большим вниманием чем преставители Монгку у Батыева.⁹ В общем, Бартольд отмечает, что между 1251 и 1255 монгольский мир в действительности был разделен между великим ханом Монгку и «дояном» Батый, их общая граница протекала через степи между Чу и Таласом.¹⁰ Среди других членов семьи чингизидов Батый занимал положение верховного арбитра и творца

королей. Он сам был оценен весьма различно. Монголы называли его Саин-хан, «хороший принц» и ценили его хороший характер и щедрость. Для христианства, однако, он был защитник многих бесчисленных жертв, что характеризовало кампании 1237-41 в России, Польше и Венгрии. Пиано Карпини подытожил эти противоречия с его описанием как «мягкий, любезный и великодушный к своим людям, но очень жестокий в военных действиях».¹¹

«Европейская кампания» 1237-41 через славянскую Россию, Польшу, Силезию и Моравию и дальше в Венгрию и Румынию, в котором участвовали представители всех чингизидских ветвей, была организована, в основном, в пользу Батыя. Он был главнокомандующим, по крайней мере официально (определение стратегии пало на Суботая, хотя и от имени Батыя) и он один выиграл в конечном счете. Были разгромлены не только последние кипчакские тюрки, но были завоеваны русские княжества Рязань, Суздаль, Тверь, Киев и Галиция и они стали вассалами Золотой Орды в течение более чем двухсот лет. Это было строгое вассальство к концу 15 века, когда хан назначал и снимал по своему желанию русских князей, которые были обязаны приходить к нему «бить лбами об пол» перед ним в его лагере на нижней Волге. Эта политика унижительной зависимости, началась с великого князя Владимира Ярослав, который сначала в 1243 пришел оказать визит повиновения к Батю, чтобы быть назначенным «главой русских князей».¹² В 1250 князь Даниил из Галиции (который в 1255 принял царский титул) также утвердить свою покорность и просить об освящении. Великий князь Александр Невский (1252-63), сын Ярослава и наследник, лучшим образом воспользовался монгольским протекторатом для того чтобы предотвратить нападение русских врагов в балтийском регионе. Принятие этого порабощения было единственным способом, чтобы страна пережила эти ужасные времена. Москва должна была оставаться в рабстве до ее освобождения Иваном III к концу 15 века.

История кипчакского ханства является фундаментально отличной от истории других ханств чингизидов. На других землях, которые были завоеваны, монголы приспособились к их окружению и учили уроки у покоренных. В Китае Кублай и его приемники стали китайцами; в Иране потомки Гулюгу,

представленные Газаном, Олжайту и Абу Саидом, стали султанами Персии. Их двоюродные братья, ханы южной России, с другой стороны, отказались принять славяно-византийскую цивилизацию и стать русскими. Они остались, как их географическая номенклатура представляет, «ханами кипчаков», то есть, наследниками тюркской орды с этим названием. Таким образом, они были больше продолжателями «куманских» тюрок или половцев, без прошлого или памяти о прошлом, чьи временное пребывание на русской степи как будто, насколько история знает, никогда не имело места. Исламизация кипчакских ханов одновременно, и поверхностна с точки зрения культуры, и изоляционна, с европейской точки зрения, практически не изменила ситуацию. Наоборот, их исламизация, не дав им возможности реально пользоваться плодами древней цивилизации Ирана и Египета, отрубила их в конечном счете от западного мира и сделала их, как позднее и с оттоманами, иностранцами, поселившимися на европейской почве, никогда неподлежащими к ассимиляции.¹³ Когда стала Золотая Орда, то Азия начиналась на южных окраинах Киева. Пиано Карпини и Рубрук хорошо выразили впечатления западных людей, вступивших на земли ханства Батые: они чувствовали, что вступают в другой мир.¹⁴ Среди тюркских хазар 10 века было гораздо больше «западничества» чем у наследников Жучи.¹⁵

Следует признать, однако, что события могли бы пойти по другому руслу. Что бы не говорил Рубрук, и он был весьма поражен неграмотностью и пьянством несторианского духовенства, чтобы быть полностью осведомленным о политической важности несторианизма в монгольской империи, христианство запустило корни в собственном доме Батые.¹⁶ Сартак, сын Батые, был несторианом, несмотря на утверждения францисканца об обратном.¹⁷ Лишь некоторые непредвиденные смерти препятствовали несторианскому принцу занять место отца. Когда в 1255 Батый умер в возрасте сорока четырех лет в своем лагере на нижней Волге, то Сартак находился в Монголии, куда он отправился нанести визит ко двору великого хана Монгку, друга его отца. Монгку назначил его кипчакским ханом, однако, Сартак умер или на пути домой, или скоро после возвращения на Волгу. На его место Монгку номинировал молодого принца Улакчи, которого Джуванини идентифицирует как сына, а Рашид ад-Дин – как брата

Сартака. Регентство было возложено на плечи вдовы Батыя Боракчин. Однако, Улакчи умер, более вероятно, в 1257 и брат Батыя Берке стал ханом кипчаков.¹⁹

Правление Берке (приблизительно между 1257 и 1266) определило резкую переориентацию.²⁰ Если Сартак был бы жив, то можно полагать обоснованно, несмотря на утверждение Рубрука, что христианство могло бы быть в выигрыше из-за покровительства правителя. Однако, Берке тяготел к исламу, Речь не о том, что он отказался от характерной для монголов религиозной терпимости. Несторианство было одной из религий его народа и он, определенно, не запретил его. Тем не менее, в особенности, в международных делах его симпатии были, главным образом, на стороне мусульман. Это согласуется, имея в виду толкование Бартольда, с тем, что начало к тенденции к исламу в кипчацком ханстве следует приписать ему.²¹

Берке, как мы видели, был вовлечен во все межчингизидские войны. Мы знаем, что он был на стороне Арик-бога, против Кублая, хотя и без оказания какой-либо существенной помощи. Затем он воевал, без успеха, против Алгу, ягатайского хана Туркестана, который между 1262 и 1265 оставил его без Хорезма. Рассматриваемый до этого зависимым от кипчацкого ханства Хорезм, затем составит часть ханства ягатайцев. Скоро после этого (до 1266) Алгу захватил, или у Берке, или у Орды, брата Берке, форт Отрар (важный перевалочный пункт караванов на северном берегу на среднем течении Аму-Дарьи) и разрушил его. Таким образом, западная степь Чу была присоединена к ханству ягатаев за счет потомков Жучи. Берке, чьи силы, как мы увидим, были заняты на Кавказе, ничего не смог предпринять против этого.

Хотя мусульманские симпатии Берке, возможно, не причинили разрыв между ним и Гулюгу, ханом Персии, как говорили арабские историки, но они, по меньшей мере, послужили в качестве дипломатического предлога на этом перепутье. Согласно персидским историкам, в самом деле, кипчацкий хан упрекал Гулюгу за истребление населения Багдада и пытки халифа без консультаций с другими чингизидскими принцами.²²

Фактически, дом Жучи должен был рассматривать оккупацию Азербайджана как вид узурпации и как вторжение.²³ Берке, таким образом, не стал

колебаться в присоединении к традиционным врагам чингизидов и к главным действующим лицам мусульманского сопротивления, к мамелюкам Египета, управляемыми в то время султаном Байбарсом, против своих двоюродных братьев – монголов Персии. С 1261 два двора обменивались послами. Послы Байбарса высадились в Судаке в Крыму, а послы Берке – в Александрии. В 1263 был заключен особый союз между двумя правителями против Персии.²⁴ Байбарс вдвойне выиграл от этого мероприятия. С этого времени он мог нанимать новых мамелюков для своих армий среди тюркских кипчаков, подданных Золотой Орды (он сам, напомним, был кипчакским тюрком). Еще более важно, что с помощью удачных дипломатических побед, он помогал чингизидам нейтрализовать друг друга. Благодаря поддержке дома Жучи диверсионными действиями на Кавказе, он добился постоянной блокады атак дома Гулюгу против Сирии. Под угрозой на дербентском ущелье, ханы Персии не могли взять реванш в Алеппо за несчастье в Аин Джалуде (см. стр. 395). Гулюгу, как было сказано выше, горько возмущался раной, нанесенной ему Берке.

В ноябре-декабре 1262 он пересек дербентский ущелье, служившее в качестве кавказской границы между двумя ханствами и продвинулся до Терека. Скоро после этого он был застигнут врасплох около этой реки и отброшен назад в Азербайджан противником под командованием Ногай, внучатого племянника Берке. Многие кавалеристы армии Гулюгу утонули при попытке отхода назад через Терек по льду, который ломался под копытами их коней. Эти меж-чингизидские споры имели печальные последствия: Гулюгу приказал убить всех кипчакских купцов в Персии, которых могли поймать, а Берке тоже самое проделал с персидскими купцами, торгующими среди кипчаков.²⁵ В 1266 Ногай, в свою очередь, пересек дербентское ущелье и затем реку Кура, создав угрозу Азербайджану, центру персидского царства. Однако, он потерпел поражение на Аксу со стороны Абаки, наследника Гулюгу, был ранен в глаз и его армия беспорядочно отступила к Ширвану. Сам Берке лично поспешил с подкреплениями. Однако, при продвижении на северном берегу Куры в том же 1266 при попытке пересечь реку около Тифлиса он умер.

В христианской Европе русский князь Даниил Галицкий восстал против монгольского господства (1257). Он даже предпринял атаку на границы ханства, но был вновь покорен без личного вмешательства Берке. По приказу хана он должен был разрушить большинство крепостей, которых он успел построить. Перед наступлением 1259 летписец Кромерус рассказывает о другой монгольской экспедиции на Запад. После вторжения в Литву, где захватчики уничтожили всех жителей, не успевших бежать в леса и болота, монголы вступили в Польшу вместе с русскими дополнительными войсками, которых они вынудили присоединиться к себе. «После сожжения Сандомира во второй раз, они осадили цитадель, в которой укрывалось население. Командир Петр Кремпа отказался сдаться. Монголы тогда отправили к ним брата и сына Даниила Галицкого, которые уговорили его уступить на весьма благоприятных условиях. Однако, монголы нарушили свою клятву обычным образом и истребили всех несчастных. Отсюда они отправились к Кракову, которого придали к огню. Король Болеслав бежал в Венгрию. Монголы разорили страну до Битома в округе Оппелн и затем через три месяца возвратились в Кипчакию, нагруженные ограбленным».

Во время правления Берке кипчакские монголы были приглашены Константином Тичом, царем болгар, вмешаться в Балканские дела против византийского императора Михаила Палеолога. Монгольский принц Ногай, внучатый племянник Берке, пересек Дунай с 20 000 конников и Михаил Палеолог выдвинулся для встречи с ними. Однако, Пачимерус признается, что по прибытии на болгарскую границу греки были охвачены паникой при виде монголов. Они вырвались и побежали, в результате чего почти все были вырезаны (весна 1265). Михаил Палеолог возвратился в Константинополь на генуэзском судне, в то время как монголы опустошили Тракию.²⁶ Во время экспедиции (хотя другие источники утверждают, что это случилось не раньше чем в 1269-70), Ногай освободил прежнего сельджукского султана Кай-Кавуса II из полу-заключения в Константинополе. Кай-Кавуса на пути домой сопровождали монголы с их награбленным и женился на дочери хана Берке, который в 1265-66 подарил ему в качестве удела важный крымский торговый центр Судак (Солдая).²⁷ Между тем, Михаил Палеолог начал признавать важность монгольского фактора. Он выдал в

замуж могущественному Ногаю свою законную дочь Евфросинью и отправил ему прекрасные шелковые ткани, по получению которых, по случаю, чингизид заметил, что он предпочитает овцовую шкуру.²⁸ Тем не менее, союз между Михаилом Палеологом и кипчакским ханством с этого времени оказался, как увидим, весьма выгодным для первого. На время они и мамелюкский султанат Египета заключили тройной союз, в противовес и латинам (Карл Анджойский и Венеция), и ханству Персия.²⁹

Мамелюкские послы оставили яркое описание портрета Берке. Он был настоящим монголом с желтой кожей, редкой бородой и волосами, уложенными в косы за ушами. Он был одет в высокую шапку и на одном ухе висело золотое кольцо с драгоценным камнем. Он был опоясан зеленым болгарским ремнем, украшенным золотом и драгоценностями, и обут в красные кожаные сапоги.

Первые кипчакские монголы не имели никаких других жилищ, кроме больших войлочных палаток и кибиток, которые, в зависимости от времени года, меняли свои места пребывания на берегах Волги, около устья Волги, оставляя у Рубрука впечатление о городе на походном марше. Берке приказал строительство оседлой столицы, Сарая, или он завершил то, что было начато Батыем. Этого город, который должен был возникнуть вокруг обычных лагерей Батыя, располагался на восточном берегу нижней Волги, около ее устья у Каспийского моря; кроме того, как говорит Бартольд, Сарай Батыя соответствует к нынешнему Селитринная и должна быть отличной от Сарая Берке на стороне Царева, несколько к северу.³⁰ Однако, возможно, что Сарай Берке был столицей кипчакского ханства со времени его основания приблизительно с 1253 по 1395, до разрушения Тамерланом. Он приобрел даже большее значение, чем старая столица хазаров, располагавшийся в том же регионе как исходный пункт для караванов, отправляющихся в Среднюю Азию и на Дальний Восток через Отрар, Алмалык, Бешбалиг, Хами, тангутские и онгутские земли в Пекин.³¹ Берке и его наследники, в частности, ханы Узбек и Янибек, приводили мусульманских докторов, как ханифитов, так и шафиитов, в Сарай, которые дали новый толчок для исламизации страны.³²

Кипчакское ханство

Наследником Берке был Мангу Тимур (по-тюркски) или Монгка Темюр (по-монгольскому), внук Батые от Тутукана или Тукукана.³³ В меж-чингизидских гражданских войнах Центральной Азии Мангу Тимур, который правил над кипчаками с 1266 по 1280, был на стороне Кайду или Огодая против Барака из ягатайцев, хана Туркестана. Как отмечалось, в 1269 он отправил 50 000 человек в Центральную Азию под командованием принца Беркежара на помощь к Кайду против Барака. В борьбе для захвата империи у великого хана Кублая Мангу Тимур стоял на стороне Кайду, по-меньшей мере, в области дипломатии. Мы видели, что именно к нему был доставлен принц Номохан, сын Кублая, после его пленения в Монголии; Мангу Тимур позднее возвратил его отцу. Благодаря этому конфликту кипчакское ханство было в состоянии подтвердить свою независимость в отношении великих ханов. Монеты Золотой Орды, отчеканенные в Булгаре и которые до этого времени носили имя великих ханов, отныне были гравированы именем Мангу Тимура или его наследников.

В своих отношениях с мамелюкским султанатом Египета, с одной стороны, и Византийской империи, с другой стороны, Мангу Тимур сохранил политику дружбы, заложенной Берке. Он издал декрет для гарантии привилегий священников греческой православной церкви и в различных случаях использовал Афиногена, епископа Сарая, в качестве посла при дворе Константинополя.³⁴

Ногай и Токтай

Согласно Новаири, брат Мангу Тимура и наследник Тула Мангу (1280-87) был весьма преданным мусульманином, «соблюдающим строгие посты и всегда окруженным шейхами и факирами», но был неспособным правителем. Он должен был отречься и замещен на троне Тула-букой (1287-90), племянником двух предшествующих ханов. Фактическим хозяином владения был Ногай, жучид молодой ветви, который вел армии в экспедициях Берке против Персии в 1262 и 1266, и против Византийской империи в 1265.³⁵ Францисканец Ладислав, руководитель миссии Газарии (Крым), в своем сообщении к генералу своего ордена от 10 апреля 1287 пишет о Ногае как о равном по рангу с Тула-бука и даже как со-

императоре.³⁶ Кажется, что в то время как удел Тула Мангу и позднее удел Тула-бука, находился в регионе Сарая на нижней Волге, то удел Ногая должен был бы быть в регионе между Доном и Донцом.³⁷ Переписка между францисканцами доказывает также, что Ногай не был враждебным к христианству. Одна из его жен, например, кого францисканцы называют Джейлак (то есть, Жайлак) и пачимеры идентифицируют как Алака, была крещена францисканцами в Кирки или Чуфут-Кале. Затем, когда мусульмане сняли колокол с католического храма Солхата или Солгата в Крыму, то монгольские чиновники прибыли для наказания виновных.³⁹

Власть Ногая беспокоила молодого хана Тула-бука, который подстрекал его войска удалить его. Однако, старый воин преуспел в смягчении его подозрений и пригласил его на так называемую дружескую встречу, которая на самом деле была ловушкой. Во время беседы Тула-бука нашел себя окруженным войсками Ногая, который сбросил его с коня и связал. Ногай отдал его сыну Мангу Тимура по имени Токтай, Токта или Токтоа, который был личным врагом молодого человека и который его и убил. Затем Ногай поставил этого Токта на трон (1290), уверенный в том, что новый хан, как никто другой, будет послушным инструментом в его руках. Однако, Токта скоро устал быть исполнителем приказов царетворца. Она напал на Ногая и, в первом сражении около Дона в 1297 полностью был разгромлен. Стареющий Ногай сделал ошибку, не отправившись сразу в Сарай, куда его противник отошел.⁴⁰ В 1299 во втором сражении около Днепра он был побежден Токтаем и покинут своими людьми. «Его сыновья и его войска начали бежать к исходу дня. Он был слишком стар и его длинные брови покрывали его глаза. К нему подошел русский солдат армии Токты с намерением его убить. Ногай назвал себе солдату и попросил вести его к Токтаю, но русский отрубил ему голову и потащил к хану. Токтай огорчился смертью старика и убил убийцу».⁴¹

Сыновья Ногая пытались завладеть наследством, однако, их споры привели к их поражению от Токтая. Новаири рассказывает, что один из них, Чака, преследуемый Токтаем, нашел убежище сперва у башкиров, затем у асов или аланов и, наконец, в Булгарии, где правителем был его свояк Святослав. Однако, испугавшись мести со стороны хана Токтая, Святослав убил Чака в Тирново (1300).⁴²

В то время как гражданские войны беспокоили Золотую Орду, говорит Рашид ад-Дин, Белая Орда степей Сару-Су и Тургая была занята борьбой под ее ханом Наяном, или, более точно, Баяном (1301-9), внуком Орды, для подавления мятежа двоюродного брата Баяна и соперника, Кулека или Коблука, которого поддерживал хан Кайду из огодайцев и хан Дува из ягатайцев, два хозяина Туркестана. Баян искал помощи у Темюра, великого хана Китая, однако, расстояние было слишком велико для получения материальной помощи. Тем не менее, он смог остаться хозяином своих родных степей.⁴³

За прошедшие пятьдесят лет были установлены торговые агентства генуэзцев и венецианцев в Крыму или Газарии (Хазарии), как назывался тюркский народ, который однажды здесь жил. Очевидно, около 1266 монгольское правительство уступило земли генуэзцам Каффы, на которых они построили консульство и несколько товарных складов; это было отправной точкой великой генуэзской колонии в Крыму.⁴⁴ Итальянские купцы были активны также и в Сарая на нижней Волге, в столице кипчакских ханов и на крупном рынке для мехов с Севера. Известно, что они также покупали молодых тюркских рабов для перепродажи в качестве рекрутов мамелюкам Египета. Рассерженный этой торговлей, которая лишала степь своих лучших солдат, хан Токтая занял враждебную позицию в отношении к итальянским купцам. В 1307 он арестовал генуэзских жильцов Сарая и затем направил армию для осады генуэзской колонии в Каффе. 20 мая 1308 генуэзские поселенцы подожгли свой город и бежали за границу на своих кораблях. Ситуация оставалась напряженной вплоть до смерти Токтая в августе 1312.⁴⁵

Узбек и Янибек

Токтая на троне унаследовал его племянник Узбек (1312-40). Доступная информация по отношению к религиозному облику Узбека несколько противоречива. Согласно Рашиду ад-Дину, он рассердил монгольских вождей во время правления Токтая своей малопродуманной мусульманской пропагандой. «Довольствуйся нашим повиновением», был ответ. «Почему беспокоит вас наша религия? И почему мы должны накладывать ясак Чингиз-хана на арабскую веру?» После смерти Токтая, поэтому, перед номинированием его сына в качестве хана

монгольские вожди решили отставить кандидатуру Узбека заманиванием поститься и там его убить. Однако, Узбек предупредил это, нашел время ускакать и возвратиться с войсками. Окружив заговорщиков, он их уничтожил, среди них наследника Токтая, и взошел на трон сам. Когда мамелюкский султан Египета ан-Насир попросил Узбека выдать ему замуж чинизидскую принцессу, Узбек дал свое согласие, хотя и после сильных колебаний. Это было беспрецедентным одолжением в монгольских глазах и оно укрепило связь между кипчакским ханством и официальными защитниками ислама (1320).⁴⁶

В общем, мусульманство Узбека не препятствовало ему обращаться с христианами либерально.⁴⁷ Письмо от папы Джона XXII, датированное 13 июля 1339, благодарит хана за доброту по отношению к католической миссии.⁴⁸ В 1339 Узбек принял францисканца Джованни де Маригнолли, который был послан Бенедиктом XII и который преподнес ему в качестве подарка великолепного жеребца перед тем, как отправиться дальше через кипчаков к Ягатаю в Пекине.⁴⁹ В то же время Узбек заключил торговый договор с генуэзцами и венецианцами и разрешил послам из Генуэи Антонио Грилло и Николо ди Пагана восстановить стены и склады Каффы. К 1316 эта колония была вновь процветающей.⁵⁰ В 1332 Узбек позволил венецианцам основать колонию в Тана на южном устье Дона.⁵¹

В России, однако, 15 августа 1327 население Твери истребило монгольских чиновников, ответственных за сбор налогов, и убило двоюродного брата Узбека; поэтому Узбек отправил 50 000 человек к князю Москвы Ивану с приказом предпринять репрессивные меры. Князья Москвы своими первыми шагами в свое величие сделали исполнение желаний хана.

Хан Янибек (1340-57), сын и наследник Узбека, сначала подтвердил привелегии итальянских купцов (1342); однако, после стычки в Тана в 1343 между итальянцами и мусульманами он прогнал венецианцев и генуэзцев из этого города и дважды осаждал Каффу (1343, 1345).⁵² Генуэзская колония проявила такое стойкое сопротивление, что он был вынужден снять осаду.⁵³ Затем Генуэя и Венеция начали блокаду монгольских берегов Черного моря, к востоку от Керчи. Наконец, в 1347 Янибек разрешил восстановление колонии Тана.⁵⁴ Враждебность к западным людям шла рука в руку с новой волной исламизации. Наступление

ислама, так заметное под Узбеком, теперь дало плоды и влияние мамелюкского Египета чувствовалось в каждой сфере политической и социальной жизни. Золотая Орда от своей традиционной религиозной терпимости чингизидов перешла к «тоталитарному» мусульманскому фанатизму мамелюков.⁵⁵

Янибек воспользовался анархией, которая царила в Персии со времени падения ханства Гулюгу, для осуществления старых устремлений своей семьи: завоевание Азербайджана. Этого он достиг в 1355, захватив Табриз, бывшую столицу ханов Персии. Он убил местного вождя Ашрафа Хопаниана и повесил его голову на воротах большой мечети Табриза. Однако, его сын Бердибек, которого он отправил в качестве наместника в Табриз, скоро был отозван в Кипчакию из-за болезни своего отца и в 1358 кипчакские войска были отогнаны из Азербайджана Джелаиром.⁵⁶

Мамай и Токатамыш

Правление Бердибека было недолгим (1357-60). После него Кипчакия впала в состояние анархии, когда несколько жучидов боролись за трон. Власть пала в руки нового царетворца, энергичного Мамае или Мамака, который с 1361 по 1380 был, как однажды Ногай, действительным хозяином Золотой Орды.⁵⁷ Однако, престиж монголов не выдержал их гражданских войн и с 1371 далее русские князья прекратили приходить с визитом покорности ко двору Сарая или даже перестали платить дань. Великий Князь Москвы Дмитрий Донской отразил карательное вторжение (1373) и, в свою очередь, открыл ответные кампании в направлении Казани (1376). 11 августа 1378 он нанес поражение армиям Мамае, впервые, на Воже. 8 сентября 1380 он сражался во втором и более важном сражении на поле Куликово, на слиянии Дона и Непрядвы. Сражение было жестоким и его исход был сначала неопределенным, но в конечном итоге, ослабевший из-за потерь Мамай, отступил. Несмотря на свою активность, он был не более удачлив против генуэзской колонии в Крыму и после бесплодной атаки монголы были вынуждены признать генуэзские владения во всем «Готии» между Судаком и Балаклава (1380).⁵⁸

С этого времени, казалось, что если кипчакское ханство было приговорено к падению под местью христианских держав, однако, оно неожиданно укрепилось и оживилось появлением на сцене нового действующего лица с Востока: Токтамыш, хана Белой Орды.

Степи Сары-Су с Улу-Тау на севере и нижнем течении Сыр-Дарьи на юге к Сигнахи (около нынешнего Тюмени), как говорилось, были расположены на разделительном поясе наследства между сыновьями Жучи и Белой Ордой, главным вождем которой был Орда, старший брат Батыя и Берке. Шестой по линии Орды, хан Урус (прибл. 1361-77) пошел войной против своего родственника по имени Токтамыш. Некоторые источники утверждают, что этот человек был племянником Уруса, но Абул Гази упоминает о нем как о дальнем родственнике, потомка Тука Тимура, брата Орды, Батыя и Берке.⁵⁹ Токтамыш отправился в Самарканд за поддержкой Тамерлана, короля Трансоксонии. Тамерлан был рад принять чингизидского претендента в свое вассальство и дал ему города Отрар, Сабран и Сигнахи на северном берегу средней Сыр-Дарьи, на границе Трансоксонии и Белой Орды.⁶⁰ Тем не менее, Токтамыш не был оставлен в покое и его несколько раз отгоняли Урус и его три сына, Кутлук-бука,⁶¹ Тохта-кия и Тимур-малик. Кутлук-бука его побеждал несколько раз и заставил бежать, однако, был убит во время своей победы. Токтамыш возвратился в Трансоксонию молить помощь у Тамерлана и оказался способным вступить еще раз в Сабран, хотя и на короткое время, поскольку Тохта-кия его преследовал без всяких трудностей. Тамерлан сам затем пришел в степи и в начале 1377 нанес сокрушительное поражение Белой Орде. Старый хан Урус скоро после этого умер и на его вступили по очереди два его сына: сначала Тохта-кия, затем Тимур-малик. Не было достигнуто никакого реального решения. Как только Тамерлан ушел в Трансоксонию, Тимур-малик вновь нанес поражение Токтамышу в том же году 1377. Наконец, зимой 1377-78 Токтамыш, все с помощью Тамерлана, взял верх над Тимур-маликом и стал ханом Белой Орды.

Токтамыш, который до этого был слабым союзником Тамерлана, теперь стал более амбициозным. Запад от реки Урал, Золотая Орда или кипчакское ханство, находился в войне за усмирение мятежа русских вассалов.

Воспользовавшись этими проблемами и добавив к нему свое вмешательство, Токтамыш объявил себя претендентом на кипчакский трон. Весно 1378, согласно хронологии Бартольда, он покинул Сигнахи с намерением завоевать монгольскую Россию. Этот конфликт, о котором мало известно, продолжался несколько лет. Мамай, вождь Золотой Орды, был атакован с севера русскими князьями; 8 сентября 1380, как отмечалось, он был разгромлен в Куликово Дмитрием Донским, великим князем России. Скоро после этого, Токтамыш, атакуя Мамай на южном фронте, взял верх в битве около Азовского моря, в регионе Мариуполь на реке Калка или Калмиус, где 158 лет назад Суботай одержал свою знаменитую победу. Мамай бежал в Каффу в Крым, где он был предательски убит генуэзцами.

Тогда Токтамыш взойшел на трон Золотой Орды. Будучи уже вождем Белой Орды, он таким образом воссоединил владения своего предка Жучи. Из своей столицы Сарая он правил над всеми степями, лежащими между устьем Сыр-Дарьи и устьем Днестра.

Токтамыш сразу использовал свою силу для заявления о восстановлении визитов покорности со стороны русских князей. Подбодренные победой на Куликово, они отказались подчиниться (1381). Тогда Токтамыш вторгся в русские княжества, подверг их к огню и мечу и опустошил города Суздали, Владимир, Юрьев, Можайск и в августе Москву, которого он сравнивал с землей. Литовцы, которые пытались вмешаться в русские дела, в свою очередь, потерпели кровавое поражение около Полтавы. На другое столетие христианская Россия была вынуждена стать под монгольским игом.

Неожиданной победой Токтамыш полностью восстановил власть кипчакского ханства. Соединение Золотой Орды с Белой Ордой и уничтожение Москвы сделало его новым Батыем, новым Берке. Его приход оказало сильное влияние тому, что теперь чингизиды были изгнаны из Китая, устранены в Персии и уничтожены в Туркестане. Единственный из этой славной семьи, Токтамыш, стоял твердо. Как спаситель монгольского величия, он чувствовал себя способным следовать по стопам своего предка Чингиз-хана и, без всяких сомнений, он был намерен перезавоевать Трансоксию и Персию. Двадцатью годами ранее, среди анархии, царившей в этих двух странах, он мог бы добиться своего. Однако, через

годы после этого, теперь, Трансоксония и Персия были собственностью вождя первого порядка, именно, человека, который, в действительности, помог возвышению Токтамыша: Тамерлана. Война, разрашившаяся между ними в 1387 и продолжавшаяся до 1398, покажет, будет ли империя степей оставаться у древней монгольской династии, или перейдет к новому тюркскому завоевателю.

11

Тамерлан

Королевство Трансоксонии, перешедшее от монголов к Тамерлану

Тимур, известный как Тимур ленк (хромой), то есть наш Тамерлан, родился 8 апреля 1336 в Кеше, нынешнем Шахр-и Себзе (Зеленый Город), южнее Самарканда. Историки Тамерлана пытались найти следы его происхождения из попутчика или даже из родственника Чингиз-хана. На самом деле, он не был монголом, а был тюрком. Он принадлежал к знатной семье Трансоксонии из клана Барласа, с поместьями вокруг Кеша, которыми он управлял.

В связи с обсуждением ханства Ягатая мы наблюдали условия его зависимости от Трансоксонии (стр. 373). Побужденная энергией Казгана, «управляющего дворца», эта страна, которая теоретически была монгольским ханством и в действительности, тюркским конфедерацией, начал играть еще большую роль в Центральной Азии. Однако, убийство эмира Казгана в 1357 отбросила ее назад к анархии. Его сын Мирза Абдалла, был прогнан дядей Тамерлана Хаджи Барласом, феодалом Кеша, и другим из местной знати по имени Баян Селдуз (1358). Ни один из этих людей не имел достаточных политических качеств для контроля тюркской знати Трансоксонии. Более того, внук Казгана, Мир Хусаин, сделался хозяином важного княжества в Афганистане, включая Кабул, Балх, Кундуз и Бадахшан. Это было феодальным разделением страны. Ягатайский хан Или, Тугулух Тимур, воспользовался этой анархией для вторжения в Трансоксонию, чтобы ее покорить, и таким образом воссоединить к своей выгоде

прежний улус Ягатая (согласно *Zafer-name* в марте 1360).¹ Хаджи Барлас, дядя Тамерлана, отказался от безнадежной борьбы и бежал из Кеша в Хурасан.

Тамерлан оказался намного умнее. Этот молодой человек двадцати пяти лет увидел, что настал момент для прыжка из неизвестности. Не то, что он сыграл роль отчаянного защитника трансоксонийских тюрок против новой атаки монголов Или. Наоборот, в событиях, имевших тогда место, он увидел средства для законного наследования своему дяде Хаджи Барласу в качестве главы клана Барласа и правительства Кеша. Имея эту цель в виду, он заключил временный акт вассальства Тугулуху Тимуру, вторгшемуся хану. Речь, которую Шарид ад-Дин вставил в рот своего героя по этому поводу является малым шедевром явного лукавства: покоряясь, независимо от цены, он приносил себя в жертву ради общественных интересов на месте своего дяди, чье бегство угрожал падением их дома.³ Тугулух Тимур, радостный от такого важного сторонника, наградил Тамерлана и утвердил его во владении Кешем. Между тем, Хаджи Барлас, воспользовавшись временным уходом ягатайских войск, возвратился в Кеш. Виртуозный Тамерлан не стал медлить с нападением на него, но, несмотря на первое успешное сражение, он был покинут своими войсками и не имел другого выбора, как заключить почетное соглашение с Хаджи Барласом, который его простил.³ Тугулух Тимур возвратился из Или, восстановил положение в пользу Тамерлана (1361).⁴ По прибытию хана, вся трансоксонийская знать, Мир Баязид, эмир Ходжента, Баян Селдуз, Тамерлан и сам Хаджи Барлас, пришли к нему с визитом покорности. Однако, монгол захотел пример, чтобы произвести впечатление этим беспокойным тюнкам, и без всякой причины убил Мир Баязида.⁵ После этого Хаджи Барлас испугался и уехал как раскольник. Он пострадал за свое действие; по прибытию в Хурасан, он был убит около Сезевара. Тамерлан сразу отправился наказать убийц; однако, на самом деле, он был удобно устранил соперника и вновь стал постоянным и единственным хозяином Кеша и главой клана Барлас. Тугулух Тимур, удовлетворенный зрелой проницательностью молодого человека, назначил его в качестве советника своего сына Ильяс-ходжа, которого, по своему возвращению в Или, сделал наместником Трансоксонии.⁶

До этого времени Тамерлан играл в карты верности к ягатайцам, несомненно, в надежде выиграть себе ведущий пост в ягатайской администрации. Вместо этого, ему дали второе место, когда хан назначил другого эмира, Бегджика, чтобы иметь верховную власть на стороне своего сына. На том Тамерлан разорвал отношения с представителями хана и отправился для соединения со своим зятем Мир Хусаином, королем Балха, Кундуза и Кабула, которому он однажды помог в покорении Бадахшана. Затем оба отправились в Персию, где они вели жизнь авантюристов и поставили свои мечи на службу принца Сейстана. После этого опыта они возвратились для реформирования своих сил в Афганистане, около Кундуза, в пределах владений Мир Хусаина и затем вступили в Трансоксию.⁷ Ягатайская армия попыталась остановить их на Каменном мосту (Пул-и Сенги) через Вахш.⁸ Хитростью Тамерлан пересек реку, разгромил противника и направился к Железным Воротам для освобождения города Кеш. Ягатайский принц Ильяс-ходжа предпринял еще одно усилие, чтобы его остановить, но он был разбит в крупном сражении, которое *Zafer-name* располагает между Таш Арихи и Каба-матан или Митан, около Кеша и Самарканда. Едва не попав в плен, он бежал на всех скоростях к Или.⁹ Тамерлан и Мир Хусаин преследовали его за Ходжендом и не остановились, пока не достигли Ташкента. Трансоксия, таким образом, была освобождена от монголов (1363). Между битвой на Каменном мосту и битвой Каба-матане Илья-ходжа узнал, что его отец Тугулух Тимур умер на Или.

Трансоксия была освобождена от монголов и ягатайской власти, однако, ни Тамерлан, ни Мир Хусаин или другие вожди местной тюркской знати не чувствовали себя способными управлять без ягатайского властелина. Такой оставалась не поддающаяся сомнению чингизидская легитимность, по-меньшей мере формально, что завоеватели считали необходимым санкционировать их победу ягатайским номинальным руководителем, под чьим покрывалом, разумеется, они могли бы править сами. Они нашли правнука Дувы по имени Кабил-шах или Кабул-шах, который скрывался под видом дервиша. Он как раз был тем, в ком они нуждались. «Они справили ему трон, они подарили ему царский кубок и все феодалы вместе совершили девять ритуальных преклонений коленей перед ним», в дальнейшем они не обращали на него никакого внимания. Тем не

менее его присутствие во главе королевства Трансоксония было достаточным для легитимации и освящения этого королевства по чингизидским законам.¹⁰ Ильяс-ходжа, ягатаец Или, не имел более причин для вмешательства в дела Трансоксонии, поскольку в Бухаре и Самарканде был другой действительный ягатаец, другой хан по божественному праву, от имени которого могли действовать Тамерлан и Мир Хусаин с ясным сознанием и также удовлетворять все свои законные сомнения.

После собрания всех поводьев наследования в своих руках, последовавшего за его возвращением в Или, Ильяс-ходжа предпринял последнюю попытку. В 1364 он возвратился с новой армией и сперва нанес поражение Тамерлану и Мир Хусаину на северном берегу Сыр-Дарьи, между Ташкентом и Чиназом, за что сражение приобрело название Битва на Болотах (1365). Тамерлан и Мир Хусаин отступили до Аму-Дарьи, первый к Сали-Сарая (к северу от Кундуза), последний Балху, оставив Трансоксонию открытой для вторжения Ильяс-ходжи, который осадил Самарканд.¹¹ Затем прилив сменился на отлив. Население Самарканда, под воздействием мусульманских священников, организовало сопротивление на высоком подъеме духа, в то время как ряды осаждающих редели от эпидемии. Наконец, в 1365 Ильяс-ходжа ушел из Трансоксонии и возвратился в Или. Как мы увидим, он едва избежал поражения, поскольку скоро после этого он пал жертвой восстания эмира Дуглата.

Поединок Тамерлана и Мир Хусаина

Тамерлан и Мир Хусаин эффектно освободили Трансоксонию. Это двоевластие, которое в дальнейшем было объединено в единовластие женитьбой Тамерлана на сестре Хусаина, показало признаки напряжения с самого начала. Хусаин казался более сильным; вдобавок к Трансоксонии он имел свое Афганское королевство с городами Балх, Кундуз, Хулм и Кабул.¹² Однако, Тамерлан, твердо контролируя свое владение Кеш и Карши, ворота Самарканда, был более сильной личностью. После бегства Ильяс-ходжи оба человека отправились в Самарканд для реорганизации своего государства. Хусаин играл роль повелителя, облагая налогами даже наиболее возвышенных из знати. Тамерлан, для того чтобы

склонить их в свою сторону, поспешил снабжать их необходимыми деньгами из своего кармана. Он даже пошел дальше и с притворной покорностью, которая выглядела как оскорбление и обвинение, возвратил Хусаину драгоценности, принадлежащие его жене, сестре Хусаина.¹³ Смерть принцессы завершила разрыв между двумя соперниками. Сначала Хусаин поднял руку и вытеснил Тамерлана из Карши. Тамерлан затем вновь захватил город штурмом и таким же образом стал хозяином Бухары. Хусаин отомстил, организовав поход из своей резиденции в Сали-Сарае, к северу от Кундуза, для завоевания Трансоксонии вновь с более крупной армией. Тамерлан, веря, что его силы Хусаина количественно слишком превосходят его армию, бесстыдно бежал в Хурасан.¹⁴

Это бегство, последовавшее вслед за ранних отступлений от Тугулух Тимура и Ильяс-ходжи, ставит завершающий штрих на наших впечатлениях о характере Тамерлана. Не то, что он мог бы быть обвинен в трусости. Его военная храбрость находится вне сомнений. Тем не менее, несмотря на натиск и бесстрашие, которые побуждали его идти в атаку как его солдаты в случае возникновения такой необходимости, Тамерлан был политически проницательным и знал, когда нужно остановиться и дожидаться своего времени. Между тем, он опять вел жизнь странствующего рыцаря, скача от одной авантюры на другую, из Хурасана в регион Ташкента, где, он не постеснялся заключить второй договор с монголами Или, с кровными врагами своего народа. Еще хуже, он спровоцировал их вторжение, которое должно было последовать следующей весной.¹⁵ Так, однажды прогнав из Трансоксонии ягатайских монголов Или, он был готов захватить страну вновь у Хусаина, став во главе их армии. *Zafer-name* становится совершенно бездыханным в своих усилиях для нахождения оговорок, позволяющих прощать жизнь великого авантюриста в это время. Следует отметить, что Тамерлан никогда не осуществил это запланированное предательство; поскольку, под угрозой монгольского вторжения под командованием своего соперника Мир Хусаин предпочел бежать. Он предложил мир Тамерлану, обращаясь, разумеется, к мусульманской вере, которая объединяла их и к необходимости объединиться и препятствовать «полу-язычникам» монголам Или и Юлдуза грабить священную землю Трансоксонии.¹⁶

Это было именно тем, чего ожидал Тамерлан. Он прикинулся, что тронут этими мыслями и даже заявил, что даже мечтал действовать соответственно. Был заключен мир; статус кво, несколько испорченное сосуществование между ним и Хусаином, было восстановлено. Он, таким образом, возвратил свое владение Кеш.

Последовательность событий редкой комедии для восточного лукавства завершилась торжественными заявлениями о дружбе, объятиями примирения и благочестивыми цитатами из Корана, произносимыми при каждом случае, после чего последовали предательства, внезапные атаки и конечные казни *à la turque*.

Тамерлан играл свою роль как созник Хусаина; помог ему покорить цитадель Кабула, когда он восстал и затем помог в усмирении мятежных горцев Бадахшана. Однако, его помощь теперь можно рассматривать как покровительство, принуждение, даже как угрозу. Хусаин, убежденный в том, что Трансоксания будет оставаться в руках своего соперника, сосредоточился больше и больше на Афганистане и поспешил перестроить цитадель Балха, что было «не приятно для Тамерлана».¹⁷

«Когда Бог желает что-либо», благочестиво декларирует *Zafer-name*, «Он доставляет дела, с помощью которых может быть осуществлено Его провидение. Тамерлану и его потомству Он назначил империю Азии, предвидя кроткость его правления, которое принесло бы его подданным счастье».¹⁸ Этот божий тон, которого можно рассматривать несколько парадоксальным, является здесь, на самом деле, наиболее подходящим. Шариф ад-Дин прибегает к морализованию жадности Мир Хусаина, его негибкости, которая отвратила от него других феодалов, его беспринципного поведения. Здесь следует клубок интриг, в которых, разумеется, Хусаин всегда не прав и он обвиняется в устройстве ловушки для Тамерлана. Тем не менее, это был именно Тамерлан, который без объявления войны совершил внезапную атаку против Хусаина. Покинув Кеш, он пересек Аму-Дарью у Термеза и вторгся в Бактрию, во владение своего противника. Гарнизон Кундуза, охваченный врасплох, сдался также, как и правитель Бадахшана и Тамерлан неожиданно появился перед Балхом, где Хусаин, совершенно неподготовленный, оказался в осаде. Таким образом попав в ловушку, без надежды на помощь, этот несчастный человек был вынужден капитулировать, отказаться от

власти и собравшись отправиться странником в Мекку. Тамерлан великодушно его простил и пролил слезы сожаления, увидев его вновь; однако, «без его оповещения», рассказывает *Zafer-name*, свита завоевателя казнила беженца. Жители Балха, виновные в верности к Хусаину, разделили его участь.¹⁹

Правитель Трансоксонии и империя Тимура

Сущность Тамерлана является примером классической трагедии.²⁰ Его основной чертой был дальновидный маккиавеллианизм, состоящий из постоянного лукавства, основанного и определяемого нуждами государства. Он является Наполеоном с душой Фуше, Филипом II, восходящим из Аттилы. «Могила и печаль, враг веселья», подобно человеку из Ескориала; он настолько же благочестивый, насколько является лихим солдатом и опытным и благоразумным вождем; друг живописцев и писателей, наслаждающийся персидской поэзией подобно Ширази, таким был человек, который захватом Балха стал верховным правителем Центральной Азии. Обдуманность его возвышения с холодным расчетом, которые дали сделали его способным уступать тогда, когда это было необходимо и отправляться в ссылку, когда этого требовала игра, напоминает самого Чингиз-хана. Подобно монгольскому завоевателю, вождь Трансоксонии имел малоизвестное начало и согласился работать в качестве подчиненного под феодальным правителем Хусаином, не имеющего храбрости и твердости, почти также, как и Чингиз-хан, который служил под неспособным *Wang-khan*. Бегство Тамерлана в Хурасан и его приключенческая жизнь от Сейстана до Ташкента напоминают неудачные дни Чингиз-хана в Балджуине. Он был юридически скупуплезным, по-крайней мере, для видимости, в своем разрыве с Хусаином как Чингиз-хан в разрыве с керайтским королем: рассуждение *Zafer-name* подобно Ливию Титу плюс поэтический мусульманский тон и минус грубая простота монгольского пастуха, напоминает знаменитый поэтический плач *Секретной истории*. Однако, как только нашел на своей стороне закон, подкрепленный молебнами из Корана, Тамерлан защитил себя против предательств, реальных или полагаемых, своего старого союзника, обращением, в свою очередь, к

предательству; он удивил и унизил его до такого низкого уровня, как Чингиз-хан по отношению к Тогрулу.

Чингиз-хан, однако, завершил свое дело. Он провозгласил себя *qan*, единственным и верховным императором. Ему не случалось, чтобы над ним была поставлена какая-либо подставная фигура, какой-либо прямой потомок древних монгольских королей, который бы юридически был более твердо установлен, чем он сам; он даже меньше думал о завоевании Дальнего Востока под эгидой младшего брата керайтского короля или кинской императрицы. Тамерлан, действительно, провозгласил себя королем в завоеванном Балхе. 10 апреля 1370 (тогда ему было тридцать четыре года) «он взошел на трон, надел на голову золотую корону и надел императорский пояс в присутствии принцев и эмиров, которые пали на свои колени». *Zafer-name* убеждает нас в том, что он объявил себя в качестве наследника и продолжателя Чингиз-хана и Ягатая. Однако, его титул оставался неопределенным и так было до 1388, когда он принял титул султана. Прежде всего, он не осмелился запретить кукольных императоров дома Чингиз-хана, хотя хан Кабул-шах, которого он и Хусаин поставили на трон, принял сторону Хусаина против него. В действительности, как признается *Ta'rikh-I Rashidi*, он не думал устраниться от ноши хана, но скоро признался, что для того чтобы получить повиновение трансоксонской знати, он должен применять свою власть за ширмой неоспоримой законной основы.²¹ Поэтому он ограничил себя посылкой на смерть Кабу-шаха и заменой на другого чингизида, Союургатмиша, который был верным ему и правил в качестве хана тимуридской Трансоксонии с 1370 по 1388.²² После его смерти Тамерлан назвал в качестве наследника сына этого принца, Махмуд хана (1388-1402).²³ С уважением и в соответствии с протоколом, фирманы, изданные тимуридским правительством, носят имена этих потомков славной семьи.²⁴ Вне всякого сомнения, они были лишь теньевыми королями, полностью служащими Тимура и назначенные по его капризу, бедные, неизвестные люди, о которых никто никогда не думал или заботился. «В мои дни», должен был отметить Мухаммад Хайдар II Дуглат, «к ханам относились в Самарканде как политическим заключенным».

Тем не менее правда, что Тамерлан подходил к этому вопросу политической суверенности косвенно и казуистически. Он не осмелился создать совершенно новый закон; вместо этого, он согласился создать новую ситуацию, замещая тюркское правление монгольским, тимуридской империей для чингизидов. В законе, о котором он говорил, ничего, в действительности, не изменил. Таким образом, он никогда не говорил, что он будет запрещать чингизидский *ясак* в пользу шариата или мусульманского закона. Действительно, хотя это кажется странным, Ибн Арабшах называет его плохим мусульманином за то, что «предпочел закон Чингиз-хана перед законом ислама».²⁵ Разумеется, это есть чисто формальное обвинение, поскольку в глазах народов Центральной Азии Тамерлан добивался выглядеть как наследник Чингиз-хана, даже как новый Чингиз-хан. На самом деле правда выглядела наоборот. Это был Коран, к которому он постоянно обращался, имамы и дервиши, которые предрекали ему успех. Его войны были носили характер джихада, Священной Войны, даже тогда, как это было почти всегда, когда он воевал с мусульманами. Он лишь обвинял этих мусульман в равнодушии, независимо от того, были ли они ягатайцами Или или Уйгурии, которые совсем недавно приняли ислам, или султанами Дели, которые проявляли терпимость и сдерживались от массового убийства своих миллионных хинду подданных.

С самого начала империя Тамерлана не знала меры и не имла фундаментальности и стабильности Чингиз-хана. Ее культура была тюрко-персидской, ее юридическая система тюрко-чингизидской и ее политико-религиозная дисциплина монголо-арабской. В этом отношении Тамерлан напоминал характер европейского императора Карла V. Однако, в нем эти противоречия не были так очевидны; или скорее их мелькающие огни возвышали его личность, совершенно без параллели, когда супермен странствует через несколько цивилизаций на границе двух великих периодов. Высокий, с большой головой и глубоко красным лицом, этот хромой человек, который когда-либо носился по миру, этот калека со свой рукой, лежащей всегда на рукояти своего меча, этот лучник, со стрелковым мастерством, когда он «натягивал струну лука до своих уш», был таким же непогрешимым, как Чингиз-хан, господствовал над своим

временем подобно Чингиз-хану до него. Однако, хотя Чингиз-хан и умер, но его империя, даже под посредственными правителями, выжила. Империя Тамерлана, которая досталась в наследство людям с талантом и даже гениям, как Шах Рух, Олуг-бек, Хусаин-и Байкара и Бабер, была обречена к скорому исчезновению, к усыханию до малой страны Трансоксания с Хурасаном.

Выживание чингизидов может быть объяснено основанием, на котором была построена империя. Чингиз-хан поднял древнюю империю Монголия, вечную империю степей, которая сконцентрированная вокруг Орхона, выдержала испытание со времен старого Гсиунг-ну; империя, которую гунны вручили жуан-жуан и эфталитам, жуан-жуан – ту-чи, ту-чи – уйгурам и которая к моменту рождения Чингиз-хана переходила в руки керайтов. Здесь был физический каркас, т.е. степь; этнический и социальный каркас, а именно, тюрко-монгольское кочевничество, крепкое из-за своей простоты и основанности исключительно на законе природы, который побуждает кочевого пастуха пойти на грабеж и, если возможно, на покорение оседлых крестьян. Основание и периодическое возрождение империи степи было в этом отношении законом человеческой географии. До тех отдаленных дней, пока оседлые народы на своих границах не приобрели искусственное превосходство посредством научных оружий, над ними господствовало кочевничество, чья империя возрождалась на короткий или долгий промежуток времени, подобно наводнению рек.

Однако, ничего подобного не было у империи Тамерлана. Его Трансоксания лишь по виду была географическим центром, что означает, что она сама по себе не была источником динамизма. Обстоятельства, которые в конце 14 века сделали ее вихревым центром, были совершенно случайными. В истории Азии имели место два вида господства. Один из них - древние оседлые цивилизации на окраине Китая, Индии, Ирана, которые медленными шагами и несмотря на все, преодолели одного «варвара» или пояса варварства за другим посредством ассимиляции, которая является более мощным процессом в долгой перспективе чем вооруженное принуждение. Второй вид, возникнув из центра континента, был грубой силой кочевников, был вызван из-за голода и потому, что изголодавшийся волк будет всегда лучше справляться с домашними животными. Однако,

трансоксонийская империя Тамерлана не попадала ни в одну из этих категорий. Если в течение ряда лет он был способным подрывать Старый Мир, то это происходило исключительно из-за его личных качеств, так хорошо выраженных тюркским значением его имени: Тимур, человек из железа.

Здесь имеет место также факт, что, скрещивая это железо, тюркскую нацию Старого Мира с монгольским народом или, по-меньшей мере, закаливая его под дисциплиной Чингиз-хана, в конце 14 века была создана грозная военная сила между Ташкентом и Аму-Дарьей. Следует подчеркнуть вновь, что это было переходящим явлением. Кто был более недисциплинированным, несмотря на всю храбрость, чем трансоксонийские тюрки перед Чингиз-ханом? Данный факт достаточно живо иллюстрируется печальными странствующими рыцарями 13 века: Мухаммада из Хорезма и Джалал ад-Дина, не говоря о Санджаре перед ними. В противоположность к этому, согласно комментариям *Zafer-name*, трансоксонийские тюрки тимуридского периода имели армейскую дисциплину в своей крови; ряды формировались уже без команды, приказы ожидалось до боя барабанов или звука труб, поскольку молодые люди были обучены профессии солдат двумя веками *ясака*. Марши Тамерлана в сибирские зимы или жару Индии, дают поразительное свидетельство справедливости этого утверждения. Эти силы, рожденные чингизидской дисциплиной, наложенные на тюркскую храбрость, выдержали два столетия без намека на возможность полагаться лишь на их воинственный темперамент. Люди Орхона под Кублаем имели весь Дальний Восток в качестве своего театра завоевания; люди Золотой Орды скакали до ворот Вены; люди Гулюгу доскакали до вод реки Египета. Лишь тюрко-монголы «среднего королевства» Туркестана ягатайцев, окруженные другими тремя чингизидскими улусами, были вынуждены коротать время. Однако, перед ними внезапно обрушились барьеры. На западе ни одно персидское ханство не граничило с ними; северо-запад удерживался ослабевшей Золотой Ордой, неспособной теперь закрывать им дорогу; в направлении Гоби дорога была открыта, поскольку «моголистан» лежал в руинах; султанат Дели был в шаге от внезапного падения и не был в состоянии защищать индусов как в дни первых ягатайцев. Трансоксонийцы Тамерлана поспешили во всех направлениях. У них

было слишком много времени бездеятельности, когда завоевание совершалось внешним тюрко-монгольским улусом, в то время как люди Трансоксонии были отрезаны от славы и призов монгольской войны. Теперь, наконец, настал их час.

Эпос Тимура, если он мог бы еще описывать серии предательств и массовых убийств, будучи этнически тюркским, был все еще частью монгольского эпоса, хотя и частью позднего.

Завоевание Хорезма

Завоевательские действия Тамерлана проводились от Волги до Дамаска, от Смирны до Ганга и Йолдуза и его походы в эти различные регионы не подчинялись к какому-либо географическому порядку. Он спешил от Ташкента к Ширазу, от Табриза к Ходженту, диктовал противник агрессии; кампания в Россию имела место между двумя другими в Персию, поход в Центральную Азию – между двумя рейдами на Кавказ. Здесь не было никакого непосредственного планирования Чингиз-хана: кампании в Монголии, кампании в Дальнем Востоке, кампании в Туркестане и Афганистане и возврат на Дальний Восток. Походы Тамерлана следовали один за другим сумбурно, поскольку в противоположность к Чингиз-хану, который проводил чистку там, куда он отправлялся, Тамерлан в конце каждой успешной кампании оставлял страну без всяких планов для ее контроля, за исключением Хорезма и Персии, и даже там он это не проделал до конца. Правда, что он истребил всех своих врагов тщательно и сознательно как великий монгол и пирамида человеческих голов, оставленная за ним, как предупредительный сигнал говорит о своей истории. Тем не менее спасшиеся забывали об уроке, данном им и скоро возобновляли тайные или открытые попытки восстания, так что все надо было начинать заново. Кажется также, что эти кровавые пирамиды отвлекали Тимура от существования цели. Багдад, Брусса (Бурса), Сарай, Кара Шахр и Дели были разгромлены им, однако, он не победил Османскую империю, Золотую Орду, ханство Монголистан или Индийский султанат; и даже джелаиры Ирака Араби вновь поднимались, как только он уходил. Таким образом он должен был завоевать Хорезм трижды, Или – шесть или семь раз (не сумев даже удержать его дольше чем продолжение самой кампании), восточную Персию – дважды, западную Персию –

по-меньшей мере, три раза, в дополнение к двум кампаниям в России и другим походам.

Кампании Тамерлана «всегда надо было проводить вновь» и вновь, как он и делал. Несмотря на их скрупулезную стратегию и безупречную тактику, они, кажется, с точки зрения политической истории не имеют целостности. Хронологическое исследование лишено интереса, за пределами чисто персонального интереса, который можно чувствовать в характере героя. Историческая ясность наилучшим образом достигается их группировкой в соответствии с крупными регионами завоевания, начиная от Трансоксонии и дальше. Так мы будем исследовать действия Тамерлана в Хорезме, восточном Туркестане, Персии, России, Турции и Индии.

Охватывая нижнее течение Аму-Дарьи и ее дельты на Аральском море, Хорезм или нынешние земли Хивы, играли значительную роль в истории Востока в конце двенадцатого века и в течение восемнадцати лет тринадцатого века под великой хорезмской династии тюркского происхождения, которая была изгнана в 1220 Чингиз-ханом. Позже он был присоединен к кипчакскому ханству, пока не был захвачен у кипчакского хана Берке ханом ягатайцев Алгу (между 1260 и 1264). Хорезм затем стал интегрированной частью ягатайского ханства, что географически было подходящим. Тем не менее это завоевание было, очевидно, недолгим. Скоро после этого, согласно Бартольд, Хорезм был разделен между кипчаками и ягатаями, с контролем кипчакским ханством дельты Сырь-Дарьи и Ургенча, в то время как ягатайское ханство правил южным регионом, включая Кат (Шах Аббасвали) и Хиву.²⁶ Затем после 1360 тюркский вождь племени Кунград по имени Хусаин Суфи воспользовался анархией, царившей в Кипчакии, для основания независимого корлевства Хорезм. Затем он использовал войны в Трансоксонии для взятия Кат и Хивы у трансоксонийцев. Однако, как только Тамерлан стал правителем Трансоксонии, то он возвратил эти два города к себе (1371).²⁷ Бросив вызов Хусаину Суфи, он взял Кат и осадил своего врага в Ургенче.²⁸ Хусаин Суфи умер во время осады и его брат Юсуф Суфи, который стал на его место, искал мира и получил его в обмен на возврат земель Кат (регион Хивы) Тамерлану.²⁹ Скоро Юсуф Суфи сожалел эту потерю и опустошил земли

Кат.³⁰ Тамерлан возобновил военные действия в 1373,³¹ но смягчился после получения дочери Юсуфа, красавицу Ханзаде, в качестве жены своему сыну Жахангиру. Война началась опять в 1375,³² но Тамерлан был отозван в Самарканд из-за мятежа своих двух помощников.

Мир, который последовал за этим, был короток. В то время как Тамерлан воевал с Белой Ордой к северу от нижней Сыр-Дарьи, Юсуф Суфи использовал момент для опустошения земель около Самарканда, в глубине Трансоксонии. Этот опасный сосед, который угрожал столице, как только тимуридская армия была занята где-либо, должен был быть удален. В 1379,³³ спровоцированный Юсуфом, Тамерлан достиг ворот Ургенча для встречи с врагом в одиночном сражении. «Он надел легкий панцирь, опоясал свой меч на нем, связал щит на плече и, надев царский шлем, он сел на своего коня и помчался к городу. Возложив себя на волю Бога, он выдвинулся вперед один к краю рва и вызвал Юсуфа помериться силами с ним. Однако, Юсуф, предпочитая жизнь чести, не ответил».³⁴ Осада Ургенча продолжалась три месяца. Юсуф, сильно переживая, умер в отчаянии. Город в конечном счете был взят, после чего следовала массовая резня (1379).³⁵

Аннексия Хорезма завершила образование трансоксонийского владения.

Поход в Моголистан и Уйгурию

Тамерлан как только ощутился на троне Трансоксонии, то он опять должен был вести войну в старом ягатайском восточном ханстве (регионы Или и Юлдуз).

В этой стране началось восстание. Мы видели, как здесь приобрела господствующее положение монгольская семья Дуглата, которая почти полностью держала под контролем Кашгарию с Аксу в качестве ее центра и которая, вдобавок, владела крупными поместьями в ягатайской зоне Или, где ханы держали свои штаб-квартиры.³⁶ Также дуглатский эмир Пуладши или Буладжи в 1347 проявил инициативу, после нескольких месяцев анархии, в восстановлении на троне Тугулуха Тимура (1347-63), а позиция *улус-беги* (приблизительно, глава администрации дворца) была отдана его младшему сыну Худайдаду. Брат Буладжи, эмир Камар ад-Дин, который домогался этого назначения, тщетно обратился с протестом к хану Тугулуху Тимуру и после смерти последнего взял реванш

убийством сына усопшего хана Ильяс-ходжа, который только что возвратился из Трансоксонии после изгнания оттуда победоносным Тамерланом (прибл. 1365-66). Камар ад-Дин, свергнув ягатайскую династию, узурпировал титул хана и правил Моголистаном (т.е. регионом Талас, Иссык-куль, Или, Юлдуз и Манас и, весьма вероятно, также большей частью Алти-шахара или Кашгарии) приблизительно с 1366 до 1392.³⁸ Младший брат Ильяс-ходжа по имени Хизр-ходжа избежал гнева Камар ад-Дина благодаря Худайдаду, который помог ему бежать из Кашгара на Памир, где молодой человек отправился в укрытие до наступления лучших дней.³⁹

Это был именно Камар ад-Дин, против которого Тамерлан организовал серию своих походов, хотя и намного менее известных, чем походы в Персию, Дели или Анкару, но не менее замечательных, поскольку они были организованы в более сложную страну против неуловимого врага. Они были предупредительными экспедициями, предназначенных для защиты Трансоксонии от периодических вторжений кочевников. Офицеры Тамерлана провели разведку в направлении Алма-Ата, позднее также известного как как Верный, к северу от Иссык-куля, и возвратились после заключения мира или перемирия с противником, которого Тамерлан отверг. Покинув Ташкент, Тамерлан прошел от Сайрама (от севера этого города) к месту, отмеченного в *Ta'rikh-i-Rashdi* как Танки и, утверждаемого Элиасом и Денисоном Росс как Янгаи, что является Таласом, также известным как Аулие-Ата. Здесь он вынудил бежать кочевников и захватил много трофеев.⁴⁰

В 1375 Тамерлан организовал свою третью кампанию.⁴¹ Он покинул Сайрам и пересек регионы Талас и Токмак через верховья Чу. Камар ад-Дин, используя обычную кочевую тактику, согласно *Zafer-name*, отступил по отрогам Ала-Тау к месту по названию Биркех-и Гуриан или Аршал Атар, что по Элиасу и Денисону Росс представляет собой Отар около верхнего бассейна Или.⁴² Старший сын Тамерлана, Джангир, застал противника здесь врасплох и он рассеялся по направлению к Или. Тамерлан опустошил эту часть региона Или (Ап-или), которая составляла центр старого восточного Ягатая и затем, кажется, отправился в долину верхнего Нарына, где, *Zafer-name* показывает его действующим на реках Арпа и Язи, к северу от Кашгара.⁴³ Он захватил принцессу Дилшад Ага, дочь Камар ад-

Дина, и отправил ее в свой гарем. Он возвратился в Самарканд по дороге Узгена и Ходжента в Фергану.

Однако, Камар ад-Дин все еще не был разбит. Когда тимуридская армия ушла в Трансоксию, он атаковал Фергану, провинцию, принадлежащую Тамерлану и ограбил город Андижан. Разгневанный Тамерлан поспешил в Фергану и преследовал его за Узгеном и горами Яссы до долины Ат-Баши, южного притока верхнего Нарына.

При вступлении в район Тьен-шаня Тамерлан попал в засаду, где Камар ад-Дин его ожидал. Он сбежал исключительно благодаря своей личной храбрости, «со своим копьем, со своей булавой, со своим мечом и лассо», и он возвратился, чтобы опять вынудить своего врага бежать. Затем он вновь захватил Самарканд, где только что умер его сын Джангир (1375 или 1376).⁴⁴

В эти годы (1376-77) Тамерлан устроил свой пятый поход против Камар ад-Дина. Он воевал с ним на вершинах к западу от Иссык-куля и преследовал его до Кочкара, на западном крае озера.⁴⁵ *Zafer-name* упоминает даже о шестом походе, организованном Тамерланом к Иссык-кулю против Камар ад-Дина около 1383, однако, опять хан не был схвачен.⁴⁶

В 1389-90 Тамерлан предпринял решительные усилия, чтобы избавиться от кочевников Моголистана.⁴⁷ В 1389 он крест-накрест проходил через регионы Или и Имил по всем направлениям, на юге и востоке озера Балхаш (по *Zafer-name*, Атрек-куль) и вокруг Ала-куля, территории, которые ныне стали русской провинцией Семиречье и китайским протекторатом Тарбагатай и которые тогда являлись центром Моголистана. Играя роль властелина и завоевателя, он отправлял свои мобильные эскадроны на исторические степи, где ягатайские и огодайские ханы когда-то держали свои дворы, в регионы нынешней Кулджи и Чугучака, в то время как его авангард преследовал монголов до Черного Иртыша, к югу от Алтая.⁴⁸ Затем его армия, двигаясь отдельными колоннами через тянь-шаньский массив, прошел от бассейна Балхаша к бассейну Юлдуз, которого Тамерлан достиг по долине Кунгес.⁴⁹

Среди монгольских вождей, с которыми воевал Тамерлан в этом регионе, *Zafer-name* упоминает о Хизр-ходжа, наследника дома Ягатай, который был

устранен временно с трона узурпатором Камар ад-Дином. Из *Ta'arikh-i Rashidi* мы знаем, что Хизр-ходжа бежал на наиболее восточную часть восточного Туркестана (сначала в Хотан, затем в район Лоб Нора), где старался найти новое владение, насильственно обращая уйгуров Турфана в ислам.⁵¹ Хотя главный враг Тамерлана, Камар ад-Дин, был также врагом Хизр-ходжа, Тамерлан не стал колебаться напасть на последнего, очевидно, боясь, как бы дом Ягатая не укрепился в Уйгурстане. Хизр-ходжа был разгромлен и бежал в Гоби.⁵² Победоносный Тамерлан созвал военный совет в Чалише или Джалише, в современном Кара Шахаре, и разделил между своими людьми трофеи, взятые у кочевников.⁵³ *Zafer-name* создает впечатление, что он, укрепившись в сердце Центральной Азии, почувствовал себя наследником Чингиз-хана. На самом деле, он разрушил монгольское господство в восточном Туркестане точно в то время, когда была сброшена с трона династия Минь в Китае.

Перед тем, как возвратиться в Самарканд, Тамерлан отправил своего сына Умра-шейха вперед от Юлдуза пути на Уч Ферман (Уч Турфан) и Кашгар.⁵⁴ Мы не знаем, то ли он сам с главным корпусом армии выбрал эту дорогу, то ли он пришел назад от Юлдуза через Или, Чу и Талас.

Даже в это время, хотя Тамерлан сокрушил сердце Гоби, его главный враг хан Камар ад-Дин оставался неразгромленным. Как только армия Тимура вновь вступила в Трансоксию, как Камар ад-Дин восстановил свою власть в долине Или. Поэтому в 1390 Тамерлан опять отправил свою армию против него. Армия прошла от Ташкента через регион Иссык-куля, пересекла Или у Алмалыка, затем прошла за Кара-тал и гналась за Камар ад-Дином до Черного Иртыша, где он потерялся. Камар ад-Дин исчез в Алтае, «на землях белок и соболей» и более не стал слышным. Люди Тамерлана удовлетворялись выжиганием имен своих вождей раскаленным железом на стволах кедров Алтая; затем по берегам Артек-Куля, т.е. озера Балхаш, они возвратились в Трансоксию.⁵⁵

Исчезновение узурпатора Камара ад-Дина дало возможность Хизр-ходжа из ягатаев .восстановиться на троне Моголистана. Новый вождь дома Дуглата эмир Худайдад, племянник Камар ад-Дина, который слыл «законником», был первым, кто вызвал Хизр-ходжа и поддержал и заверил его восстановление.⁵⁶ Новый хан

был преданным мусульманином. Мы видели, как покорив Турфан, он насильно обратил в мусульманскую веру всех уйгуров здесь.⁵⁷ Такая позиция сделала его более близким к Тамерлану и в конечном счете был заключен мир между двумя принцами. Около 1397, в итоге, Хизр-ходжа выдал свою дочь замуж Тамерлану, который высоко ценил союз, поскольку он внедрил его в семью великих чингизидов.⁵⁸

Хизр-ходжа умер в 1399. Та'rikh-i Rashidi сообщает, что его наследовали на троне Или три его сына, Шама-и Джаган или Шами-и Джаган (прибл. 1399-1408), Накш-и Джаган и Мухаммад-хан (ум. около 1428), последний был восхвален в том же тексте за его поэзию.⁵⁹ Все трое жили под наблюдением и защитой Дуглат эмир Худайдада. Тамерлан не удержался от соблазна вмешаться из-за смерти своего тестя и отправил новый экспедиционный корпус, если не в Или, то по-меньшей мере, в Кашгарию (1399-1400). Этот корпус под командованием внука завоевателя Мирза Искандера, вступил в Кашгар, ограбил Ярканд, овладел укрепленным городом Аксу, чьи жители спаслись взятками путем выдачи богатых китайских купцов, проживающих среди них. Затем он направил подразделение на северо-запад для грабежа Баи и Кучи. Мирза Искандер затем прошел к Хотану, где жители приветствовали его и объявили себя подданными Тамерлана. Наконец, он возвратился в Самарканд по андижанской дороге через Фергану.⁶⁰

Завоевание Восточного Ирана

Когда Тамерлан установил свое королевство Трансоксания, по-существу, тюркское королевство, хотя и под вывеской вымышленного чингизидского ханства, он возобновил в Иране войну тюрко-монголов против таджиков.

Основной раскол страны означало для иранцев, что их судьба находится от милости первого решительного захватчика. Чингиз-хан в свое время, по-крайней мере, встретил объединенную силу, Хорезмскую империю, которая протягивалась от Кабула до Хамадана. Против Тамерлана стояли, в противоположность, четыре или пять соперничающих сил, среди них бывшая империя Гулюгу была отправлена на произвол судьбы; эти государства были глубоко разделены и их правители никогда даже не помышляли об объединении против тюрка. Кертты были по

национальности афганами и суннитами по религии и жили в Герате. Они были заклятыми врагами сарбедрианов Себзевара, которые являлись шиитскими персами. Арабо-персидские музаффарида Фарса были соперниками желаирдов, монгольских хозяев Табриза и Багдада. Более того, в этой музаффарида семье, где сыновья не думали не о чем больше, как выколоть глаза своим отцам, все принцы презирали и предавали друг друга и воевали между собой даже за маленькую деревню. Тамерлан, который тратил столько энергии в сражениях с кочевыми Моголистана и Кипчакии, здесь его оппоненты сами шли в его руки. Персия 1380 приглашала завоевание.

Действительно, после падения ханства Гулюгу восточный Иран скоро почувствовал тяжесть угрозы трансоксонийских тюрков. В 1351, как было отмечено, знаменитый эмир Казган, вождь трансоксонийцев, пришел, чтобы осадить Герат и понизил правящих кертов до уровня вассальства. Этот акт теперь был повторен Тамерланом. В 1380 он вызвал *малика* или короля Герата Гият ад-Дина II Пир Али, чтобы тот прибыл на его *курултай* в виде его вассала. Гият ад-Дин II (1370-81), сын и наследник Муизз ад-Дин Хусаина и седьмой принц кертской династии, несомненно не имел политическую приспособляемость его отца и своих ранних предшественников править среди гулюгидских войн и затем быть принятым Казганом. Во время объявления своей покорности, он проявил задержку. Весной 1381 Тамерлан прошел к Герату. Гият ад-Дин в то время как раз захватил Нишапур у другой восточно-иранской династии, сарбердарианов, и эта война, которая заставила схватить за горло друг друга, добавила смущение и смятение в Хурасане.⁶¹ Более того, брат Гият ад-Дина, который командовал крепостью Саракахс к югу от Герата, объявил покорность Тамерлану по своей инициативе «и был удостоен чести поцелуем имперского ковра». Крепость Бушан, к северо-востоку от Герата, был взят штурмом. В самом Герате, где заперся Гият ад-Дин, гарнизон, состоящий из грубых афганцев из Гхора, сопротивлялся всю и даже совершил вылазку. Однако, городское население «предпочло мир своим домам, которые были украшены прекрасными черепицами из Кашана» и отказалось сражаться. Гият ад-Дин капитулировал.⁶² Тамерлан его хорошо принял и «удостоил его чести целовать ковер своего трона», но заставил всех богатых

города сдаться. Один из сыновей *малика*, который удерживал неприступный форт Аманкох или Ишкалча, сдался по уговору своего отца.

Тамерла покинул Гият ад-Дина в качестве титулярного правителя Герата, однако, город с разрушенными стенами, был не более чем зависимым от тимуридской империи. Сам Гият ад-Дин, пониженный до уровня покорного вассала, был отправлен в принудительную резиденцию в Самарканде. Эта ситуация могла бы протянуться неопределенно долго, но банды афганцев из Гхора с помощью людей из Герата совершили неожиданную атаку на город и завладели им.⁶³ Принц Мираншах, третий сын Тамерлана, сурово подавил этот мятеж, после чего были сооружены башни из человеческих черепов. *Zafer-name* лаконично рассказывает, что после этих событий Гият ад-Дин и его семья, вне сомнения, заподозренные в заговоре, получили приказ умереть.⁶⁴ Таким образом закончила свой путь афганская династия Керт, которая своим проворством сумела выжить во время всех вторжений в течение почти ста тридцати лет в их крепости Герат, становясь целью для всех жадных завоевателей.

Покорив кертское владение Герат, в 1381 Тамерлан пошел на восточный Хурасан. Два государства тогда спорили по поводу владения этой страной: сарбедарианское княжество во главе с Али Му'аядом (1364-81), столицей которого был Себзервар,⁶⁵ и Мазандеран. Мазандеран, включая территории Астерабада, Бистама, Дамгана и Самнана,⁶⁶ находился тогда под контролем авантюриста эмира Вали, который после смерти Туха Тимура сделался королем (1360-84). Был еще другой властелин, Али бек, правитель Келата и Туса. При приближении Тамерлана Али бек заявил о своей покорности.⁶⁷ Али Муаяд, под угрозой со стороны эмира Вали, обратился за помощью к Тамерлану. Он таким образом приветствовал завоевателя, совершил визит покорности в Себзеваре и объявил себя его подданным (1381).⁶⁸ С этого времени он присоединился к Тамерлану и умер в сражении на его службе в 1386. После короткой осады Тамерлан захватил Исфараин у эмира Вали и разрушил его.⁶⁹

Тамерлан затем возвратился на короткое время в Самарканд перед продолжением операций в Иране. Зимой 1381-82 он осадил Али бека в уединенном доме Келата и вновь вынудил его покориться.⁷⁰ Скоро после этого Али бек был

отправлен в Трансоксонию и казнен (1382). Тамерлан продолжил кампанию против эмира Вали, принца Джуриана и Мазандерана, который закончил отправкой ему дани.⁷¹

В 1383 Тамерлан из Самарканда направился в Персию и нанес суровое наказание мятежному Себзевару. «Около двух тысяч пленных были сложены в кучу живьем, один на другом смеси с кирпичом и глиной, образуя башни»⁷² Восставший Сейстан разделил ту же участь. «Наши солдаты сделали гору из трупов и построили башни из их голов». В Зарани, столице Сейстана, Тамерлан «уничтожил мужчин, женщин, молодых и старых, от столетних до младенцев в колыбели».⁷³ Прежде всего, Тамерлан разрушил ирригационную систему сейстанских земель, которых он превратил в пустыню. «И когда они пришли на берега реки Хелманд, они разрушили дамбу по названию Дамба Рустама и не оставили даже следа от древних работ».⁷⁴ Заброшенность, которая поражает путешественника в этом региона даже сегодня, является результатом этих актов разрушения и массовых убийств.⁷⁵ Тимуридские вожди завершали то, что начали чингизидские монголы. И те, и другие, через свои древние кочевничества и их системы методического опустошения сделались активными агентами процесса «сахаризации», которая уже прошла по центру Азии, путем его географической эволюции. Разрушая земледелие на обширных площадях и превращая земли в пустыню, они были бессознательными соучастниками в смерти почвы. В особенности, на высоком плато Ирана, где вода и деревья являются редкостью, где усердное земледелие сохраняет одно засчет другого и где сохранение пахотных земель является постоянной борьбой, кочевые уничтожили деревья, высушили сады и из скудной струйки воды создали болото и из плодородной земли сделали степь.

Из Сейстана Тамерлан отправился в Афганистан для завладения Кандагаром (1383). После трехмесячного отдыха в своем любимом Самарканде он повернул в Персию для того, чтобы окончательно разделаться с эмиром Вали, принцем Мазандерана. Этот человек отважно защищал каждую пядь своей земли, от реки Атрек до центральной части леса; действительно, он почти добился успеха, внезапно атаковав ночью тимуридский лагерь,⁷⁶ однако Тамерлан в конечном счете

взял верх и в 1384 овладел Астерабадом, столицей противника, где он истребил поголовно всех людей, «даже младенцев на груди матерей».⁷⁷ Вали бежал в Азербайджан. Тамерлан вступил в Ирак Аджами.

Завоевание Западного Ирана

Ирак Аджами, Азербайджан и Багда принадлежали монгольской династии джелаиров, представленными в 1382 султаном Ахмед Джелаир ибн-Увейсом. Ахмед был типичным примером монгольской знати, осовремененный своими окружающими и превращенный в арабо-персидский султан подобно сельджукским и хорезмским шахам двенадцатого столетия: «жестокий и неверный деспот, но в тоже самое время храбрый воин и покровитель ученых и поэтов».⁷⁸ Он достиг власти путем убийства своего старшего брата Хусаина в 1382 и затем, в 1383 и 1384 победив своих других братьев. Он находился в Султании, главном городе Ирака Аджами в то время, когда туда пришел Тамерлан. Он поспешно бежал и Тамерлан устроил там свой двор.⁷⁹ Ахмед Джелаир бежал в Табриз, но Тамерлан не стал его преследовать и через Амул и Сари возвратился в Самарканд, где он, как обычно, отдыхал после каждого своего похода (1385).

Лишь в 1386 Тамерлан решился на завоевание западной Персии, которое затянулось на два года. Одним из предлогов для его кампании стал его благочестивый порыв наказать горцев Луристана, которые ограбили караван в Мекку. И эту миссию он выполнил с успехом – «множество этих грабителей было схвачено и сброшено с вершин гор».⁸⁰ Затем Тамерлан отправился Азербайджан и вступил в Табриз; при его приближении Ахмед Джелаир бежал в Багдад.⁸¹ После этого Тамерлан стал держать свой двор в Табризе, где он провел лето 1386 перед тем, как отправиться в Нахичевань и вторгнуться в Грузию.

Что касается грузинов, то они были христианами, что дало возможность Тамерлану выдать свой поход как Священную Войну. Покинув Карс, который он разрушил, зимой 1386 он штурмом взял Тифлис и сделал пленником короля Грузии Баграта V, который скоро после этого был освобожден, поскольку прикинулся обратившимся в ислам.⁸²

Тамерлан затем возвратился в свои зимние квартиры в Карабахе, в степях нижней Куры. Он здесь неожиданно был атакован своим протеже Токтамышом, ханом кипчаков, который в начале 1387 пересек Дербентский перевал с сильной армией, чтобы оспорить владение Азербайджаном. Крупное сражение состоялось между соперниками к северу от Куры. Армейский корпус, направленный сюда Тамерланом, сначала потерпел поражение, однако его сын Мираншах, пришедший сюда с подкреплениями, преодолел врага и отбросил на север от Дербента. Безжалостный в наказании афганцев и персов, Тамерлан здесь проявил неожиданное милосердие и отправил всех пленных обратно к хану кипчаков, которого он упрекнул не более чем отцовским нравоучением. Тюрк, выскочка, все еще находился в благовании перед законной династией чингизидов, представленной Токтамышом.⁸³

После содержания своего двора на берегах озера Гокча, Тамерлан организовал завоевание западной части Великой Армении. Эта страна была разделена между множеством туркменских эмиров, добрых мусульман, но против них, как повествует *Zafer-name*, Тамерлан запланировал Священную Войну, использовав в качестве предлога, что те напали на караван в Мекку.⁸⁴ За один день он захватил Эрзерум. Туркменский эмир Тагиртен, правитель Эрзинкана, признал себя данщиком и Тамерлан подтвердил его правление. Затем Тамерлан отправил своего сына Мираншаха в Мус и Курдистан на войну против туркменской орды по названию Черная Овца или Кара-Куюнулу под командованием Кара-Мухаммада Турмуша. Сам Тамерлан опустошил регион Мус, но туркмены бежали в недоступные горные вершины.

После завершения завоевания Армении взятием Ван и сбрасыванием его жителей со скал, Тамерлан направился в музафаридские государства Фарса (Шираз), Исфагана и Кермана. Музафаридский принц Шах Шуя, которого Ибн Арабшах представляет как пример добродетелей (за исключением случая, когда он ослепил своего отца и умертвил в тюрьме), был вызван для выражения покорности к Тамерлану.⁸⁵ Он без промедления признал Тамерлана своим властелином и таким образом предотвратил свои владения от угрозы вторжения. Когда он умер в своей столице Шираз, он оставил ее и Фарс своему сыну Зайн ал-Абидину и Керман –

своему брату Ахмеду, в то время как Исфаган и Язд жестоко оспаривали его племянники Шах Яхия и Шах Мансур. (В конечном счете, первый смог сохранить за собой Язд, а второй – Исфаган).⁸⁶ Перед смертью Шах Шуя поставил всю свою семью под покровительство Тамерлана. Несмотря на уверенный тон этого письма (*Zafer-name* воспроизводит его текст), оно является свидетелем того, что сам писатель сомневался в этом.⁸⁷

Действительно, Тамерлан воспользовался смертью своего вассала для вторжения в музафаридскую территорию (октябрь-ноябрь 1387), пройдя прямо к Исфагану по дороге на Хамадан. Музафаридский губернатор Музаффар-и Каши поспешил доставить ему ключи от города; Тамерлан совершил торжественное вступление в город и устроился в лагере вне города. Все выглядело мирным до тех пор, пока ночью жители не восстали и не убили тимуридских чиновников по сбору налогов, за одно расправляясь попавшими им под руку трансоксонийских солдат. Разгневанный Тамерлан приказал уничтожить всех людей края. Каждое армейское подразделение должно было внести свой вклад в общий сборник в виде определенного количества отрубленных голов. *Zafer-name*, официальный апологет Тамерлана, говорит о 70 000 головах, «которые были сложены в кучах за стенами Исфагана и из которых затем в различных частях города были построены пирамиды». Сцены ужаса, описанные Ибн Арабшахом, намного превосходят ужасы, описанные историками Чингиз-хана в связи с массовыми казнями в Балхе, Герате и Газни в 1221; ранние монголы были просто дикарями, в то время как Тамерлан был культурным тюрком и большим любителем персидской поэзии, тем не менее уничтожившим цветок иранской цивилизации, верным мусульманином, опустившим столицы мусульманского мира.⁸⁸

Из Исфагана, превращенного в могильник, Тамерлан отправился в Шираз, откуда поспешно бежал музафаридский принц Заин ал-Абидин. Терроризованный город должен был успокоить его и Тамерлан устроил здесь свой двор. Музафариды Кермана и Язда, Шах Ахмед и Шах Яхия со страхом прибыли туда, чтобы «поцеловать царский ковер»; в ответ, Шаху Ахмеду был оставлен во владении Керманом, а Шаху Яхия – Фарс. Наиболее искусные ширазские мастеровые были депортированы в Самарканд для украшения этой тимуридской столицы.⁸⁹

Сам Тамерлан в это время вынужден был возвратиться в Самарканд, из-за вторжения кипчакского хана в Трансоксию в конце 1387. Он не посещал вновь Персию вплоть до 1392, когда началась так называемая Пятилетняя Война 1392-1396. Его первый поход начался в Мазандеране. Он захватил Амул, Сари и Мешед-и-Сар (Бабулсар) у местной ветви сайдов, сжег проходы через девственные леса, которые покрывали эту необыкновенную страну и пытался обратить шиитских жителей, чья вера все еще была испорчена спасшимися исмаилитами, в правоверную суннитскую веру.⁹⁰ После зимовки в Мазандеране он пустился в путь по дороге Нехавенда в Луристан, где наказал луров за их завзятый бандитизм. Затем он по дороге Дизфула и Шуштара направился покорять восставших музаффаридов.

После ухода Тамерлана один из музаффаридских принцев, Шах Мансур, более энергичный чем другие, устранил от власти своих собратьев-принцев и объединил древнее владение против Тамерлана. Он ослепил своего двоюродного брата Заин ал-Абидина, вынудил своего брата Яхию уйти из Шираза в Язд и затем захватил Шираз, которого сделал своей столицей наряду с Исфаганом. Как и весь его род, вероломный, но весьма активный и энергичный и чрезвычайной храбрости человек, он бросил вызов даже Тамерлану. В апереле 1393, после сбора своей армии в Шустаре, Тамерлан прошел к Ширазу. По пути в начале мая он взял крепость Кала-и-Сефид, считавшейся до этого неприступной. На встречу ему двинулся Мансур и устроил жестокой бой в окрестностях Шираза. Проявив образец истинной храбрости музаффарид прорвал ряды трансоксонийской гвардии. Затем он достиг Тамерлана и нанес ему два удара своим мечом, однако его удары были ослаблены тяжелым шлемом Тамерлана. В конечном счете Мансур был убит. Семнадцатилетний сын Тамерлана, Шах Рух, отрубил Мансуру голову и бросил ее к ногам победителя (май 1393).⁹¹

Тамерлан совершил торжественное вступление в Шираз. Он приказал, чтобы все сокровища казны древнего города были вручены ему, также, как и огромные послевоенные контрибуции. «Он провел месяц, пируя и наслаждаясь победой», ликует *Zafer-name*. «Играли органы и арфы и доброе красное вино Шираза доставляли гостям в золотых кубках красивейшие девушки города».

Оставшиеся в живых музафарида – Шах Ахмед, принц Кермана, и Шах Яхия, принц Язда, пришли к нему с визитом покорности, тем не менее скоро после этого Тамерлан убил почти всех членов этой династии и отдал их владения своим военачальникам.⁹² Художники и писатели были депортированы из Фарса в Самарканд, которого Тамерлан намеревался превратить в столицу Азии.

В июне 1398 Тамерлан покинул Шираз и отправился в Исфаган и Хамадан, где он держал свой двор, и затем начал свою кампанию по захвату Багдада и Ирака Аджамии у султана Ахмеда Джеалаира, последнего представителя одноименной монгольской династии. В начале октября он появился перед Багдадом и при его приближении туда Ахмед Джеалаир бежал на запад. Его Мираншах почти поймал около Карбалы, который был отправлен в погоню за ним, однако беглец смог ускользнуть и бежать дальше в Египет, где он был принят мамелюкским султаном Баркуком. Тамерлан вступил в Багдад без боя. «Татарские войска», поет Zafarname, «набросились на Ирак подобно муравьям и стрекозам; они захватили деревни и помчались по всем направлениям, грабя и опустошая повсюду». Тамерлан провел три месяца в Багдаде, предаваясь покою и «наслаждаясь в домах удовольствий, расположенных на берегах Тигра».⁹³

Затем он возвратился на север. Мимоходом он уничтожил крепость Тикрит (Текрит) и отправился покорять крепости провинций Курдистан и Диярабакир. В этой кампании он потерял своего второго сына Умар-шейха, который был убит стрелой перед курдским фортом (февраль 1394).⁹⁴ После сильной осады он захватил Мардин (март 1394)⁹⁵ и Амид (Диярбакир), и затем, продвигаясь в обратном направлении в Великую Армению, он прогнал из региона Мус туркмена Кара-Юсуфа, вождя орды Черных Овец (Кара-Коюнлу). После этого он направился по дороге на Ван для войны в Грузии (конец 1394).

В 1395, когда Тамерлан проходил через Кавказ для войны с кипчакским ханом на юге России, грузины нанесли поражение его третьему сыну Мираншаху, который подверг к осаде Алинджак около Нахичевани.⁹⁶ Когда Тамерлан возвратился на Кавказ в 1399, он отомстил за Мираншаха, опустошив регион Кахетии (восточная Грузия). Более жестокой была его месть весной 1400, когда он направился в Тифлис, установил здесь свой гарнизон и полностью опустошил

страну в то время как король Георгий IV бежал в горы. В 1401 Тамерлан проявил по отношению к нему *aman* (милосердие) взамен на дань. Тем не менее в 1403 возвратился сюда, чтобы вновь опустошать страну, разрушив около семисот крупных деревень и малых городов, истребив их жителей и разрушив христианские церкви Тифлиса.⁹⁷ Отмечалось, что вторжение чингизханских монголов в тринадцатом веке было менее жестоким, поскольку монголы были больше варварами, которые убивали потому, что просто веками у них выработался инстинкт кочевых пастухов против оседлых земледельцев. К этой свирепости Тамерлан добавил вкус религиозных убийц. Он убивал из-за благочестия. Он представляет собой синтез, по-видимому, неповторимой истории монгольского варварства и мусульманского фанатизма и символизирует форму, вышедшую из примитивной убийцы, убийства ради абстрактной идеологии во имя священной миссии и долга.

Последней попыткой противостоять тимуридскому господству в Иране было выступление бывшего султана Ахмеда Джелаира и туркменского вождя Кара-Юсуфа, эмира Черной Овцы. В декабре 1393 и январе 1394 после того, как Ахмед Джелаир, как мы уже писали, был вытеснен из Багдада и бежал в Египет, где нашел убежище у мамелюкского султана Баркука. С помощью последнего после ухода тимуридской армии, он смог восстановить свое положение в Багдаде в том же 1394. Поскольку Тамерлан был занят где-то в другом месте, он мог оставаться здесь, благодаря поддержке, в частности, эмира Черной Овцы Кара-Юсуфа до лета 1401. Когда Тамерлан возвратился вновь в Ирак Араби, то Ахмед Джелаир опять бежал к мамелюкам, тогда как его офицеры добровольно решили защищать город. Багдад был взят Тамерланом 10 июля 1401. Защитники сражались с упорством обреченных и месть Тамерлана была беспощадной. Если семь лет до этого он обращался с Багдадом с некоторым смирением, теперь он приказал, провести массовые казни. Каждый солдат должен был доставить голову жителя города, говорит Шариф ад-Дин; две головы, говорит Ибн Арабшах.⁹⁸ Посреди резни литературно настроенный Тамерлан сберег несколько писателей и даже наградил их знаками почета. Кроме этих людей, все остальное население было убито и все здания, за исключением мечетей, были разрушены. Ибн Арабшах оценивает

количество жертв равным 90 000. Июльская жара под открытым небом скоро вызвала эпидемию из-за куч трупов и вынудила победителя убраться восвояси.

В течение войны между Тамерланом и Османским султаном Баязитом, обсуждаемой дальше, упрямый Ахмед Джелаир еще раз воспользовался случаем для своего возвращения в Багдад, но скоро потерпел поражение от своего прежнего союзника Кара-Юсуфа, вождя орды Черной Овцы. Сам Кара-Юсуф был отогнан новой атакой тимуридской армии под командованием Абу Бекра, внука Тамерлана (1403). Кара-Юсуф и Ахмед Джелаир оба бежали в Египет, не возвращаясь оттуда до смерти Тамерлана.⁹⁹

Тамерлан и кипчаки

В 1376 Тамерлан принял в Самарканде Токтамыш, чингизида ветви Жучи. Токтамыш пришел просить его поддержку в борьбе против его сюзерна Уруса, хана Белой Орды, который обосновался на севере от нижней Сыр-Дарьи., в степях Сары-Су и вокруг улутауских гор.¹⁰⁰ Не известно, был ли Токтамыш племянником или более далеким родственником Урус хана.¹⁰¹ Будучи рад включить в свои вассалы этого чингизидского претендента, который мог бы быть полезным ему, Тамерлан отдал ему города Отрар, Сабран и Сигнаки на северном берегу средней Сыр-Дарьи, напротив степей Белой Орды. Токтамыш дважды был прогнан Урус ханом из этого малого владения и дважды был выручен Тамерланом в Самарканде. Согласно *Zafer-name*, Урус требовал его экстрадицию. Проиgnорировав это требование, Тамерлан пошел защищать линию Сыр-Дарьи. Он разгромил Уруса между Сигнаки и Отраром и прогнал в степи (начало 1377).¹⁰²

Урус умер в том же году и его унаследовали по очереди два его сына, сначала Тохта-кия, затем Тимур-малик. Тамерлан не успел возвратиться в Трансоксию, как Токтамыш опять был побежден, на этот раз Тимур-маликом. Тамерлан еще раз восстановил его во владении Сигнаки и отправил ему подкрепления, с помощью которых Токтамыш захватил противника врасплох в его зимних квартирах, в регионе по названию *Zafer-name*, Карал-Тал.¹⁰³ Эта победа была решающей и она дала ему возможность сесть на трон Белой Орды (зима 1377-78).¹⁰⁴

До этого времени Токтамыш, кажется, не проявлял никаких личных качеств, во всяком случае, согласно *Zafer-name*, которое утверждает, что своим возвышением он обязан исключительно поддержке Тамерлана. Однако, как только он стал ханом Белой Орды, то он, кажется, внезапно стал проявлять высокую активность. Почти сразу он начал искать пути к покорению Золотой Орды или кипчакского ханства, т.е., монгольской империи на юге России. В 1380 он убил Мамая, предводителя Золотой Орды, в решительно битве около реки Калка или Калмус, в мариупольской области недалеко от берегов Азовского моря. После этого он был признан в качестве хана Золотой Орды, что воссоединило Золотую и Белую Орды, которые вместе составляли почти все бывшее владение Жучи. С этого времени он правил на землях от нижней Сыр-Дарьи до Днестра, от Сигнаки и Отрара до ворот Киева. От Сарая, своей столицы на нижней Волге, и дальше вперед, он теперь возвышался в качестве величайшего монарха своего столетия. Возобновив традиции своих чингисханских предков, он организовал крупные конные походы; вторгся в христианскую Россию; сжег Москву в августе 1382; опустошил Владимир, Юрьев, Можайск и другие русские города, даже разгромив около Полтавы литовцев, которые попытались вмешаться; и вынудил московское княжество стать вновь под монгольское иго еще на одно столетие.

Эти победы окончательно вскружили ему голову. Кем же был Тамерлан, этот выскочка тюрк, без прошлого, без какого-либо определенного и законного титула, по сравнению с ним, действительным отпрыском чингизханской династии? Более того, его неоспоримые права теперь поддерживали все орды к северо-западу, составляя огромный резерв степных воинов. Ему, командиру северных кочевых, Тамерлан, король Трансоксии и Ирана, должен был казаться лишь простым таджиком. Как монгол, Токтамыш должен был чувствовать в этом на три четверти оседлом тюрке, Тамерлане, его тайную ненависть к людям Исфагана и Шираза. Энергичный, активный и хорошо сложенный, заслуживший среди монголов репутацию справедливого судьи, он более стеснялся выглядеть подопечным у выскочки тюрка, который звал его своим сыном. Он ошибался, забывая, что обязан своим возвышением этому самому тюрку и вдвойне был не прав, упуская возможность доступа к грозной силе, которую последний представлял.

Подобно своим предкам, кипчакским ханам со времен Берке, Токтамыш предъявлял претензии на Азербайджан. Следует напомнить, что никогда, с 1260 по 1330, правители Сарая не смирились с фактом, что ни Закавказье, ни северо-западная Персия так и не стали их *улусами*. Поэтому в 1385, когда они, до вмешательства здесь Тамерлана, принадлежали султану Ахмеду Джелаиру, Токтамыш вторгся в Азербайджан по ширванской дороге и захватил и ограбил Табриз (зима 1385-86).¹⁰⁵ Затем он ушел своей добычей на монгольский манер, а не долго после этого Ахмед Джелаир опять возвратил себе власть в провинции. Это было поворотным пунктом, когда Тамерлан после покорения Персии, присоединил Азербайджан к своей империи (1386). Это присоединение вызвало разрыв между двумя бывшими союзниками, или, скорее, спровоцировало Токтамыша на внезапную атаку против своего благодетеля без какого-либо объявления войны, которая чуть не привела к его захвату в плен.

Тамерлан провел зиму 1386-87 на севере Азербайджана в провинции Карабах и все еще находился там, когда весной 1387 Токтамыш неожиданно пересек Дербентское ущелье и направился прямо на Карабах. Тамерлан, расположившись лагерем в Бардхаа, к югу от Куры, поспешил направить сильный авангард на север реки. Эта маленькая армия вступила в бой с армией Токтамыша и почти потерпела поражение, когда третий сын Тамерлана, принц Мираншах, успел придти с подкреплениями и исправил положение так, что Токтамыш вынужден был бежать. Поведение Тамерлана в данном случае является весьма значительным. Много пленных из разгромленной армии было приведено к нему и многие знали его беспощадность с такого рода людьми; тем не менее, в это время он не только сохранил им жизни, но отправил назад, к Токтамышу, обеспечив их продовольствием и необходимым инвентарем. Между тем, свидетельствует *Zafername*, он укорял Токтамыша, к которому он все еще «обращался как к своему сыну», прискорбным тоном чем с гневом.¹⁰⁶ Сравнение этого поведения с холодным и надменным презрением и с непримиримой мстительностью, с которыми он обращался со своим тюркскими или иранскими врагами, дает меру авторитета для него чингизханской династии. Правда, в действительности Тамерлан низверг достижения Чингиз-хана или, по-меньшей мере, заменил их

своими; тем не менее теоретически, он не отваживался открыто признать это возможно, даже самому себе. Он прибег к уловке, придал своей тюркской империи монгольский фасад и оказывал чингизханским потомкам, где бы они не проявляли признаки жизни, удивительное и, по-видимому, недобровольное уважение. Он, должно быть, чувствовал бессознательный и фундаментальный страх трансоксонианов перед северными ордами.

Токтамыш не только оставался глухим к этим призывам, но когда Тамерлан задержался в Персии, то он воспользовался его отсутствием для нападения на само сердце его империи: на Трансоксию. К концу того же года, 1387, он напал на линию Сыр-Дарьи около Сигнаки и угрожал Сабрану; затем, будучи плохо снаряженным по части осадных орудий, начал грабить его окрестности. Умар-шейх, второй сын Тамерлана, попытался остановить захватчиков, но потерпел поражение около Отрара и едва избежал пленения.¹⁰⁷ Нападение было более чем серьезным для Трансоксии, лишенной войск и застигнутой с тыла налетом кочевников Моголистана в Фергану. Войска Токтамыша разбрелись по всей Трансоксии, грабили все открытые города и даже рискнули на осаду Бухары. Их опустошения достигли до окрестностей Карши и даже до берегов Аму-Дарьи.¹⁰⁸

Тамерлан вынужден был на всех скоростях возвратиться из Персии (начало февраля 1388). Токтамыш не стал дожидаться его и возвратил себе степи Белой Орды. В конце 1388, собрав мощную армию в Кипчакии, армию, которая согласно *Zafer-name*, включала в себя контингенты Москвы, Токтамыш возобновил свои атаки на Трансоксию, на этот раз обходя с востока, около Ходжента в Фергане. Тамерлан выступил для встречи с ним с малочисленными войсками, которых он успел собрать и, посреди снега и в сильный холод, отбросил его назад на север Сыр-Дарьи (около января 1389).¹⁰⁹ Токтамыш продолжал рыскать севернее середины Сыр-Дарьи, осадив Сабран и ограбив Яси (нынешний город в Туркестане). Однако, когда Тамерлан пересек Сыр-Дарью, враг рассеялся по степи.¹¹⁰

Этот опыт убедил Тамерлана в том, что он не может преследовать свои завоевания в Западной Азии, оставляя Трансоксию открытой для вторжений Токтамыша. Он решил перенести войну на стан врага, в степи Белой Орды.

Оставив Ташкент в январе 1391,¹¹¹ он встретился с послами от Токтамышша, которые с целью предотвращения бури предложили ему охотников с гончими и соколом. «Он взял поставил сокола на свою кисть и посмотрел на него, но не проявил никакого сердечного внимания». После своих опытов 1387 и 1388 Тамерлан имел основания, чтобы предположить, что силы Токтамышша готовятся в его владении предков: в степях Белой Орды, бассейне Сари-Су, улутауском массиве и бассейне Тургая. Поэтому он проследовал этом направлении. Из Яси он отправился в северо-западном направлении через уединенные места нижней Сари-Су и затем через Улутауские горы, которые отделяют бассейны Сари-Су и Тургая. «Он направился к вершинам гор», говорит *Zafer-name*, «и созерцал с восторгом широкие равнины, которые в своей свежести и обширности напоминали море» (конец апреля 1391).¹¹² Однако там не было никаких следов Белой Орды. Токтамыш оставил перед Тамерланом пустое пространство, в традиции Гсиен-ну и Ту-чэ. Охотясь за пищей на этих широких просторах, тимуридская армия достигла и пересекла реку Джиланчик (по *Petis de la Croix* Иланджоук), которая впадает в Яман Ак-кюль.¹¹³ Армия затем пересекла реку Атакарогай, по *Zafer-name*, а по *Petis*, Анакарагоу).¹¹⁴ Прошло уже четыре месяца со времени отправки из Ташкента. 6 и 7 мая была разыграна для развлечения грандиозная облава.¹¹⁵ Затем для поднятия морального духа войск Тамерлан устроил торжественный парад с такой же детализированной программой, как и на майдане Самарканда.¹¹⁶ Все это мероприятие могло закончиться плачевно. Если бы Токтамыш действительно продолжал уход в северном направлении, то он смог добиться, наконец, физического изматывания тимуридских войск и затем, когда они были бы полумертвые из-за голода и холода, повернуться назад и разгромить их. Тамерлан, который, действительно, думал, что противник отступает перед ним, дошел даже до Сибири. От Тургая он достиг верховья реки Тоболь в нынешней Кустанайской области.¹¹⁷ Наконец, его разведчики обнаружили огни на другой стороне Тоболя. Тамерлан пересек реку, не никого не обнаружил. «Все разведчики, блуждавшие по всем направлениям этих обширных просторов, не обнаружили никаких следов людей и ничего не узнали о противнике». В конце концов, взятый в плен человек рассказал Тамерлану, что Токтамыш находился в Уральском регионе. Армия сразу

направилась на запад, пересекла реку Яик или Урал, несомненно, около Орска и достиг его притока реки Сакмар, который, согласно Howorth, является Семмуром по *Zafer-name*.¹¹⁸ Токтамыш, кажется, сосредоточил свою армию около Оренбурга. Наконец, Тамерлан сумел настичь своего врага. Решительная битва состоялась 9 июня 1391 на местности, определенной Howorth как Кондурчинск у реки Кондурча, притока Сока, недалеко от Самары или лучше, у Кундузча, согласно исправлению Бартольда.¹¹⁹ После тяжелой битвы Токтамыш был разбит и бежал. Его люди, оказавшиеся между трансоксонийскими победителями и Волгой, были убиты или захвачены.¹²⁰

Часть побежденной армии пыталась бежать на острова Волги, согласно *Zafer-name*, однако, тимуридские патрули их взяли в плен. *Zafer-name* с удовольствием описывает веселье, царившее в тимуридской армии на равнинах Уртрупа на Волге: «Эта часть Волги служила центром империи Жучи; сына великого Чингиз-хана и его наследники всегда пребывали здесь. Тамерлан нашел удовольствие в возвышении на этот трон. Наиболее прекрасные женщины его гарема находились около него и каждый вельможа был со своей женщиной и каждый человек имел кубок в своих руках. Вся армия участвовала в веселье, которое позволило солдатам позабыть тягости войны. В течение двадцати шести дней они предавались удовольствиям, которые были дозволены им».¹²¹

Замечательно то, что после этих громадных усилий и выигранной в тяжелой битве победы Тамерлан, довольный разрушением сердца Золотой Орды, не предпринял ничего, чтобы консолидировать свое завоевание. Определенно он даровал власть и положение многим чингизидским врагам Токтамыша в пределах кипчакского ханства, включая Тимура Кутлуга, внука усопшего хана Уруса.¹²² Тимур Кутлуг сразу пустился в поиск своих новых вассалов и добился в сплочении некоторых из них; однако, вместо того, чтобы доставить их к Тамерлану, он выразил несогласие с ним, уведя их с собой в степи.¹²³ Другой жучидский принц по имени Идику, до того времени искавший счастья у Тамерлана, играл ту же игру. Он получил задачу организации некоторых кипчакских орд, но, став свободным, сразу начал работать для себя.¹²⁴ Тамерлан ничего не предпринял для того, чтобы вернуть их под свое вассальство и, удовлетворившись огромными количествами

награбленного его солдатами имущества, возвратился в Трансоксонию по дороге через провинцию Актюбинск.

Несомненно целью Тамерлана была наведение страха среди людей Золотой Орды для того, чтобы гарантировать себя от повторных нападений на его владения. Достигнув раз этой цели, как он надеялся, он более не проявлял интереса в судьбе кипчаков. В результате Токтамыш скоро опять возвратил себе трон. В письме, написанном 20 мая 1393 из Таны (Азов) к Ягелло, королю Польши и изученной Бартольдом, Токтамыш сам разъясняет свое поражение и восстановление: «Тамерлан был вызван его врагами; Токтамыш слишком поздно узнал об этом и в начале битвы он был предан заговорщиками. Его империя по этой причине попала в беспорядок, однако, теперь она опять хороша. Ягелло свободен от платы дани». В тоже время, в 1394 и 1395, Токтамыш вступил в союз с Баркуком, мамелюкским султаном Египета, против Тамерлана. К 1394 он достаточно восстановился, чтобы попытаться атаковать юг Дербента до провинции Ширван, образовавшей часть тимуридской империи; однако, одно появление здесь Тамерлана было достаточно, чтобы все это остановить.¹²⁵

Этот новый акт агрессии заставил Тамерлана решиться на второй поход в Кипчакию весной 1395. Опыт подсказал ему обходить обманчивый и изнуряющий путь через туркестано-сибирские степи, а взять кавказский путь, который вел прямо к «столицам» Золотой Орды, Сарая и Астрахани. В Самуре, к югу от Дербента, он принял посольство от Токтамыша, но не удовлетворился принесенными объяснениями и извинениями. Он пересек ущелье и 15 апреля 1395¹²⁶ атаковал армию Токтамыша на берегах Терека. Тамерлан, который сражался как простой солдат, «все его стрелы были израсходованы, его копье было сломлено, но его меч все еще звенел», был почти убит или схвачен в плен. В конце концов, Токтамыш был разбит и бежал в болгарскую страну в Казанском регионе. *Zafer-name* утверждает, что он исчез в лесах этого края перед тем, как прискакавший авангард Тимура успел взять его в плен. Затем преследователи возвратились, грабя страну на своем пути. «Здесь были золото, серебро, меха, рубины и жемчуга, здесь были маленькие мальчики и здесь были девушки великолепной красоты». Сам Тамерлан направился на север, достигнув русского

города Елец в бассейне верхнего Дона, на границе монгольской Кипчакии и славянской России. В противоположность утверждению *Зафер-наме*, он не атаковал Москву. Вместо этого, после достижения Ельца, 26 августа 1395 он взял путь домой в южном направлении.¹²⁷ На устье Дона он вступил в Тану (Азов), торговый центр, часто посещаемый генуэзскими и венецианскими купцами, которые направили к нему депутацию с подарками и были достаточно доверчивыми, чтобы поверить его обещаниям. Последствия показали, насколько они наивны. Оставили лишь одних мусульманских жителей. Все христиане были обращены в рабство; их лавки и склады, церкви и консульства были разрушены. Это оказало ужасное воздействие на торговлю между генуэзскими колониями Крыма и Центральной Азии.¹²⁸ Отсюда Тамерлан отправился в Кубань для разгрома страны черкесов, затем на Кавказ между лесами и недоступными вершинами гор для опустошения земель аланов или ас (асод, по-монгольски), предков нынешних осетин.¹²⁹ Зимой 1395-96 он дошел до устья Волги, чтобы разрушить город Хаджи-тархан, позднее известный как Астрахань, и сжечь Сарай, столицу кипчаков. Бартольд думает, что скелеты людей, найденные Терещенко, без голов, без рук и ног, в раскопках в Ахтубе, являются останками жертв Тамерлана. Зафер-наме просто говорит, что когда их город сгорел, то выжившие в Сарае люди в жестокую морозную погоду были «уведены перед армией как стадо овец».¹³⁰ Весной 1396 Тамерлан возвратился в Персию по дороге через Дербент.

Тамерлан разрушил Кипчакию. Разрушением Таны и Сарая он нанес парализующий удар на торговлю между Европой и Центральной Азией; он закрыл древние межконтинентные пути, описанные Марко Поло и стер те вехи чингизханского завоевания, которые могли бы стать полезными для Европы. В Кипчакии, как и повсюду, он разрушил все и не построил ничего.¹³¹ По возвращению Тамерлан в Персию Токтамыш вновь взошел на трон Золотой Орды. Отрывок из Ибн Хаджар Аскалани, отметил Бартольд, описывает его войну против генуэзских колоний Крыма между сентябрем 1396 и октябрем 1397. Между тем, его соперник Тимур Кутлуг заявил о своих правах на трон. Он также соперничал с другим местным вождем по имени Идику и Ибн Арабшах повествует превратности этой новой войны, так сильно изнурившей страну.¹³² В борьбе соперников Тимур

Кутлуг оказался победителем, по-крайней мере, на несколько лет. Он чувствовал, что признать себя подопечным Тимура является благоразумным и отправил к нему посольство, которое было принято 17 августа 1398. Побежденный Токтамыш нашел убежище у Витовта (Витаутас), великого князя Литвы. Витовт преследовал свою цель, но был побежден Тимуром Кутлугом на Ворскле, притоке Днепра, 13 августа 1399.

Токтамыш, доведенный до жизни авантюриста, попытался найти покровительство у Тамерлана, который в январе 1405 принял посольство от него в Отраре. Тамерлан, который всегда имеющий мягкий тон к своему неблагодарному другу, обещал восстановить его на троне, однако, смерть Токтамыша помешал осуществить его замысел. Тимура Кутлуга унаследовал его брат Шади-бек (прибл. 1400-07). Согласно русским источникам, именно войска Шади-бека убили Токтамыша в 1406 в Тюмени, Сибирь, куда он бежал.

Поход в Индию

Источником вдохновения для грабительского похода в Индию стала традиция ханов Ягатай. Северо-западная Индия-Пунджаб и Доаб, рассматривались в качестве охотничьего загона чингизидских принцев. С 1292 по 1327 они не переставали совершать внезапные периодические кавалерийские набеги для грабежа Лахора и Мултана, разрушая все на своем пути и доходя до самых ворот Дели, которого они в различные времена пытались блокировать. Эти вторжения сменялись откатом уже через несколько месяцев, во-первых, потому, что их целью почти всегда был грабеж и, во-вторых, ягатайские монголы здесь обнаруживали сопротивление сильного государства. Султанат Дели, тюркский или тюрко-афганский по его командному составу и мусульманский по религии, с такими энергичными правителями как Ала ад-Дин Хилджи (1296-1316) и Мухаммад ибн-Тугулуг (1325-51), всегда был в состоянии с помощью золота или холодной стали остановить монгольские войска, которые спускались к нему через афганские ущелья.

Привыкая к этому ягатайскому обычаю, Тамерлан не имел никакой другой цели, кроме возобновления выгодных набегов в одну из богатейших стран в мире.

Тем не менее это было его привычкой, для которой он нашел религиозное обоснование. Правда, что тюркский султанат Дели был, в основном, мусульманским и несколько его правителей попытались устроить массовый переход своих хинду подданных к исламу путем систематических преследований; однако, Тамерлан подумал, что они слишком тяготеют к язычеству. *Зафер-наме* настаивает, что единственной причиной войны для завоевания Индии была борьба против врагов мусульманской веры. «Коран подчеркивает, что самая высокая честь, к которой человек может быть удостоин, является лично идти на войну против Веры. Вот почему великий Тамерлан всегда был озабочен уничтожением неверных, как из желания делать больше добра [совершать добрые дела], так и из любви к славе».¹³³

В основе этих благочестивых заявлений лежало точное знание политической ситуации в Индии. Султанат Индии, который в 1335 включал в себе почти всю Индию, скоро после этого пришла в упадок с последующим территориальным распадом. Губернаторы многих крупных провинций сбросили султанскую власть и установили автономные мусульманские государства. Таким образом империя потеряла Деккан, который сделался бахманидским под-султанатом (1347) и Бенгалию (1358-59), Оуд или королевство Джаунпур (1394) и, наконец, Гуджарат (1396). Отделение этих местных мусульманских королевств довело султанат Дели до нечто, состоящее лишь из Пунджаба и Доаба, и даже Пунджаб был охвачен восстанием племени Хохар Солевого Кряжа. Более того, султан, правивший тогда в Дели, Махмуд Шах II (1392-1412), был слабым правителем, находящимся под ногой своего всемогущего министра Маллу Икбала.¹³⁴

Тамерлан, таким образом, встретится в Индии не более чем с султанатом в упадке, лишенным своих богатейших провинций из-за отделения местных губернаторов. В начале 1398 он отправил вперед свой авангард во главе своим внуком Пир Мухаммадом. Последний пересек Инду и атаковал Мултан, которого он взял после шестимесячной осады. Сам Тамерлан с главной армией пересек Инду 24 сентября 1398; приказал или позволил своим войскам грабить город Таламба к северо-востоку от Мултана; к нему присоединился Пир Мухаммад. На реке Сутлей он победил Ясрата, вождя хохаров и затем отправился к Дели по прямой дороге

Мултан-Дели, немного южнее 30-ой параллели. На этом пути стоял форт Бхатнар, защищаемый вождем раджпутов Рей Дул Чандом. Тамерлан захватил форт и разрушил его, занял Сирсути и затем взял форт Лони, в семи милях к северо-востоку от Дели и здесь 10 декабря 1398 он устроил свои штаб-квартиры. Перед решающей битвой он подумал, что будет разумным убить сто тысяч или около этого хинду пленников, которые стали ему помехой. *Malfuzat-i-Timuri*¹³⁵ утверждает, что этот приказ был выполнен скрупулезно. 17 декабря на берегах Джумны, между Панипатом и Дели, Тамерлан вступил в бой с армией противника, которой командовал султан Махмуд Шах и его министр Маллу Икбал. Он опять вышел победителем. Индийские военные слоны не смогли противостоять тимуридской кавалерии «и можно было видеть скоро, как земля покрывалась разбросанными слоновыми хоботами, смешанными с трупами и головами мертвых».¹³⁶ Султан нашел убежище в Гуджарате в то время как Тамерлан совершил торжественное вступление в Дели. По просьбе мусульманского «духовенства», он сохранил жизнь жителям, но его солдаты отнимали у них их добро с такой жестокостью, что это вызвало сопротивление населения. А это, в свою очередь, вызвал гнев у войск, которые подвергли город к грабежу, массовым казням и огню. Трофеи были грандиозными, поскольку Дели в течение двух столетий тюрко-афганского султаната накопил сокровища путем их захвата у индийских раджа. Эта обширная коллекция золота и драгоценных камней попали в руки трансоксонийцев. Массовые казни были огромного масштаба и пирамиды отрезанных голов возвышались на четырех углах города.¹³⁷ Насколько это было возможно при этих обстоятельствах, Тамерлан, как обычно, сохранил жизни квалифицированным мастеровым и отправил их для украшения Самарканда.

Тамерлан провел пятнадцать дней в Дели. Он торжественно занял свое место на троне султанов Индии и наслаждался вызовом ста двадцати военных или церемониальных слонов. «Хорошо обученные слоны склоняли свои головы и вставали на колени перед ним в почтении и в тоже самое время трубили в свои хоботы, точно как при проявлении покорности».¹³⁸ Они были отправлены длинными цепями городам тимуридской империи: Самарканд, Герат, Шираз и Табриз. Тамерлан совершил свои молитвы в большой мечети Дели, где от его

имени был произнесен хутбах. В основном, он вел себя как император Индии; тем не менее, здесь он, как и повсюду до этого, разрушив все, отошел без установки что-либо нового. 1 января 1399 он оставил опустошенный Дели. Он отправился громить Мирадж таким же образом, неизвергая памятники и живьем снимая кожу с хинду жителей, своеобразно выполняя свою клятву вести Священную Войну.¹³⁹ Затем он взял курс домой, следуя по очень северному пути вдоль Сиваликского кряжа и высот Пунджаба. На верхнем Ченабе он взял в плен раджу Джамму и радовался отказу раджи от инудизма в пользу ислама и употреблению в пищу мяса.¹⁴⁰ По своему пути он получил признания вассальства от мусульманского короля Кашмира, Сикандер-шаха. Без захода в Кашмир, он возвратился в Афганистан. Перед своим уходом он назначил в качестве губернатора Мултана и Пунджаба индо-мусульманского вельможи Хизр хан Саеда, который через тринадцать лет стал султаном Дели.

На самом деле, в своей манере, встряхнув индо-мусульманскую империю до основания, Тамерлан ушел, оставив все разрушенным и ничего не поставив для порядка. Хотя он заявлял, что пришел бороться с брахманизмом, он ударил по индийскому исламу. Этот относительно культурный человек, любитель персидской литературы и иранского искусства, при контакте с одной из наиболее развитых цивилизаций Старого Мира он вел себя как руководитель орды, грабя во имя грабежа, убивая и разрушая из-за слепоты или непонимания определенных видов культурных ценностей. Этот странный ревнитель ислама пришел, чтобы ударить ножом в спину авангарда ислама в предместьях Индии. Он принял такой же подход по отношению к Османской империи во время похода в Румынию.

Тамерлан и мамелюки

В традиционном Ближнем Востоке Тамерлану противостояли две крупные мусульманские силы, мамелюки и Османская империя.

Мамелюкская империя, включающая в себе Египет с 1250 и Сирию с 1260, была, в основном, военным государством. Тюрко-черкесская мамелюкская сила была презторианской гвардией, которая свергла законную династию в 1250 и поставила на трон Каира своих генералов, управляя и эксплуатируя арабское

население как воинская аристократия. Следует напомнить, что в 1260 в сражении на Аин Джалуде мамелюки остановили монгольское наступление и отбросили монголов Персии к востоку от Евфрата.¹⁴¹ Однако, к концу четырнадцатого века мощная военная машина, которая отогнала крестоносцев и монголов из Сирии, начала колебаться в результате непрекращающихся споров между мамелюкскими генералами по поводу их египето-сирийских владений и самого трона. Энергичный мамелюкский султан Баркук (1382-99) потратил свою жизнь, подавляя волнения среди своих помощников. Тамерлан искал союза с ним. Однако, Баркук, осознавая угрозу мамелюкской империи со стороны новой силы, образовавшейся на Востоке, казнил одного из послов Тамерлана в 1393 и еще раз предоставил убежище Ахмеду Джелаиру, султану Багдада, который вынужден был бежать от Тамерлана. Сын Баркука и его наследник, молодой султан Фарадж (1399-1412) с момента своего восшествия на трон отказался признать его покровительство или возвращать ему беглецов. Тамерлан тогда решил воевать.

Он в это время находился около Малатии и спустился к Сирии по пути Аинтаба в октябре 1400, чтобы пройти к Алеппо. Перед городом он победил мамелюскую армию во главе с губернатором Тимурташем, когда слоны, которых он взял с собой из Индии, создали панику среди стана врага (30 октября).¹⁴² Последовательно был взят Алеппо и через четыре дня сам Тимурташ сдался в цитадели. Став хозяином, Тамерлан проявил обычное свое двойственное поведение искусственного литератора и массового убийцы. Он злонамеренно поставил перед наставниками ислама трудную задачу: кто из тех, которые умерли в войне, его солдаты или мамелюки, имеют право называться мучениками? Затем он обсудил с ними теологию и смутил правоверных суннитов хуже, чем когда-либо, заставив добавить Али к числу законных халифов.¹⁴³ Когда не был занят лекциями с докторами права, он казнил гарнизон цитадели, построил «башни из отрезанных голов» и опустошил город. Грабеж этого крупного города, чей базар являлся одним из крупных торговых центров Ливана, продолжался три дня.

Следующим Тамерлан взял Хаму, Хомс и Баалбек и затем появился перед Дамаском, куда прибыл молодой султан из Каира, чтобы вдохновить его защитников своим присутствием. 25 декабря 1400 Фарадж попытался

воспользоваться тем, что тимуридская армия меняла свой лагерь; однако, после тяжелого сражения он был отброшен.¹⁴⁴ Под угрозой мятежа в своем сопровождении, Фарадж возвратился в Египет, оставив Дамаск на свою судьбу. Власти города, обескураженные, склонились к капитуляции. В делегации, которая ожидала Тамерлана по этому поводу, был также и великий историк Ибн-Халдун из Туниса. «Тамерлан был поражен выдающимся историком и ослеплен блеском его лекции, он пригласил его к себе и поблагодарил его за возможность познакомиться со столь просвещенным человеком».¹⁴⁵ Завоеватель, с четками в руках и ничего не говорящий, кроме благочестия и милосердия, убедил переговорщиков и город открыл свои ворота. Цитадель держался и не сдался до начала осады. Как только Тамерлан установил контроль над Дамаском, он в десять раз увеличил сумму дани, наложенной жителям города и отобрал все их имущество. Зафер-наме уверяет, что проведением массовых казней части населения и грабежом города, он просто наказывал жителей Дамаска за отсутствие у них благочестия к Али, зятю Пророка, в 659.¹⁴⁶ В ходе всех этих жестокостей возник ужасный пожар, который разрушил большую часть города, вызвав смерть бесчисленного количества людей и охватив пламенем мечеть Уммайятов, где погибли тысячи беженцев. 19 марта 1401 Тамерлан покинул Дамаск, взяв с собой мастеровых, которых он только мог собрать: шелкоделов, оружейников, стеклодувов и гончаров для дальнейшего украшения Самарканда. Он также вынудил ехать с собой многих писателей, наряду с множеством людей, повергнутых в рабство.¹⁴⁷ Среди этих перемещенных людей находился также будущий историк Ибн Арабшах, которому тогда было двенадцать лет.¹⁴⁸ Впоследствии он отомстил Тамерлану, написав безжалостную книгу о завоевателе.

Тамерлан, разрушив Сирию, ушел оттуда без всякой попытки установить какую-либо регулярную форму правления. Поэтому она немедленно была переоккупирована мамелюками.

Тамерлан и Османская империя

Тамерлан победил чингизидов Кашгарии и южной России и султана Индии. Мы только что видели, как мало беспокойства причинил ему султан Египета. Около него оставалась нетронутой лишь Османская империя.

Османский султан Баязет (Баязид, 1389-1403) возвысил Османскую империю до зенита ее мощи.¹⁴⁹ После своего провозглашения султаном, последовавшим за смертью его отца в 1389 на поле сражения в Косово, где была сокрушена сербская армия, он завершил завоевание Сербии и аннексии Булгарии (1394). В Малой Азии он аннексировал тюркские эмираты Аядин и Саруган (1390), крупный тюркский эмират Караман (1390),¹⁵⁰ тюркские эмираты Ментесе и Кермиан (1391) и, наконец, эмират Кастоману и прежний эмират Бурхан ад-Дина в Токате, Сиваше и Каясери в Капподакии (1392).¹⁵¹ В 1396 в Никополисе он разбил известного крестового похода под руководством короля Венгрии Сигизмунда и бургундского наследника Жан сен Пеура.

Баязит Молния, как его звали (Баязид Яилдирим), правил огромной империей, которая в Европе включала Тракию без Константинополя, Македонию без Салоники, Булгарию и Сербский протекторат. В Анатолии его владения простирались до Тауруса (который разделял земли Баязита от мамелюкской Силикии), Армянский массив (который составлял границу между владениями Тамерлана), и Понтийский кряж (граница с греческой империей Третьебизонда). Его армия, которая уничтожила ослепительное франко-бургундское рыцарство, была справедливо оценена как лучшая на Ближнем Востоке. Он теперь находился в стадии коронования своих триумфов захватом у греков Константинополя и он уже начал блокаду этого города.

На этот раз Тамерлан встретил противника, равного себе. Оба лидера, знающие об этом, наблюдали и шпионили друг за другом, колеблясь встретиться на поле боя и так опасно было то, что они приобрели, один из завоеваний в Азии, другой из завоеваний на Балканах. Баязит был первым, кто предпринял акт враждебности, пытаясь наложить свое покровительство на эмира Тагертена, хозяина Эрзинкана и Эрзерума, который был вассалом Тамерлана. Тамерлан высоко ценил этого туркменского вождя, который охранял за него границы Малой

Азии и которому он подарил боевого слона после опустошения Дели. Наоборот, Баязит тепло принял на своей территории другого туркменского вождя Кара-Юсуфа, вождя орды Черная Овца и врага Тамерлана, который его отогнал от себя. Сражение, таким образом, должно было состояться по поводу обоюдного покровительства, Тамерлан, защищая Тагертена и Баязита, поддерживая Кара-Юсуфа. Зафер-наме претендует на точное воспроизведение текста письма, направленного Тамерланом Баязиту по поводу указанного вопроса.¹⁵² После нескольких колючих оскорблений по поводу темного происхождения Оттоманской династии, Тамерлан соглашается рассматривать роль, которую играла Оттоманская Империя в качестве бастиона ислама в Европе и Священной Войны, которая была такой успешной для султана. Поэтому он пощадит своего соперника. Тем не менее его отношение к этому латинизированному тюрку, к этому кайсару (Цезарь) из Рума, было отношением владыки, законного властелина тюркской нации. Сравнивая масштабы двух империй, он заканчивает письмо с угрозой: «Может ли мелкий принц, подобный тебе, сравнивать себя с нами?». Баязит принял вызов: «Мы будем преследовать тебя до Табриза и Султании!»¹⁵³

По получению этого ответа Тамерлан отправился в Малую Азию в августе 1400. В начале сентября, после визита покорности его вассала Тагертена в Эрзеруме и Эрзинкане он вступил на оттоманскую территорию и осадил укрепленный город Сиваш.¹⁵⁴ В виду подкопов и бомбежки осадными орудиями Сиваш не стал дожидаться завершающей атаки и через три недели капитулировал. Тамерлан сохранил жизни мусульман, однако, четыре тысячи армянских солдат в оттоманском гарнизоне он или похоронил живьем, или сбросил в колодцы. Затем он разрушил стены города.

В данном случае Тамерлан не продвинулся дальше. Он не мог вступать дальше в Малую Азию, поскольку с тыла ему угрожала мамелюкская армия и быстрое восстановление Ахмеда Джелаира в Багдаде. Тогда он (см. выше) отправился для уничтожения мамелюков в Сирии и перезавоевания Багдада. Выполнив эту задачу, он возвратился в Малую Азию. Между тем, Баязит захватил Эрзинкан у Тагертена и пленил семью эмира.¹⁵⁵ Тамерлан не отомстил сразу. Вместо этого, он после возвращения из Сирии и Багдада отправился провести зиму

1401-2 в Карабахе и весну на границе Грузии, в то время как его армии продолжали концентрироваться. Лишь в июне 1402 он вторгся в Османскую Империю. После восстановления правления Тагертена в Эрзинккане он устроил смотр своей армии на сивашской долине. «Некоторое количество эскадронов имело красные штандарты; их нагрудны щиты, седла, покрытия седел, колчане и поясы, их копья, щиты и боевые дубинки были также красными. Один армейский корпус был желтого цвета, а другой – белого цвета. Один полк был одет в кольчуга, другой – в панцирь». Затем по дороге Кайсери Тамерлан направился в Анкару, где, как он знал, находился Баязет.

Решительная битва состоялась к северо-востоку от города, на Кубуке, 20 июля 1402. Она продолжалась с шести утра до ночи и участвовала в ней около миллиона человек.¹⁵⁶ Баязет сюда доставил контингенты из покоренных им стран. Тем не менее, хотя сербы и их король Стефан оставались верными ему, приводя в восхищение Тамерлана, турки Аядина, Ментесе, Саругана и Кермиана, имеющие своих принцев среди тамерланских сил, перешли на другую сторону.

Тамерлан, кажется, хорошо использовал боевых слонов из Индии.¹⁵⁷ Баязет во главе 10 000 янычаров и сербов сражался целый день и так продолжалось до тех пор, пока его охрана не была перебита и он решил отступить. Однако, скоро его конь пал под ним и он был взят в плен вместе с одним из его сыновей.¹⁵⁸

Тамерлан обращался со своим пленником весьма вежливо.¹⁵⁹ Тем не менее, поскольку султан попытался бежать, его начали везти в огражденной носилке, что дало повод для преувеличенной истории о «железной клетке». Баязит, надломленный навалившегося на него несчастьем и унижением, через несколько месяцев умер (19 марта 1403, в Алекшире).

После того, как Османская армия была разгромлена и был схвачен султан, то завоевание западной Анатолии был не более чем прогулочным походом для Тамерлана. Когда он остановился в Кутага, то его авангард помчался грабить Бурсу, столицу османов. Ибн Арабшах и Шариф ад-Дин описывают завоевателей, как орду дикарей и как они подвергли к огню прекрасный город. Внук Тамерлана Абу Бакр домчался даже до Никии (Изник), «убивая и грабя повсюду», как пишет Шариф ад-Дин с пристрастием. Сам Тамерлан отправился на

осаду Смирны (позднее Измир), который принадлежал рыцарям из Родоса. Перед атакой он убеждал губернатора, брата Гуилльеме де Мунте, принять ислам. Естественно, губернатор с негодованием отказался. Осада началась, рассказывает Зафер-наме, 2 декабря 1402¹⁶⁰ и закончилась через две недели, когда город был взят штурмом. Массовые казни были повсеместными, за исключением нескольких рыцарей, которых смог подобрать христианский флот. Зафер-наме отмечает большую важность этой победы на христианской территории. Она послужила оправданием Тамерлану со стороны правоверных мусульман, которые закономерно обвиняли его в нанесении сокрушающего удара по исламу разрушением Османской Империи. Взятие Смирны и массовые казни, преобразовали анкарскую кампанию, задним числом, в Священную Войну.

«Смирна, которую османский султан тщетно осаждал в течение семи лет, была взята Тамерланом меньше чем за две недели!... Мусульмане вступили в город, с благодарственной молитвой Богу, к которому они жертвовали головы своих врагов в знак благодарности».¹⁶¹ Фокия, важный тюрко-итальянский торговый центр, к которому Тамерлан направился осаждать, своевременно выкупилась предложением платить дань. Генуэзская торговая компания «Магон», которая владела островом Хиос, также совершила визит покорности,¹⁶² в то время как византийский регент Джон VII, когда пришло время признать покровительство Тамерлана, то сразу отправил к нему посольство в знак повиновения.¹⁶³

Несмотря на массовые казни в Смирне, победа Тамерлана над Баязитом спасла христианство. Со времени победы Баязита над крестоносцами Никополса, Византия, сильно заблокированная османами, была обречена и ее падение было вопросом нескольких месяцев. Внезапное несчастье, обрушившееся на османов у Анакары, позволило получить Византийской Империи неожиданную отдышку, длившуюся пол-века (1402-53). Таким образом, поворот событий дал возможность выиграть Византии из-за трансакционных завоеваний в Западной Азии точно также, как Москва, которая выиграла из их побед над Золотой Ордой.

Улыбка фортуны для балканского христианства была увеличена тем фактом, что победив Османскую Империю, Тамерлан сделал все, чтобы препятствовать ее возрождению. В тюркской Малой Азии он церемониально восстановил

различные эмираты, которых разрушил Баязит десятью годами ранее. Баязит лишил Ала ад-Дина, эмира Карамана, его владений в восточной Фиргии и Ликонии; Тамерлан назначил сына Ала ад-Дина, Мухаммада II, в качестве правителя Конии и Ларанды (Караман).¹⁶⁴ Аналогично, он восстановил эмира Кастамону, династии Исфендиар-оглы, в Пафлагонии; эмиров Саругана из дома Хидр-шаха, в Магнесии ад Сипулум (ныне Маниса); эмира Якуба из Кермиана в Кутагии и Карагисаре;¹⁶⁵ Иса, эмир Аядина, был восстановлен в своем владении Ионии, около Эфесуса; Ильяс, эмир Ментесе в Кarii; и Утман, эмир Текке, в Ликий. Оттоманское владение вновь было доведено до уровня не более чем северная Фригия, Битиния и Мисия. Чтобы еще больше сделать слабыми оттоманов, Тамерлан позаботился наслаждаться раздорами между сыновьями Баязита, которые спорили по поводу своих наследств.

Завоевание Китая

Тамерлан возвратился в Трансоксию в 1404. В Самарканде он принял Клавиджо, который был послан королем Кастилии Генри III и который оставил ценный отчет о своем путешествии. Путешествуя через Константинополь, Трбизонд, Табриз и Раи, Клавиджо достиг Самарканда 31 августа 1404 и был принят Тамерланом 8 сентября.

Тамерлан теперь строил планы завоевания Китая, где национальная династия Минь, изгнавшая чингизидов, находилась в зените своей мощи. Первый минский император, Хун-ву (бывший Чу Юан-чан), в качестве наследника чингизидских великих ханов, принял визит покорности бывшего ягатайского ханства. В 1385 он направил послов в Центральную Азию, Фу Ан (Чи Тао) и Лю Вей, который посетил Хами, Кара-ходжа (Турфан) и Илибалиг, где без особых проблем получил покорность ханов династии ягатаев или дуглатских эмиров. Однако, в Самарканде они были арестованы тимридскими властями и не были освобождены до завершения долгих переговоров. Тем не менее, Тамерлан не один раз отправлял посольства ко двору Китая с подарками, которые могли пройти за дань (1387, 1392, 1394). В 1395 император Хун-ву отправил Фу Ан назад в Самарканд с письмом с благодарностями по адресу Тамерлана. Император Юн-ву

(1403-24), брат и второй наследник Хун-ву, только что взошел на трон, когда Тамерлан объявил о своем намерении завоевания Китая для его обращения в ислам и начал собирать огромную армию в Отраре.

Разумеется, это было одним из опаснейших моментов, который когда-либо угрожал китайской цивилизации, поскольку речь шла не о типе вторжения Кублая, который уважал буддизм и конфуцианство и желал быть истинным Сыном Поднебесной, а об нашествии фанатичного мусульманина, который превращением страны в ислам, мог бы полностью разрушить китайскую цивилизацию и вытравить китайское общество. Ян Ло, наиболее воинственный из династии Мин, мог бы доказать себя существенным противником; однако, опасность была большой до тех пор, пока Тамерлан не заболел в Отраре и умер 19 января 1405 в возрасте семидесяти одного года.

Наследство Тамерлана: правление шаха Руха

После смерти Чингиз-хана монгольская империя находилась во внутреннем мире в течение тридцати лет (1227-59), до периода соперничества между Кублаем и Арик-бога. После смерти Тамерлана, однако, тюркская империя Трансоксония раздиралась в спорах между сыновьями и внуками умершего.

Тамерлан оставил многочисленную семью.¹⁶⁶ В его последнем завещании он одарил владениями каждого из своих сыновей и внуков, однако, в тоже самое время пытался сохранить закон предков. Его старший сын Джангир, как мы видели, умер задолго до него, около 1375.¹⁶⁷ Завоеватель поэтому избрал старшего сына Джагангира в качестве своего наследника во главе империи. Это был Пир Мухаммад ибн-Джангир, двадцатидвятилетний губернатор восточного Афганистана (Балх, Кабул и Кандагар). В тоже самое время все остальные из семьи получили огромные владения, так что под гипотетической властью Пир Мухаммада ибн-Джангира империя, фактически, оказалась расщепленной.

Второй сын Тамерлана, Умар-шейх, также умер до смерти отца, погибнув в 1391 во время кампании в Диярбакире; однако, его сыновья Пир Мухаммад ибн-Умар-шейх,¹⁶⁸ Рустам, Искандер и Байкара удерживали наследство: Фарс (Шираз) и Ирак Аджами (Хамадан и Исфаган).

Мираншаху, третьему сыну Тамерлана, тогда тридцати восьми лет, были отданы Муган, Азербайджан (Табриз) и Ирак Араби (Багдад), но он упал с лошади и повредил свой мозг, что вызвало в нем такую жестокость и дикость, что Тамерлан поставил его под надзор семейного совета, в частности, под присмотром его сына Умар-мирзы, двадцати двух лет, который правил территорией от имени своего отца. Другие два сына Мираншаха, Абу Бакр и Халил, скоро также обнаружили свои амбициозные цели.

Четвертый сын Тамерлана, Шах Рух, двадцати восьми лет, получил Хурасан. Он обладал устойчивым характером и был единственным политически мыслящим в семье.

Уже на другой день после смерти Тамерлана начались споры, мятежи и дворцовые подковерные заговоры. Его внук Пир Мухаммад ибн-Джангир, которому он оставил верховную власть и который в это время находился далеко от Трансоксонии, в Кандагаре, чтобы предпринять какие-либо действия, нашел свои права ущемленными. Другой внук, Халил, сын Мираншаха, которому было всего двадцать один год, получил полную поддержку армии в Ташкенте. Он направился в Самарканд и там взошел на трон империи (18 марта 1405).¹⁶⁹ Пир Мухаммад ибн-Джангир прошел из Афганистана через Трансоксонию, однако был разбит армиями Халила около Незефа (Карши).¹⁷⁰ Несмотря на то, что он отказался от своего афганского владения (Балх, Кабул и Кандагар), он был убит своим визирем (1406). Халил, как только обеспечил себе трон Самарканда, вел себя, как можно было ожидать от человека в его возрасте, расточая имперскую казну в диких сумасбродствах и используя свою власть лишь для удовлетворения своего любимца, милого Шад ал-Мулка.¹⁷¹ Так он скоро подстрек своих эмиров к мятежу; они его свергли (1406, 1407) и признали в качестве короля Трансоксонии четвертого сына Тамерлана, Шаха Руха, который уже являлся правителем Хурасана. Шах Рух утешил молодого повесу Халила, отдав ему во владение регион Раи в Ираке Аджами, где он умер в 1411.

Шах Рух был наиболее выдающимся из тимуридов.¹⁷¹ Этот сын жестокого Тамерлана был хорошим лидером и храбрым солдатом, хотя и миролюбивым; он был гуманным, скромным, любителем персидской литературы, крупным

строителем, покровителем поэтов и художников и одним из лучших правителей, когда-либо появившихся в Азии. Его эволюция следовала по тому же пути, что и путь от Чингиз-хана к Кублаю. Его долгое правление с 1407 до 1447 было решающим для того, что в культурной сфере называется тимуридским ренессансом, золотой эрой персидской литературы и искусства. Герат, который он сделал своей столицей, и Самарканд, резиденция его сына Олуг-бека (которого он сделал губернатором Трансоксонии), стал наиболее блестящим центром этого ренессанса.¹⁷³ Одним из парадоксов, которые часто случаются в истории, является то, что сыновья палача, который разрушил Исфаган и Шираз, стали наиболее активными покровителями иранской культуры.

Непосредственная власть Шах Руха не простиралась за пределы Трансоксонии и восточного Ирана. Исфаган и Фарс принадлежали к его племянникам Пир Мухаммад ибн-Умар-шейху, Рустаму и Байкаре. Эти принцы признавали покровительство Шах Руха с самого начала и они обращались к нему в разное время для разрешения споров между ними. В 1415, в особенности, он должен был отправиться в Исфаган, где он низверг Искандера и оставил в качестве его заместителя Рустама; затем он отправился в Шираз, чтобы наказывать за восстание своего племянника Байкару, которого он отправил в ссылку.¹⁷⁴

Анархия и произвольные споры тимуридских наследников не причиняли беспокойства восточному Ирану, поскольку Шах Рух, сильный и мудрый администратор, был в состоянии положить им конец, эффективно разрешать их и восстанавливать единство. Так не было в западной Персии, Азербайджане и Ираке Араби. Этот регион, как отмечалось, был отдан третьему сыну Тамерлана, Мираншаху, который, в основном, был недееспособным из-за умственных проблем и двум сыновьям Мираншаха, Абу Бакру и Умар-мирзе, которые не терпели друг друга и находились в постоянной ссоре. Их споры способствовали возвращению прежних правителей этой страны, которые были в свое время изгнаны Тамерланом: султан Ахмед Джелаира, однажды правившего Багдадом, и Кара-Юсуфа, вождя туркменской орды Черная Овца. Ахмед Джелаир вновь возвратился в Багдад (1405). Кара-Юсуф, возвратившись из ссылки в Египте, отправился назад в Азербайджан, нанес поражение тимуриду Абу Бакру около Нахичевани и

перезавоевал Табриз (1406). Абу Бакр и его отец Мираншах попытались вернуть себе Азербайджан, однако 20 апреля 1408 Кара-Юсуф нанес им сокрушительное поражение, убив Мираншаха.¹⁷⁵ Это сражение, одно из наиболее важных в истории Востока, полностью уничтожил результаты завоеваний Тамерлана на Западе. Через несколько лет его наследники были изгнаны из восточной Персии.

Кара-Юсуф, вождь Черной Овцы, теперь твердо ставшим правителем Азербайджана со столицей Табриз, был одурачен своим бывшим союзником Ахмедом Джелаиром, султаном Багдада. Ахмед пытался завладеть Азербайджаном, но был побежден около Табриза 30 августа 1410 и убит на следующий день.¹⁷⁶ Багдад и Ирак Араби перешли в руки Кара-Юсуфа, который стал властелином над обширным владением, простирающимся от границ Грузии до Басры. В течение нескольких месяцев это туркменское королевство Черной Овцы (Кара-Коюнлу) со столицами Табриз и Багдад стал одной из основных сил на Востоке. В 1419 Кара-Юсуф воспользовался продолжающимися спорами между тимуридами для захвата Султании и Казвина в Ираке Аджами.

Эти события причинили Шаху Руху некоторое чувство страха. Задавшись целью отомстить за своего брата Мираншаха и восстановления тимуридского господства в западно Персии, он покинул Герат и направился в Азербайджан во главе мощной армии.¹⁷⁷ Кара-Юсуф умер в декабре 1419, до ее прибытия. Искандер, сын Кара-Юсуфа, попытался оказать сопротивление, но был разбит Шахом Рухом, который покори́л Азербайджан (1421). Если бы Шах Рух воспользовался своим преимуществом, то тимуридское восстановление могло бы быть постоянным, однако, скоро после этого он возвратился в Хурасан и Искандер без промедления вновь захватил Азербайджан. Шах Рух пришел обратно в 1429 и опять разгромил Искандера, тем не менее, Искандер опять занял страну после отбытия оттуда тимуридской армии.

В 1434 Шах Рух отправил третью экспедицию в Азербайджан и Искандера, как до этого, без трудностей, заставили бежать; однако, вместо назначения тимуридского наместника в Азербайджане, Шах Рух доверил правление одному из братьев Искандера, Джаган Шаху (1435). Это было утверждением захвата Азербайджана и Багдада туркменами Черной Овцы. После смерти Шаха Руха

Джаган Шах лишил тимуридов Ирака Аджами (1452), Исфагана, Фарса и Кермана (1458). Он умер не из-за мести тимуридов, а из-за нападения другого туркменского племени, Белой Овцы (Ак-Коюнлу), располагавшегося в Диябакире, чей вождь Узун Хасан застал врасплох Джаган Шаха и убил его 11 ноября 1467 в регионе Мус и занял его место в качестве короля западной Персии. Таким образом, несмотря на усилия Шаха Руха, западная Персия навсегда вытеснила наследников Тимура и пала под туркменское господство.

Что касается Китая, то Шах Рух отказался от идеи Тамерлана завоевать его. Он обменялся несколькими послами между императором Юн Лу. В 1417, например, он направил Ардашира Тогачи в Пекин, в то время как Фу Ан, который уже посещал Трансоксию во время правления Тамерлана, возвратился в Самарканд и Герат, во двор Шаха Руха. Целью этих различных миссий было, в частности, восстановления между тимуридской империей и Китаем династии Мин торговых отношений, которые существовали между двумя монгольскими ханствами Кублая и Ягатая.¹⁷⁸

В другом месте Шах Рух следовал примеру Тамерлана и направил экспедицию во главе со своим сыном Олуг-беком против ягатайского ханства Моголистана (1425). Олуг-бек, как свидетельствует Matla' es-sa'dein, разбил ягатайца Шир Мухаммада.¹⁷⁹ Глава сильной семьи Дуглата, закулисный правитель Худайдад, хозяин Кашгара и Ярканда, был принужден мусульманскими духовенством вступать в союз с Олуг-беком, к которому он присоединился за Чарином, южным притоком реки Или, к северо-востоку от Иссык-куля.¹⁸⁰

Шах Рух умер 2 марта 1447 и был унаследован его сыном Олуг-беком. Олуг-бек, который долгое время являлся наместником Трансоксии, был культурным человеком, ученым, он, в частности, интересовался астрономией, и поэтом, превратил свой двор в Самарканде в блестящий центр персидской письменности. Однако, у него полностью отсутствовала власть. Узбеки, т.е. монголы шайбанской орды, которые обитали в сибирско-туркестанских провинциях Актюбинска и Тургая, предприняли набег в Трансоксию, в ходе которых они ограбили Самарканд, разбили знаменитый фарфоровую башню Олуг-бека и разрушили его картинную галерею. Олуг-бек, который был таким добродушным,

как игрушка своих родственников, пал жертвой своего сына Абд ал-Латифа, который поднял мятеж в Балхе. Абд ал-Латиф арестовал своего отца и казнил его 27 октября 1449. Сам отцеубийца был убит несколько месяцев позднее (9 мая 1450).

Абу Саид

За смертью Олуг-бека последовал период межтимуридских войн. Один из его племянников, Абд-Аллах, стал правителем Самарканда и Трансоксонии в 1450-51, в то время как второй племянник, Бабур-мирза, правил над Гератом и Хурасаном (1452-57). В 1452 Абд-Аллах был разбит и убит другим тимуридом, Абу Саидом, внуком Мираншаха.¹⁸¹ Интересно то, что эта победа, в результате которой Абу Саид получил трон Самарканда, была достигнута с помощью Абул Хаира, хана узбеков, которые, сделавшись хозяевами земель вдоль Сыр-Дарьи от Сигнаки до Узгена, теперь выступали в качестве арбитра в тимуридских спорах. Это было неожиданное возрождение чингизидов против внуков Тамерлана.¹⁸² Подобная реакция представлялась весьма грозной со стороны принцев династии Ягатай или ханов Моголистана (регионов Или и Юлдуз).

Эсен-бука или Эсен-буга II, хан Моголистана (1429-62), чья резиденция находилась в Аксу, между Иссык-кулем, Кучей и Кашгаром, возобновил традиционные ягатайские вторжения на границах Трансоксонии, грабя Сайрам, город Туркестана, и Ташкент (1451 и после). Однако, Абу Саид, который только что взойшел на трон Самарканда, помчался в погоню за Эсен-бугой, перехватил его около Таласа и рассеял его армию.¹⁸³

В 1457 после смерти тимурида Бабур-мирзы, короля Хурасана, Абу Саид захватил эту провинцию. 19 июля 1457 он вступил в Герат.¹⁸⁴ Будучи правителем как Хурасана, так и Трансоксонии, он настроился на восстановление тимуридской империи до той меры, до какой позволяли ему его соперники и мятежи среди его родственников. С целью ослабления Эсен-буги II, ягатайского хана, он выбрал традиционные методы. В 1429 Эсен-буга изгнал своего старшего брата, Юнус-хана, который нашел убежище у Олуг-бека в Самарканде. В 1456, желая создать соперника Эсен-буге, Абу Саид признал Юнуса в качестве полноправного хана. С силами, данными ему тимуридом, Юнус возвратился в Моголистан и получил

признание в западной части страны, вокруг Или, в то время как Эсен-буга продолжал удерживать восток: регионы Юлдуза и Уйгурстана. Немного позднее, Юнус отправился в Кашгар. Он был остановлен и разбит между этим городом и Аксу Эсен-бугой, который поспешил сюда из Юлдуза, и дуглатским эмиром Кашгара Саиид Али. Юнус вновь бежал в Трансоксию к Абу Саиду (около 1458) и последний опять дал ему подкрепления, с которыми он, кажется, завладел западной частью Моголистана, около Или и в направлении Иссык-куля. Между тем, восточный Моголистан (Юлдуз и Уйгурия до Турфана) продолжали принадлежать Эсен-буге (ум. 1462) и затем его сыну Дуст Мухаммад-хану (1462-69), который обычно жил в Аксу. Абу Саид, таким образом, достиг успеха в устранении возрождающихся сил ягатайцев путем расщепления их владений между двумя соперничающих ветвей.¹⁸⁵

Абу Саид был таким же активным в Персии. Западная часть страны, Азербайджан, Ирак Араби и Ирак Аджами, с Исфаганом, Фарсом и Керманом, оказались под Джаган Шахом, вождем туркменской орды Черная Овца (Кара-Коюнлу). В 1458 Джган Шах направился в Хурасан и занял Герат (июль 1458). Однако, через шесть месяцев Абу Саид, который отошел к Балху, нанес сокрушающее поражение сыну Джаган Шаха, Пир Будаку, на берегах Мургаба и освободил Хурасан. Город Самнан между Дамганом и Раи был признан границей, разделяющей тимуридов от территории Черной Овцы (около декабря 1458). На своих землях Джаган Шах воевал с соперничающей туркменской ордой Белая Овца, находящейся в Диярбакире; со времен Тамерлана эта орда была традиционным союзником тимуридов. В 1467, с целью избавиться от этих соперников, Джаган Шах пошел на Диярбакир; однако, 11 ноября 1467 он был ошеломлен и разбит Узун Хасаном, вождем Белой Овцы на Киги, между Мусом и Эрзинканом и затем убит при бегстве.¹⁸⁶ В результате этой катастрофы владения Черной Овцы перешли к сопернику.

Узун Хасан надеялся, что такое изменение будет одобрено тимуридами, которые были старыми союзниками его династии. Однако Абу Саид подумал, что он может воспользоваться этим конфликтом между двумя туркменскими ордами в свою пользу, чтобы вернуть себе западную Персию. И действительно, он

получил просьбу сына Джагана Шаха, Хасана Али, вмешаться, чтобы отнять Азербайджан у Узуна Хасана. По просьбе Хасана Али, Абу Саид объявил войну Узуну Хасану, пересек Ирак Аджами, вступил в Азербайджан и прошел к Карабаху по степи нижнего Араса и нижней Куры, к штаб-квартирам Узуна Хасана. Когда установилась холодная погода и Узун Хасан, по турменскому обычаю, ускользнул, Абу Саид решил провести зиму в Карабахе, который известен мягкостью своего климата. Его поход на Арас, однако, было несчастьем, и в Махмудабаде ему дорогу заблокировал Узун Хасан. Из-за недостатка продовольствия он попытался отступить, но 11 февраля 1469 был схвачен туркменами. Через шесть дней Узун Хасан его казнил. Абу Саиду было всего сорок лет отроду.

Абу Саид был последним тимуридом, попытавшимся восстановить империю Тамерлана от Кашгара до Закавказья. Его неудача, которая вызвана меньше всего его врагами за рубежом, чем непрекращающимися восстаниями его родственников дома, положил конец достижениям Тамерлана. Его смерть доставила всю западную Персию в руки орды Белая Овца. Узун Хасан, который с того времени стал неоспоримым правителем Табриза, Багдада, Шираза, Исфагана, Султании, Раи и даже Кермана, появился к миру как король Персии (1469-78) и его семье было суждено оставаться во владении этой страной со столицей Табриз до возвышения национальной персидской династии сафавидов в 1502.¹⁸⁷

Последние тимуриды

С сильным туркменским королевством Персия по соседству последние тимуриды были не более чем местными князьками Трансоксонии и Хурасана; и даже это ограниченное владение было разделено между враждующими родственниками. Сын Абу Саида, Ахмед-султан наследовал его лишь в Трансоксонии со столицей Самарканд (1469-94) и он был вынужден вести войну против своих собственных братьев. Между тем, ягатайское ханство Моголистан, которого Абу Саид ослабил его разделением между двумя соперничающими ветвями, восстановило свое единство и силу. Ягатайский правитель Юлдуза и Уйгуристана Кебек II (прибл. 1469-72), сын и наследник Дуста Мухаммада, был убит и дядя его отца Юнус, который уже был ханом западного Моголистана (Или)

и к которому подчинялись до этого дуглатские эмиры Кашгара, теперь объединил ягатайские владения. Обеспеченный поддержкой его вассала дуглатского эмира Кашгара, Мухаммада Хайдара I (1465-80), Юнус-хан стал мощнейшим правителем Центральной Азии. Ситуация изменила свое направление. Теперь он уже действовал в качестве посредника среди последних тимуридов, в их спорах между Ахмедом, королем Трансоксонии и его братом Умар-шейхом, хозяином Ферганы. В ряде случаев Юнус защищал Умар-шейха от атак Ахмеда; так, тимурид Ферганы стал реальным вассалом хана, который его ругал, когда он восставал, затем прощал его и приходил держать свой двор вместе с ним в Андижане.¹⁸⁸ Перемена в положениях чингизидских и тимуридских династий была далеко не завершена. Разразились новые споры между братьями Ахмедом и Умар-шейхом по поводу владения Ташкентом и Сайрамом, и Юнус, приглашенный быть посредником, разрешил их споры отнятием обоих городов к себе (1484).¹⁸⁹ Юнус умер в Ташкенте в 1487 после успешного завершения этой блестящей чингизидской реставрации. Ахмед попытался воспользоваться его смертью для возврата Ташкента у Махмуда, сына и наследника Юнуса, однако был разгромлен около города Чирчик или Парак. Ташкент остался в качестве резиденции монгольского хана.

Умар-шейх, тимуридский принц Ферганы (1469-94), который был в состоянии править лишь под защитой ягатайских ханов Моголистана, умер 8 июня 1494. Его старший брат Ахмед, король Трансоксонии, сразу попытался овладеть Ферганой, но умер около Ура Тюбе в течение этой кампании (июль 1494). Фергана осталась во владении сына Умар-шейха, молодого Бабура, будущего «Великого Могула».

Ахмед оставил брата, Махмуда, и трех сыновей, Масуда, Баясонкора и Али, которые спорили по поводу владения Трансоксонией. Их пребывание на троне Самарканда было мимолетным. Махмуд (1494-95) был тираном-кутилой и умер в июле 1495. Масуд правил, как рассказывает Михонд, в Самарканде и Бабура – в Гиссаре. Во всяком случае он этот краткий период потратил на войну со своими братьями, до тех пор, пока не был ослеплен предательским министром. Баясонкор, который недолго держался в Самарканде среди большого хаоса, скоро был убит от

рук предателя, который убил его брата. Их двоюродный брат Бабур, принц Ферганы, которому в то время было лишь четырнадцать лет, выиграл от беспорядков, сделавшись хозяином Самарканда (конец 1497), но не был в состоянии задержаться здесь. Самарканд перешел в 1497 к его двоюродному брату по имени Али, последнему оставшемуся сыну Ахмеда. Однако, эти домашние споры поощрили захватчиков. «Монгольский» хан Мухаммад Шай-бани, потомок старшей ветви чингизидов и вождь узбекской орды, уже присматривался к Трансоксонии и осел на северном берегу нижней Сыр-Дарьи, ожидая удобного случая для того, чтобы пересечь реку. Глупые споры последних тимуридов дали ему шанс. В 1500 он вступил в Бухару и затем появился перед Самаркандом. Тимуридский король Али поспешил к нему и вступил в переговоры. Шайбани, который под маской культурного принца обладал всеми инстинктами степного мародера, убил оригинального молодого человека и взошел на трон Трансоксонии.

В это время другой тимуридский потомок, Хусаин-и Байкара, оставался в Хурасане и в ходе войны среди членов его семьи сделался правителем Гургана и Мазандерана с Астерабадом в качестве своей столицы (сентябрь 1460). Вытесненный из своего княжества в 1461 своим двоюродным братом Абу Саидом из Трансоксонии, он был вынужден оставаться в ссылке до смерти Абу Саида, которая резко изменила его шансы. Он был признан королем жителями Герата 25 марта 1469 и правил Хурасаном до своей смерти 4 мая 1506.

Несмотря на ограниченный размер своего владения, его долгое тридцатисемилетнее правление было одним из наиболее плодотворных в истории Востока.¹⁹⁰ Хусаин-и Байкара, который сильно отличается от своих современников своей благородностью и милосердием, сделал свой двор в Герате блестящим интеллектуальным центром. Среди тех, кого он приглашал сюда, были персидский поэт Джами, два персидских историка (дед и внук) Мирхонд и Хондемир, великий персидский художник Бигзад и каллиграф Султан Али из Мешхеда. В качестве министра он имел знаменитого Мир Али Шир Неваи (1441-1501), который является одним из первых великих поэтов ягатайско-тюркской литературы. Обладая одинаково персидским и тюркским языками, он задался целью доказать, что тюркский литературный язык может быть равным с персидским и даже превзойти

его.¹⁹¹ Герат во время этого исключительного правления был Флоренцией того, что справедливо может быть названо тимуридским ренессансом.

Таким образом, потомок четвертого поколения одного из наиболее кровожадных тюркских завоевателей в истории и одного из наиболее свирепых разрушителей, был персидский принц, поэт и любитель, под чьим покровительством иранская цивилизация расцвела в новом блеске. Более того, Али Шир дал возможность буддийской ягатайско-тюркской литературе разделить иранский ренессанс. Герат, город, так жестоко разрушенный Чингиз-ханом, так плохо обращенный самим Тамерланом, стал еще раз также, как Бухара и Самарканд, тем, каким он был под саманидами с дополнительными качествами, полученными из обширной смеси цивилизаций, которые существовали с тринадцатого века. Китайское влияние, введенное монгольским завоеванием, дало сдержанный вкус к изобразительным искусствам. Стоит лишь подумать о чувствах восторга, вызванных миниатюрами Бигзада, расцветающих среди того, что принималось за вечные руины.

Однако, это было не более чем кратким антрактом между вторжениями, также, как Герат является оазисом среди пустыни. Бади аз-Земану (1506-7), сыну и наследники Хусаин-и Байкары, был предназначен исход в виде вторжения узбеков, которые с 1500 были правителями Трансоксонии. Узбекский завоеватель Мухаммад Шайбани заставил Бади аз-Земана бежать в Кох-и-Баба, около реки Мургаб, и вступил в Герат (1507).

Хурасан, подобно Бухаре и Самарканду, пал в руки узбекских ханов шайбанидской династии. В течение ста лет нация Чингиз-хана одержала окончательную победу над Тамерланом.

III

Последние монголы

12

Монголы России

Конец Золотой Орды

Монгольская сила не расстаяла сразу. На примере последней реакции чингизидов против тимуридов она время от времени и в течение продолжительного времени демонстрировала внезапные порывы жизни и активности, которые поражали современных наблюдателей и временами заставляли их верить в то, что опять приходят дни Чингиз-хана. Еще долго после возрождения в шестнадцатом веке чингизидской династии, пусть и тюркизированной, на троне Тамерлана, во второй половине семнадцатого века и к середине семнадцатого, западные монголы пытались оживить чингизханские амбиции за счет Китайской Империи. Это последние попытки составляют эпилог к великим средневековым эпосам и их кратким заключением, представленными здесь.

Результатом последней операции Тамерлана в России является постановка во главе Золотой Орды или кипчакского ханства, вместо Токтамыша, его соперника Тимура Кутлуга, который также принадлежал династии Белой Орды.¹ Тимур Кутлуг объединил монгольское владение в России своей победой 13 августа 1399 около Ворсклы, притока Днепра, над великим князем Литвы Витовтом (Витаутас), по подстрекательству бывшего хана Токтамыша, попытался вмешаться в дела орды. Его наследником стал его брат Шади-бек² (прибл. 1400-1407), который правил кипчакским владением, в то время как восточные степи перешли к другому потомку династии Белой Орды по имени Коириджак, который пользовался

поддержкой Тамерлана. Под руководством Шади-бека Золотая Орда разоряла русское княжество Рязань. Аналогично, во время правления (прибл. 1407-12) хана Пулада (по-монгольски, Болод), сына Тимур Кутлуга и племянника Шади-бека, армия Золотой Орды под командованием Идику в декабре 1408 пошла против московского княжества, сожгла Нижний Новгород и Городец и заблокировала Москву, но отступила после получения обещания платить военные контрибуции.

Под Шади-беком и Пуладом реальная власть находилась у Идику, вождем ногайской или мангитской орды,³ которого Арабшах описывает как действительного «главу дворца». Тот же историк добавляет, что разразилась гражданская война, когда новый хан по имени Тимур отказался согласиться с таким диктаторством (прибл. 1412-15?). В конечном счете Тимур выиграл и убил Идику.⁴

Долгое правление хана Кучука Мухаммада (между 1423 и 1459) закончилось расчленением Золотой Орды и основанием Казанского и Крымского ханств. Правда, в это же время московское княжество под Великим Князем Василием II Слепым было парализовано аналогичными спорами (1425-62). В дальнейшем решительное испытание произошло между ханом Ахмедом (прибл. 1460-81), сыном и наследником Кучук Мухаммада, и русским Великим Князем Иваном III (1462-1505). Для подрыва покровительства Золотой Орды Иван III искал дружбы с раскольническим ханом Крыма Менгли Гиреем⁵ и также нашел друзей во дворе Казанского ханства. В 1476 он поручил венецианцу Марко Руффо заключить третии пакт с туркменом Узун Хасаном, королем западной Персии, против Сарая. Таким образом, более или менее изливовав или окружив Золотую Орду, он не стал платить дань. В 1474 хан Ахмед приказал ему платить и направил к нему своего посла Каракучума. В 1476 было направлено другое посольство с приказом Ивану III явиться к Золотой Орде. Иван отказался повиноваться. Ахмед, который, в свою очередь, пытался окружить Москву с помощью своего союзника Казимира IV, короля Польши, пошел войной на Москву. Иван, для того, чтобы преградить ему дорогу, занял позиции на Оке и затем, по мере натиска монголов, на Угре (1480). Здесь две армии долгое время наблюдали друг за другом. Иван отказался придти и «целовать стремя» хана, но колебался поставить судьбу России на одну битву.

Ахмед колебался не меньше, поскольку боялся, что может быть атакован с тыла ханом Крыма. В октябре, из-за наступающего холода, который был тяжелым бременем для его войск, он покинул Угру и возвратился в Сарай с трофеями. Эта кампания без войны привела к освобождению России (1480).

Скоро после этого Ахмед был застигнут врасплох и убит Ибаком, вождем шайбанидской орды, которая обитала к востоку от Урала (1481). Шейх Али, сын Ахмеда и его наследник, возобновил военные действия против Москвы в союзе с Литвой (1501), но Иван III смог заключить союз с крымским ханом против него. В 1502 Менли Гирей напал на Сарай и разрушил его.

Это было концом Золотой Орды. Ее место было занято тремя «подханствами», которые уже отделились от Орды: ханства Крыма, Казани и Астрахани.

Ханства Крыма, Астрахани и Казани

Крымское ханство было основано около 1430 Хаджи Гиреем, потомком Туга Тимура, брата Батый-хана. Первые монеты его правления датируются 1441-42 и известно также, что он правил до 1466.⁶ Ханство, которое он создал, граничило на востоке с нижним Доном и на западе - нижним Днепром и достигало на севере до Ельца и Тамбова. В 1454 Хаджи Гирей установил столицу ханства в Бахчисарае, в прежнем Кир-йере, на юге Крыма. Гирейская династия, основанная Хаджи, продолжалась до русского завоевания 1771 и окончательной аннексии 1783. Будучи правоверным мусульманином, династия наложила на Крым сильный исламский характер. Тем не менее, после предварительной стычки, Хаджи Гирей получал финансовые выгоды от генуэзской колонии Каффы и оставался с ней в прекрасных отношениях до своей смерти в 1466. Его сыновья тогда вступили в спор за наследство. Второй сын, Нур Давлет, сначала был в выигрыше в этом споре (1466-69 и 1475-77), однако в конечном итоге одержал победу шестой сын Хаджи, Менли Гирей (1469-75 и 1478-1515). В 1468 Менли Гирей совершил визит благодарности к генуэзской Каффе, который помогал ему, держа у себя в тюрьме Нур Давлета.⁷ Между тем, Мехмед II, султан Турции, отправил эскадру под командованием Годук Ахмед-паши для овладения Каффой, которая пала 4-6 июня

1475. Минле Гирей верно держался за генуэзцев и был с ними вместе в Каффе, где он был взят в плен оттоманскими турками. Однако, через два года они отправили его обратно в Крым в качестве вассала султана. Южный берег Крыма перешел под непосредственную оттоманскую администрацию с резидент-пашей в Каффе; и со времени возвышения Ислама Гирея II на трон (1584-88) имя султана Турции произносилось в хутбахе. Тем не менее, монеты продолжали чеканиться от имени ханов гирейской династии и в 1502 Менли Гирей совершил окончательный удар по Золотой Орде.

Вторым ханством, образованным в результате распада Золотой Орды, было Казанское ханство. Во время правления хана Золотой Орды Кучука Мухаммада (1423-59) неудачный претендент на престол Улу Мухаммад (потомок Туга Тимура, брата Батый-хана) со своим сыном Махмудеком осел в Казани, где он основал независимое ханство, которое продолжалось с 1445 по 1552. Это новое государство приблизительно совпадало со старым царством Булгар на средней Волге и Каме. Основу населения составляли тюркоязычные чермиши и башкирские люди и угрофинские мордвины и чуваша. В 1446 Улу Мухаммад был убит своим сыном Махмудеком, чье правление (1446-64) завершило основание нового государства. Брат Махмудека, Касим (ум. 1469) бежал в Москву, которая около 1452 отдал ему город Касим, названный по его имени, на Оке. Подханство Касимов, субъект с самого начала жесткого покровительства великих князей Москвы, служило последней в качестве средства для вмешательства в дела Казанского ханства. Сам Касим участвовал в русских войнах против Казани.⁸

Третье ханство, рожденное из расчлененной Золотой Орды, было основано около 1466 принцем, также по имени Касим, который был внуком Кучука Мухаммада, хана Золотой Орды. Хотя Астрахань унаследовал некоторое торговое значение старого Сарая, ханство с этим названием, заключенное между нижней Волгой на востоке, нижним Доном на западе и Кубанью и Тереком на юге, играло лишь незначительную роль в истории. Оно также было разодрано между ханами Крыма и ногайскими ханами (регион реки Урал), которые чередовали друг друга в назначении своих ханов для Астрахани.⁹

Все чингизиды южной и восточной России известны как монголы (названы неправильно в истории как татары). Тем не менее, даже династии действительно были чингизидскими по потомству, кипчакские монголы никогда не составляли больше чем горстку вождей в местной тюркской массе и со временем приобрели тюркский характер. Если не принимать во внимание монгольскую конструкцию, то ханства Крыма, Казани и Астрахани были мусульманскими тюркскими ханствами, также, как и киргизские орды Туркестана.

История этих трех ханств является историей их сопротивления русской контринтервенции. Ханство Казани первым пострадало от русских ударов. Его хан Ибрагим, сын Махмудека и его наследник, начал неплохо против русских, даже покорив Вятку в 1468, однако, затем он был вынужден заключить мир и возвратить взятых в плен людей. Его два сына, Илгам и Мухаммад Амин, спорили за трон. Выиграл Илгам и Мухаммад Амин обратился к русским, которые доставили его в Казань обратно во главе армии и посадили на трон, на место брата (1487). Однако в 1505 Мухаммад Амин восстал против русской власти и на следующий год победил армию Москвы.

После смерти Мухаммада Амина династия, основанная Улу Мухаммадом в Казани пришла к своему естественному концу (1518). Владение троном опять стало предметом споров между русскими и крымскими фракциями. Василий Иванович (Василий III), великий князь Москвы (1505-33), отдал ханство молодой ветви династии Астрахани, Шах Али, который с 1516 правил в Касимове под его контролем. Мухаммад Гирей, хан Крыма (1515-23), сын Менли Гирея и его наследник, выступил и в 1521 ухитрился поставить на трон Казани своего брата Сахиб Гирея и изгнал русского вассала. После объединения двух орд Мухаммад Гирей и Сахиб Гирей организовали внезапное вторжение в Москву, ошеломив и прогнав русскую армию до Оки, достигли предместий Москвы (1521). Они не посмели напасть на русскую столицу, но получили от воевод обещание о выплате ежегодной дани. Он увел с собой бесчисленное количество пленных для продажи на рынке рабов Каффы. В 1523 Мухаммад Гирей опять попытался вторгнуться в Россию, но был остановлен на Оке московской армией, поддержанной артиллерией.

Мухаммад Гирей не успел получить выгоду от своих успехов, как в 1523 был застигнут враслох и убит ногайским ханом по имени Мамай, который жестоко опустошил Крым. В 1524 брат Мухаммада, Шагиб Гирей возвратился в Крым из Казани, оставив своего сына Сафу Гирея в этом городе. В 1530 Москва сняла с трона Сафу Гирея и на его место поставила Джан Али, брата Шаха Али. Став ханом Крыма, Сахиб Гирей (1532-51) предпринял новую попытку, в результате чего возникло «национальное» восстание в Казани, в ходе которого Джан Али был убит и на его месте, при поддержке своего отца, Сахиба (1535), был восстановлен Сафа Гирей. В 1546 русские вновь доставили на трон Казани своего старого протеже Шах Али, однако, как только они ушли, возвратился Сафа Гирей. Он удерживал трон Казани до своей случайной смерти в 1549. После этого русские низложили его сына Утемиша, еще раз поставив на его место Шаха Али.

Новое «национальное» движение сбросило Шаха Али и пригласило на трон из ногайских земель принца династии Астрахань, Ядиара. Московский царь Иван IV Грозный (1533-84) разработал план покончить с независимостью Казани. В июне 1552 он подверг к осаде город с помощью сильной артиллерии.¹⁰ 2 октября он взял город штурмом, уничтожил большинство мужского населения, поработил женщин и детей, разрушил мечети и аннексировал территорию ханства.

Разрушение ханства Казани означает поворот в отношениях русских с чингизидами. Завоевание Астрахани последовало почти сразу. В 1554 Иван Грозный отправил в Астрахань армию численностью в 30 000 человек, которая поставила здесь в качестве хана-даныщика чингизида по имени Дервиш, который был членом правящей династии (Кучука Мухаммада). На следующий год Дервиш поднял восстание и прогнал русского резидента или дипломатического агента Мансурова. Весно 1556 русская армия пришла сюда вновь, вынудила Дервиша бежать и аннексировала Астрахань.

Последнее чингизидское ханство, т.е. Крымское ханство, выдержало еще две сотни лет, поскольку династия Гирей, приняв оттоманское покровительство, было защищено флотом и армией Величественной Порты. Так, хотя Петр Великий занял Азов, согласно Карловицкого договора (1699), он был вынужден уступить его по Прутскому договору (1711). В 1736 русские еще раз завладели Азовым и

даже Бахчисараем, однако, по Белградскому договору (1739) они вновь должны были возвратить свое завоевание. Наконец, по договору Кучук Кайнарджи (1774), Россия вынудила Порту признать «независимость» Крыма. Русские агенты затем довели дело до падения хана Давлет Гирея III и поставили на его место Шагин Гирея, который сразу сделался зависимым Екатерины II (1777). Скоро крымская знать восстала против Шагина, который обратился за помощью к русским. В Крым во главе семидесятитысячной армии прибыл Потемкин и аннексировал страну (1783). Несчастный Шагин Гирей был низложен и прогнан за пределы оттоманских границ. Турки отомстили ему ссылкой на остров Родос, где он был обезглавлен. Таким образом, накануне французской революции последний чингизид Европы встретил свой конец.

13

Шайбаниды

От Шайбана до Абул Карима

В то время как чингизидские династии Персии, Китая, Трансоксонии и южной России истощались и вымирали, другие ветви этой же династии, оставшиеся за сценой и позабытые в северных степях, пришли занимать их места и предъявлять свои претензии к исторической империи. Шайбаниды являются типичным к тому примером.¹

Мы уже отметили, что шайбанидская династия берет свое начало от внука Чингиз-хана, Шайбана, брата кипчакских ханов Батыя и Берке. Шайбан отличился в 1241 во время монгольской кампании в Венгрии, столь сильно, что, согласно Рашид ад-Дину, если бы монголы остались во владении страной, то он мог бы занять место губернатора. После смерти Чингиз-хана Шайбану выделили территории к востоку и юго-востоку от реки Урал, включая, по всем направлениям, большую часть провинции Актюбинск и Тургая. Эти земли сегодня занимают кригизы Средней Орды (между верховьями реки Тобол на западе и

семипалатинским регионом на верхнем Иртыше на востоке) и Малой Орды (между Уралом и Сари-Су). Представляется, что Шайбан и его наследники летом держали свои лагеря между Уральскими горами, рекой Илек, притоком реки Урал к югу от Оренбурга) и рекой Иргиз; зимой его орда, возможно, двигалась ближе к Сари-Су. До конца четырнадцатого века шайбанидская орда не была единственной в этих краях; ее соседями были Белая Орда, которая кочевала в степях Сари-Су и гор Улу-Тау. Однако, когда в 1380 с правлением Токтамыша вожди Белой Орды стали ханами Золотой Орды, почти вся Белая Орда переместилась в южную Россию; по меньшей мере, такое впечатление создается по рассказу об «открытии» степей Тамерланом в 1391.² Весь этот регион Сари-Су и Улу-Тау, подобно Тургаю, был занят шайбанидами. Около середины четырнадцатого века орды, подвластные шайбанидам, приняли название Озбег или, как произносится сейчас, Узбек, через которое они известны в истории, хотя происхождение этого названия все еще не выяснено.

Действительным основателем узбекской силы является шайбанидский принц Абул Хаир, который вел наиболее приключенскую жизнь.³ В 1428 в возрасте семнадцати лет он был провозглашен ханом своей орды в Туре, к востоку от Тоболска в Сибири. Сразу после этого он захватил у жучидов весь прежний улус этой ветви к востоку от реки Урал и к северу от Сыр-Дарьи. В 1430-31 он захватил Хорезм и ограбил Ургенч. Перед 1447 он, засчет тимуридов, овладел контролем укрепленных городов вдоль течение Сыр-Дарьи, от Сигнаки до Узгена. Бартольд верит, что Сигнаки был его столицей. Яси, с другой стороны, нынешний город Туркестана, оставался в руках тимуридов. Абул Хаир воспользовался спорами между тимуридскими потомками для вмешательства в деле Трансоксонии. Благодаря его помощи, тимурид Абу Саид смог взять трон Самарканда (1451).

Сила Абул Хаира была в своем зените. Его империя простиралась то соседнего Тоболска до Сыр-Дарьи, когда около 1456-57 в нее вторглись ойраты или калмыки, т.е., восточные монголы. Ойраты владели обширной территорией, которая включала Большой Алтай и Хангайские горы от Тарбагатай и Джунгарии до юго-западных берегов озера Байкал, через земли Черного Иртыша, Урунгу, Кобдо и Улиассутая и источники Селенги и Косогула. Они в это время

расширялись и их грабительские банды скакали от предместий Пекина до западного Туркестана. Абул Хаир, побежденный ими в крупном сражении, был вынужден бежать в Сигнаки и позволить им опустошить весь северный берег средней Сыр-Дарьи (1456-57).

Это несчастье сильно повредило власть Абул Хаира. Даже до этого еще, два вассальных вождя по имени Карай и Янибек, оба, подобно ему из семьи Жучи, ушли от него к ягатайцу Эсен-буга II (ум. 1462). Они просили Эсен-буга предоставить им земли и он поселил их на болотах Моголистана. В последующие годы, а именно, около 1465-66, большое количество кочевых кланов, бывших вассалов Абу Хаира покинули его, чтобы присоединиться к Караю и Янибеку и наслаждаться свободной жизнью. После их отделения от узбекского ханства, эти кочевые стали известны как казаки (или казахи, «авантюристы» или «мятежники») или киргиз-казахи, как они с того времени будут называться.⁴ Их отделение имеет существенное историческое значение, имея в виду расширение территории, которую они скоро стали занимать и по которой сегодня путешествуют их потомки; это территория Средней Орды или степей между Актюбинском и Семипалатинском, территория Малой Орды от устья реки Урал до Сары-Су и территория Великой Орды от города Туркестан до южных берегов озера Балхаш.⁵ Абул Хаир был убит в 1468 (дата исправлена Бартольдом) в заключительной битве против киргиз-казахов, которых он пытался возвратить под свое покровительство. Приблизительно через три года Юнус, ягатайский хан Моголистана, рассеял последние остатки узбекских верноподданных. Что касается отколовшихся узбеков или киргиз-казахов, то они образовали чисто кочевое государство, которое после смерти их двух первых вождей управлялось сыновьями вождей, сыном Карая Барандуком (прибл. 1488-1509) и сыном Янибека Касимом (прибл. 1509-18).⁶ Однажды Касим попытался захватить Ташкент. Он потерпел неудачу и, кажется, не выжил в этой попытке. Он был, в самом деле, превосходным примером чистого кочевника, согласно своему собственному определению в любопытной речи, описанной Хайдар-мирзой: «Мы есть люди степи; все наше богатство состоит из коней; их мясо является нашей лакомой пищей, молоко кобылы есть наш лучший

напиток. Мы не имеем домов. Наше главное развлечение заключается в контроле наших стад животных и табунов лошадей».⁷

Попытка примирения этого традиционного кочевничества с требованиями полу-оседлой империи, концентрированной около Сигнаки, стоило жизни Абул Хаиру. Тем не менее его история поучительна. Затея Абул Хаира является несостоявшейся затеей Чингиз-хана. Он, кажется, был избран для объединения орд и основать громадное владение (оно уже было влиятельным, чтобы налаживать споры среди тимуридов Трансоксонии); он затем наблюдал, как его империя раздроблялась под натиском других, более диких кочевников, хотя он и был ослаблен, в основном, бегством некоторых своих собственных племен, которые возмущались его любовью к оседлой жизни. По сравнению с одним Чингиз-ханом, сколько Абул Хаиров отправились на создание истории степей! Однако, там, где Абул Хаир потерпел неудачу, одержат победу его потомки.

Мухаммад Шайбани и шайбанидское ханство Трансоксонии

Шах Будак, сын Абул Хаира, умер в том же году, как и его отец (1468). Юнус, ягатайский хан Моголистана, который пришел помочь киргиз-казахам против узбеков, застал врасплох и обезглавил его на Кара Зенгир Тугай, между Ташкентом и Туркестаном.⁸ Сын Будака, семнадцатилетний Мухаммад Шайбани, начал свою карьеру в качестве солдата удачи.⁹ Потеряв все, он вступил на службу к ягатайскому хану западного Моголистана, Махмуд хану, который правил в Ташкенте. Махмуд, довольный его службой, отдал ему город Туркестан в качестве поместья (между 1487 и 1493). Еще с помощью Махмуд хана, которого Tarikh-i Rashidi горько упрекает за то, что вырастил змею на своей груди, он скоро преуспел до вмешательства в дела Трансоксонии, где, как отмечалось, ссора между последними тимуридами открыла двери для вторжений. Он не стал терять времени и летом 1500 вступил в Бухару, где местные споры не позволили организовать какого-либо сопротивления, и затем, как отмечалось, он появился перед Самаркандом. Здесь Али, правящий тимурид, поспешил к нему навстречу, чтобы

вступить с ним в переговоры. Шайбани его убил, объявил об окончании династии тимуридов и вошел на трон Трансоксонии (1500).

К своему новому владению Шайбани скоро добавил Хорезм или земли Хивы, находящихся в зависимости от тимуридского короля Хурасана, Хусаин-и Байкары. В 1505-6 он осадил Хиву, которого защищал губернатор по имени Хусаин Суфи. Город был взят после десятидневной осады. Следующим в очереди был Хурасан или королевство Герат, где Хусаин-и Байкара только что умер и на его место вступил неспособный Бади аз-Земан, последний тимурид Ирана. Мухаммад Шайбани начал свое завоевание Хурасана осадой Балха, который капитулировал (1506-7). Сам Герат, последняя тимуридская столица, сдался через три дня (27 мая 1507) и он обращался с жителями хорошо. Принц, которого Бабур и *Tarikh-i Rashidi* изображают как полу-варварского авантюриста, кажется, имел весьма замечательный характер, глубоко сознающий превосходство своей нации и ощущающий важность чингизидской реставрации в своем лице, под которым блестящий тюрко-персидский ренессанс, который дал зачатки в Самарканде и Герате под тимуридами, продолжал цвести. «Хотя он был узбеком», говорит Гренард, «Шайбани был высококультурным грамотным человеком, пишущим на арабском и персидском языках, довольно хорошим поэтом на тюркском языке и либеральным покровителем поэтов и художников».¹⁰

Другая чингизидская династия, ягатайские ханы Моголистана (Или и Ташкент), тогда представленные в Ташкенте ханом Махмудом (1478-1508), поддерживали возвышение Мухаммада Шайбани. Однако, Шайбани недолго оставался правителем Трансоксонии, когда он, утомившись от своего зависимого положения, напал на Ташкент. Хан Махмуд обратился за помощью к своему брату Ахмеду, который правил (1487-1503) Аксу и Уйгурией. Тем не менее, июне 1503 два хана были побеждены Мухаммадом Шайбани в сражении на Ахси в Фергане, к северо-востоку от Коканда и к северо-западу от Андижана, и взяты в плен. Он обращался с ними с некоторой любезностью и скоро вовсе освободил, в честь, как он сказал, их ошибок, которым он сам обязан своей удачей; однако, он удержал за собой Ташкент и Сайрам. Более того, он потребовал у хана Махмуда его дочь для своего сына и таким образом объединил для своего потомства права двух

уцелившихся чингизидских ветвей династий Жучи и Ягатая. В 1508-9, когда Махмуд еще раз пал в руки Мухаммада Шайбани, последний казнил его около Ходжента, заметив, что государственный муж может оказать свое милосердие только один раз, в то время как лишь дурак может делать это дважды.¹¹

Мухаммад Шайбани, хозяин западного Туркестана, Трансоксонии, Ферганы и Хурасана, сделал Узбекскую империю главной силой в Центральной Азии. Затем он столкнулся с Персией, которая, после пребыв четыре с половиной веков (1055-1502) под многими тюркскими и монгольскими владыками, только что приобрела свою независимость. Национальная династия сафавидов (1502-1736), которая вошла на трон после сбрасывания туркменской орды Белая Овца, теперь нацелилась на реинтеграции Ирана возвратом Хурасана у узбеков. Сафавиды и узбеки, действительно, сталкивались друг с другом в каждой сфере, будучи соответственно, иранцами и монголо-тюрками, ревностными шиитами и решительными суннитами. Национальная война, как часто, приобрела религиозный характер. В этой двойной роли поборника суннизма и потомка Чингиз-хана, Шайбани повелел сафавидскому шаху Исмаилу отречься от шиитской «ереси» и покориться, иначе узбеки могли прийти в Азербайджан «обратить его с помощью меча». Намекая на происхождение сафавидской династии (семья шиитских шейхов), узбекский властелин послал шаху Персии дервишескую корзину для милостыни, приглашая его возобновить карьеру своих предков и оставить светскую власть внуку Чингиз-хана. На такую дерзость шах Исмаил, говорят, ответил, что поскольку он был дервишем, то он придет, со своей армией, как паломник к святилищу имама Беза в Мешхеде (Машхад) в центре Хурасана.

Шах Персии сдержал свое слово. В то время Мухаммад Шайбани был атакован с тыла киргизами, которые причинили несчастье его сыну Мухаммаду Тимуру.¹² Воспользовавшись этим отвлечением, шах Исмаил вторгся в Хурасан и, как обещал, вступил в Мешхед. Мухаммад Шайбани, который ожидал его в Мерве, был побежден и убит около этого города 2 декабря 1510.

Победа оказала существенное влияние на Восток. То, что восстановитель иранской независимости убил восстановителя тюрко-монгольской мощи, то есть, наследник великих сассанидских королей должен был победить и убить внука

Чингиз-хана, было знаком перемены времен и того, что после терпеливой выдержки многих веков вторжений, оседлость начала выигрывать в борьбе против степи. Традиционным символом этого реванша был винный кубок из черепа Шайбанид хана и в знак возрожденного вызова, шах отправил кожу этого черепа, заполненного соломой, к другому тюркскому властелину, Османскому султану Баязиту II.

Шайбанидская династия и узбекское владение, кажется, были утеряны. Бабур, наследник тимуридов, будущий император Индии, который со времени своего изгнания из Трансоксии обосновал малое королевство в Кабуле, поспешил обратно и с силами, отданными ему шахом Исмаилом, совершил триумфальное вступление в Самарканд (октябрь 1511). После Самарканда свои ворота открыла для него Бухара, в то время как узбеки отступили к Ташкенту. Казалось, что реставрация в Трансоксии, подкрепленная иранской победой в Хурасане, завершена. Однако, для Бабура возникли новые неожиданные проблемы. Персы, у которых он должен был просить о помощи и принять их покровительство, были шиитами. Население Бухары и Самарканда, убежденные сунниты, укоряли его за сотруничество с «еретиками» и отказывались от него, их сектантские страсти были сильнее чем их верность к тимуридам. Прибодренные этими религиозными беспорядками, вновь на сцене появились узбеки. Персидский генерал Неджим Сани и Бабур встретились с ними на поле крупной битвы на Гадживане, к северу от Бухары и были разгромлены (12 декабря 1512). Неджим был убит. Бабур, отказавшись от всех своих планов по Трансоксии, отступил к своему королевству Кабул, откуда, семи годами позднее, он отправился завоевать Индию.

Бухара, Самарканд и вся Трансоксия, таким образом, возвратились к узбекам. Аму-Дарья стала границей между сафавидским Ираном и Узбекским ханством, как она уже однажды разделяла сассанидский Иран от гуннских орд.

После своей реставрации шайбанидская династия правила Трансоксией в течение века, с 1500 по 1599. Самарканд был официальной столицей ханства, хотя Бухара часто была поместьем членов правящей семьи, не менее сильной, чем сам хан, включая предполагаемого наследника. Ташкент также имел своих местных шайбанидов. Эта династия, по происхождению монгольская, но полностью

отюркизованная по языку и культуре, можно сказать, почти пала в положение великой дезинтеграции, как и при тимуридах. Тем не менее, в противоположность им, она был в состоянии сохранить минимальное единство перед лицом общего врага.

Под ханом Кочкюнджи (1510-30), дяди Мухаммада Шайбани, узбеки отвоевали у персов часть Хурасана с Мешхедом и Астерабадом (1525-28). Тахмасп, шах Персии (1524-76), возвратил эти земли своей победой над узбеками 26 сентября 1528 около Турабат-и-Джам, между Мешхедом и Гератом. Тимуридский Бабур, который с 1526 являлся императором Индии, воспользовался поражением узбеков, пытаясь вернуть себе Трансоксию. Его сын Гумаюн в союзе с шахом Тахмаспом занял Гиссар, севернее от Аму-Дарьи, но должен был уйти оттуда, когда Тахмасп отправился на войну с османами (1529). Кочкюнджи, в год своей смерти (1529-30) прогнал персов и тимуридов на юг от Аму-Дарьи. Хан Убайдулла (1533-39), племянник Мухаммада Шайбани и Кочкюнджи, успешно противостоял Исмаилу II, шаху Персии. Абд-Аллах II, наиболее примечательный из шайбанидов после Мухаммада Шайбани, воссоединил семейные владения, которые были распределены между его родственниками.¹³ Так, он стал правителем Бухары в 1557, Самарканда – в 1578 и Ташкента – в 1582. Правя от имени своего отца Искандера (1560-83), он правил по своему праву с 1583 по 1598. Весной 1582 для защиты Трансоксии от вторжений киргиз-казахов, он вел кампанию в степях Малой Орды до гор Улу-Тау, между Сары-Су и Тургаем. Он также предпринял поход в Кашгарию, в течение которого он опустошил окрестности Кашгара и Ярканда. Наконец, он захватил Хурасан у Персии, включая Герат, который сдался после девяти месяцев осады, и Мешхед, святой шиитский город, которого не удалось спасти молодому шаху Аббасу и которого узбеки, как сунниты, намеренно опустошили и истребили часть его населения. Аналогично, Абд-Аллах II взял у персов Нишапур, Себзевар, Исфараин и Тебес, короче, все укрепленные пункты в Хурасане от Герата до Астерабада. Что касается Балха, то он был превращен в наместничество для сына Абд-Аллаха, Абд ал-Мумина, еще в 1582.

Удача изменила Абд-Аллаху II в последние годы его жизни. В 1597 шах Аббас Великий, король Персии, выиграл громкую победу над узбеками около

Герата и вместе с ней был освобожден Хурасан. Сын Абд-Аллаха, ал-Мумин поднял мятеж против него и киргизы воспользовались этим для грабежа ташкентского региона. Абд-Аллах умер в начале 1599, в обстановке полного краха всех его дел. Ал-Мумин, который наследовал его, был убит уже через шесть месяцев. Это был концом шайбанидов.

Династия правила в Трансоксонии почти столетие, в течение которого она смог восстановить чингизидское владение над Бухарой и Самаркандом. Однако каждый раз, когда она обнаруживала у себя прихоть во владении иранской территорией Хурасан (сначала под Мухаммадом Шайбани и затем под Абд-Аллахом II), она отгонялась шахами Персии. В момент, когда империи выкристаллизовывались, Персии было суждено оставаться у персов, поскольку она так этнически устроена, и Туркестан – у тюрков.

Ханство Бухары под астраханидами и мангитами

Теперь узбекское ханство Трансоксонии перешло к другой династии, джанидам или астраханидам.

Когда в 1554 русские аннексировали ханство Астрахань, принц чингизидской династии Астрахани (семья Орды и Урус хана) по имени Яр Мухаммад и его сын Джан, нашли убежище в Бухаре у шайбанидского хана Искандера (1560-83), который выдал замуж свою дочь за Джана. Когда мужская линия шайбанидов пришла к концу в 1599 в связи со смертью Абд ал-Мумина, то трон Бухары перешел на законной основе к «астраханиду» Баки Мухаммаду, сыну Джана и наследницы шайбанов.

Астраханская династия правила Трансоксонией со столицей Бухара с 1599 по 1785. Она также удерживала Фергану до приблизительно 1700, когда было основано независимое ханство в Коканде и Балхе, который был удельным владением астраханидских наследников до завоевания города Надир-шахом, королем Персии, в июле 1740. 22 сентября 1740 Надир-шах, который завоевал узбеков с помощью артиллерии, появился перед Бухарой. Астраханидский хан Абул Фаиз (правил с 1705 по 1747) был вынужден принять покровительство Надир-шаха и признать Аму-Дарью в качестве южной границы Бухары.

Среди монгольских кланов, которые поставили свои судьбы на удачу Мухаммада Шайбани в начале шестнадцатого века, был ногойский или мангитский клан со степей между устьями Волги и Урала, территории его имени. Под астраханидской династией этот клан приобрел возрастающее влияние в Бухаре, где во второй половине восемнадцатого века его вожди удерживали положение главы дворца. Во время правления последнего астраханида, Абул Гази (1758-85), мангитский вождь Масум Шах Мурад, который был женат на дочери правителя, стал действительным хозяином и позднее взошел на трон (1758-85). Масум пытался посягать на земли южнее Оксуса, около Мерва и Балха, засчет Тимур-шаха Дуррани, короля Афганистана.¹⁴ Тем не менее, Балх не был аннексирован ханством Бухара до 1826 и в 1841 он навсегда был отвоеван афганцами. Мерв, однако, остался как часть ханства Бухары.

Мангитская династия правила в Бухаре с 1785 по 1920. В 1866 она приняла статус русского протектората. В 1920 последний потомок Чингиз-хана был сброшен с трона Советами.

Ханство Хивы

В 1505-6 узбекский завоеватель Мухаммад Шайбани взял во владение Хорезм или земли Хивы и Трансоксонии. После его смерти на поле битвы у Мерва в декабре 1510, когда победоносные персы оккупировали Трансоксонию и Хорезм (1511-12), полностью суннитское население Ургенча и Хивы восстали против персидских генералов, которые были шиитами и прогнали их из страны. Вождь побочной ветви шайбанидов Илбарс, который возглавлял восстание, основал независимое ханство Бухары.¹⁵

Шайбанидская династия правила Хорезмом с 1512 по 1920. Кроме его основателя Илбарса (1512-25) можно упомянуть Хаджи Мухаммада (1558-1602), во время правления которого хан Бухары Абд-Аллах II смог временно завоевать Хорезм (1594, 1596). При правлении Араба Мухаммада (1603-23) колонна из тысячи русских, идущих на Ургенч, была вырезана до единого человека. Около 1613 Хорезм пострадал от вторжения калмыков, которые скоро покинули страну, унося с собой награбленное. На половине правления Араба Мухаммада Ургенч

перестал быть столицей из-за осушения левого рукава Аму-Дарьи, вместо него столицей стала Хива.

Наиболее знаменитым из ханов Хивы был Абул Гази Багадур (1643-65). Он был крупнейшим историком ягатайского тюркского языка и автором *Shajare-i Turk*, наиболее важной работы по истории Чингиз-хана и чингизидов и, в частности, дома Жучи, к которому сам автор принадлежал.¹⁶ Когда хан отразил вторжение хошотских калмыков, которые пришли ограбить регион Кат в 1648, то он их вождя Кунделунг Убашу ошеломил, разгромил, и ранил. Он также отбил другое вторжение торгутских калмыков, которые ограбили соседний Гезарасп (1651-53).¹⁷ В дополнение, он пошел войной против хана Бухары, Абд ал-Азиза и в 1661 совершил грабительский поход против этого города.

Хан Хивы Илбарс II, убив нескольких персидских послов, вызвал ярость Надир-шаха, короля Персии. В октябре 1740 Надир пошел на Хорезм; заставил капитулировать крепость Ханка, где скрывался Илбарс; затем он взял Хиву (ноябрь). Здесь менее милосердный чем в Бухаре, он казнил Илбарса, который разгневал его лично из-за убийства его послов. С 1740 до смерти Надира в 1747 ханы Хивы оставались под строгим вассальством Персии.

В 1873 хан Хивы Саиид Мухаммад Рахим-хан был вынужден принять русский протекторат. В 1920 последний чингизид Хивы Саиид Абд-Аллах-хан был низложен Советами.

Ханство Коканда

Фергана образовала часть ханства Трансоксонии во время шайбанидов и под первыми астраханидами. Однако, во время последнего периода, эта интеграция была лишь номинальной, поскольку Фергана уже попала в руки киргиз-казахов, не говоря уже о ходжах, осевших в Чадаке, к северу от Сыр-Дарьи. Около 1710 шайбанид по имени Шах Рух, потомок Абул Хаира, победил этих ходж и смог основать независимое узбекское ханство в Фергане со столицей Коканд (прибл. 1710-1876).¹⁸

В 1758 Ирдана или Ердени, хан Коканда, был вынужден признать покровительство Китая, чьи армии подошли к его границам. Он попытался

организовать коалицию против них с Ахмедом Дуррани, королем Афганистана, но появление Дуррани между Кокандом и Ташкентом в 1763 не произвело никакого эффекта.

Между 1800 и 1809 хан Коканда Алим удвоил свою территорию путем аннексии Ташкента. Мухаммад Умар, брат и наследник Алима (прибл. 1809-22), аннексировал также город Туркестан (1814). Под Мухаммадом Али или Мадали, сына и наследника Умара (прибл. 1822-40) киргиз-казахи Большой Орды, которые занимали регион между городом Туркестан и южными берегами озера Балхаш, признали протекторат ханства Коканд, которое было отныне в зените своей мощи. Однако, скоро после этого, перед 1865 ханство Бухары возвратило себе Ташкент, которого он вновь лишилось опять, на этот раз русскими, в июне того же года (1865).

В 1876 ханство Коканд было аннексировано Россией.

Шайбаниды Сибири

В пятнадцатом веке в Искере (Сибирь) на середине Иртыша, к юго-востоку от нынешнего Tobолска в западной Сибири, возникло тюрко-монгольское ханство, чьи ханы были выходцами из семьи «Тайбуга-беки», а не из чингизидов. Однако, чингизиды дома Шайбани, которые кочевали к югу от Уральских гор и около верховьев реки Тобол, скоро заняли все земли к востоку от этой реки. В регионе Тура, притока Тобола, Абул Хаир, глава шайбанидского дома, в 1428 был провозглашен ханом. Около 1480 другой шайбанидский принц из молодой ветви, Ибак (ум. 1493), захватил у ханов Сибири «город» Тюмень, около слияния Туры и Тобола. (Он был именно тем Ибаком, который в 1481 застал врасплох и убил Ахмеда, хана Золотой Орды). Кучум, внук Ибака (прибл. 1556-98) находился в состоянии войны против Ядигара, хана Сибири. Ядигар в 1556 обратился за помощью к царю Москвы Ивану Грозному, но между 1563 и 1569 он был разгромлен и убит Кучумом, который остался хозяином Сибири. Для того, чтобы укрепить свою власть, Кучум вынужден был признать покровительство царя, но укрепившись в своем ханстве, он поссорился с русскими по поводу

покровительства над остяками и напал на блокпост торговых точек, основанных русским Строгановым. В тоже самое время он ревностно распространял ислам в Сибири.

В 1579 Иван Грозный отправил казацкого атамана Ермака против Сибири. Между тем, Кучум доверил свои войска (тюрко-монгольских воинов и вотяков и вогулов) своему племяннику Махмет-кулу (Мухаммад-кули), который построил «укрепленный лагерь на устье Тобола, под чувашскими горами, для защиты подходов к Сибири». Однако, в 1581 русские, «благодаря своим пушкам» захватили эту позицию и завладели Сибирью, вынудив Кучума бежать.

Тем не менее, старый Кучум продолжал свою борьбу и в 1584 он застал врасплох Ермака на острове Иртыша. Казацкий атаман утонул во время отступления, его товарищи были убиты и Кучум вновь завоевал Сибирь.

Русские должны были вновь завоевать ханство метр за метром и по мере своего наступления, они строили военные поселения в Тюмене (1586), Тоболском (1587) и Томском. Кучум, побежденный в заключительной битве на Оби 20 августа 1598, нашел убежище у ногаев, где он был убит (1600). Его сопротивление было последним проблеском славы в истории чингизидов на Севере.¹⁹

14

Последние ягатайцы

Возрождение Моголистана после Тамерлана:

Ваис-хан и Эссен-буга

После достижения зенита в дни Тамерлана ханство ягатайцев, или, как называют их тюркские и персидские историки, Моголистан, переживал неожиданный ренессанс в пятнадцатом веке. Следует напомнить, что это ханство включало, с одной стороны, сам Моголистан, то есть, регион Иссык-куля вокруг Токмака и Караколя, бассейн Или и его притоков, Текес и Кунгес, бассейн Кара-Тала и бассейн Эбин Нора и Манаса; с другой стороны, он включало Уйгурстан

или прежнюю страну уйгуров, то есть, регион Кучи, Кара Шахара и Турфана или Кара-ходжи. Сюда можно добавить Кашгарию или Алти-Шахр с городами Кашгар, Ярканд и Хотан. Под покровительством ягатайских ханов Кашгария включала в себя родовые поместья дуглатских эмиров. Последние, как ягатайцы, были моногольского происхождения и, в самом деле, были сильны, как повсюду в этом регионе.

Несколько ягатайских ханов пятнадцатого века, представляется, были интересными личностями, как это можно заключить из отрывочных сведений в *Tarikh-i Rashidi*. Один из них, Ваис-хан (прибл. 1418-28), упоминается в связи с его работами по ирригации Турфанского или Кара-ходжайского оазиса.¹ Как добрый мусульманин, он начал войну против ойратов или калмыков, западных монголов, которые были язычниками, но был захвачен в плен их вождем Эсен-таиджи (по-китайски, Йе-син), сыном их хана Тогона. Ойратские ханы, будучи действительно монголами, не принадлежали к чингизидам и *Tarikh-i Rashidi* отмечает, что Эсен отнесся к Ваис-хану с большим уважением и его сразу освободил.² Во время второго поражения, нанесенного Эсеном в регионе Или,³ Ваис, чья лошадь пала, был спасен преданностью его вассала Саида Али, главы дуглатского дома и хозяина Кашгара, который отдал ему своего коня и сам смог спастись бегством.⁴ При третьей битве с ойратами около Турфана Ваис вновь был взят в плен и на этот раз не был освобожден, пока он не разрешил своей сестре вступить в семью Эсен-таиджи. Как отмечалось ранее в связи с Трансоксонией, все вожди младших орд пытались облагораживать свои потомства женитьбой на чингизидских принцессах.

После смерти хана Ваиса (1429) его два сына, Юнус и Эсен-буга (или Эсен-бука) II ссорились по поводу трона; или скорее, их уважаемые последователи делали это от их имени, поскольку Юнусу, старшему брату, было всего тринадцать лет. Младший брат, Эсен-буга II, вышел победителем в этом споре и Юнус нашел убежище в Самарканде у тимурида Олуг-бека.⁵

Несмотря на свою молодость, Эсен-буга II правил над всеми территориями Моголистана (1429-62). Дуглатский эмир Саид Али (ум. 1457-58), который помог ему завладеть тронном, стал более влиятельным, чем когда-либо. В это время дуглаты под протекторатом ягатайского хана Аксу, удерживали Баи и Кучу, но

временно потеряли Кашгар, который был захвачен у них тимуридами Трансоксонии и Хурасана Шахом Рухом и его сыном Олуг-беком.⁶ Около 1433-34 Саиид Али смог вернуть к себе Кашгар у посредников Олуг-бека.⁷ *Tarikh-i Rashidi* отмечает его созидательную администрацию в Кашгаре и то внимание, которое он уделял к сельскому хозяйству и разведению скота.

Эсен-буга II воевал с Абу Саиидом, тимуридским королем Трансоксонии. В 1451 он руководил грабительским походом против городов Сайрам, Туркестан и Ташкент на северной границе тимуридских владений. Абу Саиид преследовал его до Таласа.⁸ После другого нападения Эсен-буги, на этот раз в регионе Андижана в Фергане, Абу Саид решил расколоть силы дома Ягатая. Он вызвал Юнуса из ссылки в Ширазе и дал ему войска для сражения с его младшим братом Эсен-бугой. Поддержанный таким образом Юнус был признан в качестве хана западной части Моголистана, около Или, в то время как Эсен-буга оставался хозяином восточных провинций, а именно, Аксу, Юлдуза и Уйгурстана (1456). Немного позднее, Юнус попытался покорить Кашгар. Правитель Кашгара, дуглатский эмир Саиид Али, призвал на помощь Эсен-бугу. Эсен-буга поспешил в Юлдуз и присоединился к войскам Саида Али и они вместе заставили Юнуса бежать на Кона Шахре, к северо-востоку от Кашгара на дороге Аксу.⁹ Потеряв своих последователей, Юнус пытался получить подкрепления у Абу Саида в Трансоксонии. Таким путем он смог восстановить свою власть в Или и регионе Иссык-куля.

Эсен-буга, будучи все еще правителем Аксу, региона Юлдуз и Моголистана, умер в 1462. Его сын Дуст Мухаммад, молодой человек без опыта (ему было лишь семнадцать лет), отдалил от себя своим распутным поведением и вызвал гнев у сильной дуглатской семьи грабительским рейдом в Кашгар. Он умер в 1469 во время побега от мятежа. Юнус, его дядя, хан Или и Иссык-куля, сразу захватил владение Аксу, которого он затем сделал «столицей» Моголистана. Младший сын Дуста Мухаммада, Кебек II, был спасен его сторонниками и доставлен в Кара-Шахр (Ялиш) и Турфан в Уйгурии, где он был провозглашен как хан. Однако, через четыре года те же сторонники казнили этого ребенка и его голову доставили Юнусу. Хотя этим убийством Юнус стал и единовластным хозяином всего

Моголистана, он выразил свое отвращение к этим убийцам и приказал их казнить (1472).¹⁰

Юнус и ягатайская месть династии Тамерлана

После восстановления своей власти в Аксу Юнус угрожало лишь одно: вторичение ойратов или калмыков, ведомых Амасанджи-таиджи, сыном Эсен-таиджи. Ойраты напали на него около Или (согласно *Tarikh-i Rashidi*, Аилах), победили и вынудили его уйти в окрестности города Туркестана.¹¹ Однако, их действия показали, что это лишь не более чем кочевой мятеж без политических последствий. Как только ойраты ушли, Юнус возвратился из Сыр-Дарьи в Или, из полу-оседлости в кочевую страну. Здесь он должен был угождать племенам Моголистана, позабыть свои городские привычки и свою ширазскую культуру и вести жизнь своих предков в войлоковых палатках.¹² Между тем, Кашгар и Ярканд, города независимого Моголистана управлялись двумя сыновьями дуглатского эмира Саида Али, Саниз-мирзой сначала (1458-64) и затем Мухаммадом Хайдаром I (1465-80). *Tarikh-i Rashidi* утверждает, что Саниз, яростный, но щедрый человек, правил Кашгаром так хорошо, что его времена после него упоминались как Золотой Век.¹³ Мухаммад Хайдар, который пришел после него к власти, сначала правил Кашгаром и Яркандом в мире под покровительством хана Юнуса. Однако, Абу Бакр, сын Саниза и племянник Мухаммада Хайдара, не стал долго ждать и нарушил этот мир.¹⁴ После взятия в свое владение Ярканда, он захватил город Хотан у других принцев, родственников к семье дуглатов. С этого времени он действовал как независимый властелин. Мухаммад Хайдар вымолвил помощи у Юнуса против своего мятежного племянника, но и он сам, и Юнус, были побеждены Абу Бакром перед Яркандом (1479-80). После этой двойной победы Абу Бакр взял Кашгар у своего дяди Мухаммада Хайдара, который был вынужден уйти в 1480 в Аксу и хану Юнусу.¹⁵

Хотя Юнус не был в состоянии проложить свой путь в этих ссорах между дуглатскими эмирами кашгарского владения, конец его правления было отмечено значительным успехом и в Китае, и в Трансоксонии. *Ming-shih* отмечает, что в 1473 султан Турфана по имени Али (Ха-ли) захватил оазис Хами в Гобийской

пустыне у хитанской династии, находящейся в вассальстве у Китая. Китайские войска, отправленные в Турфан, не смогли поймать агрессора, который, как только его преследователи повернули назад, вновь оккупировал Хами. В 1476 этот Али или «Ха-ли» направил посольство с «данью» в Пекин. Если хронология *Ming-li* точна, то правление «Ха-ли» совпадает с правлением Юнуса.¹⁶

Однако, возможно, что хан Юнус воспользовался случаем упадком тимуридской династии для вмешательства в дела Трансоксонии в качестве посредника. Два тимуридских принца, Ахмед, король Самарканда, и Умар-шейх, король Ферганы, сыновья султана Абу Саида, потратили все свои силы в бесполезном соперничестве за овладение Ташкентом, который был присвоен Умар-шейхом. Более чем раз Юнус должен был защищать Умара против Ахмеда, с результатом, что княжество Фергана стала его вассальным государством. Наконец, он выиграл своей ролью судьи и беспристрастного посредника в 1484 согласие обеих сторон на его приобретение спорных Ташкента и Сайрама.¹⁷ Затем Юнус выбрал в качестве своей резиденции Ташкент и находился там вплоть до своей смерти в 1486.¹⁸

Осев в древнем городе, как Ташкент, на пороге населенной Трансоксонии, Юнус-хан исполнил мечту своей жизни. Навсегда со времен своего пребывания на ссылке, в Ширазе, когда он был молодым человеком, он испытал радости персидской цивилизации и этот культурный чингизид ностальгически мечтал об оседлой жизни. Из чувства долга перед своими «монголами», он принудил себя на годы жить как кочевник в долинах Или и Юлдуз, на склонах Тянь-Шань.¹⁹ Однако, этим он только исполнял свои обязанности как король.²⁰ Его портрет в *Tarikh-i Rashidi*, основанный на личных впечатлениях, данных Мухаммаду Хайдару Насир ад-Дин Убайдаллахом, подчеркивает удивления посетителя: «Я ожидал увидеть монгола, но я созерцал человека персидского типа, с полной бородой; он был элегантным и с изысканной речью и такими манерами, которые редко можно найти даже среди персов».²¹ Поэтому, как только он стал правителем Ташкента (тогда ему было почти восемьдесят), то решил жить здесь. Некоторые кочевники, следующие за ним, были встревожены идеей ведения оседлого существования по таджикскому образцу, покинули его и поспешили к своим излюбленным степям

Юлдуза и Уйгурстана, взяв с собой второго сына Юнуса, Ахмеда, который, кажется, разделял их вкус к свободной жизни. Хан не стал преследовать их, поскольку присутствие Ахмеда среди них гарантировало их верность.²²

После смерти своего отца Ахмед правил над той частью ханства, которое включало Или, Юлдуз и земли Турфана, до своей собственной смерти (1486-1503). Счастливый в этих степях, он успешно сражался против ойратов или калмыков, с одной сторон, и киргиз-казахов, с другой стороны. *Tarikh-i Rashidi* рассказывает, что ойраты дали ему уважительное имя Алаша, «убийца».²³ Около 1499 он захватил Кашгар и Янги-Хиссар у дуглатского эмира Абу Бакра. Дома этот энергичный чингизид путем серий карательных экспедиций и казней добился покорения вождей мятежных племен.

Ming-shih повествует о делах Ахмеда (по-китайски, он был «А-ха-ма, султан Турфана») в оазисе Хами. В 1482 Хами был отвоеван у ягатайского ханства принцем Ха-шенем, потомком местной хитанской династии, которого поддерживал Китай. В 1488 Ахмед убил Ха-шен из засады и завладел страной. На следующий год люди Ха-шен возвратили к себе Хами. В 1493 Ахмед захватил хозяина Хами и китайского резидента и держал их в качестве пленников. Двор Пекина отомстил ему, закрыв свои границы для караванов из Турфана и отсылкой из Кансу купцов из Уйгурии. Это, говорит *Ming-shi*, вызвало такое недовольство против Ахмеда в уйгурской и ягатайской странах, что он вынужден был покинуть Хами в пользу местной династии, то есть, китайского влияния.

Ягатайцы, отброшенные на восток от Тянь-Шань

Влияние тимуридского ренессанса в Кашгарии

Историк Хайдар-мирза

В то время как Ахмед правил от Аксу и Турфана до восточного Моголистана и Уйгурстана (1486-1503), его старший брат Махмуд унаследовал от своего отца Юнуса Ташкент и западный Моголистан (1487-1508). Ранее было отмечено, что последние тимуриды Самарканда пытались вернуть Ташкент от Махмуда в 1488, однако, были побеждены им около города на Чирчике или Параке и Ташкент остался резиденцией монгольского хана.²⁴ К несчастью, Махмуд

совершил непростительную ошибку, пригласив знаменитого Мухаммада Шайбани, который в это время был не более чем любителем приключений и прибыл служить своим мечом хану. В благодарность, Махмуд отдал ему в качестве поместья город Туркестан (между 1487 и 1493).²⁵ С помощью чрезмерно доверчивого Махмуда, Мухаммад Шайбани захватил Бухару и Самарканд у последних тимуридов и в 1500 сделался королем Трансоксонии. Махмуд имел основания для сожаления о своей щедрости, поскольку едва ли Мухаммад Шайбани овладел бы Трансоксонией, если бы он был против него. Махмуд обратился за помощью к своему брату Ахмеду, который поспешил в Ташкент из Уйгурии, но Шайбани победил его и обоих взял в плен в сражении в Ахси, к северо-востоку от Коканда, Фергана. Тогда он обращался с ними учтиво, хотя не без высмеивания наивности Махмуда, которому он был обязан своим успехом, и он освободил их без промедления (1502-3), удержав Ташкент и Сайрам за собой. Скоро после этого, зимой 1503-4 Ахмед умер от паралича в Аксу. Махмуд был настолько глупым, чтобы попасть еще раз в руки Шайбани. На этот раз он был казнен около Ходжента (1508-9).²⁶

Смерть Махмуда означала конечное вытеснение ягатайцев из западного Туркестана. Отброшенные на восток, за Тянь-Шань, они оставались там еще сто лет. В Уйгурстане, Турфане, Кара Шахре (Ялиш) и Куче старший сын Ахмеда Мансур-хан был признан ханом после смерти своего отца и он должен был править этим регионом в течение сорока лет (1503-43). Сначала он встретился с трудностями. Дуглатский эмир Кашгара, Абу Бакр, вступил в Аксу, где он ограбил сокровища ягатайцев, после чего отправился разрушать города Куча и Бай.²⁷ В 1514 младший брат Мансура, Саид-хан, в свою очередь, захватил Кашгар (май-июнь 1514), Ярканд и Хотан у Абу Бакра и заставил его бежать к Ладаху.²⁸ В этой войне против мятежного дуглата Саиду оказывал помощь другой дуглат, который был верным дому Ягатай: историк Дуглат-мирза. Вслед за этим Саид будет править над Кашгарией (1514-33),²⁹ в то время как его старший брат Мансур будет управлять Моголистаном (Или, Юлдуз) и Уйгурстаном (1503-43). Сердечные отношения между этими братьями обеспечили мир в Центральной Азии. «Путешественники совершенно безопасно могли совершать свои поездки от Ферганы до Хами и в Китай».³⁰

Tarikh-i Rashidi Мухаммада Хайдара II (Хайдар-мирза), наследника семьи дуглатов, свидетельствует об относительно развитой культуре потомков Ягатая и дома Дуглата того времени. Было отмечено, что во время пребывания среди ягатайцев хан Юнус (1458-86), который, действительно, провел свои юные годы в Ширазе, приобрел манеры и элегантность, свойственные персам. Аналогично, Хайдар-мирза (1499 или 1500-1551) представляет собой пример принца монгольского происхождения, полностью преобразованного своей средой.³¹ Знал ли он монгольский язык? Ничего менее определенного, чем этот вопрос, отмечает Элиас, для такого искреннего мусульманина, каким он являлся, язык его предков должен был быть не более чем языком «язычников». На самом деле, он говорил на ягатайском тюркском языке, как и его семья задолго до него. Тем не менее, он писал на персидском свою историю монголов Центральной Азии, известную под названием *Tarikh-i Rashidi*,³² в то время как его сосед и друг тимурид Бабур, подобно ему, был автором нескольких бессмертных мемуаров, оставался верным ягатайскому тюркскому диалекту. Существование таких культурных людей, как эти личности, показывает, что в первой половине шестнадцатого века восточный Туркестан, бывшее восточное ягатайское ханство, где культура сегодня опустилась на такой, достойный сожаления, уровень, был процветающим интеллектуальным центром. Хотя он и не имел славы старого литературного центра Трансоксонии, поскольку ни Кашгар, Аксу, ни Турфан не могли соперничать с Бухарой и Самаркандом, влияние последних было достаточно сильным даже здесь для просвещения всей страны во время тюрко-персидского ренессанса, который навсегда ассоциируется с тимуридами. Тесная дружба Хайдар-мирзы с великим Бабуrom, который перед тем, как основать империю Индии, был последним тимуридом Ферганы, показывает, как ханы дома Ягатая и все дуглатские эмиры являли собой пример для Запада. Между иранизированным Бабуrom Самаркандом и сегодняшним китайским Туркестаном отношения не были прерваны и взаимные обмены были постоянными. Так, в то время как трансоксонийский Бабур писал на ягатайском тюркском, Хайдар-мирза, эмир Моголистана, писал на персидском. Ягатаец Саид-хан, покровитель Хайдар-мирзы, говорил на персидском также прекрасно, как и на тюркском.

Следовательно, будет неправильным думать об империи последних ханов Ягатай в шестнадцатом веке, как о стране, находящейся в упадке. Существование таких культурных личностей как хан Юнус и Хайдар-мирза является свидетельством обратного. Эти земли, в которых китайцы подавили национальные особенности и качества, которых они ревниво запретили, тогда приобретали свежесть и оживление с каждым культурным ветерком ирано-тюркского ислама. Это доказывает карьера хана Юнуса. Этот ученик ширазской литературы позднее правил Кучей и Турфаном. Хайдар-мирза, принц ренессанса, воевал вместе с Бабуром в Трансоксонии и помог чингизиду Саид-хану вернуть Кашгар и Ярканд перед тем, как отправиться в 1541 на завоевание Кашмира для себя. Несмотря на закостенелое кочевничество племен Юлдуза и Уйгурстана, которые причиняли столько проблем для последних потомков Ягатай, финальным результатом ягатайского господства была связь не только одной Кашгарии, но и древних уйгурских земель Кучи, Кара Шахра и Турфана, с персидской и иранизированной тюркской цивилизацией Самарканда и Герата.

Последние ягатайцы

Ягатайские ханы пытались доставить эту мусульманскую тюрко-иранскую культуру тимуридского ренессанса на Дальний Восток, к границам Китая династии Мин. *Ming-shih*, подкрепленное *Tarikh-i Rashidi*, показывает хана Мансура, завязавшего войну с Китаем, и последний источник представляет этот конфликт как Священную Войну против «язычников».³³ Ставка была на оазис Хами. В 1513 местный принц Хами, именуемый, согласно китайской транскрипции, как Па-я-ци, выразил покорность к Мансуру. В 1517 Мансур осел в Хами и оттуда начал рейды в Китай, в направлении к Тунван, Сучоу и Канчоу в провинции Кансу. Между тем, его брат Саид-хан, правитель Кашгарии, доставил Священную Войну в пределы тибетской территории Ладах, где в 1531 историк Хайдар-мирза командовал своими войсками.³⁴

Мансура наследовал в ханстве Уйгурстан или Турфан его сын Шах-хан, который правил с 1545 до приблизительно 1570. Согласно *Ming-shi (Tarikh-i Rashidi)* заканчивается при этом правлении),³⁵ Шах-хан вынужден был воевать со своим братом Мухаммадом (Ма-хей-ма), который захватил часть земель Хами и получил помощь от ойратов или калмыков. После смерти Шах-хана около 1570 Мухаммад стал правителем Турфана, но должен был защищать себя, в свою очередь, от третьего брата по имени Суфи-султан (Со-фи Су-тан), который с помощью посольства пытался получить помощь у Китая. После его дней исторические тексты молчат по поводу ягатайского ханства Турфана. Однако, известно, что султан Турфана, к которому китайцы относились как к действительному ягатайцу, в 1647 направил посольство ко двору Пекина, а второе посольство было направлено в 1657.³⁶

В ягатайском ханстве Кашгария Саид-хана унаследовал его сын Абд ар-Рашид (1533-65). Новый правитель скоро поссорился с сильной дуглатской семьей и казнил одного из ее вождей, Саида Мухаммад-мирзу, дядю историка Хайдара-мирзы.³⁷ Сам Хайдар-мирза, который верно служил Саид-хану и завоевал для него Ладах, под страхом разделить такую же участь, уехал в Индию, где 1541 стал правителем Кашмира. Согласно *Zabdat at-Tavarikh*, правление Рашида было потрачено на сдерживание киргиз-казахов Большой Орды, которая совершала вторжения в регионы Или и Иссык-куля. Храбрый Абд ал-Малик, старший сын Рашида, был убит во время битвы против киргизского хана Назара.³⁸ Несмотря на все свои усилия, Рашид не был в состоянии препятствовать киргиз-казахам захватить большую часть территории Моголистана, то есть, регионы Или и Кунгей. Так, его владения были ограничены одной лишь Кашгарией. Это обстоятельство находит ясное сконфуженное отражение в отрывке у Хайдара-мирзы.³⁹

Рашида, который жил до 1565, унаследовал в качестве хана Кашгарии один из его сыновей, Абд ал-Карим, который все еще правил в 1593, когда Ахмед Рази писал.⁴⁰ Представляется, что в это время «столицей» Кашгарии, обычные штаб-квартиры хана, был Ярканд. Кашгар был удельным поместьем одного из братьев Абд ал-Карима по имени Мухаммад. По-видимому, он был именно тем Мухаммадом, который наследовал Абд ал-Карима в Ярканде, когда португальский

иезуит Бенедикт де Гоёс проходил через страну в конце 1603. Аксу тогда управлялся племянником Мухаммада, а Ялиш (Кара Шахр, или по Гоёсу, «Циалис») – его внебрачным сыном. Источники ничего больше не говорят об этой династии. Элиас думает, что одним из ее членов был некий Исмаил-хан, который жил третьей четверти семнадцатого века.⁴¹ Однако, к тому времени ягатайское ханство Кашгария должно было присоединено к подханства Ярканда, Кашгара, Аксу и Хотана, а эффективный контроль на ними перешел в руки ходжа.

Ходжаи Кашгарии

Ходжаи, как этот термин понимался в Трансоксонии и Кашгарии, были преданными мусульманами, которые заявляли о своем потомстве, берущем начало от пророка Мухаммада или от первых четырех арабских халифов. *Tarikh-i Rashidi* рассказывает, насколько сильно влияли эти праведные личности на хана Саида (1514-33). Этот хан был настолько правоверным, что он захотел стать дервишем и только своевременный приход в Кашгар ходжи Мухаммада Юсуфа из Самарканда остановило его. Мухаммад Юсуф убедил его в том, что возможно заслужить спасение, все еще живя на этом свете.⁴² Хан Саид тепло принял другого ходжи с не меньшим почтением, а именно, Хазрат Махдуми Нуру, которого высоко ценили за то, что он был как чудотворцом, так и учителем. *Tarikh-i Rashidi* упоминает его апостольство в Кашгарии около 1530 и его отъезд в Индию в 1536.⁴³ В 1533, согласно местной традиции, знаменитый ходжа из Самарканда, который пришел в Кашгар для участия в переговорах между ханом и узбеками, «остался в стране и с двумя женами, одна из Самарканда, другая из Кашгара, имел двоих сыновей. Эти сыновья передали свою взаимную ненависть к своим детям и Кашгария разрывалась между двумя партиями, Актаглик («народ Белой Горы»), который правил в Кашгаре и Каратаглик («народ Черной Горы»), который правил в Ярканде.⁴⁴

Что бы не было верным о происхождении этого разделения, с конца шестнадцатого века и в течение трех четвертей семнадцатого две партии, разделенные как религиозными спорами, так и личным соперничеством, разделяли действительную власть в Кашгарии. Актаглик нашел поддержку среди киргиз-

казхов Или, Каратаглик – среди кара-киргизов южного Тянь-Шаня. Светское ханство ягатайской семьи постепенно перешло под контроль этих двух групп «мусульманского духовенства» до тех пор, пока около 1678 Исмаил, последний хан Кашгара, не предпринял действия против них. Он изгнал вождя партии Актаглик, ходжа Хазрат Апака или Хазрат Афака. Хазрат Апак искал помощи у джунгаров или западных монголов (калмыков), которые вступили в Кашгар, взяли в плен Исмаила и назначили Хазрата Апака на его место. Джунгары также помогли Хазрату Апаку победить соперника, партию Каратаглик Ярканда, и сделать этот город его столицей. Кашгария, таким образом, была воссоединена, однако под «мусульманской теократией» и как протекторат новой монгольской империи джунгаров.⁴⁵

15

Последние империи монголов с пятнадцатого до восемнадцатого веков

Анархия в Монголии после 1370

Империя, основанная монгольским великим ханом Кублаем в Китае была свергнута в 1368 в результате китайской революции. Изгнанный из Пекина китайцами потомок Кублая, Тоган Темюр умер в Яинчане или Кайлу, на Шара Мурене, 23 мая 1370, скорбя обрушившегося на него несчастья. Китайская династия Мин (1368-1644), вытолкнув чингизидов из своей территории, не проявила медлительности в их преследовании в монгольских землях.

В Каракоруме, сын Тогана Темюра, принц Аюрширидхара, узнав о смерти своего отца, принял титул великого хана и правил оттуда с 1370 до 1378 в тщетной надежде, что в один день он возвратит себе трон Китая. Далеким от достижения этой цели, он вынужден был встретиться с нападением китайцев, которые проникли до самой Монголии. В 1372 их лучший генерал Сю Та дошел до Каракорума, но был остановлен на Туле. После смерти Аюрширидхары его сын

Токуз Темюр вступил на его место в Карокоруме (1378-88), столице монгольской империи, которая была уменьшена до пределов своей первоначальной территории. В 1388 китайская армия численностью в 100 000 человек вновь вступила в пределы Монголии и нанесла поражение войскам Токуз Темюра в крупном сражении к югу от Бор Нора между Халкой и Керуленом. После этой катастрофы Токуз был убит одним из своих родственников.

В результате этих повторных потерь лица дом Кублая была так дискредитирована, что большинство монгольских племен восстановили свои автономии. Угечи или Ёкечи, главный племенной вождь восстания против неудачных кублайдов, был, согласно Санан Сечену, принцем кергюдов, т.е., по-монгольски, киргизов, обитающих в это время вдоль верхнего Енисея до озера Косогол.¹ Угечи отверг сюзернство кублайдского хана Елбека, победил его и убил в 1399 и узурпировал господство над племенами.

Юн Лу, император Китая, третий и наиболее знаменитый правитель из династии Мин, был обрадован этой узурпацией, которая лишь усиливала межмонгольское распри и, низвергнув династию Кублая в Монголии, освобождала Китай от кошмара чингизидского реванша. Поэтому он признал власть Угечи. Согласно Ming-shi, однако, Угечи затем был разбит двумя вождями мятежных племен: Аркутай (по-китайски, А-лу-тай), вождь Асода, и Магаму, вождь ойратов.² Асод является монгольским названием аланов или асов. Эти люди, которые были иранской национальности (более точно, скифо-сарматами) и которые происходили с Кавказа (Кубань и Терек), в тринадцатом веке выделяли большие контингенты солдат для монгольской армии в Китае. Монгольские полки, составленные из аланов, были вырезаны китайцами на Чинчоу в 1275 и другие группы аланов на службе у дома Кублая отправили из Пекина письмо к папе.³ Асод, несомненно, представлял одного из аланских кланов, которые последовали за кублайдами при их отступлении из Китая в Монголию, и, ассимилировавшись монголами, остались делить вместе с ними общую с ними судьбу. Ойрат или Ойрад, следует отметить, был сильным племенем лесных монголов, обитающих во время чингизидов на западных берегах озера Байкал. С семнадцатого века ойраты, кажется, состояли из

четырёх племен: чоросы, турбеты (дёрбёды), хошоты и торгюты или торгуты. Правящая семья, по крайней мере, в то время, принадлежала клану чоросов.

Для того, чтобы подчеркнуть свою полную независимость от других монгольских претендентов, Арукатай и Магаму совершили визит покорности ко двору Пекина, для формального жеста, предназначенного как для подтверждения своей суверенности, так и для получения благосклонности династии Мин. Представляется, что создавшейся ситуацией воспользовались ойраты для расширения своего господства над всей западной Монголией от западных берегов озера Байкал до верхнего Иртыша, с намерением расшириться даже дальше к юго-западу в направлении Или (как об этом рассказывает *Tarikh-i Rashidi*). Однако, центральная и восточная Монголия оставалась в положении разброда, поскольку с Арукатай и Магаму, сын Угечи, Ессею, как повествует Санан Сечен, до своей смерти в 1425 настаивал на претензиях стать верховным ханом.

В 1403-4, однако, произошла реставрация чингизидов в лице сына Елбека, которого монгольский историк Сечен называет Олджай Темюром и которого *Ming-shi* называет лишь на буддийско-санскритском Пунясри (по-китайски, Пен-я-шу-ли).⁴ Арукатай скоро перешел на сторону этого представительной законности. Двор Пекина, понятно, беспокоился по поводу возрождения в Китае семьи Китая и император Юн Лу попытался получить жест вассальства от Олджая Темюра. Получив отказ, он вступил в Монголию, дошел до верхнего Онона и чингизханских родных равнин и нанес поражение силам Олджая Темюра и Арукатай (1410-11). Это поражение было смертельным для Олджая Темюра, поскольку оно лишила его авторитета. Ойратский вождь Магаму напал на него, разбил его и захватил власть (прибл. 1412).

До этого времени Магаму поддерживал хорошие отношения с императором Юн лу, поскольку для ойратов или западных монголов было естественным искать поддержки двора Китая против кублайдов и других монгольских вождей востока. Однако, как только он стал достаточно сильным и поверил, что в состоянии распространить свое господство на все племена и семей принцев Монголии, ойратский вождь не стал колебаться разорвать отношения с правителем династии Мин. Юн Лу отправился против него через Гоби, но Магаму нанес серьезные

потери китайской армии и затем ускользнул от нее за Тулу (1414, 1415). Эти кочевники, которые до последнего времени разленились и ослабли из-за прелестей китайской жизни, с возвращением на свои родные степи вновь приобрели свою бывалую прочность. Более того, это были именно ойраты, то есть, западные племена из лесов. Вступая в более отдаленный контакт с плодами чингизидских завоеваний чем кочевые Орхона и Керулена, он несомненно сохранили свою естественную энергию. Тем не менее, престиж Магаму временно пострадал из-за китайского вторжения, поскольку он также не смог держать армии Мин за пределами монгольских равнин.

Согласно *Ming-shih*, Аруктай вновь появился на сцене и восстановил власть Пен-я-шё-ли, то есть, Олджая Темюра, в качестве верховного хана (прибл. 1422). Он опустошил приграничные районы Кансу до Нинся и затем, когда Юн Лу поспешил с преследованием, отступил на север через Гоби, ускользнув от пленения. Скоро после этого, *Ming-shih* продолжает, Аруктай убил Олджая Темюра и объявил себя великим ханом. Император Юн Лу несколько раз устраивал походы против него (1421, 1425), однако, безуспешно, несмотря на счастливое отвлечение, когда ойратский вождь Тогон Темюр, сын и наследник Магаму, восстал против гегемонии Аруктая и разбил его.

Это отрывок из китайской истории по *Ming-shih*. Однако, можно опасаться, что под именем А-лу-тай историк путает двух личностей, которых, в свою очередь, монгольский историк Санан Сечен различает весьма ясно: именно, асодский вождь Аруктай, чья активность была изучена до 1414 (до этого момента оба источника более или менее согласуются друг с другом), и другой принц по имени Адай, который в работе Санан Сечена проявляется как вождь хорчинов или корчинов.⁵ Хорчины были племенем восточных монголов, обитающих к востоку от Хингана, по соседству с рекой Нонни на маньчжурской границе. Их вожди были потомками или Темучи Очигина, или Касара, братьев Чингиз-хана. Согласно Санану Сечену, в 1425 ханство было оккупировано, во всяком случае на востоке, хорчинским вождем Адаем при поддержке Аруктая, что является ясным доказательством того, что здесь было вовлечено два человека, а не один, как представляет *Ming-shih*. Адай и его вассал Аруктай вместе завязали войну против ойратов и Китая и тогда, следуя

обычному качанию маятника, ойраты еще раз пошли против императора Юн Лу. Во время своей последних кампаний в Монголии против Адая (1422-25) Юн Лу поддержал этого ойратского раскольника против законного ханства Боржигинов.

Первая ойратская империя: Тогон и Эсен-таджи

Политика, преследующая великим императором династии Мин, помогать молодой и растущей силе ойратов для того, чтобы сокрушить династию Кублая, дала свои плоды после его смерти. Между 1434 и 1438 ойратский вождь Тогон или Тогон, сын и наследник Магаму, убил Адая. Так рассказывает Санан Сечен; *Ming-shih* утверждает, что он убил А-лу-таи. Во всяком случае, он добился господства над монгольскими племенами. Адзай, кублайдский принц, сын Елбека и брат Олджая Темюра был провозглашен великим ханом законниками (1434 или 1439). Фактически, империя Монголия перешла к ойратам.

Двор Китая, по-видимому, определенно поздравил себя этой революцией, которая низвела до минимального уровня все еще опасную чингизидскую семью и восточных монголов, «наиболее опасных из-за их близости», в пользу западных монголов, которые, будучи более отдаленными, казались, не представляли опасности. Чингизидский кошмар был устранен. Новые хозяева степи были людьми без какой-либо прошлой славы, которые в чингизханской истории играли блеклую и незначительную роль. Только таким образом китайцы двенадцатого века глупо радовались видеть, как хитаны были замещены журчидами. Однако, на самом деле, западные монголы, ойраты (ойрады) или конфедераты, как они называли себя, калмыки, как их тюркские соседи Кашгарии называли их, не имели другой амбиции, кроме как быть носителями чингизханских традиций и восстановить для своей пользы Великую Монгольскую Империю, которой выродившиеся кублайды так глупо позволили проскользнуть через свои пальцы.⁶

Ойратская экспансия началась в юго-западе за счет ягатаецев «Моголистана» или чингизидских ханов, которые правили над Или и Юлдузом и над регионом Куча и Турфана. Ойратский вождь Тогон атаковал ягатайского хан Ваиса (который правил между 1418 и 1428). В этом конфликте поле сражения, которое сместилось, согласно ойратским вторжениям, с бассейна Или в провинцию Турфан, ойраты

повсюду имели свободу рук. Сын Тогона, Эсен-таджи, взял в плен Ваиса и, как повествует *Tarikh-i Rashidi*, обращался с ним с величайшим вниманием из-за его чингизидской крови. В другом сражении, имевшем место около Турфана, Ваис вновь был схвачен Эсеном. В это время, в обмен на свободу, Эсен потребовал сестру Ваиса, принцессу Махтум ханым, в качестве члена своей семьи. Ясно, что ойратский дом, который является не чингизидской крови, этим союзом создавал большой резерв.

Когда Эсен-хаджи, Я-син у китайских историков, унаследовал своего отца Тогона, владение ойратов или калмыков находилось в ходе возвышения до своего зенита мощи (1439-55). Оно теперь простиралось от озера Балхаш до озера Байкал и от Байкала то подходов Великой Стены. Карокорум, прежняя монгольская столица, находилась в их владении. Эсен также завладел оазисом Хами и в 1445 – китайской провинцией Ву-лиан-ха, которая соответствовала позднему Джехолу. Через пять лет он попросил руки китайской принцессы, точно так, как ранее он сделал это по отношению к ягатайцам. Двор Пекина обещал удовлетворить просьбу, однако не сделал этого. Тогда Эсен ограбил китайскую приграничную полосу около Татунга, к северу от Шаньси и император династии Мин, Ян-цун, со своим министром евнухом Ван Чаном поспешили на встречу с ним. Стычка состоялась на Ту-му около Сюнхуа в северо-западном Хопее (нынешний Чагар). Эсен нанес им разгромное поражение, убил более чем 100 000 их людей и взял в плен императора Ян-цун (1449). Тем не менее, не имея осадных приспособлений, он не был в состоянии покорить ни Татун, ни Сюнхуа, укрепленные города региона и возвратился в Монголию со своим пленным императором.⁷ Через три месяца он вновь пришел туда, дошел до Пекина и устроил свой лагерь в северо-западных предместьях великого города; однако, все его атаки были отражены и скоро у него закончился фураж. Пришли подкрепления для китайцев из Лиатуна. Поскольку Эсену не удалась его главная атака и теперь он оказался под угрозой превосходящих сил, то поспешно отступил по дороге ущелья Кю-ян-куан (Нанкоу). Вскоре после этого он решил освободить императора Ян-цун (1450) и в 1453 заключил мир с Китаем.

Ming-shih далее повествует о том, что Эсен признал в качестве великого хана чингизидскую марионетку по имени Токта-бука, который женился на его сестре и что он хотел, чтобы сын этого брака был признан в качестве законного чингизидского наследника. Токта-бука отказался и Эсен его убил. Затем он (в 1453) объявил себя вассалом Китая, что сделало его независимым ханом без фиктивного чингизидского сюзернства. Он сам, в свою очередь, был убит в 1455.

Согласно *Tarikh-i Rashidi*, Эсен был унаследован во главе ойратского или калмыцкого владения его сыном Амасанджи. Где-то между 1456 и 1468 Амасанджи вторгся в ягатайское ханство Моголистан и победил правящего хана Юнуса около Или. Юнус был вынужден бежать к городу Туркестан. Тот же источник рассказывает, что ягатайская королева Махтум ханум, которого Эсен ранее ввел в ойратский дом, вызвала здесь проблему. Ревностная мусульманка, он воспитала своих сыновей Ибрагима Онга (Ван) и Ильяса Онга в своей вере. Позднее, эти молодые люди конфликтовали с Амасанджи и, после гражданских распри, Ибрагим и Ильяс, говорят, нашли убежище в Китае.⁸

Несмотря на эти домашние беспокойства, ойраты долгое время продолжали тревожить своих соседей, в частности, на юго-западе, своими периодическими вторжениями. В этом направлении находилась территория кочевых киргиз-казахов, сильно исламизированных варварских тюрок, чьи племена кочевали в степях нижнего Или, Чу, Сары-Су и Тургая и под ханами Касим (прибл. 1509-18) и Мумаш (прибл. 1518-23) представляли собой угрозу шайбанидской Трансоксонии.⁹ Правда, наследник Мумаша, Тагир-хан (прибл. 1523-30) надоел этим неуправляемым кочевникам своим авторитаризмом и многие кланы, согласно Хайдар-мирзе, откололись от него.¹⁰ Тем не менее, киргиз-казахское ханство было возрождено под ханом Тауаккулем, но в течение 1552-55 Тауаккул вынужден был бегать перед вторжениями ойратов, как смерч, нападавших на Или из региона Кобдо. Так, тюркские кочевые великой балхашской степи, ужас оседлых людей Трансоксонии, сами были вынуждены бежать от монгольских кочевых Алтая. Тауаккул нашел убежище в Ташкенте у местного шайбанида Науруза Ахмеда. На просьбу о помощи своего гостя, Науруз ответил: «Даже десять таких принцев

ничего не могут поделаться с калмыками» (то есть, с ойратами).¹¹ Около 1570 ойраты переселились из вехнего Енисея на долину Или.

Вкратце, хотя после смерти их таиджи Эсена (1455) ойраты испытывали упадок на востоке, где они встретились с чингизидами восточной Монголии, на западе они продолжали угрожать степям между Или и Каспийским морем.

Последняя чингизидская реставрация:

Даян-хан и Алтан-хан

Упадок ойратов или западных монголов не принесло сразу выгоду чингизидам восточной Монголии. В это время они истребляли друг друга в опустошительных межсеме́йных войнах. Великий хан Мандагол, двадцать седьмой потомок Чингиз-хана, умер в 1467 в результате войны против своего внучатого племянника и наследника Болхо *джинонга* и последний, в свою очередь, был убит до того, как он должен был быть провозглашен ханом (1470). От однажды многочисленной семьи кублайдов остался лишь один пятилетний мальчик по имени Даян, сын Болхо *джинонга*, который был «покинут всеми, даже его матерью, вышедшей вновь замуж».¹² Молодая вдова Мандогола, Мандугай хатун, взял ребенка под свое покровительство и провозгласила себя ханом. Она приняла командование верными монголами и нанесла поражение ойратам. В 1481 он женила молодого Даяна. В 1491-92 эта героическая женщина, чьи поступки напоминают поступки Оелун-еке, матери Чингиз-хана, «опять была поставлена во главе армии, которая отбросила ойратов». Предание гласит, что, именно, она была ответственной за сокрушение ойратского господства и восстановление власти восточных монголов.

Долгое правление Даяна (1470-1543) с помощью энергии королевы-регентши его будущей жены и позднее из-за своей личной храбрости, означало ренессанс чингизидской власти, если даже перегруппировкой восточных племен в соответствии с традиционным разделением левого крыла (джун-гар, джегюн-гар или сегон-гар) на восток и правого крыла (барун-гар, барагун-гар) на запад.¹³ (Все формирование было ориентировано на юг). «Первое крыло было под непосредственным командованием кагана, вторая – под *джинонгом*, избранным

каганом из числа своих братьев или сыновей. Первое крыло состояло из чагаров (часть правителя), халков и уриангханов, в то время как второе включало орды, тюмед¹⁴ и жунгшиябо, известного также как харачины или карачины». ¹⁵ Даян не провел свою реорганизацию без некоторого насилия. Некоторые из барагонских тюмедов или тюмеды правого крыла (то есть, западные) убили одного из сыновей Даяна, которого он назначил в качестве их вождя. «Разразилась жестокая битва между двумя монгольскими крыльями. Даян, сначала побежденный, затем одержал верх, благодаря поддержке хорочина, племени [из бассейна Нонни], которое было обязано подчиняться потомкам Касара, брата Чингиз-хана. Он преследовал мятежников до Коко Нора, где он принял их покорность. Затем он назначил им их *джинонга* в лице своего третьего сына Барса-болода (1512)». Даян также должен был подавить мятеж урианханов роспуском их группы и их разделением между остальными. Наконец, с 1497 по 1505 он провел серию вторжений в китайские пограничные зоны с Лиаотун до Кансу.

После смерти Даяна в 1543 его дети и внуки разделили племена между собой. Чагарские племена ушли к Боди-хану, главе старшей ветви; он был внуком Даяна и стал великим ханом. Боди-хан осел на землях Калгана и Долоннора, которые даже сегодня образуют центр чагарского владения. Монгольское верховное ханство продолжало принадлежать к чагарской правящей семье с 1544 по 1634 под ханами Боди (1544-48), Кудан (1548-57), Тюмен Сасакту (1577-93), Сечен (1593-1604) и Легдан (1604-34), который был низложен маньчжурскими императорами. Третий сын Даяна, *джинонг* Барса-болод и сын последнего *джинонг* Гюн Биликтю Мерген (ум. 1550), который командовал ордами, устроил свой лагерь на петле Желтой реки (прибл. 1528, 1530). Младший брат Гюна Биликтю, Алтан-хан (Ян-та, по *Ming-shih*), наиболее известный из внуков Даяна и вождь тюмедов, обитал в северо-восточной части петли с центром на Кёке-хото (Куку Хоту) или Куэйхвачен.¹⁶ Наконец, младший сын Даяна, Гересандза Очигин, командовал племенами халка, которые в это время, согласно Куранту, концентрировались вокруг реки Халка, Бор Нор и нижнего Керулена. Отсюда халки, изгоняя ойратов или калмыков, рассеялись в западном направлении к Убса Нору.

Эти завоевания, которые отбросили ойратов назад к региону Кобдо, были выиграны объединенными даянидскими монголами под личным руководством короля тюмдов Алтан-хана при помощи его внучатого племянника Хутуктая Сечена хонгтаиджи, принца ордов. Ойраты, разбитые в нескольких боях, потеряли Каракорум, резиденцию и символ монгольского имперского владычества, в 1552. Два их племени, тёргюты или торгуты и хошоты, отброшенные и разгромленные даянидами, были отогнаны до Урунгу и Черного Иртыша и начали их продвижение на запад.

Правление Алтан-хана датируется между 1543 и 1583, но даже во время правления его деда Даяна он начал отличаться на поле боя, в частности, в рейдах против династии Мин Китая. В 1529 он ограбил окрестности Татун в северной провинции Шанси. В 1530 он опустошил округ Нинся в провинции Кансу и затем Сюанхуа к северо-западу от Пекина. В 1542 он убил китайского генерала Чан-чун и, говорят, захватил в плен 200 000 человек и 2 миллиона скотины. Такими почти ежегодными вторжениями на китайские территории, через Татун или Сюанхуа, он возрождал старые обычаи чингизидов. В 1550 он дошел до ворот Пекина и подверг к огню предместья города. Перед возвращением домой, он отправился грабить регион Паотина. Тем не менее, кроме войны, энергичный чингизид думал также и о других вещах. Дважды в 1550 и 1574 он потребовал, чтобы китайцы устроил свои рынки на пограничных постах для бартера монгольской скотины и китайских товаров. В своих походах он активно поддерживался совоим внучатым племянником, принцем ордосов Хутуктаем Сеченом хонгтаиджи, который родился в 1540 и умер в 1586 и который многократно покрывал китайскую пограничную зону между Нинся и Юлин. Рассказы о походах Хутуктая были записаны его внуком, монгольским историком, Сананг Сеченом.

Разделение империи даянидов: ханства Ордоса и халков

Большой слабостью монгольских народов был их обычай делить семейное наследство. Даянидская империя, не была отличной по своей основе от чингизханской, хотя она едва ли достигла каких-либо завоеваний за рубежом

Монголии. После смерти ее основателя она стала типа федерального семейного государства, различные вожди которого, все братья и двоюродные братья, признавали верховенство руководителя одной ветви в лице чагарского вождя. Такое разделение привело в более полное завершение дезинтеграции, чем та, которую когда-либо знали чингизидские наследники. Примером к тому является случай с основателем владения Ордос, с Гюн Билитю Мергеном *джинонгом*, который был сильным правителем. После его смерти в 1550 его племена были скупуплезно были разделены среди его девяти сыновей.¹⁷ Нояндара, старший сын, получил не больше чем «знамя» Дёрбен Кория, нынешнего племени Ван.¹⁸

Федеральные связи также ослабли вместе с теоретическим послушанием в зависимости от ветви, в которой верховное ханство оставалось. Здесь также имела место картина, которая разрушила власть прямых наследников Чингиз-хана. Со середины тринадцатого века те принцы, чьи уделы находились большом расстоянии от Карокорума, стали выглядеть как независимые властелины. Рубрук отметил, что Батый, хан кипчаков, был по всем своим намерениям и целям равным великому хану Монгу. Двадцатью годами позднее, великий хан Кублай не смог добиться даже послушания Кайду, хана Имил. Тоже самое случилось с потомками Даяна. Когда халка принцы прогоняли ойратов к Кобдо и оккупировали обширную территорию между Керуленом и Хангайскими горами, те монголы, которые обитали на наибольшем расстоянии от Чагара, чувствовали себя практически независимыми. Одним из таких был правнук халка принца Гересандзи, по имени Шулуи Убаша *хонгтаиджи*, который около 1609 оккупировал центр прежнего ойратского владения в регионе Киргис Нор и Убса Нор, откуда он прогнал ойратов на Черный Иртыш и Тарбагатай (1620, 1623). Он взял себе титул Алтын-хан и основал ханство под своим именем, которое продолжалось до 1690. Другой халка принц, один из племянников Лайхор-хана, который был также завоевателем ойратов, расположился к востоку от Алтын-хана и западнее от Улиассутая; его сын Субтай принял титул Дзасагту-хана и присвоил свое имя также к своему ханству. Третий халка принц, внук Гересандзы, Туменгекен, основал ханство Саин Нояна на верховьях Орхона, на верхнем Онгкина и на Селенге. Брат Туменгекена, Абатай, был основателем Тушету-ханов, чье ханство, разделенное от ханства Саин Нояна

Орхоном, включало бассейн Тулы, регион, известный как Урга (Улан Батор). Семейное старшинство постановило, что дом Саин Нояна должен быть вассалом ханства Тушету, от которого оно не получило независимости и равного статуса до 1724. Наконец, правнук Гересандзы, Шулуй, который обитал на Керулене, принял титул Сечен-хана и дал это имя пятому халка ханству.¹⁹

Хотя все они были потомками Гересандзы, эти пять ханов не всегда были тесно связаны друг с другом. В 1662 Алтын-хан Лобдзанг (прибл. 1658-91) атаковал своего соседа Дзасагту-хана, взял его в плен и казнил. В результате этой акции Тушету-хан создал лигу с другими монгольскими принцами и заставил Алтын-хана бежать. Благодаря иностранной помощи (ойратского пемени Джунгар и пекинского двора) Алтын был в состоянии временно восстановить свою власть, однако, в 1682 он был застигнут врасплох и захвачен новым Дзасагту-ханом; в 1691 он исчез и вместе с ним все его ханство. Исчезновение наиболее западного халка ханства, как увидим, дало возможность старым ойратам или калмыкам получить реванш и вернуть себе территорию Алтын-хана, позднее известной как провинция Кобдо.²⁰

Даянидская монгольская империя или ее реставрация на ограниченной площади чингизханской империи, подобно ее предшественнице, разбилась среди семейных раздоров. В течение ста лет чагарские великие ханы пользовались не более чем чисто номинальной верховной властью над ханами Ордоса и также над четырьмя уцелевшими халка ханами. Восточные монголы, таким образом, возвратились в тоже самое дезорганизованное состояние, которое имело место до времен Даяна.

Переход восточных монголов в ламаизм

В это время восточные монголы падали в под влияние реформированного тибетского ламаизма Желтой Церкви. Будучи в это время шаманистами, или слегка увлеченные учениями старой тибетской Красной Церкви, монголы ушли от влияния буддизма, когда-то так сильно повлявшего на их предки в Китае во время периода династии Юан и их выталкивание из этой страны повлекло за собой некоторое интеллектуальное обеднение. Однако ламаистская Желтая Церковь,

установленная в Тибете в начале пятнадцатого века Цон-ха-па, теперь нацелилась на моральное завоевание этих народов, в которых он видела своих защитников.

Ордос установила пример переходом в ламаизм в 1566.²¹ Один из его вождей, джинонг Хутуктай Сечен хонгтаиджи,²² Знамени Ушина, привел с собой при возвращении из похода в Тибет большое количество лам, которые начали работу по обращению в новую веру. Хутуктай Сечен, в свою очередь, обратил в новую веру в 1576 сильного вождя тюмедов, своего двоюродного дядю Алтан-хана, который в это время находился в зените своей мощи.²³ Ордос и тюмеды затем решили церемониально восстановить среди монголов тибетский буддизм в виде Желтой Церкви. Несомненно, как увидим, прецедент их предка Кублая и ламы Фагс-па подвигнули их на проведение такой политики. Алтан-хан и Хутуктай Сечен даже пригласили из Тибета великого ламу бСод-намс ргия-мтсо, главу Желтой Церкви. Они приняли его с большой пышностью на берегах Коко Нора и вместе с ним держали диету, во время которой состоялась официальная инаугурация монгольской церкви (1577). Алтан-хан отозвался, что он является перевоплощением Кублая, в то время как бСод-намс ргия-мтсо есть перевоплощение Фагс-па. Алтан присвоил бСод-намс титул Далай Лама или Тале-Лама, который был рожден его наследниками с тех самых пор. Таким образом Желтая Церковь освятила чингизидскую реставрацию, достигнутую Даяном и Алтаном, в то время как, в свою очередь, возрожденные монголы поставили себя на службу этой церкви.

При отбытии в Тибет бСод-намс ргия-мтсо оставил «живую Будду», Донгкур Манжусри хутухту, который установил свою резиденцию около Алтана на Куку Хоту. После смерти Алтан-хана (1583) бСод-намс ргия-мтсо возвратился в 1585 к тюмедам для исполнения своей власти при его кремации.

Чагарский великий хан Тюмен Сасакту (1557-93), в свою очередь, был обращен в новую веру и он провозгласил новый монгольский закон, основанный на буддийских догматах. Его второй наследник, великий хан Легдан (1604-34) также строил храмы и имел буддийскую компиляцию Канжура, переведенного с тибетского на монгольский язык. Народ халка еще в 1558 начал переходить на эту

же веру и в 1602 другой «живой Будда», Маитрея хутухту, поселился среди них в регионе Урга, где его перевоплощения успешно происходили до 1920.²⁴

Алтан-хан и другие даяниды, бращенные вместе со своим народом в тибетский буддизм, верили, что они следовали по стопам Кублая. Однако, когда Кублай был новообращен, то монгольское завоевание Китая было почти завершено. И хотя Алтан-хан более чем один раз переходил через Великую Стену и сжег предместья Пекина, он не смог добиться большего и монгольское завоевание должно было быть начато с самого начала. Однако, господствующий ламаизм оказал сразу ослабительное влияние на восточных монголов. Ордос и тюмеды, чагар и халка, в особенности, первый, скоро потеряли свои мужские качества под благочестивым влиянием тибетской религиозности. Эта буддийская церковь, которая уже превратила жестоких тибетян периода Тан в мечтателей и работников чудес для Тсонг-ха-па, довела современных монголов даже до более низкого уровня, из-за отсутствия у них каких-либо философских качеств они из своей новой религии не извлекли ничего более, чем фанатизм и клерикализм. Они, которые в конце пятнадцатого века нацелились на повтор чингизханского эпоса, теперь внезапно остановились и погрузились в ханжескую инерцию с одной лишь единственной заботой по прокорму своих лам на жирных пастбищах. Их история, записанная ордосским принцем Санангом Сеченом, показывает, что они позабыли Завоевателя Мира и его славу и мечтали лишь о завоевании душ.²⁵

Достигнув такого уровня душевного прогресса и святости, восточные монголы созрели для того, чтобы стать жертвами калмыцкого или маньчжурского завоеваний. Как отметил Курант, вопрос состоял лишь в том, которое из них поработит их.

Завоевание Китая маньчжурами

Тунгусские люди, как мы видели, занимали огромную площадь в северо-восточной Азии: Маньчжурия (народы манчу, дагур, солон, манегир, бирар и золото), русская приморская провинция (орочы), восточный берег среднего Енисея и бассейн двух Тунгусок в Сибири (люди Енисея и Чапогира), регион Витима между Леной и Шилкой (орочоны) и земли около Охотского моря от Амура до

подступов Камчатки (киле, самагиры, олча, негда, лалегиры, инкагиры, ламуты, учуры и другие народы). В противоположность к тому, чему мы долго верили, эти народы не участвовали в древней истории Дальнего Востока со времен первой части средневековья до двенадцатого века, за исключением королевства Похай, основанного в конце седьмого века одним из его племен. Это государство продолжалось до 926 и включало всю Маньчжурию и самую северную часть Кореи. Даже тогда, организация Похая частично была обязана корейским эмигрантам, которые цивилизовали мал-кал тунгусов. Это государство со столицей в Ху-хан-чен, к югу от Нингуты (Нинган) на Гурка (Мутан), притоке Сунгари, представляло первого цивилизованного политического субъекта тунгусской нации. Как отмечалось выше, оно было разрушено в 926 хитанским завоевателем А-пао-ки, то есть, монгольскими людьми.

Первое появление в основной истории тунгусов связано с журчидами, журченами или жу-ченам, племенами своей расы, осевших в бассейне Уссури в горно-лесистом регионе, простиравшего по северо-востоку позднего Манчукуо и затем по русской приморской провинции. В первые годы двенадцатого века журчиды под энергичным вождем А-ку-та из клана Ван-ян (1113-23) завоевали земли Маньчжурии, Чагара и Северного Китая (1122), захватили у китайской империи династии Сун почти все китайские провинции к северу от Янцзы (1126) и основали первую тунгусскую империю: Кинскую или Золотую империю, столицей которой был Пекин и которая просуществовала с 1122 до своего окончательного разрушения чингизидскими монголами в 1234. Китайские записи отмечают отвагу, с которой последние журчиды отстаивали каждый шаг своей земли от Чингиз-хана и его сына Огодая и предотвращали свое поражение в течение приблизительно двадцати пяти лет; они также отмечают, что монгольские генералы часто восхищались их безнадежным героизмом и верностью.²⁶

После падения монгольской империи Китая в начале династии Мин журчиды или маньчжуры, как их скоро назовут, обитая между Сунгари и Японским морем, более или менее признавали китайское господство. Подобно своим предкам одиннадцатого века, они были группой лесных кланов, которые жили охотой и рыбной ловлей и были отрезаны от основного культурного потока.²⁷ В 1599

энергичный вождь Нурхатси или Нургачи (по-китайски, Ну-ул-ха-чи), начал объединять семерых журчидских *аяманов* или племен в единое ханство и в 1606 основал историческое государство манчжуров. Первой штаб-квартирой правящего клана было Одоли, у верховьев Гурки, притока Сунгари около позднего города Нингута; однако, даже до этого времени Нурчачи расположился намного южнее, в Чангчун, севернее Мукдена, где лежали могилы его предков четырех поколений. До того времени манчжурские племена использовали древнюю журчидскую письменность, который они переняли у кинон двенадцатого века и которая была выведена из китайских идеографов, однако, эти китайско-журчидские буквы не были адекватными для отражения тунгусских фонем и около 1599 манчжуры Нурчачи приняли, с некоторой модификацией, монгольский алфавит, происходящий из старо-уйгурской письменности.

Нурчачи скоро установил состояние упадничества, в которое впал Китай династии Мин во время правления императора Ван Ли (1573-1620) и в 1616 он сам провозгласил себя императором. В 1621-22 он захватил пограничный пост, называемый тогда как Шенян, сегодняшний Мукден, и здесь он в 1625 установил свою столицу. В 1622 он оккупировал Лиаоян. В 1624 он принял покорность монгольского племени хорчинов, которые кочевали к востоку от Хинганских гор и западнее сунгарийского рукава. Ко времени своей смерти (30 сентября 1626) он сделал Манчжурию крепким государством с хорошей военной организацией.

Абахай (1626-43), сын и наследник Нурчачи, продолжал работу своего отца. В то время как манчжуры создавали свое единство, монголы разрушали свое или то, что оставалось из него к тому времени. Хан чагаров, Легдан или Лингдан (1604-34), который носил титул великого хана всех восточных монголов, тщетно пытался поддерживать свое верховенство над племенами. Ордос и тюмеды восстали против его господства. Вождь Ордоса *Эринчин джинононг (jinong)* с помощью племен харача и абага нанес ему поражение (1627). Ордос и тюмеды, вместо того, чтобы подчиняться хану чагаров, вождю их расы, перенесли свою покорность к манчжурскому владыке Абахаю. Манчжуры атаковали Легдана и и вынудили его бежать в Тибет, где он умер в 1634. Чагары затем покорились, в свою очередь, к Абакаю, который позволил семье Легдана оставаться их вождями. Эрке-хонгор,

старший сын Легдана, признал себя вассалом Абакая в 1635. В том же году Абакай также принял визит покорности *джинонга* Эринчина, вождя Ордоса. В 1649 ордосы были реорганизованы под шестью знаменами (*гушу*), каждое под командой принца (*ясак*), который был потомком чингизидского *джинонга* Гюн Биликю Мергена.²⁸ Таким образом, вся Внутренняя Монголия нашла себя включенной в манчжурскую империю; с этого времени ханы чагаров, тюмедов и ордосов были связаны с манчжурской династией узами верности и феодальной клятвой верности, которые продолжались вплоть до падения династии в 1912.

Строго говоря, Китай династии Мин не уступил под атаками манчжуров; он совершил самоубийство. Император династии Мин Чун-чен (1628-44) был образованным ученым и не более. Ли Ци-чен, смелый авантюрист, сделался правителем Хунан и Шаньси (1640 и позднее) и, наконец, 3 апреля 1644 он завладел Пекином, в то время как незадачливый Чун-чен повесился, чтобы избежать попадания в его руки. Осталась одна армия китайской империи, а другая сражалась против манчжуров около Шанхайкуан. Командир этой армии Ван Сан-куэй, желая прежде всего наказать Ли Ци-чен, пришел к взаимопониманию с манчжурами и, при поддержке их войск, направился к Пекину. После победы на пороге Юнпин, он прогнал самозванца из столицы. Он затем поблагодарил своих манчжурских подразделений и вежливо попросил их уходить к себе. Однако, манчжуры, оказавшись в Пекине, вели себя как хозяева. Их хан Абахай умер 21 сентября 1643 и они провозгласили его шестилетнего сына Шуин-чи императором Китая. Ву Сан-куэй, простофиля и потерявший всякий интерес со стороны своих компаньонов, получил от них княжество в Шенси перед тем, как быть награжденным большим и более отдаленным наместничеством в Сычуане и Юннане. По случаю судьбы он был именно тем, кто отставил Ли Ци-чин, единственного военачальника, способного противостоять вторжению (1644).

Таким образом манчжуры сами себя установили в качестве хозяев Северного Китая, меньше завоеванием, чем хитростью. Им потребовалось гораздо больше времени для покорения Южного Китая; тем не менее, они не встретили ничего, что могло бы сравниться, с сопротивлением династии Сун против чингизидских монголов, которое продолжалось пол-века (1234-79). Прин династии

Мин провозгласил себя императором в Нанкине. Манчжуры взяли город и претендент на трон утопился (1645). Три другие принцы, Лу, Тан и Куэй попытались организовать сопротивление на далеком юге, первый - в Ханчоу в Чекиане, второй – в Фучоу в Фукиене и третий – в регионе Кантона. Однако, раздоры между ними помогли захватчикам. В 1646 манчжуры победили принцев Лу и Тан и затем покорили Чекиан и Фукиен. Принц Куэй, Ян-ли или Ян-мин, который имел резиденцию в Куэйлине в Куанси, и чье окружение состояло, в основном, из христиан, сражались лучше. Его генерал, также христианин, храбрый Чю Ши-су, отразил первую атаку манчжуров на Куэйлин (1647-48). Однако, манчжуры с помощью китайских сторонников стерли маленькую армию верноподанных и взяли Кантон, в то время как последние правители Мин бежали в Юннан (1651).

Теперь, будучи хозяевами всего Китая, манчжуры, подобно монголам до них, и даже более полно, адаптировались к китайскому окружению. Их вожди, Шуин-чи (1643-61), регенты, которые после смерти последнего правили от имени его младшего сына Кан-хси (1661-69), и прежде всех Кан-хси сам во время своего долголетнего правления (1669-1722) и затем сын Кан-хси, Ян-чен (1723-35), и сын Ян-чен, Чин-лун (1736-96), все действовали как Сыновья Небесной в соответствии с истинной китайской традицией. Несомненно, они были более способными посвящать себя к данной роли, чем Кублай и его внуки. Чингизидские императоры Китая в тринадцатом и четырнадцатом веках всегда оставались монгольскими великими ханами даже после того, как становились Сыновьями Небесной; приняв наследство девятнадцати китайских династий, они оставались наследниками Чингиз-хана и владыками других ханств Туркестана, Персии и России, где правили их двоюродные братья династий Ягатай, Гулюгу и Жучи. Манчжуры, с другой стороны, вдали от своей нищей родной Манчжурии, которая в те времена состояла из лесов и полянок, не имели никакого интереса, кроме китайской империи; это и является причиной того, что они стали гораздо более окитаизированными с намного меньшими ментальными остатками, чем династия Кублая. И, действительно, они никогда не были изгнаны из Китая, как это произошло с династией Кублая; они стали ассимилированными. Когда в 1912 китайский народ

сверг их династию, древние манчжурские завоеватели давно уже были абсорбированы, погружены в китайскую массу, несмотря на имперские декреты, предписывающие сохранить чистоту их расы; и это произошло не только на китайской земле, но также и на манчжурской, где тунгусские элементы были полностью ассимилированы или устранены поселенцами из Хопея или Шанси так, что этнографические карты показывают эту страну как полностью китайской. Тунгусские земли начинаются лишь на Амуре. В результате этого проникновения манчжурские леса, уничтоженные небесными иммигрантами, от Мукдена до Харбина и от Харбина до Хайлуна, уступили дорогу плантациям риса и сои.

Западные монголы в семнадцатом веке

Восточные монголы или, в особенности, монголы во Внутренней Монголии внесли вклад в триумф манчжурской династии, придя на помощь к ним в 1635, за девять лет до захвата Пекина. Впоследствии, когда манчжурское господство было консолидировано, некоторые монголы засомневались в своей правоте. В 1675 хан Чагара, Бурни, вождь старшей ветви кублайдов, попытался спровоцировать массовое восстание восточных монголов против императора Кан-хси, но было уже слишком поздно. Бурни был разгромлен и взят в плен имперскими войсками. Это был последним сдвигом во Внутренней Монголии и с этого времени на ее «знаменах» были лишь послушные вассалы.

Реальная угроза для манчжурско-китайской империи находилась в другом месте. Это были не восточные монголы, которые находились безнадёжном упадке и были слишком напуганы, а те, которые были на западе и пытались, пользуясь упадком, восстановить чингизханскую империю для себя.

Привлекает внимание важная роль, которую сыграли в пятнадцатом веке западные монголы, ойраты или конфедераты, как они себя называли или калмыки, как их называли тюрки.²⁹ После правления всей Монголией с 1434 по 1552, они были побеждены восточными монголами, а именно вождем тюмедов Алтан-ханом и были изгнаны обратно в регион Кобдо. Оттуда они были вытеснены Алтын-ханом, одним из принцев халка, на запад в Тарбагатай.

Более того, со времени смерти их хана Эссен-таджи около 1455 ойратский союз распался. Четыре конфедератных народа, которые так долго составляли ханство западной Монголии, теперь обрели независимость. Эти четыре народа, чью историю мы здесь проследим, были, по свидетельству императора Чин-лун, чорос и цорос; дёрбёт или турбет; торгут и хошот; плюс хоит, вассалы дёрбёта.³⁰ Чорос, дёрбёт, торгут и хошот, хотя и политически несвязанные, продолжали группироваться под основным названием «Четыре Конфедерата», *Дёрбен Ойрат*. Они также назывались как «народы левого крыла» или, буквально, «левой руки», *jägün-ghar* или джунгар, откуда и происходит название джунгары. Это название первоначально относили к четырем племенам, как свидетельствует Чин-лун, хотя оно затем оно было отнесено лишь к главенствующему племени чорос.³¹ Далее, известно, что принцы чорос, дёрбёт и хоит принадлежали к той же семье. Что касается торгутов (название происходит от монгольского слова *torghaq*, во множественном числе, *torgha'ut*, «караульный, часовой»), то они были обязаны быть подчиняться династии, которая даже сегодня хвастается своим происхождением из древних кераитских королей.³² Наконец, правящий дом хошота заявляла о своем происхождении от Касара, брата Чингиз-хана. Господствующее племя было племя чорос, известный также по названию олёт, откуда западные историки образовали название алеуты, термин, который по неправильной этимологии иногда уничижительно применяли по отношению ко всем четырем ойратам.³³

В этот период западные монголы проявляли не только политические беспокойства, но и также новую политическую активность. Около 1648 путем реформ Зая Пандиты они улучшили древний уйгуро-монгольский алфавит, введя посредством диакритических знаков семь новых букв, способствующих передаче монгольских звуков.³⁴

Движение народов среди западных монголов:

переселение калмыков

В начале семнадцатого века давление, оказанное на халка Алтын-ханом на четыре ойратских племена, вытесняя одно племя на земли другого племени,

привело к исходу от этих земель народов. Алтын-хан, изгоняя чорос в регион верхнего Енисея, вынудил, в свою очередь, торгутов идти дальше далеко на запад. Это был тогда торгутский вождь Ху Урлук, покидая Джунгарию (1616), взял путь на запад через киргиз-казахские степи, к северу от Аральского и Каспийского морей. Киргиз-казахи Малой Орды попытались остановить его на западе от Эмбы, а ногайская орда - около Астрахани. Однако, он побил их обоих. В северном направлении его сфера влияния простиралась до верхнего Тобола и он отдал свою дочь замуж за Ишим-хана, сына Кучума, последнего шайбанидского хана Сибири (1620). На юге в 1603 его банды грабили ханство Хивы во время вторжений, которые возобновились во время правления Араб Мухаммада I (1602-23) и Исфандияра (1623-43), ханов Хивы. На юго-западе с 1632 торгутский хан начал поселяться на нижней Волге. В 1639 Ху Урлук покориł туркменов в гористом полуострове Мангышлак, на востоке Каспийского моря; этот регион даже впоследствии оставался принадлежностью его дома. В 1643 он передвинул лагерь своих людей, около 50 000 палаток, в соседний от Астрахани регион, однако, был убит в стычке с местными жителями.³⁵

Несмотря на это несчастье, торгуты продолжали оккупировать степи к северу от Каспийского моря, от устья Волги до полуострова Мангышлак, откуда они отправлялись грабить города ханства Хивы: Хезарсп, Катс и Ургенч. Во время правления хана Пунтсук-Мончака (1667-70), внука Урлука, торгуты переселили трех туркменских племени из Мангышлака на Кавказ.³⁶ С другой стороны, торгуты были в состоянии добиться дружбы у России и несколько раз признавали ее господство (1656, 1662). Их хан Аюка (1670-1724), сын Пунтсука, укрепил эту политику. 26 февраля 1673 он дождался прибытия московского губернатора из Астрахани для своего признания подданным царя и оказал ему великолепный прием. Торгуты были буддистами и русская политика была направлена на их использование против мусульманского ханства Крыма и против башкиров Урала и ногаев Кубани, которые также были мусульманами. Говоря более широко, так оно и случилось. Тем не менее, имели место некоторые распри между русскими и калмыками, когда в 1682, когда Аюка, оскорбленный требованием отдать им заложников, восстал и отправился на грабительский поход в Казань, после чего он

вновь зачислил себя в подданные царя. В 1693 он вел успешную кампанию против башкиров по просьбе русских и затем – против ногаев. В 1772 Петр Великий в признание его услуг, принял его с большим почетом в Саратове.³⁷

В целом торгутское ханство преуспевало под русским протекторатом. Оно простиралось от реки Урал до Дона и от Царицына до Кавказа, когда в 1770 неуклюжесть некоторых русских агентов вынудила хана Убаша увести свою орду в Центральную Азию. Торгутский великий лама зафиксировал этот уход 5 января 1771. Более чем 70 000 семей были вовлечены в этот исход. Торгутский народ перешел Уральские горы и после бесчисленных невзгод и опасностей прибыл в Тургай. Они здесь были измотаны киргиз-казахами Малой Орды под Аблаем. Прибыв, наконец, к озеру Балхаш, неудачливые эмигранты были подвергнуты к дальнейшим атакам, на этот раз кара-киргизами или бурятскими людьми. Спасшимся, наконец, удалось достичь бассейна Или, где они были накормлены и заселены китайскими властями.³⁸

Хошотское ханство Цайдама и Коко Нор, защита тибетской церкви

В то время как торгуты отправились создавать для себя империю в Аральско-Каспийских степях, другой ойратский или калмыцкий народ обратил свои взоры на Тибет.

В первой четверти семнадцатого века в результате давления со стороны халка, которое отбросило дёрбен ойратов на запад, хошоты располагались около озера Зайсан и реки Иртыш, что сегодня представляет собой регион Семипалатинска, до Ямищевска или Песчаная. Около 1620 их вождь Бойбегус Баатур принял ламаизм тибетской желтой церкви. Его религиозное рвение было таким сильным, что по его инициативе три других калмыцких принцев, Хара Кула, вождь чорос, Далай таджи, вождь дёрбётов и Ху Урлук, вождь торгутов, все отправили своих сыновей в Тибет изучать ламаизм. Бойбегус был унаследован двумя сыновьями, Учирту-сечен, который правил над зайсанскими землями, и Аблай-таджи, который правил над иртышскими землями около Семипалатинска.

Не менее ревностный ламаист, чем его отец, он основал ламаистский монастырь на западе от Иртыша между Семипалатинском и Тарой.

В 1636 брат Бойбегуса, Гуши хан, отправился на поиски счастья около Коко Нора и создал владение вокруг этого озера и Цайдама. Он увеличил свои владения в Хамдо или в восточном Тибете, которого он покорил как светской властью, так и духовной властью желтой церкви. Гуши хан, подобно всем хошотским принцам, был преданным ламаистом. В это время желтой церкви угрожала смертельная опасность. Тибетский принц, *де-сирд* из гЦана, покровитель старой красной религии, захватил Лхассу (между 1630 и 1636). Глава желтой церкви, Далай Лама Наг-дбанг бЛо-бзанг, обратился за помощью к Гуши хану, который сразу пришел на защиту желтой церкви, образовав «святую лигу». К ней присоединились все другие калмыцкие принцы: его племянники Учирту-сечен и Аблай-таджи из Зайсана и Семипалатинска; Баатур-хонгтаджи, вождь чороса, который правил над Урунгу, Черным Иртышом и Имилем в Тарбагатае; и даже Ху Урлук, торгутский вождь, занятый тогда завоеванием степей к северу от Аральского и Каспийского морей. Однако, именно Гуши хан был тем, кто вел Священную Войну. При своем первом походе (прибл. 1639?) он вступил в Тибет и нанес поражение врагам Далай Ламы, сторонникам красного духовенства или сектантам древнего *бон-по* колдовства. Во время второго похода он захватил и арестовал *де-сирд* из гЦанга (прибл. 1642?), оккупировал Лхассу и провозгласил Далай Ламу Наг-дбанг бЛо-бзанг властелином центрального Тибета (Дбус и Цанг). В знак светской власти, врученной ему хошотским принцем, бЛо-бзанг построил для себя резиденцию на участке дворца прежних королей Тибета, Потала Лхассы (1643-45). В ответ, Гуши хан, будучи уже правителем Коко Нора, Цайдама и северного Тибета, был признан первосвященником, находящимся в Лхассе, как покровитель и светский наместник желтой церкви. До своей смерти в 1656 он действительно назывался двором Пекина «ханом тибетян».³⁹

Хошотское владение Коко Нор и Цайдам, с тибетским протекторатом, после смерти Гуши хана перешло к его сыну Даян хану (1656-70) и затем его внуку Далай хану (1670-1700). Сын Далай хана, Латсанг хан (1700-1717), также проявил себя как ревностный покровитель желтой церкви; он принял эти функции весьма

серьезно и созвал советы для выборов «живых Будд». Таким образом он вмешивался в дела Тибета в противовес к всесильному министру Сангс-ргияс ргия-мсхо, который правил от имени малолетнего Далай Ламы, в качестве главы желтой церкви. В 1705-6 Латсанг хан вступил в Лхассу, казнил опасного министра, низложил ошибочно избранного малолетнего Далай Ламу и поставил на его место аутентичную личность (1708-10). От Гуши хана до Латсанг хана хошотские правители Коко Нора и Цайдама находились с тибетской священной церковью в отношениях, аналогичные отношениям Пепина и Карла Великого с римской церковью.

Однако это возвышенное положение, важное из-за влияния желтой церкви на политику Центральной Азии и Дальнего Востока, вызывало ревность. Другое калмыцкое племя, а именно, чорос, которое стало весьма важным в Джунгарии, поставило себе целью занять это ключевое положение. В июне 1717 вождь чорос Церенг Дондуб направился в Тибет. В течение трех месяцев Латсанг хан сдерживал чорос на севере Тенгри Нор (Нам Цо); затем, не смог противостоять превосходящим силам противника и вынужден был отступить к Лхассе. Отсюда он был вытеснен Церенг Дондубом, который 2 декабря завладел городом. Латсанг, который защищал Потала до конца, был убит при попытке бегства.⁴⁰ Таким образом пришел конец хошотскому протекторату Тибет; тем не менее, хошотский народ, приведенный сюда с Иртыша Гуши ханом, все еще составлял основную массу населения цайдамского региона и три других групп этого же народа уцелили на западе и востоке от Коко Нора и также в области Лутсанг и Лакиаших (Ару-рарджа) в Сокпа, к юго-востоку от озера.

Те хошоты, которые остались на Иртыше около озера Зайсан под командой двух братьев Учирту-сечен и Аблай, пострадали от раздора между двумя вождями. Аблай, побежденный, эмигрировал и воевал с торгутами за владение степями между Уралом и Волгой, захватив в плен их вождя Пунтсук-Мончака (прибл. 1670). Однако, торгуты не стали терять время для отомщения и взяли в плен Аблая, рассеяв его орду. Учирту-сечен, который остался на озере Зайсан, был атакован и убит в 1677 чоросским вождем Галданом, который покорила часть его людей, в то

время как остальная часть отправилась на воссоединение с народом хошот, который осел в Цайдаме и Коко Норе.⁴¹

Джунгарское царство под династией Чороса: правление Баатур-хонгтаджи

Подобно торгуту и хошоту, ойратские племена или калмыки или джунгарские племена, три названия одной и той же группы, а именно, чорос и дёрбёт, были вытеснены с северо-западной Монголии и отброшены дальше на запад народом халка. Около 1620 после жестокой битвы с халкским Алтын-ханом в регионе Убса Нор в провинции Кобдо чорос был вынужен рассеяться. Некоторые из них бежали с частью дёрбёт в северном направлении в Сибирь, в гористый регион Черного Иртыша, Урунгу, Имил и Или, вокруг Тарбагатай. Источник силы для чорос, сила, которая дала им возможность приобрести господство на другим ойратами, заключался в их контакте с родной Монголией, в то время как торгуты эмигрировали на север Каспийского моря и хошоты переместились в Коко Нор. Ханы чорос с их дёрбёт и хоит вассалами были таким образом в состоянии перестроить ойратов или, как они будут в дальнейшем называться, создать джунгарскую нацию. Название джунгар будет означать чорос и их конфедератов, дёрбёт и хоит, которые должны были подчиняться ханам чорос.⁴²

Первым чоросским вождем, который остановил таким образом распад своего народа и заселил их в Тарбагатае перед тем, как направиться на завоевание Монголии, был Хара Кула, чья смерть, согласно Бартольд, случилась в 1634.⁴³ Его сын Баатур-хонгтаджи (1634-53) и продолжил его работу.⁴⁴ Желая поселить джунгаров в Тарбагатае, он построил столицу из камня в Кубак-сарай на Имиле, около современного Чугчака. «Иногда в его столице», пишет Курант, «и иногда в его лагерях на Или или в регионе Кобдо, он получал удовольствие, принимая с достоинством и блеском послов зарубежных принцев и воевод Сибири; кочевой воин преобразовался в законотворческого, сельскохозяйственного и торгового принца».⁴⁵

Баатур-хонгтаджи вел победоносные походы против киргиз-казахов Великой Орды, чья кочевая территория простиралась от города Туркестан на

западе до Или на востоке. Во время первой кампании против их хана Ишима в 1635 он взял в плен Ягангира, сына этого хана. Пленник, однако, сбежал. В 1643 Баатур еще раз атаковал Ягангира, который стал уже султаном и с помощью хошотских вождей Учирту и Аблая он опять его победил. Так, киргизы, те кочевые тюрки, которые были такими поверхностными мусульманами и перед которыми дрожали оседлые народы Бухары, теперь сами были подвергнуты нападению другими и даже более подвижными ордами, которые были монгольской расы и буддийской веры. Баатур-хонгтаджи был искренним буддистом; уже было отмечено, как около 1638 он помог Гуши хану, королю хошотов Цайдама и Коко Нора в Священной Войне, освободившей тибетскую желтую церковь от ее угнетателей.⁴⁶

Правление Галдана (1676-97): основание джунгарской империи

После смерти Баатур-хонгтаджи в 1653, согласно Поздневу, джунгарский трон был занят одним из его сыновей по имени Сежже (прибл. 1653-1671). Сежже был убит около 1671 двумя его братьями, Сечен-ханом и Цотба Баатуром. Четвертый сын Баатур-хонгтаджи, Галдан, который родился в 1645, был отправлен к Далай Ламе в Лхассе, где он получил монашеский обет. Около 1676 он возвратился из Лхассы, получив духовное освобождение от Далай Ламы, убил своего брата Сечен-хана, выслал из страны другого брата, Цотба Баатура и получил признание в качестве хана чороса и властелина других джунгарских племен.⁴⁷

Своей победой Галдан был обязан поддержке хана хошотов озера Зайсан, Учирту-сечена. Тем не менее, в 1677 он не стал колебаться повернуться против него; он разгромил его, убил, аннексировал его земли и некоторых из его орды и остальных отогнал к Кансу.⁴⁸

После этого мятежа Галдан стал хозяином сильного джунгарского владения, простирающегося от Или до юга Кобдо, а владение, в котором дёрбёт, остатки хошота и хоиты, короче, все ойратские племена, которые не эмигрировали, приняли покорность к правящему дому чорос. Таким же образом Чингиз-хан объединил всех монголов тринадцатого века под кланом Борчигин. Теперь Галдан,

также заимев у себя надежных вассалов вокруг своего наследственного владения Тарбагатай, отправился на завоевание Центральной Азии.

Сперва он начал с Кашгарии. В этом древнем чингизидском ханстве религиозные ходжа семьи сильно уменьшили власть ягатайских ханов и лукаво подменили ее или наложили на нее вид мусульманского клерикализма или исламской теократии. Две семей ходж, Актаглик и Каратаглик, таким образом зацепились за власть, первый - в Кашгаре, а второй – в Ярканде. Около 1677 последний хан Исмаил ответил на это принуждением вождя Акталика, Хазрат Апака, бежать в Кашгар.⁴⁹ Хазрат Апак нашел убежище в Тибете, где он умолял о помощи у Далай Ламы. Такой демарш может показаться странным, если принять во внимание, какой разрыв имеется между буддийской и мусульманскими теократиями. Однако, в сфере политики две формы клерикализма действовали как одно целое, несмотря на различные религиозные догматы. «Папа буддизма», который все еще помнил о своем бывшем «алтарном мальчике» Галдане, послушном его словам, попросил его восстановить представителя пророка Мухаммада у власти в Кашгаре. Галдан послушался к этому призыву более чем ревностно, он стал защитником и ламаизма, и ислама вдобавок к тому, что его действия дали ему возможность установить джунгарский протекторат над Кашгарией.

Так оно и вышло. Галдан не встретил особых трудностей в оккупации Кашгарии. Он взял в плен хана Исмаила и отправил его в рабство в Кулджа на Или (1678-80). Не довольствуясь одним лишь восстановлением ходжи Хазрат Апака в качестве наместника, он отдал ему также и Яраканд за счет другой ходжа семьи - соперника каратагликов. Таким образом Кашгария стала джунгарским протекторатом, в котором ходжа были не более чем префектами хана чорос. Это стало ясно, когда после смерти Хазрат Апака возобновились старые раздоры между актагликами и каратагликами. Джунгары достигли основного соглашения, взяв в плен вождей обоих кланов, Ахмед-ходжа агаталиков и Даниял-ходжа каратагликов. Даниял был назначен наместником Кашгарии (1720) с резиденцией в Ярканде, но с условием, которое обязало его демонстрировать смиренный акт вассальства перед

джунгарским хонгтаджи в Кулдже. Также джунгарские владыки присвоили к себе большие владения в Кашгарии.

После завоевания Кашгарии и, по-видимому, после 1681, Галдан овладел Турфаном и Хами, где до этого времени, несомненно, проживала восточная ветвь ягатайцев.

Галдан теперь нацелился на возобновление чингизханского эпоса. Он призвал всех монголов к объединению для захвата империи Дальнего Востока у манчжуров, у выскочек, журчидских предков которых когда-то победил Чингизхан. «Должны ли мы стать рабами тех, которые были под нашим правлением? Империя является наследством наших предков!». ⁵⁰

Для того, чтобы объединить монгольский народ Галдан теперь должен был втянуть под свое вассальство четырех халка ханов. В этом ему помогли их ссоры, в особенности, соперничество между Дзасагту-ханом и Тушету-ханом. Он взял сторону первого против последнего и скоро заимел законную причину для вмешательства. Войска Цагун Дорджи, Тушету-хана, под командованием его брата *chept-sun dampa* завоевали Шара, утопили Дзасагту-хана при попытке бежать; он вторглись на земли джунгаров и убили одного из братьев Галдана. ⁵¹

Галдан среагировал быстро. В начале 1688 он, в свою очередь, вторгся на земли Тушету-хана, уничтожил его армию на Темире, притоке Орхона и разрешил своим людям грабить чингизидских храмов Эрдени Дзу в Карокоруме: отличный знак того, что джунгары вытесняют восточных монголов в качестве вождей монгольских народов. Убегая от Галдана, Тушету-хан и другие халка ханы (включая Цеван Шаба, брата и наследника последнего Дзасагту-хана, который был убит Тушету) нашли убежище около Куку Хоту, в тюмедской стране на северо-восточной границе Шаньси, которая находилась под защитой китайской империи и молили помощи у манчжурского императора Кан-си. Покорив земли Орхон и Тула, Галдан направился в долину Керулена до ближних подступов к Манчжурии (весна 1690). Все халка земли были завоеваны джунгарским народом, чья империя с того времени простиралась от Или до Бор Нора. Галдан даже рискнул вступить во Внутреннюю Монголию вдоль дороги Урга-Калган.

Император Кан-си не мог позволить создание новой монгольской империи на подступах к Китаю. Он отправился против Галдана и остановил его «на Улан-путун между Калганом и Ургой, в 240 милях от Пекина».⁵² Артиллерия производства иезуитов для Кан-си, приводившая в замешательство Галдана, оказалась слишком много для него и новый Чингиз-хан, ушел с земель халка (конец 1690). В мае 1691 Кан-си созвал собрание в Долонноре, на котором основные халка вожди во главе с Тушету-ханом и Сечен-ханом признали себя вассалами китайско-манчжурской империи и согласились платить дань, в ответ чего они должны были получить пособия из имперской казны. Затем они признали себя связанными к империи связями личной верности, которая время от времени подкреплялась семейными союзами. Следует здесь также напомнить, что хотя эта система была базировалась на китайском административном опыте в делах с «варварами», при закреплении монгольских ханов к манчжурскому великому хану она была, по-существу, основана на формуле «кочевник к кочевнику». Так, когда в 1912 пала манчжурская династия и установлена Китайская республика, монгольские принцы, считая себя освобожденными от своих клятв верности, объявили свою независимость.

В 1695 вновь разразилась война между Галданом и империей. Вновь Галдан пересек халкские земли и проник до долины Керулен, намереваясь соединиться с Хорчином с реки Нонни, которого он надеялся увести из-под контроля империи. Однако, Хорчин предупредил двор Пекина об этих интригах и весной 1696 император Кан-си отправился в поход против Галдана со всеми своими силами и от Калгана поскакал прямо на Керулен, пойдя против ее течения в преследовании врага.⁵³ Джунгар-хан попытался ускользнуть от него, однако главный офицер Кан-си, Фей-ян-ку, который командовал авангардом, достал его на Туле и, еще раз благодаря использованию артиллерии и мушкетов, разгромил его на Чао-модо, к югу от Урги 12 июня 1696. Была убита жена Галдана и его свита была схвачена в плен, а его стада остались в руках имперских войск. Потеряв половину своих сил, руководитель джунгаров бежал на запад, в то время как Кан-си с триумфом возвратился в Пекин. Народ халка, спасенный имперской победой, вновь возвратились на свои земли. Следующим летом Кан-си приготовился к походу

вновь, чтобы отбросить джунгаров назад в Тарбагатай, однако, поход не состоялся, когда он узнал об смерти Галдана, последовавшей 3 мая 1697 после кратковременной болезни.⁵⁴

Основная выгода от этой победы манчжурского Китая заключалась в установлении перманентного протектората над халка. Четыре халка ханов, которых Кан-си спас от джунграского господства, не могли отказать не в чем не могли отказать ему. Имперские резиденты взяли вожжи свои руки и имперский гарнизон был установлен в Урге, в центре их земель. Кроме этого, Кан-си, который оставался в настоящем манчжуром по своим взглядам и понимал психологию кочевника, был осторожным, чтобы не осложнять дело с национальной организацией восточных монголов. Он уважал «старое клановое, военное и административное разделение страны на *цугланы* (конференции или лиги), *аймаки* (племена или армейские подразделения), *косигуны* или *кошуны* («знамена») и *сумуны* (стрелы, т.е. эскадроны).⁵⁵

То же самое произошло среди народа Ордос. Отец Мостаерт замечает: «Различные племена были организованы в знамена (по-монгольски, *косигун*; по-ордосски, *гушу*), по образцу манчжурских знамен и, хотя большое количество их продолжало управляться принцами старых правящих семей, некоторые, как чагар и тюмед из Куэйвачен, потеряли этих вождей и перешли под управление манчжурских чиновников.

... Люди, принадлежащие к одному знамени, были распределены среди определенного числа *суму* и они, в свою очередь, среди различных *кария*. *Суму* были под командой джангинов и *кария* – под *джаланов*. Такая система привела к ослаблению уз, объединяющих знатных людей (*таяиджи*) и их подчиненных (*албату*), и к сужению разрыва, который когда-то разделял этих самых знатных от простых людей (*карачу*)».⁵⁶

С точки зрения территории, Кан-си получил контроль над начальной точкой восточно-туркестанского караванного пути, побуждением мусульманского принца Хами, Абд-Аллах Тархан-бека, признать его владычество.

Джунгарская империя под Цеван Рабданом (1697-1727)

Император Кан-си, довольный установлением протектората над халка и успокоенный смертью Галдана, не предпринял попытки покорить джунгарскую страну Тарбагатай. Он позволил племяннику Галдана Цеван Рабдану, сыну Сендже, взойти на трон чорос. Более того, Цеван Рабдан, которого однажды Галдан попытался убить, в конце концов восстал против своего дяди; следовательно, двор Пекина верил, что джунгарские племена теперь управляются союзником Китая. На самом деле, как Курант ясно показывает, Цеван Рабдан нуждался в консолидации своего положения в Тарбагатае и на Или перед тем, как принять анти-китайскую политику. Регион Или представлял частный интерес для нового хана; он, кажется, выбрал в качестве своей столицы Кулджа и оставил город Имил для своему брату Церен Дондубу.⁵⁷

В регионе Или джунгарская гегемония сталкивалась с киргиз-казахами, мусульманскими кочевниками, которые господствовали на землях от озера Балхаш до реки Урал. Их три орды, некрепко связанные между собой, все еще подчинялись одному и тому же хану, Тяавка (ум. 1718), который известен, как говорит Бартолд, как закондатель для своего народа и под которым эти вечные кочевники приобрели малую степень организованности и стабильности. Поэтому в 1597-98, при правлении их хана Таваккул, киргиз-казахи овладели городами Туркестан и Ташкент, отобрав их у узбеков или шайбанидского ханства Бухара. Через сто лет, Тяавка принимал посольства из России (1694) и калмыков (1698) в Туркестане.⁵⁸ Будучи в силе своего положения и способный воспользоваться беспорядками среди джунгаров из-за их конфликта с Китаем, Тяавка не стал колебаться с казнью большого числа джунгарских послов вместе с их пятистами сопровождающих при весьма отвратительных обстоятельствах.⁵⁹

Эта бойня всего посольства в конце семнадцатого века, на краю степи между Или и Сыр-Дарьей, была, по-видимому, еще одной битвой между кочевыми ордами; тем не менее, на ее основе лежал древний этнический и религиозный конфликт. Речь шла о том, кому должна была принадлежать империя степей, тюркам или монголам, мусульманам или буддистам? Именно последние и были теми, кто одержал верх. Цеван Рабдан напал на Тяавка и разгромил его (1698).

Булат или Пулад хан, вождь Средней Орды, который наследовал Тяавка в 1718, был менее везуч. Джунгары захватили у киргиз-казахов города Сайрам, Ташкент и Туркестан (1723). Три орды, подорванные поражением, отделились. Некоторые вожди Великой и Средней Орд признали владычество Цеван Рабдана; так поступили кара-киргизы или буруты Иссык-куля и Цеван Рабдан установил джунгарское господство над ходжами Кашгара и Ярканда также, как это сделал его предшественник Галдан. На севере его брат Церен Дондуб, чье собственное владение находилось на озере Зайсан и Имиле, пошел войной против русских и на время вынудил их оставить сильную крепость Ямищевск на Енисее (1716). Весной 1720 русская карательная экспедиция столкнулась с сыном Цеван Рабдана, Галдан Цереном, около Зайсана; Галдан Церен с 20 000 джунгарскими воинами смогли остановить русских, несмотря на неравенство в вооружениях: луки против стрелкового оружия. Бассейн Зайсан оставался в джунгарском владении. Русско-джунгарская граница в конечном счете была установлена в крепости Усть-Каменогорск, основанной русскими в 1720, на Енисее на 50-ой параллели.⁶⁰

Цеван Рабдан не стал дожидаться консолидации своей империи на западе перед принятием политики своего дяди Галдана против манчжурского Китая на востоке. Поводом послужило политико-религиозное восстание в тибетской церкви. Со времени смерти Далай Ламы Наг-дбанг блон-бзанг между 1680 и 1682 ламаистская церковь правил, как ему нравилось, чиновник низкого ранга *де-срид* Сангс-ргаяс ргия-мшо от имени покойного, но все еще официально живого ламы, затем (1697) от имени маленького мальчика, которого он назначил в качестве новой Далай Ламы. Сангс-ргаяс был на стороне джунгарской партии против Китая. Император Кан-си подстрекал против него хошотского хана Коко Нора, Латсан хана, который в 1705-6 вступил в Лхассу, казнил Сангс-ргаяс и низложил молодого Далай Ламу.⁶¹ После некоторых сложных интриг Латсан хан и Кан-си добились номинации нового Далай Ламы (1708-10).

Цеван Рабдан недоброжелательно наблюдал эти изменения. Моральное влияние тибетской церкви в Монголии было слишком сильным, чтобы ее поставить на службу Китаю. Около июня 1717 он отправил в Тибет армию под командованием своего брата Церен Дондуба. Из Хотана беспрецедентным смелым

проходом через Кунлунскую горную цепь и высокие плато пустынь, Церен Дондуб напрямую достиг округа Нагчу, где хошотский хан Латсан, представитель прокитайской партии, предавался охотничьим утехам. Будучи взятым врасплох, Латсан был в состоянии задержать врага на ущелье между Нагчу и Тенгри Нор, несомненно, на перевале Шан-шун-ла, до октября, когда он был вынужден отступить в Лхассы мимо рядов армии Церен Дондуба. 2 декабря 1717 ворота Лхассы были предательски открыты Церен Дондубу и в течение трех дней джунгарские войска истребляли сторонников, как реальных, так и подразумеваемых, прокитайской партии. Латсан хан, который попытался защитить Поталу, был убит при попытке бегства. Сама Потала, святее всех святынь, была подвергнута открытому ограблению. Курант удивлен тем, что джунгары, набожные ламаисты, грабили святой город своей религии для того, чтобы украсить ламаистские храмы Кулджа своими трофеями; однако, не было ли это тем же, что творили венецианцы средневекового христианства в Александрии и Константинополе? не шли ли «войны за реликвии» с самого начала буддизма?

Между тем, император Кан-си не был склонен оставить Тибет во владении джунгаров или терпеть джунгарскую империю, которая простиралась от озера Зайсан и Ташкента до Лхассы. В 1718 он приказал наместнику Сычуан вновь

направиться против Тибета; однако, при прибытии в Нагчу этот чиновник был отброшен оттуда и убит джунгарскими силами. В 1720 две китайские армии проникли в Тибет, одна из Сычуан, другая из Цайдама. Вторая армия разбила джунгарских сил, вызвавших ненависть тибетского населения и вынужденных теперь (осень 1720) освободить поспешно Тибет. Церен Дондуб привел домой в Джунгарию лишь менее чем половину своей армии. Прокитайский Далай Лама был поставлен на трон и к нему прикрепили двух китайских высших чиновников для направления политики желтой церкви.⁶²

Цеван Рабдан был не более удачлив на Гоби; и его войска не были в состоянии захватить Хами у китайского гарнизона (1715). Имперские войска, перейдя в наступление, оккупировали Баркол в 1716. Затем, обе армии двигаясь против Цеван Рабдана двумя колоннами, одна из Баркола, а другая действуя

далее на севере, заняли Турфан и в конце 1720 направились для разгрома джунгаров в Урумчи. Интересно отметить, что их операции были облегчены восстанием мусульман Турфана против джунгарского господства.⁶³

Возможно, что император Кан-си, имевший вкус к завоеваниям, сам принял бы участие в захвате Джунгарии; однако, его смерть в декабре 1722 и восшествие на трон его сына, невоинственного Юн-чен, послужили причиной заключения мира с Цеван Рабданом в 1724. Этот мир, однако, был не более чем перемирие. Цеван Рабдан возобновил свое наступление, оккупировав Турфан (мусульманское население бежало к Тунхван на китайской территории),⁶⁴ однако, в конце 1727 он умер.

Правление Галдана Церена (1727-45)

Цеван Рабдана на троне сменил его сын Галдан Церен. С самого начала своего правления новый джунгарский король демонстрировал свою враждебность к Китаю, что император Юн-чен в 1731 начал войну против него. С Баркола китайская армия прошла на Урумчи и затем рассеяла войсковые сосредоточения противника, но там не осталась.⁶⁵ На севере другая армия дошла до Кобдо и даже прошла дальше в центр джунгарской страны,⁶⁶ однако, через два месяца она была разгромлена и почти стерта с лица земли. Император Юн-чен, разочарованный, приказал отступить не только от Кобдо, но также и от Турфана.

Галдан Церен пытался воспользоваться китайским поражением отправкой своего дяди Церена Дондуба для вторжения в страну халка. Из освобожденного Кобдо Церен Дондуб наступал на Керулен,⁶⁷ но народ халка оказывал сопротивление, укрепляя пункты слияния рек Байдарик, Тулы и Онгкин, в результате чего, как повествует *Tung hua lu*, джунгары не были в состоянии оставаться там после 1731. Весной 1732 джунгарские группы, которые отправились из Урумчи для вытеснения имперского гарнизона из Хами, не смогли одержать победу. В конце лета маленькая джунгарская армия, которая совершала вторжение на земли халка, была застигнута врасплох и частично истреблена одним из халка принцев около Каракорума.⁶⁸ В свою очередь, имперские войска перешли в

наступление. В 1733-34 они захватили Улиассутай в центре Хангая и затем прошли до Черного Иртыша. Даже Кобдо было занято вновь.⁶⁹

В 1735, несмотря на эти успехи, и, все еще занимая, возможно временно, Улиассутай и Кобдо, император Юн-чен предложил Галдану Церену заключить пакт о мире, согласно которого Китай удерживал земли к востоку от хангайских гор (страна халка), в то время как джунгары должны были иметь территории к западу и к юго-западу от этих гор (Джунгария и Кашгария). Было достигнуто молчаливое перемирие на этой основе, которое в 1740, после смерти Юн-чен (1735), было ратифицировано его сыном и наследником Чин-лун. Мир поддерживался до смерти джунгарского хана Галдана Церена, последовавшей в конце 1745.⁷⁰

Даваджи и Амурсана: Аннексия Джунгарии Маньчжурской империей

За смертью Галдана Церена в джунгарской империи последовал период бедствий. Его сын Цеван Дорджи Намгиял (прибл. 1745-58), кутила и жестокий молодой человек, был ослеплен и заключен знатью в тюрьму в Аксу. Новый хан, лама Дарджа (1750-53), не смог добиться повиновения своих подданных. Дёрбётские, хошотские и хоитские племена, которые в течение века были вассалами хонгтаиджи чоросов, угрожали отделиться. Единство было разрушено и вместе с ним и джунагарское государство. Наконец, в 1753 энергичный вождь по имени Даваджи или Таваджи, внук Церена Дондуба, при поддержке хоитского принца Амурсана, зятя Галдана Церена, направился в Кулджа и убил Дарджу.⁷¹ Даваджи, объявленный ханом (1753-55), теперь должен был бороться со своим прежним союзником Амурсана, который, устроившись на Или, вел себя как независимый принц. Даваджи победил его и прогнал из страны.

Вместе с большим количеством хоитских, дёрбётских и хошотских вождей Амурсана нашел убежище в Китае, где он предложил свои услуги императору Чин-лун (1754). Чин-лун дал ему торжественную аудиенцию в Джехоле, взял его под свое покровительство и весной 1755 отправил назад в Джунгарию с китайской армией под командованием маньчжурского маршала Пан-ти. Пан-ти вступил в Кулджу без боя. Даваджи бежал, однако скоро был найден на Аксу и отдан

китайцам, которые отправили его в Пекин. Там император Чин-лун обходился с ним весьма любезно и он умер своей смертью в 1759.⁷²

Между тем маршал Пан-ти, расположившись в Кулджа в качестве уполномоченного генерала, проталкивал объявление о политическом роспуске джунгарского народа и номинировании индивидуальных ханов для каждого из племен чорос, дёрбёт, хошот и хоит. Амурсана, который надеялся получить по меньшей мере часть наследства Даваджи, был горько разочарован. Чтобы подавить его гнев Пан-ти вынудил его отправиться в Пекин. По пути туда, однако, Амурсана сбежал, возвратился в Кулджа и поднял джунгарский народ на восстание против китайского господства. Пан-ти, который поспешно уменьшил свою военную силу, обнаружил себя безнадежным спастись в такой ситуации и кончил жизнь самоубийством (конец лета и начало осени 1755).⁷³

Энергичный манчжурский маршал по имени Чао Хуэй исправил ситуацию. Осажденный в Урумчи зимой 1756, он держался до прибытия подкреплений из Баркола. Весной 1757 он перешел в наступление и дошел до Имиля в Тарбагатае, в то время как другая китайская колонна была отправлена для перезахвата Кулджи. Амурсана, погоняемый со всех сторон, нашел убежище у русских в Сибири (лето 1757).⁷⁴

Это было концом джунгарской независимости. Джунгария, в широком смысле, округ Кобдо, Тарбагатай и Или, т.е. провинция Кулджа, были аннексированы непосредственно китайской империей. Даже изменилось население. Джунгарский народ в виде чоросских и хоитских элементов (дёрбёт пострадал меньше в этом кошмаре), почти были истреблены. Китайцы заселили в стране иммигрантов отовсюду: киргиз-казахов, таранчов или мусульман из Кашгарии, дунганов или мусульман из Кансу, населений халка и чагара, людей уриангкай или соют товинского племени и даже поселенцев сипо и солон из Манчжурии. В 1771 прибыли другие поселенцы, именно, торгуты, которые под их ханом Убаша оставили нижнюю Волгу, чтобы возвратиться на свою родину на Или. Император Чин-лун принял Убашу в Пекине, приветствовал его очень льстиво, снабдил его уставших эмигрантов пищей и в том же году поселил их к югу и востоку от

Кулджи, в долине Юлдуз и на верхнем Урунгу,⁷⁵ где они помогли заполнить брешь, оставленную из-за истребления их чоросских и хоитских братьев.

Нереализованное предназначение западных монголов

Разрушение джунгарского владения закрывает историю монголов. Если слово используется в его строгом смысле и древние народы, возможно или определенно монгольской нации, жуан-жуан и хитан, изъяты из истории, то история монгольского народа начинается с конца двенадцатого века вместе с Чингиз-ханом. Монголы достигли зенита мощи сразу, Чингиз-хану понадобилось лишь двадцать лет после своего избрания для объединения степного мира и начала военных действий в Китае и Иране (1206-27). В последующие пятьдесят лет Иран и Китай были завоеваны; и за исключением Индии, отделенную барьером гор, монгольская империя стала империей азиатского континента. Это господство было разрушено также быстро, как и было построено. К 1360 монголы потеряли Китай и Иран и также, в действительности, Трансоксию и все, что они смогли сохранить, это были Монголия и Моголистан. Последний тогда составлял северную часть китайского Туркестана.

Тем не менее, чингизханское завоевание и империя были достигнуты одними восточными монголами: теми, которые из Онона, Керулена и Орхона. Монголы запада, ойраты или калмыки, которые ассоциируются с чингизханским эпосом в качестве союзников, никогда не играли какой-либо значительную роль. Последовательно, после губительного унижения, беспрецедентных потерь лица, которые представляли вытеснение Чингиз-хана из Китая в глазах его потомков, западные монголы попытались вырвать из рук империю степей из падающих рук восточных племен и подобно Чингиз-хану добиться завоевания Китая. Они подошли близко к своей цели, когда в 1449 взяли в плен императора Китая. Однако, поскольку они никогда не смогли захватить Пекин, их подвиги не привели к какому-либо положительному результату. Менее чем через пятьдесят лет эта первая ойратская империя пала настолько, чтобы позволить любопытное чингизидское восстановление в восточной Монголии с Даяном и его внуком Алтан-ханом. Эта реставрация была достаточно впечатляющей в то время и

китайцы соображали, не возвратились ли обратно времена Чингиз-хана. Однако Даян был таким же Завоевателем Мира, как Алтан был Кублаем. Возрождение едва чувствовалось за пределами Кобдо на северо-западе и Великой Стены на юго-востоке, все его энергия была направлена на усердие для обращения всех монголов в буддийскую веру тибетской желтой церкви. Пробудившийся дух монголов опять впал в дремоту под причитаниями ламаистских священников. Манчжурский Китай не имел проблем с одомашиванием этих монашествующих воинов, потерявших свою приверженность.

Поэтому еще раз главная роль пала на плечи западных монголов, которые на своих суровых долинах Алтая оставались более жесткими и более воинственными. В начале семнадцатого века они были охвачены большой волной расширения. Торгуты, следуя по стопам Батия и Золотой Орды, передвинулись на нижнюю Волгу около Астрахани в южной России. Хошоты осели в Коко Норе и правили в пределах до Лхассы в Тибете. Чоросы или собственность джунгаров, удерживали земли от границ московской Сибири до Бухарского ханства и Китая, с одной стороны, и с другой стороны, от Кобдо до Ташкента и от Кобдо до Керулена. Их «столицы» Кобдо и Кулджа, казалось, должны были заменить собой Карокорум. Более того, в качестве знака этих времен, они уже ограбили его чингизидские святилища. Через политические акции сначала Галдана и затем военными действиями Цевана Рабдана и Церена Дондуба они стали правителями Лхассы, где духовная власть ламаистской церкви находилась под их контролем. В Кашгаре и Ярканде ходжа, мусульманское «духовенство», также были их орудиями. В течение более ста лет они оставались фактическими хозяевами континентальной Азии. Их вожди, хонгтаджи Баатур, Галдан, Цеван Рабдан и Галдан Церен, показали себя находчивыми политиками, как храбрыми и дальновидными, так и упорными бойцами, искусными в удивительных подвижных маневрах, в вездусущности конных лучников, обеспечивших столь внушительные победы Чингиз-хану. Эти тоже почти были на подступах победы. Как они могли бы не допустить неудачи? Появлением на сцене истории несколькими годами ранее, перед наступлением господства манчжуров, доставившего старому Китаю свежую энергию и новую военную структуру. Китай после династии позднего Мин стал настолько дряхлым,

что любой, будь это монголы, японцы или манчжуры, мог бы захватить его. Однако, как только манчжурская династия твердо села на трон Сыновей Небесной, Китай был воодушевлен новой жизнью для последующих сто с половиной лет. Первые манчжурские императоры, которые были умными, активными и все еще свободными от старых предубеждений, предприняли серьезные усилия для модернизации страны, части артиллерии, произведенные для них иезуитами, являются ярким к тому свидетельством. Галдан и Цеван Рабдан, духовные товарищи Чингиз-хана, но современники Людовика XIV, отставшие под бременем ранних лет, сломались под пушками манчжуров на восточном Гоби и огнестрельными оружиями русских на Енисее. Тринадцатый век столкнулся с восемнадцатым и игра оказалась неравной. Последняя монгольская империя крошилась даже тогда, когда была на восходе, поскольку она была уже историческим анахронизмом.

Аннексирование Кашгарии манчжурской империей

Кашгария со столицей Ярканд образовала перед 1777 тип мусульманского государства под контролем семьи Каратаглик ходжи и была весьма эффективным протекторатом джунгарских ханов. После смерти Каратаглика Даниял-ходжи джунгарский хан Галдан Церен (1727-45) распределил имущество покойного вождя между его четырьмя сыновьями: Яган взял Ярканд, Юсуфу достался Кашгар, Аююб должен был править на Аксу и Абд-Аллах должен был иметь за собой Хотан. Во время гражданской войны между джунгарскими претендентами на трон Юсуф, ревностный мусульманин, воспользовался обстоятельствами для увода Кашгарии из-под «языческого» господства (1753-54). В 1755 Амурсана, все еще состоящий в соглашении с маршалом Пан-ти, планировал подавить восстание каратагликов подстрекательством против них актагликов, другой ходжа семьи, которая была их наследственным врагом. С 1720 актаглики удерживались джунгарами в полу-рабстве в Кулджа. Актагликский вождь Бурхан ад-Дин, известный как Великий Ходжа, и его брат Ходжо Джан, Малый Ходжа, охотно приняли предложение Амурсаны. С малой армией, выделенной Амурсаной и

китайцами, Бурхан ад-Дин сперва захватил Уч Турфан у каратагликов, затем Кашгар и, наконец, Ярканд, то есть, всю Кашгарию.

Не дождавшись даже захвата страны, Бурхан ад-Дин и Ходжо воспользовались этой войной, чтобы разорвать отношения с Амурсаной и китайским правительством и объявить свою независимость как от джунгаров, так и от китайцев. Китайское подразделение было перебито (конец весны 1757). Однако, такие светлые дни были короткими. Когда китайцы аннексировали Джунгарию, то они пошли против двух ходж. В 1758 китайская армия под командованием маршала Чао Хуэя прошла из Или к Тариму. Ходжо Джан, разбитый около Кучи,⁷⁶ нашел прикрытие в Ярканде, где он оказывал энергичное сопротивление. Между тем, Бурхан ад-Дин заперся в Кашгаре. После приключенческой и хаотической осады, в течение которой осаждающие китайцы сами были осаждены, Чао Хуэй оказался в состоянии возобновить наступление в начале 1759 благодаря подкреплениям, доставленным Фу-те. Ярканд капитулировал первым, но лишь после бегства Ходжо Джана; затем очередь пришла для Кашгара, аналогично покинутого Бурхан ад-Дином (1759).⁷⁷

Оба ходжа нашли убежище в Бадахшане, но, несмотря на мусульманскую солидарность, местный бей уступил под угрозами китайцев.⁷⁸ Он казнил двух беглецов и отправил голову Ходжо Джана имперскому генералу Фу-те. Чао Хуэй присоединил Кашгарию к китайско-манчжурской империи (где она приобрела название «новый марш», Sin-kiang) и продемонстрировал такт в обращении с мусульманским населением.

Аннексия императором Чин-лун Или и Кашгарии означила выполнение цели, поставленной со времени Пан Чао и осуществляемой китайской азиатской политикой в течение восемнадцати веков: месть оседлых народов по отношению к кочевникам, сельского хозяйства — к степи.

Примечания

Сокращения

AA	<i>Artibus Asiae</i>
AM	<i>Asia Major</i>
AU	<i>Archeologica Ungarica</i>
BEFEO	<i>Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient</i>
BMFEA	<i>Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities</i> (Stockholm)
BSAS	<i>Bulletin of the School of Asiatic Studies</i>
EI	<i>Encyclopédie de l'Islam</i> (Paris, 1913-)
ESA	<i>Eurasia Septentrionalis</i>
FFH	<i>Festschrift für Friedrich Hirth</i> (Berlin, 1920)
GJ	<i>Geographical Journal of Asiatic Studies</i>
Ipek	<i>Jahrbuch für prähistorische und ethnographische Kunst</i>
JA	<i>Journal Asiatique</i>
JRAS	<i>Journal of the Royal Asiatic Society</i>
MHST	<i>Les mémoires historiques de Sse-ma Ts'ien</i> , nep. Édouard Chavannes (5 vols., Paris, 1895-1905)
MTB	<i>Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko</i> (Tokyo)
OZ	<i>Ostasiatische Zeitschrift</i>
RAA	<i>Revue des Arts Asiatiques</i>
RS	<i>Revue Scientifique</i>
TP	<i>T'oung Pao</i>
ZDMG	<i>Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft</i>

Введение

1. По поводу истории тюрко-монголов, как исследование географии человечества, см. Owen Lattimore, "The Geographical Factor in Mongol History", *GJ*, XCI (January, 1938).

2. Тем не менее, оказывается, что якуты были иммигрантами на севере и что их происхождение следует искать в регионе озера Байкал. Хотя в регионе, в котором они теперь обитают, они исключительно занимаются оленеводством, в некоторых их церемониях фигурируют головы лошадей, как бы в память их проживания на границе с монгольской степью. Это явление находится в противоречии с находками в Пазырыкских могилах. См. *там же*, стр. 1, 8.

3. Пеллиот утверждает: «Мы мудро отказались говорить на уровне современных исследований, по-меньшей мере, о группе урало-алтайской языков, включающих в дополнение к угро-финнских и самоедских языков, тюркский, монгольский и тунгусские языки». Paul Pelliot, "Les mots à H initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles", *JA* (1925), p. 193.

4. Поппе постулирует примитивный алтайский язык, из которого, возможно, произошли примитивные тюркский, монгольский и тунгусские языки, но добавляет: «Период примитивного тюркского языка не мог продолжаться дольше

чем первые века до новой эры». Н. Поппе и В.В. Бартолд также утверждают «что в основном, тюркские языки развивались более сильно, чем языки монгольской группы. Независимо от региона, монгольский язык намного является архаичным, чем большинство известных тюркских языков. Письменный монгольский язык, с фонетической точки зрения, является результатом почти такой же эволюции, как и примитивный алтайский язык». Ср. N. Poppe, in *Ungarische Jahrbücher*, VI, 98. По поводу существа термина «общественность» см. Jean Deny, “Langues torques, mongoles et tongouzes”, in A. Meillet and M. Cohen, *Les langues du monde* (Paris, 1924), p. 185.

5. Замена лошадей оленями сибирских лесов, свидетельством которой являются подмена жертвенных лошадей оленями в пазырыкских могилах (Танну-Тува, сибирский Алтай, прибл. 100 д.н.э.), дает живое представление о переходе племени от жизни лесных охотников к жизни кочевых животноводов. Ср. Lattimore, “Geographical Factor”, p.8.

6. Мифическим предком тюрко-монголов является красновато-коричневый волк с белым пятном, Бёрте-сино, среди монголов *Секретной Истории* и Кёк-бёри среди тюрков *Oghuz-name*: «Из луча света возник большой волк-собака с серой шерстью и серой гривой».

Глава 1

1. Ср. Teilhard de Chardin, “Esquisse de la préhistoire chinoise”, *Bulletin 9, Catholic University of Peking* (1934), and “Les fouilles préhistoriques de Péking”, *Revue des questions scientifiques* (March, 1934), p.p. 181-193; Tolmatchov, “Sur le paléolithique de la Mandchourie”, *ESA*, IV (1929); M. C. Burkitt, “Some Reflexions on the Aurignacian Culture and Its Female Statuettes”, *ESA*, IX (1934), 113; J. G. Andersson, “Der Weg über die Steppen”, *BMFEA* (1929).

2. Ср. L. Bachhofer, “Der Zug nach dem Osten, einige Bemerkungen zur prähistorischen Keramik Chinas”, *Sinica* (1935), p.p. 101-128; Max Loher, “Beiträge zur Chronologie der älteren chinesischen Bronzen”, *OZ*, I (1936), 3-41; L. Bachlofer, “Zur Frühgeschichte Chinas”, *Die Welt als Geschichte*, III (1937), 4.

3. Схема сравнительной хронологии была предложена в A. V. Schmidt: “Kurgane der Stanica Konstantinovskaia”, *ESA*, IV (1929), 18. По поводу неопределенностей этих различных дат и несоответствий между ними, в соответствии с использованной системой, см. A. M. Tallgren, “Caucasian Monuments”, *ESA*, V (1930), 180, and “Zu der nordkaukasischen Bronzezeit”, *ESA*, VI (1931), 144.

4. Тракийские имена сохранились в легендах о скифах, изложенных Геродотом (E. Benveniste, сообщение на Société Asiatique [April 7, 1938] и даже в историческом царстве киммерских босфорских людей в греко-римский период (M. I. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxford, 1922, p. 39).

5. Ср. A. M. Tallgren, “La Pontide préscythique après l’introduction des métaux”, *ESA*, II (1926), 220.

6. Franz Hančar ставит закавказские культурные группы ганджа-карабаха, лелвар и талаш между четырнадцатым и восьмым веками д.н.э. Эти культуры, он отмечает, все произошли из восточно-азиатских культур того времени. Этого

можно видеть на формах топоров, пряжках ремней и керамике (“Kaukasus-Luristan”, *ESA*, IX [1934], 107).

7. Выводы Таллгрена о киммерской культуре изложенные в “La Pontide préscythique après l’introduction des métaux”, *ESA*, II (1926), кратко упоминаются здесь. По поводу киммерской миграции см. Hančar, “Kaukasus-Luristan”, p. 47. В этой статье автор пытается рассмотреть связь анималистского искусства Кобана, северный Кавказ, и луристанской бронзы с киммерской и скифской миграциями седьмого столетия. Другим исследованием по этому вопросу, проведенным Ханкармом, является «Probleme des Kaukasischen Tierstils», *Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien*, LXV (1935), 276.

8. Cp. N. Makarenko, “La Civilisation des Scythes et Hallstatt”, *ESA*, V (1930), 22.

9. Персидская ахеменидская номенклатура различает а) *Saka Haumavarka*, соответствующая нашим сахам в строгом смысле слова, которые, должны были проживать в Фергане и по соседству с Кашгаром; б) *Saka Tigrakhauda* Аральского региона, на нижней Сыр-дарьи; в) *Saka Taradrava*, или «из-за морей», в южной России являются историческими скифами.

10. Cp. W. Miller, “Die Sprache der Osseten”, *Grundriss der iranischen Philologie*, I. Классифицируя скифские надписи южной России, Миллер находит иранские элементы, различающиеся в соответствии с местностью от 10 процентов до 60 процентов. Émile Benveniste также находит, что согласно Herodotus, IV, 5, те же самые социальные классы, воины, священники и земледельцы, существовали среди скифов, также как и среди авестик и ахманедских иранцев (сообщение для Société Asiatique, April 7, 1938).

11. Cp. E. H. Minns, *Scythians and Greeks* (Cambridge, 1913), pp. 48-49. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia*, Plates XXI, XXII. По поводу конских пород скифо-гуннской степи и их представление в искусстве см. J. G. Andersson, “Hunting Magic in the Animal Style”, *BMFEA*, No. 4 (1932), p. 259.

12. Вопрос о стремене является вопросом фундаментальной важности. В течение долгого времени это изобретение дало северным кочевникам огромное преимущество над кавалерией оседлых людей. Знаменитая греко-скифская ваза Чертомлыка, кажется, показывает «стремя, образованное застегнутой пряжкой, висячей на подпруге» (W. W. Arendt, “Sur l’apparition de l’étrier chez les Scythes”, *ESA*, IX [1934], 208). Арендт добавляет, что это следовало из исследования материалов козельского могильного кургана около Ново-Александровки в мелитопольской области, ныне находящихся в Историческом музее Москвы. Аналогично, было продемонстрировано использование стремени гсиен-ну третьего века. Оно даже имеется на китайских рельефах периода династии Хань. Оно было найдено на ойратинских седлах (Алтай) первого века д.н.э. На Западе оно не было известно ни грекам, ни римлянам и кажется, что здесь лишь авары шестого века ввели его в всеобщий обиход.

13. По поводу похоронных церемоний среди скифов см. Herodotus, IV, 71 (обычай рассечения рук, лбов и носа в честь покойного и принесение в жертву слуг и коней вокруг трупа). По этим вопросам среди гсиен-ну или гуннов Монголии, см. *Ch’ien Han Shu*, материалы которого приводятся вкратце Édouard Chavannes в *Les mémoires historiques de Sse-ma Ts’ien* (в 5 томах, Paris, 1895-1905), I, lxxv

(приношение в жертву на могиле вождя количеством до ста или тысячи женщин и слуг). Наконец, по поводу ту-че или тюрок Монголии в шестом веке, потомков гуннов, см. Stanislav Julien, “Documents sur les T’ou-kiue”, *JA* (1864), p. 332: «Они нарезали глубокие раны на своих лицах с ножом так, что можно было видеть как кровь течет вместе с их слезами».

14. Согласно Herodotus, IV, 13, скифская миграция по направлению к Европе было отзвуком напора с востока или, скорее, с северо-востока; скифы были подвергнуты удару сзади исседонами и исседоны – аримаспи. Исседоны в сочинении Геродота могли быть угро-финнами. Émile Benveniste ищет их в классическом периоде, например, около Урала в Екатеринбургской брешии. Аримаспи, которые, наиболее вероятно, жили дальше на востоке, около Иртыша и Енисея, кажется, подобно скифам, были иранцами, поскольку происходят от имени, которого Бенвенисте выводит от *Ariamaspā*: «друзья коней» (сообщение Бенвенисте к Société Asiatique, April 7, 1938). Что касается массагутов юго-восточных берегов Аральского моря, то Геродот, I, 201, относит их к скифам. Более того, их название по-ирански есть *Massyagata*, означающее «рыбаки» (J. Marquart, “Skizzen zur geschichtlichen Völkerkunde des Mittelasien und Siberien”, *FFH*, p. 292). Некоторые древние авторы, как Dio Cassius и Arrian, видят в массагутах предков сарматской расы аланов. По поводу «землеобрабатывающих скифов», то есть, несомненно обитателей черноземья, которых кочевые скифы облагали налогами, см. Scherbakivski, “Zur Agathysenfrage”, *ESA*, IX (1934), 208.

15. Для последующей истории, в особенности, по поводу их отношений с греческим миром, см. Max Ebert, *Süd-Russland im Alterthum* (Leipzig, 1921).

16. Tallgren, “Sur l’origine des antiquités dites mordviennes”, *ESA*, XI (1937), 123. Ср. K. Schefold, “Skytische Tierstil in Süd-Russland”, *ESA*, XII (1938).

17. Emile Benveniste, сообщение для Societe Asiatique, April 7, 1938.

18. Tallgren, *ESA*, XI (1937), 128.

19. Там же, стр. 127.

20. Ср. N. Makarenko, “La civilization des Scythes et Hallstatt”, *ESA*, V (1930), 22.

21. F. Hančar, “Gürtelschliessen aus dem Kaukasus”, *ESA*, VII (1931), 146 и “Kaukasus-Luristan”, *ESA*, IX (1934), 47.

22. Типичные репродукции можно видеть в М. I. Rostovtzeff, *Animal Style in South Russia and China* (Princeton, 1929) и *Le centre de l’Asie, la Russie, la Chine et le style animal* (Prague, 1929); G. I. Borovka, *Scythian Art* (New York, 1928).

23. J. G. Andersson, “Hunting Magic in the Animal Style”, *BMFEA*, No. 4 (1932). См. на стр. 259 и далее того же исследования на рассказ о классификации коней, оленей и других животных степи и их сравнении с типами животных, изображенных на ордосских бронзах. О чудесном происхождении мотивов орнаментов в степном искусстве см. также O. Janse, “Le cheval cornu et la boule magique”, *Ipek*, I (1935), 66 и Potapoff, “Conceptions totémiques des Altaïens”, *RAA* (1937), p. 208.

24. Ср. Josef Zykan, “Der Tierzauber”, *AA*, V (1935), 202.

25. Tallgren, “Sur l’origine des antiquités dites mordviennes”, *ESA*, XI (1937), 133.

26. Тем не менее, Herodotus, IV, 116, упоминает «сауроматов» на востоке устья Дона в пятом веке д.н.э. и пишет о них как о смеси скифов и амазонов, говорящих на скифском языке. Могли ли они составить авангард тех, которые последовали за скифами перед основной частью сарматов, которые в это время все еще вели кочевой образ жизни на севере от Каспийского моря? (Ср. Max Ebert, *Süd-Russland im Alterthum*, s. 339-340). Однако. Ростовцев отмечает, что такой существенный факт как матриархат, который, как греки утверждают, превалировал среди сауроматов, нигде не обнаружено среди сарматов. Он верит, что два народа ничего общего не имеют между собой (*Iranians and Greeks*, p. 113).

27. В это время скифы должны были найти себя зажатыми между сарматами, приходящими из Азии и распространяющимися гетаями (будущие даки) тракийско-фригианской расы, которые создали империю Венгрии и Румынии.

29. Strabo, XI, 2.

30. См. репродукции в книге Ростовцева *Iranians and Greeks*, пластинка XXV; Borovka, *Scythian Art*, pp. 46-48, рис. 7 и 8.

31. Ср. Tallgren, "Oglakty", *ESA*, XI (1937), 71.

32. Ср. Tallgren, *Collection Tovostine des antiquites de Minoussinsk* (Helsinki, 1917); J. Merhart, *Bronzezeit am Ienissei* (Vienna, 1926); Teplukhov, "Essai de classification des anciennes civilisations metalliques de la region de Minoussinsk", *Материалы по этнографии* (Ленинград, 1929), IV.

33. Эти котелки с их цилиндрическими корпусами и прямыми, прямоугольными «ушами» можно найти как в музее в Сернуши (экспедиция Байе в минусинский регион), так и в музее Будапешта. Ср. Zoltan Takacs, "Francis Hopp Memorial Exhibition", *The Art of Greater Asia (Budapest, 1933)*, pp. 17 and 68.

34. По поводу жертвоприношения коней около тела вождя в скифских могилах см. Herodotus, IV, 72; по поводу жертвенных оленей см. *Acad. Cult. Mater.* (February, 1931).

35. О группе, включающую в себя Пазырык, Шибе, Катанда и др. см. М. Р. Griaznov, *American Journal of Archaeology* (1933), p. 32; S. V. Kiseleff, "Fouilles de 1934 dans l'Altai", *RAA*, X, 4 (1937), 206; Laure Morgenstern, "L'exposition de l'art iranien a Leningrad et les decouvertes de Pasyryk", *там же*, стр. 199 и *Esethetiques d'Orient et d'Occident* (Paris, 1937). Joachim Werner в *ESA*, IX, 4 (1937), 265. По поводу пазырыкских масок см. A. Salmony, "Chinesische Schmuckform in Eurasien", *там же*, стр. 329. О монетах Босфора 3 го века д.н.э., найденных в Джунгарии, см. *там же*, стр. 249.

36. Грязнов, в *American Journal of Archaeology* (1933), стр. 32; Tallgren, "Oglakty", *ESA*, XI (1937), 69.

37. Расы, возможно, стали смешанными. Гардзи пишет, что в его время киргизы все еще имели белую кожу и красные волосы. Более того, киргизы Енисея не были первоначально тюркоязычными людьми (W. V. Radloff, *Die altürkischen Inschriften der Mongolei* [St. Petersburg, 1895-99], s. 425).

38. Возможно имеются причины для отнесения к сарматскому искусству, или по-меньшей мере, к его более поздним формам, вышедших из него, некоторую часть весьма любопытных каменных изображений, открытых в Сибири и даже в Монголии (на горе Оглактау, Кизилкая или Кызыл-кая [«Кызыл утес»], в Сулаке

около Минусинска, в Моросове в Уриангхае на верхнем Енисее и, наконец, в Дурбелджи и Илхе-Алыке на Орхоне). С другой стороны, некоторые каменные изображения Сулака около Минусинска, представляющие всадника в коническом шлеме и с луком и длинным копьем, имеют сходство с римско-сарматские фресками Керчи в Крыму. Правда, что в Сулаке были найдены «рунические» надписи, которые позволили некоторым людям датировать эти изображения более поздней датой, седьмым веком н.э. Ср. Tallgren, "Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures", *ESA*, VIII (1933), 175-197. В другом месте Феттих показал отношения между поздней минусинской культурой седьмого века н.э. и прото-венгерским искусством леведианской эпохи. Ср. Nandor Fettich, "Die Reiternomadenkultur von Minussinsk", *Metallkunst der Landnehmenden Ungarn*, *AU* (1937), s. 202.

39. "Могут ли названия гсиен-ну, ганы и гунна не быть связанными друг с другом? *A priori*, похоже, это не так" (Pelliot, "A propos des Comans", *JA* (1920), p. 141).

40. Официальным покровителем этой реформы одежды был, согласно Ssu-ma Ch'ien, король Чао; Ву-лин, в 307. См. Chavannes, перев., *MHST*, V, 73.

41. Ср. *MHST*, I, 1xv. Kurakichi Shiratori объясняет слово shan-yü китайской естимологией, означающей «бескостная безмерность» (K. Shiratori, "A Study on the Titles of Khagan and Khatun", *MTB*, I, 11, and "On the Territory of the Hsiung-nu", *MTB*, V, 71.

42. Albert Herrmann, "Die Gobi in Zeitalter der Hunnenherrschaft", *Geografiska Annaler* (1935), s. 131.

43. *MHST*.

44. Ширатори пишет, что гсиен-ну носили косы и что от них этот обычай распространился среди их наследников, тюрко-монгольских орд тоба, жуан-жуан-ту-чэ, хитанов и монголов. См. "The Queue among the Peoples of North Asia", *MTB*, IV (1929).

45. *Ch'ien Han Shu* в *MHST*, I, lxx and lxx (1929).

46. Stansilav Julien, "Documents sur les T'ou-kiue", *JA* (1864), p. 332.

47. Herodotus, IV, 62, 64.

48. *Ch'ien Han Shu* в *MHST*, I, lxxv.

49. Там же, стр. Lxiii. См. J. J. M. de Groot, *Die Hunnen der vorchristlichen Zeiten*, ss. 2 et seq.

50. После их крупного вторжения в седьмом веке скифы прекратили радоваться своей репутации за грабежи, как это делали гсиен-ну, несомненно потому, что их страна была по-богаче и кочевая кавалерия черноморского побережья жила как «сельскохозяйственные скифы», которые обрабатывали черноземье Украины.

51. Shiratori, "Sur l'origine des Hiong-nou", *JA*, I (1923), 71. Однако, тот же автор, пользуясь другими лингвистскими аргументами, также утверждал о тюркской природе гсиен-ну; см. "Über die Sprachen der Hsiung-nu und der Tung-hu Stämme", *BAIS*, XVII (1902), 2.

52. T. J. Arne, "Die Funde von Luan-p'ing und Hsuang-hua", *BMFEA*, V (1933), 166.

53. S. Umehara, *Shina kodo seikwa*, Yamanaka ed. (1935), III (1934), 159.

54. Karlgren, "New Studies on Chinese Bronzes", *BMFEA*, IX (1937), 97.

55. Cp. O. Janse, "Le style du Houai et ses affinities", *RAA*, VIII (1934), 159. По поводу обзора о том, что было установлено с хронологической точки зрения, см. Joachim Werner, "Zur Stellung der Ordos-bronzen", *ESA*, IX (1934), 259 и Herbert Kühn, "Sur Chronologie der Sino-Siberischen Bronzen", *Ipek* (1934).

56. Другие находки того же порядка, тесно связанные с ордосским стилем, были сделаны Talko-Hryniewicz около Тулту на нижней Чите и около Бичурского на Хилоке в бассейне Селенга. См. Werner в *ESA*, IX (1934), 261.

57. С. I. Borovka, *et al.*, *Copmtes rendus des expeditions pour l'exploration du nord de la Mongolie* (Leningrad, 1925); K. V. Trever, *Excavations in Northern Mongolia, 1924-1925* (Leningrad, 1932). См. Werner в *ESA*, VIII (1933), 175.

58. См. Andersson, "Hunting Magic in the Animal Style", *BMFEA*, No. 4, p. 308; Tallgren, "Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures", *ESA*, VIII (1933), 175.

59. Cp. *Guide to the Exhibitions of the Museums of Far Eastern Antiquities* (Stockholm, September 10, 1933), p. 40.

60. Cp. Solange Lemaître, "Les agrafes chinoises", *RAA*, XI (1938).

61. Arne, "Västsibirsk kultur för 1000 år sedan", в *Etudes archeologiques dediees au Prince Heritier Gustave Adolphe* (Stockholm, 1932), pp. 351-367.

62. Pelliot, "Sceaux-amulettes de bronze avec croix et coulombs", *RAA*, VII (1931).

63. Alfred Salmony, *Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo* (Paris, 1933), pp. 93-94. Две публикации об ордосском искусстве V. Griessmayer, *Sammlung Baron von der Heydt, Ordos Bronzen...* (Vienna, 1936) и "Entwicklungfragen der Ordos-Kunst", *AA*, VII (1937), 122.

64. По этому периоду см. J. J. M. de Groot, *Die Hunnen der vorchrislichen Zeiten* и O. Franke, "Wiedergabe fremder Völkernamen durch die Chinesen", *OZ* (1920-21). Cp. G. Haloun, "Seit wann kannten die Chinensen die Tocharer oder Indogermanen überhaupt", *AM* (1926).

65. Cp. *MHST*, I, lxx.

66. В нынешнем китайском слове ю-чи Густав Галоун ищет древнее произношение *Zgudia*, идентичное с названием скифов (*Ashkuzai* на ассирийском). Cp. Haloun, "Zur Ue-tsi Frage", *ZDMG*, Vol. 91, 2 (1937), 316. См. также в той же статье предполагаемое расположение примитивных ю-чи на карте северного и западного Кансу (стр. 258).

67. Ptolemy, VI, 16. Согдианские записи девятого века все еще обозначают Бешбалиг, Турфан, Кара Шахр и т.д. как «Четыре Тугри» (W. B. Henning, "Argi and the Tokharians", *BSAS* (1938), p. 560).

68. Strabo, XI, 8, 2 и *Ch'ien Han Shu*, перев. Toru Haneda, *Bulletin de la maison franco-japonaise*, IV, I (Tokyo, 1933), 7-8.

69. Живое описание тохарайской проблемы с обзором различных гипотез и с библиографией можно найти в Sigmund Feist, "Der gegenwärtige Stand des Tocharerproblem", в *FFH*, стр. 74-84. По поводу более поздних модификаций точек зрения см. Rene Grousset, "L'Orientalisme et les etudes historiques", *Revue historique, Bulletin critique*, CLXXXI, fasc. 1 (January-March, 1937). Эта статья напоминает Н. W. Bailey, "Ttagara", *BSAS*, VIII, 4 (1936) и Pelliot, "A propos du tokharien", *TP*. См. также W. W. Tarn, *The Greeks in Bactria and India* (Cambridge, 1938).

70. Этот же обычай описывается Herodotus, IV, 65 в связи со скифами.

71. Ср. *MHST*, I, lxx.

72. Pelliot, в *JA*, I (1934), 37.

73. Действительно, кажется, что ву-сун были также иммигрантами в регионе Или и, подобно ю-чи, были изгнаны гсиен-ну из северо-западных пограничных районов Китая, а именно, из регионов Собо Нор и Согок Нор к северу от Сючоу, как это было предполагалось в *Atlas of China* Альберта Германна, карта 17; или немного к западу от Куачоу около Тунвана. Ср. Kurakichi Shiratori, "On the Territory of the Hsiung-nu Prince Hsiu-t'u Wang and His Metal Statues for Heaven-Worship", *MTB*, I, 5 (1930), 16-20. Был поднят вопрос, вызвала ли миграция ю-чи отток сарматов, которые отправились захватывать южную Россию у скифов. Хронология трудно согласуется с этой теорией. См. Rostovtseff, *Recueil Kondakov* (Prague, 1926), p. 239; N. Fettich, в *AU* (1937), p. 142.

74. Jarl Charpentier, "Die ethnographische Stellung der Tocharer", *ZDMG*, Vol. 71 (1917).

75. Поскольку слово *Asioi* имеет отношение к тюрко-монгольскому названию аланов (корень *As*, мн.ч. *Asod* на монгольском), Charpentier заключает, что ву-сун были предками аланов, сарматов (т.е. северных иранцев). "Die ethnographische Stellung der Tocharer", *ZDMG*, Vol. 71 (1917), 357-361.

76. Bailey, *BSAS*, VIII, 4 (1936), 916; Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, p. 290.

77. Toru Haneda, "A propos des Ta Yue-tche et des Kouei-chouang", *Bulletin de la maison franco-japonaise*, IV, I (Tokyo, 1933), 13.

78. Ср. O. Franke, "Das alte Ta-hia der Chinesen, ein Beitrag zur Tocharer Frage", *FFH*, s. 117.

79. Пер. Haneda, в "A propos des Ta Yue-tche", p. 8.

80. Пер. Chavannes, в "Les pays d'Occident d'après le Heu-Han chou", *TP* (1906), стр. 230.

81. Tarn, *The Greeks in Bactria and India*, p. 238, лишь отмечает, что сака завоевание Бактрии у Strabo, XI, 8, 4, отнесено к седьмому веку, а не ко второму. Ср. J. Przyluski, "Nouveaux aspects de l'histoire des Scythes", *Revue de l'Université de Bruxelles* (February-April, 1937), p. 3.

82. «С этого времени», отмечает Hou Han Shu, «ю-чи стал чрезвычайно сильным. Все другие королевства называли их Kuei-shuang [Kuchan], однако, Han называл их как ю-чи, сохраняя их древнее название». (Пер. Chavannes в *TP* [1907], p. 192.

83. Исправление, сделанное Пеллиотом *Tokharien et Koutcheen*, *JA*, I (1934), 30.

84. Новая хронология, предложенная R. Ghirshman, "Fouilles a Begram", *JA* (1943-44), стр. 70-71; также L. de La Vallee-Poussin, *L'Inde aux temps des Mauryas et des Barbares* (Paris, 1930), стр. 343. Имеется большое количество лингвистских сравнений и этнических гипотез в Sten Konow, "Beitrag zur Kenntniss der Indoskythen", *FFH*, s. 220. Однако, скептическое замечание La Vallee-Poussin и критический рассказ H. W. Bailey, "Ttagara", *BSAS*, VIII, 4 (1936), в особенности (p. 912), оспаривает название Arshi, идентифицированное с *Asioi* и относит к тохрям. См. также Henning, "Argi and Tokharains", *BSAS* (1938), p. 545.

85. Cp. Albert Herrmann, "Die Gobi im Zeitalter der Hunnenherrschaft", *Geographiska Annaler* (1935), s. 130.
86. О войнах вь-ти см. *MHST*, I, lxii-lxxxviii и Avant, *History of Former Han*, 1938.
87. В 161 д.н.э. Kuin-ch'en унаследовал трон своего отца, знаменитого *shan-yü* Lao-shang.
88. Cp. *MHST*, I, lxxi-lxxii.
89. Там же, I, lxviii-lxviii, Kurakichi Shiratori, "On the Territory of the Hsiung-nu Prince Hsiu-t'u Wang and His Metal Statues for Heaven-Worship", *MTB*, I, 5, pp. 7-21.
90. *MHST*, I, lxviii. Cp. Albert Herrmann, *Atlas of China*, Map 17, 2; J. Lartigue, *Mission archeologique en Chine 1914 et 1917*, Paris, 1923-24, I, Pl. 1; и *L'art funeraire a L'epoque Han* (Paris, 1935), p. 33; Zoltan Takacs, *The Monument of Ho Ch'uping* (Budapest, Mahler ed., 1937).
91. *MHST*, I, lxxxvii.
92. Там же, pp. lxxiv-lxxv.
93. Там же, pp. lxxv-lxxvii. Как было твердо установлено Perceval Yetts, китайская кампания в Фергане было не более чем парадом или демонстрацией. Китай имел огромные трудности в делах с храбрыми всадниками гсиен-ну, верховых лучников, которые верхом на маленьких монгольских конях (*Equus przhevalskii*), совершали рейды на их китайские пограничные районы. Китайцы, посредственные всадники на конях той же породы, были в невыгодном положении. Фергана, подобно соседней Согдиане, имела превосходных военных коней, коней Трансоксонии; возможно, те самые кони, которые были известны грекам в Мидии как нисайские кони. Китайцы носились с идеей приобретения лошадей для своей кавалерии из этой крупной иностранной породы, которая, они думали, должна превосходить их лохматых гуннских пони. Отсюда поход в Фергану, целью которого было подтверждение их превосходства над кочевниками. (Действительно, на рельефах периода второй династии Хань, например на Сиао-тан-шан, можно видеть крупного коня Трансоксонии наряду с маленьким животным Прежевальского). Возник вопрос, принадлежала ли Фергана все еще последним греко-бактрианам, поскольку китайское название этой страны «та-юан» предполагалось связано с индо-иранским названием для греков *yavana*: т.е. иониане. См. прекрасную статью Perceval Yetts, *The Horse: A Factor in Early Chinese History*, *ESA*, IX (1934), 231.
94. *MHST*, I, lxxv-lxxviii.
95. *Ch'ien Han Shu*, там же, p. xxxviii.
96. См. Kozlov et al., *Comptes rendus des expeditions pour l'exploration du nord de la Mongolie* (Leningrad, 1925).
97. Следует напомнить, что греческие монеты из Пантикоппеи (Керчь) третьего века д.н.э. были найдены в 1918 на Боротала, в Джунгарии. См. J. Werner, в *ESA*, VIII (1933), 249.
98. Китайская монография из *Hou Han Shu* об этих различных королевствах во время династии позднего Хань была переведена Chavannes в "Les pays d'Occident", *TP* (1907), pp. 168-221.
99. E. Sieg und W. Sieglung, *Tocharische Grammatik* (Göttingen, 1931) и наблюдения Sylvain Levi, *Fragments des texts koutcheens* (Paris, 1933). По поводу

родственных отношениях между кучийским и другими диалектами среди индо-европейских языков см. Н. Pedersen, “Le groupement des dialectes indo-europeens”, в *Kgl. Danske Vid. sel. Hist. fil. meddelelser*, XI, 3 (1925).

100. См. Albert Herrmann, “Die alten Seidenstrassen zwischen China und Syrien”, *Quell.u. Vorsch. z. alten Gesch. u. Geog.* (1910); “Die Seidenstrasse von China nach dem Römischen Reich”, *Mitt. der Geogr. Ges.* (1915), p. 472; “Die ältesten chinesischen Karten von Zentral- und Westasien”, *FFH*, p. 185.

101. “Biographie de Keng Ping”, пер. Chavannes из *Hou Han Shu*, *TP* (1907), p. 22.

102. Биография Pan Ch’ao, Pan Yung и Liang K’in, пер. Chavannes из *Hou Han Shu* под названием “Trois généraux chinois de la dynastie des Han”, *TP* (1906), p. 218.

103. *Hou Han Shu*, пер. Chavannes, *TP* (1907), p. 156.

104. *Hou Han Shu*, “Biographie de Keng Ping”, пер. Chavannes, *TP* (1907), pp. 222-223.

105. Там же, стр. 226.

106. *Hou Han Shu*, “Biographie de Pan Tch’ao”, *TP* (1907), pp. 218-220.

107. Там же, стр. 197.

108. Там же, стр. 203-204.

109. Это имя, разумеется, является китайской транскрипцией неизвестного хотанского имени.

110. *Hou Han Shu*, *TP* (1907), p. 222.

111. *TP* (1906), pp. 226-224.

112. Там же, стр. стр. 223-224.

113. *TP* (1907), p. 230.

114. *TP* (1906), p. 224-227.

115. Там же, стр. 230-231.

116. Там же, стр. 231-232.

117. Там же, стр. 233.

118. Там же, стр. 235-236.

119. *TP* (1907), p. 178.

120. *TP* (1906), pp. 256-257.

121. Там же, стр. 246-254.

122. Ср. Peter Boodberg, “Two Notes on the History of the Chinese Frontier”, *HJAS*, 3-4 (November, 1936), 286.

123. Под заголовком 155 *Hou Han Shu* рассказывает об установлении китайского гарнизона в K’iu-tsu или Куче. Peter Boodberg думает, что это относится не к Куче на реке Музарт в Центральной Азии, а к северо-восточной части Шеньси, возможно, к северу от Юлин, основанной перемещенными или эмигрантами из Кучи. *HJAS*, 3-4 (November, 1936), 286.

124. Репродукции в: Sir Mark Aurel Stein, *Ancient Khotan* (Oxford, 1907), II, Pls. XIV et seq., XLIX, and LXXI; *Serindia* (Oxford, 1921), IV, Pls. XL-XLII and Figs. 134, 136 et seq., pp. 517, 520 et seq.; *On Ancient Central-Asian Tracks* (London, 1933), Pls. 54, 57. Также см. F. H. Andrews, “Central Asian Wall-Paintings”, *Indian Arts and Letters*, VIII, I (1934).

125. Перевод из *Triptaka* в Sylvain Levi, “Le Tokharien B, langue de Koutcha”, *JA*, II (1913), 385.

126. См. E. Herzfeld, "Kushano-Sassaninan Coins", *Memoirs of the Archaeological Survey of India*, No. 38 (1930); J. Hackin, "Repartitions des monnaies anciennes en Afganistan", *JA* (April-June, 1935), p. 287.

127. A. Godard, Y. Godard, et J. Hackin, *Les antiquites bouddhiques de Bamiyan* (Paris, 1928); J. Hackin et J. Carl, *Nouvelles recherches archeologiques a Bamiyan* (Paris, 1933); J. Hackin et J. Carl, *Recherches archeologiques au col de Khair Khaneh* (Paris, 1936).

128. Hackin, "L'art indien et l'art iranien en Asie Centrale", в *Histoire des arts*, ed. L. Reau, IV, 253 и "Buddhist Art in Central Asia" в *Studies in Chinese Art and Some Indian Influences* (London, 1938), p. 12.

129. См. *RAA*, XII (1938).

130. A. von Le Coq, *Bilderatlas zur Kunst- und Kulturgeschichte Mittel-Asiens* (Berlin, 1925), рис. 32, 33, 50; M. I. Rostovtzeff, *Iranians and Greeks in South Russia* (Oxford, 1922), Pl. 29.

131. Я думаю, что возможно, влияние фресок Кучи проникло далеко на север, в Сибирь. Следует отметить, что тип фигуры в «Рыцари Кызыла» можно видеть на каменных рельефах Сулака в долине Кара-юс (Писанная гора) около Минусинска; здесь найдены всадник в защитных доспехах в коническом шлеме и с длинным копьем, довольно похожий на изображение в «Войне реликтов» в Кызыле (Von Le Coq, *Bilderatlas*, s. 54, рис. 50). Tallgren полагает, что «летающий в галопе» сулакский всадник, который напоминает сассанианских и танских летающих в галопе, можно отнести к седьмому веку н.э. Даже грубоватые, антропоморфические оформления стелл в семипалатинском регионе к северу от озера Балхаш на верхнем Иртыше (Каменная баба) напоминают со своими большими вывернутыми воротниками шуб влияние сассанизированного центра Кучи. См. Tallgren, "Inner Asiatic and Siberian Rock Pictures", *ESA*, VIII, 193.

132. Великие произведения Sir Mark Aurel Stein *Ancient Khotan* (1907), *Ruins of Desert Cathay* (London, 1912), *Serinda* (1921), *Innermost Asia* (Oxford, 1928) в краткой форме приведены в хорошо иллюстрированной книге того же автора *On Ancient Central-Asian Tracks* (1933). То же самое справедливо по отношению к великолепным альбомам Von Le Coq *Buddhistische spätentike in Mittelasiien* (Berlin, 1922-33, 7 vols.), краткое изложение которых можно найти в его двух последующих томах: *Bilderatlas and Buried Treasures of Chinese Turkestan* (London, 1928). Также E. Waldschmidt, *Gandhara, Kutscha, Turfan* (Leipzig, 1925) и Hackin, "Recherches archeologiques en Asie Centrale", *RAA* (1936 и 1938, 1).

133. R. et K. Torii, "Etudes archeologiques et ethnologiques, populations primitives de la Mongolie orientale", *Journal of the College of Science*, Imperial University of Japan, Tokyo, XXXVI, 9 и 19. Согласно Torii, гсиен-пи оставался на задворках исторической сцены и использовал неолитические и бронзовые инструменты. Железо еще не появлялось у них до тех пор, пока оно в конце второго века н.э. не было доставлено китайскими беженцами (стр. 70 и 96). Pelliot полагает, что китайская транскрипция гсиен-пу должна относиться к первоначальному Sārbi, Sirbi или Sirvi ("Tokharien et Koutcheen", *JA*, I [1934], 35).

134. San Kouo tche, кратко изложенное Peter Boodberg в "Two Notes on the History of the Chinese Frontier", *HJAS*, 3-4 (November, 1936), 292.

135. По поводу этого периода, который на Западе принимают за пятый век, см. Chih Louh Kouoh Kiang Yuh Tchi, в *Histoire géographique des seize royaumes*, pp. 304-407, пер. Des Michels. Peter Boodberg попытался выбрать и реконструировать генеалогию и хронологию *shan-yü* гсиен-ну третьего и четвертого веков в *HJAS*, 3-4 (November, 1936), 298.

136. Произношение современного китайского слова тоба на старо-китайском языке должно быть T'ak-b'uat. Pelliot в *TP* (1912), p. 732.

137. По поводу происхождения тоба см. Pelliot в *TP*, p. 689; *JA* (1925), pp. 254-255, прим. 4; *TP* (1925-26), pp. 79 и 93. См. также Boodberg, "The Language of the T'o-ra Wei", *HJAS*, 2 (July, 1936), 167-185, где излагается предлагаемое объяснение тюркскими корнями нескольких слов тоба, которые дошли до нас в китайской транскрипции.

138. L. Wieger, *Textes historiques*, II, 943.

139. Владения му-жун или королей йен, таким образом разделенные на два внезапной экспансией королевства тоба Вей, стали прибылью для двух ветвей семьи: 1) королевство йен севера Пеи-йен в нынешнем Джехоле, простирающегося от Юнпина на северо-восток и центром в Лунчене около нынешнего Чаоян и на границе нынешнего Джехола и однажды Манчукуо. Это королевство существовало до 436. 2) Йен королевство юга, Нан-Йен в Шантуне с центром в Куангки около Цинчоу (Яиту); это королевство существовало с 398 до 410.

140. Cp. Marquart, *Historische Glossen*, s. 196 и *Êrânšchar*, Berlin, 1910, s. 53 et seq.; Chavannes, *Documents sur les T'ou-kiue occidentaux* (St. Petersburg, 1903), pp. 221, 229; Pelliot, "A propos des Comans", *JA* (1920), p. 144; *TP* (1915), p. 688 и (1920), p. 328. K. Shiratori, "Khan and Khagan", *Proceedings of the Japanese Academy* (June, 1926).

141. За исключением королевства Нан-Йен в Шантуне, часть государств му-жун, которая в 410 была аннексирована южно-китайской империей.

142. Pelliot в *TP* (1912), стр. 792.

143. Cp. P. Demieville, "L'inscription de Yun-kang", *BEFEO*, 3-4 (1925), 449.

144. Так называли для удобства. В действительности, на французском (или на английском) две буквы, представляющие Hung (отец и сын) имеют сходное произношение, но на китайском языке они совершенно различны.

145. В Византии и сирикакской географии Лоян иногда рассматривался как Таугаст, от названия Табгатч или Тоба.

146. Cp. Chavannes, "Le voyage de Song Yun dans l'Udyâna et le Gandhâra", *BEFEO* (1903), p. 379.

147. См. Tallgren, *Collection Tovostine* (Helsinki, 1917). Основными местами, где были найдены примеры минусинского искусства этого периода, являются деревни Анаш, Аяшка, Ойская, Быскар, Городческая, Луговское, Малый-Терек, Протошилово, берега реки Аскыс, деревня Туюшта на правом берегу реки Казыр и различные точки в абаканской степи. Оружия того же стиля были найдены в русской восточной Монголии к югу от озера Байкал; в Бичуре, около Верхнеудинска; в Селенгинске; и в Троицком. См. N. Fettich, "Die Reiternomadkultur von Minussinsk", в *Metallkunst der Landnehmenden Ungarn*, AU (1937). s. 202.

148. Там же, стр. 205.

149. Marquart, “Über das Volkstum der Komanen”, в *Osttürkische Dialektstudien* (Berlin, 1914) и Pelliot, “A propos des Comanes”, *JA* (1920), p. 140.

150. Chavannes, *Documents sur les T'ou-kiue occidentaux*, p. 223. Ср. Albert Herrmann, “Die Hephtaliten und ihre Beziehungen zu China”, *AM*, II, 3-4 (1925), 564-580.

151. T. Noeldeke, *Etudes historiques sur la Perse ancienne*, pp. 161, 163; Marquart, *Êrânšchar*, p. 57; A. Christensen, *L'Iran sous les Sassanides* (Paris, 1936), p. 284.

152. F. W. K. Müller, *Soghdische Texte*, I, 108.

153. Marquart, *Êrânšchar*, pp. 60-63; Christensen, *L'Iran*, p. 289.

154. Установлено Христенсеном (в согласии с Маркуартом), *L'Iran*, конечная карта.

155. Marquart, *Êrânšchar*, pp. 55-57; Christensen, *L'Iran*, pp. 287-288.

156. Pelliot, “Tokhaarien et Koutcheen”, *JA*, I (1934), 42; Chavannes, в *TP* (1907), p. 188.

157. Источники, которые в некоторой степени туманны, обсуждаются La Vallee Poussin, *Dynasties et histoire de l'Inde*, pp. 52-54.

158. Tabari, *Annals*, пер. H. Zotenberg, Paris, 1867-74, II, 131.

159. Sung Yün, пер. Chavannes, *BEFEO* (1903), pp. 402, 417.

160. Ср. A. Foucher, *Art Greco-bouddhique du Gandhâra* (Paris, 1905-51), II, 589.

161. По поводу ефталитской нумизматики см. Junker, “Die hephtalitischen Münzinschriften”, *Sitz. der preuss. Akad. der Wissenschaften* (Berlin, 1930), p. 641; Morgan, *Num. Or.* (1936), pp. 446-457.

162. Тексты обсуждаются в La Vallee Poussin, *Dynasties et histoire de l'Inde*, pp. 62-66.

163. Северо-запад Дели. Королевство Танесвар или Танесар должно быть обязанным своим ростом своей роли пограничного прикрытия, которую оно сыграло в защите края Ганг против гуннских вторжений.

164. Тюркология может дать свидетельство этого раннего раскола между гуннами Азии и гуннами Европы. Согласно N. Porpe, нынешние чувашы, которые обитают в регионе между Самарой и Казанью на Волге, являются потомками западных гуннов. Чувашский язык имеет специфические особенности и различается от всех остальных тюркских языков. Разделение от других тюркских языков, как полагают Поппе и Бартолд, случилось около начала христианской эры. Ср. N. Porpe в *AM*, I, 775 и *Ungarische Jahrbücher*, VII, 151; и Barthold, “Türks”, *EI*, p. 948.

165. По поводу аланов, которые представляют особенный интерес, поскольку они опять могут быть найдены под другим названием, асодов в чингизханской истории, см. Tomaschek, “Alani”, в Pauly-Wissowa, *Real Encyclopädie*; Barthold, “Allan”, *EI*, s. 315; и V. F. Minorsky, “The Alan”, в *Hudud al-Alam*, p. 444. Max Ebert пишет: «К концу второго века д.н.э. аланы все еще вели кочевую жизнь в Арало-Каспийских степях. Оттуда они перешли на Дон. Во времена Страбо они обитали между Каспийским морем и Доном, откуда совершали грабительские походы на парфянский Азербайджан». *Süd-Russland im Alterthum*, s.

375. См. Marquart, *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge* (Leipzig, 1903), ss. 164 et seq.

166. См. L. Franchet, “Une colonie scytho-alaine en Orleanais au Ve siecle. Les bronzes caucasines du Vendmois”, *RS* (February 8 и 22, 1930).

167. Ammianus Marcellinus, XXXI, 2. Sidonius Apollinaris добавляет: «Вооруженный своим огромным луком и длинными стрелами, гунн никогда не промахивается мимо цели. Горе тому, на кого он целится, поскольку его стрелы несут смерть!».

168. Турецкий историк Др Reşit Saffet (Kara Şemsi), профессор университета Истанбула, обрисовал интересный панегерик к Аттиле, *Contribution a une histoire sincere d'Attila* (Paris et Istanbul, 1934). По поводу гуннского искусства в Центральной Азии и Венгрии см. A. Alföldi, “Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung”, *AU* (1932) и Zoltan Takacs, “Congruencies Between the Arts of the Eurasiatic Migration Periods”, *AA*, V, parts 2, 3, and 4 (1935), 177, в которых Takacs завершает свои первые работы, “Chinesische Kunst bei den Hunnen”, *OZ* (1916), pp. 174-186; “Chinesisch-hunnische Kunstformen”, *Bulletin de l'Institut Archeologique Bulgare* (1925), pp. 194-229; “Sino-Hunnica”, читай в School of Oriental Studies, *Alexis Petrovics Anniversary Volume* (1934); “L'art des grandes migrations en Hongrie et en Extreme-Orient”, *RAA* (1931), p. 32. По поводу искусства восточной России того же периода см. Schmidt, “Katchka, Beiträge zur Erforschungen der Kulturen Ostrusslands in der Zeit der Völkerwanderung”, *ESA*, I (1927), 18. По поводу основного обзора сарматских, гуннских и аварских проблем Венгрии см. Fettich, *Metallkunst*, *AU* (1937; плюс том с пластинками).

Глава 2

1. Cp. Pelliot, “L'Origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turks”, *TP* (1915), p. 687; Tomsen, в *ZDMG*, Vol. 78 (1924), 122; F. W. K. Müller, *Uigurica*, II, 67, 97; Marquart, *Untersuchungen zur Geschichte von Eran*, II (1905), 252; Barthold, “Turks”, *EI*, p. 948.

2. Предок ту-чи был вскормлен волчихой. Когда он вырос, то он совокупился с ней и имел десятирех сыновей, которые родились в логове матери-волчихи (Julien, “Documents sur les T'oku-kiue”, p. 326). «На вершине их флагштока ту-чи находится золотая голова волчихи. Телохранители их королей называются волками. Будучи рожденными волчихой, они не хотят забывать свое древнее происхождение» (стр. 331).

3. См. Chavannes, *Documents sur les T'ou-kiue occidentaux*, p. 221 (из *Pei-Shih, Chou Shu u Liang Shu*).

4. Это подтверждено византийским историком Theophylactus Simocattes, который говорит, что остатки аваров нашли убежище на землях Таугаста, иначе говоря, среди потомков табагачов или тоба. Цитировано в Chavannes, *Documents*, p. 246.

5. “Chaganus magnus, despota septium gentium et dominus septem mundi climatum” (Theophylactus Simocattes, VII, 7). Отмечалось, что титулы каган или хан были жуан-жуан и поэтому, представляется, монгольскими титулами. Насколько известно, ту-чи были первым тюркским народом, использовавшим эти титулы.

6. Stanislav Julien перевел основные китайские тексты (*Sui Shu*, *T'ang Shu* и т.д.), относящиеся к ту-чи, а именно, к восточным ту-чи, “Documents sur les T'ou-kiue”, *JA* (1864). Chavannes продолжил эту работу, переведя части, относящиеся к западным ту-чи (*Documents sur les T'ou-kiue occidentaux*, St. Petersburg, 1903) и “Notes additionales sur les T'ou-kiue occidentaux”, *TP* (1904), pp. 1-110.

7. Титул yabgu или yabghu, кажется, перешел к тюркским народам через древний Куча или индо-скифский народ. Кучийский правитель Кадфисес I написал это на своих монетах. Ср. Foucher, *L'art gréco-bouddhique du Gandhâra*, II, 299; Marquart, *Êrânšchar*, p. 204; W. Bang, в *Ungarische Jahrbücher*, VI, 102.

8. По поводу сходства поясных орнаментов Кочкара, к югу от озера Балхаш, с аварской бронзой в Венгрии см. Fettich, *Metallkunst*, *AU* (1937), pp. 211, 274.

9. Тюрки, которые своего первого контакта нашли Северный Китай, оккупированным табатгачами или тоба, продолжали называть страну по имени этого народа; и по тому же названию, по-гречески, таугаст, знали такие историки, как Theophylactus Simocattes. Ср. Thomsen, “Inscriptions de l'Orkhon”, в *Memoires de la Societe finno-ougrienne* (Helsinki, 1896), V, 26.

10. По поводу вариантов этого названия см. Marquart, *Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften*, s. 185 и Marquart, *Êrânšchar*, p. 216. Рассказ об Истами был составлен из китайских, византийских и арабских источников Chavannes, *Documents*, pp. 226 et seq.

11. По поводу культуры и верованиях ту-чи см. Thomsen, “Alttürkische Inschriften aus der Mongolei”, в *ZDMG*, n.s., Vol. 3, Part 2 (1924), p. 131.

12. Следует напомнить, что византийские (Менандер и Теофилактус) и китайские источники являются предметом сравнительного исследования Chavannes в его *Documents*, pp. 233-252.

13. Действительно, армянский историк Себеос пишет, что в 597-598 персы под командованием армянского генерала Семпада Багратуни предприняли контратаку на тюркскую территорию до Балха. См. Marquart, *Êrânšchar*, pp. 65-66; Chavannes, *Documents*, p. 251; Hsüan-tsang, *Histoire de la vie*, пер. Stanislav Julien (Paris, 1851), pp. 61-66.

14. Thompson, “Inscriptions de l'Orkhon”, *Memoires de la Societe finno-ougrienne*, V, 97-98.

15. Thompson, “Alttürkischen Inschriften aus der Mongolei”, *ZDMG* (1924), p. 130.

16. Tängri означает как небо, так и бора. Pelliot, “Le mont Yu-tou-kin (Ütükan) chez les anciens Turcs”, *TP*, 4-5 (1925), 212-219.

17. Несомненно также земное божество, персонифицированное в божестве Горы Ötükan и идентичное с Ätügän или Itügän, земным божеством монголов тринадцатого века. Pelliot, “Le mont Yu-tou-kin (Ütükan) chez les anciens Turcs”, *TP*, 4-5 (1929), 212-219.

18. Пример Тонюкука показывает, что китайское обвинение является часто малообоснованным.

19. Julien, “Documents”, *JA* (1864), p. 331.

20. Thomsen, “Inscriptions de l'Orkhon”, pp. 98-99.

21. С 575 по 585 хан То-по оказывал гостепримство Джнангупта, гандахарскому миссионеру, который был изгнан из Китая и который обратил хана в буддийскую религию. Ср. Chavannes, "Jinagupta", *TP* (1905), pp. 334, 346.

22. См. восстановленную Chavannes биографию Тарду в *Documents*, p. 48, примечания 1 и 241.

23. Китайская форма тюркского оригинала Ishpara? См. Pelliot, "Sur quelques mots d'Asie Centrale", *JA* (1913), p. 211.

24. Приблизительно в это время, в 598, Тарду направил посольство к императору Маурицию в Константинополе с письмом, в котором он исключительно представляется как верховный каган, "Великий Вождь Семи Наций и Хозяин Семи Климатов" (Теофилактус в Chavannes, *Documents*, p. 246).

25. См. Sui Shu, пер. Chavannes, в *Documents sur les T'ou-kiue occidentaux*, pp. 15-20; F. Jäger, "Leben und Werke des P'ei-kiu, chinesische Kolonialgeschichte", *OZ* (October, 1921).

26. См. Pelliot, "Note sur les T'ou-yu-houen et les Sou-p'i", *TP* (1920), 323.

27. Китайский рассказ об этом эпизоде, написанный изящным эпическим стилем, был переведен Julien в "Documents sur les T'ou-kiue", *JA* (1864), pp. 213-219.

28. Китайские источники (*T'ang Shu*) пер. Stanislav Julien, "Documents sur les T'ou-kiue", *JA* (1864).

29. *T'ang Shu*, пер. Chavannes, "Documents", p. 95.

30. Ср. Thomsen, "Inscriptions de l'Orkhon", p. 99. Китайские источники, уже переведенные A. Gaubil, "Histoire de la dynastie des T'ang" в *Memoires concernant les Chinos*, XV, 441.

31. *T'ang Shu*, пер. Chavannes, *Documents*, pp. 24-25, 53.

32. Hsüan-tsang, *Vie*, пер. Julien, p. 55.

33. Chavannes, *Documents*, p. 192.

34. *T'ang Shu*, пер. Chavannes, *Documents*, pp. 25-26, 53.

35. Там же, pp. 27-32, 56-58.

36. См. Pelliot, "Tokharien et Koutcheen", *JA*, I (1934), 52. Без погружения в лингвистику, мы можем дать произвольные примеры индо-европейского характера кучийской и связанной с ней лексики: *st* и *nessi* = to be; *ste* = he is; *pâtar*, *mâter* = father, mother; *pracer* (*frater*) = brother; *se* = son; *tkacer* = daughter; *okso* = ox; *yakwe* (*equus*) = horse; *ñem* = name; *knân* = to know; *klautke*, *kaklau* = circle; *sâlyi* = salt; *malkwer* = milk; *wek* = voice; *ek* = eye; *traï* = three; *okt* = eight; *ikam* = twenty; *kante* = hundred; *meñe* = moon; *pest* = after.

37. Pelliot, "Le Cha-tcheou Tou tou fou t'ou king et la colonie sogdienne du Lob-nor", *JA*, I (1916), 120.

38. Hackin, в особенности, в "L'art indien et l'art iranien en Asia Centrale", 253 и "Buddhist Art in Central Asia", p. 12.

39. Cf. Hackin, "Recherches archeologiques en Asie Centrale", *RAA* (1936).

40. Ср. Pelliot, "Note sur les anciens noms de Koutcha, d'Aqsu et d'Utch-Turfan", *TP* (1923), p. 127 и "Tokharien et Koutcheen", *JA* (1934), pp. 86-87; H. Lüders, "Weitere Beiträge zur Geschichte und Geographie von Osttürkistan", *Sitz. Der preuss. Akad. der Wissenschaften* (Berlin, 1930), p. 17. В так называемых текстах "Tokharian A" Sieg думает, что он узнал имя *ârçi*, которое является лишь «тохараизацией»

пракритского слова *ârçi*, представляющего собой санскритское слово *ârya*. См. Bailey, “Taugara”, *BSAS*, VIII, 4 (1936), 912.

41. Столица королевства Турфан под династией Т’анг не находилась на нынешнем месте с тем же названием, а гораздо восточнее, в Идигутшае, который является старым Кара-ходжа и который поэтому не соответствует полностью сегодняшнему Кара-ходжа. См. Pelliot, “Kao-tch’ang, Qotcho, Hou-tcheou et Qarakhodja”, *JA*, I (1912), 579. Китайские источники сведений (*T’ang Shu*) по Турфану были переведены Chavannes в *Documents*, pp. 101-110 и в кратком виде изложены Sylvain Levi в *Fragments des texts koutcheens* (Paris, 1933), p. 15.

42. По поводу “Tokharian” и согдианское название (Арг и Ак?) Kara Shahr, найденных в санскритских письменах, см. Pelliot, “A propos du tokharien”, *TP*, p. 265 и Henning, “Argi and the Tokharians”, *BSAS* (1938), p. 564. Китайские источники по Kara Shahr переведены Chavannes, *Documents*, pp. 110-114 и просуммированы Levi, *Fragments*, pp. 8-15. Подтверждение санскритского названия Агни для Kara Shahr находится в Lüders, “Weitere Beiträge”, p. 20.

43. Китайские источники (*T’ang Shu*), относящиеся к истории Кучи, переведены Chavannes, *Documents*, pp. 114-121 и просуммированы Syulvain Levi, “Le Tokharien B’, langue de Koutcha”, *JA*, II (1913).

44. Hsüan-tsang, *Vie* (пер. Julien), p. 48.

45. Кучийское слово *пуаруо* означает «цветок» (Levi, *Fragments des texts koutcheens*, p. 140).

46. Китайские источники (*T’ang Shu*) в Chavannes, *Documents*, pp. 121-128. См. Sten Konow, “Khotan Studies”, *JRAS* (1914), p. 339; Levi, “Les rois Fou-tou de Khotan”, *там же*, p. 1020; F. W. Thomas, “The Language of Ancient Khotan”, *AM*, II (1925), 251.

47. *T’ang Shu*, пер. Chavannes, *Documents*, p. 121.

48. *Там же*, стр. 174-178.

49. *Там же*, стр. 32-38; 59-66.

50. Тибетские документы, доставленные из Тунхвана Пеллиотом (Bibliothèque Nationale, фонд Пеллиота) и изученные J. Bacot, доказали, что тибетское обращение в буддизм, прежде приписываемое тибетским королям седьмого столетия, случилось позднее (Bacot, сообщение к Société Asiatique, 1937).

51. Thomsen, “Inscriptions de l’Orkhon”, p. 100.

52. Полагали, что куриканы жили на западном берегу озера Байкал.

53. Thomsen, “Inscriptions de l’Orkhon”, pp. 101-102.

54. «Месторасположением правительства империи был лес Отыюкана», свидетельствует надпись Мо-ки-лин (*там же*, стр. 116). Это место было предположено Томсеном в *ZDMG*, Vol. 78 (1924), 123.

55. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, II. (Radloff, “Die Inschrift des Tonjukuk”; F. Hirth, “Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk”; V. V. Barthold, “Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen”).

56. См. Radloff, *Altürkischen Inschriften*, II, 31.

57. Идентификация Hirth, “Nachworte”, s. 56-58.

58. *T’ang Shu* в Chavannes, *Documents*, p. 119.

59. Вид тургишей найден у уйгуров; см. например, A. von Gabain, “Die uigurische Uebersetzung der Biographie Hüen-tsangs”, *Sitz. der preuss. Akad. der Wissenschaften* (Berlin, 1935), s. 24.

60. T’ang Shu в Chavannes, *Documents*, pp. 43, 79 (где упоминается о двух резиденциях тургшского хана: «большой лагерь» в токамакской долине и «малый лагерь» в Kungyueh, к северу от Или. См. замечания Chavannes, *там же*, стр. 283).

61. Pelliot, “Neuf notes sur des questions d’Asie Centrale”, *TP*, 4-5 (1929), 206-207.

62. Cp. Stanislav Julien, “Documents sur les T’ou-kiue”, *JA* (1864), pp. 413-458. По поводу Мо-ч’о и Bäk-chor см. Pelliot, *TP* (1901), p. 450.

63. Julien, “*Documents*”, p. 420.

64. Thomsen, “*Inscriptions de l’Orkhon*”, p. 109.

65. *Там же*, стр. 105.

66. *Там же*, стр. 109.

67. Marquart, *Chronologie der alttürkischen Inschriften* (Leipzig, 1898), pp. 17 и 53; Chavannes, *Documents*, p. 283. По поводу So-ko, по-тюркски, Saqal, согласно Пеллиоту, см. *Tang Shu*, *там же*, стр. 43-44, 79-81.

68. Thomsen, “*Inscriptions de l’Orkhon*”, pp. 110, 111.

69. См. Pelliot, “La fille de Mo-tch’o qaghan et ses rapports avec Kül-tegin”, *TP* (1912), p. 301.

70. Мо-ки-лиен был назначен ранее своим дядей Мо-ч’о, ханом Syr Tardush, тюркским племенем региона Кобдо.

71. Тридцать татар (Отуз Татар) были немного дальше. См. Thomsen, “*Inscriptions de l’Orkhon*”, p. 140.

72. Уйгуры или Töläch, по-старому, по-видимому, кочевали около тарбагатайского региона, к юго-западу от Алтайского хребта монголов и карлуки, несомненно, обитали около восточного края озера Балхаш. Уйгурские вожди, подобно карлукским, носили титул *eltäbir*. Cp., *там же*, стр. 127, 128.

73. *Там же*, стр. 112, 125-126.

74. *Memoires concernant les Chinois*, XVI, 11. Cf. J. Marquart, “Skizzen zur geschichtlichen Völkerkunde des Mittelasiens und Sibiriens”, *FFH*, p. 291.

75. Thomsen, “*Inscriptions de l’Orkhon*”, pp. 117-118.

76. После смерти Мо-ки-лин Hsüan-tsung должен был отдать дань к мирным чувствам и искренней дружбе, которые этот каган оказывал по отношению к империи. См. Pelliot, “L’inscriptions chinoise de Bilgä qaghan”, *TP*, 4-5 (1929), 238.

77. Cp. Pelliot, “Les funeraillles de Kül-tegin”, *TP*, 4-5 (1929), p. 246.

78. Pelliot, “L’inscriptions chinoise de Bilga qaghan”, *TP*, 4-5 (1929), 229-246.

79. Вопросом, который подвергся к наибольшему обсуждению среди тюркологов, является следует ли идентифицировать уйгуров как огузов. Это хорошо известное противоречие основывается на следующих предпосылках:

Идентификация уйгуров как огузов поддерживался Томсеном (“*Inscriptions de l’Orkhon*”, p. 147) и Маркуартом (*Chronologie der alttürkischen Inschriften*, p. 23 и *Osteurspätsche und Ostasiatische Streifzüge*, s. 91). Бартолд возражал против этой теории (“Toghuzghuz”, *EI*, стр. 848 и “Vorlesungen”, стр. 53). Не менее спорно точное расположение Токуз Огуз или Девять Огуз, упомянутого в надписях ту-чи восьмого века и в уйгурских надписях девятого века. Бартолд (“*Turks*”, *EI*, стр. 948)

располагает их весьма гипотетично на севере Ötükän (хангайские горы?); другие эксперты, за которыми следовал Albert Herrmann (*Atlas of China*, pp. 35, 39), располагают их на середине р. Керулен. Те, которые заявляют, что уйгуры и Токуз Огуз были идентичными, выдвигают следующие аргументы: 1) В надписях Örgöti уйгурский каган Мо-йен-чо называет свой народ “On Uigur Toquz Oghuz” (хотя оно может означать конфедерацию двух отдельных элементов). 2) В *Oghuz-name* Огузхан, эпонимный герой огузов, говорит, «Я каган уйгуров» (цитируется Pelliot, “Sur la legende d’Oghuz-khan en écriture ouigour”, *TP*, 4-5 [1930], 351). Однако, Пеллиот придерживается мнения, что *Oghuz-name* «было сочинено на уйгурском языке Турфана около 1300»; таким образом, цитированная фраза может представлять не более чем местное лингвистское дополнение, выполненное позднее. 3) Масуди, Гардизи и Якут говорят нам, что Токуз Огуз были одно время маничеанами, которые, кажется, идентифицируются с уйгурами, ставшими маничеанами между 763 и 840. В связи с этим возникает вопрос, возможно, имеет место замешательство у трех историков по поводу уйгуров и огузов, связанное со сходством названий? Противоположный аргумент, поддерживаемый Бартолом, состоит в том, что Токуз Огуз должны идентифицироваться не уйгурами, а старым ту-чи; действительно, каган ту-чи Мо-ки-лин в Кошо-Цайдамской надписи называет Токуз Огуз «мой собственный народ». Тем не менее, те же самые орхонские надписи показывают, что Токуз Огуз должны были быть, частично, автономными, поскольку они напоминают походы Мо-ки-лин и Кул-тегин для подавления их восстаний. Следовательно, очевидно, что мы не можем быть уверенными в том, что уйгуры и Токуз Огуз были идентичными. Мы даже не знаем, идентичен ли Токуз Огуз Монголии, упомянутый в надписях Орхона восьмого и девятого веков с Токуз Гуз и Гузз, упомянутые, например, в персидской географии *Hudud al-Alam* десятого века. В это время, действительно, согласно этому тексту, тюрки, известные как Токуз Гуз, жили к югу от озера Балхаш, в нынешнем Семиречье, региона Или, Чарин, Текес и Музарт (Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 263-279 и карта, стр. 279); и другие тюрки, называемые Гузз, обитали в регионе, занимаемом сегодня киргиз-казахами, к западу от озера Балхаш и к северу от Аральского моря, в степях Сарысу, Тургая и Эмбы (*там же*, стр. 311 и карта, стр. 307). Видно, что гуззы киргизских степей должны быть ветвью Токуз Гузз Семиречья, как это ясно, что узы (*Ouzoi*) южной России в одиннадцатом веке возникли из гуззов, также как и сельджукские тюрки Персии одиннадцатого века и нынешние туркмены.

80. T’ang Shu, пер. Chavannes, *Documents*, pp. 44-46; *T’ang Shu*, pp. 81, 83. Как показал Маркуарт, Бага-тархан является Koûrçoûl из Табари (koûrçoûl = kulchur). Marquart, *Chronologie der alttürkischen Inschriften*, s. 38, n. 1; Barthold, “Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen”, s. 27.

81. Tse tche t’ong kien в Chavannes, *Documents*, p. 286, n. 1.

82. *Там же*.

83. *T’ang Shu*, там же, стр. 45, n. 1 и стр. 143.

84. *Там же*, стр. 286, n. 1.

85. *Там же*, стр. 127, 207.

86. По поводу этого периода см. критический рассказ о мусульманских источниках в Barthold, *Turkestan down to the Mongol Invasion* (London, 1928), pp. 184-196.

87. Там же, стр. 184-185, согласно Табари и Баладхури.

88. Ср. мнение Маркуарта в *Chronologie der alttürkschen Inschriften*, s. 8. Однако, с этим не согласен Бартолд в “Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen”, s. 10, где он выражает свое мнение, что племянник кагана не обязательно был Кул-тегином.

89. По поводу, якобы, арабского завоевания Кашгара, см. Н. А. R. Gibb, “The Arab Conquest in Central Asia”, *BSAS*, II (1923). Основание фактов, согласно арабским источникам (Tabari, Baladhuri) дано Бартолдом в *Turkestan*, стр. 185-188. Китайские источники (*T’ang Shu*, *Tch’e fou yuan kouei*) переведены Chavannes в *Documents*, стр. 203, 294.

90. Фергана = Ningyüan в географической номенклатуре Т’анг.

91. *Tse tche t’ong kien* в Chavannes, *Documents*, стр. 148.

92. *T’ang Shu*, там же, стр. 136, 138.

93. В 719 наместник Тохаристана по имени Теш (Ti-shö) отправил в китайский двор маничеана, искусного в астрономии (Chavannes et Pelliot, “Un traite manicheen retrouve en Chine”, *JA*, I (1913), 153). По поводу китайских грамот, дарованных *yabghu* Тохаристана см. *T’ang Shu* и *Tse tche t’ong kien* в Chavannes, *Documents*, стр. 157, 206.

94. Barthold, *Turkestan*, стр. 189-192 (согласно Табари) и Chavannes, *Documents*, стр. 203-207.

95. *T’ang Shu* в Chavannes, *Documents*, стр. 132, 166; *Tch’e fou yuan kouei*, там же, стр. 209, 213.

96. *T’ang Shu*, там же, стр. 151 и 214 (стр. 151-152, биография Kao Sien-chih в соответствии с *T’ang Shu*) и реконструкции Chavannes, стр. 296.

97. Там же, стр. 142, 297; Barthold, *Turkestan*, стр. 195-196.

98. Ср. Barthold, “Türks”, *EI*, стр. 948-949.

99. Король Хотана Wei-chö Cheng (из династии Вей-чө) также доставил контингент войск для помощи династии Тан против мятежников.

100. Из этой китайской надписи Мо-уен-чо, Shlegel постулировал тюркское имя Моуун-чор; в то время как Пеллиот замечает, что более вероятно эквивалентом было бы Баян-чор (Pelliot, “A propos des Comans”, *JA* [1920], p. 153). Уйгурским титулом этого принца является *Tängrida qut bulmysh il ytmish bilgä qaghan*. В орготайской долине, между Орхоном и Селенгой, найдена его могила и надпись на ней все еще написана на древнем или «руническом» тюркском языке. Ср. Ramstedt, *Zwei Ungarischen Runneninschriften in der Nord-Mongolei* (Helsinki, 1913), XXX и Chavannes, в *TP* (1913), p. 789.

101. В маничеанском фрагменте и надписи Карабалгасуна с приб. 820 этот каган упоминается сериями качеств: «*Ulug ilig* [великий король], *tängrida qut bulmysh* [получивший от Небесной величие], *ärdämin il tutmysh* [своими заслугами держащий в своей руке королевство], *alp* [героический], *kutlugh* [величественный], *külüğ* [славный], *bilgä* [мудрый]» (F. W. K. Müller, *Uigurica*, II, 95).

102. Ср. Chavannes et Pelliot, “Un traite manicheen retrouve en Chine”, *JA*, I (1913), 190, 195-196.

103. Там же, стр. 276. В тоже время Китай сильно нуждался в союзе с уйгурами против тибетян. Около 787 тибетяне овладели оазисом Куча у последнего гарнизона династии Тань, однако, впоследствии они были отброшены назад

уйгурами. В 791 они атаковали китайский форпост Линву около Нинся в Кансу и еще раз, благодаря уйгурам, они были отброшены. С 783 по 849 и опять до 860 они настойчиво удерживали регион Синин и Линчоу в юго-западном Кансу.

104. Ср. Radloff, *Atlas der Altertümer der Mongolei* (St. Petersburg, 1892-99), Pls. XXXI-XXXV; Radloff, *Antiquites de l'Orkhon* (Helsinki, 1892), pp. 50-60; F. W. K. Müller, *Sitz. der preuss. Akad. der Wissenschaften* (Berlin, 1909), s. 276.

105. Можем отметить, что маничеанский запрет употребления молока и масла, который трудно было соблюдать на этих землях, развивающих скотоводство и кумыс, вместе с призывом есть овощи, превратили уйгуров из их пастушеской жизни в земледельцев (см. Chavannes et Pelliot, "Traite manicheen", p. 268).

106. Свидетельство из согдианских надписей Карабалгасуна, Бешбалига, Турфана, Кара Шахра и др. показывает, что «Четыре Тугри» были покорены уйгурами около 800. Henning, "Argi and the Tokharians", *BSAS* (1938), p. 550.

107. См. A. von Le Coq, *Buddhistische spätantike in Mittelasien*, II, *Manichäische Miniaturen* (Berlin, 1923) и *Chotscho* (Berlin, 1913), Pls. 1-6.

108. Von Le Coq, *Chotscho*, Pls. 30-32 и *Buddhistische spätantike*, III, Pl. 17; также E. Waldschmidt, *Gandhara, Kutscha, Turfan*, Pls. 16-21.

109. Waldschmidt, *Gandhara, Kutscha, Turfan*, рис. 18.

110. Уйгурский принц Турфана десятого века, Bughra Sali Tutuq, представлен на одной из фресок Безеклика.

111. См. von Le Coq, *Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde* (Berlin, 1919), стр. 93-109.

112. См., например, Annemarie von Gabain, "Die uigurische Uebersetzung der Biographie Hüen-tsangs", *Sitz. der preuss. Akad. der Wissenschaften* (Berlin, 1935).

113. Один из последних уйгурских ханов, Бу-кияй (Ugä?), больше авантюрист, чем правитель, попытался установить свое положение в Гоби путем войны против как киргизов, так и против китайцев. Он был убит в неясных обстоятельствах на Алтае в 847.

114. См. Barthold, "Beshbalik", *EI*, стр. 746.

115. Уйгурские короли Канчоу претендовали на титул кагана (Chavannes et Pelliot, "Traite manicheen", p. 179).

116. Это, выходит, согласуется с упоминанием уйгурских «божественных королей» Канчоу на многочисленных буддийских панелях Пещер Тысяч Будд в Тунхване. Chavannes et Pelliot, "Traite manicheen", p. 303.

117. Barthold, "Turks", *EI*, p. 952. Басмилы, которые в седьмом веке предшествовали уйгурам в регионе Кучен, бывшего Бешбалиг, имели в дополнение к тюркскому свой собственный язык.

118. Можем упомянуть, например, уйгурский перевод *Жизнь Hsüan-tsang*, датируемый второй четвертью десятого века и недавно переведенный г-жей von Gabain в "Die uigurische Uebersetzung".

119. Barthold, "Toghuzghuz", *EI*, p. 848 и "Türks", там же, стр. 949.

120. Barthold, "Toghuzghuz" и "Türks", p. 948. Ср. Minorsky, *Hudid al-Alam*, p. 266. *T'ang Shu*, пер. Chavannes (Documents, p. 96), рассказывает, что Sha-t'o были западного ту-чи племени, происходящие из Ch'u-yueh, тюркского племени, которое в седьмом и восьмом веках кочевали, в зависимости от времени года, между Кучен и озером Баркол.

121. По поводу хитанов, см. G. von Gabelentz, *Geschichte der grossen Liao*, перевод из *Liao-shih* (St. Petersburg, 1877), I, 209; Chavannes, "Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen", *JA*, I (1897), 377; J. Mullie, "Les anciennes villes de l'empire de Grands Leao au royaume mongol de Barin", *TP* (1922), p. 105. На монгольском языке единственное число – китан, а множественное число – китат.

122. Pelliot, "A propos des Comans", *JA* (1920), pp. 146-147. Отметим, что Рашид ад-Дин ясно утверждает, «что хитанский язык очень близок к монгольскому». См. также Willy Baruch, "The Writing and Language of the Si-Hia and K'i-tan", в A. Salmony, *Sino-Siberian Art in the Collection of C. T. Loo* (Paris, 1933), p. 24 и W. Kotwicz, *Les Khitai et leur écriture* (Lwow, 1925), p. 248. Отец Mostaert думает, что хитан был монгольским множественным числом слова хитай (Mostaert, "Ordosica", *Bulletin 9, Catholic University of Peking* (1934), p. 40).

123. Cp. Chavannes, "Voyageurs chinois", *JA*, I (1897), 382; Bretschneider, *Mediaeval Researches*, I, 265.

124. Культурное влияние уйгуров на хитанов, по-видимому, было значительным. Одна из двух хитанских записей, видно, выполнено на основе уйгурской письменности, другая – китайских иероглифов. Marquart, *Guwaini's Bericht über die Bekehrung der Uiguren*, s. 500-501; Chavannes et Pelliot, "Traite manicheen", pp. 377.

125. Известен как «из Shu-lü клана»; в китайской транскрипции; «Shu-lü shih».

126. Wieger, *Textes historiques*, II, 1537-1538.

127. Cp. Mullie, "Les anciennes villes de l'empire des Grands Leao", *TP* (1922), p. 105. С 1044 Татун рассматривался как западная столица *hsi-ching*.

128. «Кикоу находится на расстоянии тридцати *лье* к юго-западу от Чочоу. К концу династии Тань здесь был установлен барьер (*куан*). Согласно комментариям Ху Сан-шен; барьер был на севере от реки Кю-ма, которая начинается в регионе северо-западного Силин и течет слегка южнее Юичоу» (примечание des Rotours).

129. M. des Rotours пишет, что идентификация Шенчоу была совершенно запутана, сначала Mailla и затем Cordier. Mailla (VIII, 147) пишет, что хитаны стояли лагерем на севере от Танюан. Des Rotours говорит, что это является неправильным чтением Шенюан, другого названия Шенчоу под династией Сунь. Кордиер еще более путает, делая Шенчоу другим городом из Танюан из Mailla: «Хитаны стояли лагерем на севере Танюан или Таичоу, ныне Каичоу, и завладели Ченчоу» (*Histoire generale de la Chine*, Paris, 1777-85, II, 87). На самом деле под вопросом стоит лишь один город, известный в период Сунь как Шенчоу, Шенюан или Ченчоу; как Каичоу в семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом веках; и как Пуянсин под Китайской Республикой, в результате исправления ошибок Маилла и Кордиера с любезной помощью M. Des Rotours.

130. См. Chavannes, "Voyageurs chinois", p. 414; Bretschneider, *Mediaeval Researches*, I, 209; Herrmann, *Atlas of China*, pp. 43, 44.

131. См. Marquart, *Osttürische Dialektstudien*, p. 54; Barthold, "Qara-Khitai", *EI*, p. 782 и *Turkestan down to the Mongol Invasion*, p. 279.

132. См. Pelliot, "Les documents chinois trouves par la mission Kozlov", *JA* (May-June, 1914), p. 503 и *TP* (1925), pp. 6, 399; Ivanov, "Les monuments de l'écriture tangout", *JA*, I (1920), 107; Willy Baruch, "The Writing and Language of the Si-Hia and

K'i-tan", *Sino-Siberian Art*. По поводу искусства Hsia-Hsia см. A. Bernhardt, "Buddhist. Bilder der Glanzzeit der Tanguten", *OZ* (October, 1917).

133. Barthold, "Kara Kitâi", *EI*, p. 782.

134. Pelliot et L. Ker, "Le tombeau de l'empereur Tao-tsong des Leao (1055-1101) et les premiers inscriptions connues en écriture k'i-tan", *TP* (October, 1923), p. 292; W. Kotwicz, "Les Khitai et leur écriture", *Rocznik Orientalistyczny* (1925), p. 248.

135. Пеллиот полагает, что форма Djürtchät (Jurchid) должна быть первоначальной. См. *TP* (1930), pp. 297 и 336; "Joutchen [Ju-chen] на самом деле является искаженной формой Djürtchät".

136. См. Chavannes, "Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen", *JA*, I (1897), 378; Wieger, *Textes historiques*, II, 1621.

137. Название Wan-yeu, которое носило королевская семья, возможно, является не более чем тунгусской транскрипцией китайского слова *wang*, означающего король или принц. Pelliot, "Sur quelques mots d'Asie Centrale", *JA* (1913), p. 467.

138. Pelliot, *TP* (May-July, 1922), p. 223; C. J. de Harlez, *Histoire de l'empire kin ou empire d'or, traduit de l'Aisin Gurun* (1887).

139. Одна деталь этой войны касается истории христианства. Во время из вторжения кины взяли в плен определенных членов онгутского (Öngüt) племени, которые позднее осели в районе Токто в северном Шаньси, однако отсюда различные кланы эмигрировали в направлении Линтао в южном Кансу. Кины переместили их на юг Манчжурии. Эти онгуты были несторианами и видение, которое явилось королю Ву-ки-маи и которое объяснило ему одной из их икон, помогло им получить свободу и поселение кинами в Цинчоу, на севере от Желтой Реки. Pelliot, "Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient", *TP* (1914), p. 630.

140. См. Barthold, *Turkestan*, стр. 381; Pelliot, *JA* (1920), p. 146.

141. Pelliot, "Chaman", *JA* (March-April, 1913), p. 468; W. Grube, "Note preliminaire sur la langue et l'écriture des Jou-tchen", *TP* (1894), p. 334.

Глава 3

1. Mirkhond, *Histoire des Samanides* (Paris, 1845), пер. C. F. Defremery, p. 113.

2. Tabari в Barthold, *Turkestan*, стр. 210.

3. Эта дата обсуждалась *там же*, стр. 225.

4. *Там же*, стр. 224, согласно Narshaki, Tabari и Mas'udi. Последний источник утверждает, что несторианами, которые были принудительно обращены саманидами, были карлукские тюрки.

5. *Там же*, стр. 243.

6. *Там же*, стр. 249-251.

7. См. Pelliot, "Notes sur le Turkestan", *TP* (1930), p. 16.

8. Barthold, *Turkestan*, стр. 261, 262.

9. *Там же*, стр. 268. Дата дана Гардизи.

10. Приблизительно в тоже самое время Кашгар, полагается, был оккупирован ягма, другим тюркским племенем и кланом Тоquz Oghuz (первая четверть десятого века?). По поводу названия этого клана см. Pelliot, *JA* (1920), p. 135 и *TP* (1930), p. 17; также Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 277. История караханидов, до настоящего времени весьма запутанная, была, наконец, уточнена

Бартолом, который сопоставил все восточные материалы в своем *Turkestan down to the Mongol Invasion* [London, 1928], pp. 254 и т.д.

11. См. там же, стр. 258-259.

12. Пеллиот предложил чтение Илиг, чем Илек у Бартолда, поскольку Илиг было уйгурским названием короля. “Notes sur le Turkestan”, *TP* (1930), стр. 16.

13. Датировано Гардизи у Бартолда, *Turkestan*, стр. 273. Победа Махмуда над караханидами была обязана его использованию индийских слонов.

14. Сообщение для *Academy des Inscriptions*, 1937.

15. Barthold, *Turkestan*, pp. 285-286, согласно Гардизи.

16. По поводу титула Тамагач-хан, иначе говоря, «король северного Китая» (Табагач), см. Barthold, *Turkestan*, стр. 304. По поводу мусульманского благочестия этого правителя см. там же, стр. 311 (согласно Ibn al-Athir). Он был довольно интересным примером некоего тюрка и способного администратора.

17. Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 311 и карта, стр. 307.

18. Barthold, “Kipčak”, *EI*, стр. 1082.

19. См. Barthold, “Ghuzz”, *EI*, стр. 178 и “Turkmens”, там же, стр. 943. J. Deny, *Grammaire de la langue turque* (Paris, 1921), p. 326, рассказывает о названии «туркмен», принятый гуззами, добавлением суффикса *mān* (или *men*), который на тюркском языке имеет смысл усиления. Туркмен, таким образом, обозначает нечто, подобное «тюрк чистой крови», «основательно выведенный тюрк».

20. Традиционное произношение в арабо-персидской истории дало Seljûq (или Saljûk). Однако, первоначальное правильное произношение было Seljuk. См. Barthold, *Turkestan*, стр. 257.

21. Там же, стр. 257.

22. По поводу истории селджуков см. *Ibn al-Athir, Kâmil f'it Ta'rikh*, частично перевод. в *Recueil des historiens des Croisades. Historiens Orientaux* (Paris, 1872-1906, в 5 томах); M. T. Houtsma, *Recueil des textes relatifs a l'histoire des Seljoucides* (Leiden, 1886-1902, в 4 томах); “Histoire des Seljoucides et des Ismaeliens (Târikh-I guzida)”, пер. Defremery, *JA* (1848); Houtsma, “Tughril I”, *EI*, стр. 872 и “Malik-shâh”, там же, стр. 225; Barthold, *Turkestan*, стр. 302 и т.д.

23. См. Claude Cahen, “La campagne de Mantzikert d'après les sources musulmanes”, *Byzantion*, IX, 2 (1934), 613.

24. Barthold, *Turkestan*, стр. 309.

25. См. J. Laurent, *Byzance et les Turcs seldjoucides* (Paris, 1913), стр. 96-98.

26. Barthold, “Guzz”, *EI*, стр. 178.

27. Библиография у Zettersteen, “Sulaimân”, *EI*, стр. 559 и Houtsma, “Tutush”, там же, стр. 1034; Rene Grousset, *Histoire de Croisades* (Paris, 1934-36), I, xiv.

28. См. Ibn al-Qalanisi, *Damascus Chronicle*, пер. Gibb (1932). Я написал довольно короткий рассказ о селджуках Алеппо и Дамаска в т. I моей *Histoire des Croisades*, к которому и отсылаю читателя.

29. «Плато Лякония холодное с голыми землями, где ведутся большие количества онагров, но там почти полностью отсутствует питьевая вода. Отсутствие воды не препятствует животным размножаться на этих землях. Шерсть животных несколько груба. Здесь имеются также соленые озера» (Strabo, XII, 6, 1, ред. Tardieu., стр. 533).

30. По поводу влияния тюркской истории на личности первых трех селджуков см. Barthold, *Turkestan*, стр. 305.
31. См. Ibn al-Athir, в *Historiens Orientaux*, I.
32. Библиография в Zettersteen, "Kizil Arslan", *EI*, стр. 1113; см. Houtsma, "Tughril II", *там же*, стр. 871.
33. См. Barthold, *Turkestan*, стр. 319.
34. Арслан-хан был смещен со своего трона из-за интриг суннитского «духовенства», которое приобрело большое влияние в делах Бухары и Самарканд. Этот «клерикализм» увеличился в Трансоксонии под властью шахов Хорезма и, после чингизидской бури, под властью тимуридов и узбеков. *Там же*, стр. 320.
35. Barthold, *Turkestan*, стр. 326-327, опровергает (вместе с Juvaini) Ibn al-Athir, который обвиняет Атсиза, шаха Хорезма за помощь со стороны Кара-Китая против Санджара. Победоносные каракитайцы были лишь активны в грабеже земель хорезмцев. Обвинение возникло из того факта, что поражение Санджара сыграло на руку Атсиза.
36. Согласно Juvaini, Санджар умер 8 марта 1157; см. *там же*, стр. 332.
37. Селджуки экспортировали иранскую культуру в Малую Азию. Селджуки из Кония приняли персидский в качестве своего официального языка и он оставался в качестве судебного языка здесь до 1275 (J. H. Kramers, "Karamân-oghlu", *EI*, стр. 793).
38. В 1123, согласно *Liao-shih*, Ye-lü Ta-shih бежал из Пекина по направлению к Бешбалигу. См. Pelliot, *JA* (April-June, 1920), стр. 174. Имя Ta-shi, возможно, на китайском представляет собой титул *t'ai-tsu*, принц, или *t'ai-shih*, великий учитель. Pelliot, "Notes sur le Turkestan", *TP* (1930), стр. 45.
39. По поводу этого имени см. Bertschneider, *Mediaeval Researches*, I, 18 и Pelliot, "Notes sur le Turkestan", стр. 18.
40. Об этих событиях см. Juvaini, *Ta'rikh-i Jahan-gusha*, пер. в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, I, 441 и Bretschneider, *Mediaeval Researches*, I, 225.
41. См. Pelliot, "Notes sur le Turkestan", стр. 49.
42. Barthold, *Zur Geschichte des Christentums in Mittelasien bis zur Mongolischen Eroberungen* (Tübingen, 1901), s. 49.
43. Rukn ad-Din Mahmud должен был бежать с потерпевшей поражение армией, но другой караханид, табагач-хан Ибрагим стал властелином Самарканда под покровительством Кара-Китая (ум. 1156). После него Чагри-хан Джалал ад-Дин правил этим городом; он также был караханидом и вассалом Кара-Китая (1156-63). Его место занял его сын Килич Тамгач-хан Масуд (1163-78).
44. См. Barthold, *Turkestan*, стр. 332-333, согласно Ibn al-Athir и Juvaini.
45. См. Barthold, "Kara Khitâi", *EI*, стр. 782, суммирующую его историю Семиречья (на русском, 1898), II, 102 и т.д.
46. Defremery перевел *Histoire des sultans du Kharezm*, написанную Mirkhond (Paris, 1842). Сборник восточных источников с критическими комменариями приведен в Barthold, *Turkestan down to the Mongol Invasion*, стр. 322 и далее.
47. Barthold, *Turkestan*, стр. 337-340, согласно Ibn al-Athir, Juvaini и Mirkhond.
48. Датировано Ibn al-Athir (*там же*, стр. 347).

49. Оккупация Герата гориддами в 1175-76 сделала их врагами шаха Хорезма (*там же*, стр. 336).
50. См. *там же*, стр. 350-351.
51. Датировано Juvaini (*там же*, стр. 353).
52. Juivani дает два различных варианта этих событий. Они были приведены и обсуждены *там же*, стр. 355-360, с дополнительными деталями, взятыми у Ibn al-Athir.
53. *Там же*, стр. 365-366 (согласно Juvaini и Ibn al-Athir).
54. По поводу разрыва между Мухаммадом и калифом см. обзор источников (Ibn al-Athir, Nasawi и Juvaini), *там же*, стр. 373-375.

Глава 4

1. См. дискуссию о теориях Маркуарта (*Osttürkische Dialektstudien* [1914]), опубликованную в Pelliot, "A propos des Comans", JA (1920), стр. 141.
2. Herrmann, *Atlas of China*, стр. 448.
3. Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 448.
4. *Atlas of China*, p. 30.
5. Согласно византийским историкам, жуан-жуан были кермихонами.
6. См. Pelliot в BEFO (1903), стр. 99; Chavannes, *Documents sur les T'ou-kiue occidentaux*, стр. 229-233; Pelliot, "A propos des Comans", p. 141.
7. Theophylactus, I, 8.
8. "Principem suum chagana, honoris causa, nominarunt", пишет Theophylactus и Gregory of Tours: "Vocabatur gaganus; omnes enim reges gentis illius hoc appellantur nomine".
9. Gregory of Tours, IV, 23.
10. Pelliot, "L'origine de T'ou-kiue", TP (1915), p. 689.
11. Вместе с Nandor Fettich интересно отметить, что искусство ломбардийской Италии было реакцией к влиянию культуры Мартыновки (около Киева); влиянию, которое чувствовалось повсюду от реки По до Камы, Крыма и северного Кавказа. По поводу работ мастеров по золоту см. Fettich, *Metallkunst der Landnehmenden Ungarn*, AU (1937), стр. 282 и далее.
12. *Exc.leg.*, p. 162.
13. Любопытно, относится ли "formicarum instar" к описываемому термину роящихся насекомых: к термину, которые китайцы использовали по отношению к жуан-жуан и откуда они получили свое название.
14. Chavannes, *Documents*, стр. 162.
15. Находки Садовца доказывают, что северная часть Булгарии перешла под влияние Баяна. Fettich, *Metallkunst*, стр. 290.
16. Не так, как Amedee Thierry имел это в 616. См. Howorth, "The Avars", JRAS (1889), стр. 779.
17. Этот титул найден в древних надписях ту-чи. См. W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, стр. 197, 257.
18. По вопросу о оногундурах см. J. Moravcsik, "Zur Geschichte der Onoguren", *Ungarische Jahrbücher*, X, книги 1-2 (1930), 53 и Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 467.

19. См. F. Fettich, “Über die Erforschung der Völkwanderungskunst in Ungarn”, Ipek; N. Fettich, “Das zweite Schatz von Szilagysomlő”, *AU* (1932) и *Metallkunst der Landnehmenden Ungarn*, *AU* (1937), специально стр. 148 и 205; A. Marosi und N. Fettich, “Die avarische Doppelschamei von Janoshida”, *AU* (1934); Tibor Horvath, “Die avarischen Gräberfelder von Üllő und Kiskörös”, *AU* (1935); Andreas Alföldi, “Zur historische Bestimmung der Avarenfunde”, *ESA*, IX (1934), 285. По поводу угрофинского населения в России см. Tallgren, “Les provinces culturelles finnoises de l’âge recent du fer dans la Russie du Nord (900-1200)”, *ESA*, III (1928).

20. J. –J. Mikkola, “Die Chronologie der türkischen Donaubulgaren”, *Journal de la Societe finno-ougrienne*, XXX (1918), fasc. 33; Barthold, “Bulgar”, *EI*, стр. 805 (с библиографией); Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 467; A. Lombard, *Constantin V* (Paris, 1902), p. 41; A. Rambaud, *Constantin Porphyrogenete* (Paris, 1870), p. 315; N. Mavrodinov, *L’industrie d’art des Protobulgares*.

21. См. J. Deny, “Langues turques, mongoles et tongouzes”, в *Les langues du monde* (1924), p. 185 и Pelliot, “Les mots a H initiale”, *JA* (1925), p. 193.

Исследователи Guillaume de Hevesy пытались вывести родственность финно-угорского языка (в особенности, остяцкий и вогульский языки) с пред-арийским языком Индии. Нам следует помнить, говоря языком антропологии, что тюрко-монголы являются брахицефальческими, в то время как финские люди долихоцефалические. Deniker, *Races et peuples* (ред. 1926), стр. 435, 459.

22. Башкиры Урала были, согласно профессору J. Nemeth, племенем венгерского происхождения, приспособившегося к тюркскому образу жизни. См. J. Nemeth, “Magna Ungaria”, в H. von Mžik, *Beiträge* (Leipzig, 1929), s. 92 и далее.

23. См. Minorsky, *Revue de Hongrie* (1937) и *Hudud al-Alam*, стр. 317-324.

24. Rambaud, *Constantin Porphyrogenete*, стр. 352. По поводу венгерского происхождения см. B. Munkacsı, “Die Urheimat der Ungarn”, в *Keleti Szemle*, VI (1905); J. Nemeth, “Magna Ungaria”; Gyula Nemeth, “La prehistoire hongroise”, *Nouvelle Revue de Hongrie* (June, 1932), p. 460; A. Zakharov und W. Arendt, “Studia Levedica, Archaeologischer Beitrag zur Geschichte der Altungarn im IX Jahrhundert”, *AU*; Nandor Fettich, “Der Handel in Russland und das Ungartum von Levedien”, в *Metallkunst der Landnehmenden Ungarn*, *AU* (1937), s. 62-202. По вопросу о древней Леведии см. там же, стр. 280-293 (“Kulturkunst der Pseudoschnallen”).

25. Barthold, “Türks”, *EI*, стр. 949-951, думает, что хазарский язык и старый язык булгар принадлежали к древней западно-тюркской группе, представителем которой является нынешний чувашский язык. Библиография по хазарам можно найти в Barthold, “Khazar”, *EI*, стр. 990 и в Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 450. Политический строй хазаров, как он представлен Constantine Porphyrogenitus, состоял из властелина, *khaganos*, и типа главы дворца, *pekh*, названного Ishthakri (см. Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 451) как bek. По поводу хазаров и Византии см. L. Drapeyron, *L’empereur Heraclius* (Paris, 1869), стр. 215; Lombard, *Constantin V*, стр. 31; Rambaud, *Constantin Porphyrogenete*, стр. 394; Chavannes, *Documents*, стр. 252-253.

26. По-русски, Саркел был известен по названию Бела Вежа (Белая Вежа), «Белая Башня», довольно схожая с ал-Байда, применяемой арабами для Итиль. См. Naftula Fajner, *Annali del Istituto superiore orientale di Napoli*, III (1936), 51; Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 453.

27. Marquart, *Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge* (Leipzig, 1903), s. 5. По вопросу о обращении в иудаизм кагана Булана около 740, после споров с христианами, мусульманами и еврейскими священниками, см. Naftula Fajner, “Sull’origine dei Chersuri”, *Annali del Istituto superiore orientale di Napoli*, XIV (1936), 13.

28. Согласно Маркуарту, Самандар, который предполагался идентичным с Тарку из других источников, следует предполагать как юго-западный Петровск между Тереком и Дербентом (*Osteuropäische... Streifzüge*, s. 16).

29. См. Pelliot, “A propos des Comans”, *JA* (1920), p. 133; J. Nemeth, “Zur Kenntniss der Petschenegen”, *Körösi Csoma-Archiv*, s. 219-225.

30. Византийские источники в F. Chalandon, *Essai sur le regne d’Alexis I er Comnene* (Paris, 1900), стр. 2-5; 108-134.

31. См. Barthold, “Ghuzz”, *EI*, стр. 178.

32. См. Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 316.

33. Barthold, “Kipčak”, *EI*, стр. 1082; Rasovsky, *Polovtsi* (Prague, 1935); Marquart, “Über das Volkstum der Komanen”, в *Osttürkische Dialektstudien* (Berlin, 1914), s. 25-238; Pelliot, “A propos des Comans”, *JA* (1920), p. 125.

34. Barthold, “Kimäk”, *EI*, стр. 1068; Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 305.

35. Marquart, “Über das Volkstum der Komanen”, s. 136; Pelliot, “A propos des Comans”, p. 149.

36. По вопросу о разгроме города Киев кипчаками, куманами или половцами в 1204 см. Bruce Boswell, “The Kipchak Turks”, *Slavonic Review*, VI (1927), 70 и далее; С. А. Macartney, “The Pechenegs”, там же, VIII (1929), 342.

Глава 5

1. Pelliot, *La Haute Asie* (Paris, 1931), стр. 28.

2. Перевод Denison Ross, в *History of the Moghuls of Central Asia* (London, 1895), p. 290.

3. Или скорее керайты подразумеваются как мостарты в “Ordosica”, *Bulletin No. 9, Catholic University of Peking* (1934), p. 52. Транскрипция *Секретной Истории* упоминает их как керайды (там же, стр. 33). Современной формой является K’erit.

4. Pelliot, “Chrétiens d’Asie Centrale et d’Extrême-Orient”, *TP* (1914), p. 629.

5. Pelliot, *La Haute Asie*, p. 25.

6. Однако Пеллиот выражает удивление тем, что слово керайт не был ли вставлен здесь Bar Hebraeus.

7. Bar Hebraeus, *Chron.eccles.*, III, 280-282.

8. По поводу христианских имен керайтских принцев см. Pelliot, “Chrétiens d’Asie Centrale”, p. 627.

9. Мы не знаем район Qara’un Qabchal, где, согласно *Секретной Истории* (пер. Е. Наенш, стр. 48), Тогрул почти был схвачен Гур-ханом; не знаем также район Qurban Telesut, где, благодаря помощи Есигея Тогрул победил Гур-хана. См. d’Ohsson, *Histoire des Mongols*, I, 73.

10. Вопрос был поднят о том, могли ли быть эти меркиты мукри, упомянутые византийскими историками шестого века (см. Pelliot, “A propos des

Comans”, *JA* [1920], p. 145). Другие мукри относят к мо-хо китайской историографии, иначе говоря, к тунгусам Амура седьмого и восьмого веков.

11. Это является регионом гипотетического расположения конфедерации Трех Куриканов восьмого века, упомянутого в кошо-цайдамских надписях (см. Thomsen, “Inscriptions de l’Orkhon”, p. 98).

12. См. Thomsen, “Inscriptions de l’Orkhon”, p. 140. По поводу ошибочного лингвистического отношения между татарами и та-танами см. Pelliot, “A propos des Comans”, p. 145.

13. Название монголы, кажется, появилось сначала в период династии Тань: «С периода Тань китайские тексты раскрывают нам среди племен ше-вей [из нижнего Керулена и северного хинганского края], где были почти определенно говорящие на монгольском языке племена мон-ву или мон-ва и где мы впервые можем обнаруживать название монголов». *Там же*, стр. 146.

14. Там же, стр. 146-147.

15. В. У. Владимирцев, *The Life of Chingis-khan* (London, 1930), I. Повсюду Владимирцев переводит улус как нацию, сохраняя в запасе слово *ирген* для выражения смысла племени и *улус-ирген* - для государства. Vladimirtsov, *Obschestvennyi story Mongolov: Mongolskii kochevoy feodalizm* (Leningrad, 1934), стр. 59, 98.

16. Taiyichi’ut или Tayich’iut в переводе Haenisch *Секретной Истории*, стр. 10. См. Pelliot, в *TP* (1930), стр. 54. Перечень нирунских и дюрлюкинских племен, согласно Рашиду ад-Дину, дается в деталях (персидские транскрипции) в F. von Erdmann, *Temudschin* (Leipzig, 1862), стр. 168, 194-230.

17. Рашид ад-Дин, согласно d’Ohsson, *Histoire des Mongoles*, I, 426. Чтение в *Секретной Истории* (стр. 8) дает онггираты. Пеллиот отмечает, что наряду с меркитами в китайской истории хитанов 1123-24 упоминаются джаираты и конгираты (“A propos des Comans”, p. 146).

18. D’Ohsson, *Histoire des Mongoles*, I, 29.

19. В. У. Владимирцев, *The Life Chingis-khan*, p. 3. По вопросу о феодальном характере монгольского общественного строя тринадцатого века см. Владимирцев, *Общественный строй монголов*, которого Olav Janse любезно перевел для меня.

20. По поводу этой теории см. Pelliot, “Notes sur le Turkestan”, *TP* (1930), p. 50.

21. Pelliot, “Sur quelques mots d’Asie Centrale, III, Chaman”, *JA* (1913), p. 466.

22. «Были также оренгаи (урианкаи), которые надевали на ноги маленькие, хорошо отполированные кости, на которых они быстро бежали по льду и снегу, охотясь за дикими животными» (Rubruck, Chap. XXXIX).

23. Владимирцев, *Общественный строй монголов*, стр. 34, 41 и 39, 128.

24. Там же, стр. 41.

25. См. Owen Lattimore, “The Geographical Factor in Mongol History”, *GJ*, XCI (January, 1938), 9.

26. Там же, стр. 14-15.

27. Множество слов, относящихся к цивилизации или командам, которые перешли из тюрков к монголам, доказывают относительное культурное превосходство тюрков над монголами. См. Владимирцев, *Записки вост. отд. имп. русск. археол. об.*, XX (1911). Тюркское превосходство в интеллектуальной сфере

является свидетельством, прежде всего, в сравнительной эволюции двух языков. «В основном», пишет Бартольд, суммируя Поппе, «тюркские языки были более сильно развиты чем монгольский язык. Монгольский язык, независимо от какого региона он происходит, наиболее архаичен, чем большинство древних известных тюркских языков. Письменный монгольский язык, с фонетической точки зрения, находится на том же уровне развития, что и примитивный алтайский язык (тюрко-монгольский)».

28. Manghol un Niuca Tobca'an (Секретная История Монголов), под ред. Haenisch (1937), стр. 6.

29. Pelliot, "Notes sur le Turkestan", *TP* (1930), p. 24.

30. Barthold, *Turkestan*, p. 381. В Секретной Истории сыновья Кабула даются как Oquin-barqaq, Bartan-ba'atur, Qutuktu-munggur, Qutula-khagan, Qada'an и Tödöyan-ochigin (на основе транскрипции Haenisch, стр. 6).

31. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, I, 33.

32. Deli'ün boldaq в транскрипции Haenisch *Секретной Истории*, стр. 8. Предание устанавливает рождение Чингиз-хана около 1155, датой, данной персидскими историками, в то время как официальная история династии Юань указывает на 1162. Однако в сообщении, сделанном для Societe Asiatique 9 декабря 1938 Пеллиот сказал, что новые исследования по китайским источникам привели его к 1167, как к дате рождения Завоевателя. При его смерти в 1227, следовательно, ему едва было шестьдесят лет. В той же статье Пеллиот сказал, что монгольская интерпретация имени Тимуджина как «кузнец» является правильной.

33. Barthold, *Turkestan*, p. 459 и "Chingiz-Khan", *EI*, p. 877.

34. Oelun-eke: мать Oelun. По поводу имени Оелун см. Pelliot, "Mots a H initiale dans le mongol", *JA* (1925), p. 230. В *Секретной Истории* оно Hō-lun.

35. Jöchi-Qasar. Мы специально относимся к нему как Qasar лишь для того, чтобы не смешивать его со старшим сыном Чингиз-хана, который также назывался Jöchi.

36. Чтение *Секретной Истории* соответствует здесь (в английской транскрипции) Targhutai Kiriltuq (стр. 12 и 35).

37. Börtä-üjin, принцесса Börtä (Börte).

38. Выходит, что первоначальным именем является Toktagha. Pelliot в *JA* (1920), стр. 164.

39. Перевод любопытного отрывка в Секретной Истории, выполненный Pelliot, *La Haute Asie*, p. 26.

40. Qoroqonah Djoubouг по транскрипции Haenisch *Секретной Истории*, стр. 22.

41. Vladimirtsov, *Life of Chingis-khan*, стр. 33 и Barthold, "Chingiz-Khan", стр. 878.

42. Чтение *jourki, joukin* или *yourkin* (*jurki, jurkin, yurkin*), как и в *Секретной Истории*, стр. 28. Оно было правильно принято Hammer (*Geschichte der Goldenen Horde*, s. 61), которого обвинял Erdmann, Temudschin, стр. 386. Однако, чтение Ердманном *bourkin* происходит из неправильного написания.

43. Впоследствии, не найдя Темуджина сговорчивым, как он ожидал, Алтан сожалел об этом факте, восстал против человека, которого он, несомненно,

рассматривал как выскочку и пошел на союз с врагами Темуджина. Однако, было все уже слишком поздно.

44. Чингиз, отмечает Пеллиот, возможно, был смягчен из тюркского слова *tengiz* (на уйгурском языке) или *dengiz* (на османском), означающее море подобно *dalai* на монгольском языке. «Возможно та же самая формация как монголо-тюркское слово *dalai lama*: океан лама. Мы знаем из письма Ватикана, что великий хан Güyük, второй наследник Чингиз-хана, величал себя океаническим ханом (*dalai qaan* – на монгольском, *talui qaan* – на тюркском языках). Далее этимологии искали в монгольском *chingga*: сильный, мощный». См. Pelliot, “Les Mongols et la Paraute”, *Revue de l’Orient chretien*, No. 1-2 (1922-23), p. 25. Мнение Рашида ад-Дина о слове *Jinkiz*, сильный, было заимствовано в Erdmann, *Temudschin*, стр. 601. Наконец, Владимирцев полагает, что Чингиз мог бы быть именем духа света, к которому преклонялись шаманы (*Chinggis-khan*, стр. 37-38).

45. Vladimirtsov, *Chingis-khan*, стр. 32.

46. Там же, стр. 36-37.

47. Скорее чем Muquli. *Секретная История* дает Mouqali.

48. D’Ohsson (*Histoire des Mongols*, I, 54) верит, что прибытие Ван-хана в качестве выдохшегося беглеца у двери Чингиз-хана может быть датировано весной 1196.

49. *The Secret History*, pp. 36, 48, приводит Erke-qara, Erge-qara.

50. Yüan Shih, пер. F. E. A. Krause, *Cingis Han* (Heidelberg, 1922), стр. 15.

51. *The Secret History*, p. 36, приводит Djaqa-gambou (Jaga-gambu). По поводу этого несомненного тибето-тангутского названия см. Pelliot, “Notes sur le Turkestan”, *TP* (1930), стр. 50-51.

52. См. d’Ohsson, *Histoire des Mongols*, I, 53, 74.

53. *The Secret History* устанавливает эти операции вокруг Байдарахбелчира, района, которого Howorth (“The Kireis and Prester John”, *JRAS* [1889], p. 400) ищет около реки Байдарик. Эта река течет с Хангайского хребта с севера на юг, чтобы затем слиться с маленьким озером Бунчаган. Kökse’u Sabrah или Sabraq из *Secret History* (стр. 49) у d’Ohsson (*Histoire des Mongols*, I, 75) становится Geugussu Sairac.

54. Yüan Shih, пер. Krause, *Cingis Han*, стр. 17; *Secret History*, p. 40; перевод той же *Secret History* в Howarth, “Kireis”, pp. 400-401.

55. D’Ohsson, *Histoire des Mongols*, I, 60: «Таргутаи были уничтожены от рук Чилоакана, сына Селдуз Шебурган Ши́ра». Шебурган Шаиром D’Ohsson является Сооркан-ши́ра или Соркан-ши́ра из *Secret History* (pp. 34 и 72). Другой таючитский вождь, Qudu’uag, был убит в тоже самое время как и таргутаи. Третий вождь того же племени, Aquchu или A’uchu, смог убежать.

56. D’Ohsson, *Histoire des Mongols*, I, 75-76.

57. *The Secret History* рассказывает, что Ван-хан надел деревянное ярмо на шею трех товарищей Ягамбу: Elqutur, Qulbar и Arin-taize. См. Howorth, “Kireis”, p. 396.

58. Согласно *Secret History*, его прежнее имя было Djirqo’adai (Jirqo’adai).

59. Howorth, “Kireis”, p. 395, ищет Köyitän из *Secret History* около северной части Далай Нора (Хулун Нор) между Керуленом и Аргуном.

60. Sübötäi, родившийся около 1176, умер в 1248. «Читаемый по слогам как Sübügätäi на монгольском языке, Sübü’ätäi в монгольском тексте Yüan-ch’ao-pi-shih,

произносился как Sübötäi или Sübütäi», согласно Пеллиоту в *JA* (1920), p. 163. Его биография была переведена А. Remusat, *Novveaux melanges asiatiques* (Paris, 1829), II, 97. Название племени Dürükün-Mongol из Урианкурта, к которому принадлежал Суботай, вновь появляется в семнадцатом веке среди тюркских людей Uriangqai, которые жили разведением оленей и охотой на верхнем Енисее (М. Courant, *L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIII e siecles*, p. 78).

61. Пер. Krause, *Cingis Han*, p. 19. Это был Ван-хан, который, как мы видели, вынудил Токто'а бежать к Barghu или Barquchin. По вопросу мира баргутов см. А. Mostaert, "Ordosica", *Bulletin 9, Catholic University of Peking* (1934), p. 37.

62. Транскрипция из *Secret History*, pp. 41, 42.

63. *Yüan Shih*, p. 20. По поводу Нилка или Илка см. Pelliot, "A propos des Comans", *JA* (1920), p. 176 и "Notes sur le Turkestan", *JA* (1920), p. 22-24. По вопросу о титула *tsian-kiun* = *sängün* см. Pelliot, *JA* (1925), p. 261. (Из других заимствований у китайцев тюрко-монгольскими языками следует привести *Tu-tu*, что на тюркском стал как *tutuq*; *t'ai-tsu*, имперский принц, который на монгольском стал как *Taiji*).

64. *Yüan Shih*, p. 20.

65. Он предоставил им титул *tarkhan* с привелегией телохранителя-носителя колчанов (колчан = *korchin*). См. Pelliot, TP (1930), p. 32.

66. *Yüan Shih*, p. 21; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, I, 70. Перевод отрывка *Secret History* в Howorth, "Kireis", p. 405; транскрипция *Haenisch* в *Manghol un Niuca Tobca'an*, p. 44.

67. Перевод Владимирцева *Chingis-khan*, стр. 51 и в Howarth, "Kireis", стр. 407.

68. Чингиз-хан, говорит *Secret History*, отступил вдоль реки Ulquu-silugeljit (нынешний Olkhui, который течет от Хинганских гор в маленькое озеро восточного Гоби) и затем вдоль Халки (см. Howorth, "Kireis", p. 408; транскрипция *Haenisch*, стр. 46).

69. Или более точно, согласно *Secret History*, от окрестностей реки Тунгге или Тунгели, которая, как думает Howorth, является притоком Онона ("Kireis", p. 408) и которая может быть притоком Халки.

70. См. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, I, 73 и Howorth, "Kireis", p. 409. *Secret History* и *Yüan-ch'ao-pi-shih*, с одной стороны, и *Sheng-wu-ts'in-cheng-lu* и *Rashid ad-Din*, с другой стороны, дают противоположные версии «Жалоба Чингиз-хана». В действительности, эти две группы источников являются дополнительными, как понимал d'Ohsson.

71. *Secret History* в пер. Howorth в "Kireis", p. 410.

72. См. F. Grenard, *Gengis-khan*, p. 46.

73. Балжуна является рекой Пан-чу-ни в *Yüan Shih* (пер. Krause, *Cingis Han*, p. 23). Однако *Secret History* говорит, что это озеро или пруд: «Baljuna na'ur, то есть, Baljuna Nor», p. 51).

74. *Secret History*, p. 52; *Yüan Shih*, пер. Krause (*Cingis Han*, p. 24).

75. Albert Herrmann, *Atlas of China*, p. 49, F. 2; Howorth, "Kireis", p. 417 ставит ущелье Jerqabchiqai и холмы Jeje'er Undur на низовьях Керулена.

76. *Secret History*, пер. Pelliot, *JA* (1920), p. 176.

77. Текст восстановлен Пеллиотом, *JA* (April-June, 1920), pp. 183-184.

78. Позднее, после сна, Чингиз-хан отдал Ибака-бёки одному из своих наиболее храбрых полководцев Журчедёй из клана Уруд.

79. По поводу имени Тоqто'а см. Pelliot, *JA* (Arpil-June, 1920), pp. 183-184 и *TP* (1930), p. 24.

80. Отправка послов (Yüqunan к онгутам; Торбиташи к Чингиз-хану) упоминается и в *Secret History* (p. 55), и в Раши ад-Дин (*Temudschin*, pp. 299-300). По поводу генеалогии Алакуш-тигин-кури см. Pelliot, "Chretiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient", *TP* (1914), p. 631. Алакуш-тигин-кури упоминается в *Secret History* (p. 55). Онгутское несторианство был засвидетельствовано началом двенадцатого века (см. Pelliot, "Chretiens d'Asie Centrale", p. 630).

81. *Secret History*, суммирован Barthold, *Turkestan*, pp. 383-384.

82. Albert Herrmann, *Atlas of China*, p. 49, E. 2.

83. Перевод Владимирцева, *The Life of Chingis-khan*, p. 60. Как всегда, *Yüan Shih* более лаконичен, лишь рассказывает, что Ямука, встревоженный силой монгольской армии, покинул *Tayang* и бежал со своими жаиратскими последователями перед началом битвы (Krause, *Cingis Han*, s. 26); это бегство подтвердил Рашид ад-Дин (*Temudschin*, p. 302).

84. "*Tayang un eke Gurbesu*", как имеет место в *Secret History* (стр. 54 и 60). Rashid ad-Din в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, I, 89, делает ее любимой женой *Tayang*.

85. Goutchouloug (Guchulug) в записи *Secret History* (p. 61).

86. Если верить *Yüan Shih* (Krause, *Cingis Han*, p. 26), Кучлуг и Токтоа отправились искать Буюрука, брата Таяна, который ранее был отброшен на верхний Енисей Чингиз-ханом. Мы видели, в противоположность к мнению Рашида ад-Дина и *Yüan Shih*, *Secret History* утверждает, что Буюрук умер скоро после своего поражения от монголов при попытке своего бегства к Урунгу (Howarth, «Kireis», p. 398). *Secret History* хорошо информирована о более отдаленных военных действиях.

87. См. Grenard, *Gengis-khan*, p. 57.

88. Barthold, *Turkestan*, p. 361. Та же самая дата дана в *Yüan Shih* (пер. Krause, *Cingis Han*, p. 29).

89. Последняя кампания Суботая, в которой ему оказывал помощь Токучар, зять Чингиз-хана, направленная против последних меркитских банд, как утверждает *Sheng-wu-ts'in-cheng-lu*, имела место в 1217. Рашид ад-Дин дает почти идентичную дату, в то время как *Secret History* устанавливает дату 1206. Однако, последний источник, хотя и весьма жизненна для внутренней истории Монголии, является не столько достоверной, когда касается событий военных кампаний в отдаленных районах (см. Pelliot, *JA* [1920], pp. 163-164). Поражение меркитов от Суботая, утверждается, имело место на реке Чем или Жем; которая, как думает Бартолд, находилась в западной Уйгурии, а Бретшнейдер полагает, что она находилась около верхнего Иртыша. См. Barthold, *Turkestan*, p. 362.

90. Только из китайско транскрипции мы знаем название "T'a-t'a-t'ung-a". Пеллиот отвергает предположение Бартолда, выводящее его из "Tashatun" (Barthold, *Turkestan*, p. 387); Pelliot, "Notes sur le Turkestan", *TP* (1930), p. 33.

91. Пеллиот настаивает, что для этого слова форма *quriltai* предпочтительнее чем слово *qurultai* (*qouroultai* по-французски) Бартолда и

Владимирцева (“Notes sur le Turkestan”, *TP* (1930), p. 52 и “Sur la legende d’Utuz-khan”, *там же*, стр. 347).

92. Khagan был старым жуан-жуан, следовательно, монгольским титулом, впоследствии принятым королями Т’u-chüeh тюрками, разрушителями и наследниками империи жуан-жуан во второй половине шестого века. Чингизханской монгольской формой слова является *qahan* в *Secret History* (транскрипция Haenisch) и *qaan* в других текстах (*qân* в нынешнем Ордосе; согласно Mostaert, “Ordosica”, *Bulletin 9, Catholic University of Peking* [1934], p. 73). Пеллиот пишет: «Я сомневаюсь, носил ли Чингиз-хан когда-либо титул khagan. Его действительным титулом, как представляется мне, был Chingis-qan или Chingiz-qan”. Pelliot, “*Revue de l’Orient chretien* (1922-23), p. 19.

93. Чингизидские монголы иногда называли себя голубыми монголами (*Kökä Mongol*). См. Sanang Sechen (пер. Schmidt), p. 70. Даже старые ту-чи в Кошо-Цайдамских надписях называли себя голубыми тюрками (*Kök Türk*). См. Thomsen, “Inscriptions de l’Orkhon”, p. 98. Эпитет «голубой» происходит из слов небо, *Tängri*, чьим представителями и агентами, послами на земле (*jayagatu* или *jaya’atu* в чингизидской Монголии), заявляли ту-чи каганы и позднее чингизханские великие ханы. Мы знаем из других источников, что монголов неправильно называли татарами или тартарами и что они возражали по этому поводу зарубежным путешественникам тринадцатого века. Рубрук замечает: «Монголы не хотят, чтобы их называли тартарами, поскольку тартары являются другим народом, как я в дальнейшем покажу это из того, что узнал» (Rubruck, Chap. XVIII).

94. Е. Haenisch переводит *Tüb-tängri* (*Teb-tenggeri* в его транскрипции *Secret History*) как «совершенно божественный, Сверх-Бог, Великий Бог», то есть, очень божественный, верховный бог, архи-бог (Manghol un Nuica Tobca’an, p. 119). *Secret History* имеет написание *Kököchu*.

95. В качестве доверенного советника Есигея и Оелун-еке, Мунглику, после смерти Есигея было поручено задача нахождения Темуджина среди конгиратов и доставки его домой. В этом он преуспел, однако, скоро после этого Мунглик покинул Темуджина, тогда 13 лет, и увел последние стада клана. Тем не менее, после первых успехов Чингиз-хана Мунглик возвратился к нему. Он был именно тем, кто предупредил об осторожности Чингиз-хана по поводу его встречи с керайтским Ван-ханом, поскольку уже была приготовлена засада Сангюном. Между тем, Мунглик, возможно, был женат на овдовевшей Оелун-еке.

96. Pelliot, “Les Mongols et la Papaute”, p. 22.

97. См. Pelliot, “Notes sur le Turkestan”, p. 32.

98. Перевод Владимирцева *Life of Chingis-khan*, p. 63; Grenard, *Gengis-khan*, p. 63. Незадолго до этого в 1204 Касар отличился, когда командовал центром монгольской армии в решающем сражении против найамана *Tayang*.

99. Barthold, *Turkestan*, p. 391.

100. В это связи Чингиз-хан возродил, если не буквально, дух старых протоколов ту-чи каганов седьмого и восьмого веков, как они выглядят на Кошо-Цайдамских надписях: «Я, кто сходен с Небом и кто назначен Небом, Билга каган тюрков» - *Tängritäg Tängri jaratmysh Türk Bilghä qaghan* (Thomsen, “Inscriptions de l’Orkhon”, p. 122).

101. Rashid ad-Din, в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, I, p. 123; Vladimirtsev, *Life of Chingis-khan*, p. 92.

102. «В величественных указах императора Чингиз-хана сказано: Касательно *ho-shang* (буддистские монахи), *ye-li-k'o-wen* (несторианские монахи), *hsien-sheng* (таоистские монахи) и *ta-chih-man* (мусульманские религиозные вожди), пусть он не будут обложены ни земельным налогом, ни торговым налогом, не будут подвергнуты к какой-либо реквизиции, пусть они обращаются к Небу и просят его о счастье императора» (указ императора Кублая, 1275 в Chavannes, "Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l'epoque mongole", *TP* (1908), pp. 377-378.

103. Pelliot, "Notes sur le Turkestan", *TP* (1930), p. 34.

104. По поводу *tamgha* (тюркское слово, монгольская транскрипция *tamagha*), см. там же, стр. 35.

105. Подобно Pierre de La Garde d'Hozier, *Genealogie des principales familles de France* семнадцатого века. Pelliot, "Notes sur le Turkestan, pp. 38, 40 et seq., исправляющие Бартолда и Владимирцева.

106. *Jasaq* или *jasa* по-монгольски, *yasaq* или *yasa* по-тюркски: «регулировать, исправлять». См. Pelliot, *JA* (April-May, 1913), p. 458 и (April-June, 1925), p. 256.

107. Так Joinville (ed. Wailly, *Histoire de Saint Louis* [Paris, 1874], p. 263) суммирует то, что он узнал о *yasaq* у францисканских миссионеров: «Указы, которые он [Чингиз-хан] дал им, были предназначены для поддержания мира среди народа; и они были такими, что никто не мог красть имущество другого, не мог ударить его, без того, чтобы он не рисковал потерять свой кулак и чтобы ни один человек не мог лечь с женой или дочерью другого без того, чтобы он не рисковал потерять свою руку или жизнь. Он издал им и другие хорошие декреты для сохранения мира».

108. «В *Hua yi yi yi* словаре с 1389 *noyan* является эквивалентом *kuei*, знати. Современное произношение звучит как *nogon*, однако кажется, что он был услышан иностранцами средневековья как *noin*». Множественное число есть *noyad* или *noyat*. Pelliot, *Revue de l'Orient chretien* (1924), pp. 306 (110).

109. *Tarkhan* или *darqan* был по-существу *vir immunis*, исключением от налогообложения (Mostaert, "Ordosica", p. 38). По поводу *nökur* см. Ralph Fox, *Gengis-khan*, p. 109.

110. Насчет этих терминов см. Pelliot, "Notes sur le Turkestan", pp. 28. *et seq.*, исправляющие Barthold, *Turkestan*, p. 383 и Chavannes, *TP* (1904), pp. 429-432.

111. Barthold, *Turkestan*, p. 384. Мы видели, что группа из 1000 человек называлась *tumen*; группа из 10 000 – *tuq* (из слова *tuq*, флаг).

112. Буквально, «левая рука».

113. Буквально, «правая рука».

114. Barthold, "Cinhiz-Khan", *El*, p. 881, дает 129 000 человек как полную численность монгольской армии. Такая численность, взятая у Рашида ад-Дина, может быть найдена в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 3-5. Erdmann, Temudschin, p. 455, выводит другие цифры из тех же персидских источников: телохранители – 1000 человек; центр – 101 000; правое крыло – 47 000; левое крыло – 52 000; охрана имперских принцев – 29 000; 230 000 человек в общей сложности.

115. Grenard, *Gengis-khan*, p. 76. Пиано Карпини под датой 1246 описывает это вооружение весьма подробно, в особенности, пику-крючок для удара и стаскивания с коня всадника.

116. Там же. Квашенное молоко или кумыс (*qumiz*) был излюбленным напитком монголов. См. Pelliot, *JA* (1920), p. 170.

117. См. G. Altunian, *Die Mongolen und ihre Eroberungen in kaukasischen und kleinasiatischen Ländern im XIII Jahrhundert* (Berlin, 1911), s. 74.

118. Yüan Shih, пер. Krause, *Cingis Han*, p. 28.

119. См. Pelliot, “Chrétiens d’Asie Centrale et d’Extreme-Orient”, *TP* (1914), p. 630.

120. “Alaghai-bäki, энергичная женщина, показала себя способной править своим племенем после смерти мужа”. Там же, стр. 631.

121. Можно напомнить, что монголы величали кинского императора именем Алтан-хан. Altan по-монгольски имеет значение китайского слова kin. Altan-khan, таким образом, король из золота.

122. Источником этого рассказа о кампании Чингиз-хана является Yüan Shih, который, будучи сжатым, топографически является весьма точным.

123. Yüan Shih, стр. 32.

124. Yüan Shih, стр. 33. Однако он не упоминает о массовых убийствах. В *Secret History* (пер. Haenisch, стр. 86) Пекин на монгольском языке обозначен как Jungdu, по названию, происходящему из китайского Чун-ту.

125. «Я думал», говорит Shigi-qutuku Чингиз-хану, «что все в городе [Пекин] принадлежит тебе после завоевания и что никто, за исключением тебя, не имеет право его разрушить». На основе персидских источников мнения Шиги-кутуку, с одной стороны, и Унуггура и Аркая, с другой стороны, описываются в Erdmann, *Temudschin*, p. 329. См. *Secret History*, p. 86.

126. По поводу рассказа о жертвах, совершенных Чингиз-ханом в Китае, а именно, в Пекине, и описания навалов из трупов, разлагающихся на земле, полей, покрытых человеческими костями и эпидемиях, возникших из-за этих массовых убийств, см. мусульманское свидетельство *Tabaqat-i-Nasiri*, которое было написано хорезмским послом и живым свидетелем Beha ad-Din Razi (Barthold, *Turkestan*, pp. 393-394). Yüan Shih, для которого монгольский завоеватель стал ретроспективно и посмертно императором Китая, старается сдержанно замаскировать эти факты.

127. По поводу племени салжутов см. Erdmann, *Temudschin*, p. 328.

128. В общей сложности шестьдесят две тысячи человек, как оценивает Бартолд (“Cinghiz-Khan”, *EI*, p. 882).

129. Yüan Shih, pp. 35-38.

130. Однако здесь опять монголы не стали осуществлять постоянную оккупацию Тамина, поэтому Мукали был вынужден вновь захватить его в 1220 (Yüan Shih, p. 36).

131. Это был, таким образом, Мин-ан, кинский офицер, взявший верх над монголами, который, с корпусом журчидов, которые аналогично изменили своей клятве, воевал рядом с Самука для захвата Пекина. См. Erdmann, *Temudschin*, p. 328.

132. В чингизханское время уйгурские короли носили титул *idug-qut* или *idikut*, «святейшее величество», который использовался в восьмом веке вождями

басмилских тюрок, которые проживали в том же регионе Бешбалиг (сегодня Дзимса), около Кучена. См. Barthold, "Turks", *EI*, p. 949.

133. Согласно Juvaini (Barthold, *Turkestan*, p. 362).

134. Ala'altun в *Secret History*.

135. См. Barthold, *Turkestan*, p. 362, n. 4.

136. Там же, стр. 356, согласно Juvaini.

137. Juvaini, который является основным источником, дает две версии этих событий. См. дискуссию Barthold, *Turkestan*, стр. 401 и 368.

138. Хана также звали Арслан-хан Абул Музаффар Юсуф (ум. 1205). Его сына, последнего караханида, звали Арслан-хан Абул Фат Мухаммад (ум. 1211). См. Barthold, *Turkestan*, pp. 363, 366 (согласно Juvaini и Jamal Qarshi).

139. Там же, стр. 368.

140. Около 1211, согласно Jamal Qarshi. Juvaini говорит о 1217-18. См. Barthold, *Turkestan*, pp. 401 и 368.

141. Здесь опять Juvaini и Jamal Qarshi дают различные версии. Barthold, *Turkestan*, p. 401.

142. См. Barthold, *Turkestan*, p. 402 (согласно Juvaini и Rashid ad-Din, с критикой Abu'l Ghazi, пер. Desmaisons, *Histoire des Mongols et des Tatares* [St. Petersburg, 1871-74, 2 vols.], p. 102).

143. Pelliot, "Notes sur le Turkestan", p. 55.

144. В монгольской *Secret History* хорезмцев звали сартами: Sarta'ut, Sartaghol (пер. Haenisch, стр. 87).

145. Даже в Трансоксонии Мухаммад навлек на себя враждебность мусульманского «духовенству», казнив в 1216 шейха Majd ad-Din Baghdadi по приказу суфи Кубрави. Критику арабо-персидских источников, относящихся к истории монгольского вторжения в мусульманский мир, можно найти в Barthold, *Turkestan down to the Mongol Invasion*, стр. 38-58. Следует упомянуть, что три главных оригинальных источников принадлежат Nasawi, который в 1223 был секретарем Джалал ад-Дина, шаха Хорезма, чью жизнь он описал на арабском в 1241; Juzjani, который в 1227 бежал из Афганистана в Индию, чтобы избежать монгольского господства, и там около 1260 написал на персидском *Tabaqat-i Nasiri*; и Juvaini, сын перса на монгольской службе, который сам с юношеских лет был монгольским чиновником. В 1249-51 и опять в 1251-53 он совершил путешествие в Монголию; в 1262 монголы назначили его губернатором (*malik*) Багдада. Около 1260 он написал историю Чингиз-хана ("History of the Conqueror of the World", *Tarikh-i Jahan-gusha*). Juvaini умер в 1283. Наконец, был Рашид ад-Дин (1247-1318).

146. По поводу этих имен см. Pelliot, "Notes sur le Turkestan", *TP* (1930), pp. 52-53.

147. Насави описывает убийство караванщиков из-за жадности Иналчика. Джузиани думает, что он это сделал с молчаливого согласия Мухаммада. Ибн ал-Атир возлагает вину за преступление на самого Мухаммада. Juvaini пишет, что Иналчик был оскорблен отсутствием почтения со стороны караванщиков (Barthold, *Turkestan*, стр. 398).

148. Там же, стр. 409-410.

149. Там же, стр. 413.

150. Двумя отличившимися личностями при осаде Ургенеча были Боорчу, который командовал подразделением личной охраны Чингиз-хана, и Тулун-черби, командир тысячи на правом фланге. Оба воина прославляются в монгольском эпосе. Во время трудной осады Жучи показал себя весьма плохим руководителем. Его распри с Ягатаем, который яростно упрекал его за его нерешительность, заставили Чингиз-хана подчинить обоих к их брату Огодаю. По поводу истории осады, основанной на рассказах из арабских и персидских источников (Nasawī, Juvaini, Rashid ad-Din, etc.) см. Barthold, *Turkestan*, стр. 433, 437.

151. См. Barthold, *Turkestan*, стр. 420-426, который критически рассматривает данные Nasawī, Juzjani и Juvaini.

152. Здесь опять я следую хронологии, предложенной Barthold, *Turkestan*, стр. 427-455, где можно найти критическое освещение данных Nasawī, Juzjani и Juvaini.

153. Согласно Juvaini и Rashid ad-Din. Странно, что ни Juzjani, ни Nasawī не упоминают об этой осаде, но описывают Чингиз-хана, идущего прямо из Талекана к Газни. См. Barthold, *Turkestan*, стр. 444.

154. На тюркском имя звучит как Mängüberti: «Данный Богом».

155. H. G. Raverty спрашивает, является ли это Перваном в долине Пандшир и предполагает другого Первана, расположенного около источников в Лугаре, притоке реки Кабул (Raverty, пер. *Tabaqat-i-Nasiri* [Calcutta, 1881-97, 2 vols.], стр. 288; 1021).

156. Nasawī, пер. Houdas, *Histoire du sultan Djelal eddin Mankobirti* (Paris, 1891), pp. 138-141.

157. См. Barthold, *Turkestan*, pp. 446-449, взятые, в основном, из работ Nasawī и Juvaini.

158. По поводу путешествия K'iou Ch'ang-ch'uen, иначе, K'iou Ch'u-ki, см. Bretschneider, *Medieval Researches*, I, 35-108; Arthur Waley, *Travels of an Alchemist* (London, 1931); Pelliot, *TP* (1930), p. 56. Ch'ang-ch'uen был доставлен обратно из его пребывания с Чингиз-ханом по декрету, защищающему таоистские монастыри. В 1228 его товарищ, монах Li Chih-ch'ang написал отчет о своем путешествии. См. Chavannes, "Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises", *TP* (1908), p. 298.

159. Minorsky ("Raily", *EI*, p. 1184) спрашивает, не преувеличивает ли Ибн ал-Атир, утверждая, что все население Раи было уничтожено монголами в 1220. Ибн ал-Атир в действительности добавляет, что там была вторая резня выживших в 1224. Минорский пишет: «Джуваини лишь говорит, что монгольские генералы убили большое число людей в Хвар-и Раи [там, где обитали шииты?], но в Раи они встретились с кади [Шафиит?], который выразил покорность им, после чего захватчики ушли. Рашид ад-Дин признает, что монголы Жебе и Суботая убивали и грабили в Раи, но он, кажется, делает различие между Раи и Кумом, жители которого [шииты] были уничтожены до последнего человека».

160. См. рассказ о вторжении «Сабада Багадура» армянского летописца Киракоса, пер. E. Delaurier в *JA*, I (1858), 197-200 и M. F. Brosset, *Histoire de la Georgie* (St. Petersburg, 1849-57, 2 vols., in 3), I, 492.

161. R. Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 230 et seq.

162. По поводу трогательного приема францисканца Рубрука в 1253 см. *Voyage de Rubrouck*, Chap. XIII.

163. В это время кипчаки начали переходить в христианскую веру. Один из их вождей, убитый монголами в 1223, Юрий Кончакович, имел христианское имя. Pelliot, "A propos des Comans", *JA* (1920), стр. 149.
164. Bretschneider, *Mediaeval Researches*, I, 297.
165. См. Erdmann, *Temudschin*, pp. 434 et seq.
166. Hammer, *Geschichte der Goldenen Horde*, s. 87. Политически Солдая (Судак) находился в зависимости от греческой империи Трeбизонда (G. I. Brataianu, *Recherches sur le commerce genoais dans la Mer Noire au XIIIe siecle* [Paris, 1929], p. 203).
167. *Yüan Shih*, пер. Krause, *Cingis Han*, стр. 40.
168. Дата дана в *Yüan Shih*.
169. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 12-13. Обычай с похоронными приношениями в жертву участников траура и коней, сохранился неизменным в степях со скифских времен Геродота до Чингиз-хана (Herodotus, IV, 71-72).
170. Чингиз-хан был не только неграмотным; он не говорил даже по тюркски, на языке, известном многим монголам (Juzjani в Barthold, *Turkestan*, p. 461 и d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 95).
171. Rashid ad-Din, в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, I, 404.
172. Там же, I, 416.
173. Chavannes, "Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises de l'epoque mongole", *TP* (1908), p. 300.
174. Примером этого является Кокчу, неверный придворный кераита *Sängün* в 1203 (*Secret History*, пер. Pelliot, *JA* [1920], pp. 179-180).
175. *History of the Yüan*, пер. A. C. Moule, *Christians in China Before the Year 1550* (New York, 1930), p. 235.
176. Mailla, IX, 78-126.
177. Чингиз-хан поручил ему учить их монгольскому языку на уйгурском алфавите. См. Pelliot, "Les systemes d'écriture en usage chez les anciens Mongols", *AM* (1925), p. 287 и *TP* (1930), p. 34.
178. См. Barthold, "Caghatai-khan", *EI*, p. 832.
179. A. Remusat, *Nouveaux melanges asiatiques*, I, 64.
180. A. Remusat, "Vie de Yeliu Thsoutsai", в *Nouveaux melanges asiatiques*, II, p. 64; см. Bretschneider, *Mediaeval Researches*, I, p. 9. Ye-lü Ch'u-ts'ai 1190-1244) вступил на монгольскую службу в 1214 или 1215.
181. См. Deveria, "Notes d'epigraphie mongole-chinoise", *JA*, II (1896), p. 122.
182. Marco Polo, ed. J. P. G. Pauthier, *Le livre de M. Polo* (Paris, 1865, and Peking, 1924-28), I, 183; Joinville, ed. Wailly, p. 263.
183. Abu'l Ghazi Bahadur khan, *Histoire des Mongols et des Tatares*, trans. Desmaisson, p. 104. См. также грузинскую летопись, который говорит о «превосходных законах Чингиз-хана, о беспристрастности монголов там, где рассматривается право» (Brosset, *Histoire de la Georgie*, I, 486). Также см. на впечатление величественности, порядка и «божественного права», произведенного Чингиз-ханом на армянского "Hayton" (Hethum) (*Recueil des historiens des Croisades. Documents armeniens* [Paris, 1869-1906, 2 vols.], II, 148-150. То же самое впечатление строгого права и превосходного порядка имеет место у Carpini (Part IV).

184. Отметим его озабоченность перед хорезмской войной об установлении постоянных торговых отношений с Хорезмской империей. В действительности случилось нападение на «монгольский» торговый караван, что привело к разрыву с Султаном Мухаммадом (Barthold, *Turkestan*, p. 396).

Глава 6

1. См. Barthold, “Cinghiz-Khan”, *EI*, p. 882.
2. По поводу этого имени см. Pelliot, “Sur quelques mots d’Asie Centrale”, *JA* (1913), p. 459. (Возможной этимологией является *jochin*, хозяин).
3. См. Barthold, “Bâtû-khân”, *EI*, p. 699.
4. Или Чагатай. От монгольского *chagan*, белый? См. Barthold, “Chaghatâi-khân”, *EI*, p. 831. Здесь мы будем придерживаться формы Ягатай (Джагатай по классическому французскому произношению «тюрко-ягатайского» языка).
5. Или Ogādāi. От монгольского *ögädä*, на высоте?
6. По поводу этого имени см. Pelliot, “Sur quelques mots d’Asie Centrale”, p. 460. (Возможная этимология: *tolî*, зеркало). См. Rashid ad-Din, в Erdmann, *Temudschin*, p. 641.
7. Согласно некоторым источникам датой восхождения на трон Огодая является 13 сентября 1229. Толуи умер через три года после избрания Огодая, 9 октября 1232, когда ему было сорок лет. В качестве регента он умело справлялся со своими обязанностями.
8. Китайским названием этого города является Холин, обычная транскрипция (Кара) корума. По поводу даты его основания см. Pelliot, “Note sur Karakorum”, *JA*, I (1925), 372 и Barthold, “Karakorum”, *EI*, p. 785. План руин можно найти в Radloff, *Atlas der Altertümer der Mongolei*, Pl. XXXVI.
9. Juvaini и Rashid ad-Din в d’Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 63; Marco Polo, Chap. 97.
10. Mailla, IX, 132. Тем не менее, грубый монгол мог иметь более ясное видение чем его китайский советник, по-меньшей мере того, что касалось интересов монгольского народа. Огодай хотел отправить мусульманские контингенты войск в Китай и контингентов с Дальнего Востока на западные регионы. Ye-lü отговорил его по причине, что такие походы могли быть весьма болезненными. В итоге, через пятьдесят лет монголы Дальнего Востока стали китайцами, в то время как монголы запада стали тюрками или персами (см. Mailla, IX, 212).
11. Pelliot, “Chrétiens d’Asie Centrale et d’Extreme-Orient”, *TP* (1914), p. 628. Pelliot отмечает, что два сына Чинкя носили христианские имена Yao-shu-mu (Yoshmut) и K’uo-li-ki-ssu (George).
12. Название Nin-kia-su, данное в китайских историях, происходит из *Nangkiyas* или *Nang-kiyas*, названия, которым монголы пользовались по отношению к китайцам (*nikasa* на манчжурском). Пеллиот думает, что монголы взяли этот термин у журчидов или киноу, которые звали Sung как Nan-kia, «народ юга» по-китайски. См. Pelliot, “Nankias”, в *JA*, I (1913), 460-466 и *TP* (1930), p. 17.
13. Монгольское предание приписывает умирающему Чингиз-хану стратегический план по окончательному разрешению дел с кинами.

14. Рассказ из *Yüan Shih*, суммарно изложенный в Mailla, IX, 133-155. Отрывок из Rashid ad-Din переведен в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 613. Толун сопровождали в этой кампании два генерала его отца, Шиги-кутуку и Тукулуку-черби, брат великого Боорчу. См. там же, II, 614 и Erdmann, *Temudschin*, pp. 207, 462.
15. Mailla, IX, 156-207. Среди героических смертей кинон Пеллиот упоминает о несториане Ma K'ing-siang в 1234.
16. Любопытный пример этого китайского ирредентизма среди династии Сун может быть найден в *Instruction d'un futur empereur de Chine en 1193*, пер. Chavannes (*Memoires concernant l'Asie Orientale*, I [1913], 28-29.
17. Не следует путать Годана, второго сына Огодая, с Кадааном, с его шестым сыном. Pelliot, "Les Mongols et la Papaute", *Revue de l'Orient chretien* (1931-32), p. 63 (203).
18. Pelliot, "Chretiens d'Asie Centrale et d'Extreme-Orient", *TP* (1914), p. 631.
19. H. B. Hulbert, *The History of Korea* (Seoul, 1901-03), pp. 189, 195; Demieville, *BEFEO*, 1-2 (1924), 195.
20. Источники: Nasawi, пер. Houdas, *Histoire du sultan Djelal eddin Mankobirti*; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 64 et seq., согласно Nasawi, Juvaini, Nowari, and Ibn al-Athir; Juzjani, trans. Raverty; B. Spuler, "Quellenkritik zur Mongolengeschichte Irans", *ZDMG* (1938), p. 219.
21. См. Minorsky, "Tiflis", *EI*, p. 795.
22. См. Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 366.
23. О деталях относительно этого генерала см. Pelliot, "Les Mongols et la Papaute", p. 51.
24. Арран (впоследствии Карабах) является, говоря в общем, долиной между восточными течениями Араса и Куры; Муган является долиной южного и восточного нижнего течения Куры; от ее слияния с Арасом до Каспийского моря.
25. Ibn al-Athir, в d'Ososon, *Histoire des Mongols*, III, 70.
26. См. G. Altunian, *Die Mongolen und ihre Eroberungen*, s. 35.
27. Pelliot, "Les Mongols et la Papaute", p. 246 (51).
28. О Раббан-ата (по-китайски, Lie-pien-a-ta) см. там же, стр. 236 (41) и далее. Армянский летописец Киракос из Ганджи восхваляет Раббан-ата в наиболее возвышенных тонах: «Он строил храмы в городах таджиков [мусульман]; где до этого людям было запрещено даже произносить имя Христа, например, в Табризе и Нахичеване, где жители проявляли, в особенности, враждебность к христианам. Он строил церкви, возводил кресты и справлял службы христианских церемоний с проповедью, крестами, свечами и песнопениями. Он наказывал своих врагов смертью. Все татарские войска оказывали ему уважение. Его люди, под защитой его *tamgha*, свободно ходили повсюду. Даже татарские генералы дарили ему подарки... (там же, стр. 244[49]).
29. О Баиджу см. там же, стр. 303 (109) и далее.
30. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 83 (согласно Nowari, Bar Hebraeus и Maqrizi). См. "Kaikhusraw II", *EI*, pp. 679-680; Altunian, *Die Mongolen und ihre Eroberungen*, s. 38.
31. См. Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 526.

32. Согласно тексту *Yüan Shih* (пер. Pelliot), Батый был направлен в Европу в 1234 и лишь в 1235 Монгка получил приказа присоединиться к нему там.

33. «Руины Болгар соответствуют современной деревне Болгарское [Болгари] или Успенское в Спасском районе в 155 км к югу от Казани и в 7 км от левого берега Волги» (Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 461).

34. Pelliot, “A propos des Comans”, *JA* (1920), pp. 166-167.

35. См. там же, стр. 169; Minorsky, *Hudud al-Alam*, стр. 446.

36. См. G. Strakosch-Grassmann, *Der Einfall der Mongolen in Mitteleuropa in den Jahren 1241-1242* (Innsbruck, 1893); Altunian, *Die Mongolen und ihre Eroberungen* (Berlin, 1911); Н. Morel, “Les campagnes mongoles”, *Revue Militaire française* (June-July, 1922).

37. D’Ohsson думает, что армия Кадаана не присоединилась в войсковых концентрациях или к сражению на Sajo. L. Cahun, с другой стороны, утверждает, что она имела достаточное время, чтобы участвовать в нем. В самом деле, информация, предоставленная персидскими историками довольно запутана. Juvaini и в особенности, Rashid ad-Din, чьи данные в отношении к географии Запада не адекватны, часто путает эти факты и события, к сожалению, не проявляются в ясном свете, желаемом Cahun. Его исторический рассказ был под значительным влиянием его повести La Tueuse, которая удивительно живописна.

38. План поля сражения Мохи имеется в Spruner-Menke, *Hand-Atlas für die Geschichte des Mittelalters und der neuen Zeit* (Gotha, 1850), Map 73.

39. Cahun (*Introduction a l’histoire de l’Asie* [Paris, 1896], p. 376) попытался перевернуть смысл некоторых утверждений в *Carmen miserabile* для того, чтобы доказать, что имел место зарождающийся союз между мадьярами и монголами. В самом деле, это d’Ohsson, как всегда, кажется, выступал с правильными замечаниями (*Histoire des Mongols*, II, 146-155).

40. По поводу принцев см. Pelliot, “Les Mongols et la Papaute”, *Revue de l’Orient chretien* (1931-1932), p. 53 (193 отдельного репринта).

41. A Qudu, сын Toqto’a-bäki.

42. Он бежал от вражды Törägänä. Восхождение на трон ее сына Güyüк в 1246 означало его возвращение на его прежнюю позицию.

43. Ягатай, который назначил ее на регентство, умер на следующий год (1242).

44. См. Barthold, “Bâtû-khân”, *EI*, p. 700.

45. См. “Chronique de Kirakos”, *JA*, I (1858), 452; *Recueil des historiens des Croisades. Documents arméniens*, I, 605.

46. Törägänä умерла через два или три месяца после выборов ее сына.

47. D’Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 199.

48. Pelliot, “Chrétiens d’Asie Centrale et d’Extreme Orient”, *TP* (1914), p. 628.

49. Pelliot, “Chrétiens d’Asie Centrale”, p. 628 и “Les Mongols et la Papaute”, *Revue de l’Orient chretien* (1922-23), p. 247 (51). Тем не менее, разумеется, Гуюк, благосклонно настроенный к несторианству, не ушел от повсеместной «суеверной терпимости» своего народа по отношению к другим монгольским религиям. Известно, что его младший брат Годан, который держал удельное владение в Кансу (он умер в Ланчоу в 1251), защищал лам знаменитого тибетского монастыря Сас-Кия. См. Pelliot, “Les systems d’écriture chez les anciens Mongols”, *AM* (1925), p. 285.

50. Персидский текст, тюркское предисловие и монгольская печать. См. Pelliot, "Les Mongols et la Papaute", p. 21 (18).
51. См. *Recueil des historiens des Croisades. Documents arméniens*, I, 605, 651; Nangis, "Vie de saint Louis", *Recueil des historiens de la France*, XX, 361-363; Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 526-527.
52. Административные обязанности Baiju и Eljigidäi были плохо определены, однако, Пеллиот отмечает, что, кажется, власть, данная Гуюком Елжигидаю, была больше чем у Баиджу.
53. Juvaini and Rashid ad-Din в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 206; "Chronique de Kirakos", *JA*, I (1865), 451; Brosset, *Histoire de la Georgie*, Add. I, 298.
54. Barthold, "Batu-khan", *EI*, p. 700; Pelliot, "Les Mongols et la Papaute", pp. 58 (196) и 61 (199).
55. Bar Hebraeus ошибается, утверждая, что смерть Гуюка произошла 22 июля 1249.
56. D'Ohsson (*Histoire des Mongols*, II, 246) ошибается, говоря, что Огул Каймиш была дочерью бывшего ойратского короля Кутуки-беки. (Исправление было сделано Pelliot, "Les Mongols et la Papaute", стр. 61 [199]).
57. По поводу этого имени (возможно, Соломон) см. Pelliot, "Les Mongols et Papaute", pp. 63-65 (204-204).
58. См. *там же*, стр. 196 (199).
59. Соргактани была дочерью Ягамбу, брата *Wang-khan*. Она умерла в феврале 1252 скоро после восшествия ее сына Монгку на трон.
60. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 204.
61. *Mongka*, по-монгольски, *mängü* или *mangu*, по-тюркски, означает «вечное». См. Pelliot, "Sur quelques mots d'Asie Centrale", *JA* (1913), p. 451.
62. Реконструкция Пеллиота в "Les Mongols et la Papaute", p. 62 (200).
63. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 249 и далее. (согласно Juvaini и Rashid ad-Din).
64. Pelliot, "Les Mongols et la Papaute", p. 63 (201).
65. *Там же*, стр. 66 (204) и 79 (217).
66. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 266 (согласно Juvaini и Rashid ad-Din).
67. Согласно Рубруку (Чар. XXV), границей, разделяющей два владения, был реигон Ала-Тау, к северу от Иссык-куля. Тот же путешественник утверждает, что Монгка и Батый составляли действительное двоевластие; однако, сам Монгку сказал Рубруку: «Голова имеет два глаза на ней, и если их две, то они смотрят одинаково». Тем не менее, Монгка, с его авторитарным характером и экономической мыслью не имел трудностей в отказе требованиям даже Батыю по части денег (d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 320-321, на основе сведений *Yüan Shih*).
68. См. Pelliot, "Chrétiens d'Asie Centrale", p. 629.
69. См. Chavannes, "Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises", *TP* (1904), pp. 364, 374; (1908), pp. 356, 362.
70. См. Bazin, "Recherches sur les ordres religieux chinois", *JA*, II (1856), 138 и Chavannes, "Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises", *TP* (1904), pp. 367, 383.
71. Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 522.

72. Пеллиот думает, что Рубрук покинул Палестину и отправился в Константинополь в начале 1253 и не в 1252, как полагает Rockhill. “Les Mongols et la Paraute”, p. 77 (221).

73. По поводу различных видов кумыса см. Pelliot, JA (1920), p. 170.

74. Несмотря на позицию Рубрука, чья предубежденность против несторианства, возможно, несколько вводила его в заблуждение, несторианство Сартака подтверждается армянским летописцем Киракосом (JA, I[1858], 459). Комментарии Рубрука по поводу полной неграмотности несторианского духовенства подтверждаются семьей Поло, которому великий Кублай-хан сделал замечание, когда тот просил, чтобы были направлены к нему католические ученые для просвещения его двора в качестве истинной христианской веры (Marco Polo, *Il Millione*, ed. Benedetto, pp. 70-71).

75. Minorsky, *Hudud al-Alam*, p. 276.

76. «Ах! Драгоценный камень действительно находится в лотосе!».

77. Согласно Рубруку (Чар. XXXVI), эти несторианские празднества заканчивались попойками. После вышеупомянутых церемоний жена Монгка стала чрезвычайно пьяной: «Нам принесли пиво, сделанное из риса, и красное вино, напоминающее Ларош с кумысом. Госпожа, взяв полный кубок, встала на колени и попросила о благословении. В то время как священник читал молитву, она пила ... Так прошел день до самого вечера. Наконец, госпожа, пьяная как все остальные, возвратилась домой в своей карете в сопровождении священников, которые все еще читали молитвы или, скорее, завывали беспрестанно».

78. Название *Tuinan* или *Tuin*, которыми Рубрук и остальные западные миссионеры величали буддийских монахов, должно быть, произошло от китайского *tao-jen*, «люди вне дороги» или «вне пути», относящегося к *sramana*.

79. Сравни доктрину монаха Hethum или “Hayton”: “Changius Can, empereor par le comandment de Deu [sic]” (*Recueil des historiens des Croisades. Documents armeniens*, II, 148-150).

80. Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 527, 636.

81. *Yarligh*, по-тюркски, *jarliq*, по-монгольски: имперский декрет. См. Pelliot, TP (1930), p. 292.

82. Hayton, *Documents armeniens*, II, 164-166; см. “Chronique de Kirakos”, JA (1833), p. 279 и I (1858), 463-473; Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 527-529. Кроме того, может быть, целесообразно исправить некоторые непреднамеренные тенденциозные утверждения армянских историков. Планы Монгка, направленные против халифата были чисто политическими. Он ни коим образом не был враждебным по отношению к исламу. Наоборот, как свидетельствует Juvaini, он слушал мусульманских проповедников с тем же уважением, как и христианских и других конфессии. Так, во время торжеств *bairam* в 1252 верховный судья Jamal ad-Din Mahmud из Ходжента прибыл произносить молитву в его *ordu*. «Монгка много раз просил его повторить молитву и забросал его подарками».

83. См. Bretschneider, *Medieval Researches*, I, 168.

84. Я намеренно использовал форму Кублай для принца этого имени после использования имени Кубилай для генерала Чингиз-хана, не потому, что эти слова имеют различное происхождение, а для того чтобы избежать путаницы у читателя.

85. D'Ohsson утверждает, что монголы завладели Ченгту в год смерти Огодая (декабрь 1241). В 1252 *T'ung-chien-k'an-tu* показывает монголов, вновь грабящих Ченгту, что является доказательством того, что здесь не имела место эффективная оккупация его монголами.

86. См. Herrmann, *Atlas of China*, Map 52.

87. См. Pelliot, "Les Mongols et la Papauté", p. 77 (201). На персидском, Urianqadai.

88. См. Chavannes, "Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises d'époque mongole", *TP* (1905), pp. 1-7; *Nan-chao ye-shih*, пер. С. Sainson (Paris, 1904), p. 109.

89. Правительство Юннан, бок о бок со старой династией, было доверенным чингизидских принцев, среди которых были Угечи, сын Кублая, Тугулуг и Есен Темюр, сын Угечи. По поводу монгольской политики в Юннане и методах, с помощью которых они достигли сотрудничества с временными королями Тали в качестве их верных наемников см. Chavannes, "Inscriptions", pp. 7, 31 и *Nan-chao ye-shih*, pp. 110-112.

90. См. Chavannes, "Inscriptions", pp. 6, 29.

Глава 7

1. *Qubilai* в монгольской Secret History. По китайской транскрипции, *Hu-pi-lie*. Персидские транскрипции выглядят как *Qubilay* или *Qublay*. Мы придерживаемся классической транскрипции Кублай (Хубилай), которая согласуется с монгольским произношением и в тоже самое время напоминает китайскую транскрипцию.

2. Среди чингизидов, присутствовавших на выборах Кублая, почти никто не упоминается по имени за исключением Qada'an, сына Огодая, и Тогаचार, сына Темудже Очигина. Наиболее энергичными сторонниками Кублая были онгутские принцы Кюн-бука и Аи-бука (оба несториане), которые в 1260 нанесли поражение Кара-буке, генералу Арик-бегё. См. А. С. Moule, *Christians in China* (New York, 1930), p. 236.

3. Maila, IX, 275-282.

4. Pelliot, "Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient", *TP* (1914), p. 629.

5. Bayan на монгольском языке означает богатый, удачливый судьбой. Этот генерал принадлежал к племени Ba'arin. По китайской транскрипции, Po-yen.

6. Marco Polo приписывает его отцу и дяде конструкцию этих машин (ed. Pauthier, II, 470-476; ed. Moule-Pelliot [London, 1938], p. 318).

7. Во время осады Ченчоу монголами корпус христианских аланов (греческой веры), которые служили в монгольской армии, был побежден и уничтожен более или менее засчет предательски возобновленного нападения китайцев (июнь 1275). Баян, разъяренный этим, отомстил за аланов во время окончательного завоевания города в декабре 1275 грабежом населения и назначением доходов Ченчоу семьям жертв. См. Marco Polo, ed. Benedetto, p. 141; Pelliot, "Chrétiens d'Asie Centrale", p. 641; Moule, *Christians in China*, p. 140.

8. Marco Polo, ed. Pauthier, II, 460; ed. Moule-Pelliot, p. 313. См. Moule, "Hang-chou to Shang-tou", *TP* (1915), p. 393.

9. См. Bretschneider, *Recherches ... sur Peking* (Paris, 1879), карты III, V, стр. 52, 84. Название *khan-baligh*, город хана, подобно названию *ordu-baligh*, город двора, часто тюрко-монголы присуждали своим королевским резиденциям. В переводе на уйгурский жизни паломника Hsüan-tsang Чанган или Сиан, столица китайских императоров династии Тань, называется как *Qan-baliq*. А. von Gabain, “Die uigurische Uebersetzung der Biographie Hüen-tsangs”, *Sitz. der preuss. Akad. der Wissenschaften* (Berlin, 1935), p. 30.

10. См. Demieville, *BEFEO*, 1-2 (1924), 195. Политика сопротивления монголам короля Ко-тjон была инспирирована его министром Ch’eu Ou, последним представителем семьи наследственных управляющих дворца, который владел этой должностью с 1196.

11. Courant пишет: «Корея с этого времени и далее была не более чем монгольской провинцией, управляемой туземными королями. Последние, будучи женаты на монгольских женщинах и будучи сыновьями монгольских матерей и получающие советы китайских резидентов, могли быть вызваны в Пекин и сосланы на ссылку или сняты со своих постов по желанию хана. Они говорили на языке и одевали одежду Юань и более ничего не имели общего с корейцами».

12. См. J. Murdoch and I. Yamagata, *History of Japan* (London, 1925-26, 3 vols.), I, 491-592; также N. Yamada, *Ghenkō, the Mongol Invasion of Japan* (London, 1916; с библиографией японских работ и источников, стр. 269). Отрывки из *Taiheiki* переведены в W. G. Aston, *A History of Japanese Literature* (New York, 1925), p. 70. По поводу японской живописи об этой войне см. Shizuya Fujikake, “On the Scroll Painting of the Mongol Invasion”, *Kokka* (1921), Nos. 371-379.

13. См. Georges Maspero, “Histoire du Champa”, *TP* (1911), p. 462 и отдельный том (1928), стр. 174-187; Pelliot, *BEFEO*, II (1902), 140.

14. См. Huber, “La fin de la dynastie de Pagan”, *BEFEO* (1909), pp. 633-680; Harvey, *History of Burmah* (1925), pp. 64-69.

15. Этот рассказ *Chen-la Fung t’u ki* был переведен и исследован Пеллиотом. (Cheu Ta-kuan, “Memoire sur les coutumes du Cambodge”, trans. Pelliot, *BEFEO* [1902], p. 123).

16. См. Pelliot, “Deux itineraires de Chine en Inde”, *BEFEO* (1904); G. Coëdes, “Les origines de la dynastie de Sukhodaya”, *JA*, I (1920), 242. Королевства Chiangmai (Xiengmai) и Sukhotai были известны под именами на китайском языке как Папе и Hsien, соответственно.

17. См. Mailla, IX, 452; N. J. Krom, *Hindoe-javaansche Geschiedenis* (The Hague, 1926), pp. 352-359. В тоже время монгольского вторжения на Яву раджа Malayu на Суматре, будучи предупрежденным, признал себя данщиком на непродолжительное время. G. Ferrand, *L’empire sumatranais de Çrivijaya*, p. 231.

18. Кайду был сыном Каши, младшего брата Гуюка.

19. По-китайски, No-mu-han.

20. По-китайски, His-li-ki.

21. Rashid ad-Din (d’Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 456) находит происхождение Наяна от Темудже, в то время как *Yüan Shih* пишет, что он происходит от Белгута.

22. См. d’Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 456 и Erdmann, *Temudschin*, стр. 569.

23. Marco Polo, ed. Moule-Pelliot, p. 200; ed. Benedetto, pp. 69-70. См. Pelliot, "Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient", *TP* (1914), p. 635.
24. На китайском, Кан-ма-ла. Он был сыном принца Чинкима (транскрипция Рашид ад-Дина) или Чен-кин (транскрипция *Yüan Shih*), второго сына Кублая.
25. См. Rashid ad-Din, в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 513; и *Yüan Shih*, trans. Moule в *Christians in China*, pp. 237-238.
26. См. Barthold, "Hulägu", *EI*, II, 353.
27. Ed. Pauthier, I, 236; ed. Moule-Pelliot, I, 192.
28. Marco Polo, ed. Pauthier, p. 481; ed. Moule-Puthier, I, 322.
29. Marco Polo, ed. Pauthier, p. 345; ed. Moule-Puthier, I, 250.
30. Marco Polo, ed. Pauthier, p. 346; ed. Moule-Puthier, I, 251.
31. Sayyid Ajall, Shams ad-Din 'Umar (по китайской транскрипции, Sai-tien-ch'e Shen-ssu-ting Wu-ma-eul) родился около 1210 и умер в 1279. С 1274 до 1279 он был администратором Юннан. Его сыновья Насир ад-Дин (ум. 1292) и Хусаин унаследовали ему в администрации той же провинции, которую эта династия мусульманских чиновников помогла исламизировать. Sayyid Ajall сам выступил с инициативой построить первые две мечети в Юннане. См. A. J. A. Vissiere and Lepage, "Documents sur le Seyyid Edjell" в Vissiere, *Mission d'Ollone, Recherches sur les musulmans chinois* (Paris, 1911), pp. 20-203 и Vissiere, "Le Seyyid Edjell", *Revue du monde musulman*, IV, No. 2 (February, 1908); Bretschneider, *Mediaeval Researches*, I, 271; Chavannes, "Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises", *TP* (1905), p. 19.
32. Ahmed Fenaketi (китайская транскрипция, А-ха-ма) находился у власти с 1270 до своего убийства в 1282. Sanga (китайская транскрипция, Sang-ko) был финансовым министром с 1288 по 1291. См. Marco Polo, ed. Moule-Pelliot, pp. 214, 238.
33. Marco Polo, *Il Milione*, ed. Benedetto, p. 70.
34. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 491, согласно Рашид ад-Дину.
35. Sanang Sechen, trans. Schmidt, *Geschichte der Ostmongolen*, s. 113, 115.
36. См. Chavannes, "Inscriptions et pieces de chancellerie chinoises", *TP* (1906), p. 382.
37. См. G. Huth, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei* (Strassburg, 1892-96, 2 тома), II, 139; Sanang Sechen, trans. Schmidt, *Geschichte der Ostmongolen*, s. 115.
38. Pelliot, "Les 'Kouo-che' ou maîtres du royaume' dans le bouddhisme chinois", *TP* (1911), p. 671.
39. Наиболее старый памятник был расписан на монгольском языке уйгурскими буквами. Этот камень известен как камень Чингиз-хана в азиатском музее Ленинграда, надпись на нем датируется приблизительно с 1225. Пеллиот говорит: «Лишь уйгурским письмом эпическая летопись *Monghol-un ni'utcha tobchi'an* (или *Manghol un Niuca Tobca'an*) могла быть записана» (Pelliot, *AM* [1925], p. 288). Также уйгурским письмом были выполнены большая монгольская надпись 1362, найденная Пеллиотом в Кансу в 1908 и два письма ханов Персии Аргуна и Олжайту к Филиппу Справедливому, хранившиеся в национальном архиве Франции. Другим примером является надпись на печати письма Гуюка к Иннокентию IV в 1246. См. Pelliot, "Les Mongols et la Papauté", *Revue de l'Orient chrétien* (1922-23), pp. 3-30.

40. См. Pelliot, “Les systemes d’écriture chez les anciens Mongols”, *AM* (1925), p. 284 и “Les mots a H initiale, aujourd’hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIV siecles”, *JA* (1925), p. 193.

41. D’Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 532, согласно Рашиду ад-Дину.

42. Sanang Sechen, trans. Schmidt, *Geschichte der Ostmongolen*, s. 398; d’Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 533.

43. Mailla, IX, 539. См. замечания, сделанные Quatremere в его издании Rashid ad-Din (Paris, 1836), p. 189.

44. В Китае монгольский режим таким же путем оказывал помощь сектам чудесников и секретным обществам, предписанными ранее национальными династиями. «Секты инакомыслящих, преследуемые до большей или меньшей степени династии Сун, помогали новой династии. В благодарность, им была разрешена не только свобода вероисповедования, но и также официальное признание и иерархия. Так, в конце тринадцатого и начале четырнадцатого веков как в *Истории Юань*, так и в сборнике декретов под названием *Yüan tien chang*, имеет место частое упоминание о религиозных трибуналах «Белого Облака» и «Белого Лотоса» и секты «Дхута». Там же имеются ссылки на многие таоистские секты и ко всем видам иностранных религий: несторианскому и католическому христианству, исламу и юдаизму». Chavannes and Pelliot, “Un traite manicheen retrouve en Chine”, *JA* (1913), p. 364.

45. Marco Polo, ed. Benedetto, p. 70.

46. Декреты Огодая, Монгка и Кублая касались налоговых исключений и различных привилегий по отношению к *ho-shang* и *t’o-yin* (буддийские монахи), *hsien-sheng* (таоистские монахи), *ye-li-k’o* или *ärkägün* (несторианские священники) и *ta-chih-man* (*danishmend* или мусульманские врачи). См. Deveria, “Notes d’epigraphie mongole-chinoise [декрет *Buyantu-khan*]”, *JA*, II (1896), 396; Chavannes, “Inscriptions et pieces de chancellerie”, *TP* (1904), p. 388; Pelliot, “Chretiens d’Asie Centrale et d’Extreme-Orient”, *TP* (1914), p. 637. Клан ордосских монголов до сегодняшнего дня носит название *Erqüt* или *Erküt*, современную форму средневекового слова *ärkägüd*. Отец Mostaert, который изучал еркютский народ, установил, что они являются ни шаманистами, ни буддистами, а поклоняются к кресту в виде свастики, и сами не осознавая это, выдают запутанную память о христианстве. Отсюда он заключает, что они, несомненно, являются потомками несторианов онгутских земель чингизханского периода (Mostaert, “Ordosica”, *Bulletin 9, Catholic University of Peking* [1934]).

47. Pelliot, “Chretiens d’Asie Centrale”, p. 634.

48. Там же, стр. 630.

49. Alaqush-tigin (или tekin)-quri. См. *Secret History*, trans. Haenisch, стр. 55.

50. См. A. C. Moule, *Christians in China Before the Year 1550* (New York, 1930), p. 235.

51. Pelliot, “Chretiens d’Asie Centrale”, p. 631; Moule, *Christians in China*, p. 236.

52. Marco Polo, ed. Benedetto, pp. 60, 61; d’Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 513; Moule, *Christians in China*, p. 237.

53. Moule, *Christians in China*, p. 99.

54. Там же, стр. 208.

55. Там же, стр. 100.
56. Marco Polo, ed. Benedetto, pp. 58, 60; ed. Moule-Pelliot, I, 181.
57. Marco Polo, ed. Benedetto, p. 141; Pelliot, "Chretiens d'Asie Centrale", p. 637; Moule, *Christians in China*, p. 145.
58. Одна из несторианских церквей в Янчоу, упомянутая Odorico da Pordenone, была основана в конце тринадцатого века богатым купцом по имени Абрагам. Пеллиот нашел декрет от 1317, касающийся этой церкви ("Chretiens d'Asie Centrale", p. 638).
59. Там же, стр. 631; Moule, *Christians in China*, pp. 94-127.
60. *Duwa* стала *Ogo* в сиракской библиографии!
61. Moule, *Christians in China*, p. 101.
62. Pelliot, "Chretiens d'Asie Centrale", *TP* (1914), p. 640 и (1927), p. 159 и "Les Mongols et la Papaute", *Revue de l'Orient chretien*, 3-4 (1924), 248 (52). Об информации по поводу ch'eng-hsiang Bolod см. Pelliot, *TP* (1927), p. 159.
63. C. de La Ronciere et Dorez, *Bibliographie de l'Ecole des Chartes*, LVI (1895), 29; Pelliot, *TP* (1914), p. 641. Пеллиот нашел в *Yüan Shih* имена нескольких аланских вождей Пекина, которые отправили это посольство: Fu-ting, Hsian-shan и Jayan-buca, которые в письме к Бенедикту XII стали Fodim Jovens, Chyansam (Shyansam) и Chemboga (Shemboga).
64. Pelliot, "Les traditions manicheennes au Fou-kien", *TP* (1923), p. 193. Так называемые христиане, замеченные Марко Поло в Фучоу (Figiu) должны были быть, как думает Пеллиот, манихеанами. См. Benedetto's edition, p. 158; Moule, *Christians in China*, p. 143; Pelliot, *Journal des Savants* (January, 1929), p. 42.
65. Марко Поло упоминает присутствие несторианской общины в *Carachoço* (*Il Milione*, ed. Benedetto, p. 46; ed. Moule-Pelliot, II, xx) и в *Chingintalas*, в регионе к северу от Бешбалига, о асбестовых шахтах.
66. Marco Polo, ed. Moule-Pelliot, I, 79; ed. Benedetto, pp. 70-71.
67. Пеллиот установил, что когда Марко Поло говорит о Мосуле и Багдаде, то его сведения основаны на рассказе других лиц. Н. Yule (Yule-Cordier edition [London, 1903], I, 19) ошибается, приписывая ему путешествие между Мосулом, Багдадом и Басрой. Наиболее вероятно маршрут, указанный Р. М. Sykes, *Persia*, p. 262.
68. Ed. Yule-Cordier, I, 129; ed. Moule-Pelliot, I, 128.
69. Stein, *Serindia*, Chap. IX, pp. 318 et seq. Идентификация Rem с Keriya принадлежит Пеллиоту.
70. См. Marco Polo, ed. Benedetto, p. 48; ed. Moule-Pelliot, I, 158 (*Succi*); Pelliot, "Kao-tch'ang, Qotcho", *JA*, I (1912), 591.
71. Ed. Pauthier, I, 203; ed. Benedetto, p. 48; ed. Moule-Pelliot, p. 159.
72. См. Benedetto, p. 52; Moule-Pelliot, p. 178.
73. См. Benedetto, p. 58; Moule-Pelliot, p. 181.
74. «Во времена Марко Поло персы, должно быть, служили как тип *lingua franca* для Центральной и Восточной Азии», Pelliot, *JA*, II (1913), 185.
75. Ed. Benedetto, p. 137; см. Pelliot, *TP* (1927), pp. 164-168.
76. Марко Поло также упоминает несторианскую общину в *Quengianfu* (ed. Benedetto, pp. 107-108; ed. Moule-Pelliot, p. 264).

77. См. Benedetto, p. 115; Moule-Pelliot, p. 277. По поводу *Caragian* см. Pelliot, "Trois itineraires", *BEFEO* (1904), p. 158.
78. См. Huber, "La fin de la dynastie de Pagan", *BEFEO* (1909), pp. 633-680.
79. . Сасианфу был правильно идентифицирован с Hоклен. А. J. Н. Charingnon (*Le livre de Marco Polo* [Peking, 1924-28, 3 vols.], III, 2) приравнивает его к Chengting! См. Benedetto, p. 128.
80. Марко Поло называет Желтую Реку *Caramoran* из ее монгольского названия Cara Muren: Черная Река.
81. См. G. Maspero, *TP* (1911), p. 476.
82. Burkan, монгольское имя Будды.
83. Ed. Pauthier, p. 588; ed. Moule-Pelliot, p. 407.
84. Ed. Pauthier, p. 325; ed. Moule-Pelliot, p. 239; См. примечание в издании Yule-Cordier, I, 426-430. См. также Ibn Batuta, ed. Defremery (Paris, 1853-79, 4 vols.), IV, 259-260.
85. См. Heyd, trans. Furcy Raynaud, *Histoire du commerce du Levant au moyen-age* (Leipzig, 1923), II, 670, 693.
86. Имя Quinsai или, согласно различным рукописям, *Khansa, Khinsa, Khingsai, Khanzai, Cansay, Campsay*, происходит из king-tsai: «временная резиденция» (Pelliot). См. Moule, "Marco Polo's Description of Quinsai", *TP* (1937), p. 105.
87. «Порт Zayton является одним из крупнейших в мир. Я ошибаюсь: он наибольший из всех портов» (Ibn Batuta, ed. Defremery, IV, 269). Около Цайтона находился Tingiu, то есть, Tö-hua, также в Фукиене, керамику которого хвалит Марко Поло (ed. Moule-Pelliot, p. 352; см. Heyd, *Histoire du commerce du Levant*, II, 247).
88. Ed. Pauthier, p. 561; ed. Moule-Pelliot, p. 368; Heyd, *Histoire du commerce du Levant*, II, 644; G. Ferrand, *Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turcs* (Paris, 1913-14, 2 vols.), I, 31.
89. Работа была выполнена во Флоренции между 1335 и 1343. См. Heyd, *Histoire du commerce du Levant*, I, xviii.
90. Heyd, *Histoire du commerce du Levant*, II, 218.
91. Pelliot, "Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient", *TP* (1914), p. 633.
92. Moule, *Christians in China*, p. 191.
93. Дата 1318, данная в письме Andrew of Perugia, о его прибытии в Пекин определенно является ошибкой и Moule предположил, что она должна быть исправлена как 1313 (*Christians in China*, pp. 191-192).
94. Odorico da Pordenone, ed. Cordier (Paris, 1891), p. 99.
95. См. Н. Hosten, "St. Thomas and St. Thome, Mylapore", *Journal of the Asiatic Society of Bengal* (1924), p. 153.
96. По поводу значения *Sincalan* (в особенности, для экспорта китайской керамики в Индию и Йемен) см. также Ibn Batuta, trans. Defremery, IV, 272.
97. См. Moule, *Christians in China*, p. 241, "Ten Thousand Bridges of Quinsai", *New China Review* (1922), p. 32.
98. Марко Поло уже заметил церковь в Hangchow (ed. Benedetto, p. 152).

99. Odorico da Pordenone, ed. Cordier, p. 375. Отметим также, что в этой связи говорит Марко Поло об участии Кублая в крупных христианских празднествах (ed. Benedetto, p. 152).

100. Ed. Benedetto, pp. 60-61.

101. Odorico, ed. Cordier, p. 450. См. В. Laufer, "Was Odoric of Pordenone ever in Tibet?" *TP* (1914), p. 405.

102. Письмо аланов Пекина к папе Бенедикту XII, датированное 11 июля 1336, утверждает, что Монтекорвино умер восьми годами ранее (Moule, *Christians in China*, p. 198).

103. *Там же*, стр. 197.

104. Pelliot, "Chrétiens d'Asie Centrale", *TP* (1914), p. 642.

105. См. «хронику» Marginolli в Moule, *Christians in China*, p. 254.

106. Вице-королевство, данное Кублаем своему третьему сыну Мангале и позднее переданное Ананду, сыну Мангалы, включало в себя также Шенси и имело свою столицу Сиан или Чанган.

107. См. L. Ligeti, "Les noms mongols de Wen-tsong des Yuan", *TP* (1930), p. 57.

108. Courant, *L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siècles*, p. 5.

Глава 8

1. Или Чагатай. В *Secret History* имя дано как Cha'adai. Здесь вместе с Pelliot (*TP* [1930], p. 304) и Barthold (Turkestan) мы используем форму Ягатай (Джагатай), принятую на Западе.

2. Wassaf, в Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 436.

3. Rashid ad-Din, *там же*, II, 101-102.

4. Rashid ad-Din, *там же*, II, 93, 100.

5. См. Barthold, "Chagatâi-khân", *EI*, p. 832.

6. Там же.

7. Juvaini в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 102-107.

8. *Mongka* на монгольском является тем же самым, что *Mangu* на тюркском языке.

9. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 204; Barthold, "Chagatâi-khân", *EI*, pp. 833-834.

10. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 271.

11. Barthold, "Chagatâi-khân", *EI*, 833-834.

12. Muhammad Qazvini отметил, что написанием Juvaini является Ksmain (*Tarikh-i Jahan-gusha*, p. 34) или Kshman (*там же*, Berezine ed. I, 165).

13. Saindi в Juvaini, I, 34 и Rashid ad-Din, Berezine ed., I, 165 (сообщение из Muhammad Qazvini).

14. Этот принц, сообщает Мухаммад Казвини, упоминается у Джувайни в непроизношимой форме имени: Uknj или Oukndj (Juvaini, I, 36).

15. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 271-273, согласно Rashid ad-Din.

16. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 352-354. В данном представлении истории ханства Ягатай я склонился к повторению некоторых фактов, о которых я уже писал с точки зрения истории Кублая в главе 7.

17. Barthold, "Chagatâi-khân", *EI*, p. 833 и "Berke", *там же*, стр. 726.
18. Обычная форма этого имени *Boraq* или *Borraq* является исламизированной. Пеллиот, напоминая *Baraq* из Марко Поло и *Pa-la* из *Yüan Shih*, подчеркивает, что монгольское имя было *Barak* ("Sur la legende d'Ughuz-khan", *TP* [1930], p. 339). О правлении этого принца см. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 359-360 и Barthold, "Burâk", *EI*, p. 814.
19. Это был тот Талас, где обычно жил Кайду после своей победы над ягатайцами (см. Pelliot, *TP* [1930], p. 272) и где его посетили по пути из Пекина в Иран Раббан Rabban Sauma и Mar Yahballaha.
20. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 435 (согласно Вассафу и Рашид ад-Дину). Бури, который упоминается здесь, не должен быть спутан с Бури, которого Батый казнил в 1252. Nikrai должен иметь отношение к Nâgübäi (Pelliot, в *JA*, II [1927], 266).
21. D'Ohsson, II, 450-451 и III, 427-453; Barthold, "Burâk", *EI*, p. 814.
22. Rashid ad-Din и Wassaf, d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 451, где они дали дату смерти Никпай Огула как 1272.
23. *Там же*, III, 457-458, согласно Wassaf.
24. См. Barthold, "Chagatâi-khân", *EI*, p. 833.
25. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 451-452 и Cordier, II, 310-311. В 1274 Кайду отогнал представителей Кублая из Кашгара, Ярканда и даже из Хотана. В 1276 Кублай вновь занял Хотан и также, временно, Ярканд и Кашгар.
26. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 512-515.
27. *Там же*, 516-517; Mailla, IX, 479.
28. «Трансоксония», отмечает Вассаф, «преуспевал под правлением Кайду, справедливого и человеческого правителя». См. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 458.
29. *Там же*, II, 511 и III, 431; Barthold, "Burâk-khân", *EI*, p. 814.
30. Moule, *Christians in China*, p. 101.
31. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 520.
32. *Там же*, II, 519 и IV, 558-559, согласно Вассафу.
33. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 520.
34. *Там же*, II, 520-521 и IV, 558-559, согласно Вассафу.
35. *Там же*, IV, 560.
36. *Там же*, IV, 561.
37. Hafiz-i Abru, пер. K. Bayani (Paris, 1936-38, 2 vols.), pp. 37-41.
38. *Там же*, стр. 43-46; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 563-565.
39. Hafiz-i Abru, pp. 67-74, 80-88; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 567-568, 618-629, 642-644.
40. Barthold, "Chagatâi-khân", *EI*, p. 834.
42. Надмогильные камни из Пишпека с надписями на сирийском и тюркском языках, датируемые с 1264 по 1338, находятся в музее Guimet (Nau, *Expansion nestorienne*, p. 300).
43. Barthold, "Chagatâi-khân", *EI*, p. 834.
44. Moule, *Christians in China*, pp. 255-256.
45. *Там же*, стр. 255.

46. В 1362, один из последних миссионеров, Джеймс из Флоренции, титулованный архитектор Цайтона (т.е. Чюанчоу в нынешней китайской провинции Фукиен), умер смертью мученика в Центральной Азии, по-видимому, в ягатайском ханстве в Персии (*там же*, стр. 197, 255).
47. *Zafer-name*, пер. Petis de la Croix, I, 2.
48. Hejira 747, Год Свиньи (*Zafer-name*, I, 4).
49. *Zafer-name*, I, 4-5.
50. *Zafer-name*, I, 6-18.
51. Hejira 759, Год Собаки (*Zafer-name*, I, 19).
52. *Zafer-name*, I, 21-22.
53. См. Barthold, "Dûghlât", *EI*, p. 1112.
54. *Ta'rikh-i. Rashidi*, пер. Denison Ross, pp. 7-8.
55. *Там же*, стр. 6-9.
56. *Там же*, стр. 10-15.
57. *Там же*, стр. 15.
58. *Zafer-name*, пер. Petis de la Croix, стр. 29-32.
59. *Там же*, стр. 37-38.
60. *Ta'rikh-i Rashidi*, пер. Ross, стр. 18.
61. *Zafer-name*, пер. Petis de la Croix, стр. 41-45; *Ta'rikh-i Rashidi*, пер. Ross, стр. 20-22.

Глава 9

1. О Чормагане см. Pelliot, "Les Mongols et la Papaute", *Revue de l'Orient chretien* (1924), p. 247 (51).
2. *Там же*, стр. 244 (49).
3. По поводу Байджу см. *там же*, стр. 303 и далее (109 и дальше).
4. Эти летние штаб-квартиры монголов назывались Сисиан или «Ситиенс» в армянских и латинских источниках. Кажется, что они должны находиться в районе Хабанд между Сиуни и Артсахом «в горах к востоку от озера Гокча». Pelliot, "Mongols et la Papaute", p. 302 (106).
5. По поводу Eljigidäi (Äldjigidäi) см. Pelliot, "Mongols et la Papaute" (1931-32), p. 33 (71).
6. По поводу Aibeg и Särgis см. *там же* (1924), p. 327 (131).
7. *Там же* (1931-32), стр. 172 (174) и 193 (195); Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 520.
8. Pelliot, "Mongols et la Papaute", pp. 175 (177); Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 521.
9. Его сын Аргасун или Харкасун устраивал заговор против Монгку и был казнен уже в Монголии.
10. Pelliot, "Mongols et la Papaute" (1931-32), p. 65 (203).
11. Библиография (грузинские и армянские источники, и Джувайни) в Minorsky, "Tiflis", *EI*, p. 796.
12. См. "Kaikâ'ûs II", *EI*, стр. 677-678.
13. См. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 103-107 (согласно Джувайни).

14. Beha ad-Din Muhammad, отец Juvaini, был взят в плен в Тусе монгольским вождем Кюл-Булатом. С ним обращались вежливо и он вступил на службу к монголам как *sahib-divan* Хурасана. Он оставался монгольским чиновником до своей смерти в Исфагане в 1253. См. Barthold, "Djuwainî", *EI*, p. 1100.
15. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 116-117 (согласно Джувайни).
16. *Там же*, III, 120 (согласно Джувайни).
17. Джувайни, который служил вместе со своим отцом в качестве государственного чиновника под Аргуном Ага, не мог не протестовать энергично против возвышения уйгурских ученых над арабо-персидскими: «Во время революции, которая потрясла мир, учебные заведения были разрушены и образованные люди убиты, в особенности, в Хурасане, который был источником просвещения и местом встречи докторов. Все грамотные люди были уничтожены мечом. Создания из неизвестности, которые пришли на их место, заботятся лишь об уйгурском языке и уйгурской письменности». См. *там же*, I, xxv.
18. Juvaini и Rashid ad-Din, *там же*, III, 121-128.
19. *Там же*, III, 129-130.
20. *Там же*, III, 131; Minorsky, "Kutlugh-khân", *EI*, p. 1238; T. W. Haig, "Salghurides", *EI*, p. 109.
21. Hulägu происходит из монгольского корня *hülä-* или *ülä-*, означающего «в избытке». По-персидски имя звучит как Hulaku. Pelliot, "Les mots a H initial, aujourd'hui amui, en mongol des XIIIe et XIVe siècles", *JA* (1925), p. 236.
22. Rashid ad-Din, пер. Quatremere, p. 145; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 139.
23. См. Rashid ad-Din, пер. Quatremere, pp. 217, 219; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 197.
24. См. Abu'l Fida, *Recueil des historiens des Croisades. Historiens Orientaux*, I, 136; Rashid ad-Din, пер. Quatremere, p. 247; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 212 (согласно Ваккафу); Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 568.
25. Rashid ad-Din, пер. Quatremere, p. 231.
26. Rashid ad-Din, в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 217.
27. См. Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 571.
28. Abu'l Fida, *Historiens des Croisades*, I, 136.
29. Rashid ad-Din, пер. Quatremere, p. 299; см. Kirakos, пер. Dulaurier, *JA*, I (1858), p. 489.
30. См. Kirakos, *JA* (1858), p. 491.
31. Abu'l Fida, *Historiens des Croisades*, p. 137.
32. Kirakos, *JA*, I (1858), p. 493.
33. Vartan, *JA*, II (1860), p. 291.
34. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 270. См. рассказ монаха Hayton в *Recueil des historiens des Croisades. Documents arméniens*, II, 169-170; см. также Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 574-575.
35. Kirakos, *JA*, I (1858), p. 492.
36. Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 575-576.
37. Дочь Ягамбу или Якамбу, брата *Wang-khan*.
38. Rashid ad-Din, пер. Quatremere, p. 145.

39. *Там же*, стр. 95-95.
40. Vartan, *JA*, II (1860), 290, 309; *Historiens des Croisades. Documents armeniens*, I, 433.
41. Vartan, *JA*, II (1860), 300-301.
42. *Там же*, стр. 302; согласуется с данными Rashid ad-Din, пер. Quatremere, p. 393.
43. Barthold, "Hûlâgû", *EI*, p. 353.
44. Rashid ad-Din, пер. Quatremere, p. 225; Kirakos, *JA*, I (1858), 484; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 262.
45. Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 549.
46. *Там же*, стр. 515.
47. *Там же*, стр. 579.
48. *Там же*, стр. 577-578.
49. Vartan, *JA*, II (1860), 294.
50. Kirakos, *JA*, I (1858), 496; Rashid ad-Din, пер. Quatremere, pp. 330-331, 335-375.
51. Hayton, *Recueil des historiens des Croisades. Documents armeniens*, II, 170; Vartan, *JA*, II (1860), 293.
52. "Gestes des Chiprois", *Documents armeniens*, p. 751; Grousset, *Croisades*, III, 581.
53. Bar Hebraeus, в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 316.
54. *Там же*, III, 308-309; Grousset, *Croisades*, III, 581-582.
55. Abu'l Fida, *Historiens des Croisades*, I, 140.
56. *Там же*, Bar Hebraeus, *Chronicon Syriacum*, p. 533; Hayton, *Documents armeniens*, II, 171; Grousset, *Croisades*, III, 583.
57. Abu'l Fida, *Historiens des Croisades*, p. 141; "Gestes des Chiprois", *Recueil des historiens des Croisades. Documents armeniens*, II, 751; Grousset, *Croisades*, III, 586.
58. Abu'l Fida, *Historiens des Croisades*, p. 143.
59. *Там же*; "Gestes des Chiprois", *Documents armeniens*, II, 751; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 325; Grousset, *Croisades*, III, 589.
60. d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 377; Barthold, "Berke", *EI*, pp. 725-726.
61. Kirakos, *JA*, I (1858), 498; Hayton, *Documents armeniens*, II, 173.
62. *Там же*, стр. 174.
63. Delaborde, "Letters des chretiens de Terre Sainte, 1260", *Revue de l'Orient latin*, II (1894), 214; Grousset, *Croisades*, III, 584.
64. Hayton, *Documents armeniens*, p. 174; "Gestes des Chiprois", p. 752; Grousset, *Croisades*, III, 594.
65. Rashid ad-Din, пер. Quatremere, p. 347.
66. "Gestes des Chiprois", p. 753; "Manuscript de Rothelin", *Historiens des Croisades*, p. 637; Grousset, *Croisades*, III, 601-603.
67. Kirakos, *JA*, I (1858), 498.
68. Rashid ad-Din, пер. Defremery, pp. 351-353.
69. *Там же*, p. 393; см. Vartan, *JA*, II (1860), 302.
70. См. Barthold, "Berke", *EI*, p. 726; Hayton, *Documents armeniens*, II, 176.

71. Rashid ad-Din, пер. Quatremere, p. 399; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 380-381.
72. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 362, 370-374 (согласно Rashid ad-Din и Bar Hebraeus).
73. Там же, III, 397-404 (согласно Rashid ad-Din и Mirkhond); см. T. W. Haig, "Salghurides", *EI*, p. 109.
74. См. Rashid ad-Din, пер. Quatremere, p. 403; Minorsky, "Kutlugh-khân", *EI*, p. 1238.
75. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 148.
76. Там же, IV, 281.
77. Barthold, "Djuwainî", *EI*, p. 1100.
78. Согласно d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 407-408.
79. Mar Denha, патриарх с 1266 по 1281, унаследовал Makikha.
80. W. Budge, *The Monks of Kublai-khan*, pp. 139-140.
81. "Vie de Mar Yahballaha", пер. J. B. Chabot, *Revue de l'Orient latin* (1893), pp. 593-594.
82. Покинув Китай при бл. 1275, они прибыли в Месопотамию при бл. 1278.
83. Budge, *Monks of Kublai-khan*, p. 148.
84. "Vie de Mar Yahballaha", pp. 607-608.
85. Там же, стр. 609-610.
86. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 418-419.
87. Там же, III, 432-449 (согласно Rashid ad-Din).
88. Там же, III, 441-442; IV, 179-183.
89. Abu'l Fida, *Historiens des Croisades*, I, 155; Hayton, *Documents armeniens*, p. 180; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 481-488; Grousset, *Croisades*, III, 694.
90. См. Hayton, *Documents armeniens*, pp. 180-181.
91. См. Abu'l Fida, *Historiens des Croisades*, I, 158-159; Hayton, *Documents armeniens*, p. 183-184; Bar Hebraeus, *Chronicon Syriacum*, pp. 592-593; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 524; R. Röricht, "Les batailles de Homs", *Archives de l'Orient latin*, I, 638; Grousset, *Croisades*, III, 699.
92. "Täghüdär", на монгольском языке.
93. Hayton, *Documents armeniens*, p. 185.
94. "Vie de Mar Yahballaha", pp. 75-77.
95. См. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 31-38, 49-57 (согласно Вассафу).
96. Chabot, "Relations du roi Argoun avec l'Occident", *Revue de l'Orient latin* (1894), p. 571; Moule, *Christians in China*, p. 106; Grousset, *Croisades*, III, 711.
97. *Revue de l'Orient latin* (1894), pp. 82-83.
98. Там же, стр. 89.
99. Там же, стр. 91; Grousset, *Croisades*, III, 715-716.
100. Chabot, *Revue de l'Orient latin* (1894), p. 104.
101. Там же, стр. 106-111; Grousset, *Croisades*, III, 717-718.
102. Chabot, *Revue de l'Orient latin* (1894), pp. 113-121.
103. Там же, стр. 112; Grousset, *Croisades*, III, 720.
104. Chabot, "Relations du roi Argoun", pp. 576-591.
105. Chabot, *Revue de l'Orient latin*, pp. 121-122. Rabban Sauma жил еще четыре года и умер в Багдаде 10 января 1294.

106. Chabot, "Relations du roi Argoun", pp. 604. 611, 612; Moule, *Christians in China*, pp. 117-118; Grousset, *Croisades*, III, 724.
107. Chabot, "Relations du roi Argoun", pp. 617, 618.
108. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 42-49.
109. Там же, стр. 42. См. Barthold, "Mangu Timur", *EI*, p. 260, исправляющая его другую статью (там же, стр. 436) об "Arghûn".
110. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 101-106; Barthold, "Gaikhâtû", *EI*, p. 135.
111. Chabot, *Revue de l'Orient latin* (1894), pp. 127-128.
112. Там же, стр. 133.
113. Bar Hebraeus, *Chronicon Syriacum*, p. 609; см. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 141.
114. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 132.
115. Rashid ad-Din, там же, IV, 359-360.
116. Там же, IV, 281-282.
117. Rashid ad-Din, не фанатик, свидетельствует о религиозной искренности Газана, который задолго до своего восхождения на трон заявил о своем намерении отказаться от буддистских «идолов» в пользу ислама. Там же, IV, 148.
118. "Vie de Mar Yahballaha", pp. 134-142, 239-250.
119. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 174-190 (согласно Рашиду ад-Дину и Мирхонду).
120. Barthold, "Ghâzân", *EI*, p. 158.
121. Rashid ad-Din, в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 367.
122. Rashid ad-Din, там же, IV, 417-418.
123. E. Berthels, "Rashid ad-Dîn Tabîb", *EI*, p. 1202.
124. "Vie de Mar Yahballaha", pp. 251-265.
125. "Öljätü" на монгольском языке.
126. J. H. Kramers, "Olčaitu Khudâbanda", *EI*, p. 1042.
127. "Vie de Mar Yahballaha", pp. 266-300.
128. Hafîz-i Abru, пер. Bayani, p. 4.
129. Berthels, "Rashîd ad-Dîn Tabîb", *EI*, p. 1202. По поводу строительства Султаннии см. Hafîz-i Abru, пер. Bayani, pp. 5-7.
130. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 587-597.
131. Там же, IV, 532 (согласно Nowairi и Maqrizi).
132. Hafîz-i Abru (пер. Bayani, p. 35) заявляет, что осажденный народ согласился на сдачу.
133. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 576; J. H. Kramers, "Karamân-oghlu", *EI*, p. 794.
134. G. Pachymeres, II, 433-444; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 536.
135. J. H. Kramers, "Othmân I", *EI*, p. 1075.
136. Hafîz-i Abru, пер. Bayani, pp. 17-29; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 497, 527.
137. D'Ohsson, IV, 568-571; Hafîz-i Abru, пер. Bayani, pp. 37, 43, 67.
138. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 562-563.

139. *Там же*, IV, 565, 567-568, 612-629, 642-644; Hafiz-i Abru, пер. Bayani, p. 86.
140. Hafiz-i Abru, пер. Bayani, pp. 71, 80-86; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 620-629.
141. Hafiz-i Abru, пер. Bayani, p. 56; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 609-612.
142. По поводу этимологии этого слова см. Barthold, "Cüpän", *EI*, p. 904.
143. По поводу полных событиями этого прорыва см. Hafiz-i Abru, пер. Bayani, p. 91.
144. *Там же*, стр. 100-105.
145. *Там же*, стр. 107.
146. «Тимурташ отличился в качестве губернатора Рума [в селджукской Анатолии] завоеваниями, простирающимися до самых берегов Средиземного моря, где до этого монгольские войска никогда еще не появлялись и где он воевал с греками и восставшими турками». D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 686.
147. Hafiz-i Abru, пер. Bayani, p. 111-119.
148. Hafiz-i Abru, пер. Bayani, p. 120; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 723-742.
149. Сын Тимурташа, бывший наместник Анатолии и внук Чопана. См. Hafiz-i Abru, пер. Bayani, p. 124; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 726-734.
150. D'Ohsson, IV, 735; Hafiz-i Abru, пер. Bayani, p. 127-140.
151. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 714-742; Hafiz-i Abru, пер. Bayani, pp. 153-157.
152. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 742, 745; Hafiz-i Abru, пер. Bayani, p. 153.
153. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 713-714; T. W. Haig, "Kart", *EI*, p. 822; *Zafer-name*, пер. Petis de la Croix, I, 6.
154. См. V. F. Büchner, "Serbedârs", *EI*, p. 240.
155. См. Minorsky, "Tugha Tîmûr", *EI*, p. 863; Hafiz-i Abru, пер. Bayani, p. 122.
156. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 743-747; Zettersteen, "Muzaffarides", *EI*, p. 852.
157. См. Huart, "Kara-koyûn-lu", *EI*, p. 785.
158. "Artena", *EI*, p. 469; Huart, "Burhân ad-Dîn", *там же*, стр. 817.
159. Huart, "Ak-koyûn-lu", *EI*, p. 228.
160. J. H. Kramers, "Karamân-oghlu", *EI*, p. 792.

Глава 10

1. Rubruck, Chap. XV.
2. Rashid ad-Din, в Erdmann, *Temudschine*, p. 453.
3. Barthold, "Bâtû-khân", *EI*, p. 698; Barthold, "Sarâi", *EI*, p. 163.
4. Rubruck, Chap. XXI.
5. См. Rashid ad-Din в Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 335-336.
6. См. *Zafer-name*, пер. Petis de la Croix, p. 278.

7. Шайбаниды покорили сибирское ханство Тюмен или Сибир около 1480 и оно оставалось в их владении до русского завоевания 1598. Когда вождь Белой Орды хан Токтамыш завоевал Золотую Орду в 1380, то большая часть Белой Орды вместе с ним ушло в Европу. Старое удельное владение Орды на нижней Сыр-Дарье, будучи таким образом лишенным своих жителей, постепенно вновь было занято шайбанидской ордой. Шайбанид Абул Хаир, который начал свое правление в 1428 в регионе Тура восточной Сибири должен был править от озера Балхаш до Урала, с Сигнаки в качестве его центра на Сыр-Дарье. Его внук, знаменитый Мухаммад Шайбани, стал основателем Узбекской империи в Бухаре и Самарканде в 1500, о чем мы будем говорить позднее.

8. Пиано Карпини заключил, что Орда был на самом деле руководителем старшей ветви чингизидов: «Орду, старший военоначальник и герцог татаров» (Chap. V).

9. Rubruck, Chap. XXV and XLVI.

10. Barthold, "Bâtû-khân", EI, . 699.

11. Piano Carpini, Chap. III.

12. Послушание монгольским хозяевам было не без опасностей, даже для наиболее предпочтительных среди русских князей. Пиано Карпини (Chap. XIII) говорит, что когда Ярослав отправился с визитом покорности в Монголию (он присутствовал на выборах великого хана Гулюка в 1246), то императрица-мать Törägänä угостила его пищей «со своих рук», после чего, возвратившись на свои квартиры, он заболел и умер через неделю и его тело было покрыто подозрительными пятнами.

13. Едва ли мне надо говорить, что я пишу здесь об Оттоманской Турции, а не Турции Кемаля, для которой было справедливым противоположное.

14. См. R. P. Batton, *Wilhelm von Rubruck*, pp. 37-45, 62, *passim*.

15. Это не говорит, что в исламской, русской и других культурах невозможно найти элементы «цивилизации» Золотой Орды. В этой связи см. Balodis, "Neuere Forschungen über die Kultur der Goldenen Horde", *Zeitschrift für Slavische Philologie*, IV (1927).

17. По поводу имени Саптак ("Sart", "Sarta'ul) см. Pelliot, "Les Mongols et la Papaute", *Revue de l'Orient chretien* (1931-32), p. 78 (217).

18. Особенно отметим Kirakos, *JA*, I (1858), 459.

19. Barthold, "Berke", *EI*, pp. 725-726; Juvaini, в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, II, 336.

20. Берке оставил настолько сильную память у кипчаков о своем правлении (буквально, *Desht-i Kipchak* или «степь кипчаков»), что до пятнадцатого века страну временами все еще называли как Степь Берке: *Desht-i Berke*. Такое является обычным для Ибн Арабшаха (*Life of Tamerlane*, пер. Sanders [London, 1936], p. 73).

21. Там же, стр. 77-78.

22. Rashid ad-Din, пер. Quatremere, p. 393; Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 612.

23. Wassaf, в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 379.

24. Rashid ad-Din, пер. Quatremere, p. 399; Maqrizi, p. 211; d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 380-381.

25. Wassaf, in d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, III, 381.

26. Conrad Chapman, *Michel Paleologue* (Paris, 1926), p. 79 (согласно Pachymeres); G. I. Bratianu, *Recherches sur le commerce genoïis dans la Mer Noire*, pp. 233-234.
27. G. I. Bratianu, p. 205.
28. Chapman, *Paleologue*, p. 80; G. I. Bratianu, *Recherches sur Vicina et Cetatea Alba*, p. 39.
29. M. Canard, "Le traite de 1281 entre Michel Paleologue et le sultan Qalâ'un", *Byzantion* (1935), pp. 669-680; Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 613, 625.
30. Barthold, "Sarâi", *EI*, p. 163.
31. Ibn 'Arabshah, пер. Sanders, pp. 76-79; см. Heyd, *Histoire du commerce du Levant*, II, 227-229.
32. Ibn 'Arabshah, пер. Sanders, p. 78.
33. Barthold, "Mangû Timur", *EI*, p. 261.
34. См. Bratianu, *Recherches sur le commerce genoïis*, p. 259.
35. См. Bratianu, *Recherches sur Vicina*, pp. 38-39.
36. G. Golubovitch, *Bibliotheca Bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano*, II, 444. *Eulogy of Nogai* in Marco Polo, ed. Moule-Pelliot, p. 488.
37. Различные объяснения могут быть найдены в Cheshire, "The Great Tartar Invasion of Europe", *Slavonic Review*, V (1926), 101 и в Bruce Boswell, "The Kipchak Turks", *там же*, VI (1927), 82.
38. Chapman, *Paleologue*, pp. 136-137; Bratianu, *Recherches sur le commerce geonis*, p. 234.
39. G. Cahen, "Les Mongols dans les Balkans", *Rev. historique* (1924), p. 55; Bratianu, *Recherches sur Vicina*, p. 109. О Ногае см. монографию Веселовского в *Memoires de l'Academie des sciences de l'U.R.S.S.*, XIII (1922), на русском языке. Отметим, что дочь Ногай была замужем за русским князем Рязани Федором.
40. В декабре 1299 Ногай появился перед Судаком и отсюда прошел к Днепру для своего последнего боя.
41. Nowari и Rashid ad-Din, в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 755, 758.
42. См. Bratianu, *Recherches sur Vicina*, pp. 39-40, 72.
43. Rashid ad-Din, в d'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 515.
44. Heyd, *Histoire du commerce du Levant*, II, 163; Bratianu, *Recherches sur le commerce genoïis*, p. 219; Hammer, *Geschichte der Goldenen Horde*, p. 254.
45. Heyd, *Histoire du commerce du Levant*, II, 170; Bratianu, *Recherches sur le commerce genoïis*, pp. 282-283.
46. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 573-575.
47. Его сестра Кончака вышла замуж за русского великого князя Георгия (1318).
48. Таким же образом, по просьбе Петра, митрополита Москвы, Узбек предоставил большие привилегии русской церкви (1313).
49. Moule, *Christians in China*, p. 255.
50. Heyd, *Commerce du Levant*, II, 170; Bratianu, *Recherches sur le commerce genoïis*, p. 283.
51. Heyd, *Commerce du Levant*, II, 181-183; Bratianu, *Recherches sur le commerce genoïis*, p. 286.

52. Heyd, *Commerce du Levant*, II, 187 *et seq.*
53. Эта осада была началом распространения «Черной Смерти» на Запад.
54. Heyd, *Commerce du Levant*, II, 197 *et seq.*
55. В декрет от 1320 Узбек запретил звон колоколов в Судак (*там же*, II, 204).
56. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 741-742.
57. Сначала на Дону, затем в Сарая. Hammer, *Geschichte der Goldenen Horde*, s. 318-326.
58. Heyd, *Commerce du Levant*, II, 205.
59. Barthold, "Toktamish", *EI*, p. 850.
60. *Zafer-name*, пер. Petis de la Croix, I (II, главы XX-XXI), 278.
61. Или Qutlugh-bugha.

Глава 11

1. *Zafer-name*, в переводе Denison Ross *Ta'rikh-i Rashidi*, стр. 15.
2. *Zafer-name*, пер. Petis de la Croix, I, 28.
3. *Там же*, стр. 36-38.
4. *Ta'rikh-i Rashidi*, пер. Denison Ross, стр. 18.
5. Как он казнил позднее Баяна Селдуза.
6. *Ta'rikh-i Rashidi*, пер. Denison Ross, стр. 22.
7. *Zafer-name*, пер. Petis de la Croix, I, 45, 54.
8. *Там же*, стр. 68, 74; *Ta'rikh-i Rashidi*, пер. Denison Ross, стр. 27-30.
9. *Zafer-name*, пер. Petis de la Croix, стр. 75.
10. *Там же*, стр. 76-78; *Ta'rikh-i Rashidi*, пер. Denison Ross, pp. 29-31.
11. *Zafer-name*, пер. Petis de la Croix, pp. 80-92; *Ta'rikh-i Rashidi*, пер. Denison Ross, pp. 31-37.
12. Тем не менее, Хусаин обычно жил в Сали-Сарая, на северном берегу Аму-Дарьи, к северу от Кундуза.
13. *Zafer-name*, пер. Petis de la Croix, I, 97.
14. *Там же*, I, 127-132.
15. *Там же*, I, 148-156.
16. *Там же*, I, 157-160.
17. *Там же*, I, 160-175.
18. *Там же*, I, 175.
19. *Там же*, I, 180-194.
20. Бешеные дикости Тамерлана у Ibn 'Arabshah (пер. J. H. Sanders, 1936) рассказывают об этом гораздо меньше, чем ханжеские прощения Sharif ad-Din. Защита последнего является, на самом деле, более обвинительным откровением.
21. *Ta'rikh-i Rashidi*, пер. Denison Ross, p. 83.
22. *Zafer-name*, II, 19-20; IV, 40.
23. Ibn 'Arabshah, пер. Sanders, p. 299.
24. *Ta'rikh-i Rashidi*, стр. 83.
25. Ibn 'Arabshah, пер. Sanders, p. 299.
26. Barthold, "Khwarizm", *EI*, p. 962.
27. *Zafer-name*, I, 226.

28. Весна 773 (1372), Год Мыши; *Zafer-name*, I, 229.
29. *Там же*, I, 239.
30. *Там же*, I, 242.
31. Рамадан 774 (24 февраля -25 марта 1373), Год Быка; *Zafer-name*, I, 243.
32. Весна 777 года (2 июня 1375-20 мая 1376), Год Крокодила; *Zafer-name*, I, 260; *Ta'rikh-i Rashidi*, пер. Ross, p. 44.
33. Война началась в шавале 780 (21 января-18 февраля 1379), Год Овцы; *Zafer-name*, I, 299.
34. *Там же*, I, 301-302.
35. *Там же*, I, 305-308.
36. Barthold, "Dûghlât", *EI*, p. 1112.
37. *Ta'rikh-i Rashidi*, p. 38.
38. *Там же*, стр. 38-39.
39. *Там же*, стр. 39, 51.
40. *Там же*, стр. 40.
41. Этот поход начался в шабане 776 (5 января-2 февраля 1375); там же, стр. 41; *Zafer-name*, пер. Petis, I, 251.
42. *Ta'rikh-i Rashidi*, p. 41.
43. *Там же*, стр. 42; *Zafer-name*, I, 255.
44. *Ta'rikh-i Rashidi*, pp. 46-47; *Zafer-name*, I, 264-269.
45. *Ta'rikh-i Rashidi*, p. 50; *Zafer-name*, pp. 275-276.
46. Hejira 785 (6 марта 1383-23 февраля 1384), Год Мыши; *Zafer-name*, пер. Petis, I, 361.
47. Эта кампания открылась в Hejira 791 (31 декабря 1388-19 декабря 1389); *Zafer-name*, II, 35.
48. *Там же*, II, 43.
49. *Там же*, II, 45, 51. См. Chavannes, Documents sur les T'ou-kiue occidentaux, No. 5, p. 270.
50. *Zafer-name*, II, 46.
51. *Ta'rikh-i Rashidi*, p. 52.
52. *Zafer-name*, II, 50-53.
53. *Там же*, II, 53.
54. *Там же*, II, 54-55.
55. *Там же*, II, 66-70 (начало года Hejira 792, начинающего с 20 декабря 1389, Года Лошади). См. Minorsky, *Hudud al-Alam*, pp. 195-196.
56. *Ta'rikh-i Rashidi*, p. 56.
57. *Там же*, стр. 52.
58. *Там же*, стр. 52; *Zafer-name*, II, 421.
59. Такое является порядком, данным в *Ta'rikh-i Rashidi*. *Zafer-name* и Mirkhiond знают лишь Мухаммад-хана и Накш-и Джагана (N. Elias and Denison Ross, *History of the Moghuls of Central Asia* [London, 1895], pp. 41-42).
60. *Zafer-name*, III, 213-220. Написано под заголовком Hejira 802 (3 сентября 1399-21 августа 1400), Год Заяца, когда новость об этой кампании достигла Тамерлана, находящегося тогда в Персии.
61. *Zafer-name*, I, 317; Mu'lin ad-Din, "Histoire de Heart", пер. Barbier de Meynard, *JA* (1861), pp. 515-516.

62. Muharram 783 (28 марта-26 апреля 1381), Год Собаки; *Zafer-name*, I, 326.
63. Конец 784 (1382-83); *Zafer-name*, I, 359.
64. *Там же*, I, 361.
65. Minorsky, "Tugha Tîmûr", *EI*, p. 863.
66. D'Ohsson, *Histoire des Mongols*, IV, 739-740.
67. *Zafer-name*, I, 329-330.
68. *Там же*, I, 330.
69. *Там же*, I, 331.
70. *Там же*, I, 338-346.
71. *Там же*, I, 353.
72. *Там же*, I, 377; Ibn 'Arabshah, пер. Sanders, pp. 25-27.
73. Взятие Заранджа случилось в Shawwal 785 (27 ноября-25 декабря 1383), Год Мыши.
74. *Zafer-name*, I, 379.
75. В 1936 экспедиция Haskin открыла руины Сар-Отара или Тар-Уссара (Захидан) в Сейстане среди когда-то обрабатываемых земель, которые покрылись песчаными дюнами после тимуридского разрушения 1384.
76. Shawwal 786 (16 января-14 декабря 1384).
77. *Zafer-name*, I, 388-395.
78. Barthold, "Ahmed Djalâir", *EI*, p. 200; см. Ibn 'Arabshah, pp. 63-64.
79. Hejira 787 (12 февраля 1385-1 февраля 1386), Год Пантеры; *Zafer-name*, I, 399-400; см. Ibn 'Arabshah, p. 54.
80. *Zafer-name*, I, 407; Ibn 'Arabshah, p. 55.
81. *Zafer-name*, I, 408-411; Ibn 'Arabshah, pp. 57-58.
82. *Zafer-name*, I, 414; см. Minorsky, "Tiflis", *EI*, p. 796.
83. *Zafer-name*, I, 425-429 (начало 789, Год Заяца, начинающего 22 января 1387).
84. *Там же*, I, 432.
85. Ibn 'Arabshah, pp. 27-30.
86. См. Zettersteen, "Muzaffarides", *EI*, p. 853; Ibn 'Arabshah, p. 36.
87. *Zafer-name*, I, 442-447.
88. *Там же*, I, 449-454; II, 173-183; Ibn 'Arabshah, pp. 43-46.
89. *Zafer-name*, I, 454-462 (вступление Тамерлана в Шираз, Zu'lkadah 1, 789 или 13 ноября 1387).
90. *Zafer-name*, II, 143-154.
91. *Там же*, II, 183-193; Ibn 'Arabshah, pp. 36-42.
92. Ibn 'Arabshah, pp. 48-49; *Zafer-name*, II, 201-207.
93. Ibn 'Arabshah, p. 64; *Zafer-name*, II, 221-238 (появление Тамерлана перед воротами Багдада: конец Shawwal 795, 10 августа-7 сентября 1393).
94. Rabia I, 796 (4 января-2 февраля 1394), Год Петуха; *Zafer-name*, II, 270.
95. Rabia II, 796 (3 февраля-3 марта 1394); *там же*, стр. 275.
96. См. Minorsky, "Tiflis", *EI*, p. 796. В Hejira 798 (16 октября 1395-4 октября 1396).
97. Minorsky, "Tiflis".
98. *Zafer-name*, III, 363-371 (заключительная атака на Багдад: Zu'ladah 27, 803 или 9 июля 1401); Ibn 'Arabshah, pp. 165-169.

99. *Zafer-name*, IV, 93-97; Barthold, "Ahmed Djalâir", *EI*, p. 201.
100. Приношу извинения за то, что возвращаюсь вновь здесь к деталям фактов, которые уже были обсуждены в связи с монгольской Россией. Из-за сложности проблемы невозможно избежать эти повторы. Без них, уверен, рассказ не будет вразумительным.
101. См. Barthold, "Tokatamish", *EI*, p. 850.
102. *Zafer-name*, I, 276-286 (конец Года Дракона, начинавшегося в 1377).
103. Для того, чтобы различить от другого Каратала (Кара-Тал), или от южного притока озера Балхаш к востоку от Или, который не находился на территории Белой Орды, а был в ягатайском ханстве Или, т.е. в Моголистане.
104. *Zafer-name*, I, 292-294; хронология Бартолда в "Toktamish", *EI*, p. 850.
105. *Zafer-name*, I, 402-404; E. G. Browne, *History of Persian Literature under Tartar Dominion* (Cambridge, 1920), III, 321; Minorsky, "Tabriz", *EI*, p. 616.
106. *Zafer-name*, I, 423-429 (ошибочно датируемого Petis как год Hejira 787, 12 февраля 1385-1 февраля 1386, Год Крокодила).
107. *Там же*, I, 463-465.
108. *Там же*, I, 465-469.
109. *Там же*, II, 22-26 (перед Safar 791, 30 января-27 февраля 1389).
110. *Там же*, II, 27-31 (прибл. Rabia I, 791; 28 февраля-29 марта 1389).
111. Тамерлан покинул Ташкент Сафар 12, 791, т.е., 19 января 1391 (*Zafer-name*, II, 73).
112. *Там же*, II, 81, к концу Jmada I, 793 (заканчивающего 5 мая 1391).
113. *Там же*, II, 82.
114. *Там же*.
115. *Там же*, II, 83 (первый день Jamada II, 793 – 6 мая 1391).
116. «Тамерлан сел на коне в одежде для церемоний. На его голове была золотая корона, украшенная рубинами и он держал в руке военную булаву в виде головы быка». *Zafer-name*, II, 85. Детализированное описание этого смотра, эскадрон за эскадроном, является удивительно живописным и одним из тончайших эпических рассказов, которых только я знаю.
117. *Zafer-name*, II, 93.
118. В *Zafer-name*, II, 96-97 Тамерлан прибывает сначала в «Семмур» и только затем на Яик (датой прибытия на Яик является Rajab I, 793, 4 июня 1391).
119. Barthold, "Toktamish", *EI*, p. 851.
120. *Zafer-name*, II, 110-120 (под датой Rajab 15, 793 или 18 июня 1391).
121. *Там же*, II, 127.
122. Тимур Кутлуг (или Кутлук) был сыном Тимура-малика, сына Уруса, бывшего хана Белой Орды.
123. *Zafer-name*, II, 124.
124. Эпизод об Идику (здесь Идакоу или Идаку) был изложен полностью у Ibn 'Arabshah (стр. 82-84). Автор, который ненавидит Тамерлана с дикой ненавистью, радуется, как он подвергнут к трюкачеству со стороны Идику. В то время как Sharif ad-Din (II, 124) ставит «бегство» Идику после первого «русского похода» Тамерлана, Ibn 'Arabshah датирует как случившееся после второго похода; или, он путает оба этих похода.
125. *Zafer-name*, II, 331-332.

126. 23 Jumada II, 797 или 15 апреля 1395 (*Zafer-name*, II, 446).
127. Barthold, "Toktamish", *EI*, p. 851.
128. Heyd, *Histoire du commerce du Levant*, II, 375.
129. *Zafer-name*, II, 368.
130. Там же, II, 379-382; Ibn 'Arabshah, p. 82; Heyd, *Histoire du commerce du Levant*, II, 129; Barthold, "Sarâi", *EI*, p. 163.
131. Принц Koirijak, сын Уруса (Белая Орда), которого Тамерлан номинально назначил ханом Золотой Орды в 1395 после победы, не смог добиться контроля над ней. *Zafer-name*, II, 355.
132. Ibn 'Arabshah, pp. 84-87.
133. *Zafer-name*, II, 11; также *Malfuzat-i Timuri*, в Ishwari Prasad, *L'Inde du VIIe au XVI siecle*, p. 342.
134. См. Ibn 'Arabshah, p. 95.
135. Согласно Prasad, *L'Inde*, p. 346; оправдывает рассказ в *Zafer-name*, III, 80-90.
136. *Zafer-name*, III, 100.
137. *Malfuzat-i Timuri*, в Prasad, *L'Inde*, p. 349; *Zafer-name*, III, 110-113.
138. *Zafer-name*, III, 106.
139. В первый день Jumada I, Heijra 801 или 9 января 1399; *Zafer-name*, III, 118.
140. *Zafer-name*, III, 106.
141. Grousset, *Histoire des Croisades*, III, 603-607; G. Wiet, *Histoire de la nation egyptienne*, IV, 410; G. Wiet, *Histoire de la nation egyptienne*, IV, 410
142. Wiet, *Histoire*, IV, 526; *Zafer-name*, III, 294-298; Ibn 'Arabshah, p. 124.
143. Ibn 'Arabshah, pp. 128-130.
144. Wiet, *Histoire*, IV, 529. *Zafer-name*, III, 325 уточняет как 19 день Jamada I, 803 или 5 января 1401.
145. Wiet, *Histoire*, IV, 530; см. Ibn 'Arabshah, pp. 143, 296.
146. *Zafer-name*, III, 343-344.
147. Ibn 'Arabshah, p. 162.
148. Ibn 'Arabshah родился в 1392. См. J. Pedersen, "Ibn 'Arabshâh", *EI*, pp. 384-385.
149. См. J. von Hammer-Purgstall, *Histoire de l'empire ottoman* (Paris, 1835-43, 18 vols.), I, 292-356; N. Iorga, *Geschichte des osmanischen Reiches* (Gotha, 1908-13), I, 266-323.
150. 'Ala ad-Din, эмир Карамана, потерпел поражение и попал в плен оттоманскому визирю Тимурташу на Аксае в 1390-91, который повесил его без суда. См. F. Babinger, "Tîmûrtâsh", *EI*, p. 823; J. H. Kramers, "Karaman-oghlû", там же, стр. 795.
151. См. Ibn 'Arabshah, pp. 170-171; *Zafer-name*, III, 255-256.
152. *Zafer-name*, III, 259, 397 и 408; см. Ibn 'Arabshah, p. 178.
153. *Zafer-name*, III, 261, 262. См. Ibn 'Arabshah, pp. 171-173, Hammer-Purgstall, *Histoire de l'empire ottoman*, II, 79-82.
154. Тамерлан вторгся в Оттоманскую империю в Muharram 1, 803 или 22 августа 1400. *Zafer-name*, III, 264.
155. Там же, III, 375-376; Ibn 'Arabshah, p. 189.

156. *Zafer-name*, IV, 11-15; Ibn 'Arabshah, p. 182.
157. Monstrelet, I, 84.
158. Западными источниками по битве у Анкаре являются Sanudo (L. A. Muratori, XXII, 791), Religieux de St. Denis (III, 46-51), Monstrelet (ed. L. C. Douët d'Arcq, I, 84), J. Schiltberger (p. 73) и Juvenal des Ursins (II, 492). Они перечислены и использованы J. M. Delaville-le-Roulx, *La France en Orient au XIVe siecle*, p. 395.
159. Ibn 'Arabshah, p. 188; *Zafer-name*, IV, 16-20, 32, 35.
160. *Zafer-name*, IV, 49 под датой Jumada I, 805 или 2 декабря 1402. Ibn 'Arabshah, p. 192, говорит, что Смирна была взята 2 Jumada II или 28 декабря 1402. По поводу западных источников см. Delaville-le-Roulx, *La France en Orient au XIVe siecle*, p. 395.
161. *Zafer-name*, IV, 51, 53.
162. Там же, IV, 56, 58.
163. Там же, IV, 38-39.
164. Там же, IV, 33.
165. Там же, IV, 60.
166. См. *Zafer-name*, IV, 301; Ibn 'Arabshah, p. 239.
167. Hejira 777 (2 июня 1375-20 мая 1376). *Tarikh-i Rashidi*, пер. Denison Ross, p. 48.
168. Для отличия от его двоюродного брата и тезки, наследника трона.
169. *Zafer-name*, IV, 281, 284; Ibn 'Arabshah, p. 243.
170. Ibn 'Arabshah, pp. 259, 268. Датой поражения Пир Мухаммад ибн-Джангира от армии Халила является начало Ramadan 808, который начинается с 20 февраля 1406.
171. *Zafer-name*, IV, 191.
172. По поводу правления шаха Руха см. 'Abd ar-Razzaq Samarqandi, *Matla' es-sa'adein*, пер. Quatremere, *JA*, II (1836), 193-233, 338-364 и L. Bouvat, *Empire mongol* (Paris, 1927), pp. 96 et seq.
173. E. G. Browne, *History of Persian Literature*.
174. *Matla' es-sa'adein*, пер. Quatremere, pp. 193 et seq.
175. См. Khondomir, в Bouvat, *Empire mongol*, pp. 110-111.
176. Ibn 'Arabshah, p. 280.
177. См. Khondomir, в Bouvat, *Empire mongol*, pp. 114 et seq.
178. Шах Рух направил другое посольство в 1421. См. *Matla' es-sa'adein*, p. 387.
179. *Matla' es-sa'adein*, в Elias and Denison Ross, *History of the Moghuls of Central Asia*, p. 43 и Barthold, "Dûghlât", *EI*, p. 1113.
180. Тот же самый *Matla' es-sa'adein* в другом месте рассказывает, что сын Худайды, Саиид Ахмед; был изгнан из Кашгара в 1416 тимуридами и что сын Саида Ахмеда, Саид Али (ум. 1458), вновь захватил у них два города. Трудно согласовать эти утверждения.
181. Barthold и Beveridge, "Abu Sa'id", *EI*, p. 107; Bouvat, *Empire mongol*, p. 136.
182. См. Barthold, "Abu'l-Khair", *EI*, p. 98.
183. *Ta'rikh-i Rashidi*, pp. 81-82, 83-88.

184. Mu'in ad-Din, "Chronique de Heart", пер. Barbier de Meynard, *JA*, XX (1862), 304-309.
185. *Ta'rikh-i Rashidi*, p. 79.
186. Mu'in ad-Din, "Chronique de Heart", pp. 317-319; Huart, "Karakoyûn-lu", *EL*, p. 785.
187. См. Minorsky, "Uzun Hasan", *EL*, p. 1123.
188. *Ta'rikh-i Rashidi*, pp. 95-97.
189. Там же, стр. 112-113.
190. Khondomir, пер. Ferte in *Vie du sultan Hosein Baykara* (1898); A. S. Beveridge, "Husain Mîrza", *EL*, p. 364; Bâbur-name, ed. Beveridge (Leiden, 1905; см. Bouvat, *Empire mongol*, p. 162).
191. См. E. Belin, "Notice sur Mîr 'Ali Chîr Newaï", *JA*, XVII (1861), 175, 281; (1866), 523; Bouvat, "Debat sur les deux langues", *JA* (1902), p. 367.

Глава 12

1. Тимур Кутлук был сыном Тимур-малика и внуком Уруса, знаменитого хана Белой Орды и врага Тамерлана.
2. Ibn 'Arabshah, "Rashadibeg". *Life of Tamerlan*, пер. Sanders (1936), p. 86.
3. См. Barthold, "Mangit", *EL*, p. 259.
4. Ibn 'Arabshah, pp. 86-87. Idiql является в русских источниках Едигей.
5. Хан Крыма с 1469 по 1475 и с 1478 по 1515.
6. Barthold, "Girây", *EL*, p. 181.
7. Heyd, *Histoire du commerce du Levant*, II, 399.
8. Howorth, *History of the Mongols*, II, 365-429; Barthold, "Kazân", *EL*, p. 887 и "Kasimov", *EL*, p. 848
9. Howorth, *History of the Mongols*, II, 349-362.
10. В России, как в Китае, именно артиллерия подавила последние монгольские реакции. См. стр. 529 о канонадах императора K'ang-his против джунгарских банд хана Галдана. Незамапамятное тактическое превосходство кочевников, которые из-за своей чрезвычайной подвижности и вездесущности конных лучников, уступило перед искусственным превосходством оседлых цивилизаций за счет применения артиллерии.

Глава 13

1. Barthold, "Shaibânides", *EL*, p. 283.
2. Zafer-name, II, 70-93.
3. Barthold, "Abu'l-Khair", *EL*, p. 98; Howorth, *History of the Mongols*, II, 687; *Ta'rikh-i Rashidi*, пер. Denison Ross, p. 82.
4. Barthold, "Kazak", *EL*, p. 886; Barthold, "Kirgiz", *EL*, p. 1084; *Ta'rikh-i Rashidi*, pp. 272-273.
5. Среди самих киргизов три «орды» назывались *jüz* или «сотни». Они известны как *Ulu-jüz*, Большая Сотня (Великая Орда), соответственно. *Kishi-jüz*, Малая Сотня; и *Orta-jüz*, Средняя Сотня. Такое разделение на три орды не было завершено до конца семнадцатого века. Бартолд отмечает: «Хан Туyawka, который

был известен как законодатель своего народа и который принял русское посольство в 1696, все еще правил тремя ордами и имел у себя представителя каждой из них» («Kirgiz», p. 1085).

6. N. Elias and Denison Ross, *History of the Moghuls of Central Asia*, p. 272.

7. Там же, стр. 274, 276. Касим имел свои зимние квартиры в долине Кара-Тал к югу от озера Балхаш и к востоку от Или.

8. *Ta'rikh-i Rashidi*, pp. 92-93.

9. Bouvat, "Shaibânî-khân", *EI*, p. 281 и *Empire mongol*, p. 191; Howorth, *History of the Mongols*, II, 652-739; A. Vambery, II, 35-98; Abu'l Ghazi Bahadur khan, *Histoire des Mongols et des Tatares*, пер. Desmaisons.

10. Grenard, *Baber* (Paris, 1930), p. 75; Vambery, II, 64.

11. *Ta'rikh-i Rashidi*, p. 120.

12. Это, действительно, было время крупного расширения киргизо-казахов. Их хан Касим, который умер в 1518, был особенно сильным правителем. См. Barthold, "Kirgiz", *EI*, p. 1085.

13. См. Barthold, *EI*, p. 25, что исправляет Vambery, II, 191.

14. Тимур-шах, второй король Афганистана династии Дюррани (1772-93), сын и наследник знаменитого Ахмеда Дюррани.

15. Ab'ul Ghazi, пер. Desmaison, pp. 194-220; ср. Barthold, "Khawârizm", *EI*, p. 963.

16. См. Ab'ul Ghazi, пер. Desmaison, pp. 338-358; Bouvat, *Empire mongols*, p. 347.

17. См. Courant, *L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecle*, pp. 36-37.

18. Barthold, "Farghâna", *EI*, p. 70 и "Khokand", *EI*, p. 1020; Nalivkine пер. Dozon, *Histoire du khanat de Khokand* (Paris, 1889).

19. Howorth, *History of the Mongols*, II, 982; Barthold, "Kuçum khân", *EI*, p. 1156; Courant, *L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles*, pp. 38 et seq.; Abu'l Ghazi, пер. Desmaison, p. 177; 'Abd al-Karim Bukhari, пер. C. Schefer, *Histoire de l'Asie Centrale* (Paris, 1876, 2 vols.), p. 303.

Глава 14

1. *Ta'rikh-i Rashidi*, p. 67.

2. Там же, стр. 65. Автор ставит место сражения, в котором Есен захватил в плен Ваиса, на Мин-лаке.

3. *Ta'rikh-i Rashidi* (стр. 65) ставит это второе сражение «на Кабака, на границе Моголистана, недалеко от реки Аилах», идентифицируемая как Или: Ила по *Hudud al-Alam* (ed. Minorsky, p. 71).

4. *Ta'rikh-i Rashidi*, pp. 65-66. Саяяд Али был сыном Саяяд Ахмед-мирза и внуком известного Худайдада (там же, стр. 61).

5. По поводу любовного приема, данного Олуг-беком и Шах Рухом Юнусу, несмотря на глупости его приверженцев, см. там же, стр. 74, 84.

6. Там же, стр. 75.

7. Там же, стр. 76.

8. Там же, стр. 79-80.

9. Там же, стр. 86.

10. *Там же*, стр. 95.
 11. События имели место перед 1468 (*Ta'rikh-i Rashidi*, pp. 91-92).
 12. *Там же*, стр. 95.
 13. *Там же*, стр. 87-88.
 14. *Там же*, стр. 99-107.
 15. *Там же*, стр. 106-107.
 16. "На-ли" дан *Ming-shih* как отец и предшественник хана Ахмеда. Однако Юнус был отцом Ахмеда, который унаследовал его в Уйгурстане. Кажется, поэтому, что *Ming-shih* и *Ta'rikh-i Rashidi* идентифицируют одного и того же человека под различными именами.
 17. *Ta'rikh-i Rashidi*, pp. 112-113, где Мухаммад Хайдар II цитирует Мирхонда. См. Vampery, II, 19-20.
 18. *Tarikh-i Rashidi*, pp. 112-113.
 19. *Там же*, стр. 95.
 20. *Там же*, стр. 112-113.
 21. *Там же*, стр. 97.
 22. *Там же*, стр. 112-113, 120.
 23. *Там же*, стр. 122.
 24. *Ta'rikh-i Rashidi*, pp. 115-116.
 25. *Там же*, стр. 118.
 26. *Там же*, стр. 120, 122-123.
 27. *Там же*, стр. 123-124, 126.
 28. *Там же*, стр. 133, 325, 327.
 29. Он завоевал Кашгар в мае-июне 1514 и умер 9 июля 1533.
 30. *Ta'rikh-i Rashidi*, p. 134.
 31. Хайдар-мирза был дважды монголом по происхождению. Через свою мать он был чингизидом, внуком хана Юнуса.
 32. Книга была написана между 1541 и 1547. См. Barthold, "Haidar-mîrzâ", *EI*, p. 233.
 33. *Ta'rikh-i Rashidi*, p. 127.
 34. Elias and Denison Ross, *History of the Moghuls of Central Asia*, pp. 13-14.
 35. «Он правит сегодня в Турфане и Ялише [Кара Шахар]», писал Хайдар-мирза в 1545 (стр. 129).
 36. *Memoires concernant les Chinois*, XIV, 19.
 37. *Ta'rikh-i Rashidi*, pp. 143, 450.
 38. *Zabdat at-Tavarikh*, в Elias and Denison Ross, *History of the Moghuls of Central Asia*, p. 121.
 39. Стр. 377, 379.
 40. Heft Iqlim, в Quatremere, *Notes et extraits*, XIV, 474.
 41. Elias and Ross, *History of the Moghuls of the Central Asia*, p. 123.
 42. *Ta'rikh-i Rashidi*, p. 371.
 43. *Там же*, стр. 395.
 44. Courant, *L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siecles*, p. 50.
 45. См. Martin Hartmann, "Ein Heiligenstaat im Islam", *Islam. Orient.*, I, 195.
- Говоря в общем, чингизиды исчезли из Кашгарии при различных обстоятельствах по сравнению с чингизидами Крыма. Тем не менее, основополагающие причины

могли быть аналогичными. В Китае в первой половине четырнадцатого века потомки Кублая позволили буддизму приобрести в некоторой степени избыточное влияние и это вызвало враждебность со стороны образованных людей Китая. В Кашгарии потомки Ягатай так погрузились в мусульманское ханжество, что позволили себе быть оттесненными «священными семьями» ислама. Позднее, как мы увидим, в семнадцатом веке тибетский ламаизм имел не меньший выхолачивающий эффект на Ордос, Чагар и даже на халка монголов. Все эти прежние варавары, когда были обращены, приняли мусульманское или буддистское ханжество с трогательным пылом, но в таком превращении они, возможно, потеряли саму добродетель или, по крайней мере, свои воинственные качества. Не отказывая моральной красоте буддизма или мусульманскому мистицизму, следует признать тот факт, что в Монголии ламаизм притупил монгольский дух почти также, как и ислам денационализировал последних монголов Кашгарии и привел их к фанатизму, который открыл дорогу к их отречению от власти в пользу проницательных ходж.

Глава 15

1. Courant (L'Asie Centrale, p. 11) идентифицирует Угечи как принца не из кергюдов, а из тюркюдов или торгутов, которые были одними из четырех ойратских племен. По всем этим вопросам см. Sanang Sechen, pp. 143-155.

2. Я придерживаюсь мнения Пеллиота о том, что Аруктай монгольского историка Санан Сечена соответствует фонетически A-lu-t'ai из *Ming-shih*. Верно, что *Ming-shih* показывает А-лу-тай, играющим главную роль в событиях того времени, когда Санан Сечен упоминает своего Аруктая, содержимого в тюрьме. Howorth (*History of the Mongols*, I, 353) принимает это, как основание для идентификации А-лу-тай китайцев не с асодским главным вождем Арукатаем, а с хорчинским вождем Адаем. Такая идентификация фонетически, кажется, не приемлемо. Во всяком случае здесь имеется некоторая путаница по части *Ming-shih*. Такое же несоответствие имеет место между Санан Сеченом и *Ming-shih* в связи с ойратским вождем Магаму. Санан Сечен говорит, что ойратский вождь в первые годы пятнадцатого века назывался Батула и что его унаследовал его сын (прибл. 1415, 1418) Бахаму «по прозвищу Тогон». Тем не менее, согласно *Ming-shih*, личность, соответствующая Батуле, называли Магаму и имя его сына было Тогон.

3. Pelliot, в *TP* (1914), p. 641; Moule, *Christians in China*, pp. 260, 264.

4. Олджай Темюр (Oljāi Temür) Санан Сечена и Pen-ya-shö-li из *Ming-shih*, кажется, представляют одного и того же человека, хотя хронологические даты двух источников (и они равным образом запутаны) не точно соответствуют в деталях.

5. Хорчины в чингизидском военном словаре были телохранителями, «носителями колчанов». Pelliot, *JA* (1920), p. 171 и *TP* (1930), p. 32; Mostaert, "Ordosica", p. 41.

6. Согласно Санан Сечену (пер. Schmidt, p. 151), ойратский вождь Тогон был подвергнут к смерти в 1439 таинственным и чудодейственным образом тенью Чингиз-хана, который был рассержен наглостью узурпатора, ограбившего его потомков.

7. Санан Сечен свидетельствует о том, что с пленником обращались хорошо: «Есен доверил императору, чтобы тот позаботился о *chinsang* Алима, заверяя его, что последний является пленником из Шесть Тысяч Учиядов, из страны, где климат весьма мягок зимой». Как только он был освобожден, император выразил свою благодарность учиядам, усыпая их подарками.

8. *Ta'rikh-i Rashidi*, p. 92. Отрывок является странным или искаженным.

9. См. *Tarikh-i Rashidi*, p. 272.

10. *Там же*, стр. 273.

11. Barthold, "Kalmucks", *EI*, p. 743.

12. Courant, *L'Asie Centrale*, p. 6.

13. *Bara'un-ghar, je'un-ghar* в *Secret History*. См. Mostaert, "Ordosica", pp. 49-50.

14. Tümet или Tümed означает Десят Тысяч.

15. Courant, *L'Asie Centrale*, pp. 7-9. Большинство этих племен существует и сегодня: чагары на севере от Великой Стены и Шаньси; халка – во Внешней Монголии от Убса до Бор Нора; урианханы были распущены самим Даяном; ордо – все еще населяют «Ордос» (петлю Желтой Реки); тюмеды – на северо-восточной петле; и харачины остаются в южном Джехоле к северу от Хопея.

16. «Столица», т.е., лагерь Алтана за стеной в Kweihwacheng, который носит имя Байшин. См. Mostaert, "Ordosica", p. 37.

17. Noyandara *jinong*, Bayisangghur, Oyidarma, Nomtarni, Buyang-ghulai, Banjara, Badma Sambhava, Amurdara и Oghlaqan (Mostaert, "Ordosica", p. 28).

18. *Там же*, стр. 51.

19. Courant, *L'Asie Centrale*, pp. 27 et seq., согласно *Tung hua lu*.

20. *Там же*, стр. 31, согласно *Tung hua lu*.

21. Кажется, на землях ордосов все еще было много выживших верующих несторианства онгутского периода. Это было справедливо по отношению к клану Еркегюд, чье название означает «христиан» на чингизидском монгольском языке (ärkägün). См. Mostaert, "Ordosica".

22. Родился в 1540, умер в 1586. Он был прадедушкой историка Санана Сечена.

23. Mostaert, "Notes sur le Khutuktai Setsen Khung Taidzi", в "Ordosica", p. 56.

24. G. Huths, *Geschichte des Buddhismus in der Mongolei*, II, 200 et seq., 221, 326; G. Schulemann, *Geschichte des Dalailamas* (Heidelberg, 1911), pp. 110 et seq., 121 et seq.; Courant, *L'Asie Centrale*, p. 13.

25. Санан Сечен, из семьи принцев (чингизидов и даянидов) ордосского Ушинского Знамени, в 1634 получил от *jinong* Еринчина, главы старшей ордосской ветви (Знамя Вана), титул Ерке Сечен Хонтаиджи. Он завершил сочинение своей истории восточных монголов в 1662. Дата его смерти не известна.

26. См. Mailla, IX, 133-156.

27. По поводу старых манчжурских кланов см. E. Haenisch, "Beiträge zur altmandschurischen Geschlechterkunde", *FFH*, pp. 171-184.

28. Mostaert, "Ordosica", pp. 26, 39.

29. По поводу происхождения этого слова см. Barthold, "Kalmucks", *EI*, p. 743.

30. Courant, *L'Asie Centrale*, p. 6.

31. См. Pelliot, в *JA*, II (1914), 187, обращает внимание на некоторые путаницы у Courant.
32. Pelliot, "Notes sur le Turkestan", *TP* (1930), p. 30.
33. Pelliot, *JA*, II (1914), 187 и J. Deny, "Langues mongoles", в *Les langues du monde*, p. 223.
34. Deny, "Langues mongoles", p. 231.
35. Courant, *L'Asie Centrale*, p. 40.
36. Barthold, "Mangishlak", *EI*, p. 259.
37. Courant, *L'Asie Centrale*, pp. 44-45.
38. Там же, стр. 134-136.
39. Huth, *Geschichte des Buddhismus*, II, 248, 265 (согласно *Jigs-med-nam-mka*), *Tung hua lu* в Courant, *L'Asie Centrale*, pp. 23-25; Schulemann, *Geschichte des Dalailamas*, p. 133; W. Rockhill, "The Dalai-Lamas of Lhasa", *TP* (1910), p. 7.
40. См. Huth, *Geschichte des Buddhismus*, II, 269; Schulemann, *Geschichte des Dalailamas*, pp. 161-170; Rockhill, "The Dalai-Lamas of Lhasa", *TP* (1910), p. 20; Courant, *L'Asie Centrale*, p. 10. Некоторые более яркие страницы представлены в Mailla, XI, 216.
41. Courant, *L'Asie Centrale*, p. 37.
42. Монгольское *dz* стало *z* у калмыков, так что произношение слова *Dzungar* стало *Zungar*, в то время как написание "Soungar" было использовано Courant. Ср. Deny, "Langues mongoles" в *Langues du monde*, p. 224.
43. Ср. *Tung hua lu*, в Courant, *L'Asie Centrale*, p. 49.
44. Khongtaiji, из китайского *huang t'ai-tsu*, имперский принц. Ср. Pelliot, "Notes sur le Turkestan", *TP* (1930), p. 44.
45. Courant, *L'Asie Centrale*, p. 46.
46. Там же, стр. 47.
47. События, которые имели место между смертью Ba'atur-khongtaiji и восшествием на трон Галдана, являются несколько таинственными. Здесь также имеют место между версиями в *Tung hua lu*, *Sheng wu ki*, Mailla и *Memoires concernant les Chinois*. Воспроизведено Поздневым в Courant, *L'Asie Centrale*, p. 48, n. 1.
48. Там же, стр. 49, согласно *Tung hua lu*.
49. Ср. M. Hartmann, *Chinesisch-Turkestan* (Halle, 1908), pp. 17, 45; Barthold, "Kashgar", *EI*, II, 835; Courant, *L'Asie Centrale*, p. 50; Sheng wu ki, пер. Lepage, в *Mission d'Ollone, Recherches sur les musulmans chinois*, p. 330.
50. *Tung hua lu*, в Courant, *L'Asie Centrale*, p. 54.
51. Там же, стр. 33-34, 55.
52. Там же, стр. 57. Дата сражения: 29-ой день, 7-ой месяц 1690 (2 сентября).
53. K'ang-hsi сопровождал в этом походе Pere Gerbillion, которому мы обязаны живописными деталями, данными Mailla, XI, 95 *et seq.*
54. *Tung hua lu*, в Courant, *L'Asie Centrale*, pp. 56-63.
55. Deny, "Langues mongoles", в *Langues du monde*, p. 221.
56. Mostaert, "Les noms des clans chez les Mongols Ordos", в "Ordosica", pp. 21 *et seq.*
57. Ср. Courant, *L'Asie Centrale*, pp. 64, 67.

58. Barthold, "Kirgiz", *EI*, p. 1085; Courant, *L'Asie Centrale*, p. 65.
59. Courant, *L'Asie Centrale*, p. 66, согласно *Tung hua lu*.
60. Там же, стр. 68.
61. Ср. Huth, *Geschichte des Buddhismus*, II, 269; Schulemann, *Geschichte des Dalailamas*, pp. 161-170; Rockhill, "The Dalai-Lamas of Lhasa", *TP* (1910), pp. 20-36; Mailla, XI, 216.
62. Courant, *L'Asie Centrale*, p. 77 (согласно *Tung hua lu*); Schulemann, *Geschichte des Dalailamas*, p. 171; Rockhill, "The Dalai-Lamas of Lhasa", *TP* (1910), pp. 38-43; E. Haenisch, "Bruchstücke aus der Geschichte Chinas, I, Die Eroberung von Tibet, aus dem 'Feldzug gegen die Dzungaren'", *TP* (1911), p. 197.
63. Courant, *L'Asie Centrale*, p. 79, согласно *Tung hua lu*.
64. Courant, там же, стр. 84, думает, что это могло быть около 1724.
65. Седьмая луна (Август), 1731.
66. Пятая луна (июнь), лето 1731.
67. Десятая луна (ноябрь), 1731.
68. Восьмая луна, 5-ый день (23 сентября) 1732.
69. Согласно *Tung hua lu*, в Courant, *L'Asie Centrale*, p. 86.
70. *Tung hua lu*, там же, стр. 87-89.
71. Казнь Даржа и восшествие на трон Давая, 1753, перед 5-ой луной (начиная со 2 июня). Courant, *L'Asie Centrale*, p. 99, согласно *Tung hua lu*.
72. *Tung hua lu*, там же, стр. 99-103.
73. Самоубийство Пан-ти, 29 день 8-ой луны 1755 (4 октября), согласно *Tung hua lu*, там же, стр. 105-106.
74. Информация из *Tung hua lu* об этой борьбе, которая приняла форму партизанской и контр-партизанской войн, сопровождавшихся безжалостными репрессивными мерами со стороны китайцев (там же, стр. 106-114).
75. *Tung hua lu*, там же, стр. 137. Ср. Albert Herrmann, *Atlas of China*, Map 67.
76. Пятая и 6-я луны (июнь-июль) 1758.
77. Захват Кашгара китайцами, 6-ая луна (август) 1759. По поводу всех этих событий лучшим источником является *Tun hua lu* в Courant, *L'Asie Centrale*, pp. 115-120.
78. Ср. 'Abd al-Karim Bukhari, пер. Schefer, *Histoire de l'Asie Centrale*, pp. 285, 286.

